А.И. ПУШКАШ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ

Февраль 1937 – сентябрь 1939 г.

Москва
2003

inslav

Российская академия наук
Институт славяноведения

А. И. Пушкаш

Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г.

Москва
2003

inslav

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.С. Стыкалин

кандидат исторических наук П.П. Безушко

Настоящая монография является четвертой в ряду исследований автора, посвященных событиям трех последних лет, предшествующих началу второй мировой войны.

На основе широкого круга литературы и в основном неопубликованных материалов архивных хранилищ России и зарубежных стран в книге освещается внешнеполитическая деятельность правительства Венгрии, в том числе взаимоотношения с Германией, Италией, Польшей и другими странами. В ней охвачен комплекс проблем, связанных со складыванием военных блоков, показано отношение Венгрии к аншлюсу Австрии, Мюнхенскому сговору, 1-му Венскому арбитражу, распаду Чехословакии.

Предлагаемое научное исследование рассчитано на специалистов, преподавателей и интересующихся историей международных отношений.

ISBN 5-7576-0142-6

© Институт славяноведения РАН, 2003

inslav

Введение

Настоящая монография завершает исследование внешней политики Венгрии периода между двумя мировыми войнами*.

Если в первой книге исследуется формирование стратегии хортистов, направленной на пересмотр Трианонского мирного договора в ситуации полной внешнеполитической изоляции проигравшей войну и окромсанной Венгрии, то во второй анализируются материалы, раскрывающие неуверенность шагов правителей в условиях мирового экономического кризиса и начавшегося выхода ее из изоляции (снятие строгого контроля Лиги наций за выполнением мира, подписание договора о дружбе с фашистской Италией, где к этому времени упрочил свою власть диктатор Б. Муссолини).

На международной арене обострилась борьба за рынки сбыта. Возникли различные планы и внешнеполитические комбинации, нацеленные на усиление влияния на Балканах и в Средней Европе. Образованная в начале 1920-х годов Малая Антанта все более сплачивалась против реваншистских устремлений Венгрии, ставившей целью вернуть утраченные в войну территории, которые отошли к Чехословакии, Румынии и Югославии.

Италия была недовольна результатами войны, стремясь также усилить свое влияние в упомянутом выше регионе, прежде всего в Венгрии и Австрии. Франция была заинтересована в сохранении статус-кво, т. е. в существовании перекроенной в ходе мирных Парижских договоров Европы, созданной преимущественно ее усилиями.

Веймарская Германия тем временем освобождалась от пут определенных ей победителями репараций и не проявляла интереса к инициативам Венгрии ревизионистского характера. Последней пришлось до-

---

* См.: *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М., 1981; *Он. же.* Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 – февраль 1934 г. М., 1995; *Он. же.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М., 1996.

inslav

вольствоваться налаживанием отношений с неофициальными реваншистскими, экстремистски настроенными кругами Германии и обращаться к своим противникам времен войны с просьбами о финансовой помощи для выхода из экономического кризиса.

Начало нового, третьего, десятилетия XX в. характеризовалось в Венгрии уходом от власти Иштвана Бетлена, колебаниями во внешней политике правительства Дюлы Каройи и изменением внешнеполитического курса, произведенным пришедшим к власти Дюлой Гёмбёшем. После установления режима нацистов в Германии он поставил своей целью сближение с правительством Адольфа Гитлера, надеялся при его помощи реализовать ревизионистские устремления.

Третья книга посвящена межгосударственным связям Венгрии с февраля 1934 по январь 1937 г. В названные годы продолжалось ее сотрудничество со странами, подписавшими Римские протоколы, она всячески способствовала сближению Италии с Германией, приветствовала складывание оси Рим–Берлин. В этой монографии отражены попытки Венгрии более тесного сплочения с Польшей, рассмотрены ее контакты с Францией, Англией, Советским Союзом, а также с государствами Балканского полуострова и Центральной Европы.

В предлагаемой читателю четвертой книге раскрывается деятельность венгерского дипломатического ведомства на фоне складывания военных блоков в Европе, прослеживаются процессы германо-итальянского сближения, аншлюса Австрии и распада Римских протоколов, анализируются переговоры со странами Малой Антанты, соглашение в Бледе и развал Малой Антанты.

В ней освещено влияние аннексии Австрии Германией на Венгрию и другие страны Средней Европы. Представлены отношения Венгрии с Советским Союзом и Польшей. Особое внимание обращено на ее лихорадочные действия в дни Мюнхена и после него, дальнейшее сближение с Италией и венгеро-германские противоречия.

Именно тогда хортистская дипломатия при поддержке Германии и Италии добилась первых успехов в «приращении» страны. Подробно рассматривается ход венгеро-чехословацких переговоров в Комарно и все, связанное с первым Венским арбитражем.

В настоящей монографии раскрыты венгеро-германские противоречия в карпато-украинском вопросе, сюжет, связанный с уходом Калмана Кани с поста министра иностранных дел (его заменил Иштван Чаки) под давлением Берлина. В результате примиренческой политики хортистов в отношении Германии, присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пак-

inslav

ту она получила по милости канцлера Германии Карпатскую Украину. В книге анализируется эволюция внешнеполитических взглядов Пала Телеки и показываются внешнеполитические устремления Венгрии в дни развязывания второй мировой войны, ее отношения с соседними странами и демократическими государствами Запада.

Исследование внешней политики Венгрии подготовлено на основе изучения широкого круга научной литературы, опубликованной в СССР и современной России, а также в зарубежных странах. Основные исследования, затрагивающие так или иначе Венгрию периода последних предвоенных лет, названы в предыдущих книгах автора. Следует добавить изданные в Институте славяноведения монографию В.К. Волкова «Мюнхенский сговор. Балканские страны» (М., 1978) и сборник исторических очерков «Мюнхен – преддверие войны» (М., 1988).

В настоящей книге, как и в предыдущих, наряду с опубликованными использованы и не издававшиеся воспоминания венгерских и зарубежных политических и государственных деятелей, а также напечатанные, но в научном обороте почти не участвующие дипломатические документы ряда стран, в частности, из второго–четвертого томов публикации документов внешней политики Венгрии.

Поскольку документы венгерского Министерства иностранных дел сохранились не полностью даже в политическом и секретно-политическом отделе, восполнить это удалось за счет тех материалов посольств Венгрии за рубежом, какие ко времени издания указанных томов еще не были завезены в Будапешт и в названное документальное издание не вошли.

Речь идет об архивах миссий в Берлине, Риме, Вене, Афинах, Варшаве, Лондоне, Париже, Москве и др., с которыми в то время Венгрия поддерживала дипломатические отношения. Недостающие документы почерпнуты из Военно-исторического архива в Будапеште, среди них особый интерес представляют донесения военных атташе, а также из Нового центрального архива Венгрии, куда «перекочевала» часть архивных документов в связи с подготовкой мирного договора (1947 г.).

Позиция советского правительства по отношению к Венгрии в конце 1930-х годов освещена как на основе донесений посланника Михая Юнгерта-Арноти, сведений из его дневников, так и записей бесед наркома иностранных дел СССР и его заместителей с представителями Венгрии. Интересные документы сохранились в Варшаве. Это донесения Леона Орловского из Будапешта, материалы о позиции Юзефа Бека и

inslav

руководства Польши в вопросе отношений с Венгрией, дополненные сообщениями Андраша Хори из Варшавы в Будапешт.

Для уточнения достоверности данных различных источников использованы и протоколы заседаний правительства, материалы канцелярии премьер-министра, протоколы парламентских заседаний и др.

Весь этот комплекс проанализированных источников позволяет всесторонне осветить действия, отмеченные лавированием, заигрыванием венгерских руководителей внешнеполитического ведомства и правительства, направленные на достижение основной цели хортистов – возвращение утраченных в первой мировой войне территорий и восстановление Венгрии в так называемых исторических границах. Отчасти, и на короткое время, им это удалось, но ценой больших потерь (среди которых и утрата вновь присоединенных территорий) в результате поражения в войне на стороне гитлеровского блока.

В ходе обсуждения рукописи книги в отделе Института был высказан ряд предложений и замечаний. На трех из них целесообразно остановиться во Введении с намерением облегчить читателям понимание некоторых особенностей архивных ссылок, а также терминологии, используемой автором.

1. В примечаниях указаны шифры тех архивов, в которых автор работал, собирая материал на протяжении многих лет, и существовавшие в то время. (Они не развернуты из-за экономии места в книге.) Эти архивные материалы представляют собой в основном дипломатические документы, содержащие указания, инструкции МИД Венгрии (и соответственно – других государств) своим представителям за рубежом, донесения посланников в МИД своей страны, информацию министра иностранных дел для членов парламентских комиссий по иностранным делам, протоколы переговоров межправительственных делегаций, причем по возможности записи о них с двух сторон (с сопоставлением их), протоколы заседаний венгерского правительства, посвященных проблемам внешней политики, конкретным шагам по ходу событий, как тактического, так и стратегического значения, и другие материалы, касающиеся внешней политики Венгрии. Расшифровка их дана в Списке сокращений.

2. Полемика в тексте с отечественными и зарубежными авторами, так или иначе затрагивавшими исследуемую проблему, обойдена вниманием в том случае, если в их трудах она освещалась поверхностно и недостаточно полно из-за отсутствия в их распоряжении материалов, приводимых в настоящем труде.

inslav

3. Больше всего было высказано замечаний по поводу наименования края, который назван в Сен-Жерменском мирном договоре «землей русин на юге Карпат». Там же были впервые определены (причем произвольно) и границы края. Комитаты (жупы), расположенные западнее реки Уж – Пряшевская Русь (где проживало названное выше население от Ужгорода до Попрада), административно еще до начала 1919 г. оказались в составе Словакии.

По Сен-Жерменскому договору к Чехословакии отошла и восточная часть Закарпатья (от Ужгорода до Ясиня) на условиях будущей автономной единицы, получившей в Конституции ЧСР наименование «Подкарпатская Русь». Проблема принадлежности Пряшевской Руси стала предметом политического спора в Чехословакии всего периода между двумя мировыми войнами.

Некоторые режимы соседних стран того времени, как например Венгрии и Польши, не признавали названия «Подкарпатская Русь», и в своих документах, и особенно в дипломатической переписке, продолжали называть этот край «Карпаталья» – Подкарпатье, в документах Польши Закарпатье упоминалось под названием «Русь».

За многовековой период нахождения края в составе Венгрии не были определены его границы. (Даже в народной республике Венгрии, руководимой Михаем Каройи, когда он получил наименование «Руська Краина», да и в Венгерской Советской Республике, но тогда по иным соображениям – при установлении Всемирной советской республики необходимость в границах отпадет.)

В дипломатических материалах других европейских стран, да и американских пестрит целый букет наименований («Русиния» и множество других, часто переводных).

Б.Й. Желицки, участвуя в дискуссии, подверг сомнению и то название края (Подкарпатье), которое охватывало бы южные и юго-западные его территории, как он выразился, в него нужно включать только гористую часть края. Судя по брошюре Желицкого, недавно изданной на венгерском языке в Будапеште, речь идет о юго-западной территории Карпатской Украины, переданной Венгрии по первому Венскому арбитражу итало-германскими фашистами.

Применительно к исследуемому периоду в книге используются разные наименования края с учетом происходивших изменений: Подкарпатская Русь, Карпатская Русь – Карпатская Украина и Карпатская Украина. Определение «Карпатская Украина» утвердилось официально после первого Венского арбитража в документах и печати того времени, особенно в янва-

inslav

ре–марте 1939 г. В документах архива НКИД СССР употребляется название «Закарпатская Русь», «Закарпатская Украина».

В настоящей монографии использование разных наименований края иногда обусловлено просто стилистическими правилами.

inslav

Глава первая

Венгрия в водовороте складывающихся военных блоков в Европе

1. Германо-итальянское сближение и процесс распада Римских протоколов

В первые месяцы 1937 г. дипломатов в странах Центральной и Юго-Восточной Европе занимала проблема возможного восстановления на австрийском, чешском и венгерском престолах династии Габсбургов. 8 февраля постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии барон Габор Апор информировал венгерского посланника в Риме барона Фридьеша Виллани о намерении Вены реставрировать Габсбургов на австрийском троне. Он поручил ему просить министра иностранных дел Италии, зятя Бенито Муссолини Галеаццо Чиано, отговорить канцлера Австрии Курта Шушнига от осуществления намеченного плана[1]. Апор опасался осложнений, которые могли быть результатом такого шага соседней страны как во внешне-, так и внутриполитической жизни Венгрии.

12 февраля венгерский посланник в Вене барон Лайош Руднаи извещал министра иностранных дел Калмана Каню о предложении германского посла в Австрии Франца фон Папена добиться от Муссолини заявления, содержащего осуждение попытки реставрации Габсбургов[2]. Чиано высказался на следующий день, но в том смысле, что ни о чем подобном Шушниг всерьез и не думает, а Италия против таких планов[3].

14 февраля канцлер Шушниг сделал заявление по внешнеполитическим вопросам, затронув вопрос о Габсбургах таким образом: решение проблемы государственной власти – это исключительно дело австрийского народа. О чем и уведомил К. Каню посланник из Вены[4].

Проблема реставрации Габсбургов в Австрии беспокоила не только правителей Венгрии (прежде всего регента Миклоша Хорти), но и гитле-

inslav

ровское правительство в Германии. Восстановление власти австрийского императора стало бы существенным препятствием на пути нацистских планов присоединения Австрии к Третьей империи. Митинги и демонстрации сторонников реставрации Габсбургов широко отражены в дипломатической переписке ряда государств, в том числе Венгрии и Германии. Она свидетельствует, что обострились австро-германские противоречия, весьма обеспокоен был Будапешт. 20 февраля 1937 г. МИД Венгрии получил сообщение от своего посланника в Берлине Дёме Стояи о неблагополучии в отношениях Германии с Австрией. Гитлеровское руководство разочаровалось в австро-германском соглашении от 11 июля 1936 г. Оно не оправдало надежд германского правительства[5].

Для улаживания дел с Австрией в Вену отправился министр иностранных дел Германии барон Константин Нейрат. Он пробыл там два дня, но ничего не достиг, никакого соглашения подписано не было. По этому поводу венгерский посланник Л. Руднаи отправил в Будапешт сначала шифрограмму, а затем и донесение, в которых сообщал со слов Нейрата: переговоры проходили в духе известного германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г. Министр информировал посланника, что Германия отклонила инициативу президента Чехословакии Эдварда Бенеша на сближение; австрийскому канцлеру Шушнигу он заявил, что реставрация Габсбургов была бы невыносимой для Германии, а в беседе с Ф. фон Папеном подчеркивал, что это «было бы равнозначно самоубийству Австрии»[6].

В то же время в информации, которая по поручению австрийского министерства иностранных дел была передана в МИД Венгрии, утверждалось, что якобы Нейрат категорически не отвергал габсбургскую реставрацию. В ней также сообщалось, что слухи об итало-австрийско-венгерском военном договоре не имеют под собой основания[7].

24 февраля 1937 г. на заседании внешнеполитической комиссии французского парламента обсуждали проблему реставрации Габсбургов. Докладчик считал, что проблема аншлюса или реставрации стала в повестку дня и с международной точки зрения важно, как она произойдет: только в Австрии или одновременно и в Венгрии. Выступавшие в дискуссии подчеркивали, что реставрация в Венгрии повлекла бы за собой ревизионистские претензии к странам Малой Антанты, а это уже международная проблема, касающаяся союзников Франции. Вывод следующий: Третья республика считала возможной реставрацию в Австрии, усматривая в ней противодействие аншлюсу[8].

По поводу реставрации Габсбургов в парижской прессе была поднята шумная кампания. В Италии ее расценили как попытку вбить клин в ита-

inslav

ло-германские отношения и поручили известному фашистскому журналисту Верджинио Гайде опубликовать статью, в которой изложена итальянская позиция против реставрации. В такой ситуации канцлер Австрии Шушниг счел нужным передать венгерскому правительству, что он без предварительных контактов с ним не предпримет инициативы в реставрации Габсбургов[9]. В то же время венгерский посланник информировал К. Каню, что канцлер собственными речами разжигает реставрационные страсти. Излагая свое мнение, дипломат подчеркнул, что восстановление Габсбургов на троне не смогло бы воспрепятствовать аншлюсу, планы же австрийских легитимистов (персональной унии) он считал неприемлемыми для Венгрии из-за Бургенланда[10].

12 марта 1937 г. венгерский посланник при папском престоле в Ватикане Дьёрдь Барца доносил в Будапешт о позиции папства по вопросам аншлюса и реставрации Габсбургов, отметив соблюдение католическими верхами полной таинственности и их сдержанность в разговорах с дипломатами. Он подчеркивал, что аншлюс Австрии был бы во вред Ватикану, который поэтому, естественно, сопротивляется любому стремлению к нему. Внутреннее положение Австрии при Шушниге, т. е. при правлении христианских социалистов, обеспечивало Ватикану более благоприятную возможность влияния, чем при власти Габсбургов, добившихся от католической церкви ряда привилегий[11].

В связи с распространявшимися в мировой печати слухами о возможной реставрации императорской власти в Австрии венгерский посланник в Берлине Д. Стояи в середине марта сообщал в Будапешт, что германский министр иностранных дел К. Нейрат в беседе с ним упомянул о предупреждении канцлера Шушнига – реставрация Габсбургов означала бы для Австрии самоубийство, повлекла бы за собой ввод в страну немецких войск. «Германия занимает вместе с Югославией единую позицию», – заявлял премьер Пруссии Герман Гёринг[12], выступавший против этой реставрации.

Во второй половине марта, да и в апреле в дипломатической переписке продолжал обсуждаться вопрос о реставрации Габсбургов на австрийском и венгерском троне. 10 марта Стояи передавал в Будапешт сведения, полученные из итальянского посольства в Берлине, согласно которым и Англия в последнее время активно действует с целью подготовки прихода к власти императорской династии. Стояи в свою очередь изложил венгерскую точку зрения – реставрация неактуальна[13]. Из Вены в Будапешт по дипломатической линии пришло сообщение об охлаждении итало-австрийских отношений вследствие итало-германского сближения и антиреставрационной статьи Гайды[14].

inslav

Венгерский посланник Янош Веттштейн несколько раз сообщал из Праги, что даже в Чехословакии налицо признаки, свидетельствующие о смягчении сопротивления реставрации, в результате чего Милан Годжа надеется обеспечить австро-чехословацкое сближение[15]. Уже 24 апреля граф Чиано, информируя венгерского посланника о результатах итало-австрийской встречи, высказался совершенно определенно в том смысле, что если бы реставрация была осуществлена, то она обязательно повлекла бы за собой вмешательство Германии и Югославии[16].

Третьего мая премьер-министр Югославии Милан Стоядинович уведомил австрийского посланника в Риме, что Белград по-прежнему самым решительным образом выступает против реставрации[17].

В середине лета 1937 г. Будапешт проинформировали из Вены о решительном намерении Гитлера (о нем стало известно еще весной) ввести войска в Австрию в случае реставрации Габсбургов. Германской армии на этот случай был отдан приказ под кодовым названием «Зондерфал Отто»[18].

На встрече министра иностранных дел Венгрии К. Кани и премьер-министра Калмана Дарани с Г. Гёрингом в Коринхалле (22 ноября 1937 г.) последний сообщил венгерским собеседникам о сведениях, которыми он располагает: «... Имеется план установления тесных связей между Будапештом и Прагой на легитимистской основе. Отто Габсбург стал бы в Австрии императором, а в Чехословакии и Венгрии – королем». Венгры отрицали наличие таких намерений, но, как они отметили в своей записи беседы, «наши попытки успокоить Гёринга не дали никаких результатов»[19].

В ходе этих переговоров прусский премьер уверял венгерских партнеров, что при помощи реставрации Габсбургов Шушниг стремится установить более тесные отношения Австрии, Венгрии и Чехословакии и поэтому аншлюс неизбежен[20].

Аналогичные сообщения в начале декабря поступили в Будапешт и от посланника из Праги. Посланник же в Варшаве, ссылаясь на французский источник, утверждал, что в Западной Европе многие уже свыклись с мыслью о реставрации и рассматривают ее как последний способ слома оси Берлин–Рим[21].

Венгерское правительство не было воодушевлено таким развитием событий. С Австрией оно было связано Римскими протоколами и довольно тесными контактами в области экономики. К этому времени Шушниг уже мало надежды возлагал на помощь Италии и Венгрии в своем сопротивлении гитлеровскому давлению, начав поиски иных путей и желая обрести поддержку Франции и Чехословакии. Однако он стре-

inslav

мился избежать антигерманской ее направленности и склонялся к реставрации Габсбургов, опираясь на легитимистское движение, которое не смогло стать преобладающим в Австрии.

Хортисты продолжали лелеять мечту об удовлетворении своих территориальных претензий к странам Малой Антанты при помощи Германии и Италии, и сами свыклись с идеей неизбежности аншлюса Австрии, вызывавшего у них не меньшую тревогу из-за прямого соседства с экспансивной гитлеровской Германией, чем реставрация, означавшая отстранение их от власти.

В этой ситуации венгерскую дипломатию беспокоило новое обострение германо-австрийских противоречий весной 1937 г. Как следует из дипломатических документов венгерского МИД, ее огорчала и безрезультатность визита германского министра иностранных дел К. Нейрата в Вену, поскольку он не способствовал смягчению напряженности в австро-германских отношениях[22].

Еще 20 февраля венгерский посланник в Берлине Д. Стояи сообщал министру иностранных дел К. Кане, что германский МИД считает неблагоприятными немецко-австрийские отношения, поскольку соглашение от 11 июля 1936 г. не оправдало немецкие надежды, и визит Нейрата в Вену не рассчитан на существенный успех. И в действительности была создана малозначительная совместная германо-австрийская комиссия в области культуры, и Нейрат вновь получил заверения австрийских руководителей ввести в состав правительства национал-социалистов.

Положение в Европе было настолько сложным и противоречивым, что в середине марта Чиано информировал венгерского посланника в Риме Ф. Виллани о поисках югославских правящих кругов гарантий против Германии путем создания линии Рим–Белград–Будапешт. Но поскольку тогда же велись итало-югославские переговоры, посланник напомнил министру о пожеланиях К. Кани, чтобы венгеро-югославский договор предшествовал итало-югославскому, или оба были бы подписаны одновременно. Ибо, рассуждал Виллани, если соглашение между Югославией и Италией было бы заключено раньше, то договоренность с Венгрией для югославов не имела бы уже важного значения и стала бы вообще невозможной. Чиано пытался успокоить собеседника тем, что стремление итальянского правительства побыстрее заключить соглашение с Югославией имеет целью отвлечь ее от контактов с Францией и ослабить Малую Антанту. Для большей убедительности итальянский представитель заявил, что «первостепенной задачей Италии является развал Малой Антанты», а это и в интересах Венгрии. Кроме того, Чиано рисовал перспекти-

inslav

ву: в Белграде значительно уменьшится влияние Франции, Чехословакии и Румынии, а воздействие Италии станет столь велико, что легко будет проложен путь для венгеро-югославского сближения. Однако эти перспективы не смогли переубедить венгерскую сторону, и в донесении К. Кане Виллани объяснял стремление Чиано быстрее заключить соглашение с Югославией его боязнью, что Франция и два других государства Малой Антанты могут помешать этому.

Пока Италия форсировала сближение с Югославией и настойчиво рекомендовала Венгрии идти этим же путем, в дипломатических документах фиксировалось некоторое охлаждение в итало-австрийских отношениях, что в донесении венгерского посланника в Вене (со слов итальянского посланника в Австрии Франческо Салаты) (9 апреля 1937 г.) между прочим, объяснялось итало-германским сближением[23]. Другой венгерский посланник в Риме, Виллани два дня спустя указывал причину оттяжки и визита Шушнига в Италию, видя ее в утрате со стороны последней прежнего интереса к Австрии, и выразил мнение, согласно которому Италия вряд ли вновь прибегнет к военной демонстрации в ее защиту[24].

Дипломатическая переписка наполнена многочисленными внешнеполитическими комбинациями того времени. Венгерский посланник в Варшаве Андраш Хори с 15 по 20 апреля направил в Будапешт четыре шифрограммы о переговорах с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком, между прочим сообщая, что западные страны вновь останавливаются на комбинации сближения Австрии с Чехословакией, к которым присоединилась бы и Венгрия[25].

Этими сведениями он не удивил венгерское внешнеполитическое ведомство. Из Москвы посланник Михай Юнгерт-Арноти писал, что еще 20 марта он обратил внимание на информацию, опубликованную в передовой статье газеты «Известия». В ней утверждалось: в период посещения Шушнигом Будапешта возникла идея оси Вена–Будапешт–Прага[26].

15 марта (т. е. за четыре дня до статьи в «Известиях») тот же Юнгерт доносил в Будапешт о беседе с находившимся в Москве советским полпредом в Риме Борисом Ефимовичем Штейном, который высказал венгерскому посланнику мнение, что Италия в своих отношениях с Германией утратила внешнеполитическую самостоятельность, что Муссолини полностью уступил Австрию немецкому влиянию. Посланник упоминал и о беседе с заместителем наркома иностранных дел Борисом Спиридоновичем Стомоняковым, который тоже утверждал, что Италия вынуждена уступить Германии свои позиции в Центральной Европе, особенно в Австрии, которая будет первой, кого Муссолини принесет в жертву дружбе с Германией[27].

inslav

Данная информация была достоверной, назревал поворот в политике Италии в отношении Австрии. Но Венгрия пока скрывала ее от Шушнига и в период (многократно откладывавшейся) его встречи с Б. Муссолини, состоявшейся в Венеции 22–23 апреля 1937 г.

Венгерского посланника в Вене Л. Руднаи информировал о встрече сразу после ее окончания государственный секретарь австрийского МИД Гуидо Шмидт. Сказанное им свидетельствует о том, что Шмидт верил Муссолини, или не хотел расстраивать партнера по Римским протоколам, когда сообщал: «Непременной основой его политики является самостоятельность Австрии по отношению к Германии». И продолжал: поскольку Англия и Франция пытаются изолировать Италию, появилась необходимость тесного германо-итальянского сближения, хотя эти две страны – несмотря на общность их идеологий – и разделяют такие моменты, как, например, религия. И вдобавок строго секретно сообщил, что граф Чиано заметил: трудно быть в дружеских отношениях с Германией. Муссолини в свою очередь с благодарностью воспринял заявление Шушнига о его верности позиции поддержки Римских протоколов и немецко-австрийского соглашения.

С Югославией Италия строит экономические отношения по той же системе, что и с Венгрией, и Австрией. Дуче пообещал, по просьбе канцлера Шушнига, постоянно информировать Будапешт и Вену о ходе переговоров с Югославией. На вопрос Муссолини Шмидт ответил, что «венгеро-австрийская дружба проявляет тенденцию к подъему»[28].

Венгерский посланник в Риме получил информацию от Чиано, т. е. от министра иностранных дел другой стороны, участвовавшей в переговорах в Венеции. Тот утверждал, что в итало-австрийских отношениях не произошло перемен: «Австрии, как федеративному немецкому государству независимость обеспечена», что Австрия на стороне оси Рим–Берлин добросовестно и полностью выполняет соглашение от 11 июля и стремится поддерживать с империей самые лучшие отношения.

В то же время Австрия продолжает развивать хозяйственные связи с Чехословакией, но «не пойдет на сближение с линией Париж–Прага–Москва»[29].

С целью развеять плохое впечатление от диалога в Венеции, созданное печатью, подчеркивавшей охлаждение в итало-австрийских отношениях, встреча внешне была обставлена помпезно.

27 апреля Руднаи доносил в Будапешт из Вены об общественном мнении, констатируя наличие в нем антиитальянских настроений и убежденности, что встреча в Венеции не сопровождалась тем успехом, который пытается изобразить здешнее правительство.

inslav

Некоторую ясность в действительное положение дел в итало-австрийских отношениях внесло донесение венгерского посланника из Берлина от 28 апреля. В этот день Д. Стояи посетил барона К. Нейрата. По мнению германского министра иностранных дел, встреча в Венеции могла несколько разочаровать Шушнига, ибо Муссолини довольно решительно выразил мнение, согласно которому канцлер должен предоставить место в правительстве австрийским национал-социалистам. Нейрат утверждал, что такой шаг Муссолини не инспирировали из Берлина (это скорее всего мог сделать Чиано), хотя там и «полностью разделяют его».

Стояи в ходе беседы напомнил Нейрату о позиции своего шефа К. Кани, изложенной им и в Риме и заключающейся в том, что он представляет себе упорядочение в Дунайском бассейне не иначе, как во взаимопонимании с Германией, и Римские протоколы, по его мнению, должны быть открытыми прежде всего для Берлина. Посланник напомнил, что Германия не желает решения проблемы Дунайского бассейна путем создания блока, а полагает необходимым налаживание своих отношений с каждой отдельно взятой страной, в том числе и с Малой Антантой, когда трудится над ее ослаблением.

В вопросе о присоединении к Римским протоколам Нейрат сохранял сдержанность. Германия всеми силами стремится упрочить ось Берлин–Рим, и к ней, особенно к Германии, желает присоединить такие страны, как Венгрия, Австрия, Югославия, Болгария и, может быть, и Румынию, а по возможности и Польшу. Стояи делает вывод, что Германия не хочет вступить четвертой в такую группу, которая образована без нее.

Нейрату явно по душе пришлось замечание венгерского посланника о том, что, по его наблюдению, ось Берлин–Рим становится стальной, и германский министр добавил: общие интересы делают это неизбежным, а вес оси перемещается в сторону Берлина.

По австрийскому вопросу Стояи передал своему МИД такое мнение: «Муссолини в известной мере уступил Берлину»[30].

Более определенно высказался в своем донесении из Праги венгерский посланник Я. Веттштейн 28 апреля. Опубликованное в столице Чехословакии коммюнике (о встрече в Венеции) вызвало большое замешательство. «Здесь не считали ось Берлин–Рим достаточно прочной и даже не уверены, что в случае столкновения австрийских и немецких интересов Муссолини станет на сторону Берлина, а не Вены»[31], – писал дипломат.

Посланник Венгрии в Югославии Валдемар Алт сообщал в своем донесении в Будапешт о выводах белградских политических кругов, согласно которым Италии удалось не только удержать Австрию от возможной

inslav

новой самостоятельной политики, новой ориентации, но и окончательно включить ее в ось Рим–Берлин. В этом же документе обращено внимание на отсутствие в коммюнике упоминания о независимости Австрии и на то, что в нем допускалась возможность увеличения влияния Германии на Вену, а в результате и трений между двумя странами[32].

В такой ситуации, по настоятельному пожеланию Б. Муссолини, Рим посетил германский министр иностранных дел К. Нейрат. Как сообщил в Будапешт нанесший ему визит венгерский посланник Ф. Виллани, его собеседник считал полезным для государственных деятелей как можно чаще встречаться, «когда Европа бурлит», и обмениваться мнениями об общем положении. Немецкий министр говорил, что сотрудничество между Германией и Италией полное, жаловался на невыполнение Австрией положений договора от 11 июля 1936 г. Он информировал Виллани и о беседе со Стояи перед отъездом в Рим, об имевшем место в Югославии и Румынии влиянии со стороны Англии и Франции, которые удерживали эти страны от сближения с Венгрией. В Бухаресте приходится считаться и с влиянием Советского Союза[33].

С целью узнать как можно больше об итало-германской встрече Виллани 8 мая посетил Чиано. Итальянский министр был весьма доволен результатами переговоров с Нейратом, свидетельствовавшими о полном взаимопонимании и сотрудничестве между Италией и Германией, что распространяется и на Дунайский бассейн, в том числе и Венгрию.

Рим и Берлин считают полезным соглашение Венгрии с Югославией, но они не будут вступать в договорные отношения с Румынией (пока она не поладит с Венгрией), хотя и заинтересованы в сближении с ней, нуждаются в ее сырье[34].

Венгрия всячески добивалась того, чтобы Италия пропустила ее вперед в налаживании отношений с Югославией, но та не посчиталась с ее интересами.

Седьмого мая Алт из Белграда обратил внимание своего руководства на изменившееся положение после подписания югославо-итальянского соглашения. Венгрия еще недавно искренне дружила с Германией, и Дюла Гёмбёш был страстным сторонником оси Берлин–Рим, приписывая собственным стараниям встречу Муссолини с Гитлером. Однако новая ситуация вызвала у венгерского руководства чувство неуверенности и поэтому было понятно стремление Вены и Пешта к более тесному взаимосотрудничеству, но не отдаляясь от оси Берлин–Рим. Одновременно венгерский посланник выражал уверенность в невозможности подорвать единство Малой Антанты[35].

inslav

10 мая на встрече в Лондоне с государственным секретарем Форин офис Робертом Ванситтартом руководитель внешнеполитического ведомства Венгрии К. Каня изложил свою позицию, заявив, что «наши требования» – равноправие, вопрос о меньшинствах, без удовлетворения которых не может быть нормальных отношений между Венгрией и Малой Антантой. Хотя Венгрия и ее соседи вели переговоры, и у нее имелись добрые намерения, но некоторое улучшение отношений наблюдалось только с Югославией. В то же время как Бухарест, так и Белград официально заявили о невозможности сближения с Венгрией в настоящее время. По мнению Кани, на Румынию и Югославию оказали влияние Франция, Россия и Чехословакия. Несомненно, продолжал он, нормализация отношений между Венгрией и странами Малой Антанты произойдет только в далеком будущем, если вообще она состоится, а «до тех пор при любых обстоятельствах будем поддерживать хорошие отношения с Италией и Германией, т. е. с теми двумя великими державами, которые проявляют интерес к положению Венгрии»[36].

Запись этой беседы составлена К. Каней. В ней, в частности, отмечалось, что Р. Ванситтарт, принимая во внимание вышеизложенное, решительно заявил: разумеется, Англия не против намерения Венгрии и в будущем поддерживать хорошие отношения «с двумя своими великими протекторами», у нее единственный интерес и стремление – дальнейшее сохранение дунайскими странами государственной независимости.

В конце беседы венгерский министр напомнил Р. Ванситтарту о своей предстоящей встрече с графом Чиано, а, может быть, и бароном Нейратом и пообещал «с большой радостью сообщить им», что в Англии он встретил весьма умиротворенное настроение[37].

В таком же духе К. Каня вел разговор и с Антони Иденом, министром иностранных дел Великобритании, встретившись с ним 13 мая. Иден рассказал о господствовавшем в его стране представлении, согласно которому Италия настолько связана в Африке и Испании, что уже не может, как прежде, заниматься Австрией, вследствие чего в Дунайском бассейне возросли шансы Германии.

Иден выразил уверенность в том, что Каня сделал бы полезное дело «если бы передал Чиано официальную позицию Англии и дал бы ему понять, что английская политика не руководствуется ненавистью к Италии»[38].

Обе эти беседы состоялись в дни коронации английского короля Георга VI. В связи с ней в Лондоне находился и государственный секретарь по внешним делам Австрии Г. Шмидт, который, возвращаясь, сде-

inslav

лал остановку в Париже с целью проинформировать соответствующие круги о положении в Австрии и ее политике. Как он сообщил венгерскому посланнику во Франции Шандору Куэну-Хедервари, основной его задачей было сообщить, что австрийское правительство придерживается прежней политики, в том числе Римских протоколов и июльского германо-австрийского соглашения. Он разъяснял, что Вена не может продолжать антинемецкую политику и просил французское правительство отказаться от декларации о независимости Австрии (если у него или, может быть, у правительства Англии есть такие намерения), ибо этим они только навредили бы его стране[39]. Шифрограмма об этом поступила в Будапешт из Парижа 20 мая.

На следующий день граф Г. Чиано уже вел переговоры в столице Венгрии. С венгерской стороны присутствовали министр иностранных дел и премьер-министр К. Дарани. Сохранилась запись об этой беседе, сделанная К. Каней. Поднят был целый ряд вопросов, в том числе о Югославии, Румынии, Австрии, Германии, Франции, Англии, Испании, в основном отражавших позицию Италии тех дней.

Чиано заявил, что у Рима нет противоречий с Бухарестом, а родственность двух народов предполагает сближение их. Но несмотря на это Италия не вступит с Румынией в договорные отношения, пока последняя не достигнет соглашения с Венгрией.

Каня сообщил о безрезультатности обмена мнениями с Бухарестом и добавил о своем впечатлении, что понадобится немало времени для достижения венгеро-румынского сближения. На что Чиано подчеркнуто заявил, что не поведет переговоры с Бухарестом «пока я (Каня. – *А. П.*) не заявлю ему, что итало-румынское сближение считаю желательным», как записал К. Каня.

О Чехословакии итальянский министр иностранных дел высказался крайне нелестно. Италия соглашения с ней не ищет, и Рим полностью становится в отношении Праги на известную немецкую позицию.

Затрагивая Австрию, Чиано долго и в деталях рассуждал: Муссолини никогда серьезно не думал о реставрации, ее идея принадлежала госсекретарю МИД Италии Фулвио Сувичу. Он высказал убеждение, что рано или поздно аншлюс произойдет. На замечание Кани, располагавшего сведениями о полученном Шушнигом в Венеции заверении со стороны Муссолини, что сохранение независимости Австрии явится и в дальнейшем основным принципом итальянской политики, Чиано не возразил, но добавил, что Италия в будущем не будет с оружием в руках бороться за австрийскую независимость. По поводу другого мнения Кани – у него сложилось

inslav

впечатление, будто для внешнего мира еще и нет, но внутренне Италия уже отказалась от Австрии – «Чиано не очень протестовал». «Только вечером, – продолжал Каня в своей записи, – (после обеда у регента) в течение часа он внушал мне, что я не правильно понял сказанное им в отношении Австрии, ибо Италия продолжит уделять большое внимание ее независимости». Но он тут же перечислил условия, при которых произошла бы перемена в ее политике, среди которых – если бы Австрия во внешней политике попыталась опереться на ось Париж–Прага–Москва.

Так постепенно венгерскому союзнику Италии по Римским протоколам становилось ясно, что Муссолини ради упрочения союза с гитлеровской Германией пожертвовал Австрией.

Во время беседы Чиано очень тепло говорил о германо-итальянских отношениях. На вопрос Кани, рассчитан ли этот союз на длительный период, Чиано ответил положительно. Однако он отметил, что не верит в возможность скорого англо-немецкого сближения, серьезное же улучшение франко-германских отношений исключено. Итало-французские отношения, пока в Париже у власти сторонники Леона Блюма, не улучшатся, а итало-английские неизменно плохие. Когда Каня ознакомил Чиано с содержанием своих бесед в Лондоне с Ванситтартом и Иденом, тот заявил, что Муссолини презирает англичан и относится к ним с большим недоверием.

Подводя итог обмена мнениями по проблеме гражданской войны в Испании, Каня записал: «Италия настолько заангажировала себя в этом вопросе и получила от Франциско Франко столь важные обещания, что вряд ли она будет склонна уйти из Испании до обеспечения его победы.

В ходе беседы Чиано задал Кане вопрос, соответствуют ли действительности циркулирующие слухи об ухудшении венгеро-германских отношений. Венгерский министр ответил: определенные статьи (Розенберга в «Фёлкишер Беобахтер» и нападки на Венгрию в специальных изданиях по национальным проблемам) «произвели здесь плохое впечатление», но несмотря на это венгеро-германские отношения неизменно хороши. Тон немецкой печати в отношении Венгрии вновь стал дружественным, сотрудничество военных кругов весьма тесным.

Когда К. Каня упомянул о все более проявляющихся контурах «антинемецкого сотрудничества между тремя так называемыми великими западными демократиями», Чиано указал на возможность «кооперации Германии, Италии и Японии»[40].

Так министры иностранных дел двух стран – участниц Римских протоколов уясняли для себя идеи военных союзов на случай использования в международных отношениях силовых методов.

inslav

После этой встречи дипломатическая переписка последующих трех недель была заполнена материалами об Австрии, причем шло подтверждение сведений, которыми венгерский МИД уже располагал. 28 мая венгерский посланник в Вене Л. Руднаи рекомендовал своему правительству, если Германия проявит активность против Австрии, быть заранее подготовленным вести дипломатические маневры, не допустить порабощения Австрии, а добиваться ее раздела, и в результате – восстановления западных венгерских границ (т. е. вернуть Венгрии Бургенланд)[41].

Седьмого июня 1937 г. министр иностранных дел Германии К. Нейрат отправился в поездку в Белград, Софию, Будапешт. Венгерский посланник в Белграде в связи с ней направил 9 июня в Будапешт три шифрограммы. Цель этой поездки была определена в первую очередь как «открытая манифестация дружественных сербско-немецких отношений и их упрочение» и главным образом расстановка акцентов на то, что в Дунайском бассейне и Юго-Восточной Европе Германия выступает как заинтересованная сторона и без нее не может произойти урегулирование территориальных проблем. Данную цель в качестве главной обозначил Нейрат и в беседе с венгерским посланником. Но она имела и оборотную сторону медали – противовес англо-французскому влиянию. По словам Нейрата, это стало необходимым, ибо в последнее время не только Франция, но и Англия с повышенным вниманием следят за Дунайскими странами; германских правителей заставил погрузиться в раздумье и теплый прием, оказанный в Лондоне и Париже австрийскому государственному секретарю иностранных дел; кроме того, они намеревались уравновесить давление на принца Павла со стороны Франции и Англии.

В ходе беседы Нейрат, изложив свое известное представление о венгерских ревизионистских претензиях, подчеркивал, что нельзя вести борьбу за их осуществление одновременно в трех направлениях и поэтому венграм нужно действовать только против Чехословакии. Он также сообщил посланнику, что обсудил венгеро-югославские отношения с министром иностранных дел Югославии и пришел к убеждению: в Белграде существует склонность к сближению с Венгрией[42].

Каня принял это заявление с известной долей скептицизма. Со стороны правительств стран оси Берлин–Рим это было не первое предложение Венгрии идти на сближение с Югославией. Еще 8 апреля МИД Венгрии подготовил записку (и направил посланнику в Риме Ф. Виллани) об оценке тех шагов, что были предприняты им перед М. Стояниновичем в интересах венгеро-югославского сближения. 20 марта К. Каня передал Стояниновичу через посланника в Белграде В. Алта проект дек-

inslav

ларации и меморандум, содержавший основные пожелания венгерского национального меньшинства, с просьбой сделать совместное публичное заявление в отношении его судьбы. По этому поводу 23 марта Алт посетил Стояниновича, который первоначально назвал полученные документы «большим шагом вперед», и склонялся сделать жест в адрес венгерского национального меньшинства.

31 марта Алт вновь посетил Стояниновича, которого на этот раз как будто подменили (видимо, полагал венгерский дипломат, в связи с успешными переговорами с Чиано 25 марта). Югославский премьер-министр заявил, что декларация не содержит больше того, что взяла на себя Венгрия по пакту Келлога. Но несмотря на это он желает вести дружественную политику в отношении этой страны, ибо «и Югославия, как и Венгрия находится в дружественных отношениях с Германией и Италией».

После этого Каня дал указание Алту не форсировать дело, так как видно, что намерение продвинуть его хотя бы на шаг оказалось преждевременным. «Поэтому планирую продолжить прежнюю дружественную политику и подожду созревания обстоятельств для соглашения в понимании нашего предложения», – писал Каня. Он также заметил, что после беседы Алта со Стояниновичем дал своему подчиненному указание систематически кратко информировать о переговорах со Стояниновичем итальянского посланника в Белграде[43].

В эту тайную дипломатическую игру были посвящены и в Берлине. В частности, 5 мая Виллани доносил К. Кане в Будапешт о том, что Стояи перед поездкой Нейрата информировал его о состоянии сближения с двумя странами Малой Антанты. По мнению германского министра, позиция Стояниновича не столь прочна, хотя его и поддерживает принц-регент Павел, чтобы премьер-министр мог договориться с Венгрией. Кроме того, и Югославия испытывала давление со стороны Франции, Англии и двух других стран Малой Антанты, однако оно было меньшим, чем в Румынии, где уступка министра иностранных дел Виктора Антонеску осуществлена главным образом под нажимом двух великих западных держав с целью удержать ее от сближения с Венгрией и особенно с III Империей и Италией. В Румынии Германии приходилось считаться и с советским влиянием, «причем немцы не гонялись за румынами, если они хотят броситься в объятия Москвы, которая их проглотит».

В частности, Германия готова была пойти на соглашение с Румынией только после того, как она упорядочит свои отношения с Венгрией. Виллани также на основе инструкции из Будапешта ответил Нейрату, что его страна готова идти на соглашение, но партнеры даже не хотят вести переговоры.

inslav

Затем Нейрат стал упрекать Чехословакию, которая сейчас готова возводить мост в сторону Берлина, Однако, заявил министр, «уже поздно». Политика Э. Бенеша, по его мнению, уничтожила Чехословацкую республику: «Бенеш вновь стучался в Берлин, но его решительно отвергли»[44].

Рим и Берлин, писал венгерский посланник Виллани, придают большое значение достижению соглашения Венгрии с Югославией и верят в его возможность, если Стояданович, который к венграм относится хорошо, останется у власти.

И здесь была повторена мысль: ни Италия, ни Германия не договорятся с Румынией прежде чем Бухарест и Будапешт не достигнут соглашения; пока Венгрия «не сообщит: все в порядке, ничего не стоит на пути установления румыно-итальянского соглашения[45].

В ходе своего турне по Центральной и Юго-Восточной Европе К. Нейрат 11 июня прибыл в Будапешт и в тот же день вечером провел двухчасовую беседу с главой венгерского МИД, с которым беседовал и утром 12 июня, встретившись также и с премьер-министром К. Дарани. Об этих встречах сохранились записи с двух сторон, составленные министрами иностранных дел К. Нейратом и К. Каней. Если их сопоставить, то заметим, что в них почти все вопросы трактуются по-разному.

«В связи с поездкой в Белград Каня сначала встретил меня с определенным недоверием. Но другого и нельзя было ожидать», – писал Нейрат. Каня упрекал немецкого министра за его поездку и югославо-итальянское соглашение, «нами протежированное» (оно пробудило в югославах типичную манию величия). Поэтому сейчас Югославия еще меньше чем прежде склонна выполнить венгерские пожелания в отношении национального меньшинства и др. Ответственность за это Каня возложил на Италию и Германию. Нейрат в ответ сообщил о готовности Стояниновича автономно удовлетворить венгерские пожелания. В ходе беседы Каня сообщил Нейрату, что 27 апреля 1937 г. страны Малой Антанты на конференции в Белграде в духе итало-югославского соглашения приняли под давлением чехословацкого и румынского министров иностранных дел решение, согласно которому подобное соглашение с Венгрией Югославия может заключить только на основе обсуждения и согласия трех стран Малой Антанты. Германский министр заявил о том, что он об этом не знал и этим фактом объяснял ответ Стояниновича об «автономном удовлетворении», когда он настаивал на непосредственных переговорах с венграми.

И когда Каня продолжил свои упреки в адрес Германии за ее хорошие отношения с Югославией и доверительные контакты с Италией,

inslav

Нейрат напомнил ему, что он, Каня, был тем человеком, который давно торопил его с установлением более тесных связей с Италией. А когда это произошло, то именно от него он получает за это упреки. Нейрат подчеркнул, что человек, «более широкого кругозора и более спокойный Дарани», не присоединился к критическому замечанию Кани.

Нейрат в своей записи беседы утверждает, что венгерский коллега пытался оказать на него влияние, сообщая различные варианты сближения Венгрии с Чехословакией и Румынией, но германский министр заявил, что такое сближение освободило бы его от необходимости постоянно учитывать многочисленные пожелания венгерской стороны.

При обсуждении положения дел в Австрии, Нейрат выразил недовольство Германии поведением канцлера К. Шушнига, поскольку тот не выполняет соглашения от 11 июля, что не может долго продолжаться. Когда Дарани спросил, чем можно помочь, Нейрат порекомендовал оказать влияние на Вену с целью все это исправить.

Если К. Каня в своей записи большое внимание уделил немецкому национальному меньшинству с изложением жалоб на пропаганду туристами пангерманских идей в Венгрии, то Нейрат отмахнулся от этого вопроса, посвятив ему всего один абзац. Он часто заявлял: Германия пангерманской пропаганды не ведет. Судя по записи К. Кани, барон рассказал ему о своей поездке в Белград примерно так же, как посланнику В. Алту в Белграде. Одним из главных мотивов в его рассказе было опасение, с каким берлинское правительство следит за развитием событий в Австрии; она не выполняет взятые на себя обязательства и ввод немецких войск становится вполне вероятным. И на такой случай Берлин желал обеспечить нейтралитет Югославии, что удалось в полной мере.

Нейрат поведал венгерской стороне также о беседе со Стоядиновичем, затрагивавшей венгеро-югославские отношения, и повторил сказанное им Алту: в случае полного примирения с Венгрией Югославия немедленно отказалась бы от связей с Чехословакией.

Каня в ответ заявил, что недоверяет Стоядиновичу, поскольку он установил, что тот несколько раз говорил неправду как ему, так и своим союзникам. Рим и Берлин фактически ухаживают за Белградом, и для последнего ценность дружбы с Венгрией значительно уменьшилась. В результате венгры вынуждены будут вести переговоры со всеми тремя странами Малой Антанты. Но в обмен на признание за ней равноправия на вооружение Венгрия будет вынуждена подписать договор о ненападении прежде всего с Прагой и Бухарестом. Как только Каня упоминал договор о ненападении, барон Нейрат всегда говорил: «Ich bitte, tun Sie das nicht» («Прошу, не делайте этого»).

inslav

Каню интересовало, существует ли немецко-югославское соглашение, о чем многие говорили. Нейрат отвечал отрицательно. И когда венгерский министр назойливо продолжал: а все-таки существует ли какое-то джентльменское соглашение, в смысле, что ни одна из сторон не примет участия в комбинации, направленной против другой, барон не ответил[46].

В ходе этого, в общей сложности четырехчасового диалога, собеседники обсудили отношение обеих стран к Чехословакии, Румынии, Болгарии, Польше, Италии, Испании, Англии, а также внутреннюю политику Германии.

Стоядинович передал Нейрату меморандум Бенеша, содержавший условия немецко-чешского примирения; министр иностранных дел Германии просил сообщить чехословацкому министру, что на эту памятную записку ответа он не получит.

О Румынии германский министр говорил тоже немного, изложив только сказанное графом Чиано во время последнего посещения Рима: Муссолини сближение с Румынией поставил в зависимость от Будапешта, Нойрат занял аналогичную позицию. Тогда Каня со своей стороны сообщил немецкому коллеге: в мае, когда Чиано был в Будапеште, он по крайней мере трижды подчеркивал, что с Румынией начнет переговоры о сближении только если «я дам знак об их желательности».

Визит в Софию Нейрата носил характер вежливости и преследовал цель (и Стоядинович просил его об этом) способствовать поднятию престижа Болгарии.

«Отношения Германии с Польшей, что чувствовалось из слов Нейрата, – писал Каня, – не столь хороши, как были год–два тому назад». Но германский министр выразил надежду, что линия внешней политики Польши не изменится пока министром иностранных дел будет Бек.

По мнению К. Кани, имперский министр не отрицал свою готовность договориться с Англией, но о такой возможности высказался скептически[47].

Советский полпред в Будапеште А.А. Бекзадян внимательно следил за турне руководителя МИД Германии, особенно его пребыванием в Венгрии. Официальный визит Нейрата, писал он, рассматривается здесь как яркое доказательство укрепления внешнеполитических позиций Венгрии и важности выпадающей ей роли в решении судьбы Европы, в первую очередь Дунайского бассейна. Лейтмотивом всей прессы является то, что Венгрия теперь уже не одинока и не слаба, а имеет мощных покровителей в лице Берлина и Рима. Венгерские издания «Пешти хирлап» и «Пестер Ллойд» восхваляли визит Нейрата, как отражавший общность интересов двух народов, и утверждали, что его турне в Белград, Софию и Будапешт свидетельствует о «мирной политике Германии»[48].

inslav

Все лето и начало осени 1937 г. венгерские дипломаты в центре и дипломатических представительствах за рубежом были заняты думами о предстоящем аншлюсе, о судьбе Римских протоколов. Для Италии сговор с гитлеровской Германией был свершившимся фактом. Но в документах все еще встречаемся с попытками фашистского Рима удержать Будапешт под своим влиянием.

Итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико в беседе со Стояи подбросил мысль, что аншлюс был бы неблагоприятным с точки зрения интересов Венгрии[49].

Одновременно начался фактический распад Римских протоколов, причем не только по линии Рим–Вена, но и Рим–Будапешт. Ведь протоколы содержали не только политические, но и экономические взаимообязательства, от которых на этот раз в одностороннем порядке отказывалась Италия. 29 июля в беседе с итальянским посланником в Будапеште Луиджи Винчи венгерский министр иностранных дел К. Каня оценил решение римского правительства об упразднении так называемой экономической системы Брокки (о ней шла речь в предыдущей книге)*, как способствующее ухудшению экономического и политического положения Венгрии. Причем, свое недовольство К. Каня скрывал в такой формулировке: в данном решении противники Венгрии увидят ослабление Римского пакта. И венгерская сторона вынуждена была удовлетвориться объяснением, данным графом Чиано венгерскому посланнику Ф. Виллани, что ответное письмо Муссолини правительству Венгрии не могло быть удовлетворительным. Якобы исключительно финансовые трудности заставили Рим упразднить предоставленные Будапешту валютные льготы, но это не означает уменьшения итальянских дружеских чувств[50].

Поскольку эти меры были приняты и в отношении Австрии, то, по мнению Теодора Хорнбостела, начальника внешнеполитического ведомства австрийского канцлера, Италия сделала это под давлением Германии[51].

На деле начался процесс внешнеполитической изоляции Австрии и дипломатической подготовки ее аннексии. Правда, 16 сентября в Женеве в своей беседе Шмидт и Каня договорились сохранить и впредь статьи соглашения, подписанного в Земмеринге, относящиеся к австро-венгерским связям.

---

* Итало-венгерское экономическое соглашение. Вступило в силу 1 сентября 1932 г. и вошло составной частью в Римские протоколы. Оно предоставляло Венгрии значительные экспортные льготы.

inslav

Но события продолжали развиваться не в пользу Австрии. 24 сентября Муссолини, Чиано и генерал Пьетро Бадольо нанесли визит в Германию. О его результатах Венгрия оставалась в неведении до 2 октября, пока руководитель политического отдела германского МИД барон Эрнст Вайцзеккер не принял посланника Стояи и не сообщил об этой встрече в том смысле, что Муссолини и Гитлер ломали голову в основном над тем, как бы «сохранить и обеспечить мир». Он особо указал на то, что не было и речи о создании блока или заключении договора, а ось Берлин–Рим в ходе визита упрочилась и якобы она не была направлена против других государств. По австрийскому вопросу договорились, что не допустят осуществления стремлений (с какой стороны они бы не шли) использовать Австрию против участвующих в переговорах сторон.

На Средиземном море Германия полностью уступила первенство Италии, заявив, что не хочет участвовать там ни в каких контрольных службах.

Стояи, описывая внешнюю сторону приема итальянцев в Германии, добавил, что Гитлер, показывая военную силу и дисциплинированность войск, хотел подготовить почву для установления хороших личных отношений. Но он тут же высказался и о закравшемся у него сомнении. «Как бы оба вождя ни подчеркивали вечную верность друг другу... нельзя себе представить, что зародыш недоверия не содержался уже в горячих дружеских объятиях»[52].

Эти вопросы интересовали правителей Венгрии прежде всего и потому, что к этому времени и новое правительство К. Дарани, как заявил сам премьер на конференции правящей партии, выстраивало свою внешнюю политику, опираясь на Германию и Италию. Он обратил внимание на мирное заявление «ответственных вождей двух великих держав» в Берлине, искренность которого, по мнению главы венгерского кабинета, не подлежит никакому сомнению. В донесении из Будапешта в Берлин 27 октября 1937 г. Карл Веркмайстер, советник немецкого посольства, отмечал: «Политические оценки премьер-министра были чрезвычайно отрадными с немецкой точки зрения»[53].

В своем выступлении венгерский премьер заверил, что и в дальнейшем Римские протоколы будут основой его внешней политики, что она одновременно направлена к тому, чтобы наряду с поддержанием самой теплой дружбы с соседями (с Германией и Польшей) способствовать справедливому разрешению международных проблем. Затронул он и испанский вопрос, подчеркивая, что Венгрия в интересах Германии посчитала нужным на заседании Лиги наций поднять голос против возможно односторонней позиции.

inslav

Переговоры, ведущиеся со странами Малой Антанты с целью взаимной нормализации отношений, еще далеко не достигли удовлетворительного состояния, и нельзя даже предвидеть, сколько потребуется времени для их завершения. В качестве предварительного условия такой нормализации К. Дарани последовательно и неизменно вновь называл улучшение судьбы венгерских национальных меньшинств в соседних странах.

27 сентября 1937 г. венгерский министр иностранных дел Калман Каня пригласил немецкого посланника в Будапеште Отто фон Эрдманнсдорфа и ознакомил его с важнейшими моментами переговоров в Женеве с представителями стран Малой Антанты.

Целью переговоров Каня считал смягчение напряженности, но не впадая в иллюзию, в случае достижения соглашения, он не допускал возможности дойти до дружественных отношений и перечислил известные венгерские условия. Он сообщал, что Германия, Италия и Польша рекомендовали Венгрии установить лучшие отношения не только с Югославией, но и Румынией. Венгерский министр разъяснял вынужденность ведения переговоров со всеми тремя странами Антанты (а не только с Югославией, как этого желала Германия) после того, как в марте Стоядинович заявил, а в Синае повторил, что он не может без согласования с другими членами Малой Антанты заключить соглашение с Венгрией, как это имело место в случае с Болгарией и Италией. Каня сделал вывод: если исполнить пожелания Германии – вести переговоры с Югославией и Румынией – то нужно вовлечь в них и Чехословакию[54].

В октябре венгерским правителям пришлось объясняться с представителями Италии. 19 октября в Риме заведующий иностранным отделом министерства культуры Италии Гуидо Роччо беседовал с временным поверенным в делах Венгрии Миклошем Вегом, а в Будапеште в этот день итальянский посланник Л. Винчи посетил премьер-министра К. Дарани, а затем и министра иностранных дел К. Каню, и на следующий день – заведующего отделом венгерского МИД барона Дьёрдя Бакача-Бешшеньеи. Цель этих визитов состояла в том, чтобы предъявить, по поручению Муссолини, претензии Будапешту за изменившийся в последние два–три месяца тон венгерской печати в отношении Италии.

Этот демарш был сделан после получения донесения Винчи о тоне в основном оппозиционных изданий – таких газет, как «Непсава», «Аз ешт», «Мадярорсаг», «Киш уйшаг». Критика, отмеченная антиитальянской направленностью, относилась главным образом к внутренней жизни Италии и выражала недовольство «осуществлением диктатуры».

inslav

Роччо подчеркивал, что эта пресса «молится на англичан», хвалит либерально-демократическую политику, и обращал внимание «на общий антинацистский и антифашистский тон венгерской печати»[55]. У главы правительства Венгрии граф добивался объяснения причин перемены тона в печати. Дарани ответил: еврейским и легитимистским кругам не нравится итало-немецкое сближение, а также трудности, возникшие в ходе итало-венгерских экономических переговоров. В торговых взаимоотношениях положительное сальдо у венгров, образовался избыток лиры, а итальянская сторона направляет в Венгрию только апельсины, автомобили и рис. По мнению Дарани, итальянцы в экономических отношениях игнорируют политические интересы[56].

И у министра Кани посланник Винчи также говорил о неблагоприятном впечатлении в Риме от постоянных выпадов в венгерской прессе «против диктаторского режима». Министр парировал: эти нападки относятся не к Италии, а к внутренней борьбе сторонников конституционного и тоталитарного государства. Газеты нападали и на режим в Германии. Так, в один день в венгерской печати было опубликовано двенадцать антинемецких статей. Каня утверждал: противники нацизма критикуют Италию только за слишком тесное ее сотрудничество «с ненавистным им гитлеровским режимом». Он выразил удивление, что из-за этого предпринят такой демарш, и напомнил о том, как Венгрия приняла к сведению «не совсем дружеский поступок» Италии, когда она заключила договор с Югославией, без предварительного уведомления о его содержании, напомнил и о денонсации преференциального хозяйственного договора со стороны Италии, о том, что Будапешт воздержался от ее критики, хотя и вызвал недовольство в венгерских экономических кругах и, наоборот, поддерживал в общественном мнении мысль: якобы не происходит никаких изменений ни в политических, ни в экономических отношениях двух стран.

Покидая кабинет министра Кани, граф Винчи сообщил о готовности Чиано в определенное время сделать заявление: хорошие отношения между Венгрией и Италией неизменно сохраняются.

Уже 22 октября 1937 г. был составлен проект ответа Будапешта на демарш Рима. Барон Виллани получил указание в беседе с графом Чиано поблагодарить министра иностранных дел Италии за готовность сделать заявление по поводу необходимости изменения преференциальной экономической системы. Каня соглашался перенести очередное заседание министров иностранных дел стран Римских протоколов (по плану оно должно было состояться в Будапеште) в Рим из-за занятости Чиа-

inslav

но, правда, с условием его проведения еще до конца года. Там предполагалось засвидетельствовать неизменность тесной итало-венгерской дружбы. Виллани должен был перечислить все основные эпизоды, когда Венгрия оказывала услуги и поддержку Италии на международной арене, а также шаги и действия, допущенные Римом в отношении Будапешта и квалифицируемые последним «как не совсем дружественные», в том числе отказ от соглашения, подписанного в Земмеринге. Несмотря на это в Венгрии в эти дни не было опубликовано ни одного комментария в неблагоприятном для Италии духе. Венгерское руководство не хотело предпринимать ничего такого, что могло бы угрожать венгеро-итальянской дружбе.

Естественно, что К. Каня был весьма удивлен демаршем Л. Винчи. Он отрицал все обвинения, выдвинутые против Венгрии, о чем шла речь выше, в том числе и якобы имеющиеся у нее претензии на Фиуме. И тут же констатировал наблюдающееся охлаждение в итало-венгерских отношениях, а встреча министров иностранных дел, по его мнению, могла бы рассеять все сомнения и торжественно документировать прежнюю дружбу в полной мере[57].

Восьмого ноября Чиано принял венгерского посланника Ф. Виллани. После обещания сделать заявление по поводу изменения хозяйственных связей и предстоящей встречи министров иностранных дел стран Римских протоколов, он перевел речь на демарш графа Винчи, пытаясь сгладить вызванный им в Венгрии резонанс, объясняя, что он направлен лишь против некоторых венгерских газет. Чиано подчеркивал: демарш был сделан по указанию Муссолини, т. е. журналиста, который при помощи «одного листа бумаги» создал фашистскую партию и новую Италию, и поэтому преувеличивает роль и мощь печати. «Дуче особенно обидели нападки на диктаторские режимы и восхваление англичан», – добавил итальянский министр.

Дабы смягчить ситуацию, он сказал несколько похвальных слов о некоторых чертах венгерского народа и заявил, что об охлаждении отношений не может быть и речи, Дуче и он придают самое большое значение поддержанию ничем не ущемляемой венгеро-итальянской дружбы, поскольку она отвечает не только политическим интересам Италии, но и базируется на чувствах народа и его руководителей. Чиано благодарил за поддержку в период эфиопской войны, за тактический контакт с представителем Франко (Испания), за несогласие баллотироваться в Совет Лиги наций, оправдывался за соглашение с Югославией в марте (т. е. за то, что итальянцы не стали ждать, как просили венгры,

inslav

сначала заключения венгеро-югославского договора), за денонсацию соглашения в Земмеринге, обещал, когда улучшится экономическое положение Италии, вновь предоставить Венгрии льготы.

Наконец, Чиано просил передать Кане, что он «только о том жалеет, что демарш Винчи причинил неприятность» венгерскому министру иностранных дел[58].

Из всего вышесказанного вытекает, что охлаждение в отношениях между Венгрией и Италией, Венгрией и Германией также внесло свою лепту в решение Будапешта умерить требования, предъявляемые к соседним странам, и добиваться продолжения переговоров с ними о нормализации отношений.

Как свидетельствует материал, анализируемый автором в настоящей книге, венгерские государственные деятели в 1937 г. в доверительных переговорах и беседах с иностранными дипломатами перестали настаивать на старом лозунге «Всё – обратно» и склонялись к частичным уступкам и компромиссам, но строго следили за тем, чтобы их партнеры в области внешней политики не высказывались против венгерских территориальных притязаний. Так, 29 октября 1937 г. венгерский посланник в Берлине Д. Стояи посетил заведующего отделом германского МИД Э. Вайцзеккера с целью осудить Альфреда Розенберга за высказывания в заключительной части его доклада вечером предыдущего дня (причем той части, которую телеграфное агентство не передало). Стояи заявил, что Розенберг отвергает венгерские ревизионистские требования. Но Вайцзеккер не согласился с Каней, уточняя, что из сказанного Розенбергом можно вычитать только то, что он отвергает чрезмерные ревизионистские устремления, а не ревизионизм вообще[59].

Дело шло к тому, что руководители Венгрии решались сделать ставку на немецкую гитлеровскую карту. Венгерская делегация во главе с премьер-министром К. Дарани, в сопровождении министра иностранных дел К. Кани с 19 по 24 ноября 1937 г. посетила Германию

Но по прибытии венгерских гостей в Каринхолл их огорошил своим заявлением Гёринг. Он утверждал, что будто по «хорошим источникам» ему стало известно следующее: австрийское и венгерское правительства подписали между собой соглашение, по которому, в случае австро-германского конфликта, Венгрия пришла бы на помощь Австрии против Германии. Кроме того, он обвинял австрийского канцлера Шушнига в нежелании, как свидетельствует его письмо святому престолу, сотрудничать с Германией, упрекал и за ненависть к немцам, за якобы заключенное военное соглашение с Прагой, названное им несостоятельным, ибо ни Англия, ни Франция не придут ему на помощь.

inslav

Как пишет К. Каня, ни Дарани, ни ему не удалось успокоить прусского премьер-министра. Но на него хорошее впечатление произвело заявление венгерских руководителей, что они не только не заключали с Австрией никакого антигерманского соглашения, но и с австрийской стороны не получали такого предложения. Венгрия находится с Австрией в хороших отношениях и это все.

Пришлось К. Дарани и К. Кане убеждать Гёринга и в том (опять он ссылался на имеющиеся у него сведения), что ни Шушниг, ни они не собираются сажать на императорский престол в Австрии и королевские троны в Чехии и Венгрии престолонаследника Отто Габсбурга. Но и здесь потерпели неудачу. Им было заявлено: после того как Германия стала вновь мирной державой, притягательная сила ее для немцев возросла, и последующие события приведут «к неизбежному объединению Австрии с матерью-родиной», т. е. Германией.

Рассуждая о сближении Германии с Югославией, которая при Стояниновиче ни при каких обстоятельствах не будет выступать против Третьего рейха, Гёринг рекомендовал венгерскому правительству «по возможности окончательно примириться с Югославией», а с Румынией найти способ сосуществования. К. Каня неоднократно ранее подчеркивал, что он не доверяет Стояниновичу, а на этот раз прусский премьер заявил, что югославы не верят венгерским обещаниям, и они готовы были бы искренне примириться с Венгрией, если бы последняя «навечно», при гарантиях со стороны Германии и Италии, «отказалась от претензий на возвращение присоединенных к Югославии венгерских территорий».

Калман Каня сожалел по поводу того большого и, с его точки зрения, необоснованного доверия, которое оказывает Гёринг сербам. Венгерский министр выразил сомнение и в лояльности югославского посланника в Будапеште Александра Вукчевича, ибо тот любое доверительное сообщение немедленно передавал посланникам Франции и стран Малой Антанты. К. Каня также информировал Г. Гёринга о шагах, предпринятых им в марте в Югославии, но отклоненных югославской стороной. Он сказал о своей уверенности, что венгеро-югославские переговоры не приведут к соглашению, поскольку Стояинович использует любой случай, чтобы заявить: он не подпишет договора с Венгрией без предварительного согласия союзников по Малой Антанте.

Венгрия готова была принять посредничество Гёринга, если Белград в обмен на признание Трианонских границ с Югославией окончательными, дал бы Будапешту гарантии полной незаинтересованности в случае его конфликта с любым соседом. Гёринг взялся за это, но не официально, а как частное лицо.

inslav

Гёринг, как и любой другой государственный деятель Германии, пишет Каня, в адрес Чехословакии высказался осуждающе, «считая ее раздел бесспорно нужным, однако добавил, что войну против нее можно будет, естественно, начать только в рамках большой войны.

Высказывания А. Гитлера в отношении Румынии Гёринг интерпретировал в том смысле, что фюрер не одобряет венгерские территориальные требования, предъявляемые к этой стране не категорически, но лишь желал бы отодвинуть их на более позднее время[60].

24 ноября 1937 г. в Берлине К. Дарани и К. Каня встретились с К. Нейратом. Сначала выяснили, почему тост произнесет не канцлер, а министр иностранных дел. Гитлер решил приветствовать на встречах глав государств, а не правительств. Исключение было сделано только для Б. Муссолини. Дарани проглотил эту пилюлю, но не молча, а высказав пожелание, чтобы после него не делались исключения в отношении ни одного главы правительства (ожидался приезд Стояниновича).

Каня информировал хозяев о причинах неудачи в переговорах Венгрии со странами Малой Антанты и просил не способствовать тому, чтобы чрезмерно зазнавшиеся румыны в заявлениях и статьях делали антивенгерские заявления.

Аналогичная просьба прозвучала и в отношении Белграда. Нейрат подчеркнул, что Германия заинтересована в переговорах между Венгрией и странами Малой Антанты. Ведь они отчасти начались по ее желанию.

И на этих переговорах поднимался вопрос о немецком национальном меньшинстве в Венгрии. Нейрат пообещал исправить то положение, что пресса нападает на венгерское правительство, но и «он, как, между прочим, и любой немецкий министр», просил предоставить конкретные данные, чтобы он мог осудить провинившиеся газеты и агитаторов.

Шла речь также и о Чехословакии, которая готова идти «на все против Германии». Интересовала Нейрата и позиция Венгрии после денонсации Италией Земмерингского соглашения. Дарани сгладил этот вопрос заявлением о хороших итало-венгерских отношениях, подчеркнув, что отмена системы Брокки, «которую из-за большой сложности далее сохранить было невозможно», не вызовет неблагоприятных последствий в экономике.

Этот визит состоялся после того, как 6 ноября 1937 г. в Риме Италия в качестве первоначально подписавшей страны присоединилась к антикоминтерновскому пакту, заключенному между Германией и Японией 25 ноября 1936 г. Протокол о присоединении подписали министр иностранных дел Италии Чиано, немецкий посол Иоахим Риббентроп и посол Японии Х. Хотта.

inslav

Интересно, что в записи К. Кани дословно сказано: «Немецко-итальянское антисоветское соглашение было затронуто лишь тем, что я спросил К. Нейрата, большое ли значение придает он этому. Нейрат только ответил, что это в первую очередь защита против империалистических устремлений возможно в недалеком будущем образующейся национальной России. О том, чтобы Венгрия присоединилась к этому соглашению Нейрат не упомянул ни одним словом».

О встрече А. Гитлера с Э. Галифаксом, министром без портфеля, будущим министром иностранных дел Великобритании, Нейрат высказывался очень сдержанно, отметив только, что англичане никак не могут или не хотят понять континентальный менталитет, весьма отличающийся от их островного. По его мнению, в последнее время это проявилось в том, что Лондон установил контакт с Франко без предварительного оповещения своего французского друга.

Гитлеровскую Германию уже тогда живо интересовали будущие захваты территорий, прежде всего в Европе. Своим венгерским собеседникам Нейрат сказал, что Галифакс проявил некоторое понимание необходимости провести изменения в Чехословакии, Австрии и Данциге. Германский министр не скрывал и планы обнародовать требования возвращения Третьему рейху колоний, хотя и не считал это срочным делом.

В ходе беседы имперский министр иностранных дел последовательно подчеркивал «исключительно мирные намерения Германии» и заявил, что в настоящее время (т. е. в конце 1937 г.) война для нее имела бы катастрофические последствия. Из этого высказывания Нейрата Каня сделал вывод: германский министр советует и Венгрии придерживаться мирной политики.

Нейрат затронул и японо-китайский спор (точнее, войну), подчеркивая, что он поставил Германию в довольно трудное положение, ибо у нее в Китае большие экономические интересы, чем у Японии. (В записи беседы Каня в скобках отметил: может этим можно объяснить, что Германия в отличие от Муссолини до сих пор не признала правительство Маньчжоу-Го.)

Испания, по словам Нейрата, после признания Франко Англией причиняет существенно меньше забот.

И наконец, Нейрат строго доверительно сообщил о намерении Муссолини выйти из Лиги наций, о чем он советовался с Гитлером, который вряд ли будет его отговаривать. По-видимому, германский министр сделал это только для того, чтобы спросить, как поведет себя Венгрия в таком случае и, не дожидаясь ответа, заметил: из-за национальных меньшинств она еще нуждается в Лиге наций[61].

inslav

25 ноября 1937 г. венгерская делегация была принята канцлером Германии А. Гитлером. На беседе присутствовали К. Дарани, К. Каня, Д. Стояи (венгерский посланник в Берлине), а также К. Нейрат и статс-секретарь, начальник канцелярии Отто Майснер. Последний и составил запись беседы, единственный сохранившийся документ об этой встрече. Он опубликован почти на всех основных языках мира, несколько раз печатался в Венгрии и переведен на русский язык.

По поручению регента М. Хорти венгерский премьер-министр К. Дарани информировал немецкое руководство о запланированном проведении в Будапеште в 1938 г. Евхаристического конгресса католической церкви, подчеркивая, что хотя регент и премьер Венгрии протестанты, они просят Гитлера не чинить препятствий германским участникам в поездке на конгресс. Фюрер ответил: сегодня еще нельзя предвидеть, какую позицию в указанный период времени займет католическая церковь по отношению к Германии... если враждебную, то это предопределит и линию поведения немецкого правительства.

В остальном эта запись не отличалась новизной обсуждавшихся вопросов. Гитлер высказал опасения по поводу австро-чехословацкого сближения, а Дарани и Каня пытались уверить его в лояльности Шушнига.

Значительная часть беседы была посвящена национальным меньшинствам в различных странах. Фюрер обратил внимание на то, как решена эта проблема Польшей и Германией, подчеркнув, что «каждая страна особенно заинтересована в том, чтобы предотвратить потерю меньшинством своей национальной самобытности». Он, уже в который раз, вновь посоветовал Венгрии не распылять свою политическую силу в разных направлениях, а направить ее против Чехословакии[62].

О беседах с венгерской правительственной делегаций Нейрат информировал телеграфом германские дипломатические миссии за рубежом. Ее визит в Берлин он считал во всех отношениях удовлетворительным. Венгры достаточно подробно рассказали о переговорах со странами Малой Антанты, но не сообщили чего-нибудь существенно нового. С немецкой стороны акцент делали на необходимости нормализации венгеро-югославских отношений. Венгры проявили свою готовность к этому, а также констатировали, что в политических отношениях Венгрии с Италией изменений не произошло. Гости сделали заявление, что они не намерены укреплять тыл Австрии против Германии. В качестве вывода министр подчеркивал, что оба венгерских государственных деятеля использовали случай для того, чтобы убедить немцев: политика Венгрии однозначно запрограммирована на совместное продвижение в

inslav

заданном направлении. Венгры своей искренностью и откровенностью завоевали симпатию и доверие к их внешней политике[63].

В донесении польского представителя из германской столицы в Варшаву от 27 ноября о приезде в Берлин Дарани и Кани говорилось, что он был первым после войны официальным визитом венгерских руководителей; прежние носили частный или полуофициальный характер. Л. Орловский по этому же поводу писал из Будапешта: в венгерском МИД самое большое впечатление произвело то, что немцы хотя и поднимали вопрос о присоединении к антикоминтерновскому пакту, но не предложили венграм сделать это. Венгерские министры боялись получить такое предложение[64].

Правительство Венгрии в последней декаде декабря 1937 г. получило информацию о видении положения дел в мире и в оценке советских правительственных кругов. Сведения, которыми оперировал М. Юнгерт-Арноти, были почерпнуты им из газеты «Правда». Основное содержание его донесения заключалось в том, что в Москве считают: международное положение нисколько не улучшается. Наоборот, агрессивные государства Италия и Германия не прекращают вмешательства в дела Испании, а Япония перебросила в континентальный Китай армию, насчитывающую около 1 млн солдат.

Шестого ноября был образован блок трех агрессоров, т. е. к антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, а 11 декабря она выполнила пожелания Германии и Японии, выйдя из Лиги наций. С целью расширения блока усиленной обработке подвергались Венгрия, Югославия и Польша.

Западные великие демократические государства ищут пути примирения или сговора с агрессорами. Указывалось на встречу лорда Галифакса с Гитлером. Запись их беседы опубликована[65].

Последовавшие за этим англо-французские беседы привели к согласию на переговоры Франции и Великобритании с Германией. Министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос совершил турне по столицам своих союзников, посетив Варшаву, Белград, Бухарест, Прагу, везде рекомендуя собеседникам идти на уступки Германии[66].

В конце 1937 г. обсуждались планы встречи трех министров иностранных дел стран Римских протоколов в Будапеште. Сначала Чиано настаивал на том, чтобы от Австрии во встрече принял участие не государственный секретарь Шмидт, а Шушниг, действительный руководитель австрийского МИД. Итальянский министр хотел добиться этого с помощью венгерской стороны, заявляя, что не сможет обсуждать с Шмидтом

inslav

доверительные проблемы. По его предложению встреча несколько раз откладывалась, и только 3 января 1938 г. Чиано сообщил венгерскому посланнику в Риме Ф. Виллани, что он придает большое значение четырем вопросам, которые считал нужным обсудить на переговорах в Будапеште, а именно: 1. солидарность с германо-итальянской осью; 2. сочувственное отношение к антикоммунистическому пакту; 3. определение позиции по положениям Венского протокола без выхода из Лиги наций; 4. отношение к Франко, возможное его признание. Достигнутое соглашение по этим вопросам могло бы быть включено и в коммюнике[67].

Совещание министров иностранных дел стран Римского блока состоялось в Будапеште 10–12 января 1938 г. В нем приняли участие венгерский премьер К. Дарани, министр иностранных дел К. Каня, канцлер Австрии К. Шушниг, государственный секретарь МИД Австрии Г. Шмидт и министр иностранных дел Италии Г. Чиано. О результатах этой встречи было опубликовано общее коммюнике. В нем говорилось о действенности Римских протоколов. Венгрия и Италия выразили свое удовлетворение австро-германским соглашением от 11 июля 1936 г., приветствовали заключение антикоминтерновского пакта, подчеркивая, что изо всех сил борются против большевизма. Венгрия и Австрия заявили, что формально признают правительство Франко. Они «приняли к сведению тяжелые правовые причины», которые повлекли выход Италии из Лиги наций, и сохранили за собой право вновь рассмотреть свое отношение к Лиге наций. Австрия и Италия признали за Венгрией равноправие на вооружение и внимательно продолжали следить за венгеро-румынскими переговорами. Участники совещания высказались за углубление экономических связей между своими странами.

Об этом будапештском совещании сохранилось очень немного архивных материалов. Среди них самым существенным является запись беседы, сделанная участником совещания К. Каней по поводу визита к нему немецкого посланника в Венгрии О. Эрдманнсдорфа 13 января 1938 г., интересовавшегося результатами «конференции трех» в Будапеште. К. Каня прежде всего отметил, что совещание проходило в самой дружественной атмосфере, и опровергал распространявшиеся слухи о якобы имевшей место перепалке или серьезных расхождениях во мнениях между ним и Чиано. Особо он подчеркивал, что граф Чиано не просил Венгрию ни выйти из Лиги наций, ни присоединиться к треугольнику Берлин–Рим–Токио. Каня информировал немецкую сторону также о следующем – ему удалось убедить Чиано в том, что чрезмерное выражение симпатий со стороны Италии в адрес Югославии сделает

inslav

невозможным нормализацию венгеро-румынских контактов. Нельзя забывать о тех огромных жертвах, продолжал Каня, которые понесло венгерское правительство, вступив в переговоры с двумя самыми большими своими недругами – Румынией и Югославией в интересах улучшения отношений с ними. Захваливание румын в итальянской прессе может укоренить в венгерском общественном мнении предположение о том, что Рим ценит дружбу с Румынией выше, чем с Венгрией.

Чиано в ответ от имени Муссолини торжественно повторил данное еще в прошлом году обещание, что Италия не пойдет на улучшение отношений с Румынией до удовлетворительного разрешения вопроса о венгерском меньшинстве в Трансильвании. Возможность заключения с Румынией договора о дружбе (или аналогичного ему) итальянский министр иностранных дел допускал только с согласия Венгрии. В общем же заявлении пункт, относящийся к румыно-венгерским переговорам сформулирован более осторожно.

Венгерский министр сообщил немецкому посланнику о том, какое большое значение придает его правительство стабилизации своей внешней политики и сколь велико его желание добиться полного доверия своих друзей. Подобная политика стабилизации смогла обеспечить германо-итало-австрийскую дружбу и в такие времена, когда это было нелегко сделать. Разъясняя германскому дипломату эту позицию Венгрии, К. Каня говорил: если бы в свое время он принял совет итальянцев быть осторожным в отношении Германии и не усердствовать чрезмерно в «своем германофильстве, то мы теперь были бы полностью изолированы». Министр напомнил Эрдманнсдорфу и о том, что Венгрия с радостью приветствовала германо-итальянскую ось и соглашение от 11 июля 1936 г., что венгерское правительство стремилось в свое время смягчить немецко-итальянские и германо-австрийские противоречия. Каня заверил: Венгрия сохранит свою дружбу со странами оси Берлин–Рим–Вена, и заставить ее свернуть с этого пути может только поведение Германии и Италии.

В отношении проблемы Испании Венгрия придерживалась той точки зрения, что решить ее – задача великих держав. Венгерское правительство никогда, в принципе, не возражало против признания режима Франко и сделало это де-факто еще в сентябре прошлого года. Причем главную роль в этом сыграли король и стремление хортистов оказать услугу Италии, которая уже на протяжении десяти лет симпатизировала Венгрии*.

* Отношение Венгрии к гражданской войне в Испании изложено и в специальном докладе К. Кани в парламентской комиссии по внешнеполитическим делам. Там министр утверждал,

inslav

Каня заявил также, что венгерские правящие круги никогда не относились с симпатией к Лиге наций, но Венгрия входила в нее, нуждаясь в ней в связи с наличием венгерских национальных меньшинств в соседних странах. На включении в заявление пассажа о военном равноправии Венгрии, по утверждению министра, он настаивал с целью довести до сведения Малой Антанты, что этот вопрос более не может быть предметом торга.

Как свидетельствуют вопросы Эрдманнсдорфа, германскую дипломатию беспокоило, обсуждались ли германо-австрийские и австро-чехословацкие отношения, и правда ли, как пишет «Фёлкишер Беобахтер», что якобы Шушниг представил конференции выработанный им с Годжей план реорганизации Дунайского бассейна. По первому вопросу Каня дал положительный ответ, а именно: австрийские представители большое значение придавали хорошим отношениям с Германией, которых «к сожалению сейчас нет». По второму – отрицательный, назвав сообщение в газете выдумкой[68].

Венгерский посланник в Москве, информируя о будапештской конференции свой МИД, изложил статью из «Известий» ее корреспондента в Риме. Трудно было канцлеру Австрии выражать симпатии итало-немецким доверительным отношениям, когда Италия уступила независимость его страны Германии и стремилась убедить Югославию поддержать идею аншлюса. Потерпело фиаско намерение Рима тут же склонить своих двух партнеров присоединиться к антикоминтерновскому пакту и выходу из Лиги наций. Не удалось Италии и уговорить Венгрию пойти на уступки Румынии в интересах создания итало-румынского блока. Единственным результатом для Чиано в Будапеште стало признание Франко со стороны Венгрии и Австрии[69].

что Венгрия заинтересована в этом вопросе лишь в контексте сохранения мира. Он полагал, что тогда происходило улучшение международной политической атмосферы, выражавшейся в заключении итало-югославского, итало-болгарского и германо-болгарского соглашений, отметил обмен письмами между Муссолини и Чемберленом, визит руководителей Италии в Берлин и подписание германо-польского договора о меньшинствах, переговоры Венгрии с государствами Малой Антанты, в ходе которых камнем преткновения оставалась проблема национальных меньшинств.

Там же Каня заявил: «Наша политика будет основываться на Римских протоколах и искренней дружбе с Германией». Он обещал поддерживать добрые отношения с Польшей, следить за тем интересом, который проявляла Великобритания к дунайскому вопросу. «Мы, – продолжал он, – вынуждены строить свои отношения с Францией, учитывая, что последняя состоит в союзе с государствами Малой Антанты и всегда добросовестно выполняла исходящие из этого обязательства, бдительно защищая интересы тех государств, с которыми мы, с нашей стороны, имеем много подлежащих разрешению вопросов» (АВП РФ. Ф. 77. Оп. 13. Д. 11. П. 6. С. 1–2).

inslav

15 января К. Каня направил шифрограмму всем руководителям венгерских миссий за рубежом с рекомендацией руководствоваться при комментировании общего заявления будапештской встречи трех передовицей газеты «Пестер Ллойд», соответствующей позиции венгерского правительства[70]. В ней был дан подробный комментарий совместного заявления, особенно тех частей, которые непосредственно затрагивали внешнеполитические проблемы: равноправие в вооружении, дружба государств Римских протоколов, связи Венгрии с Германией и соседними странами и др.[71]

После возвращения из Будапешта в Вену канцлер Австрии К. Шушниг, государственный секретарь МИД Г. Шмидт, заведующий внешнеполитическим отделом канцелярии канцлера Т. Хорнбостел в присутствии венгерского поверенного в делах Арно Бобрика обсуждали результаты встречи трех в Будапеште. Тогда они еще не знали, что она была лебединой песней Римских протоколов. Участники этой беседы выразили полное удовлетворение, оценивая итоги конференции трех в Будапеште. Шушниг видел их прежде всего в том, что Чиано, очевидно, был доволен результатом своей работы. Главный успех канцлер усматривал в возможности для Италии в будущем уделять больше внимания своим двум партнерам по протоколам. Кроме того, большим достижением совещания Шушниг считал само совместное заявление[72].

В течение двух дней, 21 и 22 января 1938 г., К. Каня выступал с докладом на заседании комиссий по иностранным делам палаты представителей и верхней палаты государственного собрания, в котором остановился лишь на одном вопросе – будапештской встрече министров иностранных дел Римских протоколов. Он прежде всего заявил, что желает развеять имевшие место слухи об ослаблении связей государств Римских протоколов, в том числе о невозможности для Италии уделять региону прежнее внимание из-за занятости в Средиземноморье, и убедить членов комиссии в последовательности внешней политики Венгрии, позволяющей ей рассчитывать на дружбу с Италией и в будущем. Выступление министра было разбором опубликованного коммюнике, с интерпретацией отдельных его пунктов. Начал он с того, что Венгрия и Австрия приветствовали ось Берлин–Рим, ибо видели в ней серьезную гарантию мира и восстановления. Он упомянул о разочаровании общественности, вызванном этим пунктом. Создалось впечатление, что политика трех стран изменилась, они поменяли свою ориентацию. В качестве опровержения подобных взглядов Каня приводил такой довод: Венгрия всегда желала сближения Италии с Германией и даже в труд-

inslav

ные времена содействовала ему, и поэтому создание оси Рим–Берлин приветствовала с радостью и удовлетворением. И в Австрии не было возражений против этого пункта.

Следующий пункт – антикоммунистическая позиция – был быстро согласован, поскольку в нем ничего нового не было, если учесть, что и в 1936 г. в Вене позиции трех министров совпали. Каня счел нужным подчеркнуть, что ни немцы в Берлине, ни итальянцы в Будапеште не предлагали Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Аналогичная интерпретация прозвучала и в пункте о Лиге наций. Венгрия не раз критиковала эту организацию, констатировала ее ослабление после выхода трех великих государств, но признавала полезной ввиду существования проблемы национальных меньшинств. Каня подчеркнул, что ни Австрия, ни Венгрия не заявили о своем выходе из Лиги, да никто им этого и не предлагал. Лиге наций он уделил много внимания, особенно в силу того, что ни одна Венгрия так критически к ней настроена, приведя целый ряд фактов из выступлений руководителей нейтральных малых государств, выдержанных в подобном духе. Венгрия и Австрия решили признать правительство Франко в Испании и де-юре. Как отметил министр, венгерское руководство сделало это в основном в знак благодарности Муссолини, который в трудные времена оказал ему добрые услуги. Италия и Австрия во всем разделили представление Венгрии в вопросе ее равных прав на вооружение и пожелали скорого его осуществления на практике. Затрагивались в докладе, как и в коммюнике, венгеро-румынские отношения в свете обеспечения прав венгерского национального меньшинства в Румынии[73].

Дипломатическая переписка первого месяца 1938 г. в целом носит пустопорожний характер. Правда, среди донесений того периода выделяется принадлежащее перу венгерского посланника в Польше А. Хори. По его словам, Ю. Бек ведет определенную, ясную политику, нацеленную на обеспечение мирных отношений с двумя соседними великими державами. Выражается это в наличии у Польши договоров о ненападении как с Советским Союзом, так и с Германией. При этом сохраняются хорошие отношения с Францией. Кроме того, рассуждал венгерский дипломат, польским политикам приходится считаться с тем, что «германская волна после осуществления аншлюса будет накатываться на восток, и немецкую экспансию сможет удержать только линия Варшава–Будапешт–Белград».

По мнению Хори, которое совпадало с польской позицией, Советская Россия с господствующим в ней хаосом не вызывает опасений у

inslav

Польши. Но все же она считает нужным углублять связи с Балтийскими и Скандинавскими странами, направленные прежде всего против Москвы, а с прицелом на будущее – и против Берлина. В Варшаве Чехословакию считали страной, которая рано или поздно должна исчезнуть с карты Европы. Этим объясняется и стремление поляков углубить отношения с Венгрией, что одновременно сопровождалось и мыслью о необходимости после раздела Чехословакии поддерживать связи именно с такой страной, которая столь же ревниво относится к своей национальной самостоятельности, как Польша. По оценке венгерского посланника в Варшаве, «теперешний польский режим (несмотря на всеобщую здесь непопулярность немцев) в своих замыслах ближе к Берлину, чем Парижу». Польша не поддержала ни одной, предложенной Парижем концепции, касалось ли это Восточного пакта, Малой Антанты, Балканского пакта, или плана Тардье в отношении Дунайского бассейна, и находится в остром противостоянии с сегодняшней политикой Лиги наций. В данный момент политика Парижа и Варшавы не находит соприкосновения, может быть, ни в одном пункте. Но поляки бездумно не бросаются и в германские объятия. Их отношения с румынами детерминирует русское соседство. Но важнейшей пружиной такой концепции является стремление разрушить единство Малой Антанты, непосредственная цель которой – раздел Чехословакии. Стремление поляков к установлению общей с Венгрией границы с политической или стратегической точки зрения не вызывает сомнения. А сколь долго будет сохранена эта общая линия, покажет будущее[74].

В начале февраля в дипломатической переписке видное место заняли события в Германии, т. е. тот факт, что Гитлер провел перестановки в командовании армии, уволил военного министра, 15 генералов и 50 высших офицеров и более тысячи их подчиненных[75]. Одновременно произошла замена министра иностранных дел К. Нейрата на Иоахима Риббентропа и смена нескольких ключевых послов и посланников, в том числе Ф. фон Папена в Австрии, Ульриха Хассела в Риме и др. Венгерский главный консул в Мюнхене полагал, что перемены в дипломатической команде произошли из-за того, что Папен и Хассел настаивали на сохранении самостоятельности Австрии[76]. Как сообщил военный атташе Венгрии в Риме, по мнению начальника генерального штаба Италии Альберто Париани, которое он разделял, У. Хассела убрали потому, что он, как и генерал Вернер Бломберг и Вернер Фрич, склонялись к соглашению с русскими, а новое военное руководство – генералы Вальтер Браухич и Вильгельм Кейтель – сторонники дружбы с Италией[77].

inslav

Между тем К. Шушниг и Г. Шмидт получили приглашение прибыть 12 февраля в Берхтесгаден на свидание с Гитлером. Об этом Шмидт сообщил венгерскому поверенному в делах Венгрии в Австрии А. Бобрику только вечером 11 февраля. Тогда же он оповестил об этом представителей Англии и Франции. Ход переговоров, как и их результаты несколько дней сохранялись в тайне не только от печати, но и от дипломатов, давая повод к появлению широкого спектра догадок и измышлений. Шмидт принял Бобрика 14 февраля в конце дня и информировал его об австро-германской встрече не совсем ясно и откровенно. В переговорах принимали участие Шушниг, Шмидт, Гитлер, Папен и Риббентроп. Встреча в Берхтесгадене, по утверждению Шмидта, не привела «еще к полному выяснению положения». Немцы требовали принимать меры, вытекавшие из соглашения от 11 июля 1936 г., которые главным образом должны были обеспечить более мягкое отношение к австрийским национал-социалистам, Договорились предоставить им широкую амнистию, ввести в состав правительства нациста Артура Зейса-Инкварта. Германская сторона пообещала в ближайшее время дать благоприятный ответ на требования Австрии не вмешиваться в ее внутренние дела. Шмидт заметил: в основном тон бесед был острым, т. е. естественным у представителей противоположных мировоззрений, но разошлись в хорошем настроении[78].

На следующий день Т. Хорнбостел дополнил сказанное Бобрику Шмидтом следующим: немцы свои требования, основными среди которых были всеобщая амнистия, введение в состав правительства представителей национал-социалистов и осуществление взаимодействия армий двух стран, сопровождали военными угрозами и на удовлетворении их настаивали (в ультимативной форме) до 18 февраля[79]. Бобрик, ссылаясь на другие заслуживающие доверия источники, сообщал, что канцлер Гитлер требовал от Австрии открытого присоединения к антикоминтерновскому пакту с античехословацкой направленностью, а австрийская делегация, ссылаясь на экономическую зависимость от Чехословакии, отклонила это требование, однако согласилась на тайное сотрудничество в этом плане.

Во исполнение одного из требований Гитлера к вечеру 15 февраля было образовано пятое правительство К. Шушнига, в котором Г. Шмидт был возведен в ранг министра иностранных дел. В него вошло шесть новых министров, в том числе и германская креатура А. Зейс-Инкварт, ставший министром внутренних дел и безопасности. По поводу этих изменений венгерский военный атташе в Вене полковник Лайош Вереш отметил, что насильно навязанные немцами перемены в правитель-

inslav

стве Шушниг (прибегнув к хитрости) саботировал на 50%[80]. Более-менее достоверные сведения о произошедшем в Берхтесгадене 12 февраля Бобрик сумел собрать для своего правительства только к 17 февраля (настолько было все засекречено). На этот раз резюме его донесения было таково: «Это был первый шаг» и «Рано или поздно Австрия полностью потеряет самостоятельность и независимость»[81].

В тот же день, когда Бобрик направил это донесение из Вены, К. Каня передал в Рим шифрограмму своему представителю с указанием узнать, как в дворце Киджи оценивают положение Австрии после встречи в Берхтесгадене.

Фридьеш Виллани ответил 20 февраля: результаты названных переговоров встретили хорошо и «с радостью приветствовали их», считая большим шагом «внутреннего» сотрудничества Австрии с Германией. А заведующий Европейским отделом итальянского МИД Джино Бути подчеркнул: австрийский вопрос можно решить только с Германией, но ни в коем случае без нее или против нее[82]. По утверждению его коллеги в МИД Франции, информационный демарш французского и английского послов в Берлине Андре Франсуа-Понсэ и Невиля Гендерсона был безрезультатным. Немецкий министр иностранных дел И. Риббентроп объявил австрийскую проблему семейным делом, которую германское правительство желает решить без участия других государств[83].

Венгерские дипломатические представители извещали из Парижа и Лондона: хотя по инициативе Франции и поднимался вопрос об общих мерах в защиту Австрии, стало ясно, что английское руководство не возьмет на себя никаких обязательств в этом плане.

В отношении позиции итальянского руководства поступали противоречивые сведения, в том числе трактовавшие результаты встречи как поражение Италии. Об Австрии уже и не говорили, считая берхтесгаденские уступки «холодным аншлюсом», а в итальянских планах горизонтальной оси Австрия, как и Чехословакия, уже не фигурировали, а тянулась она из Рима, через Белград и Будапешт до Варшавы. Венгерский посланник Ф. Виллани с удовлетворением сообщал по инстанции мнение Чиано: судьба Чехословакии решена и «только вопрос времени, когда она исчезнет с карты Европы как независимое государство», а Венгрия после раздела Чехословакии получит общую границу с Польшей, с которой Италия и ранее поддерживала дружественные отношения, и надеялась упрочить их, когда раздел совершится[84].

Не имея ясного представления о том, какие уступки Шушниг сделал Гитлеру в Берхтесгадене, какова судьба друга Венгрии – Австрии,

inslav

К. Каня отправился в Вену тайно, якобы навестить родственника. Из Вены 2 марта он написал письмо посланнику Венгрии в Варшаве А. Хори, в котором изложил венгерскую позицию по заданным польским министром иностранных дел Беком вопросам в отношении Австрии и Чехословакии.

Во-первых, хочет или нет Венгрия принять участие в акции против Чехословакии. К. Каня выразил удовлетворение по поводу того, что Польша для решения этой проблемы считает нужным достигнуть польско-венгерско-германского сотрудничества, и заявил о готовности Венгрии принять участие в античешской акции, предложив начать конкретные переговоры, в том числе и военного характера[85].

Во-вторых, какова будет позиция Венгрии в случае аншлюса Австрии. На этот вопрос К. Каня ответил Беку в Варшаве, что для Венгрии более благоприятным было бы сохранение независимости Австрии, чем соседство с 80-миллионной немецкой империей. Но зная решительное намерение национал-социалистского правительства Германии, в принципе нужно быть готовым к тому, что объединение двух немецких государств рано или поздно произойдет. Это вероятно тем более, если учесть, что Англия и Франция не могут или не хотят осмелиться на более решительный шаг. А Муссолини придерживается точки зрения, согласно которой австро-германская уния – это естественный исторический процесс, задержать который можно, но воспрепятствовать ему нельзя. Каня предложил Беку обсудить эту проблему, как и становящуюся актуальной ось Италия–Югославия–Польша. Причем можно было переговоры начать немедленно. Но... названные страны должны вести дружественную по отношению к Германии политику[86].

«Частный» визит Кани в Вену не прошел незамеченным в Берлине. 4 марта И. Риббентроп спросил венгерского посланника в Берлине Д. Стояи о том, состоялся ли визит К. Кани в Вену по приглашению Шушнига и затрагивался ли Берхтесгаден? Стояи, согласно инструкции, уклонился от ответа, ссылаясь на отсутствие у него информации[87].

Это был первый официальный визит Д. Стояи в МИД Германии после назначения И. Риббентропа (бывшего посла в Англии) министром иностранных дел. Стояи информировал нового германского министра о внешней политике Венгрии: об известных венгерских требованиях к соседним странам, а также об устном соглашении между Каней и Нейратом – если бы Германия заключила соглашение с Чехословакией о ненападении (чего и в мыслях не было у германских правителей), в перспективе было бы подписано и германо-венгерское соглашение о дружбе. Посланник также на-

inslav

помнил о германском обещании оказать моральную поддержку в случае, если бы Венгрия заявила о своем равноправии на вооружение. Когда Риббентроп интересовался, затрагивали ли Каня с Шушнигом беседы в Берхтесгадене, Стояи подчеркивал: «Мы не желаем вмешиваться в германо-австрийский вопрос». Риббентроп рассказывал Стояи о посещении его послами Англии и Франции, любуясь при этом своим ответом-находкой. Он просил их не вмешиваться в семейные австро-германские дела. Именно после его беседы с Иденом, последний заявил о незаинтересованности Англии Австрией[88]. Однако следует отметить, что когда Риббентроп беседовал с венгерским посланником, Иден стал бывшим министром иностранных дел Великобритании.

Германское правительство к этому времени уже в деталях разрабатывало план аншлюса. Поэтому, естественно, Риббентропа тревожило содержание беседы К. Кани с К. Шушнигом. В тот же день, т. е. 4 марта, по его поручению германский посланник в Венгрии О. Эрдманнсдорф посетил К. Каню и поинтересовался этой встречей. Последний ответил: после длительной беседы с Шушнигом и Шмидтом у него сложилось впечатление, что австрийские правители не отказались от надежды достижения договоренности с Германией мирным путем. Шушниг подчеркивал: никогда он не будет воевать вместе с чужими странами против нее, не будет просить у них и дипломатической поддержки, он чувствует себя немцем до мозга костей, хочет проводить пронемецкую политику, но не может отказаться от независимости Австрии. Венгерский министр иностранных дел утверждал: Германия во всех отношениях может рассчитывать на кооперацию с Шушнигом, если примет это его условие. Каня закончил свою запись этой беседы тем, что Эрдманнсдорф лучше чем он знает, имеет ли почву под собой надежда Шушнига[89].

На следующий день, т. е. за несколько суток до аншлюса, Д. Стояи отправил К. Кане донесение о выступлении Гитлера 20 февраля. Он между прочим обратил внимание на заявление фюрера, что тот признает Маньчжоу-Го и «есть только одно государство, с которым не хочет устанавливать более тесные связи: Советская Россия». У руководителей Австрии вызвало разочарование отсутствие заявления о признании ее независимости. О Венгрии канцлер заявил, что германскую империю с Венгрией, Болгарией, Югославией связывает сердечная дружба, Стояи, как обычно он это делал, обратил внимание на то, что в перечислении дружеских Германии малых стран первой канцлер назвал Венгрию[90].

Омрачение венгеро-германских отношений постепенно развеялось. Это относилось и к подозрительности, касавшейся переговоров Венгрии

inslav

с Малой Антантой, в том числе и с Чехословакией (на основе решения постоянного совета стран Малой Антанты, члены которой имели право вести переговоры с Венгрией только с согласия всех трех союзников). Речь идет о том, что германское правительство рекомендовало Венгрии установить хорошие отношения с Югославией и нормальное сосуществование с Румынией. Подозрение об отходе Венгрии от стран оси Берлин–Рим усиливалось и распространявшимися слухами о готовившемся союзе Будапешт–Вена–Прага, который имел бы антигерманскую направленность. Способствовал натянутости в отношениях с Германией и приход к власти в Венгрии К. Дарани, поддержанного консервативными, антигёмбёшевски настроенными кругами, которые надеялись на него как человека, способного ослабить слишком тесные связи с гитлеровской Германией.

Но после встречи К. Дарани и К. Кани с Гитлером в ноябре 1937 г. либерализм К. Дарани испарился, и он, как и его предшественник, не только не оттеснил крайне правых внутри страны от власти, а стал опираться на них, сделал крутой поворот во внешней политике и с ноября 1937 г. полностью стал разделять позицию Гитлера. Он оставался верен ей до конца своего правления.

Венгерский историк Дюла Юхас считает: именно тогда в принципе была достигнута договоренность двух стран о совместной акции против Чехословакии[91].

2. Переговоры Венгрии со странами Малой Антанты

Из стран Малой Антанты у Венгрии меньше всего территориальных претензий было к южному соседу – Югославии. Однако к началу 1937 г. венгеро-югославские отношения выглядели весьма напряженными. По мере отдаления по времени от убийства в Марселе короля Александра I (когда они были натянуты до предела) и после прихода к власти в Югославии М. Стояниновича намечались проблески возможного сглаживания противоречий и сближения. В интересах Венгрии продолжали выступать Польша и Италия.

21 января 1937 г., после нескольких пробных шаров, запущенных в предыдущем году с обеих сторон, о возможности изменений в отношениях двух стран, югославский посланник в Будапеште А. Вукчевич посетил министра иностранных дел Венгрии К. Каню. В конце своей бесе-

inslav

ды они затронули будущее венгеро-югославских отношений. Министр высказал удивление медленными темпами улучшения этих связей, а посланник просил быть терпеливым, считая необходимым для их налаживания более длительный срок.

В ходе беседы Вукчевич в теоретическом плане поднял вопрос, не склонна ли Венгрия заключить с Югославией договор о дружбе, такой же, какой последняя подписала с Болгарией. Каня, получив положительный ответ на вопрос: относилось бы это и к двум другим странам Малой Антанты, заметил, что в данном случае пока видит затруднения.

О своем впечатлении в записи этой беседы К. Каня отметил, «будто бы сейчас, почти одновременно происходящие заявления в дружеском тоне (со стороны правительства стран Малой Антанты. – *А. П.*), осуществляются на основе общего соглашения»[92].

23 марта министр иностранных дел Италии граф Г. Чиано пригласил к себе венгерского посланника в Риме Ф. Виллани и информировал его о предстоящей поездке в Белград, где подпишет подготовленные договоры. Он высказал сожаление, что не смог ждать завершения переговоров между Белградом и Будапештом, находящихся в зачаточной стадии, в силу чего они могут продолжаться еще очень долго. Стремясь сгладить огорчение венгерского посланника таким развитием событий, Чиано утверждал: «Итало-югославское соглашение по отношению к Венгрии имеет прямо “историческое значение”, ибо оно отдаляет Югославию от других двух государств Малой Антанты, а с точки зрения европейской политики наносит тяжелый удар по принципу французской системы коллективной безопасности»[93].

Третьего апреля, после возвращения из Белграда, Чиано уверял Виллани, что итало-югославский договор (имеем в виду договор о дружбе, подписанный 26 марта 1937 г.) означает развал Малой Антанты[94]. Он также информировал о своей беседе с министром иностранных дел Югославии о Венгрии. Тогда же М. Стоядинович пообещал улучшить положение венгерского национального меньшинства.

В конце марта венгерская сторона передала югославской проект совместного заявления, а также меморандум, содержавший пожелания венгерского национального меньшинства в Югославии. В связи с этим К. Каня направил распоряжение венгерским посланникам в Берлине, Риме и Варшаве. М. Стоядинович одобрительно высказался о декларации, переданной ему венгерским посланником в Белграде В. Алтом, и согласился сделать жест в адрес венгерского национального меньшинства. На следующей встрече Алта со Стоядиновичем через неде-

inslav

лю, т. е. 31 марта, югославский представитель пошел на попятную, объявил декларацию не содержащей больше того, что взяла на себя Венгрия по пакту Келлога, и высказался в таком смысле: опубликует или нет венгерская сторона декларацию, Югославия продолжит прежний курс внешней политики и в отношении венгерского национального меньшинства, ибо она, как и Венгрия, находится в дружеских отношениях с Германией и Италией.

После этого К. Каня направил посланнику указание не форсировать вопрос, продолжать дружественную политику и дать созреть поднятой проблеме. Он переслал эти материалы вышеназванным посланникам для сведения и информирования правительства стран пребывания о тех шагах венгерского МИД, на которые югославы пока еще не реагировали. Одновременно Каня запретил посланникам знакомить правительства с проектами декларации и меморандума. Суть декларации выражена в последнем ее абзаце: Венгрия в духе мирных целеустремлений в отношении двух стран намерена не прибегать к насилию, как средству осуществления национальной политики, и в будущем будет воздерживаться от всех таких действий, которые могли бы помешать складывающимся хорошим отношениям между Венгрией и Югославией. В венгерском меморандуме о проблеме национального меньшинства в девяти пунктах изложены предложения по исправлению положения в области образования (восемь пунктов), а в последнем рекомендация наделить и венгров участками земли, дабы этих несчастных людей не толкнуть в объятия коммунистов и не дать им увлечься экстремистскими подстрекательствами крестьянской партии[95].

Югославский посланник А. Вукчевич в беседе (27 апреля) с К. Каней упрекал министра в том, что он в последние месяцы никак не решится отойти от теоретических рассуждений и стать на путь конкретных действий в ходе обмена мнениями с представителями стран Малой Антанты, и рекомендовал ему (если он не желает соглашения с Малой Антантой как блоком) заключить три двусторонних договора с Белградом, Прагой и Бухарестом. Причем, по мнению посланника, Венгрия получила бы большие преимущества, обеспечив себя от любого нападения со стороны Малой Антанты. К. Каня отрицал утверждение, якобы он не предлагал конкретных шагов Югославии или двум другим странам Малой Антанты, приведя примеры своих отклоненных предложений. Он обратил внимание на договоры, подписанные Югославией с Болгарией и Балканским пактом, подчеркнув, что переговоры с Венгрией подлежали иной процедуре[96].

inslav

Положение еще больше осложнилось после 27 апреля. В этот день на конференции Малой Антанты в Белграде представители Чехословакии и Румынии осудили поступок Югославии, заключившей двустороннее соглашение с Болгарией, и провели решение, согласно которому страны Малой Антанты аналогичное соглашение с Венгрией могут подписать только после предварительного совещания и согласия всех трех стран Малой Антанты. Причины торможения венгеро-югославских переговоров венгерские дипломаты пытались выяснить в Берлине, Лиге наций, Париже. В игру вступали внутри- и внешнеполитические интересы. Божидар Пурич, югославский посланник в Париже, напомнил об обязательстве Югославии поступать в согласии с союзниками по Малой Антанте[97].

Налаживание отношений Венгрии с Румынией в 1937 г. выглядело несколько иначе. К этому времени они считались плохими. 23 января румынский посланник в Будапеште Рауль Босси посетил министра иностранных дел Венгрии К. Каню. Еще раньше министр иностранных дел Румынии В. Антонеску предложил венгерскому поверенному в делах в Бухаресте Ласло Надю начать беседы с целью смягчения венгеро-румынской напряженности. К. Каня с этим согласился, но предложил не затрагивать в ходе бесед проблему территориальных претензий, взамен чего Румынии необходимо было отказаться от постановки любых вопросов, которые прямо или косвенно предлагали бы признать существующие границы окончательными[98]. Однако начало бесед было им также обусловлено предварительным признанием равноправия Венгрии на вооружение и предоставлением венгерскому меньшинству таких же прав, как немецкому и польскому. Каня подчеркнул: если склонность венгров к нормализации отношений и имеется, то это не значит, что они готовы добиваться ее любой ценой.

В ответ на предложенное Антонеску венгерский министр иностранных дел дал указание посланнику в Бухаресте, в случае если бы какой-либо румынский министр вернулся к этой проблеме, подчеркнуть: «Настаиваем на признании полного равноправия без всякой возмездной услуги»[99].

23 января в Будапеште К. Каня встретился с посланником Германии Гансом Георгом фон Маккензеном и информировал его о беседах с посланниками стран Малой Антанты в том плане, что готовность Малой Антанты идти на сближение с Венгрией имеет антигерманское острие и заверил посланника в пронемецкой ориентации политики Венгрии, а также выразил опасение в связи со слухами о готовившемся германо-чехословацком договоре. Маккензен в ответ заверял Каню об отсутствии малейшего повода к заключению Германией договора о ненападении с Чехословакией[100].

inslav

Между тем в начале февраля 1937 г. Виллани сообщал министру из Рима об одобрении политики венгерского руководства в отношении Чехословакии графом Чиано, который в то же время приветствовал бы сближение Венгрии с Югославией и Румынией.

Шестого февраля венгерский посланник в Берлине Д. Стояи докладывал К. Кане о выполнении поручения (по поводу предложения Чехословании). Он ознакомил с ним К. Нейрата (тогда еще министра иностранных дел), подчеркивая, что Каня умышленно выдвинул перед чехословацким правительством невыполнимые требования и квалифицировал предложенный договор о ненападении как нереальный. Посланники государств Малой Антанты в Будапеште искали сближения с Венгрией из-за опасности со стороны Германии. Они полагали, что под влиянием статьи Розенберга венгеро-германские отношения ухудшились, и ждали подходящего момента для объединения Дунайских стран против общей германской опасности[101]. Но Каня упорно придерживался в политике прежней позиции дружбы с Германией, однако, если бы Венгрия не получала поддержки с ее стороны, она могла бы пойти другим путем, возможно – примирения с соседними странами.

Германия на шантаж не отреагировала, а государства Малой Антанты продолжали согласование своей позиции. Результатом была стагнация в этом вопросе, длившаяся несколько месяцев. Только в конце августа, в первый день работы конференции в Синае, румынский посланник в Венгрии Босси посетил венгерского посланника в Румынии Ласло Бардошши и передал предложение Антонеску начать с ним переговоры по вопросу о венгерском военном равноправии и в связи с этим об упорядочении отношений Венгрии со странами Малой Антанты. Бардошши ответил положительно, подчеркивая, что проблема равноправия на вооружение фактически уже решена, и беседа могла бы вестись вокруг улучшения положения венгерского национального меньшинства в Румынии. Вечером того же дня состоялась беседа Антонеску с Бардошши. Румынский министр сообщил о своих добрых намерениях в отношении Венгрии, так же, как и премьера Югославии и министра иностранных дел Чехословакии, и правительства трех стран решили предложить Будапешту военное равноправие с целью легализации вооружения Венгрии, которое и без того осуществлялось.

Бардошши, с учетом прошлого, признал такое предложение шагом вперед, но не переоценивал его значения. Оно само по себе не могло ослабить напряженность в отношениях между Венгрией и Малой Антантой, вызванную отнюдь не вопросом вооружения. Их отравляла преж-

inslav

де всего политика в отношении венгерского меньшинства в трех названных странах. С румынской же точки зрения для ее изменения необходимо было создать условия. Бардоши в свою очередь предложил подписать три тайных протокола с каждой из стран Малой Антанты, которые состояли бы из четырех пунктов. Первый декларировал бы (по инициативе стран Малой Антанты) признание военного равноправия Венгрии, во втором они приняли бы определенные административные меры, в третьем пункте Венгрия по собственной инициативе сделала бы заявление о ненападении на соседей, а те ответили бы тем же. В четвертом – правительства трех стран обязались бы вступить в контакт с руководителями проживающего у них венгерского меньшинства с целью начать с ними переговоры о коренном упорядочении положения национальных меньшинств. По существу, вышеперечисленные пункты составили бы содержание соглашения.

Антонеску счел возможным, с учетом высказанных им замечаний, об этом «плане говорить», но отклонил предложение сразу же обсудить и частности. С венгерской стороны «принципиально» не согласились с предложением Антонеску сделать с отношении каждой страны Малой Антанты заявление Венгрии о ненападении. Собеседники договорились продолжать обмен мнениями по этим вопросам[102].

В 1937 г. Венгрия продолжала дипломатические контакты, в том числе и переговоры, и с представителями Чехословакии. 19 января посланник последней в Будапеште Милош Кобр посетил министра иностранных дел К. Каню с целью выразить протест в связи с той агитацией, какая постоянно велась в венгерской печати против его страны после подписания советско-чехословацкого соглашения. В ответ Каня приводил примеры нападок чехословацкой прессы на Венгрию. Кобр задал также вопрос (который он уже прежде поднимал): готова ли Венгрия в случае официального признания военного равноправия заключить с Чехословакией договор о ненападении. Каня, ссылаясь на переговоры в Венеции еще в апреле 1935 г., свидетельствовавшие о стремлении Венгрии нормализовать отношения со всеми соседями, напомнил, что уже выдвигал предварительные условия: признание за Венгрией «полного военного равноправия» и предоставление прав венгерскому национальному меньшинству в ЧСР взамен подписания соглашения о ненападении. Но, сказал К. Каня, положение с тех пор изменилось, Германия и Австрия осуществили равноправие вооружений в одностороннем порядке, а в итоге, другой стала и позиция Венгрии, которая теперь признание за ней равноправия в вооружении не склонна оплачивать услугой.

inslav

По мнению Кани, чешско-венгерское сближение может произойти только в результате признания чешским правительством военного равноправия Венгрии и удовлетворения благородным жестом основных жалоб венгерского меньшинства в Чехословакии. Лишь таким путем, полагал венгерский министр, можно создать условия для переговоров между двумя странами о modus vivendi. Но и в этом случае для Венгрии было бы неприемлемым заключение соглашения о ненападении из-за существующих между странами Малой Антанты договоров антивенгерской направленности[103].

О своих беседах с чехословацким посланником венгерский министр иностранных дел систематически информировал правителей Германии и Италии. Они рекомендовали Венгрии ни в коем случае не идти на сближение с Чехословакией. Предпочтение отдавалось Югославии, а затем Румынии.

Каня и Кобр вновь встретились в Будапеште 9 февраля. Посланник Чехословакии высказал мнение, что по приказу из Берлина Венгрия склоняется к сближению с Югославией и Румынией, и венгерское правительство не желает смягчения отношений с Чехословакией. Беседа завершилась заявлением Кани: венгерская готовность к миру не находит в Чехословакии нужного понимания и надо еще терпеливо ждать, когда можно будет начать беседы и переговоры, которые соответствовали бы интересам обеих стран.

В тот же день (с продолжением 12 февраля) венгерский посланник Я. Веттштейн доносил из Праги по поводу зондажа и намерения чехословацкого министра иностранных дел Камила Крофты идти на сближение и заключение пакта о ненападении с Германией (после упрочения оси Берлин–Рим) даже ценой разрыва соглашения с Советским Союзом. Крофта в беседе с венгерским посланником отрицал наличие таких намерений у чехословацкого правительства. Однако Веттштейн, учитывая, что Крофта никогда не был сторонником прорусской ориентации и основываясь на мнении итальянского посланника Доменико Фацендиса о предстоящем урегулировании германо-чехословацких отношений, приходил к выводу, что эта нормализация была бы в интересах всей Средней Европы, в том числе и Венгрии[104].

В последующем контакты по дипломатической линии продолжались и венгерский МИД информировал о них, советовался со своими сторонниками в Риме, Берлине и Варшаве. В мае 1937 г. открылась сессия Лиги наций в Женеве, где дипломаты также говорили о венгерских интересах. На этот раз сведения об этом шли с чехословацкой стороны.

inslav

26 мая состоялась беседа представителя Венгрии в Лиге наций Ласло Велича с министром иностранных дел Англии А. Иденом. Она велась вокруг вопроса отношений Венгрии с соседними странами. Иден сообщил, что делегации стран Малой Антанты после прибытия в Женеву попросили его, как и министра иностранных дел Франции И. Дельбоса, посредничать между ними и Венгрией. Но он отказал (ибо идет улучшение отношений с Германией и Италией), «дабы не создать видимость, якобы Англия вмешивается в среднеевропейские дела». Теперь же, в подходящее время, он одобрил бы сближение Малой Антанты с Венгрией, а также их соглашение о вооружении. Представитель Венгрии заявил, что таких признаков не наблюдалось. Положение венгерского национального меньшинства в Румынии еще более ухудшилось. Неравноправие в вооружениях сохраняется сейчас только в отношении Венгрии, и предоставление ей равных прав в этом уже не может связываться с какими-либо условиями.

В тот же день состоялась беседа Велича с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой. Последний тоже считал момент чрезвычайно благоприятным для сближения Венгрии с Малой Антантой. По его мнению, никто от нее не требует за равноправие на вооружение отказа от ревизионистских претензий. Нельзя желать получить от Будапешта гарантии границ с Малой Антантой, но все-таки ему нужно бы (за признание за ним равных прав на вооружение) подписать с последней договор о ненападении или сделать в ее адрес заявление. Венгерский собеседник считал теперь недопустимым выдвижение условий за признание за Венгрией равноправия на вооружение[105].

Венгерский министр иностранных дел К. Каня на сказанное Крофтой отреагировал положительно и просил Велича передать ему благодарность за его позицию в вопросе о сближении стран Малой Антанты с Венгрией[106]. В ответ чехословацкий министр просил считать его шаг только зондажем, хотя с другими странами Малой Антанты у него нет расхождений[107]. Но 31 мая в Праге в беседе с временным поверенным в делах Яношем Вернле он подчеркнул, насколько ему было приятно, когда в гостинице в Женеве его посетил, по поручению К. Кани, Велич. «Он первый министр иностранных дел Чехословакии, с кем случилось это, явившееся знаком улучшения атмосферы»[108], – привел Велич высказывание министра.

Но Крофта вскоре сообщил о просьбе Малой Антанты. За признание за Венгрией равноправия на вооружение ее просили: 1) заключить двусторонние договоры о ненападении; 2) упразднить уже не действующую

inslav

арбитражную комиссию; 3) опустить некоторые военные положения из мирного договора, которые не имеют большого значения. Вернле констатировал, что Малая Антанта сделала свой шаг, а следующий – за Венгрией. К. Каня отреагировал немедленно и просил Вернле сообщить Крофте, что поскольку имеются существенные расхождения в предложениях, поступивших от представителей Чехословакии в Женеве и Праге, а также между югославскими, румынскими и чехословацкими предложениями, он не может дать окончательного ответа[109].

10 июня 1937 г. венгерский посланник в Праге Я. Веттштейн посетил К. Крофту и передал ему точку зрения Будапешта в соответствии с которой одновременно с его декларацией о ненападении страны Малой Антанты должны сделать жест доброй воли в адрес венгерского национального меньшинства. В ответ Крофта подчеркнул, что чехословацкое правительство ни при каких обстоятельствах свою политику в отношении национальностей не может сделать предметом межгосударственных соглашений. Если же Венгрия попытается в одностороннем порядке заявить о равноправии на вооружение, добавил он, то в таком же порядке Чехословакия откажется от своих обязательств по мирному договору в отношении национального меньшинства[110]. Переговоры по поднятым вопросам продолжались в Синае. К этому времени К. Каня стал ставить в центр бесед проблему положения венгерского национального меньшинства прежде всего в Румынии. (В тот период по двум внешнеполитическим проблемам – признание за Венгрией равноправия на вооружение и заявление о ненападении – сохранялись противоречия процедурного характера.) С этой целью в начале августа Л. Бардоши (через итальянского посланника в Бухаресте Уго Сола, выступавшего по поручению своего правительства посредником между Венгрией и Румынией) передал Антонеску записку. В ней содержались жалобы на действия против венгерского национального меньшинства, которые могли быть исправлены до начала переговоров, что явилось бы серьезным знаком добрых намерений румынского правительства. Состоялись две беседы посредника и министра иностранных дел Румынии. Антонеску признал необходимой ревизию политики в отношении национальных меньшинств, но этот жест намеревался сделать на заключительном этапе сближения. Однако он допускал возможность немедленной договоренности в основных чертах о предстоящих действиях.

Проанализировав встречу Антонеску с Бардоши 10 августа, венгерская сторона сделала вывод: Антонеску молча согласился с венгерской стороной – успех попытки сближения двух стран зависит от решения национального вопроса, и оно может быть достигнуто путем переговоров. Было условлено продолжить беседы в Синае, в дни заседа-

inslav

ния совета стран Малой Антанты. С венгерской стороны участвовать в них предстояло Л. Бардоши. За инструкциями он ездил в Будапешт.

Когда Антонеску спросил, готов ли Бардоши вести переговоры с ним по вопросу о равноправии на вооружение и упорядочивании отношений со странами Малой Антанты, венгерский посланник уже имел на это полномочия. Данный факт К. Каня считал уступкой со стороны Венгрии, поскольку до тех пор она не соглашалась вести переговоры с Малой Антантой как политической единицей. Бардоши добавил: результат бесед будет достигнут лишь в случае, если правительства стран Малой Антанты готовы идти в проблеме меньшинства на серьезные уступки[111].

В тот день Антонеску еще раз пригласил Бардоши и заявил о своих, как и Стояниновича и Крофты, наилучших намерениях, поскольку они решили признать за венграми равноправие на вооружение и спросил его, чем Венгрия могла бы ответить на этот шаг. Бардоши вновь изложил позицию венгерской стороны – для нее проблема равноправия на вооружение фактически решена, и теперь главным шагом на пути к сближению могло быть лишь удаление отравляющей заразы: национального вопроса. С целью убедить партнеров в своих искренних намерениях идет на уступки, заявляя: Венгрия может удовлетвориться, если правительства Малой Антанты в какой-либо форме, например, секретном протоколе, заявят о своем решении в области политики по отношению к национальным меньшинствам пойти на определенные уступки. Однако Антонеску отказался взять на себя в отношении Венгрии такое обязательство. Но одновременно он признал возможным преодолеть имеющиеся трудности, подписав протокол, причем это были бы три протокола, как и три заявления о ненападении.

С идеей протоколов согласился и Стояниович, а также Крофта, с которыми в Синае беседовал в качестве посредника итальянский представитель Сола. После его бесед состоялись встречи Бардоши со Стояниовичем, а затем и Крофтой. Уже во второй день работы Синайской конференции стран Малой Антанты Бардоши передал Стояниовичу проект протокола. Тот принял его за основу переговоров, но сообщил о своей обязанности информировать принца-регента, и пообещал еще до начала заседания Совета Лиги наций в Женеве известить Бардоши о его решении. То же самое заявил и Крофта и обязался после доклада сообщить Бенешу нужную информацию еще до отъезда в Женеву. Но, как уведомлял посланников за рубежом К. Каня 14 октября 1937 г., «Бардоши уехал из Синая с пустыми руками». Обещанных министрами иностранных дел стран Малой Антанты конкретных замечаний по проекту протокола ни до отъезда в Женеву, ни по приезде туда он так и не получил[112].

inslav

Продолжение контактов по названным проблемам имело место в Женеве во второй половине сентября 1937 г., в период сессии Лиги наций. После бесед в Синае, как отмечал К. Каня, у него сложилось впечатление, что серьезное сопротивление венгерскому предложению протокола нужно ожидать главным образом со стороны Румынии. «Так, без больших ожиданий я отправился в Женеву», – писал министр иностранных дел, и взял с собой в помощники Бардошши. 16 сентября К. Каня встретился там с государственным секретарем Англии лордом Р. Ванситтартом и информировал его о состоянии переговоров с представителями стран Малой Антанты. И если английский представитель выразил удовлетворение по поводу возможного успешного их завершения и надежду, что хотя бы в одном пункте Европы были бы созданы нормальные отношения, то, по словам югославского представителя в Лиге наций Ивона Суботича, французы не очень одобрительно относятся к беседам Венгрии со странами Малой Антанты, считая, что в случае согласия участники их постепенно попадут под немецкое влияние[113].

Каня подчеркивал: его беседы в Женеве с представителями стран Малой Антанты существенно затрудняло то обстоятельство, что Крофта выехал в Прагу на похороны бывшего президента Томаша Г. Масарика, а именно он был тем, кто в то время мог поддержать проект с его антирумынской настроенностью[114].

20 сентября в Женеве К. Каня имел беседу с министром иностранных дел Румынии В. Антонеску. Запись о ней сделал присутствовавший там венгерский посланник в Бухаресте Л. Бардошши. Венгерский министр начал с заявления о его давнем намерении нормализовать отношения с государствами, образованными на развалинах Австро-Венгрии. Он осознает, продолжал Каня, что если начавшиеся сейчас переговоры и завершатся успешно, сразу мы еще не станем «хорошими друзьями». Но с точки зрения европейского мира и особенно в интересах мирных отношений Дунайских стран, сближение имело бы несомненно большое значение. Он считал признание за Венгрией равноправия на вооружение актом ограниченной ценности, ибо в этом плане «мы находимся перед свершившимся фактом». Но сближение по существу наталкивается на политику стран Малой Антанты в отношении национальных меньшинств, на уклонение от исправления обид, нанесенных венгерскому меньшинству. В этой области безусловно необходимо сделать, считал Каня, хотя бы несколько позитивных шагов. Несмотря на невыполненное обещание стран Малой Антанты в Синае вручить венграм контрпредложения, он готов продолжить переговоры в Женеве, желая выяснить, в чем смысл румынских предложений.

inslav

Антонеску заявил об особом положении Румынии. Если в Чехословакии основной проблемой является ситуация немецкого национального меньшинства, в Югославии – хорватский вопрос, а венгерский выступает как второстепенный, то для Румынии проблема венгерского национального меньшинства имеет первостепенное значение. Поэтому Румыния не может принять на себя никаких обязательств перед Венгрией в отношении венгерского меньшинства. Румынское правительство готово исправить допущенные ошибки, но из-за общественного мнения оно должно избегать даже видимости того, что делается это по требованию венгерского правительства[115]. Он призывал Будапешт к терпению, обещая исправление ошибок, как только отношения между Румынией и Венгрией станут лучшими.

Каня со своей стороны считал невозможным пойти на такое решение, которое состояло бы только из двух элементов: признания военного равноправия и заявления о ненападении. Нельзя оставить вопрос меньшинства вне этих рамок. «Если сейчас нельзя найти соответствующую формулу, – продолжал Каня, – то дальнейшие переговоры перейдут на следующий год. Для нас это дело не срочное, и мы далеки от того, чтобы результатами переговоров создавать дипломатический успех»[116].

На следующий день венгерский министр иностранных дел беседовал с посланником Югославии в Париже Б. Пуричем. Последний встретился с К. Каней по поручению М. Стояниновича, имея задание сообщить, что страны Малой Антанты в начавшихся беседах с Венгрией руководствуются самыми благими намерениями. Соглашение должно удовлетворить общественное мнение обеих сторон. «Для него ясно, что венгерскому правительству нужно перед общественным мнением на что-то ссылаться, – подчеркивал Пурич, – что Югославии необходимо поступать во взаимопонимание со своими союзниками». Он пообещал передать венгерской стороне ответ на предложение Бардоши в Синае, не дожидаясь возвращения Крофты из Праги[117].

Беседа К. Кани с последним состоялась в Женеве 23 сентября, сразу по его возвращении. Крофта сообщил, что он держит слово, данное Бардоши в Синае: принимает полученный от него проект протокола за основу переговоров[118]. Но заявление своего собеседника по проблеме равноправия вооружений как свершившемся факте, по его словам, не выдерживает критики. Что касается вопроса о национальных меньшинствах, то чехословацкое правительство готово выполнять взятые на себя перед великими державами обязательства, но никогда не даст такого обещания Венгрии. Оно могло бы сделать совместное заявление, но в

inslav

обмен на аналогичное венгерское по поводу словацкого национального меньшинства. Крофта также сообщил, что сближения с Венгрией желают и президент Бенеш, и премьер-министр Годжа, и они основательно обсудили это с премьер-министрами Югославии и Румынии (Стояиновичем и Татареску), присутствовавшими на похоронах Масарика.

Каня в ответ сказал: венгерское правительство было бы очень довольно, если бы удалось достичь соглашения со странами Малой Антанты и тем самым улучшить политическую атмосферу в Дунайском бассейне. Признание равноправия Венгрии на вооружение может быть не более чем жестом в сторону венгерского общественного мнения. Решающим является вопрос о национальных меньшинствах и если в отношении его не удается найти формулу, которая удовлетворила бы обе стороны, то он будет считать переговоры законченными и подождет лучших времен, когда создастся благоприятная атмосфера.

Содержание записи данной беседы свидетельствует о том, что и в Женеве не удалось достичь соглашений из-за позиции Румынии[119].

Положение после переговоров в Синае и Женеве венгерское внешнеполитическое ведомство оценивало так: целью шагов на сближение было смягчение напряженности и улучшение невыносимого положения венгерского национального меньшинства, постоянно ухудшавшегося, особенно в Румынии. Следовательно, главной задачей было упорядочение судьбы национальностей, а признание равноправия в вооружении и обоюдные декларации в духе пакта Келлога служили только обрамлением.

Каня признавал: несмотря на существующие сомнения в успехе, пришлось действовать, «ибо наши друзья, Италия, Германия и Польша, все более настойчиво предлагали, чтобы мы стремились установить не только лучшие отношения с Югославией, но и предприняли попытку найти modus vivendi и с Румынией». И добавлял: после решения апрельской белградской конференции Малой Антанты в качестве реакции на итало-югославское соглашение, что «с нами могут вести переговоры только во взаимопонимании друг с другом, не было перспективы склонить страны Малой Антанты вести переговоры с каждой в отдельности, пришлось распространить наши беседы и на Чехословакию».

Он с удовлетворением констатировал, что в вопросе венгерского военного равноправия и в отношении заявлений о ненападении больше нет расхождений. Он отметил также серьезные намерения югославской и чешской сторон достичь с венграми соглашения и по национальному вопросу. Что касается румынской стороны, то она, несмотря на влияние Чехословакии и Югославии, остается непоколебимой в своей позиции, и

inslav

Венгрия в ближайшее время не рассчитывает на продвижение в этом деле, особенно из-за предстоящих в Румынии парламентских выборов.

Основной вывод венгерского министра: «Следовательно, пока нет причины менять свою выжидательную позицию»[120].

29 сентября 1937 г. К. Каня направил посланнику в Риме Ф. Виллани еще одну, но более компактную информацию о своих беседах с представителями Малой Антанты в Женеве[121]. Он отмечал, что только последующие беседы покажут, можно ли достичь соглашения.

Еще раньше начальник кабинета министерства иностранных дел Венгрии Иштван Чаки имел беседу в Женеве с чехословацким журналистом Василем Бенешем, племянником президента Э. Бенеша. Обсуждались те же проблемы – возможность сближения стран Малой Антанты с Венгрией, нюансы расхождений между партнерами в подходах к этому союзу и препятствия, существующие в Чехословакии и Румынии (в отношении венгерского меньшинства), которые мешают достижению постановленных целей. В. Бенеш обещал обо всем информировать президента[122]. Венгерский историк Магда Адам считает, что правительство Венгрии отнюдь не радо было обещанию журналиста[123]. И впрямь, налаживать отношения с Чехословакией всерьез «не входило в его планы». Вести переговоры с Чехословакией наравне с Югославией и Румынией оно было вынуждено; но заключения соглашения с ней всячески избегало. Да и Румыния, прежде всего по внутриполитическим соображениям (ввиду предстоящих выборов), не решалась принимать венгерские предложения, для нее было бы выгодно, если бы Венгрия прекратила или умерила ревизионистскую пропаганду.

Нельзя было достичь договоренности и по причине венгеро-германского соглашения о совместных действиях против Чехословакии, которые к этому времени превратились в конкретные меры. Германский МИД имел информацию о переговорах с тремя странами Малой Антанты в Женеве, но все же с подозрением относился к беседам К. Кани с К. Крофтой. Германские журналисты немедленно обрушились на Каню с вопросом, почему он ведет эти переговоры. В связи с этим сразу же после возвращения в Будапешт (27 сентября) К. Каня пригласил к себе германского посланника О. Эрдманнсдорфа и ознакомил его с теми важнейшими моментами переговоров с представителями стран Малой Антанты, о которых шла речь выше. Но как свидетельствуют события, венгерской стороне не удалось развеять опасения германского ведомства иностранных дел. А сведения о попытке создания треугольника Вена–Будапешт–Прага только усиливала их, тем более, что эта идея поддер-

inslav

живалась Францией: переговоры между Годжей и Шушнигом действительно велись. В ходе их чехословацкий премьер высказал характерные для его политики признания: «Для меня ничего не могло быть ужаснее, чем если бы Москва спасла Чехословакию»[124].

Такой точки зрения Годжа придерживался в самом начале чехословацкого кризиса. Гитлеровская Германия к этому времени уже непосредственно поставила в повестку дня на совещании в Хосбахе (5 ноября) вопрос об Австрии и Чехословакии о выработке плана агрессии на Восток, включении Австрии и Чехословакии в «жизненное пространство» Германии[125].

В этот период при расчленении Чехословакии Гитлер обещал отдать Словакию и Карпатскую Украину Венгрии. Позже свои намерения в этом плане он часто менял (исключив Словакию)[126], о чем будет сказано ниже.

Заручившись поддержкой своих намерений двинуться на Восток (речь идет о беседе Гитлера в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. с лордом Э. Галифаксом, министром без портфеля, ставшим в 1938 г. министром иностранных дел Великобритании), Гитлер начал разработку вариантов плана «Грюн», т. е. захвата Чехословакии. В ходе упомянутой беседы, когда речь шла о предстоящих изменениях европейского порядка, «которые рано или поздно произойдут», Галифакс сказал: «К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...»[127]

В связи с этим Гитлер счел, что пришло время для выяснения роли Венгрии в предстоящем разделе Чехословакии (это нашло отражение и во втором варианте плана «Грюн»), и пригласил государственных руководителей Венгрии в Германию на переговоры 21 ноября, о чем шла речь выше.

Теперь как Гитлер, так и Гёринг рекомендовали (в который раз!) Венгрии сосредоточить все усилия против Чехословакии и достичь соглашения с Югославией, причем Гёринг давал гарантии нейтралитета последней в случае конфликта Венгрии с Чехословакией. С Румынией он рекомендовал найти modus vivendi, т. е. такие условия, которые сделали бы возможными хотя бы временные мирные отношения[128].

Исследуя эти вопросы, упоминавшаяся М. Адам, ссылаясь на документы более позднего происхождения, установила: в ходе ноябрьских 1937 г. встреч делегации Дарани с Гитлером фюрер пообещал Венгрии за ее участие в акции против Чехословакии Словакию и Карпатскую Украину[129].

inslav

После переговоров венгерских представителей с делегатами стран Малой Антанты в Женеве стало ясным: румынское правительство по ряду, прежде всего внутренних, причин не собиралось идти на сближение с Венгрией, несмотря на заинтересованность в этом Чехословакии и Югославии. Немаловажную роль в стремлении Румынии уклониться от последующих переговоров сыграло намерение Венгрии поставить в их центр проблему положения национальных меньшинств, в частности в Румынии. Последняя не только оглядывалась на Францию, но и ссылалась на ее незаинтересованность в сближении Малой Антанты с Венгрией.

Находясь в сложном положении, министр иностранных дел Чехословакии Крофта прямо из Женевы направился в Париж и ему удалось убедить французское правительство в том, что он заинтересован в сближении Малой Антанты с Венгрией. Об этом Крофта сообщил венгерскому посланнику Я. Веттштейну сразу после возвращения из Парижа[130]. Причем мотивировалось это и интересами стабилизации среднеевропейского положения. Аналогичное сообщение было передано венгерскому правительству и через французского посланника в Будапеште.

Продолжение обсуждения данной темы имело место 19 октября 1937 г. в беседе министра иностранных дел Венгрии К. Кани с чехословацким посланником в Будапеште М. Кобром. Затрагивая переговоры между Малой Антантой и Венгрией, посланник признал, что проблема равноправия на вооружение де-факто решена, а де-юре еще нет, но оспорить право Венгрии на равноправие фактически уже невозможно.

В Праге, заявил он, предполагают решить вопрос, обнародовав заявление Малой Антанты, что она не настаивает на выполнении Венгрией военных предписаний Трианонского мирного договора, после чего эти предписания были бы упразднены на кратком заседании в Женеве.

Затрагивая вопрос о венгерском национальном меньшинстве в Чехословакии, посланник обещал постепенно удовлетворить законные его пожелания, но его правительство не может допустить вмешательства извне. Министр выразил удивление по поводу такой позиции в данном вопросе, если Венгрия проявила готовность решить его на принципе взаимности, т. е. удовлетворить пожелания словацкого меньшинства в Венгрии, Кобр «преобразился» и заявил: «На основе взаимности много чего можно решить».

Как отмечал в записи беседы К. Каня, собеседники полностью были согласны, что переговоры между Венгрией и странами Малой Антанты могут достичь удовлетворительного результата, «если не будем ждать от них многого. Нужно удовлетвориться малым, улучшением полити-

inslav

ческой атмосферы». После чего станет возможным, – пусть не сотрудничество, а хотя бы нормальные отношения[131].

Между тем события в Европе развивались, после прихода к власти в Англии Невиля Чемберлена (сторонника умиротворения гитлеровской Германии и сближения с ней), в направлении дальнейших уступок оси Берлин–Рим со стороны англо-французского блока. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос приспосабливался к позиции Великобритании. В конце 1937 г. французская делегация в течение двух дней вела переговоры в Лондоне. В отношении Германии согласие было достигнуто в духе обещаний, данных Гитлеру Галифаксом 19 ноября. Фактически здесь договорились пожертвовать Чехословакией в угоду Германии. Декабрьское турне министра иностранных дел Франции имело целью довести до сведения в Бухаресте, Варшаве, Белграде и Праге об изменении курса, отказе от идеи Луи Барту (коллективная безопасность в Европе против Германии). Нанося визиты в названные столицы, он везде говорил о нужности более тесного сплочения Дунайских стран. В Будапеште Дельбос рекомендовал достичь соглашения с Малой Антантой. Во всех посещаемых им странах он предостерегал – не делайте ничего такого, что раздражало бы Германию[132], особое давление в этом плане оказывая на чехословацкое правительство. В Бухаресте Дельбос советовал придти к согласию с Венгрией, а в Будапеште, при встрече на вокзале с постоянным заместителем министра иностранных дел Г. Апором, рекомендовал продолжить переговоры с Румынией[133].

Задачу, стоявшую перед Дельбосом, не так трудно было осуществить. К этому времени Югославия и Румыния все более сближались с осью Берлин–Рим и, следовательно, отдалялись от Франции. В Польше, убедившись в сотрудничестве Бека с гитлеровской Германией, он и не пытался рекомендовать ей сойти с этого пути.

Последним пунктом турне Дельбоса по Центральной и Юго-Восточной Европе была Прага, единственная из столиц Малой Антанты, оставшаяся верной Франции. Но и здесь он уже действовал по рекомендации Лондона – уйти в сторону от Чехословакии, пожертвовать ею. Характерен в этом отношении ответ Дельбоса на вопрос Э. Бенеша, каким будет намерение Франции, если за Австрией последует Чехословакия. Он сказал: «Нужно лишить Гитлера всякого повода, который дал бы ему право на нападение»[134].

В ходе этих переговоров наибольшую склонность идти на уступки (среди чехословацких собеседников) проявил премьер М. Годжа. Он даже обсуждал с Дельбосом возможность создания треугольника Па-

inslav

риж–Берлин–Прага[135], пренебрег позицией Бенеша. Это было на руку венгерским реваншистам.

Как свидетельствуют события, к этому времени Югославия уже только формально считалась членом Малой Антанты, фактически правление Стояниновича перетянуло ее в стан противников англо-французского блока. Премьер-министр установил не только тесные связи с Италией, но и наметил пути сближения Белграда с Будапештом.

Девятого декабря 1937 г. в Женеве временный поверенный в делах Венгрии при Лиге наций Ласло Барток и югославский представитель в Лиге И. Суботич начали беседу с факта посещения Стояниновичем Рима. По словам Суботича, Белград «не сдал принципы коллективной безопасности», но дополняя их, стремится путем двусторонних соглашений со всеми соседями создать такие условия, которые способствовали бы возникновению дружественной атмосферы. Из этого Барток делал вывод: «Югославия поставила важнейшей целью и улучшение отношений с Венгрией». Но тут же выразил сожаление, что переговоры с Малой Антантой до сих пор не привели к результатам. В качестве причины называлась невозможность принудить находящуюся перед выборами Румынию пойти на уступки. Как полагал Суботич, особенно нужно следить за тем, чтобы каждая из стран Малой Антанты вышла из переговоров с непострадавшим престижем. Он считал также, что турне министра иностранных дел Франции Дельбоса будет способствовать уступчивости Румынии. И французский представитель в Женеве получил инструкцию любым способом добиваться того, чтобы склонить Румынию к покладистости[136].

Дипломатическая переписка конца 1937 – начала 1938 г. свидетельствует о том, что Румыния отклоняла любые переговоры (дву- или трехсторонние) по румыно-венгерским отношениям и заявляла об их возможности только после выборов[137].

Югославия в этот период придерживалась позиции, согласно которой она (после соглашения с Болгарией и Италией) не может открыто подписать договор с Венгрией, в обход других двух стран Малой Антанты, но улучшить отношения Стояинович обещал.

11 января 1938 г. Стояинович встретился в Берлине с Гитлером. Еще до того венгерское правительство через германское посольство в Будапеште просило Германию выступить в поддержку Венгрии при переговорах с руководителями Югославии[138]. Гитлер и Гёринг выполнили просьбу и взяли на себя посредничество между Югославией и Венгрией. Они на основе бесед с Дарани и Каней (состоявшихся ранее) заявили Стояиновичу, что Венгрия ради сближения с Югославией го-

inslav

това признать венгеро-югославскую границу, установленную Трианонским мирным договором. Однако это посредничество велось не совсем так, как желала венгерская сторона. Гитлеровцы не только не упомянули о гарантии нейтралитета Югославии в отношении действий Венгрии, но и подчеркивали, что в связи с Венгрией они не поддерживают ничего, в чем нет немецкого интереса. Гитлер отмечал: «Мы имеем с Венгрией общий интерес в отношении Чехословакии, но нет у нас никакого общего интереса в отношении Румынии и Югославии»[139]. Но и эта встреча не принесла желаемого для Венгрии результата. Стоядинович остался на прежней позиции, о которой шла речь выше (будет стремиться улучшить отношения без всякого соглашения).

Да и Румынию к концу 1937 г. не удалось склонить к достижению договоренности с Венгрией. Напротив, после выборов король Румынии, не приняв во внимание их результаты, назначил премьер-министром Октавиана Гогу, лидера Национал-крестьянской партии, не собравшей на выборах и 10% голосов. Положение национальных меньшинств, в том числе и венгерского, ухудшилось То же произошло и с румыно-венгерскими связями. Гога не шел ни на какие уступки, надеясь на гарантию Гитлера венгеро-румынских границ, которая сделала бы всякие венгеро-румынские переговоры ненужными[140]. Но Германия не отреагировала на желание нового румынского правительства признать и гарантировать статус-кво. В этой ситуации последнее готово было на сближение с Италией, но та, оставаясь верной прежней позиции, не шла на заключение с Румынией политического соглашения до нормализации ею отношений с Венгрией. В начале января 1938 г. Муссолини трижды подтвердил это в беседе с Иштваном Бетленом[141].

Министр иностранных дел Румынии Николае Петреску-Комнен известил через Бардошши о готовности возобновить переговоры с К. Каней в Женеве, но без посредников[142]. В ответ венгерский министр выразил удовлетворенность этим известием, но, ссылаясь на чрезмерную занятость, сообщил о невозможности выехать в Женеву в ближайшее время. Он просил посланника Бардошши выяснить, что означает желание румынского коллеги вести переговоры об упорядочении отношений «без посредников», поскольку прежде Румыния соглашалась на них только совместно с участием и других двух стран Малой Антанты[143].

Венгрия со своей стороны в начале 1938 г. форсировала переговоры с Румынией. 17 января Бардошши посетил Гогу с целью завязать с ним беседу о нормализации венгеро-румынских отношений[144]. Но когда румынский премьер не проявил должного интереса, правительство Дара-

inslav

ни в период правления этого кабинета в Румынии более не предпринимало подобной инициативы. К тому же команда Гоги умудрилась за короткое время испортить отношения и с остальными странами Малой Антанты, и с западными демократическими странами, а внутри Румынии вступила в конфликт даже с Железной гвардией.

В этой обстановке 10 февраля король поручил формирование нового правительства Мирону Кристье, руководителю клерикальных кругов. Заместителем премьера и министром иностранных дел в новом кабинете стал бывший премьер-министр Георге Татареску.

Поскольку новое правительство на словах выражало больше склонности к соглашению, 18 февраля Л. Бардоши по поручению К. Кани посетил Татареску и спросил: готово ли румынское правительство возобновить переговоры и ответить на венгерское предложение, сделанное в Синае[145]. Татареску подчеркивал свою серьезную решимость завершить переговоры, но от конкретного ответа, как и его предшественник, уклонился, пообещав вернуться к этому вопросу в марте.

В ходе пребывания в Польше 5–9 февраля 1938 г. К. Каня беседовал и с заместителем министра иностранных дел графом Яном Шембеком. Каня подтвердил имевшие место переговоры со странами Малой Антанты, в частности с Румынией, обращая внимание на их безрезультатность. Шембек в своей записи беседы особое внимание обратил на отношения с Румынией, учитывая заявление Кани, согласно которому венгерское правительство не выдвигает и не будет выдвигать перед ней территориальных требований, пожелание свое оно ограничивает улучшением положения венгерского национального меньшинства. Румыны это знают, но не реагируют. Поэтому Каня не скрывал своего скептицизма по поводу улучшения отношений с Румынией. Об этом говорят много лет, но ничего не делается. И беседа короля Кароля II с посланником Хори в Лазенках не продвинула дело вперед. Румынские посланники в Будапеште Басиле Григорцья и Босси не смогли ничего сделать.

По словам Кани, как их записал Шембек, венгеро-румынские отношения полностью зависят от Бухареста, но ему кажется, на них оказывают влияние и посторонние факторы, возможно, французские, а может быть, и немецкие.

Сам Шембек полагал, что в Румынии есть много политиков, которые выступают за сближение с Венгрией, к ним он относил и короля Кароля II.

Венгерский министр иностранных дел считал сближение с Румынией более важным чем прежде и если этого не поймут в Румынии, не пой-

inslav

дут на разрядку напряженности в контактах с Венгрией, «то и мы, и они станем вассалами немцев»[146].

Политика затяжек, которой придерживалось румынское правительство, привела к нервозности в Праге, где правящие круги, оказывая давление на Румынию с целью заставить ее выполнить взятые в декабре 1937 г. обязательства перед странами Малой Антанты в отношении Венгрии, заговорили о возможности в такой ситуации пойти на соглашение с последней сепаратно, без Румынии и Югославии. Это вполне объяснимо, если иметь в виду сгущавшиеся над Чехословакией тучи. Становилась явной угроза самому ее существованию, особенно со стороны Германии. Еще в декабре 1937 г. М. Кобр в беседе с постоянным заместителем министра иностранных дел Венгрии Г. Апором заявил: если румыны не решаются, то задуманное дело можно довести до конца и на двусторонней основе[147]. В феврале 1938 г. в МИД Чехословакии венгерского посланника уведомили о невозможности далее ждать времен, когда румыны перестанут раздумывать и колебаться[148]. Дипломаты надеялись в скором будущем поставить чехословацко-венгерские отношения на более дружественную основу. Пражское правительство и позднее через венгерское посольство в Праге и чехословацкое в Будапеште несколько раз выражало готовность отдельно договориться с Венгрией.

Оказавшись фактически в изоляции, Чехословакия, вполне понятно, стремилась хотя бы частично обезопасить себя. Венгерский посланник Я. Веттштейн, зная общую линию политики своего правительства, выкручивался как мог, когда его в Праге обхаживали и заверяли в готовности Чехословакии нормализовать отношения с Венгрией и без Румынии. Считая предложения правителей Праги серьезными, Веттштейн запросил инструкции от К. Кани, как вести себя в таком случае.

Венгерский министр иностранных дел ответил: если такое предложение будет повторено, то посланнику вести себя сдержанно и в крайнем случае ограничиться словами «Сообщенное я должен доложить правительству»[149].

Хортисты ставили перед собой иную цель, чем сближение с Чехословакией. На основе ноябрьской 1937 г. договоренности с гитлеровцами перед ними стояла задача нагнетать напряженность в отношениях со своей северной соседкой. В венгерской печати уже тогда утверждали: судьба Чехословакии решена, приближается минута ее исчезновения с карты Европы и присоединения Словакии и Закарпатской Украины к Венгрии.

В Чехословакии подозревали о существовании сговора Венгрии с гитлеровской Германией. В феврале 1938 г. действительно венгерский ген-

inslav

штаб уже разработал план оккупации Словакии и Карпатской Украины. Военный атташе Венгрии в Риме Ласло Сабо посетил тогда начальника генерального штаба генерала А. Париани и выяснил, какую помощь Италия могла бы оказать в случае необходимости Венгрии. Париани, как и вообще итальянские руководители фашистского периода, великодушно пообещал предоставить находящиеся в резерве 20 дивизий[150].

Но уже это донесение Сабо пронизывала мысль: Италию не интересует венгеро-германо-чехословацкий конфликт, если не вмешаются в войну великие державы; в противном случае, или при ограничении числа участников войны Германией, Чехословакией и Венгрией, она предпочитала оставаться невоюющей страной.

Заручившись обещанием Гитлера допустить хортистов к соучастию в акции развала Чехословакии, в начале 1938 г. они наладили тесное сотрудничество Объединенной венгерской партии в Чехословакии с Судето-немецкой партией Генлейна. Правительство Дарани пошло на дальнейшие уступки в деятельности немецкого национального меньшинства в Венгрии. Достигнута была некоторая договоренность о единстве действий этих партий с глинковцами в Словакии в борьбе против чехословацкого правительства. Видные деятели партии судетских немцев посетили Венгрию, встретились с премьером Дарани и министром иностранных дел Каней и обсудили взаимодействие немецкого и венгерского национальных меньшинств против пражских властей. Государственный секретарь премьер-министра Венгрии по делам национальностей Тибор Патаки пообещал дать указание руководителям венгерского национального меньшинства теснее сотрудничать с генлейновцами с целью достижения ревизионистских целей, и способствовать «исчезновению Чехословакии с карты Европы». Премьер-министр Дарани заверял своих немецких гостей: «Точка зрения венгерских властей на судьбу чехословацкого государства полностью совпадает с точкой зрения фюрера»[151].

В ходе подготовки к расчленению и уничтожению Чехословакии 5 марта 1938 г. в Дьёре в день обнародования программы на вооружение (планировалось расходовать на эти цели 1 млрд пенгё), Дарани фактически заявил о военном равноправии Венгрии со странами Малой Антанты (хотя и в половинчатом виде), ссылаясь на признание его со стороны Италии и Австрии, выразившими пожелание осуществить его и на практике[152].

Несмотря на то что венгерский премьер в своей речи назвал отношения между Венгрией и Малой Антантой корректными и выразил готовность при определенных условиях заключить соглашение с ней, из-за использования им вызывающего тона и угроз его выступление вызвало

inslav

в соседних странах, прежде всего в Румынии и Чехословакии, беспокойство. Оно было усилено и тем, что Венгрия поставила партнеров по переговорам перед свершившимся фактом. Югославия из-за тайного сближения с Венгрией «отдалялась от других двух стран Малой Антанты и в подходе к проблеме возможных контрмер.

Венгерское правительство стремилось смягчить впечатление от выступления Дарани в Дьёре, и с этой целью 17 марта Каня дал указание посланнику в Лондоне сообщить в Форин офис: «Мы не провозгласили равноправие на вооружение, более того, мы готовы об этом на определенных условиях вести переговоры и впредь... суммы, предназначенные на военные цели, будут использованы в первую очередь для замены старого (времен войны) оружия и оснащения»[153].

В этих напряженных условиях подготовки к аншлюсу бывший министр иностранных дел Венгрии Густав Грац, который довольно последовательно в 1920–1930-е годы выступал за улучшение отношений с соседними странами, и на этот раз отправился в Прагу. Осталось не выясненным, по личной ли инициативе или по поручению правительства он сделал это. В столице Чехословакии Грац вел переговоры на высшем уровне – с президентом, премьером и министром иностранных дел (Бенешем, Годжей и Крофтой). В ходе этих бесед он стремился выяснить, на какую помощь Чехословакия рассчитывает в случае нападения Германии и окажет ли в таком случае сопротивление. Кроме того, он хотел узнать, на какие уступки Венгрии она готова идти в этих сложных условиях. Правители Чехословакии заявили Грацу: безопасность своей республики они надеются обеспечить при помощи западных стран (имелись в виду Франция и Англия). Они также подчеркнули, что не рассчитывают на помощь России, поскольку «советско-чехословацкий договор вообще не имеет практического значения и является только следствием франко-чешского и франко-русского договоров»[154].

Одновременно Бенеш обратил внимание на витавшую в то время в воздухе идею создания треугольника Вена–Будапешт–Прага, который явился бы самой прочной защитой против Германии. Он сообщил и о том, что осведомлен о поддержке такого плана со стороны Италии, и перечислил все свои инициативы, проявленные им после распада Австро-Венгрии и направленные на сближение с Венгрией. По поводу отношения к национальным меньшинствам сказал, что он планирует провести такие реформы, которые обеспечили бы далеко идущие права всем проживающим в Чехословакии национальностям. Но эту проблему не собирается сделать предметом международных соглашений.

inslav

Грац пытался говорить о тяжелом и безвыходном положении Чехословакии, которое может возникнуть вследствие аншлюса и невыполнения французами взятых на себя обязательств. По мнению Граца, тогда уже не будут иметь значения ни равноправие на вооружение, ни экономические вопросы, ни проблема национальных меньшинств. В такой обстановке он не видел иной почвы для венгеро-чехословацкого сближения, кроме как в виде решения вопроса границ, т. е. удовлетворения венгерских ревизионистских требований. Предложения Граца были отклонены чехословацкой стороной. Не могла Чехословакия в то время идти на территориальные уступки малой Венгрии, когда она не делала их и могущественной Германии, мотивировал премьер-министр[155].

Следовательно, переговоры Граца с чехословацкими руководителями не сдвинули проблему с места.

17 февраля 1938 г. К. Каня в своей телеграмме в Бухарест Л. Бардоши просил сообщить Татареску: переговоры, направленные на нормализацию отношений между Венгрией и странами Малой Антанты, уже ведутся больше года, но не привели ни к каким конкретным результатам[156]. Примерно такое же положение было и ко времени посещения Грацом Праги.

3. Венгеро-польские и венгеро-советские отношения

В одном из донесений польского посланника из Будапешта в Варшаву отмечалось: венгры всегда проявляли большие симпатии к полякам и вспоминали о своей помощи, оказанной им в дни советско-польской войны. Польша в свою очередь после первой мировой войны, опираясь на вековые традиции, выступила с поддержкой Венгрии, выразившейся в нератификации Трианонского договора, а также в помощи ей в Лиге наций в дни кризиса, вызванного убийством югославского короля Александра I, и проведении манифестаций дружбы по отношению Венгрии. Все это, по мнению дипломата, давало венграм основу обращать свои взоры на Польшу, как на страну, на которую можно опереться... Хотя им ясно, что до сих пор эти связи не выходили за рамки разговоров о дружбе, а они хотели бы перейти «к политическому сближению». В этом документе подчеркивалось: для Венгрии «дружба с Польшей не есть результат искусственных политических комбинаций, а имеет почву в широких слоях населения, подкрепленную историческими традициями и сходством психики двух народов»[157].

inslav

В качестве первого шага в сближении можно назвать пребывание в конце сентября 1936 г. в Будапеште польского генерала К. Заморского, главного коменданта полиции. Опекали его руководители полиции, тайной полиции и жандармерии. Он был принят военным министром, начальником военной канцелярии регента Йожефом Шомкути и министром внутренних дел Миклошем Козмой. В результате было достигнуто венгеро-польское сотрудничество полиции двух стран[158].

В связи с этим визитом заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек информировал польского посланника в Бухаресте о целях поездки Заморского: установление контакта с венгерским полицейским управлением по борьбе с коммунизмом[159]. Это было началом координации действий министерств двух стран в данном направлении.

В первые месяцы 1937 г. можно говорить и о смягчении в отношениях Венгрии со странами Малой Антанты. Польская сторона, преследуя и свои интересы, охотно взялась за посредничество между Венгрией и Румынией, а также Венгрией и Югославией. Венгрия со своей стороны решила пойти на некоторые уступки. По тактическим соображениям она прекратила широкую кампанию, направленную на предъявление странам Малой Антанты своих территориальных требований.

Пробный шар запустил еще в конце 1936 г. бывший премьер-министр И. Бетлен. В своем выступлении в Лондоне он говорил лишь о возвращении заселенных преимущественно венграми пограничных районов Словакии, а в отношении других регионов предлагал провести плебисцит. Премьер-министр К. Дарани в выступлении на заседании правящей Венгерской партии единства (26 января 1937 г.) даже не упомянул о ревизионизме, делал ударение на равноправии и взаимности и заявил о готовности к сотрудничеству с соседними странами. В качестве условия смягчения отношений с Малой Антантой он выдвигал улучшение положения венгерского национального меньшинства.

И действительно, новый румынский посланник в Будапеште Р. Босси вел переговоры о признании за Венгрией равноправия на вооружение. Возобновлению этих переговоров способствовал министр иностранных дел Польши Ю. Бек. В этот период почти была прекращена венгеро-польская перепалка в печати, что ободрило правителей в Варшаве. Бек тогда же отмежевался от акции, инициированной чехословацким представителем К. Крофтой (о заключении двусторонних соглашений о ненападении), ссылаясь на дружественные отношения Польши с Венгрией[160].

Разговоры вокруг попыток создания блока в Центральной Европе и на Балканах с антигерманской направленностью Венгрия использова-

inslav

ла для того, чтобы побудить Германию поддерживать ее ревизионистские устремления.

В это время в Москве обсуждали проблему, каким образом СССР может оказать военную помощь Франции и Чехословакии в случае нападения Германии, если Румыния и Польша не пропустят через свою территорию советские войска (морем и по воздуху). Германия в свою очередь стремилась удержать Польшу под своим влиянием, уменьшить воздействие сторонников ориентации на Францию, о чем и заявлял Г. Гёринг в Варшаве в середине февраля 1937 г.[161] Германские деятели дали понять польским правителям, что на повестке дня стоит проблема Чехословакии, территориальные претензии к которой имелись и со стороны Польши.

После подписания договора о вечной дружбе между Югославией и Болгарией (24 января), Югославия готова была достичь соглашения и с Венгрией на двусторонней основе. Посредничество взяла на себя Польша. Граф Казимир Мицельский, поверенный в делах Польши в Будапеште, передал предложение Югославии[162]. В то время, как Ю. Бек решил выступить в роли посредника, польские военные круги, в частности генерал Казимир Соснковский, подталкивали Венгрию к подготовке к войне с ЧСР[163].

Однако в этот период интересы Будапешта и Варшавы не вполне совпадали, а по некоторым вопросам они прямо расходились. В феврале 1937 г. Шембек в беседе с Хори разъяснял, что политика Польши определяется ее географическим положением, т. е. нахождением между двумя великими державами – Советским Союзом и Германией, на которые и обращено ее основное внимание. У Польши нет интересов в Центральной Европе. Он высказался и об отношениях с Венгрией, с которой имеется много точек соприкосновения, но круг их интересов не совсем одинаков. Такой откровенностью Шембека венгерский посланник Хори был явно обескуражен и за польской настороженностью видел проявление польско-румынского сотрудничества[164]. Правительство Румынии в свою очередь с подозрительностью относилось к венгеро-польскому заигрыванию.

В такой ситуации сближение с Венгрией намечалось на другом конце Малой Антанты – в Югославии. Оно казалось более реальным и вследствие заинтересованности в нем как Германии, так и Италии. Причем Италию все еще не покидала мысль сохранить под своим влиянием как Югославию, так и Венгрию, путем создания блока Рим–Белград–Будапешт, куда уже напористо проникало германское влияние. Поэтому Муссолини одобрительно отнесся к венгеро-югославским переговорам о сближении.

inslav

В беседе поверенного в делах Польши К. Мицельского с заведующим политическим отделом венгерского МИДа бароном Д. Бакач-Бешшеньеи (19 марта 1937 г.) последний сообщил о возможности принять польское предложение и переместить центр переговоров в Белград[165]. Венгеро-югославские тайные переговоры начались. Между тем был подписан итало-югославский договор (25 марта), который положил начало распаду Малой Антанты.

В первых числах апреля в Белграде был собран Постоянный совет Малой Антанты, который заставил руководство Чехословакии понять: Стояданович и Югославия «уже полностью находились в противоположном лагере»[166].

Там же, на конференции, было решено, что Югославия может вести переговоры с Венгрией только с ведома и согласия остальных двух стран Малой Антанты.

Чехословакия продолжала вынашивать иллюзию осуществления плана Годжи о реорганизации Центральной Европы, в которой государства этой части континента сотрудничали бы под покровительством Франции. Пропаганда этого плана не оказала влияния на Варшаву. Правительство Польши продолжало оценивать положение в Дунайском бассейне в духе интересов Венгрии. Венгерский премьер-министр К. Дарани продолжал упорно молчать, точнее, скрывать истинные планы и намерения в отношении территориальных претензий к соседним странам. Венгерский премьер не упомянул о ревизии и в своем выступлении в Сегеде 18 апреля и, более того, выразил готовность уладить отношения с соседями мирным путем, если будет улучшено положение венгерского национального меньшинства.

Такая позиция произвела хорошее впечатление в Варшаве, и Ю. Бек пообещал во время предстоящей поездки в столицу Румынии передать пожелания венгерского правительства. Для Бека было важно удержать Бухарест на своей стороне, не допустить ее сползания на линию Прага–Москва. Надежды он возлагал на нового министра иностранных дел Антонеску (порвавшего с политикой устраненного Николае Титулеску, направленной на сближение с Советским Союзом). Польское правительство одновременно пыталось ослабить чешско-русские отношения.

Венгрия просила разрешить воздушное сообщение между Варшавой и Будапештом через Чехословакию, чешская сторона взамен добивалась от Польши разрешения пользоваться в своей воздушной связи с Советским Союзом польской территорией. Правительство Польши не согласилось, и переговоры по этому поводу были прекращены.

inslav

В связи с этим Ю. Бек информировал венгерского посланника А. Хори: и румыны не возобновили воздушную линию связи Чехословакии с Советским Союзом – через Румынию[167].

Не без определенного умысла в то же время министру иностранных дел Венгрии К. Кане нанес визит польский посланник Л. Орловский и, ссылаясь на достоверные сведения, которыми располагает его правительство, сообщил о согласии (под давлением англичан) принца-регента Павла подписать югославо-итальянский договор с целью воспрепятствовать укреплению советского влияния в Европе. Оно могло бы произойти в случае осуществления плана Франции и Малой Антанты о заключении между ними соглашения о взаимопомощи[168].

Политика Польши (совпадавшая с венгерской) в отношении Чехословакии строилась на убеждении, что Франция не поможет последней в случае войны, и на заверении руководства гитлеровской Германии об отсутствии у него претензий к Польше.

В ходе визита в Бухарест 22–25 апреля 1937 г. Ю. Бек в беседе с королем Каролем II, премьер-министром Г. Татареску и В. Антонеску убедился в их готовности идти на улучшение отношений с Венгрией. Факт ухода Титулеску и коренные изменения во внешней политике, проводившиеся Антонеску (направленные на разрыв с Москвой), Бек считал таким поворотом, который имел большое значение и для Венгрии[169].

В середине мая президент Польши Игнаций Мосьцицкий посетил Бухарест и известил румынских руководителей о заинтересованности Польши в румыно-венгерском сближении[170]. Это происходило тогда, когда венгеро-югославские переговоры фактически застопорились. Еще 8 апреля К. Каня информировал посланника в Риме Ф. Виллани о своих шагах, предпринятых у премьер-министра М. Стояниновича в интересах венгеро-югославского сближения и на которые он не получил ответа[171]. Эти шаги совпадали и с планами фашистской Италии. Позиция Стояниновича объяснялась как внутренними, так и внешними факторами, с чем соглашалась и Германия. Но в Варшаве были настроены оптимистически и уверяли Будапешт о готовности Стояниновича достичь соглашения с Венгрией. Начальник политического отдела МИД Польши Тадеуш Кобылянский был убежден, что Малая Антанта существует уже только на бумаге.

Между тем правительство Польши зорко следило за тем, чтобы не наступило смягчение в венгеро-чехословацких отношениях. Польская сторона убеждала венгерского дипломата в том, что сближение Польши с Чехословакией невозможно ни при каких условиях из-за чехословац-

inslav

ко-советского договора. Хотя, как известно, тогда Чехословакия готова была достичь соглашения с Венгрией. Это подтверждается переговорами в Женеве, о чем шла речь выше.

На состоявшейся в мае 1937 г. коронации английского короля присутствовал и Ю. Бек. В беседах с ним в Лондоне соглашались с концепцией «третьей Европы», т. е. полосы от Балтики до Румынии, которая, по мнению Идена, могла бы сыграть положительную роль, «будучи нейтральной территорией»[172].

Мосьцицкий 7–9 июня этого года вновь посетил Бухарест и, желая убедить румынских руководителей в том, что им ничего не грозит со стороны Венгрии, обращал их внимание на опасность, исходящую от Советского Союза.

Румынский король Кароль II в ходе визита в Польшу в 1937 г. беседовал 8 июля с венгерским посланником в Варшаве А. Хори и намекал на «ясные дни после ненастья» в румыно-венгерских отношениях. Антонеску же на встрече с Шембеком говорил о готовности стран Малой Антанты признать равноправие на вооружение, но в свою очередь предлагал Венгрии заключить с каждой из трех стран соглашение о ненападении. Шембек заявил о невозможности подобных действий в отношении Чехословакии.

18–20 сентября в Женеве встретились Бек и Каня. Бек напомнил о дружбе между Польшей и Венгрией в прошлом и обещал в будущем поддерживать интересы Венгрии. Польский министр иностранных дел считал своей заслугой тот факт, что Румыния не пошла на сближение с Советским Союзом. Он рассказал венгерскому министру о готовности Румынии укрепить северную границу Бессарабии и тем самым отрезать для СССР самый прямой путь в Чехословакию. На случай румыно-советского конфликта Бек обещал оказать помощь румынам. В беседах с королем, премьером и министром иностранных дел Румынии, продолжал Бек, он рекомендовал удовлетворить требования венгерского национального меньшинства.

Каня ответил тем же и стал как будто оправдываться в том, почему редко упоминал о венгеро-польской дружбе: он не хотел ставить польского министра в затруднительное положение перед румынским союзником. Бек в свою очередь рекомендовал Венгрии не прекращать переговоры с румынами[173].

Учитывая ситуацию в Европе, Бек вынашивал планы сохранения отношений с Германией и недопущения их ухудшения и одновременно добивался установления общей польско-венгерской границы. Он ясно

inslav

понимал, что началось распространение безраздельного господства нацистской Германии в Центральной Европе, предстоит уничтожение Чехословакии, к которой у Польши были территориальные претензии. С целью не упустить возможности их осуществления, уже в июле 1937 г. польский посланник в Праге Фридерик Папее анализировал возможность проникновения в Словакию, в частности оказания влияния на Словацкую народную партию с последующим провозглашением самостоятельной Словакии под польским протекторатом. Конкретно этим занимался польский консул в Братиславе[174].

В октябре в беседах с австрийскими руководителями, убедившись в нереальности установления тесных связей с Австрией, польские представители демонстрировали свою приверженность дружбе с Венгрией, заявляли, что не согласятся на что-либо, могущее повредить венгерским интересам, которая является краеугольным камнем политики Польши в Центральной Европе. В то же время и польский МИД уже считал аншлюс Австрии неизбежным[175].

Осенью 1937 г. в Европе проходил ряд политических переговоров. В ходе их Гитлер задумал военным путем решить чехословацкий вопрос. Он принял во внимание готовность Франции и Англии смириться с этим[176]. План Годжи (треугольник: Чехословакия, Австрия, Венгрия) не продвигался. Стагнация наблюдалась в переговорах Венгрии со странами Малой Антанты. Гитлеровцы успокаивали сторонников Бека дальнейшими заверениями об отсутствии у них претензий к Польше.

Италия 6 ноября присоединилась к антикоминтерновскому пакту, образовалась ось Рим–Берлин–Токио. Она строила свою политику на силовых решениях и рассчитывала на поддержку и малых стран, попавших в орбиту ее влияния. В Венгрии среди политических движений не было единства взглядов по этому вопросу. После посещения премьером К. Дарани и К. Каней Берлина (в последней декаде ноября) Будапешт осмысливал рекомендации, полученные (который раз!) от гитлеровцев – сосредоточить усилия против Чехословакии, окончательно примириться с Югославией и достичь мирного сосуществования с Румынией[177].

В связи с агрессивными планами Германии в Венгрии произошел раскол в руководящих кругах, особенно военных, на сторонников ориентации на Германию или Францию и Англию.

В результате встречи Гитлера с Галифаксом у фюрера были развязаны руки на Востоке, а оговорка о решении этих проблем мирным путем для него значения не имела.

inslav

Из создавшейся ситуации в Варшаве сделали вывод: в случае нападения Германии на Чехословакию, Франция не придет последней на помощь. В отношении Венгрии Т. Кобылянский в беседе с венгерским посланником А. Хори продолжал высказывать известные тому суждения общего плана: Польша была всегда на стороне Венгрии при рассмотрении касавшихся ее вопросов в Лиге наций, и венгры могут рассчитывать на взаимопонимание при решении проблем в Дунайском бассейне мирным путем.

После турне Дельбоса по столицам Центральной Европы правящие круги в Варшаве, Будапеште, да и странах Малой Антанты убедились в том, что Франция уже отказалась от принципов коллективной безопасности и путем уступок Берлину готова идти на сближение с Германией, т. е. и там победила идея умиротворения.

В январе 1938 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек встречался с Гитлером, Нейратом и Гёрингом. Они довольно откровенно обсуждали положение в Центральной Европе, в том числе и Венгрии. В беседе с Нейратом Бек, затрагивая венгерские проблемы, сказал, что поляков и венгров связывает дружба и Польша желает сотрудничества стран Дунайского бассейна, в частности венгеро-румынского сближения, ибо это дало бы ей больше свободы в политике в отношении Советского Союза. В связи с этим Нейрат подтвердил поддержку со стороны Берлина венгеро-румынского сближения.

Самым откровенным в беседе с Беком был Гёринг. Он прямо заявил о переходе Австрии к Германии и невозможности дальнейшего существования Чехословакии. Когда Бек рискнул высказать критическое замечание в отношении венгерской политики по национальным меньшинствам, Гёринг с этим согласился[178].

После возвращения из Германии Ю. Бек выступил с докладом в комиссии по внешнеполитическим делам польского сейма, в котором подчеркнул основу внешней политики страны: спокойствие с соседями – Германией и Советским Союзом. Но продвижение на Восток Германии после аншлюса может удержать только горизонтальная ось Варшава–Будапешт–Белград, считали польские политические деятели.

Руководители внешней политики Польши разделяли позицию германских коллег, что искусственному государственному образованию – Чехословакии следует исчезнуть с карты Европы. Этим объясняются и стремления углубить отношения с Венгрией. А. Хори в своем донесении считал, что поляки «по политическим и стратегическим соображениям намереваются обеспечить общую с Венгрией границу»[179]. Как Венгрия, так и Польша желали увеличить свои размеры за счет Чехословакии.

inslav

С начала 1938 г. данный план фактически оказался составной частью упомянутой выше идеи «третьей Европы» – нейтральной полосы протяженностью от Балтийского до Черного морей. С целью осуществления этого замысла была поставлена задача углубления связей между Венгрией и Польшей. Такую же цель преследовала и поездка регента Хорти, премьера Дарани и министра иностранных дел Кани в Польшу. Когда стало известно о поездке регента в Варшаву, в венгерской печати во второй половине января появился ряд статей, посвященных венгеро-польской дружбе «спокон веков»[180]. 23 января «Пешти хирлап» ставила вопрос: «Что покажет президент Польши Мосьцицкий регенту Хорти на охоте и кого представят в Беловежском замке». В архиве МИД Польши собран большой материал об исторических польско-венгерских отношениях, о династических связях[181]. Об этой части визита ПАП выпустило специальный бюллетень за 5–6 февраля 1938 г.[182] Пятидневный визит начался 5 февраля. Венгерская делегация во главе с регентом прибыла через Вену в Краков. В его честь был устроен прием, какого еще не видела Польша. Журналисты утверждали, что его удостоили почестей, превзошедших оказанные недавно главе государства-союзника – румынскому королю. В Вавеле после возложения венков на саркофаг Пилсудского регент Венгрии М. Хорти принял польского министра иностранных дел Ю. Бека. 6 и 7 февраля для гостей была устроена охота в Беловежье. 8-го делегацию встречали в Варшаве.

В ходе подготовки визита Хорти в Польшу и посланник в Будапеште Л. Орловский направил в Варшаву ряд материалов, в том числе содержавших характеристики венгерских государственных деятелей, о венгерском ревизионизме. В донесении от 5 февраля он отмечал: венгры свыкаются с мыслью (хотя открыто не говорят) о необходимости отложить на будущее возвращение территорий Югославией и реализацию территориальных претензий к Румынии. И в то же время надеются при помощи немцев заполучить Подкарпатскую Русь, а, может быть, даже и Словакию; «надеются и на польскую помощь, в неофициальных беседах говорят о скорой встрече на общей границе».

Проинформировав Варшаву об отношениях Венгрии с рядом других стран и народов, посланник выделил венгеро-польские, подчеркивая, что венгры всегда проявляли симпатии к Польше. Они уяснили, продолжал он, что до сих пор связи с Польшей не выходили за рамки подтверждений дружбы и хотели бы связать обычный визит регента с переходом к политическому сближению[183].

Регент Хорти и президент Польши Мосьцицкий в речах-тостах в Кракове говорили о дружбе двух наций. Мосьцицкий выразил уверен-

inslav

ность, что «в наших взаимоотношениях будет господствовать братская искренность и ясность».

И на этот раз, как и в случаях всех других визитов венгерского регента за рубеж, не сохранилось письменно зафиксированных договоренностей. Пресса тоже не была информирована об истинных целях и результатах поездки Хорти в Польшу.

Даже в «хорошо информированных журналистских кругах» считали, что в переговорах членов венгерской делегации (Хорти, Каня и др.) с польскими государственными деятелями будет обсуждаться вопрос о более тесном внешнеполитическом сотрудничестве Польши с государствами – участниками Римских протоколов. Корреспондент «Пестер Ллойд», сопровождавший венгерскую делегацию в поездке в Польшу, отмечал, что переговоры между Каней и Беком будут иметь «реальные политические последствия», а по сведениям из Варшавы Польша в ближайшее время разовьет большую внешнеполитическую активность и, главным образом, в отношении Дунайского бассейна[184].

Германская печать («Берлинер Берзен-Цайтунг») приветствовала визит Хорти, подчеркивая его совпадение по времени с моментом, когда требуется совместная работа для нанесения удара по большевизму, отмечая дружеские отношения гитлеровской Германии с Венгрией и Польшей.

Перед отъездом из Варшавы Хорти принял премьера Польши, послов Германии, Италии и посланника Австрии, а Каня – представителей польской печати. Венгерский министр подчеркнул «традиционный» характер венгеро-польской дружбы, подтвержденной и переговорами с Беком. Внешнюю же политику Будапешта Каня охарактеризовал как «активно миролюбивую» и приспособленную к силам Венгрии, указав на «особое значение» польско-венгерской дружбы для улучшения атмосферы в Дунайском бассейне[185].

На основе косвенных сведений об итогах визита венгерский историк Эндре Ковач свел их к следующему: на переговорах стороны условились о трофеях при разделе Чехословакии. К Польше отойдет Тешинская Силезия, произойдут небольшие стратегические исправления границы в ее пользу. Словакия станет по возможности буферным самостоятельным государством под венгерским или польским, а, может быть, и их совместным протекторатом[186]. Из высказываний К. Кани стало известно, что в ходе этих переговоров выявилась идентичность взглядов на проблему Чехословакии[187].

В конце февраля 1938 г. встретились заведующие политическими отделами внешнеполитических ведомств Польши и Венгрии – Т. Кобы-

inslav

лянский и Д. Бакач-Бешшеньеи. По записи последнего, Кобылянский высказался за оккупацию Тешина польскими войсками и добавил, что Венгрия без всяких трудностей может занять Закарпатье[188].

К этому времени венгерского министра иностранных дел стали одолевать сомнения в отношении руководителей гитлеровской Германии. В вышеупоминавшейся беседе Кани с Шембеком министр, комментируя изменения в правительстве Берлина, отнес свое германофильство к догитлеровскому периоду и заявил, что заранее знал об уходе с постов Нейрата, Бломберга и др. О новом министре иностранных дел Риббентропе высказывался нелестно: в его бытность венгерским посланником в Берлине, продолжал Каня, Риббентроп «занимался главным образом торговлей вином» и в случае необходимости его очень трудно было найти – и только на дружеской основе.

Каня сообщил польскому собеседнику о постоянном ухудшении германо-австрийских отношений и, отвечая на вопрос Шембека, сказал о наличии между Римом и Берлином соглашения по Австрии. Гитлер никогда не откажется от идеи аншлюса. Италия предала Австрию, и все решит первая скрипка – Гитлер.

Он также информировал Шембека о намерении гитлеровцев идти на сближение с Польшей, и в этом плане их полностью удовлетворяет Бек[189].

Выводы Э. Ковача базировались в основном на донесении посланника А. Хори в Варшаве К. Кане от 12 февраля. В нем дипломат сообщал о визите, который нанес ему в этот день германский посол Ханс Мольтке с намерением узнать о политическом значении бесед и интервью, состоявшихся во время пребывания в Польше венгерского регента. Но когда посланник начал рассказывать о внешней стороне приема, Мольтке не проявил интереса, а настаивал на конкретных результатах бесед. Хори ответил, что не планировалось и не было принято никаких решений. Продолжая эту тему, германский посол информировал венгерского посланника о переговорах с Каней, по сообщению которого беседы в Варшаве «носили лишь общий характер и по существу были полностью безрезультатными». В ответ Хори объявил себя полностью неинформированным о существе бесед. Он выкручивался и по другим вопросам, задаваемым ему не без иронии германским послом, «который явно провоцировал посланника, вроде: действительно не решили ничего, если даже не выяснили венгерскую и польскую позиции в отношении Чехословакии». Посланник вновь уклонялся: мол, не может себе представить фактически первую встречу двух министров иностранных дел, где обсуждались бы детали раздела третьего государства. Ключ решения этой проблемы в Германии. Посол принял это с усмешкой. Были и другие вопросы, на которые посланник давал уклончивые ответы.

inslav

Из долгой беседы Хори сделал вывод: хотя венгерский министр (Каня) полностью успокоил германского посла относительно того, что поляки, несмотря на постоянное подчеркивание дружбы, не предложили ничего позитивного, все же у Мольтке остались сомнения, что визит сделал венгеро-польские связи более тесными[190].

Не только Хори, но и вся венгерская официальная печать была нацелена на сокрытие существа краковских и варшавских переговоров. В их ходе между венгерскими и польскими политическими деятелями было достигнуто соглашение о постоянном контакте по проблемам преобразования в Дунайском бассейне[191]. В Варшаве полагали, учитывая польско-германские добрососедские отношения, что у Берлина по этому поводу не может быть возражений. Однако это утверждение можно поставить под сомнение.

Особое внимание венгерскому визиту в Польшу уделила советская печать, сообщая почти с абсолютной достоверностью о том, что происходило в эти дни в Кракове и Варшаве. Сближение Венгрии и Польши, за которым стояла Германия, она осуждала, считала его маневром против Чехословакии, Малой Антанты и Советского Союза. Обсуждался чехословацкий вопрос, план общей венгеро-польской границы и антисоветского сотрудничества[192].

Скрыть истинные цели визита Хорти в Варшаву, состоявшегося в начале февраля 1938 г., старались не только в Венгрии, но и в Польше. После завершения обмена мнениями Ю. Бек поручил своим посланникам в Белграде и Праге информировать тамошние правительства в таком смысле: визит регента в Польшу был выражением известной и традиционной польско-венгерской дружбы. Беседы не выходили за рамки общего обозрения международного положения и велись со значительной сдержанностью. Даже устных соглашений не предлагалось и не заключалось[193]. Этим сказано все. Как венгерская, так и польская сторона отрицали достигнутые соглашения.

Юзефу Беку было известно о намерении Германии в ближайшее время аннексировать Австрию, а также и то, что следующей будет Чехословакия. Об этом он информировал своего заместителя графа Шембека 16 февраля. Тогда же Шембек предупреждал о «венгерском патриотизме», характерной чертой которого было стремление установить гегемонию над группой дунайских государств.

Министр иностранных дел Польши в эти дни развил бурную деятельность. 23 февраля он встречался с Гёрингом. Бек не скрывал от прусского премьера заинтересованность Польши в отдельных районах Че-

inslav

хословакии. Гёринг пообещал: с немецкой стороны не будет неожиданностей. Но когда министр предложил продлить польско-германскую декларацию о ненападении, Гёринг многозначительно промолчал. Ориентировавшиеся на Венгрию политики Польши не без основания рассчитывали на симпатии Италии в этом вопросе. Между прочим, объединительную функцию здесь играла и идея «горизонтальной оси».

Бек через венгерского посланника в Варшаве А. Хори спросил венгерского коллегу о возможностях сотрудничества после того, как обе стороны согласились с тем, что все силы нужно сначала направить против Чехословакии. Каня выразил удовлетворение готовностью Варшавы сотрудничать, когда актуальным стал чехословацкий вопрос, и заявил о желании в любом нужном случае принять участие в античехословацкой акции, предложив как можно скорее начать переговоры о деталях, в том числе и военного характера[194]. Венгерский министр иностранных дел высказался о предстоящей аннексии Австрии Германией. Говоря о возможном сотрудничестве Рима–Белграда–Будапешта–Варшавы, Каня счел нужным подчеркнуть необходимость проведения прогерманской политики.

Интересно, что датированное тем же днем, 23 февраля, донесение польского посланника из Будапешта в Варшаву содержало упреки в адрес венгерского министра за то, что в беседе с посланником тот уклонялся от изложения своих взглядов по поводу возможного аншлюса (после встречи в Берхтесгадене). Но когда Каня сказал ему, что за аншлюсом Австрии последуют Судеты, а за ними коридор и Гданьск, посланник изменил позицию и продемонстрировал веру в сказки, которыми потчевал Гитлер польских руководителей. Он ответил собеседнику, как сам написал в своем донесении: «Пока у власти Гитлер, такой опасности нет».

На это Каня заметил, что еще в прошлом году в Берлине два министра сообщили ему: в каких бы хороших отношениях Германия ни была с Польшей, от коридора и Гданьска она отказаться не может. Но и этот конкретный факт Л. Орловский отметал доводом: эти министры вместе с группой генералов во главе с Фричем уже отдалены от Гитлера, поскольку они были «сторонниками соглашения с Россией»[195]. Каня промолчал.

Как складывались венгеро-советские отношения с февраля 1937 по февраль 1938 года? Представление об этом можно составить из сохранившихся трех групп источников: записей бесед в НКИДе с представителями венгерской миссии в Москве, донесений венгерских дипломатов в МИД Венгрии и информации, поступившей в НКИД от посланника СССР или его сотрудников из Будапешта. Анализ их показывает, какие вопросы в названный период интересовали ту или иную сторону, а сле-

inslav

довательно, и те проблемы международных отношений, которые оставались за пределами их внимания. В донесении из Москвы в Будапешт много места занимают статьи, опубликованные в советской печати, особенно критического содержания в отношении Венгрии. Этот вопрос затрагивался и в беседах венгерских дипломатов с представителями НКИД, содержавших обоюдные жалобы на позицию советской и венгерской печати. Так в беседе венгерского посланника М. Юнгерта-Арноти с политическим директором Западного департамента НКИД Д. Г. Штерном 5 марта 1937 г., когда венгерский дипломат поднял вопрос о статье в «Правде», Штерн парировал: это лишь слабый отблеск тех нападок на СССР, которые ежедневно появляются в венгерской печати. Он отмечал, что особенно плохое впечатление произвели нападки лично на М.М. Литвинова и И.В. Сталина в газете «Уй Мадяршаг»[196].

Если сопоставить записи венгерских дипломатов о беседах с ответственными сотрудниками НКИД, то заметим, что иногда они совершенно разнятся, т. е. записывали то, что им казалось важнейшим и их интересовало. Если в один день посланник беседовал с чиновником НКИД или наркомом, обычно затрагивали одни и те же вопросы, но были случаи, когда темы их бесед отличались. Так, в беседе со Штерном 12 марта 1937 г. Юнгерт развивал свою концепцию сотрудничества государств Малой Антанты с Венгрией и Австрией на базе центральноевропейской системы. Он подчеркивал, что в Вене никогда не было такого беспокойства и страха перед Германией, как в настоящий момент[197].

В тот же день в загородном доме Литвинова (где Юнгерт был в гостях, если верить его донесению) он сообщал: не смог убедить наркома в том, что якобы в Венгрии готовился путч правых, ибо речь идет лишь об усмирении слишком активизировавшихся правых, а не предупреждении путча. Но Литвинова интересовало не это, а финансирование Германией малых партий в тех странах, где она намерена привести к власти национал-социалистов.

По поводу политики СССР в отношении стран Малой Антанты нарком отметил: она направлена лишь против Берлина, но, к сожалению, идет по линии Трианона – Версаля[198].

Тогда же венгерский посланник беседовал в Москве и с советским полпредом в Риме Штейном, по словам которого между СССР и Италией фактически нет политических отношений и ему приходится исполнять лишь роль наблюдателя. Причем Италия полностью подчинилась Германии и уступила ей влияние в Австрии и Средней Европе. Эту точку зрения в беседе с Юнгертом разделил и заместитель наркома иностранных дел Стомо-

inslav

няков[199]. Аналогичные сведения были опубликованы и в передовице газеты «Известия», о чем Юнгерт доносил в МИД Венгрии шифрограммой[200].

В беседе со Стомоняковым обсуждался также вопрос о возможности малых стран Дунайского бассейна проводить самостоятельную политику. Юнгерт пытался убедить советского дипломата не поддерживать Малую Антанту против Венгрии, хотя СССР и не вел такую политику. Он утверждал, что Венгрия еще сохраняет свободные руки. Великие державы – СССР, Франция, Англия – могли бы способствовать сохранению такого положения[201].

25 марта 1937 г. состоялась беседа М. М. Литвинова с М. Юнгертом-Арноти. В записи беседы, составленной с советской стороны и отредактированной Литвиновым, отмечалась позиция НКИД: мы, естественно, при агрессивном характере Германии не можем одобрять тесное сближение с ней Венгрии, которую мы должны были бы считать продолжением германского фронта. При нынешней антисоветской установке Муссолини мы не можем также приветствовать сближение Венгрии с Италией, но считаем это меньшим злом. Более приемлемо для СССР, полагал нарком, было бы сближение Венгрии с Австрией и Чехословакией, о котором пишут в последнее время. «Эта комбинация с нашей стороны возражений не вызывает, поскольку она будет противопоставлена агрессивным силам», – подчеркивал он.

Юнгерт заверял, что он тоже сторонник этой комбинации (как свидетельствуют другие документы, он не был искренним), и просил Литвинова содействовать ее осуществлению. Тот обратил внимание на затруднения, которые, вероятно, возникнут вследствие территориальных требований Венгрии[202].

В ходе этой встречи даже нарком отметил враждебный тон венгерских газет в отношении СССР и привел в пример сдержанность советской печати. Он предложил Юнгерту поговорить с Бекзадяном, который, вероятно, изложит ему и другие жалобы, устранению которых посланник мог бы содействовать. В донесении в МИД Венгрии Юнгерт отмечал, что из материалов прессы следует: отношение Советского Союза к Венгрии хуже чем к Германии[203].

О беседе Литвинова с Юнгертом сохранилось большое донесение последнего на девяти страницах. Наркома интересовало положение в Центральной Европе, а посланника – отношение Советского Союза к ней. Говоря о визите Шушнига в Будапешт, Юнгерт кривил душой, утверждая, что Венгрия и Австрия желали бы стать ближе к Риму и дистанцироваться от Берлина. Литвинов: Вена ищет поддержки в Италии и Венгрии в

inslav

вопросе о реставрации власти Габсбургов, на что посланник ответил: Венгрия считает реставрацию не актуальной, а Бургенланд является поводом к осложнению в отношениях между Австрией и Венгрией.

Юнгерт доносил о комбинации Литвинова: Венгрия, Австрия, Чехословакия с участием Франции. Если выше говорилось, что посланник заявлял о ее поддержке, то в донесении он утверждал другое: «Эта комбинация с советским привкусом, и я на нее не ответил». Венгерский дипломат также констатировал, что Советский Союз поддерживает венгерские требования, имеющие справедливую этническую, экономическую и стратегическую основу. А в выводах, сгруппированных в четырех пунктах, в последнем писал: «Для достижения цели пошли бы на любую комбинацию, даже поддержали бы исправление границ Венгрии, если это помешало бы продвижению Германии в направлении Юго-Восточной Европы».

В этом же донесении Юнгерт сообщал, что продвижению Германии в Дунайском бассейне сегодняшняя советская политика помешать не может. По Литвинову, советско-германские отношения улучшить невозможно, пока Гитлер ведет кампанию против Советского Союза. Нарком вновь высказался о Малой Антанте в прежнем духе: отношения (хорошие) с Чехословакией не направлены против Венгрии, в Румынии в СССР не заинтересованы, а с Югославией нет никаких отношений.

В выводах венгерский посланник отмечал: Литвинов понимает малозначительность Малой Антанты как фактора против продвижения Германии, а Чехословакия слаба для этого. Венгрию в Москве рассматривают как страну, которая поддержит аншлюс.

Он также информировал свое начальство в Будапеште в том смысле, что политика Советского Союза не имеет программы противостояния проникновению Германии в Дунайский бассейн[204].

Затрагивались и отношения с Польшей, которые нарком считал хорошими, только добавил, что польские дипломаты везде, где только могут «делают нам неприятности».

Обсуждали и итало-советские связи. Но их состояние в данный период М.М. Литвинов выразил точнее в беседе с итальянским послом А. Россо. Он сказал ему: создалось такое курьезное положение, когда нам приходится выступать против итальянских планов в Европе даже в тех случаях, когда эти планы не только не нарушают наших интересов, но и совпадают с ними. Три года тому назад мы приветствовали бы итало-югославское соглашение, а теперь оно не может не вызвать у нас подозрения. Некоторые схемы устройства Центральной и Юго-Восточной Евро-

inslav

пы нами даже поощрялись бы, если бы это не происходило под руководством Италии, но не Италии как таковой, а как союзницы Германии[205].

На следующий день после беседы М. М. Литвинова с М. Юнгертом-Арноти в Москве, т. е. 26 марта, советский полпред в Будапеште А. А. Бекзадян направил наркому послание, содержавшее ряд предложений, которые в значительной части вызывают сомнения в том, разбиралось ли посольство СССР в Венгрии в реальной ситуации политической жизни в стране. Взгляды, изложенные в нем, навеяны главным образом венгерской либеральной оппозицией, ее печатью.

Бекзадян предложил после попытки фашистского путча (о чем нет речи ни в каких документах и литературе в Венгрии, кроме донесений из Будапешта в Москву) «подвергнуть некоторому пересмотру» наше отношение к Венгрии, которая находится сейчас «на политическом перепутье», пугливо озирается по сторонам и опасается одновременно экспансии со стороны Германии и ослабления политического влияния главного своего протектора – Италии, явно склоняется к целесообразности вхождения в центральноевропейскую группу в составе Австрии, Венгрии, Чехословакии, если не всей Малой Антанты.

Советский полпред назвал имена проводников этой идеи в Венгрии – Тибора Экхардта, «известного фанатической неприязнью к Гитлеру и к прогерманской ориентации Гёмбёша», Эндре Байчи-Жилински и бывшего премьера Иштвана Фридриха. То есть деятелей оппозиции, которые имели незначительное влияние в стране.

Он писал о том, что ему ясно, что «наши надежды» на Малую Антанту в целом, как на барьер против проникновения фашистской Германии в Среднюю и Юго-Восточную Европу не оправдались, и внешняя политика Югославии и Румынии не может «внушить нам» никаких надежд на это и в будущем. Зато, рассуждал полпред, «наши прочные отношения с Чехословакией позволяли бы рассчитывать, если бы Австрия и Венгрия действительно сменили по отношению к ней гнев на милость», на то, что «мы могли бы иметь» в Центральной Европе блок пяти государств (Малая Антанта, Австрия и Венгрия), а в худшем случае блок трех стран, т. е. Чехословакии, Австрии и Венгрии. «Этот блок если бы и не проводил нашей политики, то во всяком случае был бы надежным оплотом против проникновения германского влияния и германской политики в Среднюю Европу»[206], – утверждал полпред.

Выдавая желаемое за действительное, А. А. Бекзадян видел грядущие перемены, исходя из итогов визитов Нейрата в Вену и Шушнига в Будапешт. В своей надежде на то, что Венгрия умерит свой страх перед СССР и

inslav

будет искать сближения с Чехословакией, советский дипломат опирался на анализ положения в стране, отметив боязнь большинства венгров оказаться в объятиях Германии, хотя на самом деле правящие круги Венгрии чувствовали поддержку двух сильных покровителей – Италии и Германии. Но вдруг произошла перемена. Германия обдала венгров холодным душем в вопросе о ревизии и вдобавок организовала путч, а Италия договорилась с Югославией и компрометирует себя «усердием не по разуму» в Испании. В Австрии, когда Шушниг окончательно убедился, что Германия решила использовать «июльское» соглашение для германизации Австрии, он понял всю безнадежность расчетов сохранить независимость своей страны ввиду близости Третьего рейха. Германская печать заговорила даже об ориентации Австрии на ось Париж–Прага–Москва. Бекзадян рекомендовал своему правительству строить политику в Дунайском бассейне так, чтобы не отталкивать от себя Венгрию, а политику, направленную на усиление Малой Антанты, признать нереальной. Главам Чехословакии, Венгрии и Австрии надо дать понять о поддержке Советской Россией среднеевропейского соглашения с целью воспрепятствовать проникновению гитлеровской политики в этот регион.

Обращаясь к Литвинову, Бекзадян писал: если его соображения станут «для нас занозой в мозгу» и приведут к пересмотру советских политических установок в Дунайском бассейне, и в частности в отношении Венгрии, то он сочтет «свою скромную задачу выполненной»[207]. Обстановка в мире, в том числе и в Европе, обострилась в то время до того, что 10 апреля 1937 г. временный поверенный в делах Венгрии Эгон Циндрич сообщал из Москвы в Будапешт о мнении Литвинова, согласно которому «избежать мировой войны невозможно». Она вспыхнет, если не в 1937, то в 1938 или в 1939 г.[208]

После возвращения М. Юнгерта-Арноти из Будапешта состоялась его беседа со Штерном (23 апреля). Венгерский посланник сообщил о разговоре с министром К. Каней на советские темы и напомнил о переговорах с Литвиновым перед отъездом в Будапешт. То есть о том, что в Средней Европе происходят серьезные сдвиги и открывается возможность для реального сотрудничества Малой Антанты с Венгрией и Австрией.

Юнгерт изложил позицию венгерского правительства, точнее, ответ на предложение советской стороны. Смысл его: Советский Союз должен придти к выводу, что страны Малой Антанты не пойдут на пакт о взаимной помощи и, исходя из реальной обстановки, он должен воспринимать сотрудничество дунайских государств как положительный фактор. Дипломат подчеркнул, что венгерское правительство уже сформулиро-

inslav

вало свою точку зрения; оно не выставляет для сотрудничества почти никаких условий, кроме признания за Венгрией равноправия и внесения ясности в режим меньшинств.

Тогда же Юнгерт заявлял: Венгрия не будет делать ничего такого, что может быть истолковано как направленное против Советского Союза[209]. У А. А. Бекзадяна, после того как его друг Н. Н. Крестинский был отстранен от должности замнаркома, настроение было неважное, и в письмах и донесениях он просил «отпустить его душу на покаяние». Он писал: «Мое бесплодное пребывание полпредом в этой политической "Чухломе" было бы осмыслено постфактум, если бы освободили Ракоши»[210]. Это освобождение он, как видно из более ранних донесений, не форсировал.

В своем донесении от 7 мая 1937 г., адресованном новому замнаркома иностранных дел, Владимиру Петровичу Потемкину, Бекзадян и сам сомневался в своем более раннем предложении об изменении политики в отношении Венгрии. На этот раз, сообщая о визите президента Австрии Вильгельма Микласа в Будапешт, в качестве характерного в речах Хорти и Микласа на обеде он называл ту дружбу и поддержку, которой пользуются Венгрия и Австрия со стороны двух мощных держав – Италии и Германии, и подчеркивал, что и дружба, и поддержка «рекламировались как залог мира и процветания»[211].

Между тем 9 мая венгерский посланник М. Юнгерт-Арноти посетил Потемкина, с которым он вел переговоры в Риме еще в 1934 г. о восстановлении дипломатических отношений Венгрии с СССР. Говоря о возможности сотрудничества Венгрии, Австрии и Чехословакии, советский дипломат высказал мнение, что активная деятельность Италии в бассейне Дуная направлена на отделение Чехословакии от Югославии и Румынии, и приобщение ее к сотрудничеству с Австрией и Венгрией, а за кулисами стоит Германия.

Посланник объяснял сотрудничество Венгрии с Италией нуждаемостью в итальянском рынке; а о находящихся в тесной военной коллаборации Чехословакии, Румынии и Югославии счел нужным заметить, что к ним у Венгрии есть территориальные претензии.

Касаясь венгеро-советских отношений, он заявил, что в Москве не могут отделить Трианон от Версаля, и поэтому все удары Москвы по Берлину бьют по Будапешту.

В ответ Потемкин подчеркнул: «Мы не против исправления несправедливостей». Однако добавил, что СССР против того, чтобы путем насилия ставить мир перед свершившимся фактом. Можно осуществлять исправ-

inslav

ления, по его мнению, и через Лигу наций. Ведь и Турция хотела в вопросе о Дарданеллах следовать немецким методам. А по предложению Советского Союза как этот, так и вопрос о Сирийском санджаке был передан Лиге наций. Такой путь оправдался. Советский дипломат и Венгрии предложил обратиться в Лигу наций в соответствии с параграфом 19 Мирного договора. Но Юнгерт тут же высказал сомнение насчет возможности решить венгерские претензии «нынешним составом» Лиги наций[212].

14 мая посланник Венгрии в СССР информировал Будапешт об изменениях в советских дипломатических кругах. Послом в Париж (из Берлина) переведен Я. З. Суриц, а в Берлин (из Токио) назначен К. К. Юреньев, сняли полпреда в Анкаре Л.М. Карахана, которого в Москве недолюбливали, и вместо него назначили М. А. Карского[213].

В дипломатических документах последней декады мая значительное место уделено итало-венгерским отношениям. Связано это было с визитом итальянского короля в Будапешт. Юнгерт обращал внимание на газетные статьи в СССР по этому поводу, как и А. А. Бекзадян в Будапеште на венгерскую прессу. Советский полпред давал общую оценку визита королевской четы, вроде такой: он имел крупный морально-политический эффект. Бекзадян обращал внимание на внешнюю сторону визита, подчеркивая, что 500 чернорубашечников скандировали «Эвива Дуче» и «Эвива Чиано», а королевская чета будто бы стушевалась, так как их имен не было слышно.

Полпред отмечал: во время переговоров Чиано с К. Каней и К. Дарани кроме взаимоотношений Италии с Венгрией и их контактов с западными странами были затронуты и итало-немецкие отношения, результаты поездки Чиано в Белград и Тирану, посещение Гёрингом Рима и итало-венгерские торговые связи. Как видно, Каня тогда еще надеялся на сохранение хороших отношений с Великобританией и Францией, а для достижения «признания за Венгрией равноправия на вооружение уповал на то, что Англия нажмет на Малую Антанту»[214].

Это было последнее официальное донесение А. А. Бекзадяна из Будапешта. Его постигла та же судьба, что и многих других дипломатов, вкупе с рядом руководителей партии и правительства СССР.

Среди его донесений из Будапешта сохранились: высказывания венгерской прессы о СССР, о роли Советского Союза в европейской политике.

Так «Уй Мадяршаг» (1 августа 1937 г.) опубликовала статью Белы Коврига, в которой дан краткий анализ роли России в преобразовании европейской политики со времени Наполеона. Силу СССР он видел «в простирающихся до бесконечности ее границах, требующих со стороны противника неизмеримых сил» для «нанесения ему решающего удара».

inslav

Ковриг утверждал, что СССР приходится считаться с необходимостью преобразования путей сообщения, возможностью «самого тяжелого, даже смертельного удара со стороны Германии и тем, что война будет тоталитарной», а также с перемещением промышленности в Сибирь[215].

В дипломатических документах как советского происхождения (из Будапешта), так и венгерского (из Москвы) много внимания уделено событиям в СССР и «чистке», последовавшей вслед за расстрелом маршала М.Н. Тухачевского и семи генералов. Газета «Пешти напло» объясняла их «процессом, омолаживающим армию». В ней констатировалось: «Сталин казнил руководителей армии, посадил в тюрьму самых влиятельных функционеров партии, сослал руководителей центральных и прочих организаций»; «продолжаются интриги в компартии, армии и правительственных кругах»; нет конца арестам, ссылке и расстрелам, что в конце концов является отражением недовольства миллионов населения; революция Сталина превратилась в «хроническую дворцовую революцию»[216].

Газеты «Мадяршаг», «Пешти хирлап» критиковали Литвинова, в первую очередь за франко-советскую союзную политику, которая «не оправдала возлагаемых на нее надежд». По мнению газет, «недовольство Сталина увеличивают и неудачи, понесенные советской дипломатией в испанском вопросе». В «Мадяршаг» (31 июля 1937 г.) сообщалось о приговоре советского трибунала к 10 годам тюремного заключения венгерских эмигрантов Андора Габора и Людвига Мадяра, обвиненных «за участие в троцкистском заговоре». А 2 августа все венгерские газеты писали об аресте Белы Куна по этому же обвинению[217].

Венгерская печать не только «предсказывала» арест Литвинова, но и нападала на него за деятельность в Лиге наций и призывала изолировать наркома, всю дипломатию СССР. По мнению, например, газеты «Мадяршаг», необходимо помирить Италию с Англией, а обеих – с Германией. Тогда бы возникло новое, более здоровое Локарно, «которое излечило бы тоже и венгерские раны и было бы достаточно сильным, чтобы повергнуть в прах дьявольскую гегемонию Советской России»[218].

Либеральная газета «Пешти напло» о Литвинове писала: «Советский представитель стал полноправным дирижером европейского концерта» и СССР мало-помалу перешел в лагерь противников Италии и Германии. После прихода Гитлера к власти СССР сблизился с западными демократическими государствами и в Лиге наций видит гарантию мира[219].

Венгерское посольство в Москве сообщало в Будапешт о репрессиях в Советском Союзе. Специальное донесение было посвящено арестам в МИДе. Упоминались фамилии Крестинского, Карахана и Розенберга.

inslav

Позднее, 23 декабря, писало, что к смертной казни приговорен Карахан. Среди арестованных шести политических директоров в ранге послов назывались Штерн (Средняя Европа), Цукерман (Ближний Восток) и Миронов (заведующий отделом печати).

В сообщении об аресте Б. Куна со 2 на 3 июля 1937 г. говорилось, что к этому времени в тюрьме оказались три четверти членов венгерского клуба[220]. В одном из донесений в октябре приводились такие данные: из 29 арестованных венгерских эмигрантов 15 обвинялись по уголовным делам (кража, подкуп и т. д.) и 14 – по политическим, часть из которых имела двойное гражданство[221].

Итак, внешняя политика Венгрии 1937 и начала 1938 г. регулировалась, точнее, эволюционировала под влиянием событий в Европе и на Дальнем Востоке, где уже полыхало пламя войны. Говоря о гражданской войне в Испании, министр иностранных дел Венгрии К. Каня на закрытом объединенном заседании парламентских комиссий (палаты представителей и верхней палаты) по иностранным делам 9 ноября (как и венгерский премьер К. Дарани в своей речи 26 октября) изложил позиции венгерского правительства, выделив его заинтересованность в связи с этой проблемой непосредственно только в сохранении всеобщего мира и поддержании дальнейших контактов между странами, к ним стремившимися. Такими принципами руководствовался венгерский представитель в лондонском комитете о невмешательстве.

В своем выступлении К. Каня признавал вырисовывавшиеся контуры групп великих держав и надвигавшуюся угрозу новой мировой войны. Он обратил также внимание на продолжавшиеся переговоры и подписание договоров, направленных на смягчение обстановки в Европе. К ним он относил и итало-югославское, как и югославо-болгарское соглашения в Юго-Восточной Европе. Он указал и на ряд встреч, на переписку государственных деятелей, внесших лепту в этом направлении. К ним он отнес и встречу Гитлера и Муссолини, которую счел «солидной основой настоящего мира», в то время как стало известно позже, она была крупным шагом в подготовке второй мировой войны.

Перечисляя такого сомнительного характера меры, в таком же духе К. Каня докладывал членам комиссий и о венгерских устремлениях, направленных на обеспечение мира, которые заключались в переговорах со странами Малой Антанты о «нормализации отношений с ними». Но, чтобы не напугать парламентариев, он разъяснял: «слово “нормализация” он употребил сознательно, с намерением выразить мысль, что и в том случае, если переговоры и привели бы к соглашению, то оно не

inslav

будет означать возможность достижения между нами теплой дружбы», а только то: в будущем в лучшей обстановке сможем обсудить со странами Малой Антанты хлопотные проблемы. Министр подчеркивал, что из-за ран, нанесенных Венгрии в последние два десятилетия, нельзя говорить о большем, чем о нормализации взаимоотношений. И на этот раз К. Каня все еще придерживался точки зрения, согласно которой политическому сближению отдавался примат над экономическим. И в этой речи он подчеркивал: начатые в Синае и Женеве переговоры не привели пока к результатам, хотя вопрос о национальном меньшинстве он готов был упорядочить на основе взаимности, а в отношении признания за Венгрией де-юре существующего де-факто равноправия на вооружение он не собирался идти ни на какие уступки странам Малой Антанты.

Министр выразил сожаление по поводу затяжки переговоров, но заверил, что несмотря на это Венгрия, даже в том случае, если они не приведут к положительным результатам, будет стремиться хотя бы не испортить достигнутое мизерное улучшение атмосферы[222]. Но это не означало сокращения темпов вооружения армии.

Калман Каня информировал членов парламентской комиссии по иностранным делам о том, что Италия, Польша и Германия стремились помочь успешному ходу переговоров со странами Малой Антанты. И французское правительство поручило своему посланнику в Будапеште сообщить министру иностранных дел, что оно с самым большим удовлетворением приветствовало бы смягчение противоречий, существующих в Дунайском бассейне.

Хотя из сказанного видно, что министерство иностранных дел Венгрии внесло существенные коррективы в основную стратегическую линию внешней политики, но Каня в вышеизложенном докладе парламентским комиссиям сообщал: «Венгерская политика в основных направлениях не претерпела никаких изменений. Наша внешняя политика и в дальнейшем будет опираться на Римские протоколы и искреннюю дружбу с Германией». Об этом свидетельствовало посещение Будапешта министром иностранных дел Нейратом и военным министром Вернером Бломбергом, а также визит в ноябре в Берлин премьера К. Дарани и министра иностранных дел К. Кани.

Венгрия поддерживала хорошие отношения с Польшей и стремилась сохранить интерес Великобритании к себе. Каня отмечал, что у Венгрии нет претензий к Франции, но при оценке франко-венгерских отношений всегда надо иметь в виду то обстоятельство, что Франция добро-

inslav

совестно выполняет свои обязательства в отношении друзей, в том числе проблемы стран Малой Антанты рассматривает как свои, и Венгрии приходится учитывать это в своей внешней политике.

Примечания

[1] DIMK. I.k. 348–349. old.; OL. K. 64. 1937. 48, 89.
[2] Ibid. 349. old.; OL. K-63. 1937. 20. 279 (509).
[3] Ibid. 349–350. old.; OL. K-99. 1937. 22. pol. fön.
[4] Ibid. 350–352. old.
[5] OL. K-83. 1937. 34. pol.
[6] DIMK. I.k. 358–361. old.
[7] OL. K-63. 1937. 20/25. 201 (681).
[8] DIMK. I.k. 364–367. old.
[9] Ibid. 369–370. old.
[10] OL. K-63. 1937. 20. 279 (815).
[11] Ibid. K-105. 1937. 10. 1–5.1.
[12] Ibid. K-63. 1937. 20/25. 201 (916). 1–2.1.
[13] Ibid. 20. 279 (1006).
[14] DIMK. I.k. 388–389. old.
[15] OL. K-63. 1937. 20. 279 (1383); DIMK. I.k. 446–447. old.
[16] OL. K-63. 1937. 20. 259.
[17] DIMK. I.k. 414–415. old.
[18] Ibid. 460. old.
[19] Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 64.
[20] OL. K-64. 1937. 21. 680.
[21] Ibid. K-63. 1937. 21/7. 3741; K-74. 1937. 57.
[22] DIMK. I.k. 370–371. old.
[23] OL. K-64. 1937. 23. 192. 1–2.1; DIMK. I.k.; 338–339. old.
[24] DIMK. I.k. 390–391. old.
[25] Ibid. 396–398. old.
[26] OL. K-63. 1937. 20/7. 697 (951). I.1.
[27] Ibid. 20/25. 1087. 1–2.1.
[28] DIMK. I.k. 405–406. old.
[29] OL. K-64. 1937. 20. 295. 1–2.1.
[30] DIMK. I.k. 408–409. old.
[31] Ibid. 410. old.
[32] OL. K-63. 1937. 20/27. 604 (1499). 1–2.1.
[33] Ibid. K-99. 1937. 64. pol. 31–33.1.
[34] Ibid. 68. pol. 40–41.1.
[35] DIMK. I.k. 417–418. old.
[36] OL. K-63. 1937. 20/25. 1/29. 1–5.1.
[37] Ibidem.

inslav

[38] Ibid. 20/7. 1730. 1-3.1.
[39] Ibid. K-74. 1937. 5440. Bejövő. Párizs. 16. sz. 1–2.1.
[40] Ibid. K-64. 1937. 23. 339. 1–10.1.
[41] DIMK. I.k. 436. old.
[42] OL. K-74. 1937. Belgrád. Bejövő. 18, 19, 20. sz.
[43] Ibid. K-64. 1937. 209. 89–91.1.
[44] Ibid. K-99. 1937. 64. pol. 31–33.1.
[45] Ibid. 68. pol. 4041.1.
[46] A Wilhelmstrasse és Magyarország, 228–231. old.; DIMK. I.k. 440–444.old.; AAN. MSz. PBp. 1931–1937. 8 (I W) S. 22–24.
[47] Ibidem.
[48] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 39. П. 130. Л. 98–99.
[49] DIMK. I.k. 452–453. old.
[50] OL. K-63. 1937. 23/7. 2276. (2404) 1–4.1; K-64. 1937. 23. 435.1.1.
[51] Ibid. 20/27. 2676. 1–2.1.
[52] DIMK. I.k. 479–480. old.
[53] A Wilhelmstrasse és Magyarország, 237. old.
[54] DIMK. II.k. 254–256. old.
[55] OL. K-99. 1937. 137. pol. 31–33.1.
[56] Ibid. 63–66, 57–59.1.
[57] Ibid. 84–88.1.
[58] Ibid. 163. pol. 80–83.1.
[59] Ibid. FT. 3412/E 014250. Büro des Statssekretärs. Pol. 167 IV. Ungarn. Bd. 1–2; Politische Beziehungen Ungarns zu Deutschland. Mai 1936. – Aug. 1938.
[60] OL. K-64. 1937. 21. 680. Там же сохранились памятные записки К. Кани на немецком языке: об отношении Венгрии к Малой Антанте и о беседе с Г. Гёрингом.
[61] DIMK. I.k. 509–512. old.
[62] DGFP. D. V.V. P. 8; A Wilhelmstrasse és Magyarország, 243–245. old.; Венгрия и вторая мировая война. С. 66–67.
[63] A Wilhelmstrasse és Magyarország, 245–246. old.
[64] AAN. MSz. PBp. 1937. 8/1 N/. S. 52–57.
[65] Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. I. С. 10–48.
[66] DIMK. I.k. 530–533. old.
[67] OL. K-64. 1938. Róma. Bejövő; K-99. 1938. I.sz. I.1.
[68] DIMK. I.k. 549–551. old.
[69] OL. FT. 36201 tekercs. 1938.15.I. 7. pol.; Függetlenség. 1959. 18.I. Известия. 1938. 14 янв.
[70] Ibid. K-74. 1938. Kimenő. I.1.
[71] Pester Lloyd. 1938. 13.I.
[72] DIMK. I.k. 353. old.
[73] OL. K-99. 1938. 2,79 (203. pol.). I–11.I.
[74] Ibid. K-63. 1938. 265 (266). 1–4.1.
[75] Ibid. 21/1. 341 (423). 2–3.1.
[76] Ibidem.
[77] Ibid. Szabó László iratai. 1938. 82. (Vegyes).
[78] OL. K-81. 1938. 8. sz. Bécs.

inslav

[79] Ibid. 10. sz.
[80] HL. HM. VI.2.o. 1938. 14237/eln. 1–9.1.
[81] DIMK. I.k. 588. old.
[82] OL. K-99. 1938. 18. sz. I.1.
[83] DIMK. I.k. 589. old.
[84] OL. K-64. 1938. 23. 136.
[85] Ibid. 17, 138.
[86] Ibid.
[87] OL. K-74. 1938. Bejövő. Berlin. 4. III. 1938.
[88] DIMK.I.k. 620–622. old.
[89] Ibid. 622. old.
[90] OL. K-63. 1938. 21. 760. I–4.1.
[91] *Juhász Gy.* Magyarország külpolitikája. 1919/1945. Második, átdolgozott kiadás. Bp., 1975. 180. old.
[92] DIMK. II.k. 195. old.
[93] OL. K-63. 1938. 23. 1134. 1–4.1.
[94] Ibid. 49. 209. 1.1.
[95] DIMK. II.k. 212–216. old.
[96] OL. K-64. 1937. 7/7. 1433.
[97] Ibid. 1938. 7/7. 541.1–2.1.
[98] DIMK. II.k. 196–197. old.
[99] Ibid. 205. old.
[100] DIMK. II.k. 197–199. old.
[101] Ibid. 200. old.
[102] Ibid. 232–237.I.
[103] Ibid. 191–193. old.
[104] OL. K-64. 1938. 7/7.541. I–2.1.; 1937. 7/25. 525. 1–5.1.
[105] DIMK. II.k. 222–226. old.
[106] OL. K-74. 1937. 27. 5375.
[107] DIMK. II.k. 226. old.
[108] Ibid. 227. old.
[109] OL. K-64. 1938. 7/7. 541 (1825).
[110] DIMK. II.k. 230–232. old.
[111] OL. K-99. 1937. 3083. pol. 113–115.1.
[112] Ibid. 115–119.1.
[113] DIMK. II.k. 246. old.
[114] OL. K-99. 1937. 3083. pol. 120.1.
[115] Ibid.
[116] DIMK. II.k. 248. old.
[117] OL. K-64. 1938. 7/7. 541.1.
[118] Ibid. K-99. 1937. 3083. pol. 121.1.
[119] DIMK. II.k. 250–252. old.; OL. K-99. 1937. 3083. pol. 121.1.
[120] OL. K-99. 1937. 3083. pol. 122–124.1.
[121] Ibid. 2966. 90–91.1.
[122] DIMK. II.k. 252–254. old.

inslav

[123] *Ádám M.* Magyarország és a kisantant a harmincas években. Bp., 1968. 164. old.
[124] OL. K-63. 1937. 7/7. 156.
[125] ADAP. Ser. D. Bd. I. S. 25–32.
[126] *Ádám M.* Op. cit., 168. old.
[127] Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 35–36.
[128] Венгрия и вторая мировая война... С. 64.
[129] *Ádám M.* Op. cit., 170–171. old.; OL. K-63. 1939. 7a. 277. 247.
[130] DIMK. II.k. 257. old.
[131] OL. K-64. 1937. 7/7. 3229.
[132] *Ádám M.* Op. cit., 174. old.
[133] OL. K-64. 1938. 11/7. 3832; 7/7. 3952.
[134] O Československé zagraniční politice. Praha. 1958. S. 320.
[135] ADAP. Ser. D. Bd. II. S. 68.
[136] DIMK. II.k. 259–262. old.
[137] OL. K-74. 1938. I.sz. Kimenő. 6.sz. Bejövő. Bukarest.
[138] OL. K-63. 1937. 16. 824.
[139] DGFP. Ser. D. V.V. P. 225.
[140] OL. K-64. 1938. 21/31. 593.
[141] DIMK. II.k. 264–265. old.
[142] OL. K-74. 1937. 6039/89. Bejövő. Bukarest.
[143] Ibid. 1938. I.sz.
[144] OL. K-63. 1938. 49. 11.1.
[145] Ibidem.
[146] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6571. S. 46–47.
[147] DIMK. II.k. 262–263. old.
[148] OL. K-64. 1938. 7/7. 195 (584).
[149] Ibidem.
[150] DIMK. II.k. 284–286. old.
[151] ADAP. Ser. D. Bd. II. S. 105–107.
[152] Pesti Hirlap. 1938. 6. III.
[153] OL. K-63. 1938. 7. 425.
[154] Ibid. 1455.
[155] Ibid.
[156] DIMK. II.k. 276. old.
[157] AAN. MSz. P.III. 1 W. 6571. S. 43–44.
[158] Ibid. 1936. 348 W. 6616. S. 7.
[159] Ibid. S. 5–6.
[160] OL. K-64. 1937. 17/7. 542.
[161] *Kovács E.* Magyar–lengyel kapcsolatok a két világháború között. Bp., 1971. 288. old.
[162] OL. K-64. 1937. 17/7. 645.
[163] Ibid. 791.
[164] Ibidem.
[165] DIMK. I.k. 381. old.
[166] *Beneš E.* Pameti. Praha., 1947. S. 50–53.
[167] DIMK. I.k. 398. old.

inslav

[168] Ibid. II.k. 216. old.
[169] *Kovács E.* Op. cit. 296. old.
[170] OL. K-64. 1937. 7/17. 1631.
[171] Ibid. K-63. 1937. 209. 89–91.l.
[172] *Kovács E.* Op. cit. 299. old.
[173] OL. K-63. 1937. 17/7. sz. n.
[174] *Kozeński J.* Czechoslovacja w polskiej polityce zagranicznej v latach 1932–1938. Poznań, 1964. S. 267–272.
[175] DIMK. I.k. 488–492. old.
[176] ADAP. Ser. D. Bd. I. S. 30.
[177] DIMK. I.k. 500–504. old.
[178] AAN. MSz. 1938. P.III. 4624.; ADAP. Ser. D. Bd. V. № 103.
[179] DIMK. I.k. 555–556. old.
[180] Új Magyarság. 1938. 23.I.
[181] AAN. MSz. P.III. 1936–1938. 49 W. 6597. S. 170.
[182] Ibid. S. 106–164.
[183] Ibid. 6571. S. 34–43.
[184] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 8. П. 6. Л. 2.
[185] Там же. Л. 4.
[186] *Kovács E.* Op. cit. 312. old.
[187] ADAP. Ser. D. Bd. II. № 60.
[188] OL. K-63. 1938. 17. 138. 1–2.l.
[189] AAN MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 65 71. S. 45–46.
[190] DIMK. I.k. 573–574. old.
[191] Ibid. 577. old.
[192] OL. FT. X-36201. 1938. 40. pol.
[193] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. S. 166.
[194] OL. K-63. 1938. 17. 138.
[195] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. S. 230–233.
[196] OL. Filmtár. X-9541. 36200.d. 1937. 46. pol. 1–2.l.
[197] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 39. П. 130. Л. 74.
[198] OL. FT. X-9541. 36200.d. 1937. 53. pol. 1–2.l.
[199] Ibid. 59. pol. 1–2.l.
[200] Ibid. 58. pol. 1–2.l.
[201] Ibid. 60. pol. 1.l.
[202] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 4 П. 127. Л. 14–15.
[203] OL. FT. X-9541. 36200.d. 1937. 61. pol. főn 1.l.
[204] Ibid. 63. pol. főn. 1–9.l.
[205] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 4. П. 127. Л. 35.
[206] Там же. Оп. 11. Д. 39. П. 130. Л. 75–76.
[207] Там же. Л. 77–80.
[208] OL. FT. X-9541.36200.d. 1937. 75. pol. 1.l.
[209] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 39. П. 130. Л. 82–83.
[210] Там же. Л. 86–88.
[211] Там же. Л. 85–89.

inslav

[212] OL. FT. X-9541. 36200.d. 1937. 99. pol. 1–3.l.
[213] Ibid. 104. pol. 1–2.l
[214] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 39. П. 130. Л. 92–94.
[215] Там же. Ф. 77. Оп. 13. Д. 9. П. 6. Л. 1.
[216] Там же. Л. 4–5.
[217] Там же. Л. 6.
[218] Там же. Л. 7–8.
[219] Там же. Д. 11. П. 6. Л. 3–7.
[220] OL. FT. X-9541. 36200.d. 1937. 122. pol. 1–2.l.; 36201.d. 1937. 240. pol. 1.l.
[221] Ibid. 36201.d. 1937. 145. pol. 1.l.; 197. pol. 1.l.
[222] Ibid. K-64. 1937. 3434. pol. 3–15.l.

inslav

Глава вторая

Аншлюс Австрии и внешняя политика Венгрии

1. Аншлюс и его влияние на страны Центральной Европы

К началу 1938 г. на Европейском континенте произошли радикальные изменения в соотношении сил между странами-победителями – творцами Версальской системы и побежденными государствами. В последних в это время существовали авторитарные режимы (фашизм, национал-социализм и др.). Окончательно была сформирована ось Берлин–Рим, возник треугольник Берлин–Токио–Рим. Германия на протяжении последних пяти лет (после прихода Гитлера к власти) добилась значительных успехов в создании вооруженных сил и в союзе с Италией вызывала страх у малых народов. Венгрия убаюкивала себя надеждой, что не будет забыто ее участие на стороне Четверного союза в первой мировой войне и тем, что с гитлеровской Германией у нее складываются почти дружеские отношения.

В первой половине этого года в венгерском МИДе, правительстве, парламенте и в подавляющем большинстве общества сложилось представление о том, что в Европе наступило равновесие сил в результате ослабления гегемонии стран-победителей. Все государства и международные организации (Лига наций и др.), чья политика долгое время после войны служила почти исключительно интересам Франции, претерпели изменения, пользу из которых извлекли прежде всего страны оси. Они добились большого успеха и почти полностью захватили инициативу в европейской политике в свои руки. Венгерский МИД считал, что мощное расширение оси Берлин–Рим сопровождалось не только постепенным крушением системы мирных договоров Парижской конференции, но и распространением того внешнеполитического курса, который «представляли тоталитарные государства».

inslav

В отношении Лиги наций, ее деятельности правители Венгрии уже давно не питали иллюзий и открыто заявляли о своем членстве в ней только из-за возможности использовать форум в Женеве для привлечения внимания мирового общественного мнения к горькой судьбе венгерских национальных меньшинств, оказавшихся в соседних странах по решению мирных договоров.

«Самым лютым врагом авторитарных государств» К. Каня считал Советскую Россию, которая еще несколько лет назад, как он признавал, начала играть все большую и важную роль в международной жизни, главным образом в результате широкого вооружения. Но в последнее время, по его мнению, эта роль уменьшилась, прежде всего из-за внутриполитических неурядиц. Европейские страны посчитали, что они переоценили политическую власть России и не оправдался их расчет на военную помощь с ее стороны. Не способствовало упрочению позиции Москвы и заключение антикоминтерновского пакта. Многие страны, поддерживавшие тесную связь с СССР, хотя и не отдалились от него, но посчитали целесообразным искать опору также и в других местах.

И Франция, серьезный защитник послевоенной европейской политической системы, которая еще недавно была самым компетентным законодателем международной жизни, по мнению венгерского министра, высказанному в парламенте, больше не смогла играть этой роли. Она не сумела добиться даже заключения договора о взаимопомощи со странами Малой Антанты, являвшимися составной частью созданной Францией системы[1].

Еще задолго до аншлюса немало говорили о треугольнике Вена–Будапешт–Прага и считали его образование, возможно, последней и необходимой защитной башней против пангерманского расширения. «Много было даже влиятельных политиков, которые наивно верили, что Венгрия с радостью возьмет на себя отведенную ей роль», – говорил Каня. Как видно, они никогда не ставили перед собой вопрос, считал он, можно ли представить, что Венгрия только из альтруизма, поспешит на помощь как раз тем, кто безгранично увеличил свои территории за ее счет. Он спрашивал парламентариев, можно ли предположить, чтобы без всякой побудительной причины мы повернулись против единственного государства, с которым в мировую войну плечом к плечу воевали до последней минуты?

В период мировой войны и после нее венгров и немцев связывали такие нити интересов, из каких естественно ткется искренняя дружба с ними. «Поэтому понятно, что столь зондированный треугольник (Вена–

inslav

Будапешт–Прага. – *А.П.*) с самого начала не нашел у нас ни малейшего понимания, а был мертворожденной идеей»[2], – объяснял Каня.

Дипломатические документы свидетельствуют, что венгерские представители считали долгом постоянно заверять гитлеровскую Германию о непреходящей преданности ей.

В беседе с А. Розенбергом венгерский посланник в Берлине Д. Стояи подчеркивал: Венгрия так же, как и Германия враждебно относится к большевизму, и сильная Венгрия может стать преградой опасностям, идущим с Востока[3].

В донесении из Мюнхена в венгерский МИД главный консул Дьёрдь Сабо сообщал, что согласно инструкции он везде подчеркивал: Венгрия может продолжать лишь одну политику – политику укрепления дружбы с Германией в надежде, что и с немецкой стороны увидят и признают ценность господствующего в независимой Венгрии национализма[4].

Заручившись согласием Муссолини на аншлюс, получив уверения в отсутствии претензий со стороны Венгрии и Англии, пообещав выгоды Румынии и Югославии, а также заверив Чехословакию в том, что у Германии нет намерения вводить войска, Гитлер начал непосредственную подготовку к захвату Австрии.

Шушниг после встречи с Гитлером в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. видел опасность аншлюса, но зная о слабости Австрии в военном отношении, не имевшей к тому же соглашения о помощи ни с одним государством, продолжал утверждать, что против Германии не будет воевать ни при каких обстоятельствах.

Под давлением Гитлера национал-социалисты были введены в правительство Австрии, в результате чего внутриполитическая ситуация в стране совершенно изменилась. Теперь и Шушниг не видел иного выхода, как прибегнуть к плебисциту по поводу сохранения самостоятельности Австрии. Об этом он заявил в Инсбруке 9 марта. По-видимому, для Германии его заявление стало неожиданностью, поскольку утром 10 марта печать никак на него не отреагировала. Только вечерние газеты написали об антиконституционности такого акта.

11 марта Гитлер направил в Вену своего эмиссара Вильгельма Кепплера с инструкциями для Зейс-Инкварта – министра внутренних дел (нациста). Тогда же в районе Мюнхена проводилась мобилизация, реквизиция транспорта и передвижение войск в восточном и южном направлениях. Кроме того, в тот же день Вена получила первый ультиматум Берлина, требовавший отменить или перенести плебисцит. Шушниг уступил. Второй ультиматум настаивал на отставке канцлера и назна-

inslav

чении на этот пост Зейс-Инкварта. Вечером этого дня последний уже стал канцлером. Он направил фюреру телеграмму с просьбой послать в Австрию «для поддержания порядка» германские войска.

12 марта утром Гитлер вылетел в Мюнхен, откуда на автомобиле направился к австрийской границе, пересек ее в районе своего родного города Браунау на реке Инн и поехал в Линц. (В Берлине Йозеф Геббельс зачитал радиообращение фюрера, в котором тот утверждал, что, сознавая ответственность, иначе действовать не мог.)

Там же, в Линце, в ночь на 13 марта был подписан имперский закон, в первом параграфе которого говорилось: «Австрия является одной из земель немецкого Рейха». Венгерский посланник Д. Стояи в своем донесении в Будапешт писал: «В этот несчастливый день, 13 марта, пока завершилась история независимой Австрии»[5].

На рассвете этого дня механизированные части гитлеровского вермахта двинулись в Австрию и без единого выстрела захватили ее.

Гитлер заранее известил итальянское правительство о намерении осуществить аншлюс в подробном письме, доставленном в Рим еще 11 марта гессенским герцогом Филиппом, зятем итальянского короля. Тогда же состоялись продолжительные телефонные переговоры между Гитлером и Муссолини. Письмо Гитлера опубликовано в ряде газет, в том числе и «Темпс» в полном объеме, но не печаталось в Германии. Муссолини предоставил Германии свободу действий в Австрии и занял позицию абсолютного невмешательства. Гитлер заявил, что границей Италии и германского рейха является Бреннер[6]. И некоторым другим новым соседям германское правительство заранее заявляло, как Югославии, что оно будет уважать границы с ними. Даже чехословацкому посланнику в Германии Войтеху Мастни Гёринг, по поручению Гитлера, 11 марта сообщил, что имперское правительство не будет принимать военных мер против Чехословакии. По другим источникам, фюрер пообещал продвижение немецких войск остановить за 15 км до чехословацкой границы. Подобные гарантии неприкосновенности границ Швейцарии объявил и германский посланник Отто Кёхер при извещении об аншлюсе Австрии[7].

Еще до аннексии Австрии венгерская дипломатия довольно открыто намекала правителям Третьего рейха о своих претензиях на Бургенланд в случае аншлюса. В первую встречу Д. Гёмбёша с Гитлером (как рассказывал Андраш Мечер, депутат парламента, председатель сельскохозяйственной палаты, сопровождавший Гёмбёша в поездке в Германию, германскому посланнику Эрдманнсдорфу) фюрер пообещал:

inslav

если в будущем Австрию присоединят к Германии, Венгрии возвратят территории, отторгнутые по Трианонскому договору и присоединенные к Австрии, т. е. Бургенланд. После аншлюса, 16 марта, Мечер добавил, что «такой жест вызвал бы в Венгрии чрезвычайно глубокое впечатление и связал бы ее с политикой империи на вечные времена».

Германский посланник в Будапеште информировал госсекретаря в Берлине, что правый венгерский радикал Янош Шалло в своей воскресной речи уже сформулировал такое ожидание[8].

В середине марта в Берлин прибыл представитель контрразведки венгерского военного министерства Бела Малкомес, чтобы вести в ведомстве Риббентропа с сотрудником Грошке переговоры о Бургенланде. Малкомес заявил, что в благодарность за ревизию границ здесь Венгрия готова присоединиться к антикоминтерновскому пакту[9].

Когда в середине апреля венгерское посольство в Берлине напомнило МИД Германии о том, что этот вопрос остался без ответа, Вайцзеккер стал оправдываться: он знает, и Эрдманнсдорфу было дано указание сообщить Кане о стабильности современных границ. Таков же ответ и Мечеру. «Для порядка все же и этим подтверждаю, – заявил Вайцзеккер, – что по однозначной позиции фюрера наша современная граница с Венгрией окончательна. Вследствие этого, вышеупомянутого жеста быть не может». Кроме того, рассуждал Вайцзеккер, если рассмотреть вопрос с этнической точки зрения, то венгры проживают в Бургенланде анклавами, и для передачи Венгрии нет подходящих объектов; в то же время на юго-западе от озера Фертё значительные территории чисто немецкие. Последние отошли к Венгрии по плебисциту, но специалисты считают результаты его чрезвычайно спорными. Статс-секретарь рекомендовал излечиться от идей, которые не могут быть даже предметом дискуссии.

После этого МИД Венгрии беспокоило уже другое обстоятельство: почему Германия в тех условиях не упоминала о неприкосновенности венгерских границ.

Только 19 марта в беседе с К. Каней германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф напомнил, что Д. Стояи, венгерский посланник в Берлине, по собственной инициативе, без официального поручения упомянул о недавнем заявлении германского правительства. Венгерского дипломата удивило, что в нем признавались современные границы с Италией, Югославией и Швейцарией, а в отношении Венгрии такого заявления не было. Стояи получил ответ, согласно которому само собой понятно, что намерения германского правительства относятся и к венгеро-немецкой границе. Эрдманнсдорфа уполномочили официально сообщить венгерскому прави-

inslav

тельству эту позицию Германии, но с просьбой не делать ее достоянием общественности. Однако К. Каня, опасаясь реакции части общественности – хозяйственников – просил это опубликовать[10].

22 марта германский поверенный в делах в Будапеште Карл Веркмайстер посетил министра иностранных дел Венгрии и сообщил, что «имперское правительство со своей стороны признает современные венгерские границы неприкосновенными и не имеет ничего против опубликования этого заявления»[11].

Венгерские правящие круги задолго до аншлюса Австрии участвовали в подготовке его, хотя и заявляли, что не хотят вмешиваться в германо-австрийские отношения. Премьер-министр Д. Гёмбёш поддерживал постоянную связь с немецким послом в Вене фон Папеном, обсуждал с ним различные аспекты отношений его страны с Австрией, а в беседах с Муссолини венгерский премьер предлагал ряд мер, направленных на сближение Италии с Германией, что неизбежно вело к аннексии Австрии гитлеровцами.

В беседе со статс-секретарем германского МИДа Эрнстом Боле И. Чаки, начальник канцелярии К. Кани, сообщил: «У Венгрии нет никаких возражений против порабощения Австрии немецкой империей», тем более, если, как он уверен, империя вслед за этим не намерена аннексировать и Венгрию[12]. Венгерское правительство неоднократно выражало недовольство и даже протестовало против намерений австрийского правительства сблизиться с Чехословакией против германской агрессии.

После ввода немецких войск в Австрию, 14 марта К. Каня направил шифрограмму в Берлин посланнику Стояи с указанием выразить на Вильгельмштрассе пожелание счастья в связи с удачей осуществления бескровного объединения и надежду на добрососедские отношения[13].

Одновременно министр извещал о намерении преобразовать венгерскую миссию в Вене в консульство. Стояи ответил на следующий день, с удовольствием сообщая о реакции статс-секретаря, отметившего, «что мы первые и срочно позвонил Риббентропу в Вену, который выразил радость и благодарность и заявил, что доложит канцлеру Гитлеру»[14].

«Нойе фрайе прессе» (Вена) 14 марта напечатала статью своего будапештского корреспондента по поводу аншлюса. Он утверждал, что аншлюс вызвал симпатии в Венгрии: «Отношения с Германией со времени правительства Гёмбёша установились дружественные и сердечные. Теперь непосредственным соседом Венгрии стало большое немецкое государство и, естественно, возникает целый ряд политических проблем, которые найдут соответствующее решение»[15].

inslav

Об этой позиции венгерских правящих кругов в связи с уничтожением Австрии венская газета писала: «Венгерское правительство через своего посланника в Берлине выразило фюреру и германскому канцлеру Гитлеру самые горячие пожелания счастья по поводу присоединения Австрии к Немецкой империи и одновременно выразило твердую уверенность в том, что и в дальнейшем между двумя странами сохранятся хорошие и дружеские отношения».

В дни подготовки аншлюса состоялись внешнеполитические акции в странах западной демократии. Хотя еще в 1937 г. Германия заручилась согласием Великобритании на аншлюс, после получения первых сведений о непосредственной подготовке его осуществления, посол Англии в Берлине Н. Гендерсон вместе с послом Франции А. Франсуа-Понсэ 11 марта посетили министерство иностранных дел Германии, а поздно вечером и канцлера Гитлера и заявили протест своих правительств против способа действий Германии в отношении Австрии и обратили внимание на те непредсказуемые последствия, которые могут быть связаны с ее захватом. В отсутствие Риббентропа барон Нейрат, председатель тайного кабинета, в одном письме отклонил протест этих двух держав, причем поставил под сомнение право их вмешательства в чисто внутренние, по его мнению, немецкие дела[16].

Политические события в центре Европы вызвали тревогу среди почти всех слоев венгерского народа. Для успокоения общественного мнения по радио выступил регент М. Хорти. Он заявил: «С нашей точки зрения объединение Австрии с Германией означает только то, что один из наших старых добрых друзей, поставленный мирными договорами в совершенно невыносимое положение, объединился с другим нашим старым добрым другом и верным соратником по оружию»[17]. Другой точки зрения придерживалось большинство населения Венгрии. Оно восприняло мартовские политические события с нескрываемым беспокойством, рассматривая захват Австрии и появление у границ Венгрии нацистского рейха, как прямую угрозу ее независимости. Об этих настроениях германский посланник в Венгрии Эрдманнсдорф писал статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккеру: «Опасения относительно якобы существующей пангерманской опасности, особенно в связи с событиями в Австрии, чрезвычайно распространены во всех слоях населения Венгрии, даже в кругах, симпатизирующих нам, и являются общей темой для разговоров»[18].

24 марта в парламенте граф Дьёрдь Сечени и Хуго Паир сделали правительству упрек в неправдоподобном освещении общественного мне-

inslav

ния по австрийскому вопросу и недостаточном соблюдении союзнического договора с правительством Шушнига. Советское посольство в Будапеште информировало правительство Союза ССР об этом и сообщило ответ премьер-министра К. Дарани парламенту: «Венгерской независимости в настоящий момент не грозит никакая опасность»[19].

Поскольку такие настроения охватили и часть правящих кругов, К. Каня счел нужным срочно сделать доклад по этому вопросу – аншлюсу – на заседании парламентских комиссий по внешнеполитическим делам обеих палат парламента 23 марта 1938 г. Необычно обширное его изложение (около половины текста) было опубликовано в газетах в виде коммюнике. Оба этих текста Каня направил и для сведения некоторым главам венгерских миссий за рубежом. Советское посольство точно изложило его смысл в донесении в Москву[20].

Калман Каня, которого поздравили с пятилетием деятельности на посту министра иностранных дел, отметил в своем докладе, что со времени последнего заседания комиссии в непосредственном соседстве с Венгрией произошли такие важные события, «которые потрясли весь мир». Наступил «конец Австрии», образовалась великая Германская империя, которая стала вследствие аншлюса «нашим непосредственным соседом». Он поставил задачу осветить это событие и его влияние, особенно на Венгрию, уже сейчас, хотя вызванные им волны еще не улеглись.

Каня остановился на истории Австрии после ее образования и высказал мысль: великие державы, создавшие это государство, не были склонны защищать ее независимость с оружием в руках, хотя иным путем это было невозможно. Он делал вывод: союзные державы навязали Австрии независимость (не позволили ей объединиться с Германией), но не позаботились о средствах, нужных для ее поддержания. Да и Германия по мере изменения внешней обстановки и упрочения положения внутри страны готова была освободиться от предписаний Парижского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Еще одной причиной захвата Австрии венгерский МИД считал и изменения, произошедшие в итало-австрийских отношениях. Идея о сохранении самостоятельности Австрии всерьез возникла, по мнению Кани, после прихода к власти канцлера Дольфуса. Вся его политика, направленная на сохранение независимости Австрии, базировалась на итало-австрийской дружбе, т. е. решимости Муссолини защитить свободу и самостоятельность Австрии при любых обстоятельствах, против любых посягательств, любыми средствами, следовательно и при помощи оружия.

inslav

Изменения в этом плане произошли в период итало-абиссинской войны, когда Муссолини, убедившись, что не сможет осуществить свои завоевания при молчаливом и доброжелательном нейтралитете Англии и Франции, пошел на сближение с нацистской Германией, которая и без того по мировоззрению ближе была к ней, чем западные демократические государства. Более тесное сотрудничество между Италией и Германией началось после пятидневного визита в Берлин графа Чиано в октябре 1936 г., когда стала создаваться ось Берлин–Рим.

В результате волей судьбы Австрия в трудные минуты осталась совершенно одна.

Обстоятельствами воспользовался Гитлер, осуществив свою идею великой Германии. Он сделал в отношении Швейцарии, Франции, Бельгии и Голландии такие заявления, которые успокоили их правителей в отношении неприкосновенности их границ. С Польшей ранее заключил соглашение о ненападении.

В данном случае Гитлер не просчитался. Вскоре после аншлюса западные страны приняли его как свершившийся факт. Министр иностранных дел Великобритании в палате лордов заявил, что повернуть стрелки часов вспять возможно было только при помощи войны, но члены Лиги наций не хотели делать этого из-за Австрии. Франция была тогда озабочена событиями в Испании и Чехословакии. Так Австрия как самостоятельное государство и международный фактор прекратила свое существование и Германия занималась ее аннексией.

Каня остановился на инициативе Советского Союза, названной им «мирным наступлением». Суть ее заключалась в предложении М.М. Литвинова созвать международную конференцию, которая определила бы меры, могущие защитить малые страны от нападения великой державы. Венгерский министр считал, что она была встречена прохладно даже в тех странах, каким была адресована.

Он поставил также вопрос, какова должна быть позиция Венгрии в связи с аншлюсом, считая ответ на него простым. А именно: венгерское правительство всегда придерживалось точки зрения, что вмешательство в австро-германский спор не является его задачей, ибо, прежде всего, речь идет о проблеме, решение которой за пределами венгерской возможности. Во-вторых, оно убеждено: в случае вмешательства ни одна из сторон не была бы в восторге от этого. Такую позицию Каня высказал еще в 1933 г., и правительство неуклонно придерживалось ее, поддерживая хорошие отношения как с Австрией, так и с Германией, хотя и не оправдалась надежда венгерского министра на то, что названные государства решат разногласия между собой мирным путем.

inslav

Следовательно, положение после аншлюса с венгерской точки зрения сложилось так, что место Австрии заняла Германская империя, находящаяся с Венгрией в тесных дружеских отношениях. Каня признавал существование людей, убежденных в наличии у великой Германской империи серьезных склонностей к расширению на Восток, сильно угрожающих самой Венгрии. Но венгерское правительство эти взгляды не разделяло, мотивируя тем, что не может представить себе такую немецкую политику, которая преследовала бы цель превратить находящуюся в искренних дружеских отношениях Венгрию в смертельного врага.

Стремясь окончательно развеять сомнения среди депутатов, К. Каня сообщил им о заявлении, сделанном германским посланником в Будапеште от имени своего правительства: современные границы Венгрии столь же неприкосновенны, как границы Италии, Югославии и др.

Из сказанного выше министр считал логическим следствием выражение Венгрией пожелания по случаю объединения Австрии с Германией счастья немецкому правительству и уверенности, что существующие венгеро-германские братские отношения неизменно сохранятся и в будущем. За такое поведение венгерских руководителей Гитлер передал теплую благодарность регенту, а германское правительство – венгерскому.

Каня утверждал: события недавнего прошлого «яснее солнца» свидетельствуют «о правильности нашего пути», когда одной из главных целей внешней политики мы наметили поддержание венгеро-немецкой дружбы, в которой «в зависимости от нас» не произойдет никаких изменений. Не изменит ее и соседство с Германией, которая теперь сильнее, чем в 1914 г., и располагает самой мощной армией в Европе. Правда, он допускал усиление давления со стороны Германии в экономической области. Признавал и тот факт, что соседство могущественного государства всегда таит в себе опасность. Но в данном случае этого не будет, поскольку Венгрия в хороших отношениях с Германией. Именно поэтому избранное направление внешней политики Венгрии не нуждается в изменении. Тем более, что в трактовке основных больших политических вопросов у Венгрии с Германией нет значительных расхождений, наоборот, по отдельным проблемам наблюдается полное совпадение интересов[21].

Неизменность внешнеполитической линии К. Каня обосновывал и сохранением хороших отношений с Италией. И хотя группа трех, вследствие выпадения Австрии из рядов самостоятельных государств, прекратила свое существование, дух Римских протоколов в венгеро-итальянских отношениях сохраняется в полной мере.

В своем докладе К. Каня, проявляя себя сторонником гитлеровской Германии, прибегал к использованию нацистской терминологии, в част-

inslav

ности, завершая выступление, подчеркивал намерение упрочить армию, вес и доверие венгров в мире и в «этой атмосфере, всегда самыми мирными средствами обеспечить жизненное пространство венгерской нации»[22].

Германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф в своем донесении в Берлин изложил все самое существенное из доклада Кани, особенно касавшееся Австрии и Германии[23].

В тот же день, 23 марта, в Москве глава НКИД М. М. Литвинов встретился с венгерским посланником М. Юнгертом-Арноти и в ходе беседы, как отмечено в дневнике наркома, Юнгерт старался внушить ему мысль о необходимости повлиять на Малую Антанту или, по крайней мере, на Чехословакию, побуждая к уступкам Венгрии.

Литвинов сказал посланнику, что захват Гитлером Австрии не может быть очень приятен для Венгрии. Новая Германия начнет давить на всех своих соседей. Если Гитлер и не думает о поглощении Венгрии, то он одним давлением надеется заставить ее плясать по его указке и лишить ее всякой независимости. Ему тем более легко это сделать, что он может опираться на довольно значительное немецкое меньшинство в Венгрии. «Мы ничего не имели бы против», конечно, если спор о территориальных уступках продолжится. «Во всяком случае у СССР с Венгрией никаких спорных вопросов нет, и наше отношение к ней определяется ее отношениями с Германией и Беком. В своих попытках противостоять германскому напору и отстаивать свою независимость Венгрия всегда может рассчитывать на наши симпатии и поддержку»[24], – заверил нарком.

Юнгерт просил аудиенции у Литвинова в связи с предстоящей поездкой в Будапешт. 26 марта написал в МИД Венгрии донесение об этой встрече и, судя по его тексту, речь на ней шла о положении в Венгрии, Италии, Югославии и других странах, о венгеро-советских, советско-чехословацких и советско-румынских отношениях.

Нарком заметил в связи с аншлюсом: произошло то, о чем предупреждал Советский Союз; началось германское продвижение в юго-восточном направлении; аншлюс нарушил равновесие в Средней Европе, что приведет к новой перегруппировке сил.

Италия, по мнению Литвинова, так же поступает сейчас с Германией, как в свое время с Австро-Венгрией, только современная Германская империя значительно мощнее, и Италия удачно симулирует дружбу с ней, но в подходящий момент она предаст ее, как предала в первую мировую войну Австро-Венгрию.

Два других новых соседа, Венгрия и Югославия, сейчас поют осанну рейху, констатировал нарком, но из-за своей слабости не могут де-

inslav

лать иного, хотя в глубине души своей «восклицают о помощи». Положение Югославии после аншлюса хуже, чем Венгрии, поскольку первая зажата между Италией и Германией.

Теперь Венгрия и другие страны Дунайского бассейна, если не смогут оказать сопротивления Германии, потеряют свою независимость, поэтому великим державам нужно оказать им материальную и политическую помощь для сохранения их самостоятельности.

Юнгерт писал: нарком с удовлетворением воспринял его заявление о намерении Венгрии и далее поддерживать и углублять доверительные отношения с Италией. Посланник полагал: это потому, что Венгрия еще не полностью подчинилась Германии. В то же время, как бы нарком не злился на Муссолини, все же он желает друзей скорее ему, чем Гитлеру, ибо убежден (и на этом строит свою политику в Средней Европе), что Италия рано или поздно предаст Германию. Юнгерт высказал свое мнение: «Это убеждение, особенно для наркома, сейчас единственный утешительный момент последствий аншлюса».

В ходе беседы было затронуто и предложение наркома от 17 марта о созыве международной конференции. Литвинов ответил, что это был только зондаж, ибо не очень-то надеялся на положительную позицию Англии. По существу, прежде всего речь шла о том, чтобы воспрепятствовать дальнейшей экспансии немцев. И впечатление Юнгерта было такое: в действительности нарком, используя настроения, попытался еще раз объединить демократические государства в антинемецком, антифашистском блоке, но эта затея «вновь обернулась горьким разочарованием»[25].

За несколько дней до этой беседы, 15 марта, Юнгерт также встречался с М. М. Литвиновым, и тогда нарком осуждал английскую политику невмешательства Чемберлена. В тот же день венгерский посланник беседовал с английским представителем Чарлстоном. Последний заявил, что в беседе с Литвиновым тот упрекал его, утверждая: «Во всех достижениях немцев до сих пор повинен Лондон»[26]. Тогда же Литвинов выразил беспокойство: немцы, если и не сразу, но нападут на Чехословакию.

В последующие два месяца Юнгерт направил в Будапешт несколько донесений об отражении в советской печати положения Венгрии после аншлюса. В ней обращалось внимание на ту опасность для нее, которую таят в себе дружба с Италией и Германией, маневрирование претензиями, предъявляемыми к странам Малой Антанты. В одной из газет содержался совет Венгрии ориентироваться на Малую Антанту и «свободолюбивые государства»[27].

inslav

Эта проблема детально обсуждалась на встрече Юнгерта с Литвиновым 5 мая, хотя она и была посвящена венгеро-советским отношениям и влиянию аншлюса на Венгрию.

И на этот раз М. М. Литвинов рекомендовал Венгрии сохранять свою национальную независимость от Германии, для чего необходимо ориентироваться на Англию, Францию, Советский Союз и Малую Антанту. Юнгерт писал, что он не получил от наркома ответ, чем лучше обеспечили бы последние независимость Венгрии, нежели Германия. И тут же продолжал рассуждать: якобы, авторы этого плана не учли действующие военные договоры между участниками Малой Антанты против Венгрии. Литвинов лишь ответил: страны Малой Антанты ничего от Венгрии не требуют, но охотно пошли бы с ней на сближение.

Литвинов в то время думал, что из-за Чехословакии может возникнуть конфликт между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой[28].

Положение Венгрии после захвата Австрии Германией нашло отражение и в обзоре 2-го Западного отдела НКИД за 1938 г. В нем отмечалось: аншлюс ослабил влияние Италии в Дунайском бассейне, в частности в Венгрии, и облегчил проникновение Германии во все области экономической и политической жизни этой страны. Германия заняла почти монопольное положение на венгерском рынке, оттеснив Италию и Балканские государства.

Под влиянием аншлюса внутри Венгрии усилилось нацистское влияние (антиеврейские законы и др.), на треть (т. е. на 1 млн) было сокращено число избирателей. 13 мая подало в отставку правительство К. Дарани. Хорти поручил сформировать новый кабинет Беле Имреди. Его кабинет главной задачей поставил реализацию венгерских ревизионистских устремлений, надежды на осуществление которых ожили в Венгрии в связи с германской угрозой, нависшей над Чехословакией.

Новый премьер в программной речи заявил о продолжении дружеских отношений, существовавших между Венгрией, с одной стороны, и Италией, Германией и Польшей – с другой[29].

Почти во всех дипломатических документах, послуживших основой для вышеизложенного, затрагивались отношения Венгрии с государствами Малой Антанты. В частности, в своем сообщении в парламентских комиссиях 23 марта министр иностранных дел К. Каня вновь подчеркивал: и на будущее сохраняется устремление Венгрии смягчить, точнее, нормализовать наши отношения с этими странами. Он заявил, что прерванные в сентябре 1937 г. переговоры Венгрии с Малой Антан-

inslav

той. недавно возобновлены в Бухаресте и высказал надежду на их положительный исход[30].

2. Продолжение переговоров Венгрии со странами Малой Антанты. Соглашение в Бледе

Состояние отношений Венгрии с государствами Малой Антанты в 1936 – начале 1937 г. уже рассматривалось автором[31].

В январе–феврале 1937 г. посланники стран Малой Антанты провели ряд бесед с К. Каней, зондировали почву для подготовки проектов своих правительств, имевших целью нормализацию отношений с Будапештом. Но тогда договоренность не была достигнута.

Попытка решений проблемы улучшения отношений Венгрии с соседними государствами в 1937 г. освещалась в первой главе настоящей монографии.

Об отношениях с государствами Малой Антанты венгерский министр иностранных дел информировал депутатов парламента, как упоминалось, на закрытом заседании (23 марта 1938 г.) комиссий по иностранным делам обеих палат, подчеркнув в своем докладе намерение правительства смягчить или нормализовать связи с ними[32].

Еще 3 января 1938 г. К. Каня направил посланнику в Бухаресте Л. Бардоши шифрограмму с инструкцией по поводу телеграммы последнего о его беседе с Комненом, выразившем пожелание после 17 января в Женеве продолжить переговоры с Каней об упорядочении венгеро-румынских отношений[33]. Венгерский министр просил Бардоши сообщить министру иностранных дел Румынии о невозможности выехать в Женеву в связи с занятостью, но не желая затягивать переговоры, поручил Бардоши продолжить их в Бухаресте[34].

Сообщения венгерских посланников из Рима и Берлина свидетельствуют о желании правительств Италии и Германии срочно привести Венгрию к соглашению с Румынией и Югославией.

26 января на один из запросов венгерского посланника из Праги постоянный заместитель министра иностранных дел Г. Апор направил распоряжение, в котором напоминалось, что ввиду сопротивления М. Стояниновича, стремление венгерского правительства заключить с Белградом отдельное соглашение невозможно, но вести переговоры одновременно с тремя странами Малой Антанты Венгрия будет только в

inslav

вынужденных обстоятельствах. Соглашение без Румынии было бы возможно, если бы этот путь инициировало одно из двух государств Малой Антанты. Отдельное соглашение с Прагой не может быть осуществлено из-за дружбы с Германией, а Белграду безоговорочно нужно бы присоединиться, но на это вряд ли можно надеяться[35].

В середине февраля венгерский посланник в Праге Я. Веттштейн сообщал К. Кане о своем впечатлении от бесед с министром Крофтой и высокопоставленными чиновниками МИДа о склонности Чехословакии упорядочить отношения с Венгрией независимо от позиции Румынии.

17 февраля венгерский министр иностранных дел направил посланнику в Бухаресте Л. Бардошши шифрограмму, в которой поручал ему спросить министра иностранных дел Г. Татареску о возможности возобновления прерванных из-за поведения румынского правительства переговоров Венгрии с Малой Антантой. На следующий день Бардошши информировал К. Каню о согласии Татареску, который в интересах возобновления переговоров пообещал определенные уступки в проблеме меньшинств[36].

«Татареску признал, – писал Бардошши, – спокойствие, проявляемое до сих пор венгерским правительством, также и то, что оно много сделало в улучшении атмосферы, воздерживаясь от ревизионистских заявлений. Но в упорядочении дел венгерского меньшинства в Румынии румыны не могут допустить вмешательства венгерского правительства. Вопрос меньшинств – чисто внутреннее дело Румынии»[37].

В ходе этой беседы Татареску заявил о своей убежденности: если вопрос меньшинства будет упорядочен, может наступить черед нормализации отношений между двумя странами. Он сказал, что осведомлен о намерении венгерской стороны на переговорах в Синае и Женеве включить в нормализацию отношений двух стран и вопрос о меньшинстве, но считал его ошибочным, подчеркнув, что на это не соглашается ни он, ни правительство. «Дела меньшинств в Румынии не хотят сделать предметом никакого политического торга»[38], – констатировал Татареску.

Но уже 25 февраля румынский посланник в Будапеште Р. Босси сообщил К. Кане, ссылаясь на успешно проведенные выборы, о готовности правительства Румынии во взаимопонимании с двумя другими государствами Малой Антанты продолжить переговоры в Синае. В тот же день Каня поручил Л. Бардошши ведение переговоров[39].

Располагая сведениями о предстоящем расчленении Чехословакии, венгерский министр дал указание своему посланнику в Праге: относительно инициативы чехословацкого правительства об отдельном венге-

inslav

ро-чехословацком соглашении следует проявить сдержанность, только пообещать сообщить о ней своему правительству[40]. 12 марта Г. Татареску принял венгерского посланника Л. Бардоши в присутствии Николае Петреску-Комнена, которого представил как в ближайшее время назначаемого министра иностранных дел, и официально предложил осенью продолжить приостановленные переговоры. Он интересовался, остаются ли в силе прежние предложения Венгрии в Синае (от августа 1937 г.), и пообещал в начале будущей недели дать ответ. Бардоши заявил: венгерская сторона ждет не полемические, а деловые предложения. Он подчеркивал: признание за Венгрией равноправия на вооружение и прежде в переговорах играло подчиненную роль и «мы считаем этот вопрос по существу решенным»[41]. Татареску выразил надежду на проведение переговоров в ускоренном темпе и доведение их до соглашения[42].

Вскоре после аншлюса и Чехословакия стала предпринимать действия для упорядочения отношений с Венгрией независимо от двух других стран Малой Антанты. Этот вопрос затрагивался в Праге 19 марта в беседе Крофты с Веттштейном. А через 10 дней посланник Чехословакии в Будапеште Кобр посетил Каню и от имени правительства предложил объединиться в борьбе против общей германской опасности. Каня высокомерно объявил: у Венгрии пока нет причин бояться так называемой «немецкой опасности». Вукчевичу – посланнику Югославии, который также поднял вопрос об этой опасности, Каня сказал, что венгеро-германские связи во всех направлениях удовлетворительны. В отношении же соглашения между Венгрией и странами Малой Антанты он заявил: «Венгерское правительство искренне желает смягчения напряженности и весьма сожалеет, если переговоры окажутся безрезультатными, но из-за этого мы не совершим самоубийство»[43].

18 марта Л. Бардоши встретился с статс-секретарем министерства иностранных дел Румынии, ознакомившим его с общим контрпредложением трех членов Малой Антанты. Оно было построено на основе синайского проекта, предложенного венгерской стороной.

В контрпредложении отсутствовал пункт о национальностях и содержалась рекомендация для Венгрии отказаться от двух статей мирного договора – 51 и 239-й[44].

Венгерская сторона посчитала такой поворот отступлением от достигнутого в Синае. Бардоши заявил, что без статьи о национальных меньшинствах он не может принять даже к сведению ответ государств Малой Антанты. Поскольку собеседник Бардоши пообещал исправить положение в этом вопросе, сказав о возможности подумать и о статьях мирного

inslav

соглашения, предложения о которых исходили от Чехословакии (в начале 1937 г. речь шла о применении санкции, если Венгрия самостоятельно, без согласия правительств Малой Антанты заявит о равноправии на вооружение), то договорились встретиться на следующий день. Однако, если даже декларация о меньшинствах будет удовлетворительной, уже тогда Бардоши обратил внимание собеседника на то, что в ответе содержится попытка пересмотра Трианонского мирного договора. Румынский представитель заявил, что его стране не обязательно настаивать на этом.

23 марта Бардоши уже получил текст ответа правительств государств Малой Антанты и направил его в Будапешт. В донесении он дал и комментарий к нему, отметив совпадения и отличия от предложения Венгрии.

Преамбула румынского текста шире венгерской. В последней говорилось о необходимости консолидации отношений заинтересованных стран, чтобы способствовать сохранению мира в Европе, прежде всего в Центральной.

Первый пункт переданного «секретного протокола» относился к заявлению о ненападении. В нем говорилось: «Венгрия и правительства Малой Антанты будут воздерживаться от применения любых насильственных средств». Во втором пункте Румыния, Югославия и Чехословакия объявили, что не возражают против осуществления Венгрией равноправия на вооружение; в то же время Будапешту предлагалось заявить о том, что он не считает обязательной для Чехословакии 51 статью Трианонского мирного договора. Третий пункт протокола намечал упразднение смешанного арбитража (который был создан в середине 1920-х годов и очень редко действовал).

Бардоши, ознакомившись с содержанием этого контрпредложения, обусловил его принятие к сведению необходимостью предварительной осведомленности о намерении Румынии в отношении венгерского национального меньшинства, а просьбу о денонсации 51 и 239 статей Трианонского мира он даже не счел возможным представить своему правительству.

Свои замечания по тексту контрпредложения правительств Малой Антанты и меморандум, составленный им от имени венгерского правительства, в связи с этим Бардоши изложил в письменном виде и направил в Будапешт[45].

Как показывает анализ названных документов и сравнение их с материалами переговоров в Синае и Женеве, позиции сторон не только не сблизились, а, наоборот, отдалились в такой мере, которая вызывала сомнение в возможности достижения соглашения вообще.

inslav

Ситуация после аншлюса позволяла, с одной стороны, надеяться на сближение соседних стран, чему должна была способствовать политика гитлеровской Германии, а с другой – появилась возможность для односторонних действий, например, Венгрия намеревалась при помощи усилившейся Германии достичь своих желанных целей. В поисках возможной защиты от гитлеровского рейха Чехословакия в лице министра иностранных дел Крофты заявила венгерскому посланнику Веттштейну о готовности идти на уступки дальше, чем румынское правительство[46].

В тот же день, 23 марта, Будапешт в письменной форме отклонил ответ, т. е. проект соглашения Малой Антанты, не приняв его за основу переговоров. По просьбе Комнена французский и английский представители в Венгрии выступили в интересах продолжения переговоров. Венгерское правительство подтвердило, что меморандум Бардоши по его поручению передал в Бухаресте Комнену, и заявило: если правительства Малой Антанты настаивают на новых условиях, о которых речи не было ни в Синае, ни в Женеве, то дальнейшие переговоры прекращаются.

Комнен не был заинтересован в таком повороте и 14 апреля просил правительство Венгрии через Бардоши представить ему новое контрпредложение. По поручению короля он сообщил о намерении утвердить на заседании правительства «Дирекцию меньшинства» при кабинете, задачей которой будет устранение конкретных нарушений в положении национальностей и подготовка упорядочения вопроса о меньшинствах вообще[47].

В той же беседе венгерский посланник хотел знать, отстаивает ли сторона Малой Антанты новые моменты в ответе, ибо если она настаивает, то «нет никакого смысла продолжать переговоры, поскольку венгерское правительство никогда не сможет принять эти требования»[48]. Комнен спрашивал, готов ли Будапешт обсудить румынское предложение по пунктам или выдвинет свое контрпредложение, но просил не затягивать с ответом, ибо и так из-за недоразумений потеряны три недели.

18 апреля Каня дал указание венгерскому посланнику обсудить с Комненом отдельные пункты проекта стран Малой Антанты, но просьбу о денонсации 51 и 239 статей мирного договора окончательно отклонить.

Он также поручил Бардоши подчеркнуть: со времени женевских переговоров положение значительно изменилось. Так, что касается Чехословакии, то Венгрию теперь удовлетворило бы только очень далеко идущее заявление о венгерском меньшинстве. Если чехословацкий статус о меньшинствах был бы соответствующим, все равно еще остался бы вопрос – продолжал Каня инструктировать посланника – захотели бы Бухарест и Белград последовать примеру Праги. Если бы они заня-

inslav

ли такую позицию, что их положение иное, чем у Праги и поэтому захотели бы иначе, отличным от чехословацкого методом решить вопрос о меньшинствах, тогда с румынским и югославским правительствами нужно бы продолжать отдельные переговоры по этому вопросу. Если же меньшинства не признали бы чехословацкий статут о меньшинствах, то и тогда пришлось бы вести отдельные переговоры с Бухарестом и Белградом. Но если бы из-за солидарности с Чехословакией Румыния и Югославия не согласились на такие переговоры, то следовало бы ждать тех времен, когда появилось бы больше возможностей для удовлетворительного решения вопроса о меньшинствах[49]. Так Румыния и Югославия оказались перед выбором.

Посланник Бардоши передал соображения Кани министру иностранных дел Комнену, а тот обещал дать ответ после переговоров со своим правительством и союзниками по Малой Антанте. 27 апреля, ссылаясь на протест чехословацкого и югославского правительств, Комнен сообщил Бардоши, что не может вести переговоры о заявлении по национальным меньшинствам только в Румынии и Югославии. Но предложил начать уже на следующий день переговоры, которые не носили бы обязательный характер по первым двум пунктам предложенного проекта[50].

На следующий день, 28 апреля, Бардоши вручил Комнену письменное контрпредложение венгерского правительства на проект соглашения Малой Антанты от 18 марта, которое по существу повторяло венгерский план 1937 г. (в Синае) с той разницей, что второй и четвертый пункты в отношении национальных меньшинств были объединены в одном. Новым было также намерение Будапешта решить вопрос о национальностях не принятием деклараций, а в формате обмена письмами, но пока только с Румынией и Югославией.

Передавая контрпредложение, Бардоши подчеркивал: если Комнен не согласен вести переговоры о таком заявлении по национальному вопросу, которое относилось бы только к Румынии и Югославии, то дискуссию нужно приостановить до появления чехословацкого статута по меньшинствам, а потом выяснить, «захотят ли румынское и югославское правительства решать в своих странах дела меньшинств на основе тех же принципов, что и чехословацкое правительство».

Так нагромождались новые препятствия.

В то же время К. Каня всячески старался создать видимость готовности идти на соглашение со странами Малой Антанты. Английское правительство направило венгерскому кабинету ноту, переданную 27 апреля посланником Великобритании Джефри Ноксом, в которой выражалась

inslav

надежда, что правительство Венгрии сделает все возможное для достижения соглашения между Будапештом и государствами Малой Антанты в интересах сохранения мира в Средней Европе[51]. К. Каня в беседе с посланником выразил такую готовность, но сказал о главной трудности – вопросе меньшинств. В подходе к нему в правительствах Чехословакии и двух других стран Малой Антанты содержатся расхождения. Он же, несмотря на это, настаивает на решении этого вопроса по единой формуле. В таких обстоятельствах, продолжал Каня, трудно будет прийти к общему знаменателю, хотя переговоры и продолжаются[52].

С аналогичным демаршем к Будапешту обратилась и Франция, считая важным достижением соглашения между Венгрией и Чехословакией.

29 апреля Л. Бардоши «для порядка» направил в МИД донесение о своих беседах 2 и 28 апреля с Комненом[53], основные моменты содержания которых отражены выше.

Когда венгерский посланник в Праге Я. Веттштейн получил от заведующего политическим отделом венгерского МИД Д. Бакач-Бешшеньеи информацию о прерванных осенью 1937 г. и возобновленных в апреле переговорах между Венгрией и государствами Малой Антанты[54], то в ответном частном письме от 2 мая он не только поблагодарил Бакача-Бешшеньеи, но высказал и свое отношение к ним. Между прочим, посланник спрашивал: хотим ли мы в действительности заключить с названными странами какое-либо соглашение или нашей целью является только то, чтобы ответственность за провал ведущихся переговоров не пала на нас? По моему скромному мнению, писал он, скорее последняя альтернатива казалась бы обоснованной; после аншлюса все же наше внешнеполитическое положение определяют отношения с Германией[55].

И, действительно, венгерское правительство передало новое контрпредложение только для видимости. Руководитель МИД Венгрии рекомендовал Бардоши ни в коем случае переговоры не прерывать и в то же время – не спешить.

Не в последнюю очередь под давлением западных демократических государств он дал указание Бардоши начать 3 мая переговоры с собравшимися в Синае министрами иностранных дел стран Малой Антанты[56]. В инструкции для посланника Каня отмечал, что, как можно предвидеть, последние и на этот раз не примут венгерские предложения, но порывать с этими странами не нужно, а переговоры следует вести в таком русле, чтобы и после несогласия сохранить корректные отношения, примерно как существующие сейчас у Венгрии с Югославией, т. е. вполне достаточно было бы устного джентльменского соглашения[57].

inslav

Начавшаяся 3 мая 1938 г. в Синае конференция стран Малой Антанты приняла решение (Стоядинович и Комнен): подтвердить организационный устав и свои обязательства, направленные против Венгрии. В то же время два министра отказали Крофте в просьбе сделать публичное заявление солидарности на стороне Чехословакии, пойдя таким образом на уступки Венгрии, точнее – странам оси. И, наконец, приняли решение вести с Будапештом переговоры о меньшинствах сепаратно.

Отношения стран Малой Антанты с Венгрией были основным вопросом на Синайской конференции. Сначала переговоры вели министры Стоядинович, Крофта и Комнен, а затем подключились бухарестский посланник Венгрии Бардошши и румынский в Будапеште Босси. Министр иностранных дел Румынии Комнен (в то время председатель Постоянного совета Малой Антанты) во вступительном слове говорил о протянутой дружеской руке Антанты и настойчиво подчеркивал готовность к соглашению. Но в ходе переговоров возникли непреодолимые препятствия. Если Стоядинович поддержал венгерское предложение в дискуссии по вопросу о признании за Венгрией равноправия на вооружение, то Комнен и особенно Крофта возражали, напомнив, что она не удовлетворила их просьбу о плацдарме на правом берегу Дуная у Братиславы и об упразднении третейских судов. Следовательно, в дни кризиса в Чехословакии позиция Стоядиновича изменилась и вместе с румынской стала главным препятствием на пути к соглашению. Свою роль играла также и политика правительства К. Дарани весной 1938 г. и поведение венгерской печати. Во всем этом и другом чехословацкое правительство видело попытку ее изоляции. Но позднее верх взяла позиция Стоядиновича, приспособленная к венгерской, о чем свидетельствует предложение, переданное Венгрии 10 июня.

А тогда (в первый день переговоров – 3 мая) три министра отклонили оба венгерских новшества по проблеме меньшинств, т. е. взамен декларации решить вопрос путем обмена письмами, а также предложение вести переговоры о меньшинствах только с Румынией и Югославией[58]. Но по содержанию декларации между тремя министрами возникли разногласия. Комнен продолжал настаивать на том, чтобы вопрос меньшинств не упоминался в ней специально. Крофта сначала поддерживал Комнена, а затем отступил и требовал только упорядочения вопроса о меньшинствах на принципе взаимности.

Во второй день работы конференции, 4 мая, каждый – и Стоядинович, и Крофта – побеседовали с Бардошши. Стоядинович сообщил ему, что прежде он считал тормозом Румынию, а теперь видит, что им являет-

inslav

ся Венгрия. Бардоши отрицал это и предложил, убедившись в различных подходах к проблеме меньшинств в странах Малой Антанты, вести переговоры отдельно с Румынией и Югославией. Суть его предложения: поскольку чехословацкая сторона против, можно подождать принятия ею статута меньшинств, а двум другим странам следует договориться в принципе, но их соглашение не вступит в силу до решения проблемы в Чехословакии. Стоядинович с такой идеей согласился и пообещал на следующий день убедить своих союзников в необходимости одобрить предложенную венграми процедуру[59].

Крофта рекомендовал Бардоши решать проблему национальных меньшинств на взаимной основе, поскольку имеется много жалоб и в отношении положения словаков в Венгрии. Чехословацкий министр заявил, что все меньшинства по разработанному статуту национальностей в ЧСР получат такие широкие права, что ни у кого не будет повода жаловаться, и уверил, что статут удовлетворит запросы чехословацких венгров[60]. Переговоры с Румынией и Югославией Бардоши мотивировал стремлением не упустить время; к ним позже присоединилась бы и Чехословакия[61].

В своем донесении в Будапешт 8 мая Бардоши обратил внимание на вторую часть коммюнике конференции Малой Антанты в Синае, посвященную отношениям последней с Венгрией, по его мнению, «несомненно стоявшим в центре совещания». Он имел в виду третий пункт венгерского предложения, в котором и содержалась позиция Венгрии – вести переговоры по проблеме меньшинств только с Румынией и Югославией. Трудность составило, между прочим, пожелание венгерской стороны упорядочить вопрос о национальных меньшинствах путем обмена письмами. По утверждению М. Стоядиновича и К. Крофты, особенно румынский король считал это предложение неприемлемым. Кроме того, последний не соглашался и на опубликование заявления, где открыто упоминался бы вопрос меньшинств.

В начале работы конференция в Синае столкнулась с препятствием, связанным с венгерским предложением хотя бы временно продолжить переговоры с Румынией и Югославией. Но на следующий день Стоядинович, как и обещал представителю Венгрии, склонил Комнена к принятию этого предложения, и уже после отъезда Бардоши из Синая, югославский премьер просил итальянского посланника сообщить венгерскому посланнику, возможно по телефону: конференция заняла позицию согласно договоренности премьера с посланником, достигнутую накануне вечером.

inslav

За принятие такого решения, сделал вывод Бардоши, мы несомненно можем быть благодарны югославскому премьер-министру. По его мнению, удалось, правда, пока только по процедуре переговоров (касающейся вопроса о меньшинствах) отделить Чехословакию от Малой Антанты, как и замышлял Каня. Но значение этого поворота в том, что именно национальные меньшинства составляют единственно существенный элемент в переговорах с соседними странами[62].

Однако через два дня К. Каня получил сообщение совершенно противоположного содержания из Праги. Там временный поверенный в делах Венгрии Я. Вернле встретился с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой, возвратившимся с конференции в Синае. И если от обсуждения общих политических вопросов он уклонился, ссылаясь на «обильное угощение» с румынской стороны, из-за чего осталось мало времени для заседаний, то венгерскую проблему он изложил: по его мнению, Венгрия рассчитывала, разрушив единство Малой Антанты, вести переговоры в отдельности с Румынией и Югославией и договориться с ними об исключении Чехословакии, в чем им помогали Германия и Италия, но успеха не достигли, ибо «государства Малой Антанты вновь высказались за единство действий». Излагая детали переговоров, Крофта сделал вывод, что Венгрия не желает соглашения с Чехословакией, ибо надеется и без него извлечь выгоду[63], предвидя распад республики.

В тот же день Вернле написал еще одно донесение – о состоянии разработки статута национальных меньшинств в Чехословакии, продвигающейся, по признанию Крофты, очень медленно. Венгерский представитель узнал, что законопроект пока не готов, но среди основных его положений – предоставление культурной автономии национальным меньшинствам по образцу Австро-Венгрии. Это обеспечило бы прекращение ассимиляции и уменьшение давления на родителей по поводу выбора школ, отказ от дальнейшего создания чешских школ в районах проживания национальных меньшинств и сокращение деятельности существующих; упорядочение использования языков в учреждениях. Но руководство ЧСР, по словам Крофты, не собирается выпустить этот процесс из своих рук и обещает постепенно довести до соответственного число чиновников – представителей национальных меньшинств.

Все преимущества будут предоставлены не только немцам, но и венграм, полякам и русинам.

По предположению К. Крофты, после принятия парламентом и вступления в силу статута национальных меньшинств «венгры будут чувствовать себя в республике (ЧСР. – *А. П.*) как в раю, и Крофта наде-

inslav

ется на соответствующее поведение в отношении венгерских словаков»[64]. Венгерский представитель перечисленные уступки считал неприемлемым даже в качестве основы переговоров, а оценку Крофты статута – юмором[65].

Аналогичная позиция прозвучала и в ходе беседы румынского посланника в Будапеште Р. Босси с министром иностранных дел Венгрии К. Каней 12 мая 1938 г. Прежде всего посланник заверил министра в искреннем желании (без всякой задней мысли) румынского короля достичь соглашения с Будапештом, что и поручил довести до сведения регента М. Хорти. Босси настаивал на одновременных переговорах Венгрии со всеми странами Малой Антанты, но оговаривал, что возможное соглашение вступило бы в силу только после принятия в Чехословакии статута о национальностях или в фиксированное время, например, в сентябре. Каня тут же отклонил это предложение, удивившись таким переменам, поскольку Крофта еще в сентябре 1937 г. в Женеве заявил ему, что в принципе склонен на основе взаимности сделать заявление о меньшинствах.

Каня убеждал Босси в искренности намерений венгерского правительства, говоря, что если бы оно не хотело нормализовать отношения, то легко бы уклонилось от всяких переговоров. Но, как видно, в Румынии существует ошибочное представление, якобы аншлюс настолько напугал венгров, что они примут теперь любое предложение. Венгерский министр подчеркнул, что в действительности побудительной причиной «нашей позиции на переговорах стало различие в положении Чехословакии и двух других стран Малой Антанты, чего сейчас нельзя не учитывать»[66].

23 мая венгерский посланник в Белграде В. Алт передал просьбу премьер-министра М. Стоядиновича сообщить министру иностранных дел Венгрии о его готовности независимо от двух других стран Малой Антанты вступить с ним в переговоры. Если бы удалось заключить соглашение, оно было бы парафировано, и он довел бы это до сведения своих партнеров по Малой Антанте, предложив им заключить с Венгрией такие же соглашения. Однако, если через несколько месяцев это не произойдет, он готов заключенное с Венгрией соглашение в одностороннем порядке ввести в действие и опубликовать его[67].

На следующий день К. Каня содержание этого белградского донесения сообщил шифрограммой (строго для личного сведения) венгерскому посланнику в Бухаресте Л. Бардоши, с указанием продолжить переговоры в соответствии с инструкцией, но джентльменское соглашение пока не форсировать[68].

inslav

Переговоры между министром иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комненом и венгерским посланником Л. Бардоши были возобновлены в Бухаресте 28 мая 1938 г. Обсуждали два варианта текста проекта так называемого конфиденциального протокола – Малой Антанты и Венгрии. Хотя Комнен и заявил, что конференция стран Малой Антанты в Синае приняла за основу переговоров текст венгерского проекта, он начал обсуждать вариант Малой Антанты, т. е. и те вопросы, которые венгерская сторона считала согласованными еще в марте–апреле. Бардоши выразил удивление трактовкой обращения румынского короля к венгерскому регенту и положительного ответа последнего. Он также сказал о готовности Венгрии серьезно и искренне идти на сближение со своим восточным соседом, особенно имея в виду, что в результате отпала бы потребность обсуждения положения венгерского национального меньшинства в Румынии.

Бардоши в тот же день написал К. Кане пространное донесение, в котором признавал, что в переговорах с Малой Антантой об упорядочении отношений в текст протокола он согласился включить положение о предоставлении Венгрии равноправия на вооружение и заявление о ненападении только в качестве фасада для соглашения, а «единственным существенным элементом является вопрос о меньшинстве».

Он указывал и на позицию чехословацкого правительства, которое никогда не ставило под сомнение международно-политическое значение вопроса национальных меньшинств, в том числе и в отношениях с Англией и Францией. Бардоши считал странным, что румынское правительство только в отношении Венгрии считает вопрос меньшинств чисто внутренней проблемой, в то время как с Югославией и Чехословакией заключило двусторонние соглашения по национальным меньшинствам.

Венгерский представитель привел ряд конкретных фактов притеснения венгерского меньшинства в Трансильвании и выразил мнение, что перед руководством Румынии стоит проблема – или самому в одностороннем порядке упорядочить вопрос меньшинств, или в рамках соглашения. От румынского правительства зависит выбор пути. Но Венгрия ни в коем случае не позволит румынской стороне заявить в Лиге наций или великим державам, что она уже решила якобы эту проблему непосредственно в переговорах с Будапештом, и в результате может отказаться от обязательства по договору 1919 г. по национальностям. В отношении же венгерского меньшинства Румыния придерживается позиции, что этот вопрос является ее внутренним делом и Венгрии он не касается[69].

inslav

28 мая, получив это пространное (на 10 страницах) донесение из Бухареста, а также информацию посланника В. Алта из Белграда от 26 мая (в ней сообщалось о готовности Стояниновича, если в течение шести месяцев не будет достигнуто соглашение, ввести в силу договор между Югославией, без двух других стран Малой Антанты, и Венгрией в одностороннем порядке)[70], К. Каня послал Бардоши шифрограмму с указанием сообщить Комнену, что по информации «из хорошего источника» страны Малой Антанты договорились между собой в Синае: Румыния и Югославия будут каждая отдельно вести переговоры с Венгрией. Поэтому самым целесообразным было бы продолжить переговоры в Бухаресте только по венгеро-румынским отношениям. В случае же, если Комнен продолжал бы настаивать на ведении им переговоров и от имени югославского правительства, то Каня дал указание посланнику продолжить беседы и на этих условиях. Он тут же информировал Бардоши о готовности югославского правительства на сепаратные переговоры с Венгрией и о намерении в ближайшее время провести их в Белграде[71].

В тот же день в МИД Венгрии была направлена депеша венгерского посланника из Женевы Л. Велича. В ней рассказывалось о беседе Петреску-Комнена с главным консулом Италии Бова Скоппа. Румынский министр утверждал, что король и правительство желают соглашения с Венгрией, но последняя не отказывается от ревизионистского курса и требует контроля за политикой в области меньшинств, что неприемлемо для Бухареста; он просил Муссолини выступить посредником между Венгрией и Румынией с целью сделать первую более уступчивой. Причем Комнен жаловался на итальянского посланника в Бухаресте Уга Соло за слишком провенгерскую позицию, вследствие чего ему приходится иметь дело с «двумя венгерскими посланниками». Через два дня Комнен направил к Скоппе румынского делегата в Лиге наций Георге Круцеску с той же просьбой. Полученный ответ из Рима содержал отказ удовлетворить эту просьбу, поскольку венгерское правительство в переговорах со своими соседями не нуждается ни в советах, ни в помощи[72].

Между тем о ходе переговоров со странами Малой Антанты К. Каня решил проинформировать и членов парламентской комиссии по иностранным делам. Почти половину своего выступления 1 июня 1938 г. он уделил вопросу Дунайского бассейна, точнее – переговорам Будапешта с Малой Антантой. Он утверждал, что прежде должно было упрочиться положение Венгрии, и только после этого ослабла натянутость в отношениях с участниками блока. Напомнил членам комиссии: переговоры ведутся по проблемам улучшения положения венгерских меньшинств, при-

inslav

знания равноправия Венгрии и вокруг общего заявления в духе «пакта Келлога». Но главным составным элементом министр считал вопрос меньшинств – об обязательствах стран Малой Антанты, взятых ими перед великими державами по обеспечению прав национальных меньшинств, практическое исполнение которых опаздывает, и поэтому оно стало в центре переговоров. По его мнению, переговоры проходят медленно, в первую очередь, из-за серьезных противоречий, порожденных Трианонским мирным договором, между Венгрией и ее соседями, а также из-за того, что Малая Антанта изначально имела антивенгерскую направленность и такой характер этого союза сохраняется до сих пор.

Венгрия не соглашалась на переговоры с Малой Антантой как с блоком, а другая сторона настаивала на том, чтобы соглашения с каждым из его участников были полностью идентичны. Однако это было трудно сделать ввиду разности международных позиций стран Малой Антанты. Отношения ЧСР со всеми тремя соседями были напряженные, а Югославия на всех своих границах сумела создать более мирную атмосферу. И Бухаресту удалось упрочить свое международное положение путем, убеждал Каня парламентариев, «отхода от курса дружбы с русскими и углубления польско-румынских отношений». Положение венгерского национального меньшинства в каждой из стран Малой Антанты было неодинаковым, а в Румынии его «судьба была самой трудной».

Чехословакия не отрицала международный характер проблемы национальных меньшинств. В отличие от нее Бухарест, несмотря на то, что подписал международные договоры о защите меньшинств, исповедует принцип, в соответствии с которым положение меньшинства является исключительно внутриполитической проблемой, и в нее другие державы не могут вмешиваться. Этот тезис румынская сторона объясняла сильными националистическими чувствами народа, из-за чего румынское правительство не в состоянии взять на себя обязательства перед Венгрией в отношении венгров, проживающих в Румынии. Напоминание румынскому правительству о германо-польском соглашении по национальным меньшинствам или о договоре о дружбе Италии с Югославией (1937 г.), в которых был найден способ решения и проблемы меньшинства, не было даже принято во внимание.

Калман Каня в своем выступлении особенно нападал на ЧСР, подчеркивая, что сближение двух стран невозможно осуществить лишь одной доброй волей Венгрии. Он вновь высказал суждение: решить национальный вопрос в Чехословакии возможно лишь, если все меньшинства будут удовлетворены в одинаковой мере[73].

inslav

Только 10 июня 1938 г. румынская сторона внесла свой контрпроект[74]. В тот же день Бардоши сопоставил тексты румынских проектов от 18 марта и 10 июня и отметил, что 1 и 2 пункты поменялись местами, на первое место поставили, как и требовали венгры, равноправие на вооружение, а на второе – заявление о ненападении. Но еще в пяти случаях имелись расхождения с текстом, представленным венграми 28 апреля. В румынском проекте отсутствовали третий и четвертый пункты, имевшиеся в венгерском предложении.

Передавая румынский проект, Комнен сопроводил его словами: заинтересованные страны считают текст общими рамками соглашения. А все «специфические вопросы», которые могут возникнуть, нужно решать отдельным странам. Румынский министр заявил: три министра иностранных дел Малой Антанты на конференции в Синае договорились вести переговоры по вопросу национальных меньшинств по схеме – с каждой страной отдельно. Бардоши только заметил: Венгрия изначально придерживалась этой позиции[75]. По его мнению, переговоры следует продолжать, не прекращая выступать все с новыми и новые предложениями с важнейшей целью – постоянно держать на повестке дня вопрос меньшинств[76].

Министр иностранных дел Венгрии К. Каня 22 июня направил Л. Бардоши распоряжение, предписывающее посланнику быть помягче в переговорах с Комненом за исключением вопроса о меньшинствах, который с самого начала имел важнейшее значение.

Как отмечал посланник в своем донесении из Бухареста, последнее румынское предложение проекта соглашения отличается от венгерского только стилистически. Может быть, поэтому К. Каня писал: «Учитывая важность нормализации наших отношений со странами Малой Антанты в интересах успешного завершения переговоров, я готов идти на дальнейшие уступки и поэтому даже принять текст, предложенный правительствами государств Малой Антанты, если они согласились бы на предлагаемые им частные исправления». Далее он изложил конкретную правку по I и II параграфу. Но он отметил с сожалением, что в предложении Малой Антанты полностью отсутствует III статья, в результате чего и произошел «провал нашего стремления» договориться с государствами Малой Антанты по проблеме меньшинств путем обмена письмами.

Глава МИД Венгрии утверждал, что в интересах успешного завершения переговоров «готов бы удовлетвориться и таким текстом, в котором вопрос меньшинств не упоминался бы явно», но он был бы составной частью секретного договора, что Комнен допускал в отношении

inslav

Заявления Малой Антанты. По настоянию Кани, не упоминая проблему меньшинства, текст должен был свидетельствовать о готовности стран Малой Антанты, каждой в отдельности, продолжить переговоры с венграми о меньшинствах. Каня настаивал также, чтобы после завершения переговоров и опубликования коммюнике об этом он мог официально заявить: главным на переговорах был вопрос меньшинств, и III статья протокола Малой Антанты относится к этому вопросу, по которому «мы продолжим переговоры с государствами Малой Антанты». К указаниям министра был приложен и текст предполагаемого заявления, с которым он просил устно ознакомить Комнена. В то же время Каня уведомил посланника об отсутствии у него, между прочим, намерений торопить завершение переговоров[77].

26 и 27 июня Бардоши написал два донесения с дальнейшими запросами инструкций в отношении выполнения прежних указаний в ходе переговоров с Комненом.

Он информировал министра иностранных дел и о беседе с румынским королем Каролем II 26 июня, который спросил, почему переговоры не продвигаются. Бардоши в ответ сказал: они и не могут идти вперед, так как положение венгров в Румынии и отношение к ним хуже, чем когда-либо прежде. Ведь целью переговоров в сущности было урегулирование проблемы меньшинств, а сейчас происходит что-то противоположное этому.

На вопрос Кароля II, на чем основано это утверждение, посланник ответил: «На фактах, величество». Он приводил примеры: только в прошлом месяце власти отняли здания у трех венгерских церковных школ и несколько дней назад окончательно закрыли две венгерские сельскохозяйственные школы без всякого обоснования. Монарх, не веря в официальность данных сведений, поинтересовался их источником. Он даже пригласил к себе министра образования Калинеску и просил подготовить доклад по этим фактам, а обращаясь к Бардоши, сказал: если такие случаи и имеют место, все же еще «многие сотни школ заботятся о школьном образовании трансильванских венгров». По официальным румынским данным, приведенным посланником, в 1936/37 учебном году только в 44 государственных народных школах ученики венгерской национальности могли обучаться на родном языке, что не соответствует потребностям 1,5 млн венгров. Кароль, вновь ставя под сомнение достоверность обеих приведенных цифр, настаивал на своем: преподавание на венгерском языке ведется во многих сотнях школ.

Посланник пояснил: речь идет о государственных начальных школах, а не о тех, которые содержит само венгерское национальное меньшин-

inslav

ство. Кароль II отпарировал утверждением, что венгерских школ сейчас все же больше, чем было румынских при власти венгров. В свою очередь Бардоши сказал: венгерское правительство оказывало таким румынским школам весьма ощутимую материальную поддержку, а венгерские церковные школы не получают ни бана, хотя по договору о национальных меньшинствах они имеют на это законное право; в действительности же, наоборот, им еще приходится платить на цели государственных начальных школ 14% налога. Уходя от этой проблемы, румынский король отметил: речь идет о том, что скорейшего урегулирования румыно-венгерских отношений требуют более высокие интересы[78].

На запрос Бардоши, как дальше вести переговоры с Комненом, Каня дал ему указание продолжать их согласно инструкции от 22 июня, о чем шла речь выше[79].

В последний день июня в новых указаниях для посланника венгерский министр иностранных дел подчеркивал: «Моя позиция на любой случай, что без удовлетворительного решения странами–наследницами вопроса по проблеме "специфических мер" меньшинств не было бы возможным завершение всего комплекса переговоров». В то же время К. Каня сообщал посланнику, противореча своим прежним указаниям, что он не настаивал бы на включении заявления о меньшинствах в текст конфиденциального протокола, прежде всего из-за предпочтительности независимого от протокола одностороннего заявления. «Оно не затрагивает, исключая возможность любой дискуссии, наше правовое положение, базирующееся на существующих договорах в отношении вопроса меньшинств»[80], – объяснял министр.

Ласло Бардоши в период переговоров с Комненом часто строчил объемистые донесения, уточняя те фрагменты прежних, которые К. Каня, по его мнению, не совсем точно воспринял. 1 июля посланник информировал министра, что в беседе 27 июня с Комненом он и ему, как за день до того королю, ясно и решительно заявил: «Пока не будет коренным образом изменено отношение к трансильванским венграм, до тех пор нельзя себе представить возможность любого соглашения». Как будто подводя итоги предыдущих переговоров, венгерский дипломат обращал внимание на позицию румынского правительства. Оно, с одной стороны, упорно отстаивает и в который раз вновь подчеркивает свою принципиальную позицию, заключающуюся в том, что вопрос меньшинств не может быть предметом ни бесед, ни переговоров, ни заявления, ни каких-либо обязательств (в любой форме) перед венгерским правительством. Но, с другой стороны, правительство принимает во внимание и реализует по-

inslav

желание руководства Венгрии заключить соглашение лишь при упорядочении вопроса о меньшинствах.

Сам Комнен, полагал Бардошши, в отношении румынского общественного мнения был рабом следующего тезиса: вопрос меньшинства – сугубо внутреннее дело, вмешиваться в него венгерское правительство не имеет права. В то же время в этом донесении посланник писал об обнаруженных им точках соприкосновения, близости и «в известной степени» даже родственности предложений Комнена и Кани о соглашении по двум вопросам и возможности продолжения переговоров о национальных меньшинствах[81].

Почти две недели МИД в Будапеште ничего не получал из Бухареста о ходе переговоров, а донесение от 13 июля посланник начал так: «Сегодня Комнен передал мне (третий) проект протокола, означающий фактически завершение той части переговоров, которая касается признания за Венгрией военного равноправия и заявления, базирующегося на пакте Келлога. В этой части пожелания венгерского правительства по существу и тексту были в целом и полностью приняты всеми, без исключения, правительствами так называемых стран-наследниц, следовательно, этот этап переговоров закончился»[82].

Осталось, продолжал посланник, так называемое заявление о меньшинствах. Для венгерской стороны оно имело значение только из-за их положения в Румынии и Чехословакии. В эти дни проблемы венгерского национального меньшинства в Югославии отходили на второй план в силу сделанных ему югославским правительством уступок и готовности Венгрии отказаться от претензий возвратить ей заселенные венграми или, более того, находившиеся под ее властью до первой мировой войны территории.

В последнем своем донесении от 13 июля 1938 г. Бардошши сообщал о намерении правительства Румынии упорядочить отношения с венгерским меньшинством. Он писал: «Узкая правительственная комиссия с личным участием короля провела не менее десяти заседаний с целью подготовки решения вопроса меньшинств и обсудила эту проблему во всех отношениях».

В беседе с новым венгерским посланником в Югославии Д. Бакач-Бешшеньеи премьер-министр и министр иностранных дел М. Стояди-нович, по словам посланника, заявил: общие политические рамки, в которых движемся, и так уже совпадают, ибо и венгры являются друзьями Германии и Италии и он проводит ту же политику[83]. Но по поводу Малой Антанты, договорных обязательств с ней Стояди-нович занял выжидательную позицию.

inslav

Общее впечатление от беседы со Стояниновичем Бешшеньеи было таково: югославский министр действительно хотел бы улучшить отношения с Венгрией и в результате «может быть, будет склонным и по проблеме национальных меньшинств сделать определенные скромные уступки».

В июле в МИДе Венгрии были подготовлены материалы для переговоров венгерской и итальянской делегаций в Риме. В предназначенных для Кани документах четвертый пункт назывался «Венгрия – Малая Антанта, или Венгеро-румынские переговоры».

Венгерский министр иностранных дел К. Каня намеревался информировать своего итальянского коллегу Г. Чиано о слабой динамике переговоров с Малой Антантой в Бухаресте. По его мнению, главным препятствием является румынское правительство, ибо Комнен считает, что в основе заявления должны быть только два момента: признание за Венгрией равноправия в военной области и подтверждение пакта Келлога, а вопрос меньшинств, включая и общее заявление, Будапешт обсудил бы с каждой заинтересованной стороной по отдельности. Такая тактика отодвигает соглашение прежде всего с Чехословакией, с которой без ее договоренности с лидерами венгерского национального меньшинства ЧСР, Венгрия не может завершить переговоры и о равноправии и подтвердить пакт Келлога.

Кроме того, полагал Каня, переговоры затруднялись и действиями правительства Румынии по отношению к венгерскому меньшинству, ибо оно изо дня в день, еще когда они велись, принимало меры, направленные против него. Но до тех пор, пока Бухарест продолжает наносить венграм обиды и не гарантирует в будущем более человечное поведение в отношении румынских венгров, правительство Венгрии не сможет заключить договор, касающийся Румынии.

Каня информировал Чиано о готовности премьер-министра Югославии Стояниновича (о ней он заявил венгерскому посланнику) самостоятельно договориться с Венгрией по проблемам, составляющим предмет ее переговоров с Малой Антантой. Венгерская сторона с благодарностью приняла это к сведению и поручила своему посланнику в Белграде установить контакт с югославским премьером. Их встреча состоялась и Стояниович сделал общие дружественного характера заявления в адрес Венгрии, но ничего конкретного до сих пор не произошло[84]. Судя по записи бесед, состоявшихся в Риме, этот вопрос там не затрагивался.

Между тем 6 августа румынский посланник в Будапеште Р. Босси довел до сведения К. Кани факт опубликования принятого в Румынии статута о меньшинствах. Он просил министра иностранных дел действовать

inslav

в соответствии с румынским предложением, а не контрпредложением Венгрии, ибо между их позициями – большая разница. Посланник объяснял, почему правительство Румынии в предложенном заявлении не взяло на себя двусторонних (касающихся и Венгрии) обязательств в области меньшинств: это было сделано, чтобы не давать России повода требовать от Румынии того же, т. е. концессий, имея в виду Бессарабию.

Каня констатировал: заявление произвело хорошее впечатление в Венгрии и облегчило положение правительства в занятой им позиции против формулы меньшинств. Из-за трудностей, возникших в отношении Чехословакии, он счел возможным вернуться к ранней формулировке об опубликовании какого-либо коммюнике по меньшинствам в Румынии и Югославии, без обнародования текстов соглашения[85].

Эту запись из своего дневника вместе с новыми инструкциями Каня направил 9 августа Бардоши в Бухарест. Он обращал внимание посланника на изменившуюся ситуацию после принятия статута о меньшинствах в Румынии и завершения переговоров, ведущихся со странами Малой Антанты. Министр иностранных дел Венгрии признавал, что главнейшей причиной затяжки переговоров было нежелание Будапешта принимать такое заявление правительств Малой Антанты по проблеме национальных меньшинств, в котором не содержалось бы явного упоминания о них. Учитывая это, Каня выразил готовность принять, с небольшими поправками, проект заявления Малой Антанты от 13 июля.

Министр просил посланника сообщить Комнену о невозможности одновременно принять заявление в отношении Чехословакии, требования к которой со стороны Венгрии возросли[86].

12 августа Р. Босси посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Венгрии Г. Апора и, говоря о внесении венгерской стороной изменений, вернее уточнений, в текст соглашения, несколько раз напомнил о желании Комнена завершить переговоры о достижении соглашения еще до конференции стран Малой Антанты в Бледе, открытие которой было намечено на 21 августа. Каня, узнав о мнении Комнена, сказал, что это совпадает и с его намерениями, но на уступки он не пойдет[87]. 18 августа министр пригласил Босси к себе и сообщил: по проблемам национального меньшинства он готов согласиться с предложением румынской стороны, подчеркнув, что теперь соглашение между Венгрией и двумя странами Малой Антанты совершенно не только по существу, но и по тексту. Как отмечено в дневнике Кани о его беседе с Босси, тогда еще особую трудность представлял вопрос вовлечения Чехословакии. Бухарест и Белград считали непременным условием при-

inslav

влечение ее к завершению переговоров, без чего они не смогли бы принять его (Кани) предложение, согласно которому первоначально Венгрия парафировала бы доверительные протоколы с Румынией и Югославией, а достоянием гласности они стали бы лишь после достижения мира в Чехословакии между чехами и венгерским меньшинством, когда исчезли бы всякие препятствия.

В ответ румынский посланник заявил, что подобное предложение Румыния и Югославия не могут принять ни в коем случае, и вновь настаивал на парафировании соглашения и Чехословакией. Оно было бы опубликовано лишь когда последняя сможет договориться со своими национальными меньшинствами, прежде всего венгерским. Кроме того, Босси сообщил со слов Комнена: вся проблема будет вынесена на рассмотрение конференции Малой Антанты в Бледе. Каня в связи с этим предложил отложить подписание протокола до завершения кризиса в Чехословакии, после чего венгерская сторона будет готова продолжить переговоры.

Но и в этом случае венгерский министр рекомендовал опубликовать коммюнике (чем могла бы заняться и конференция Малой Антанты в Бледе). В нем говорилось бы о предварительном достижении соглашения о военном равноправии венгров (выдержанного в духе пакта Келлога) и совместном заявлении о нем; подчеркивалось бы, что в отношении заявления о меньшинствах также имеется принципиальная договоренность и только технические причины препятствуют завершению переговоров[88]. Каня передал Босси два проекта венгерского правительства: заявление и коммюнике[89]. На следующий день временный поверенный в делах Венгрии в Праге Я. Вернле сообщил министру мнение К. Крофты, считавшего, что Будапешт, ожидая распада Чехословакии, не желает соглашения[90].

Поскольку в Будапеште румынский посланник Босси заявил венгерскому министру об отсутствии у него возможности передать своему правительству венгерские проекты (заявления и коммюнике), К. Каня информировал об этом посланника в Белграде Д. Бешшеньеи. Посланник ответил 21 августа, извещая, что он уведомил уже Стояниновича и передал ему вариант ожидаемого заявления Чехословакии о меньшинствах и текст совместного коммюнике. Югославский премьер, ознакомившись с проектами, тут же заявил о своем неверии в то, что заявление будет принято чехами, но обещал переговорить с Крофтой и сообщить результаты. Более оптимистически он был настроен в отношении коммюнике и со своей стороны готов был принять его без изменений[91].

inslav

В тот же день в Бледе Д. Бешшеньеи, присутствовавший на конференции стран Малой Антанты, был приглашен к Стояниновичу (у него находились министры иностранных дел ЧСР и Румынии) для вручения текста коммюнике стран Малой Антанты. Венгерский посланник увидел в нем незначительно исправленный венгерский вариант, в определенных частях дословно совпадающий с ним. Он делал вывод: все те пункты, которые составляли стержень венгерского проекта и содержали венгерские пожелания, сохранены в новом тексте; общее звучание коммюнике в результате правки приобрело более оптимистический характер. Исходя из этого, Бешшеньеи рекомендовал МИДу принять его[92].

20 августа 1938 г. венгерская делегация во главе с регентом Миклошем Хорти отправилась в Киль формально для участия в церемонии спуска на воду корабля; на деле – для продолжения переговоров с Германией. Его спутниками были премьер-министр Бела Имреди и министр иностранных дел Калман Каня и др.

Теперь корреспонденция пересылалась из Бледа в Будапешт, оттуда шифрограммой в Киль, где находился Каня. В одной из телеграмм Бешшеньеи сообщал, что представители Малой Антанты предложили парафировать конфиденциальный протокол и венгеро-югославо-румынскую декларацию о меньшинствах; с венгерской стороны свои инициалы поставит посланник (Бешшеньеи), а со стороны Румынии и Югославии – Стояинович. Такое предложение венгерский посланник назвал «настоящим джентльменским соглашением» по духу. Он просил сообщить решение венгерского правительства по этому поводу до полудня 22 августа.

В ответ Апор, проконсультировавшись с министром Палом Телеки, дал полномочия Бешшеньеи и им вместе со Стояиновичем был парафирован конфиденциальный протокол 23 августа.

В тот же день вечером, одновременно в Бледе и в Будапеште через Венгерское телеграфное агентство было обнародовано коммюнике. Тут же К. Каня направил во все свои зарубежные миссии шифрограмму. В ней сообщалось: «По вопросам равноправия на вооружение и о ненападении – которым, само собой понятно, с самого начала мы не придавали особого веса – достигнуто полное соглашение со всеми тремя странами Малой Антанты. В переговорах центр тяжести был смещен на вопрос меньшинств, по которому мы также окончательно договорились с Румынией и Югославией в форме джентльменского соглашения. Весь комплекс соглашений мы не смогли завершить из-за оставшегося открытым вопроса меньшинств в Чехословакии, имеющего там особое значение, из-за чего мы не смогли договориться о соответствующем тек-

inslav

сте заявления. Черед на упорядочение вопроса меньшинств в чешском отношении может наступить тогда, когда судьба нашего национального меньшинства удовлетворительно будет решена внутренним способом или пока не договоримся на всякий случай о более далеко идущем тексте, чем заявление румынское и югославское»[93].

Официальное заявление конференции Постоянного совета Малой Антанты в Бледе, как и официальное венгерское заявление, были не вполне внятными, как и настаивала румынская сторона, только посвященные в переговоры могли догадываться, о чем идет речь. Так, в заявлении Малой Антанты (во второй его части) отмечалось: «1. Постоянный совет Малой Антанты с удовлетворением констатирует, что переговоры, которые велись с Венгрией, дали возможность заключить такие договоренности, которые содержат в себе отказ от применения любого рода средств насилия в отношениях между Венгрией и Малой Антантой и признание со стороны трех стран равноправия Венгрии на вооружение»[94].

В ходе переговоров, говорилось в том же документе, целью которых была подготовка почвы для дальнейшего развития добрососедских отношений между государствами Малой Антанты и Венгрией, остались нерешенными определенные вопросы и поэтому упомянутое соглашение еще не могло быть обнародовано. Но страны блока и Венгрия договорились о том, что Постоянный совет Малой Антанты в Бледе и венгерское правительство в Будапеште опубликуют идентичного содержания сообщение, в котором ознакомят с настоящим состоянием переговоров. «Постоянный совет Малой Антанты, высказывая удовлетворение по поводу уже достигнутых большого значения результатов, выражает надежду, что благодаря духу взаимопонимания, который сообразуется не только с интересами названных стран, но и всего Дунайского бассейна, достижение полного соглашения не заставит себя долго ждать»[95], – записано в заявлении.

В Будапеште было обнародовано официальное заявление по этому поводу. В нем констатировалось: «Те переговоры, которые с прошлого года велись между Венгрией, с одной стороны, и Румынией, Югославией и Чехословакией – с другой, вытекая из обоюдного желания устранить факторы, способные препятствовать развитию добрососедских отношений между Венгрией и вышеупомянутыми тремя государствами, привели к временному соглашению. Это соглашение содержит признание со стороны вышеназванных трех государств равноправия Венгрии на вооружение и отказ Венгрии и названных трех стран от применения между ними всякого рода вооруженного насилия.

inslav

На переговорах, предшествовавших достижению соглашений, поднимались многие вопросы, решение которых могло бы оказать благоприятное влияние и на другие дунайские государства. Эти вопросы тоже составляют предмет всестороннего и доброжелательного обсуждения. Заявления по ним со стороны упомянутых государств были подготовлены, но не могли быть изложены в окончательной форме.

Можно надеяться, как только имеющиеся трудности будут преодолены, переговоры по этим вопросам получат благоприятное завершение, тогда достигнутые соглашения, как и заявления, о которых идет речь, будут одновременно обнародованы»[96].

Данное заявление, как свидетельствует текст двух последних абзацев, в которых речь идет о переговорах по важнейшему для венгерской стороны вопросу – о национальных меньшинствах, выдержано в духе румынского пожелания, чтобы все было завуалировано и прямого упоминания понятия «меньшинство» не было.

Надеждам, выраженным в заявлениях, обнародованных как в Бледе, так и в Будапеште, не суждено было сбыться. Переговоры между Венгрией и Малой Антантой не возобновились. Мюнхенское соглашение и последовавшее расчленение Чехословакии привело к распаду Малой Антанты*.

Временный поверенный в делах Венгрии в Лондоне Ференц Мароши уже 24 августа информировал свой МИД о беседе со «здешними» официальными кругами и их цинической реакции на позицию Будапешта, согласно которой он не мог подписать такое соглашение с Чехословакией, Румынией и Югославией из-за давления на венгерское правительство общественного мнения. «Они дали мне почувствовать, – писал он, – что сомневаются в весе общественного мнения при нашем феодальном и авторитарном строе»[97].

Мароши рекомендовал МИДу подчеркивать характер той части соглашения, которая связана с национальным меньшинством, а то английская пресса уделяет особое внимание соглашению о ненападении, считая его большой победой Малой Антанты.

---

* В научной литературе переговоры Венгрии с Малой Антантой и соглашение в Бледе затрагивались в книгах В. К. Волкова «Мюнхенский сговор и балканские страны» (М., 1978) и «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты 1933–1938» (М., 1966); И. И. Попа «Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939)» (М., 1973). В монографии венгерского историка М. Адам, опубликованной в Будапеште в 1968 г., утверждается, что Венгрия не стремилась заключать договор с Чехословакией.

inslav

Историки на основе материалов английской и французской печати констатируют, что соглашение в Бледе было воспринято в правящих кругах Великобритании и Франции одобрительно и даже расценивалось «как радостное» событие. И в действительности, в беседе министра иностранных дел Венгрии К. Кани с временным поверенным в делах Англии в Будапеште А.Д. Гасконом последний, ссылаясь на поручение своего министра лорда Э. Галифакса, выразил его удовлетворенность по поводу соглашения в Бледе[98].

Говоря о сущности договоренностей, Каня подчеркивал, что Венгрия, бесспорно, считает соглашение одним из важных шагов в отношениях между Венгрией и Малой Антантой, но тут же обращал внимание на необходимость не забывать: Стоядинович от своего и Комнена имени парафировал соглашение, которое может вступить в силу только, если будет достигнуто согласие о заявлении Чехословакии в связи с проблемой национальных меньшинств. Причем уступки со стороны последней в пользу венгерского меньшинства должны быть более далеко идущими, чем в Румынии.

Отвечая в тот же день на вопросы Гаскона, постоянный заместитель министра иностранных дел Г. Апор отмечал: «Бледское коммюнике – обещание на будущее»; принципиальное же соглашение с румынами и югославами взаимно «рассматриваем только как джентльменское соглашение». Гаскон продолжал выяснять, как в таком случае нужно рассматривать заявление о ненападении. Апор считал его ни чем иным, как повторением подобного, сделанного в свое время в отношении «пакта Келлога», который Венгрия считала действующим[99].

Соглашения в Бледе, по утверждению историков, вызвали в Германии «раздражение»[100], или «резко отрицательную реакцию»[101].

Как же было на самом деле? Соглашения в Бледе были парафированы в дни пребывания высокой венгерской делегации во главе с регентом М. Хорти в Германии.

Сразу после прихода Гитлера к власти правящие круги Венгрии приняли предложение нацистской Германии сосредоточить свои силы для захвата части Чехословакии, а с территориальными требованиями, предъявляемыми к Румынии и Югославии, повременить. Венгерская дипломатия того времени не принимала в расчет интересы населения и во внешней политике любой ценой добивалась ревизии Трианонского договора. Робкие попытки премьера К. Дарани и на первых порах правления его преемника Б. Имреди параллельно с линией сотрудничества с Германией укреплять итало-австро-польские отношения вскоре про-

inslav

валились; правительство Венгрии полностью впряглось в гитлеровскую колесницу и вдохновленное частичной поддержкой реваншистских требований слепо шло за немецкими нацистами.

С начала 1938 г. венгерская дипломатия с азартом втянулась в подготовку агрессии против Чехословакии.

Примечания

[1] OL. K-63. 1938. 1822. pol. 13–18.l.
[2] Ibid. 19.l.
[3] DIMK. II.k. 278. old.
[4] Ibid. I.k. 663. old.
[5] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 262–263. old.
[6] OL. FT. 3412/E 014164–014167 (DAA. Büro des Staatssekretärs. Pol. 197.IV. Ungarn.
[7] DIMK. I.k. 665. old.
[8] OL. K-74. 1938. 41. Bejövő, I.l; DIMK. I.k. 645. old.
[9] DIMK. I.k. 666. old.
[10] Ibid. 673. old.
[11] Ibid. 680. old.
[12] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 256. old.
[13] DIMK. I.k. 648. old.
[14] Ibid. 649. old.; АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14.Д. 8. П. 6.Л. 9.
[15] Wiener Neuste Nachrichten. 1938. 21. III; АВП РФ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 8. П. 6. Л. 9–10.
[16] DIMK. I.k. 665. old.
[17] ИДА. Ф. 328. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2; Horthy Miklós titkos iratai. Bp., 1963. 172. old.
[18] Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. I. С. 40.
[19] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 8. П. 6. Л. 10.
[20] Там же.
[21] OL. K-99. 1938. 2. 256. 1–15.l.
[22] Ibid. 15.l.
[23] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 263–264. old.
[24] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. П. 138. Л. 38.
[25] OL. FT, X-9541. 36200.d. 1938. 65. pol. 1–3.l.
[26] Ibid. 60. pol. 1–2.l.
[27] Ibid. 75. pol. 1–2.l.; 83. pol. 1–3.l.
[28] Ibid. 86. pol. 1–2.l.
[29] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 1–3.
[30] OL. K-99. 1938. 2. 256. 14.l.
[31] *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М., 1996. С. 278–282.
[32] OL. K-99. 1938. 2. 356. 14.l.
[33] Ibid. K-74. 6039/89. Bejövő. Bukarest.
[34] DIMK. II. 264. old.
[35] Ibid. 270–271. old.
[36] Ibid. 274–276. old.

inslav

[37] Ibid. 280. old.
[38] Ibid. 279. old.
[39] OL. K-74. 1938. 19. Kimenő. Bukarest.
[40] Ibid. K-63. 1938. 7/7. 195(584). 1.l.
[41] Ibid. K-74. 1938. 43. Bejövő. Bukarest.
[42] DIMK. II.k. 293. old.
[43] *Adám M.* Magyarország és a kisantant a harmincas években. Bp , 1968. 213. old.
[44] По 51 ст. Чехословакия обязывалась не возводить никаких военных сооружений на территории южнее Братиславы, на правом берегу Дуная, а по ст. 239-й – создание третейских (арбитражных) судов для ряда спорных вопросов.
[45] DIMK. II.k. 303–308. old.
[46] *Adám M.* Op. cit. 216. old.
[47] OL. K-64. 1938. 49–294. 1–6.l.
[48] Ibidem.
[49] Ibid. 304. 1–7.l.
[50] Ibid. K-73. 1938. 5516. 67. Bejövő. Bukarest.
[51] DIMK. II.k. 340. old.
[52] OL. K-63. 1938. 7/7. 1400. 1–4.l.
[53] DIMK. II.k. 343–344. old.
[54] OL. K-64. 1938. 7. 284. 1–3.l.
[55] DIMK. II.k. 346. old.
[56] OL. K-64. 1938. 49. 340. 1–4.l.
[57] Ibidem.
[58] Ibid. K-64. 1938. 49. 372. 1–3.l.
[59] Ibid. 49. 369. 1–4.l.
[60] Ibid. 49. 370. 1–3.l.
[61] Ibid. 4–7.l
[62] OL. K-64. 1938. 49. 389. 1–4.l.
[63] DIMK. II.k. 429. 1–2.l.
[64] OL. K-63. 1938. 7/25. 897. 1–3.l.
[65] Ibid. K-64. 1938. 49. 409. 1–3.l.
[66] Ibid. 4.l.
[67] DIMK. II.k. 395–396. old.
[68] Ibid. 398–399. old.
[69] Ibid. 400–407. old.
[70] Ibid. 409–410. old.
[71] OL. K-74. 1938. 5523. 49. Bejövő. 1–2.l.
[72] Ibid. K-73. 1938. 23/7. 1847. 1–2.l.
[73] Ibid. K-99. 1938. 1822. pol. 23–31.l.
[74] Целый ряд проектов, подготовленных как венгерской, так и румынской сторонами, опубликован: DIMK. II.k. 423–427, 432–433, 442–443, 455, 463–464, 496–497, 527–529. old.
[75] DIMK. II.k. 423–427. old.
[76] OL. K-64. 1938. 49. 123. 1–6.l.
[77] Ibid. 528. 1–7.l
[78] DIMK. II.k. 470–473. old.

inslav

[79] OL. K-74. 1938. 5578/53. 1.l.
[80] DIMK. II.k. 473–476. old.
[81] Ibid. 478–482. old.
[82] OL. K-64. 1938. 49. 617. 1.l.
[83] Ibid. 630. 1–5.l.
[84] DIMK. II.k. 504. old.
[85] Ibid. 522–523. old.
[86] Ibid. 524–525. old.
[87] OL. K-64. 1938. 49. 691. 1–2.l.
[88] DIMK. II.k. 539–542. old.
[89] Ibid. 542–543. old.
[90] OL. K-74. 1938. 5865. Bejövő. Prága.
[91] Ibid. K-64. 1938. 49. 715. 1–3.l.
[92] Ibid. 714. 1–2.l.
[93] Ibid. K-74. 1938. 5760. 1–2.l.
[94] NSz. 430. old.
[95] Ibidem.
[96] Ibid. 431–432. old.
[97] DIMK. II.k. 553. old.
[98] Ibid. 560. old.
[99] Ibid. 561–562. old.
[100] *Волков В. К.* Мюнхенский сговор... С. 26.
[101] *Поп И. И.* Чехословацко-венгерские отношения... С. 146.

inslav

Глава третья

Венгрия накануне и в дни Мюнхена

1. Отношения Венгрии со странами оси. Германо-венгерские противоречия

В 1938 г. на мировой арене продолжали складываться контуры будущих военных союзов. Авторитарные государства, как их назвал даже К. Каня в вышеупомянутом выступлении в парламентских комиссиях по иностранным делам (23 марта), т. е. Германия, Италия, Япония и примыкавшие к ним малые государства, с одной стороны, и демократические государства Запада: Франция, Англия и постепенно отказывающиеся от политики изоляционизма США – с другой. Лишь о контурах можно говорить потому, что Франция – основной защитник статус-кво Версальской системы, со времени смены правительства и прихода к власти Пьера Лаваля все более приспосабливалась к английской политике умиротворения агрессоров, каковыми были страны первой из названных выше группировок. Политика премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена не только поощряла гитлеровскую Германию к новым актам разбоя, но и окончательно разрушила инструмент, призванный сохранить мир, т. е. Лигу наций, ставшую вследствие этого совершенно беспомощной.

Во второй половине 1930-х годов задачу спасти Лигу наций и предотвратить новую мировую войну ставил перед собой Советский Союз, единственный видевший ее решение в союзе с демократическими странами Запада. Однако договоры, заключенные СССР с Францией и Чехословакией, там недооценивались, а на последних оказывался нажим, чтобы вынудить их к отказу от договора с Москвой. Это было на руку прежде всего гитлеровской Германии. Она вплотную приступила к разработке конкретных планов уничтожения Чехословакии как самостоя-

inslav

тельного государства, стремясь, по выражению Гитлера, «стереть ее с карты Европы».

Еще 2 марта 1938 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Г. Апор направил находившемуся в Вене министру К. Кане шифрованную телефонограмму о заявлении графа Г. Чиано венгерскому посланнику Ф. Виллани, смысл которого в следующем: судьба Чехословакии решена, вопрос только времени, когда она исчезнет с европейской карты; после раздела ЧСР Венгрия получит общую с Польшей границу.

Чиано разъяснил посланнику, что Рим не может отказаться от дружбы с немцами; но ее можно сделать прочной только, если Италия и близкие к ней государства образуют горизонтальную ось, которая, выходя из Рима, вела бы через Белград и Будапешт в Варшаву. Румыния и Австрия уже не фигурировали в ней[1].

Следует обратить внимание на то, что ось, которую предполагала создать Италия, трактуется как дополняющая ось Рим–Берлин, а не как объединение, направленное против Германии, или защита от гитлеровской опасности (утверждение это нередко встречается в исторической литературе).

В беседе с польским министром иностранных дел Ю. Беком 5 марта венгерский посланник А. Хори, обсуждая чехословацкую проблему (после встречи Бека с германским канцлером в Берхтесгадене), подчеркнул, что при ее решении «мы непременно считаем необходимой венгеро-польско-немецкую кооперацию» и, анализируя возможную ситуацию после аншлюса, отметил: если бы в интересах обеспечения равновесия был осуществлен польско-венгеро-югославо-итальянский план, то Венгрия могла бы проводить в отношении Германии только дружественную политику[2].

31 марта венгерский посланник в Берлине о политике Германии в отношении Чехословакии высказывал предположение, что она будет направлена сначала на развал последней изнутри[3]. 2 апреля он повторил эту мысль в связи с переговорами лидера чехословацкой судето-немецкой партии Конрада Генлейна в Берлине с политическими и военными деятелями. В их ходе Генлейн заявил, что еще неизвестно, к чему будет стремиться – к автономии для заселенных немцами земель в составе ЧСР, к включению их в Третий рейх или к полной ликвидации Чехословакии[4].

Венгров беспокоил такой поворот событий и уже в то время, в начале апреля, они предприняли зондаж в Берлине – возьмут ли Венгрию в компанию в случае, если Германия решит расправиться с Чехословакией военным путем. В своем указании посланнику Д. Стояи министр Каня 5 апреля поручил спросить Риббентропа, готово ли имперское правительство уже сейчас обсудить детали возможной кооперации против

inslav

чехов, но Гитлер уклонился от обсуждения, не желая преждевременно раскрывать свои карты[5].

7 апреля Стояи информировал свой МИД, что все, с кем он беседовал, и Нейрат, и Риббентроп, и Гёринг, и в последнее время посол Маккензен (перед отъездом в Рим), давали ему понять, что конкретно о формальном разделе Чехословакии речь еще не шла, но при дележе (с чем все согласны в Германии) Венгрия должна получить хотя бы территории, населенные венграми[6].

Постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Г. Апор поручил посланнику Стояи в Берлине просить Риббентропа сообщить Гитлеру, что венгерское правительство не сомневается в его прежних заявлениях, согласно которым он не претендует ни на Братиславу, ни на отдельные части Словакии, а желает видеть сильную Венгрию с общей венгеро-германской границей. В случае же присоединения Верхнего края «решительным намерением венгерского правительства является дать широкую автономию проживающим там словакам и рутенам»[7].

Правительство в Будапеште в первой декаде апреля 1938 г. нервничало. Для него было важно, чтобы не одни немцы захватывали Чехословакию[8]. Вильгельм Кейтель, начальник главного командования германской армии направил правительству Венгрии «успокаивающий» ответ по поводу венгерского предложения, пообещав посетить Будапешт и обсудить интересующий обе стороны вопрос. Он обещал приехать не раньше конца мая[9]. Действительно, Кейтель приехал в начале июля и обсудил с регентом М. Хорти предложение Венгрии. Обещанная первоначально дата – конец мая – объяснялась тем, что в апреле и мае Берлин разрабатывал конкретные детали плана нападения на Чехословакию.

Окончательный его вариант под названием «план Грюн» был подготовлен только 30 мая. В нем были отражены политические и военные аспекты ликвидации ЧСР. Фюрер торопил вермахт начать немедленные военные приготовления в расчете убить двух зайцев. Первое – напугать тех, на чью помощь рассчитывала Чехословакия в случае нападения на нее нацистской Германии, т. е. Францию и государства Малой Антанты. Второе – покончить с колебаниями государств, имеющих территориальные притязания к Чехословакии, т. е. Венгрии и Польши. Гитлеру нужен был «стимул», который побудил бы эти страны к «немедленному нападению на Чехословакию». Тем более, что нерешительность Венгрии, ее колебания, вызванные отсутствием желанной гарантии со стороны Югославии и Румынии в случае агрессии против Чехословакии, усиливали неуверенность правящих венгерских кругов в реализации своих

inslav

замыслов и в то же время беспокоили Гитлера, допускавшего возможность уклонения Венгрии от участия в «плане Грюн».

Венгерский посланник в Риме Виллани в день приезда в Рим Гитлера 7 мая имел беседу с заведующим европейским отделом МИД Италии Джино Бути, информировавшим его, что в ходе этого визита фюрера не будет подписано никаких соглашений. Он утверждал: итало-германские отношения вследствие общности судеб двух народов столь тесны и ось настолько прочна, что нет нужды и даже нет возможности дальнейшего упрочения дружбы. Итальянское правительство импозантным и сердечным приемом Гитлера желает вновь засвидетельствовать солидарность Италии и Германии и одновременно опровергнуть появившиеся в зарубежной печати сообщения о наступившем якобы после аншлюса охлаждении[10].

Эти заверения не успокоили Будапешт. Венгерский посланник в Берлине Стояи в донесении от 14 мая писал в МИД о желательности установить истинные проблемы, обсуждавшиеся в Риме. Как он узнал позже от Эрнста Вёрмана, там речь шла о разделе сфер влияния между Италией и Германией, но заместитель статс-секретаря иностранных дел уклонился от ответа на вопрос Стояи, было ли достигнуто соглашение в отношении Чехословакии[11].

В ходе беседы Чиано с Виллани 11 мая итальянский министр уверял собеседника в прочности оси, что в интересах и Венгрии (открывает возможность ревизии). Венгерский дипломат вновь заверял: «Основой нашей внешней политики является дружба с Италией и Германией»[12].

Премьер-министр Венгрии Б. Имреди в беседе с немецким посланником в Будапеште О. Эрдманнсдорфом 14 мая заявил, как и в выступлении в парламенте на следующий день, что он намерен продолжить политику дружбы с Германией, но желал бы, чтобы немецкие официальные круги не поддерживали нилашистское движение. Посланник заверил: немецкие официальные круги не делали этого в прошлом, не делают и сейчас.

20 мая Стояи извещал МИД из Берлина, что время решения чехословацкого вопроса определит один Гитлер, и произойдет это не позднее весны будущего года[13]. Дипломат поднимал вопрос о единстве действий Венгрии и Германии.

23 мая в Риме Муссолини заявил венгерскому посланнику Виллани о своем, как и Берлина, желании – им хотелось, чтобы Венгрия вышла из Лиги наций[14]. Через четыре дня об этом с ним говорил и Чиано, прося передать в Будапешт, что дуче был бы весьма благодарен, если бы правительство Венгрии выполнило его просьбу. И когда Виллани пытался объяснить уклончивую позицию Будапешта полезностью для него Лиги

inslav

наций, как форума для защиты интересов венгерских национальных меньшинств в других странах, Чиано парировал: и ранее эта организация не давала положительных результатов в решении проблем Венгрии, а после развала Лиги наций Германия и Италия будут настолько сильны, что они смогут сделать для Венгрии гораздо больше[15].

В ходе встречи Виллани с Чиано 25 июня последний интересовался ответом Венгрии на свое вышеприведенное предложение. Однако посланник ответа еще не получал. Его в этот раз больше интересовала посредническая роль Чиано в связи с позицией Стояиновича в отношении Венгрии при решении чехословацкого вопроса. Итальянский собеседник утверждал, что югославский премьер презирает Бенеша, и если Венгрия нападет на ЧСР не одна, а вместе с Германией, «то Югославия не пошевелится». Чиано рекомендовал Будапешту в случае, если Германия выступит против Чехословакии, сразу идти вместе с ней[16].

Не лишена интереса и рекомендация Гёринга, высказанная в беседе с венгерским посланником Стояи 8 июля, о том, как можно бы обеспечить нейтралитет Югославии, которая, по его мнению, в случае германо-чехословацкого конфликта, возникшего «естественно, как следствие провокации со стороны Чехословакии», немедленно объявила бы «незаинтересованность». Затем, скажем, спустя 24 или 48 часов может случиться чешская провокация на венгерской границе, что вызвало бы вмешательство Венгрии. «Гёринг убежден, – пишет Стояи, – что в таком случае Югославия объявила бы "свою незаинтересованность" и по поводу венгеро-чехословацких отношений»[17].

Примерно тогда же этот венгерский дипломат, ярый сторонник сотрудничества с гитлеровской Германией, подводя итоги майского кризиса, писал: «Из-за решительного выступления Англии немцы отступили. Майский кризис был дипломатическим сражением, которое выиграла Великобритания, а для правительства Третьей империи он был первым внешнеполитическим поражением»[18].

В такой ситуации, естественно, гитлеровцам пришлось заниматься сплочением союзников. В начале июля 1938 г. в Будапеште В. Кейтель вел переговоры с руководителями венгерской армии, членами правительства и регентом М. Хорти. В центре бесед стоял вопрос венгеро-германского взаимодействия против Чехословакии. Но Кейтель все еще не раскрывал германские военные планы и уклонился от конкретных соглашений, мотивируя необходимостью уточнить сначала политические задачи.

Сами переговоры, их содержание настолько держались в тайне, что К. Каня даже на запрос посланника в Бухаресте Л. Бардошши от 13 июля

inslav

проинформировать его об этих беседах, ответил только через три дня: «Визит Кейтеля был ответом на визит военного министра Венгрии, состоявшийся прежде. Общеизвестно, что и после войны отношения между немецкой и венгерской армиями сохранились чрезвычайно сердечными, какими они являются и сегодня; как обычно, при таких встречах Кейтель проводил с венгерскими военными широкий обмен мнениями»[19].

Летом дипломатическая деятельность обычно затихает. Но 1938 год был не таким. В ходе согласования программы намеченного на 18 июля визита венгерской делегации во главе с новым премьер-министром Б. Имреди, в Италию в одном из донесений посланника Виллани министру иностранных дел К. Кане о беседе с Г. Чиано 8 июля сообщалось, что последний отметил: дуче не привык принимать гостей в период с июля по сентябрь, но в данном случае делает исключение, поскольку он симпатизирует Венгрии и желает выразить глубокое уважение двум выдающимся членам венгерского правительства. Со своей стороны, Чиано захотел лично заниматься любыми пожеланиями гостей, тем более, что премьера будет сопровождать и супруга[20].

Итальянские газеты 9 июля опубликовали коммюнике об итальяно-венгерской дружбе, а некоторые из них поместили и фотопортреты гостей – премьера и министра иностранных дел.

После аншлюса Австрии венгры подготовили и привезли в Рим три проекта, касающиеся венгеро-итальянской дружбы и посреднической роли Италии в венгеро-югославских отношениях. Встречи Виллани с Чиано 13 апреля и 23 мая к позитивным результатам не привели, и материалы были переданы на суд Муссолини. Тот посчитал, что нет необходимости в письменном соглашении, но если венгры будут настаивать, он не станет уклоняться. Он сказал о желании сделать венгеро-итальянскую дружбу еще более тесной, а поскольку вопрос не срочный, то, на его взгляд, может быть обсужден в период визита в Рим.

Венгерская сторона пыталась обсудить и чехословацкий вопрос. Она была в те дни убеждена, что Гитлер изменил тактику и взял курс на развал Чехословакии изнутри. Ей было известно и о другом направлении германской политики, которое настаивало на быстром и полном уничтожении чехов. Представителем его был Гёринг.

Однако, если бы возник конфликт, Венгрия не намеревалась оставаться в стороне. Но ее продолжала беспокоить позиция Югославии в подобной ситуации, хотя Стоядинович и заявлял Чиано: если Венгрия выступит против Чехословакии вместе с Германией, Югославия останется нейтральной. Но на последней Синайской конференции Малой Антанты Стоядинович вмес-

inslav

те с румынами заверял Крофту: если Венгрия нападет на Чехословакию, Югославия и Румыния выполнят обязательства, вытекающие из договоров Малой Антанты. Венгерская сторона считала это двойной игрой югославов и не доверяла заверениям Стояниновича. Поэтому венгры просили Италию удержать Югославию от нападения на Венгрию с тыла.

Калман Каня намеревался информировать итальянскую сторону о венгеро-германских отношениях: Венгрию и Германию в период и после войны связывали такие интересы, из которых вытекает естественное поддержание искренней венгеро-германской дружбы. Это стало в высшей степени актуальным после аншлюса, когда они оказались соседями. Венгрии не стоит бояться экспансионистских устремлений Германии, и даже наоборот, есть все основания полностью доверять немецким заверениям о неприкосновенности венгерских границ. Единственное, что может помешать венгеро-германским отношениям, это нацистская агитация в Венгрии со стороны Германии. Если бы она усилилась, то Будапешт ее пресек бы решительно. Предстоит еще обсудить с Германией проблему конфискации венгерского имущества в Австрии.

Венгерский министр иностранных дел был готов сообщить итальянцам информацию о состоянии венгеро-румынских переговоров, точнее, Венгрии с Малой Антантой. Он хотел также узнать у Чиано об итальяно-сербских контактах – это всего лишь коллаборация или замыслы далеко идущие, вплоть до распространения Римских протоколов на Югославию?

Интересовали К. Каню и отношения Италии с Англией и Францией и их перспективы после завершения войны в Испании.

В венгерском МИДе подготовились к ответам на вопросы, которые мог поставить Чиано. Прежде всего – это Венгрия и Лига наций. По данному вопросу венгерский ответ был таков: венгры уже давно не питают каких-либо надежд на Лигу наций. Главной причиной того, почему до сих пор они ее не покинули, является то обстоятельство, что Женева – форум, где Венгрия может обратить внимание всего мира на горькую судьбу венгерского национального меньшинства, оказавшегося в результате мирных договоров в других странах. Кроме того, в Женеве венгры могут хотя бы раз в год непосредственно встречаться с представителями великих держав Запада. Каня обещал, получив новую информацию в Женеве, уточнить свою позицию в отношении Лиги наций.

Высказываясь о горизонтальной оси, венгерский министр приветствовал итальянскую инициативу, отметив, что в свое время Венгрия готова принять в ней участие, но, естественно, лишь при неизменном

inslav

сохранении дружбы с Германией. При этом Будапешт выдвигал два предварительных условия создания этой оси: непременное осуществление общей венгеро-польской границы и упорядочение венгеро-югославских отношений[21].

Что касается предстоящей поездки в Берлин венгерской делегации во главе с регентом М. Хорти, то К. Каня не хотел быть откровенным в беседах с руководителями другой дружественной страны, подчеркивая отсутствие у визита «особой политической цели». Мол, регент после посещения двух дружественных стран, Италии и Польши, с радостью встретится и с главой Германии.

Таковы были заготовки для главы венгерского внешнеполитического ведомства к предстоящим переговорам с руководством Италии.

Переговоры правительственных делегаций двух стран состоялись 18 июля 1938 г. в Риме. Италию на них представляли Б. Муссолини и Г. Чиано, а Венгрию – премьер-министр Б. Имреди и министр иностранных дел К. Каня. На первом утреннем заседании дуче отсутствовал. В ходе переговоров было поднято семь вопросов: чехословацкий – и нейтралитет Югославии в случае участия в его решении Венгрии; возможность замены Римских протоколов после аншлюса новым итало-венгерским договором; положение в Испании; итало-германские отношения; итало-английские и итало-французские отношения; выход Венгрии из Лиги наций; итало-румынские отношения.

Запись бесед для венгерской стороны составил К. Каня. По первому вопросу он отметил позицию Г. Чиано, стремившегося на целом ряде примеров убедить венгров в надежности Стояниновича, которому, полагал он, можно доверять. Чиано сообщил: югославский премьер, прибывший на последнюю встречу в Италию, желая в первую очередь заявить о готовности во всех отношениях приспособиться к итальянской позиции, в чешском вопросе просил Чиано оказать влияние на Венгрию, чтобы она способствовала ему в освобождении от обязательств по договорам Малой Антанты. А это возможно лишь тогда, если Венгрия пойдет против Чехословакии, взяв под руку Германию. Если Венгрия нападет на Чехословакию вслед за Германией, то ни в коем случае не повлечет нападение Югославии на Венгрию. По мнению Чиано, оно не в интересах югославов, поскольку премьер-министр также презирает Бенеша, ибо ему известно о финансировании чехословацким президентом сербской оппозиции и подстрекательстве среди левых против югославского режима.

Калман Каня приводил контраргументы, которые свидетельствовали о том, что Стояниновичу, его обещаниям верить нельзя. В частно-

inslav

сти, он привел слова югославского премьера и румын в Синае, обращенные к Крофте и заверяющие в готовности выполнить обязательства по Малой Антанте, если Венгрия нападет на Чехословакию. Он рассказал и о других случаях, когда Стоядинович давал обещания Крофте.

По мнению Кани, «все то, что говорил Чиано, звучит красиво, но не предоставляет нам гарантии против югославского нападения»[22]. Он не преминул заявить, что если бы при ликвидации Чехословакии Венгрию устранили от дележа, то, естественно, в венгерском общественном мнении сложилось бы очень неприятное впечатление о «наших друзьях – великих державах».

Чиано и Каня в этом вопросе не смогли договориться и решили поставить его перед Муссолини, который должен был прибыть на вечернее заседание.

Чиано, пытаясь заинтриговать венгров, упомянул об информации, полученной Римом из Берлина, о его намерении самостоятельно решить чешский вопрос (Италию он, между прочим, не интересует), о подготовке Германии к военной акции в полной тайне и о надежде немцев провести ее так быстро, что союзники Праги будут поставлены перед свершившимся фактом.

В этот вечер Каня беседовал с Чиано с глазу на глаз. Итальянский министр иностранных дел рассуждал о двух вариантах: Германия, Венгрия и Польша быстро справятся с Чехословакией, в случае же возникновения европейской войны Италия будет воевать на стороне Германии. Иначе Рим поступить не сможет, ибо если он воздержится, то Англия и Франция легко расправятся с итальянцами, а Германия, разумеется, говорила бы о новом предательстве Италии и совершенно изменила бы свое отношение к ней.

Теперешние итало-германские отношения Чиано считал «самыми лучшими, самыми искренними и самыми тесными»*[23].

Чиано подчеркивал: демократическим державам не удастся отделить государства оси друг от друга. Из его слов следовало, что тесные связи,

---

* Между тем в тот день Каня беседовал с послом Германии в Риме Г. Г. Маккензеном (ранее был посланником в Будапеште) и с его слов записал точку зрения Гитлера: «Недавно фюрер сказал ... что расширение в южном направлении никогда не сопровождалось удовлетворительными результатами, и поэтому III Империя поддерживает мнение (полностью игнорируя южное направление) о желательности упрочить немецкое влияние главным образом в экономической области в тех странах, которые играют большую роль в обеспечении империи продуктами питания и сырьем»[22].

inslav

установившиеся между Римом и Берлином, в значительной мере возникли на почве их общего мировоззрения.

В таких обстоятельствах, по мнению К. Кани, было ясно, что Г. Чиано вообще не затронул так называемый горизонтальный фронт. «...И мы со своей стороны, – записал он в протоколе, – естественно, также воздержались от постановки этой проблемы».

Обсуждая вопрос о выходе Венгрии из Лиги наций, Чиано убедительно просил сделать это, так как эту организацию считал «сегодня самым лютым врагом оси Рим–Берлин и сотрудничества Рим–Берлин–Токио». Развернулась широкая дискуссия. Венгерская сторона заявляла, что, принимая во внимание национальные меньшинства, она пока не может пренебрегать помощью Лиги наций. Чиано рьяно отстаивал свою позицию и, исчерпав иные аргументы, подчеркнул: принятие его предложения «произвело бы на Муссолини чрезвычайно благоприятное и глубокое впечатление».

По этому поводу венгерский премьер-министр Б. Имреди заметил: Англия до сих пор поддерживает Лигу наций, считает ее символом и видит в ней инструмент мирного решения всех возникающих спорных вопросов, который сегодня действует не всегда хорошо, но после соответствующих реформ может превратиться в действительно полезное средство. Венгрия нуждается в Англии по экономическим соображениям (приобретение валюты), которая ее выход из Лиги наций восприняла бы неблагосклонно, что серьезно повредило бы Венгрии в области экономики и финансов. «Вряд ли была польза от выхода из Лиги наций, а вреда могло быть много»[24], – резюмировал премьер-министр. В результате вопрос был отложен.

Затем Чиано коснулся охлаждения в отношениях Италии с Румынией, которая идет в фарватере Франции. Он выразил особенное недовольство посланником Румынии в Риме Замфиреску. Недавно он якобы доносил в Бухарест, что Чиано принял его «с бурной радостью и сразу перешел на ты»[25].

На второй, вечерней, встрече первым слово взял Б. Имреди. Наряду с прочим он опровергал ложные слухи, распространенные европейской печатью о внутренней политике Венгрии. Он назвал свое правительство «исключительно правым и националистическим», имеющим и далеко идущую социальную программу. «Есть в стране чрезмерно правые, которые дают всевозможные неосуществимые обещания народу, чем его полностью одурачивают», – сказал глава венгерского кабинета.

Был затронут и вопрос о военной помощи Венгрии, поднимавшийся дипломатическим путем. Б. Муссолини в ответе предлагал Венгрии быстро развивать еще слабую авиацию и обещал помочь поставкой са-

inslav

молетов и подготовкой летчиков. Он строго доверительно сообщил о наличии в Италии 4 000 самолетов и 10 000 подготовленных пилотов[26].

Калману Кане удалось выяснить, намерены ли итальянцы после аншлюса Австрии заменить Римские протоколы каким-либо иным дипломатическим инструментом итало-венгерских отношений. Решение было принято и включено в коммюнике, одобренное венгерской стороной: эти протоколы в отношении Венгрии и Италии остаются в силе.

При обсуждении проблемы ЧСР Каня подчеркивал нежелание досаждать итальянскому правительству вопросами, но хотел бы ясно раскрыть те последствия, с которыми придется считаться, если «Венгрия останется с пустыми руками». Говоря о возможной позиции Югославии в присутствии Муссолини, он повторил сказанное им на первом заседании графу Чиано, подчеркнул искренность своих намерений в отношении югославов, добавив, что если бы Италия пожелала, «мы бы не возражали против того, чтобы Югославия заняла место Австрии в Римских протоколах»[27].

Дуче после некоторого раздумья заявил: Италия заинтересована в упрочении и территориальном приращении Венгрии, и он с удовольствием воспринял бы постепенное вовлечение Югославии в Римские протоколы. Но для этого прежде всего следует выяснить политическую позицию последней: в случае вооруженного конфликта, на чьей стороне она будет воевать – Франции или Италии. Если Югославию влечет к Франции, тогда ни при каких обстоятельствах невозможно втянуть ее в итало-венгерскую комбинацию.

Муссолини признавал трудность положения Стояниновича, против которого внутри страны выступали все левые и «свободные каменщики», пользующиеся поддержкой Бенеша, бульшая часть армии была не согласна с его политикой и общественное мнение в основе своей оставалось профранцузским. Дуче намеревался прояснить для себя ситуацию после получения из Белграда ответа на заданные им четыре вопроса.

Касаясь положения дел Италии в Испании, дуче заявил венгерской делегации, что на стороне Франко еще воюют 35 тыс. итальянских солдат, а 15 тыс. погибли.

Тональность высказываний Муссолини об итало-германских отношениях была самой теплой. Он отметил, что хотя союз между двумя государствами еще не заключен, но учитывая доверительный характер уже установившихся контактов, он может быть создан в любое время.

К Румынии Италия проявляет некоторый интерес из-за возможности приобретения там сырья.

inslav

Содержание бесед, состоявшихся в Риме 18 июля, не внесло ясность в волнующий венгерскую сторону вопрос о том, будет ли Югославия нейтральной в случае военного конфликта с Чехословакией. Руководители Италии лишь пообещали разобраться в этом вопросе в будущем.

Делегация Венгрии еще не вернулась из Италии, а советник германского посольства в Будапеште Карл Веркмайстер 22 июля посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Г. Апора и в тот же день венгерский посланник в Берлине Д. Стояи был на приеме у статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера. 26 июля в германский МИД прислал донесение временный поверенный в Риме барон Йоган Плессен. Проанализировав полученные сведения, Берлин довольно достоверно мог представить происходившее в столице Италии в дни пребывания там венгерской делегации. Барон почерпнул информацию из бесед с участником переговоров Чиано и от венгерского поверенного в делах в Риме. Все существенное, писал он, отражено в заключительном коммюнике: «... Обсудили вопросы, затрагивающие два государства»; ничего не подписали, ни о чем не договорились и не внесли никаких изменений в существующее положение. Плессен выделил также впечатление Чиано: венгры очень подозрительно относятся к Югославии, у них есть «ревность» из-за ее связей с Италией и Германией[28].

Итальянцы не смогли уговорить венгров выйти из Лиги наций. Венгерские министры возвращались домой с чувством, что интерес Италии к Венгрии уменьшается, и поверенный в делах привел в донесении слова своего информатора: «Для итальянцев на первом месте ось Рим–Берлин, на втором – антикоминтерновский пакт и итало-югославская дружба и только на третьем месте итало-венгерская дружба»[29].

После аншлюса азартную вовлеченность венгерской дипломатии в подготовку агрессии против Чехословакии подхлестывал обещаниями И. Риббентроп, заменивший, как уже упоминалось, на посту министра иностранных дел К. Нейрата. В первой беседе с венгерским посланником в Берлине Д. Стояи заявил: «Вместе потерянное необходимо вместе и приобрести вновь»[30].

А ведь это была мечта хортистов – восстановить «историческую, Великую Венгрию». Они намеревались захватить территории и установить свою власть над славянскими народами Словакии, Закарпатской Украины, Сербской Воеводины (Бачки) и румынами Трансильвании и Баната. То есть, аппетит у них был велик. Однако для удовлетворения его Венгрия была слаба в военном отношении. Как свидетельствуют материалы личного архива регента Хорти, венгерские правители разработали ряд

inslav

вариантов нападения на Чехословакию, в которых приоритет отдавался фактору внезапности, вероломству. Большие надежды на реализацию агрессивных планов связывались также с оплачиваемой правительством Венгрии агентурой внутри Чехословакии. Но в силу ряда обстоятельств, они остались нереализованными. Причина была прежде всего в том, что венгерские правители вынуждены были считаться с реальной обстановкой в Центральной и Юго-Восточной Европе, с позицией Малой Антанты (Румыния, Чехословакия, Югославия), выступавшей против ревизии границ, установленных мирными договорами Версальской системы. Хортисты боялись в случае нападения на Чехословакию вызвать ответный удар со стороны Румынии и Югославии.

Данное обстоятельство беспокоило и главного вдохновителя расчленения Чехословакии А. Гитлера. Вынашивая план захвата ЧСР, он прилагал немало усилий для разоружения Малой Антанты. Этим и объясняется настойчивое стремление фюрера склонить на свою сторону югославское правительство М. Стояиновича, любыми средствами усилить влияние фашистских организаций в Румынии (Железной гвардии) или, если возможно, сделать своим союзником ее правительство. Гитлер отдавал предпочтение последнему варианту и не гнушался средствами. Для реализации его рейхсканцлер готов был выдать румынским монархистам свою агентуру – Железную гвардию.

Гитлер настойчиво добивался от венгров улучшения отношений с Югославией. Непрерывные югославо-венгерские переговоры привели к некоторому смягчению отношений между двумя странами. Как уже упоминалось, Гёринг во время встречи с венгерским премьером К. Дарани и министром иностранных дел К. Каней 22 ноября 1937 г. предлагал им отказаться «навечно» от территориальных претензий к Югославии, убеждая, что ревизию южных границ можно будет сделать несколько позже[31].

В дальнейшем усилия правительства Венгрии были направлены на то, чтобы в случае германского и венгерского нападения на Чехословакию обеспечить нейтралитет Югославии. Готовясь к расчленению ЧСР, дипломатия Будапешта решила прозондировать почву – как отнесутся к этому акту Англия и Франция.

Весной 1938 г. венгры боялись ответных мер со стороны последних, если произойдет агрессия против Чехословакии. Учитывая это, хортисты вели себя нерешительно, чем вызвали недовольство руководителей нацистской Германии. Но следуя «советам» Гёринга, официальные хортистские круги не раз заявляли, что «Венгрия готова отказаться от всех ревизионистских притязаний по отношению к Югославии при условии,

inslav

что она останется нейтральной в случае конфликта между Венгрией и Чехословакией»[32].

Югославский вопрос, как видно из вышесказанного, занимал важное место и в упоминавшихся римских переговорах в июле 1938 г. Здесь следует напомнить, что венгеро-итальянский договор о дружбе и взаимопомощи, заключенный в 1927 г., был направлен в первую очередь против Югославии. С тех пор Муссолини неоднократно подтверждал готовность оказать помощь Венгрии в случае венгеро-югославского конфликта. На этот раз венгерские государственные деятели хотели выяснить, не изменилась ли позиция дуче после заключения в 1937 г. итало-югославского договора о нейтралитете. Из записи беседы Э. Вайцзеккера с итальянским послом в Берлине Б. Аттолико, сохранившейся в архиве министерства иностранных дел Германии, следует, что Б. Имреди не получил конкретного ответа на свой вопрос. Имреди и Муссолини «пришли к тому мнению, что между началом германо-чешских военных действий и вмешательством Венгрии необходим интервал с тем, чтобы твердо установить, что Белград останется нейтральным. Венгерским деятелям сообщили, что из разговоров Чиано со Стояниновичем может быть сделан вывод, что Югославия воздержится от выступления, если только Венгрия "выждет провокацию" со стороны чехов и воспользуется ею как поводом к конфликту. Венгерский премьер-министр, однако, на этом не успокоился и выразил пожелание, чтобы для большей уверенности Рим еще раз прозондировал настроение в Белграде. Последнее было обещано венгерским государственным деятелям»[33].

Муссолини заявил премьеру и министру иностранных дел Венгрии о своей тесной связи с германскими нацистами-гитлеровцами и советовал действовать согласованно с Германией[34]. То есть, после такого совета теряло всякое значение и то доверительное заявление, которое за месяц до того сделал венгерскому военному атташе в Риме Л. Сабо итальянский генерал, начальник генерального штаба А. Париани, просивший, правда, держать его в строгом секрете и от министерства иностранных дел Италии. Генерал подчеркнул, что гегемония Венгрии в Дунайском бассейне в интересах Италии, так как она парализовала бы доминирование там славян или немцев. Начальник генштаба итальянской армии высказывался против продвижения немцев на Балканы, но «не имел бы ничего против», если бы Германия развернула агрессию на Востоке, в районе севернее Карпат[35].

Венгерская дипломатия, предполагая возможность изоляции в случае нападения на ЧСР, очень опасалась, что Чехословакию захватят

inslav

одни немцы. Правительство Венгрии постоянно зондировало почву по этому поводу в министерстве иностранных дел Германии. 5 апреля 1938 г. министр иностранных дел Венгрии К. Каня в строго секретном письме посланнику в Берлине Д. Стояи сообщал, что правительство считается с возможностью решения чехословацкого вопроса только путем вооруженного вмешательства, но для этого необходимо более тесное венгеро-германское сотрудничество. Поэтому венгерское правительство считало необходимым дать указание генеральным штабам обсудить частные вопросы сотрудничества. Штабной полковник (начальник отдела военной разведки и контрразведки) Режё Андорка, который должен был доставить это предложение в Берлин, получил от военного министра инструкцию более полно, но очень осторожно прозондировать данный вопрос в соответствующих германских инстанциях[36].

Калман Каня поручил посланнику выяснить у министра И. Риббентропа, готово ли имперское правительство обсудить с венграми уже сейчас детали возможной кооперации против чехов. Д. Стояи 11 апреля 1938 г. вручил Вайцзеккеру записку, которая касалась, согласно указанию Кани, совещания генеральных штабов Венгрии и Германии. Однако А. Гитлер, хотя и пообещал тогдашнему венгерскому премьеру К. Дарани начать переговоры военных, но боялся преждевременного раскрытия своих античехословацких планов и затягивал ответ на предложение венгерского правительства[37].

Нервничавшие венгры продолжали переговоры с Малой Антантой. Гитлер видел в них попытку Венгрии уклониться от участия в «плане Грюн», а это его беспокоило. В связи с создавшимся положением фюрер решил пригласить к себе венгерского регента М. Хорти и ряд других видных государственных деятелей. 12 мая с этой целью в Будапешт был направлен адмирал Эрих Раедер, передавший Хорти приглашение прибыть на «торжества в Германию по случаю спуска на воду военного корабля “Принц Евгений”»[38].

Когда Д. Стояи передал Гитлеру поздравления венгерских правителей по случаю его дня рождения, фюрер в своей речи вновь намекнул на возможность «решения чехословацкого вопроса» и заметил, что у него не будет возражений против «присоединения к Венгрии исторических северных областей», но конкретные переговоры у него состоятся с регентом, когда тот прибудет в Германию на торжества военно-морского флота[39].

И В. Кейтель в период своего пребывания в Будапеште условился с Хорти, что военные совещания обоих штабов начнутся после выяснения политических целей[40], т. е. после поездки регента к Гитлеру.

inslav

Прежде чем отправиться в Германию, правители Венгрии дали указание своей дипломатии продумать вопрос о том, как скрыть истинные цели предстоящего визита. В связи с этим венгерский посланник в Англии Дьёрдь Барца просил у МИДа разрешение информировать Форин офис о необходимости скрыть политический характер поездки венгерских государственных деятелей в Германию, завуалировать его сообщением об отдыхе и моряцкими интересами Хорти[41].

Отвечая посланнику в Лондоне (и пересылая информацию в Форин офис о поездке регента в Германию) министр К. Каня писал: поездка Хорти, совершаемая им после посещения Рима, Варшавы и Вены, будет носить прежде всего «характер акта визита вежливости», главным пунктом которого будет праздник, особенно интересующий «регента как моряка»; эта поездка, кроме получения информации, никакой другой цели не преследует и поэтому «от недельного пребывания Хорти и сопровождающих его лиц не стоит ожидать никаких сюрпризов». Предугадывая интерес правительства Великобритании к поездке Хорти в сопровождении таких высокопоставленных лиц, как премьер-министр Б. Имреди, министр иностранных дел К. Каня и военный министр Енё Рац в информации говорилось, что это «естественно, ибо глава государства не привык путешествовать один»[42].

Однако, учитывая добрососедские отношения и общеизвестные дружеские связи, существующие между двумя странами, нельзя отрицать политического значения поездки; тем не менее, писал Каня, не планируется заключать соглашение или подписывать другие политические договоренности.

12 августа 1938 г. в венгерской печати было опубликовано сообщение о предстоящем визите регента к Гитлеру. В нем же указывалось, что его супруга во время пребывания в Германии примет участие в церемонии спуска на воду в Киле нового немецкого военного крейсера[43].

21 августа министерство иностранных дел направило и в другие европейские столицы, где были аккредитованы венгерские посланники, а также в Вашингтон информационные телеграммы. В них подчеркивались те моменты, которые содержались и в телеграмме в адрес Барцы, а именно: посещение регентом Германии носит главным образом характер вежливости, но, принимая в расчет тесные венгеро-германские связи, нельзя отрицать его определенное политическое значение. Министерство иностранных дел просило своих дипломатов подчеркивать, что «как и вся деятельность венгерского правительства направлена на сохранение мира, так и в период этой поездки оно будет искать решение проблем в таком же духе»[44].

Учитывая развернувшиеся в первой половине 1938 г. события, представляется, что вряд ли кто-нибудь поверил этим заявлениям венгерской дипломатии.

inslav

В зарубежной печати подробно освещались истинные цели встречи в Германии. 22 августа 1938 г. венгерское посольство в СССР в обзоре об откликах прессы о визите Хорти к Гитлеру сообщало: газеты пишут, что главной целью визита являются консультация о совместных действиях против Чехословакии, подготовка венгеро-югославского соглашения и обсуждение целесообразности выхода Венгрии из Лиги наций, на чем настаивал Гитлер[45]. Хотя и не во всем журналисты были точны, но суть переговоров излагали вполне достоверно.

В это же время в Будапеште находился немецкий генерал Клюге, возглавляющий военную миссию. Задачей миссии было оказание помощи в модернизации венгерской армии[46]. В официальных же дипломатических отчетах писалось, что якобы делегация во главе с командующим VI корпусом Клюге побывала в Венгрии на праздновании юбилея святого Иштвана[47].

Регент и сопровождавшие его лица выехали из Будапешта 20 августа вечером. На следующий день утром супруга Хорти участвовала в «крещении» крейсера «Принц Евгений» в военном порту Киле. Сам регент посетил верфи Крупа «Германия», после чего присутствовал на военном параде. Если верить тому, что говорили в то время дипломаты и писала венгерская печать, то программа пребывания Хорти в Германии была выполнена в один день.

Однако, несмотря на все старания венгерской дипломатии сохранить в тайне содержание переговоров, немецкая пресса уже 23 августа изложила те вопросы, которые имели «возможность всесторонне обсудить» находившиеся в свите Хорти глава кабинета, руководители ведомств иностранных дел и военного. Среди вопросов, интересовавших обе стороны, назывались: «судьба» национальных меньшинств в Чехословакии, тесные экономические и политические связи Венгрии с осью Берлин–Рим и позиция, занятая обоими правительствами по отношению к большевизму.

Важнейшие переговоры между венгерскими и немецкими государственными деятелями были проведены 23 августа в Киле на борту теплохода «Патрия». В венгерском архиве министерства иностранных дел не сохранились документы об этих переговорах. Следует отметить, что заместитель министра иностранных дел Г. Апор передал (через сотрудника берлинского посольства) Кане 22-го в 7 часов 30 минут в венгерский спецпоезд «Туран» на станции Бад Сегеборг донесение. Оно было дополнением к устному докладу от 20 августа. На этот раз Апор сообщал о приказе Гитлера Генлейну закончить судето-немецкие приготовления до конца сентября; о колебаниях в армейском командовании (Бек и Браухич) и

inslav

отсутствии взаимодействия между Риббентропом и высшим военным руководством. Фюрер заявил, что еще никогда не был настолько спокойным и уверенным в своих действиях, как сейчас, перед расправой над чехами. Он вообще не считает возможным вмешательство Франции и Англии. Фюрер принимает советы только от партийных. Между тем общественное настроение в Германии, в Австрии против войны. Поход против чехов состоится в конце сентября – начале октября. Руководство армии считает военные приготовления недостаточными[48].

Имея эту информацию, утром 23 августа, пока регент Венгрии вел политические переговоры с фюрером, Имреди и Каня в присутствии Вайцзеккера совещались с Риббентропом. Каня предложил две проблемы: переговоры Венгрии с Малой Антантой и чешский вопрос. В ходе дискуссии Риббентроп упрекал венгерскую делегацию за переговоры в Бледе с Малой Антантой, которые велись одновременно с визитом Хорти в Германию. Как раз в этот день были опубликованы коммюнике о бледском совещании и соглашение, заключенное Малой Антантой с Венгрией. Как указывалось выше, последнее включало «признание тремя государствами Малой Антанты равноправия Венгрии в вопросах вооружения, а также взаимный отказ прибегать к силе в отношениях между Венгрией и странами Малой Антанты»[49].

Иоахим Риббентроп, упрекая К. Каню за это соглашение, сказал, что отказ от применения силы не защитит венгров от Югославии, особенно в случае венгеро-чешского конфликта и наоборот. Они закрывают перед собой возможность вмешаться в чехословацкие дела. По мнению Риббентропа, такая политика Венгрии создаст дополнительные моральные трудности для югославов и не позволит им оставить чехов одних. Судя по записям протокола о ходе переговоров, Риббентроп рекомендовал «расчистить путь Венгрии для вмешательства против Чехословакии и сделать для югославов с моральной точки зрения возможным бросить своих чешских союзников на произвол судьбы». Наконец, Риббентроп спросил венгров, как они будут действовать, если фюрер осуществит свое решение применить силу в случае новых провокаций чехов. Имреди и Каня, отвечая, выдвинули два условия: «Югославия должна остаться нейтральной, если Венгрии придется направить свои силы на север и, в конечном счете, на восток. Более того, для завершения перевооружения Венгрии необходимо время – год или два»[50].

Немецкий министр убеждал венгров, что югославы поостерегутся попасть «в клещи оси», а одна Румыния войну не начнет. Англия и Франция также будут сохранять спокойствие. Англия не решится рисковать Британской империей, она знает возродившуюся силу Германии.

inslav

В ходе беседы Риббентроп не упустил возможности пригрозить своим сообщникам: если венгерской дипломатии каким-либо образом удастся остаться в стороне от германо-чешского конфликта, то пусть Венгрия ни на что не рассчитывает. Ибо «кто желает ревизии, тот должен использовать конъюнктуру и принять участие в акции». (Эту запись беседы составил Э. Вайцзеккер, статс-секретарь германского МИДа. Она фигурировала в обвинительных материалах военного трибунала Нюрнбергского суда над главными нацистскими военными преступниками.)

Как показывают немецкие документы, беседа между Гитлером и Хорти носила более умеренный характер (запись о ней сделал тот же Вайцзеккер, в качестве продолжения только что упомянутой беседы И. Риббентропа с Б. Имреди и К. Каней).

Но регент ранее имел беседу с командующим сухопутными войсками Германии генералом В. Браухичем, в ходе которой высказал опасения по поводу возможного вмешательства в войну Англии, имеющей превосходство на море[51]. И в беседе с Гитлером Хорти не скрывал своего сомнения относительно позиции Англии, но заверил фюрера, что «Венгрия намерена сотрудничать с Германией в нападении на Чехословакию»[52]. Гитлер упрекнул Хорти как за эту беседу с Браухичем, так и за неподготовленность венгерской армии. «Вы не вооружались, – заявил Гитлер, – а только цыганскую музыку слушали»[53].

Венгерские министры, однако, были настроены весьма пессимистически, как отметил Вайцзеккер в записи беседы. Положение Имреди значительно облегчилось, когда Гитлер во второй половине дня в беседе с ним сказал, что в данном случае он ничего не требует от Венгрии, ибо еще и сам не знает, когда наступит момент акции. «Но, – заметил Гитлер, – тот, кто хочет принять участие в еде, должен участвовать в приготовлении пищи»[54]. (Давая оценку этого выражения Гитлера, главный обвинитель от США Олдерман на заседании Нюрнбергского процесса 3 декабря 1945 г. заявил: это самое циничное высказывание, которое когда-либо обсуждалось[55].)

По-видимому, эти слова Гитлера понравились венгерскому регенту. Спустя два года, он, давая указание об отстранении от важных государственных постов неугодных ему лиц, заявил: «Пусть каждый почувствует, что тот, кто не поддерживает правительство, не может сесть к кастрюле с мясом»[56].

В заключительной части записей Вайцзеккера, упомянутых выше, венгерская точка зрения сформулирована по двум пунктам: «а) Венгрия рада, что мы не обращаемся к ней ни с каким ультимативным при-

inslav

зывом; б) Венгрия не верит, что она сможет вмешаться в конфликт ранее, чем примерно через 14 дней после начала военных действий».

Угрозы Гитлера и Риббентропа повлияли на венгерских гостей. Двумя днями позже министр иностранных дел Венгрии К. Каня попросил аудиенции у Риббентропа в Берлине для того, чтобы объяснить причину, почему Венгрия подписала в Бледе соглашение со странами Малой Антанты. И. Риббентроп (в присутствии Д. Стояи) встретил К. Каню иронической фразой: «Поздравляю вас, что вам удалось скрепить распадающуюся Малую Антанту»[57]. Он обратил его внимание на ликование чешской, французской и английской прессы по поводу бледского коммюнике и повторил, что это событие рассматривается иностранной печатью как трещина в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от ревизионистских требований. Каня пытался убедить Риббентропа в сомнительной ценности заключенного в Бледе соглашения, которое, скорее всего, не сможет вступить в силу. После этого разъяснения он внес поправки в свое заявление, сделанное два дня назад, подчеркнув, что военная мощь Венгрии усилилась и поэтому она сможет выступать вместе с Германией против Чехословакии[58].

На Нюрнбергском процессе зачитывались некоторые страницы дневника генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного руководства ОКВ, относящиеся к пребыванию венгерских государственных деятелей в Германии в конце августа 1938 г. Йодль записал: Венгрия вместе с Германией выступит против Чехословакии, но здесь же заметил, что она будет просить хотя бы 48 часов отсрочки для выяснения позиции Югославии[59].

Венгерские государственные деятели (Хорти, Имреди, Каня) предпочли бы захватить часть территории Чехословакии без военного конфликта; одновременно они проявляли готовность вместе с гитлеровским вермахтом добиться своих целей военным путем. Их поддерживало армейское командование, да и венгерские монополисты охотно высказывались в поддержку экспансионистских планов германских фашистов в надежде получить в результате этой авантюры лакомый кусок чехословацкой территории. Однако они опасались, как бы нацисты не лишили их прав безраздельно управлять Венгрией[60].

Колебания венгерских государственных деятелей, обусловленные сложным международным положением конца августа 1938 г., не могли, однако, не оказать отрицательное влияние на Гитлера, Риббентропа и генеральный штаб вермахта. Позднее нацистские руководители не забыли упрекнуть Венгрию за эти колебания. Но в те дни им было вы-

inslav

годно открыто заявить, что Венгрия и Польша при всех обстоятельствах намерены добиться осуществления захвата чехословацких территорий.

Именно поэтому одновременно с переговорами на «Патрии», в которых приняли участие Гитлер, Хорти, Риббентроп, Имреди и Каня, появились статьи как в венгерской, так и немецкой периодической печати, выдержанные в дружественном тоне. Конечно, кроме посвященных, из статей, опубликованных в газетах, читатели не могли узнать о существе переговоров. В статьях и репортажах особое внимание обращалось на внешнюю парадную сторону приема, на приятные развлечения избранных с целью отвлечь внимание общественности от содержания переговоров. В одной из будапештских газет день совещания на «Патрии» описан с акцентом на то, как проходил обед, ужин и танцы на гитлеровском теплоходе, с кем и как долго танцевала супруга Хорти в длинном розовом кружевном платье, и о развлечениях, продолжавшихся до полуночи[61].

В тот же день по случаю визита венгерских государственных деятелей «Берлинер Тагеблат» выпустил специальное приложение «Сегодняшняя Венгрия» с предисловием министра иностранных дел Третьего рейха Риббентропа, в котором он писал: «Немецко-венгерская дружба не связана с определенным периодом и даже свободна от ежедневных политических событий и как раз поэтому она устоит перед всякой попыткой ее подрыва или ослабления»[62]. Министр иностранных дел Венгрии Каня в статье, опубликованной в этом приложении, выразил твердую уверенность, что проходящие венгеро-немецкие переговоры принесут большую пользу не только двум правительствам, но будут способствовать установлению «настоящего мира», над созданием предпосылок для которого Венгрия будет трудиться совместно с Италией и Германией.

Документы, доступные сегодня исследователям, да и исторический опыт показывают действительную «цену» этих пустых разговоров о мире. Фашистские главари готовились к насильственному переделу мира и даже установлению господства во всем мире военным путем, а для обмана общественного мнения говорили и писали о «мире».

Несмотря на дружественные заявления в печати и на примирительный тон выступлений венгерских представителей в конце переговоров, у немецких фашистов создалось ясное представление, что хортисты колеблются в принятии решения об участии в военном нападении на Чехословакию. После завершения переговоров, сообщал немецкий посланник в Венгрии О. Эрдманнсдорф 29 августа 1938 г., регент Хорти заявил ему: «Создалось исключительное положение, когда я в течение многих лет ни о чем не мечтавший более страстно, кроме как о скорейшем дос-

inslav

тижении венгерских ревизионистских целей, вынужден теперь из-за положения в мире занять выжидательную позицию». Каня добавил, что венгры будут бороться даже, «если шансы на успех составят только 60–70%. Но нельзя ожидать от них самоубийства»[63].

В донесении Эрдманнсдорфа отмечены почти все моменты, отраженные в записях Вайцзеккера и Риббентропа. Но есть и дополнения: о беседах с Гёрингом венгерского регента и премьер-министра, где затрагивались проблемы взаимных внешних поставок и приглашение регента в Роминтен, а также упомянута жалоба К. Кани, о которой ему сообщал посланник Стояи. Венгерский министр был обижен, что ни Гитлер, ни Гёринг с ним не беседовали, а ведь внешняя политика – это его круг ответственности, а не премьера Имреди[64].

Та часть правящих кругов Венгрии, которая ориентировалась на Англию и США, в связи с итогами визита в Германию заявляла, что руководство Венгрии правильно поступило, не согласившись на рискованный шаг против Чехословакии. Их одушевило опубликование в сентябре 1938 г. в «Дейли Телеграф» интервью венгерского премьер-министра Б. Имреди, в котором подчеркивалось: «Главный девиз венгерской внешней политики... – остаться нейтральными».

Данные слова из интервью Имреди были воспроизведены в венгерской газете «Аз ешт» под заголовком, указывавшим на разногласия между Венгрией и рейхом. Такой тон печатного издания вызвал энергичный протест со стороны правительства Германии[65]. После этого газету вынуждены были закрыть, а Имреди попытался отказаться от своих слов.

В «плане Грюн» сказано: «Правильный выбор и решительное использование благоприятного настоящего момента являются наиболее надежной гарантией для достижения успеха»[66]. Гитлер не просто ждал подходящего момента. Он сам его приближал.

На протяжении длительного времени через свою агентуру в Чехословакии – партию судетских немцев (К. Генлейна) – фюрер добивался создания там кризиса, который можно было использовать как повод для нападения. Гитлер одновременно требовал от хортистов усиления подрывной деятельности в ЧСР. Документы свидетельствуют о том, что размеры таких действий венгерских сторонников войны были довольно широки. Однако германские нацисты считали их недостаточными и настаивали на активизации подрывных действий в Чехословакии.

В ответ на эти требования венгерский посланник в Берлине Д. Стояи по поручению своего правительства просил министерство иностранных дел Германии оказать содействие в том, чтобы судето-немецкая партия тесно сотрудничала с венгерской национальной группой в Чехословакии[67].

inslav

2. Чехословацкий кризис и дипломатия Венгрии

Одновременно венгерская дипломатия продолжала выяснять, какую позицию займут страны мира в случае, если Венгрия примет участие в нападении на Чехословакию.

После уточнения в начале осени 1938 г. позиции Б. Муссолини по вопросу венгерских притязаний к Чехословакии[68] 16 сентября последовало сообщение из Рима: Белград приспосабливается к позиции Италии, и если Венгрия нападет на Чехословакию после Германии, то Югославия никаких мер принимать не будет. Румыния же не пропустит через свою территорию советские войска на помощь Чехословакии, но независимо от этого она последует за Англией. Позиции Японии и США совпадают с точкой зрения Н. Чемберлена. Французы вновь заявили графу Чиано: если бы немцы вошли в Чехословакию, Третья республика, хотя и не охотно, но выполнит свои договорные обязательства[69]. Какую же позицию занимала Великобритания?

Брат английского премьер-министра Н. Чемберлена Остин еще в 1936 г., будучи гостем М. Хорти в Будапеште, пообещал ему: Англия в подходящее время поддержит венгерские территориальные притязания.

19 марта 1938 г., т. е. после аншлюса Австрии, венгерский посланник в Лондоне Силард Маширевич сообщал в Будапешт о своей беседе с помощником министра иностранных дел Орм Сарджентом, который спросил его, сможет ли Венгрия в новой обстановке сохранить свободу действий, и будет ли это означать возможность в новых обстоятельствах усилить реставрационное направление в Венгрии? Имея в виду цель ставить преграды германской экспансии в других направлениях, Сарджент предполагал, что следующей ее жертвой будет Чехословакия, которая, по его мнению, окажет сопротивление. Маширевич отметил, что Форин офис впервые поднял вопрос о возможной реставрации Габсбургов на венгерском троне[70].

В своей шифрограмме, переданной в тот же день, посланник отмечал: последняя инициатива Москвы созвать конференцию «против диктатур, угрожающих миру, здесь в Лондоне оценивают как акцию, имеющую целью вызвать замешательство, при помощи которого советы хотели бы разделить Европу на два лагеря и закрепить такое состояние»[71].

В следующем донесении, через неделю, комментируя выступление Н. Чемберлена в парламенте, С. Маширевич обращает внимание на его заявление о том, что в отношении Чехословакии Англия не берет на себя дополнительных обязательств, кроме тех, которые вытекают из положений Лиги наций[72].

inslav

Восьмого апреля 1938 г. временный поверенный в делах Венгрии в Лондоне Ф. Мароши информировал свой МИД о появлении в общественном мнении Англии двух течений: сторонников «коллективной безопасности» (антифашистов) и противостоящих им «реалполитиков». Противоречия между ними больше всего проявились в чехословацком вопросе. Сторонники первого направления требовали от правительства гарантий чехословацких границ. Второе, представленное Чемберленом, составляют сторонники политики умиротворения агрессора (в документе они названы проводниками «реальной политики»), опирающиеся на традиционный английский изоляционизм. Но в случае грубого нападения Германии на Чехословакию течение сторонников ее защиты может усилиться и решиться на вооруженное выступление[73].

В конце апреля Мароши прислал в Будапешт шифрограмму, в которой сообщал об англо-французском совещании в британской столице. Оно очень пессимистически оценивало положение Чехословакии, а французский премьер Эдуард Даладье, ссылаясь на необходимость соблюдения договорных обязательств, просил Англию оказать на Прагу самое внушительное давление с целью заставить ее пойти на далеко идущие уступки Германии[74].

Вновь назначенный венгерский посланник в Лондоне Д. Барца 22 июня 1938 г. нанес первый визит в Форин офис. На вопрос Э. Галифакса, министра иностранных дел Англии, о реакции Будапешта на аншлюс, он ответил: события в Австрии не вызвали особого беспокойства в Венгрии. Посланник напомнил министру о старых узах дружбы, связывающих его страну с Германией, и информировал об увеличении объема их контактов в области экономики после аншлюса. Это Галифакс уже знал. Министра же особо заинтересовало заявление посланника о желании Венгрии сохранить конституционность во внутренней жизни и независимость во внешних делах, а также его слова о возможностях расширения венгеро-английской торговли[75].

24 июля Д. Барца, сориентировавшись в жизни и политике Лондона, сообщил в свой МИД о мнении англичан, согласно которому Германия после аншлюса Австрии захочет так или иначе покорить и Венгрию. Однако, стремясь смягчить этот вывод, посланник добавил: англичане как реальные политики (Э. Галифакс, главный дипломатический советник Р. Ванситтарт, заместитель статс-секретаря МИД О. Сарджент и др., а также руководители Сити) «понимают наши тесные политические и экономические связи с единственным великим соседом – Германией».

inslav

Далее Барца рассуждал о проблеме Чехословакии, утверждая, что для англичан ее судьба настолько безразлична, что, по его мнению, «даже можно смело утверждать»: если бы однажды ночью она каким-то чудом исчезла с лица земли, англичане облегченно вздохнули бы; также они решительно выступили бы против презираемого ими (и в человеческом, и в политическом плане) режима в Германии, если бы он захотел продолжить свое распространение[76].

19 августа 1938 г. венгерский временный поверенный Мароши писал из Лондона об интересе О. Сарджента к визиту регента М. Хорти в Берлин. Успокоительное заявление Д. Барцы удовлетворило английского дипломата, но он все же выразил опасение по поводу многочисленных сопровождающих, прикрывающих его истинные цели[77].

Об инструкциях Кани, пересланных посланнику в Лондоне, как объяснять англичанам визит Хорти в Германию, было сказано выше.

26 августа Мароши сообщал в Будапешт о тех откликах, которые заполняли английскую прессу в течение недели в связи с визитом Хорти в Берлин и, по мнению посланника, в целом подняли престиж Венгрии. Но в газетных статьях высказывались и опасения ввиду вполне вероятной угрозы для венгерской стороны поступиться своей независимой позицией и усилить таким образом Германию. Самым враждебным по отношению к Будапешту Мароши считал либеральные издания – «Нью Кроникс» и «Манчестер Гардиан». Последняя назвала Венгрию шакалом, ринувшимся ухватить свою часть трупа... А некоторые газеты уже считали ее германским вассалом[78]. В связи с этим по предложению отдела печати МИДа Венгрии в «Пестер Ллойд» был опубликован ответ[79].

Переговоры в Бледе и парафированное там соглашение английская печать, по мнению венгерского дипломата, расценивала с позиции блока, а «Дейли Телеграф» прямо писала: «Венгрия вступила в Малую Антанту»[80].

Венгрию осенью 1938 г. прежде всего беспокоило, как бы ее не обошли при разделе Чехословакии. В своем донесении 15 сентября Мароши отмечал: самое поразительное в Англии – ни официальные, ни общественные круги не придают никакого значения нашему участию или нейтралитету в конфликте. Он делал вывод: определенные круги хорошо восприняли бы, если бы мы были на стороне Германии[81]. В одном из других донесений Мароши рассказывал о своем разочаровании в связи с тем, что Англия поддерживает и польские (кроме германских) претензии к Чехословакии, одних только венгров отсылают договариваться непосредственно с ней. Зная позицию официальных кругов, дипломат полагал бы слишком оптимистическим рассчитывать в этом отношении на серьезную поддержку со стороны английского правительства[82].

inslav

В связи с такой ситуацией находившийся в это время в Будапеште венгерский посланник в Англии Д. Барца получил от министра иностранных дел К. Кани устные инструкции, для выполнения которых немедленно отправился в Лондон и по прибытии попросился на прием в Форин офис[83].

Как явствует из записи начальника канцелярии министра иностранных дел Венгрии И. Чаки, 16 сентября венгерскому посланнику в Берлине Д. Стояи было поручено сообщить Г. Гёрингу о предпринятых мерах, направленных на то, чтобы «самым серьезным образом обратить внимание английского правительства на венгерский вопрос»[84].

В шифрованной телеграмме Мароши, расстроенный тем, что Лондон не дает обещаний поддержать требования его страны в отношении венгерского меньшинства в Чехословакии в такой же мере, как немецкого, в беседе с заведующим отделом Южной Европы Форин офис подчеркивал: тем самым Англия толкает Венгрию в объятия оси Берлин–Рим и внес рекомендации в свой МИД пригласить английского посланника Д. Нокса и разъяснить ему положение и позицию Венгрии. Он также предлагал в «Верхнем крае», т. е. на территории Словакии и Подкарпатской Руси, «любой ценой и любыми» средствами организовать покушения и создать атмосферу брожения[85].

К этому времени венгерского посланника проинструктировали о том, что беседовать с Ванситтартом, прислушиваться к высказываемому им мнению, тем более прочехословацкому, не стоит, поскольку он как советник МИД не имеет права высказывать официальную позицию. Может быть, именно поэтому на следующий день (17 сентября) Д. Барца отправился в Форин офис к постоянному заместителю министра иностранных дел Александру Кадогану. Но и тот высказал только «свое личное мнение», однако уже больше удовлетворявшее Будапешт. Он заявил: несомненно, с моральной точки зрения с венгерским меньшинством нужно поступить так, как и с другими национальными меньшинствами Чехословакии[86].

С 16 по 20 сентября идет поток демаршей из Будапешта в Лондон и английских ответов на них. В те дни стало ясно, что посредническая миссия В. Ренсимена, английского национал-либерала, бывшего министра торговли Великобритании и в тот период председателя тайного королевского совета, в Праге (находившегося там с начала августа до 16 сентября) между лидерами судетских немцев (К. Генлейном и др.) и чехословацким правительством оказалась безрезультатной. Причиной было предвзятое отношение к нему Гитлера. При этом, как видно из его письма Н. Чемберлену от 20 сентября (пославшему его в Чехословакию), Ренсимен симпатизировал немецкому национальному меньшинству и

inslav

пытался склонить правительство ЧСР принять возраставшие требования сторонников гитлеровцев в Чехословакии[87].

Занимавшийся этими проблемами в венгерском МИДе Домокош Сент-Ивани считал, что результатом миссии Ренсимена был вывод: «Чехословакию можно ампутировать». Западные демократии, да и Чехословакия, уступают силе.

Министр иностранных дел Венгрии К. Каня шифрограммой передал указание венгерскому посланнику в Лондоне Д. Барца во второй половине дня 16 сентября посетить Галифакса или его заместителя, а также добавить к полученным инструкциям (это было на следующий день после встречи Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене, где фюрер настаивал на срочном присоединении Судетской области к Германии, а английский премьер-министр обещал склонить свое правительство к такому решению, но информации об этом в венгерском МИДе еще не было): если будет допущена дискриминация по отношению к венгерскому национальному меньшинству в Чехословакии, составляющему около 1 млн человек (сознательно добавил несколько сот тысяч!), и отнесутся к нему иначе, чем к судетским немцам, то венгерское правительство сделает из этого далеко идущие выводы[88].

17 сентября Барца уточнял свои сведения о требованиях Гитлера по английским источникам: канцлер требовал для судетских немцев права на самоопределение или проведение плебисцита, а это Чемберлен сможет провести через свое правительство, и оптимистически смотрит на позицию Франции в этом плане[89].

18 сентября Д. Барца написал К. Кане обширное донесение о выполнении инструкции последнего. Поскольку лорд Галифакс целый день был занят на заседании правительства, он немедленно посетил его заместителя А. Кадогана и четко заявил ему: Венгрия требует такого же решения в отношении почти миллионного венгерского национального меньшинства, проживающего в Чехословакии, как и по проблеме судетских немцев. Он подчеркивал, что за венгерским меньшинством не стоят штыки 75-миллионного народа, а лишь правительство, стремящееся решить проблему, а также и «сама справедливость». Посланник приводил и другие доводы, подчеркивая: Венгрия требует те же права, которые получат немцы – «ни более, но ни в коем случае не менее»[90].

Кадоган пообещал довести до сведения министра сказанное Барцой и высказал свое личное мнение: если занять принципиальную позицию, то все национальности в других странах потребовали бы то же самое.

Барца реагировал в том смысле, что Чемберлен добровольно взял на себя миссию решить национальную проблему в Чехословакии, но Анг-

inslav

лия не обязана заниматься этой проблемой и в других странах мира. Касаясь вопроса Кадогана о том, что же останется от Чехословакии, если всем ее национальностям дать то же, что и немцам, Барца ответил: станет такой, какой должна была быть создана в 1919 г. Кадоган на контрдоводы Барцы не реагировал.

Запись этой беседы (и с английской стороны[91]) свидетельствует о том, что в Форин офис не было единства взглядов на эту проблему, и венгерская сторона окольным путем вручила свой Меморандум (от 17 сентября) прямо Чемберлену[92].

Посредник передал венгерской стороне позицию премьер-министра: он полностью симпатизирует Венгрии и у нее нет причин для беспокойства. Чемберлен намерен поддерживать венгерское дело[93]. (20 сентября Каня через посланника в Лондоне, при помощи посредника поблагодарил Чемберлена за его сообщение. Он вменял в обязанность Барцы довести до его сведения: итальянцы, немцы и поляки сильно также полностью поддерживают Венгрию[94].)

19 сентября Барца в беседе с итальянским послом в столице Англии Дино Гранди еще больше воспрянул духом, когда его собеседник рассуждал так: Чехословакия вынуждена будет уступить англо-французскому давлению, ибо если Советский Союз и окажет помощь, все равно война быстро кончится победой Германии[95].

Вечером следующего дня венгерского посланника принял министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс. Барца изложил все указания Кани, попытался обосновать их историческими, моральными, правовыми и политическими доводами, делая ударение «на абсолютно официальном характере его сообщения». Галифакс известил Барцу об информированности относительно венгерской позиции и о том, что английское правительство обсуждало венгерские требования также в переговорах с Францией.

Министр заявил: в настоящее время правительство Великобритании занято судетской проблемой, ибо от ее решения «зависит вопрос войны или мира». Оно понимает заинтересованность руководства Венгрии будущим венгерского меньшинства в Чехословакии и надеется, что оно не будет пока ничего предпринимать для обострения кризиса и успокоится тем, что его позиция принята к сведению и в подходящий момент будет рассмотрена. Эту же мысль изложило английское правительство в последнем абзаце ответа на венгерский Меморандум[96].

Обладая обширной информацией, полученной от своих дипломатических представителей из многих стран мира, К. Каня 26 сентября дал

inslav

указание Д. Барце не только спросить Э. Галифакса, когда можно ожидать решения венгерского национального вопроса в Чехословакии по судетскому образцу, но и обратить внимание его на вторую часть венгерской просьбы, а именно, обеспечить право на самоуправление для словаков и русин (в расчете на присоединение к Венгрии всей Словакии и Подкарпатской Руси)[97].

В середине сентября 1938 г. японское правительство решительно заявило о поддержке Германской империи. Укреплению положения Германии в значительной мере способствовало заявление США о незаинтересованности в чехословацком вопросе, а сговор Чемберлена с Гитлером оказал решающее влияние на исход событий[98].

Беспомощность западных демократий и Малой Антанты, развал Римских протоколов привели к тому, что Венгрия оказалась почти изолированной. Кроме Италии и Польши друзей у нее не осталось. Вот почему она стремилась любой ценой завоевать благосклонность Германии. В период чехословацкого кризиса ситуация для Венгрии была благоприятной, и она вместе с Польшей вела активную тайную подрывную деятельность в Чехословакии. Но внешне ее поведение казалось весьма сдержанным. В результате к осени Венгрия стала даже популярной во Франции, в то время как старый друг последней – Польша, теряла свой престиж в глазах французов из-за резкого выступления против Чехословакии.

Германия, порицая венгров за их поведение (Киль, Блед), в то же время ревниво наблюдала за складывавшимися отношениями Венгрии с Италией и Польшей.

Основные события осени 1938 г. были еще впереди. Это Мюнхен и Венский арбитраж. И именно в период чехословацкого кризиса происходило охлаждение, даже кризис в германо-венгерских отношениях.

Еще 16 сентября генерал-фельдмаршал Г. Гёринг пригласил к себе венгерского посланника в Германии Д. Стояи и разъяснил ему точку зрения германского правительства, согласно которой Венгрия недостаточно активна, и выразил удивление пассивностью венгерской прессы в привлечении внимания мировой общественности к решению вопроса о присоединении чехословацких венгров к «матери-родине». В ходе этой беседы Гёринг указал на наступление решающего момента и настаивал на том, чтобы правительство Венгрии самым энергичным образом требовало «самоопределения» для венгерского меньшинства в Чехословакии, а последнее должно обратиться к чешскому и другим правительствам, подобно Генлейну, с аналогичным требованием. Далее Гёринг советовал венграм провоцировать вооруженные столкновения, забастовки, укло-

inslav

нение от явки на призывные пункты. Он также предложил Венгрии оказать влияние на словаков, которые должны требовать права на «самоопределение». Желательно было бы, чтобы венгерские посланники в Лондоне и Париже, считал Гёринг, приняли все необходимые меры для более полного освещения венгерского вопроса в иностранной печати[99].

В сообщении для Будапешта о беседе с Гёрингом Стояи писал: «Пожелание германской стороны состоит в том, чтобы все национальные меньшинства и общественное мнение заинтересованных соседних стран громогласно подтвердили несостоятельность бывшего чехословацкого государства. Причем сделать это нужно безотлагательно...»[100]

В этот же день Объединенная венгерская партия в Чехословакии опубликовала декларацию, в которой требовала права на «самоопределение» и проведение плебисцита для венгров, проживавших в ЧСР[101].

После заявления США о «незаинтересованности» в чехословацком вопросе и в особенности после сговора 15 сентября 1938 г. Чемберлена с Гитлером, когда стало ясно, что Судетская область будет отдана Германии, хортисты испытали серьезное беспокойство по поводу перспектив осуществления собственных реваншистских планов. Венгерская дипломатия развила лихорадочную деятельность, стремясь выяснить намерения как Англии, так Германии и Италии в данном вопросе. В упоминавшемся выше венгерском Меморандуме английскому правительству указывалось, что «создание более мирной атмосферы в Средней Европе зависит от того, что будет сделано в отношении различных меньшинств в Чехословакии и их основных прав и будет ли прекращена их дискриминация»[102].

Венгерский посланник в Англии Д. Барца 20 сентября получил заверение от лорда Галифакса о положительном ответе на Меморандум, на основное в нем – о допуске Венгрии к участию в расчленении Чехословакии. Содержание английского ответа было успокаивающим средством для хортистов. В нем подчеркивалось, что правительство Великобритании сосредоточит все свои усилия на судетской проблеме и, полностью понимая заинтересованность венгерского правительства в вопросе о будущем национального меньшинства в Чехословакии, выражает надежду, что оно удовлетворится тем, что «его точка зрения учтена и будет принята во внимание в нужный момент»[103].

В связи с создавшейся ситуацией и слухами, распространяемыми в английской печати (имеем в виду в частности «Таймс» от 7 сентября 1938 г.), у Хорти сложилось впечатление, что, каким бы путем не был решен судетский вопрос, с помощью плебисцита или без него, территории Чехословакии, населенные немцами, присоединят к Германии, а все остальное ос-

inslav

танется по-прежнему. Регент решил написать по этому поводу письмо Гитлеру, подчеркивая, что проблему окончательно решить нельзя без того, чтобы дать такие же права и остальным национальным меньшинствам, населяющим Чехословакию, или предоставить им право самим путем референдума решить вопрос о своей государственной принадлежности. Хорти сообщал Гитлеру: Венгрия не потерпит дискриминации в отношении своих братьев, надеется на полное взаимопонимание германского правительства, а учитывая теплые дружеские отношения двух стран, «в эти трудные часы может рассчитывать на самую широкую поддержку»[104].

Как упоминалось, в августе 1938 г., в дни пребывания Хорти в Германии, Г. Гёринг пригласил его приехать в гости между 15–22 сентября в Восточную Пруссию в Ромминтен «на охоту на лося», куда регента доставили на самолете Гёринга 19 сентября. Это было уже после встречи Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене, где последний фактически согласился с планом фюрера, но тот сомневался в способности английского правительства склонить на свою сторону и Францию. В связи с этим Гитлер также предусматривал план применения военной силы против Чехословакии. Поэтому он опять обратился к Венгрии и Польше. И когда венгерский регент «на охоте» обсуждал данный вопрос с Гёрингом, он тут же написал письмо к фюреру, в котором просил вновь принять премьера Имреди. Гёринг по телефону прочитал Гитлеру письмо Хорти. Фюрер немедленно послал самолет за руководителями венгерского правительства.

Общеизвестно, что Гитлер готовил военные нападения, как правило, на авантюристической основе. Смеясь, фюрер говорил Муссолини, что дела у него всегда шли хорошо, когда он не слушал советов генералов. В беседе со своим другом, военным атташе Венгрии в Риме Л. Сабо, дуче рассказывал: «Гитлер не калькулирует, не работает с расчетом, как математик, а удачно руководствуется интуицией»[105].

Так же было и в этот раз.

Согласование германской и венгерской точек зрения стало предметом очередной встречи Гитлера, Имреди и Кани 20 сентября 1938 г., состоявшейся в Оберзальцберге возле Берхтесгадена. Имреди и Каню сопровождали начальник генерального штаба Лайош Керестеш-Фишер и государственный секретарь премьер-министра Тибор Патаки. Венгерское телеграфное агентство в тот же день сообщило, что в Оберзальцберге обсуждался чехословацкий вопрос с позиции генлейновцев о «судетских немцах и венгерском национальном меньшинстве»[106].

На этой встрече германский канцлер выразил недовольство «нерешительной позицией» Кани и Имреди в период кризиса. Он заявил, что Германия полна решимости решить чешский вопрос, даже если это связано с рис-

inslav

ком мировой войны, и потребовать от Чехословакии все земли, населенные немцами, а также высказал уверенность, что ни Франция, ни Англия не вмешаются в этот конфликт. По Гитлеру, для Венгрии наступил последний момент присоединиться, иначе он не сможет выступать в защиту венгерских интересов. Лучше было бы, рассуждал он, Чехословакию разгромить. Уверен: нельзя длительное время терпеть в сердце Европы «этот авианосец». Канцлер требовал, чтобы Венгрия немедленно высказалась за проведение плебисцита на территориях, на которые она претендовала, и заявила, что она не будет гарантировать безопасность каких-либо новых границ, предложенных Чехословакии. В данном случае пусть Венгрия пригрозит выходом из Лиги наций и организацией «вольных отрядов». Гитлер объявил, что чехословацкий вопрос он решит в течение трех недель.

Имреди ответил: венгров поразил темп решения, ибо они думали, что все произойдет в течение одного–двух лет. Между тем венгерское национальное меньшинство уже не требовало проведения плебисцита, теперь «венгерское правительство возьмет это дело в свои руки. Далее Венгрия незамедлительно проведет военные приготовления, однако двухнедельный срок является недостаточным для их завершения»[107].

В отношении Югославии Имреди заметил: ее руководство слабое, но с профранцузски настроенной армией нужно серьезно считаться, хотя при помощи денег и угроз и там можно чего-либо достичь.

В ходе беседы Гитлер несколько раз повторил, что на предстоящей встрече с англичанами в Годесберге он грубо, жестко будет представлять германские требования. Он подтверждал высказанную ранее мысль о том, что удовлетворительное решение можно достичь только военной силой. И хорошо, если повод для этого создадут сами чехи. «Но есть опасность, – продолжал он, – что чехи со всем согласятся»[108]. В информации о переговорах с Гитлером в Берхтесгадене, направленной К. Каней 21 сентября посланнику в Берлине, говорилось о том, что «на вчерашней берхтесгаденской встрече, которую мы считали нужной в сегодняшнем критическом положении», они довели до сведения фюрера: «Если бы при решении чешского вопроса с венграми поступили иначе, чем с судетскими немцами, венгерское правительство стало бы бороться против дискриминационного подхода не только дипломатическими средствами, но и вызвало бы в Словакии серьезные внутренние беспорядки. Акция в этом направлении уже в процессе. Гитлер наше заявление принял с пониманием»[109*].

* Составители публикации документов по внешней политике Венгрии не разобрались в опечатке (27 сентября вместо 21 сентября) и опубликовали информацию Кани во втором томе не к месту (См.: DIMK. II. 669. old.)

inslav

Премьер-министр Венгрии Б. Имреди пообещал канцлеру в тот же день переслать ему доверительное письмо, где будут точно указаны венгерские требования. Фюрер желал использовать это письмо и в Годесберге, на переговорах с Чемберленом.

Советник германского МИДа Эдуард Брюклмайер, который на следующий день по телефону передал эту запись беседы, а также сведения о пересланной послу Польши аналогичной просьбе прислать Гитлеру письмо с территориальными требованиями к Чехословакии Эриху Кордту в канцелярию Риббентропа. В день переговоров с Имреди и Каней канцлер имел беседу с польским послом в Германии Юзефом Липским. В своем донесении министру иностранных дел Польши Ю. Беку последний отметил, что был принят Гитлером после обеда, по окончании беседы с Имреди.

Канцлер начал встречу с Липским с констатации факта, что события пошли иначе, чем он первоначально предполагал. Затем он представил исторический обзор судетского вопроса с февраля 1938 г., с момента его выступления в рейхстаге. Он подчеркивал, что не мог не принять английского премьера в Берхтесгадене и думал, что Чемберлен едет заявить о готовности воевать, в ответ на что услышал бы: Германия считалась с такой возможностью. Тогда Гитлер сказал главе правительства Англии: Судеты должны быть возвращены Германии «мирно или путем войны».

Как Имреди, так и Липскому канцлер заявил: «Занятие Судет силой было бы более полным и определенным решением». Польский посол сообщал также в Варшаву о раздумье Гитлера, как быть в случае, если судетский вопрос разрешится мирно, с претензиями Венгрии и Польши к Чехословакии. В связи с этим, писал посол, «он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня». Липский проинформировал Гитлера о размерах претензий Польши на Тешин.

Касаясь венгерских требований, польский дипломат специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический фактор, относящийся к России – на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д. У посла сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался данной проблемой, особенно, когда Липский уверял его: посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь Польша создала бы «более крепкий барьер против России». Он утверждал, что территория Закарпатья якобы была «дана Чехословакии только как мандат», что население его находится «на очень низком уровне», что наибольшую заинтересованность в Закарпатье имеет Венгрия.

inslav

Гитлер льстил Липскому (другие архивные материалы свидетельствуют: лесть была неискренней), настойчиво подчеркивая, что Польша является «первостепенным фактором, защищающим Европу от России».

Риббентроп просил Липского узнать у Бека, не хотел бы тот сделать заявление о польских требованиях относительно Чехословакии, по примеру того, как это сделал премьер Венгрии; оно могло быть «использовано при переговорах с Чемберленом»[110].

Суть письма, которое передал Б. Имреди для Гитлера 20 сентября 1938 г., в следующем: печать и другие источники свидетельствуют о намерении в ближайшее время решить проблему судетского немецкого меньшинства, а требования венгерского и польского национальных меньшинств они вообще не принимают во внимание.

Такое решение вызвало бы бурное возмущение не только венгерского общественного мнения, но даже и правительство самым решительным образом восстало бы против него. Эту позицию хортистов правительство недвусмысленно довело до сведения как английского, так и французского кабинетов.

Лично Гитлеру сообщили о готовности хортистов всеми средствами бороться против такого решения, которое оставило бы без внимания требования венгерского меньшинства, подчеркнув, что они не откажутся от действий, выходящих за рамки дипломатического влияния[111].

Как свидетельствует запись беседы, Гитлер тогда не возражал против предложения Липского об установлении общей венгеро-польской границы, хотя в его планы не входила передача Подкарпатской Руси хортистам. Гитлеровский режим в этот момент нуждался в поддержке двух соседних государств – Венгрии и Польши. Она нужна была нацистам для того, чтобы можно было всему миру заявить: в Чехословакии живут в «невыносимых условиях» не только немцы, но и венгерское и польское национальные меньшинства.

Поспешно организованные венгеро-германская и польско-германская встречи имели такую цель – Германия надеялась получить одобрение со стороны Венгрии в отношении захвата и расчленения Чехословакии. Эта поддержка требовалась ей именно теперь, накануне приезда в Годесберг английского премьер-министра Н. Чемберлена для переговоров с Гитлером по немецко-чешскому вопросу. Чемберлен выехал в Годесберг 21 сентября.

Из записей бесед, состоявшихся 20 сентября, явствует, что Гитлер оставался в неведении, какую позицию займут Англия, Франция и Чехословакия относительно его притязаний на Судеты. А между тем ранее

inslav

Чемберлену удалось склонить премьер-министра Франции Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Жоржа Бонне (да особенно и не пришлось уговаривать, поскольку уже были известны высказывания премьера о том, что он не сторонник сотрудничества с коммунистами и не собирается выполнять франко-чехословацкий договор о взаимопомощи) сделать совместное предложение правительству Чехословакии. Оно было принято за день до встречи Гитлера с Имреди, т. е. 19 сентября, в Лондоне и передано правительству ЧСР. Причем позже, на переговорах руководителей четырех держав в Мюнхене, глава правительства Франции высказывал мнение о том, что «не надо привлекать представителей Чехословакии, действовать следует самостоятельно и быстро, поддерживая Гитлера и Чемберлена, Муссолини; он принял на себя ответственность уже в Лондоне», когда, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей. «Я встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор»[112], – сказал Даладье.

Совместное предложение Англии и Франции, принятое 19 сентября, содержало позицию обеих сторон, согласно которой в результате недавних событий создалось такое положение, когда дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы «не поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира». Англия и Франция предложили правительству ЧСР немедленно передать эти районы Германской империи[113]. Для осуществления этой акции представители обоих государств договорились осуществлять давление на чехословацкое правительство[114]. Они просили его дать ответ как можно скорее. Там же они обещали руководству ЧСР «в качестве вклада в дело умиротворения Европы присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии».

Ответ правительства Чехословакии на англо-французские предложения был передан незамедлительно, 20 сентября. Министерство иностранных дел ЧСР в этот же день вручило документ полпреду СССР в Праге. Фактически ответ Чехословакии на предложение Англии и Франции был отрицательным. В заключение его говорилось: «Чехословацкое правительство сознает, что прилагаемые британским и французским правительствами усилия являются результатом их искренней симпатии, и искренне благодарит за это. Тем не менее, исходя из приведенных доводов, оно вновь обращается к ним с последним призывом и

inslav

просит, чтобы они пересмотрели свою точку зрения. Оно делает это, веря, что защищает не только свои собственные интересы, но также и интересы своих друзей, дело мира и дело здорового развития Европы. В этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции»[115].

21 сентября Великобритания направила ноту Чехословакии, в которой правительству ЧСР предлагалось взять этот ответ обратно (ибо его опубликование привело бы к немедленному германскому вторжению) и безотлагательно найти иное решение, «исходя из реальной обстановки». Британское правительство выразило также сомнение насчет намерения Гитлера решить чехословацкий вопрос путем арбитража. Если чехословацкое правительство отклонит совет английского правительства, то последнее «не сможет взять на себя ответственность»[116].

Вечером этого дня, в 17 часов, посланникам Франции и Англии в Праге был сообщен ответ чехословацкого правительства (копия этого меморандума на следующий день передана посланником ЧСР в Москве Зденеком Фирлингером заместителю наркома иностранных дел В. П. Потемкину). В нем говорилось: «Вынужденное обстоятельствами и под чрезвычайным давлением французского и английского правительств правительство Чехословацкой республики с горечью принимает франко-английские предложения». Правительство ЧСР «с прискорбием констатировало, что оно предварительно даже не было запрошено при выработке этих предложений и сожалеет, что не было принято его предложение об арбитраже»[117].

Такие действия демократических западных стран шли вразрез с замыслами венгерских реваншистов. Успокаивающим для хортистов было заявление Гитлера о том, что если чехи полностью удовлетворят требования немцев, то и в этом случае он не даст гарантий новых границ Чехословакии до удовлетворения претензий Венгрии и Польши[118]. Такую же позицию заняла и Италия. Муссолини и Чиано передали информацию о ней венгерскому посланнику в Риме для сообщения Будапешту, а также оповестили английского посла в Италии[119].

Отношение Германии, Италии и Англии к агрессивным устремлениям хортистов ободрило венгерских реваншистов.

Как информировал польский посол в Берлине Ю. Липский венгерского посланника Д. Стояи, 20 сентября в беседе с Гитлером он решительно поддержал требования Венгрии о захвате Закарпатской Украины и создании общей польско-венгерской границы, «нужной для защиты от большевизма»[120].

inslav

В то время уже шли разговоры, что под давлением Англии и Франции чехословацкое правительство приняло требование Германии и английский премьер-министр Чемберлен собирается сообщить об этом фюреру. Но Гитлера ничто так не пугало, как возможность мирного урегулирования немецко-чехословацкого конфликта. Немецко-венгерское совещание было проведено наконец и с той целью, чтобы германский канцлер мог предъявить Чехословакии новые наглые требования. 21 сентября 1938 г. газета «Берлинер Тагблат» в материале о визите Имреди и Кани в Берхтесгаден писала, что Бенеш принял англо-французские предложения о передаче пограничных территорий Германии, но сделал это поздно, ибо «формальное предъявление венгерских и польских требований со вчерашнего дня создало новую ситуацию». Другая газета «Дойче Альгемайне Цайтунг» в тот же день сообщала, что визит венгров и поляков в Германию мог в действительности доказать чехам, что «они полностью окружены».

После этих встреч для венгерских правителей стало очевидным, что следуя политике попустительства нацистской Германии, правительства Англии и Франции готовы были пожертвовать независимостью Чехословакии, лишь бы направить агрессию гитлеровской Германии на восток. В таких условиях правящие круги Венгрии решили спешно провести ряд мероприятий.

В ход была пущена пропагандистская машина. 21 сентября в Будапеште на Площади героев состоялся большой ирредентистский митинг. Подобные сборища были проведены по всей стране.

22 сентября 1938 г. министерство иностранных дел Венгрии направило правительству ЧСР ноту, в которой в резком тоне предъявлялось требование об отделении чехословацкой территории, населенной венграми, и предоставлении словакам и закарпатским украинцам права на самоопределение.

В тот же день новый посол Польши в Англии Эдвард Рачинский информировал венгерского посланника Д. Барцу, а тот К. Каню об официальном заявлении польского правительства в Праге о своих претензиях на земли, населенные поляками[121]. В ответной ноте руководство ЧСР выразило готовность начать переговоры с венграми и обеспечить венгерскому национальному меньшинству такие же права, какие намечалось предоставить судетским немцам[122].

Расширяя действия своей дипломатии, хортисты одновременно осуществляли и военные мероприятия. Было призвано несколько возрастных контингентов. Венгерские войска были сосредоточены на границе с ЧСР. 23 сентября Италия обязалась предоставить Венгрии вооруже-

inslav

ние, в частности самолеты, для усиления боевой мощи ее армии на случай военного столкновения[123].

В те дни английский посланник в Будапеште Д. Нокс по поручению своего правительства вручил министру иностранных дел К. Кане памятную записку. Правительство Великобритании порицало хортистов за военные меры с целью устрашения чехов и заявило, что если Венгрия вступит в непосредственную акцию против Чехословакии, то оно не берет на себя ответственность за последствия. Министр решительно отвергал содержавшиеся в английской записке упреки, «поскольку у Венгрии нет агрессивных намерений против Чехословакии, и предпринятое венгерским правительством носит лишь оборонительный характер против широкомасштабных чешских военных мер, а на это она имеет полное право». К. Каня просил английского дипломата передать в Лондон, что англо-французский план вызвал огромное разочарование в до сих пор проанглийском общественном мнении его страны и всеобщим стало впечатление, согласно которому Англия уступает насилию, а законные интересы малых государств не принимает во внимание[124].

Венгерское правительство о вышесказанном немедленно уведомило не только венгерского посланника в Лондоне, но и посольство в Варшаве.

Позиция, занятая тогда венгерским и польским правительствами, побудила Гитлера во время встречи с Чемберленом в Годесберге 22 сентября добавить к своим требованиям претензии Венгрии и Польши. В связи с этим англо-германские переговоры закончились безрезультатно.

Была ли в 1938 г. возможность обуздать агрессора? Да, была. Но препятствием послужила позиция правящих кругов Англии и Франции, которые игнорировали предложения правительства СССР, направленные на организацию коллективного отпора фашистскому агрессору и на поддержание мира во всем мире. Советский Союз оставался последовательным другом чехословацкого народа. Между Прагой и Москвой продолжал действовать договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. Следует напомнить, что его текст по существу аналогичен франко-советскому договору о взаимопомощи, подписанному несколько ранее, 2 мая. По просьбе правительства ЧСР в протоколе договора было указано, что обязательства о взаимной помощи между двумя сторонами будут действовать, «лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне – жертве нападения будет оказана со стороны Франции»[125].

В статье, опубликованной в сборнике «Мюнхен – преддверие войны»[126], С. И. Прасолов останавливался на вопросе франко-советских отношений в случае нападения Германии на Чехословакию. Он писал, что на запрос

inslav

Франции нарком иностранных дел М. М. Литвинов 2 сентября 1938 г. «дал четкий, не допускающий никаких кривотолков», ответ ее поверенному в делах Ж. Пайяру: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути».

На вопрос президента ЧСР Э. Бенеша о том, готово ли советское правительство выполнить свои обязательства по договору, если Франция останется верной своему союзническому долгу, 20 сентября 1938 г. Москва дала указание посланнику в Праге С. С. Александровскому передать президенту утвердительный ответ[127]. Такой же ответ был дан и на другой вопрос Бенеша: поможет ли Чехословакии член Лиги наций СССР, если в случае нападения Германии он как президент обратится в Совет Лиги наций.

Сообщение, полученное из Москвы в этот день (20 сентября) гласило, что СССР окажет ЧСР военную помощь даже и без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит у него помощь[128]. Подобный ответ был направлен советским правительством и в Париж, о чем была информирована и венгерская дипломатия. Посланник Будапешта в Москве М. Юнгерт-Арноти сообщил министру иностранных дел Венгрии К. Кане, что «на вновь поставленный вопрос из Парижа советское правительство еще раз подтвердило, что если Франция выступит, то оно также выполнит свои обязательства»[129].

Западные страны Европы в то время не согласились с необходимостью создания антигитлеровской коалиции и все дальше шли на уступки нацистам. Но и в этой обстановке правительство СССР готово было, как видно из приведенных выше фактов, прийти на помощь Чехословакии в одностороннем порядке, т. е. и в том случае, если Франция оставит ее на произвол судьбы. Для этого нужно было, чтобы правительство ЧСР обратилось за помощью к Советскому Союзу. С. И. Прасолов в упомянутой статье привел конкретные факты уже осуществленных СССР военных мер на своих западных границах. Но правительство ЧСР и президент Э. Бенеш отказались принять предложение Москвы и согласились с англо-французскими рекомендациями удовлетворить требования Гитлера.

26 сентября хортистское правительство, учитывая сложившуюся ситуацию, заявило правительству ЧСР, что Венгрия не удовлетворена чехословацким ответом на свою ноту от 22 сентября. В тот же день венгерский посланник в Праге Я. Веттштейн позвонил в Будапешт и по телефону передал декларацию министра иностранных дел К. Крофты, базирующуюся на заявлении Бенеша. Суть последнего: в ЧСР отношение к национальным меньшинствам одинаково – чехословацкое правительство го-

inslav

тово начать дружественные переговоры с венгерским руководством[130]. А 27 сентября через посланника хортисты направили новую ноту, включив в нее текст содержания ноты от 22 сентября. Каня просил Веттштейна посетить Крофту и в связи с его декларацией сделать заявление о том, что при решении изложенного в ноте от 22 сентября следует избежать дискриминации в отношении венгерского меньшинства[131]. Передавая ноту, посланник заявил от имени своего правительства, что для обеспечения «мирного развития событий» было бы весьма полезно обсудить венгерские требования одновременно с немецкой проблемой[132]. Чехословацкое правительство и на этот раз отклонило ноту.

27 сентября 1938 г. венгерский посланник в Берлине Д. Стояи в беседе с Гёрингом подтвердил, что Венгрия готова к участию в вооруженном захвате Чехословакии[133]. Вновь был поднят вопрос о том, в какой момент должна выступать Венгрия: одновременно с Германией или вслед за ней. И. Риббентроп предпочитал первый вариант. Г. Гёринг, К. Нейрат и статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккер, а также Б. Муссолини и Г. Чиано – второй. Последний больше устраивал и венгерское правительство, полагавшее, что выступив после Германии, оно не только обезоружит морально Югославию и Румынию, но и заслужит одобрение со стороны Англии и Франции[134]. Венгрия обязывалась при осуществлении данного варианта пойти на провокацию против Чехословакии. В результате этих переговоров была проведена встреча начальников штабов венгерской и германской армий, в ходе которой была достигнута конкретная договоренность с указанием места и времени выступления военных сил Венгрии против Чехословакии[135].

Министр иностранных дел Италии Г. Чиано советовал хортистам: если удастся расчленить Чехословакию «мирным путем», то Венгрия должна требовать только те территории, которые населены венграми, а словаки получат право на самоопределение и «присоединятся» к Венгрии «добровольно»[136].

Давая Гитлеру заверения о готовности участвовать в вооруженной интервенции против Чехословакии, министр иностранных дел Венгрии К. Каня одновременно тайно поручил посланнику в Лондоне Д. Барце сообщить английскому правительству, что в случае войны Венгрия, если соседи не принудят ее участвовать в ней, будет соблюдать нейтралитет[137]. По мнению венгерского дипломата Шандора Гофмана, именно этот акт, ставший вскоре известным немцам, послужил причиной (это одна из версий) отставки К. Кани с министерского поста в конце ноября 1938 г.[138], хотя, бесспорно, он стал одним из тех, кто уже и без того переполнял «чашу терпения» гитлеровцев. Но это произошло позже.

inslav

В последнюю декаду сентября венгерская дипломатия развернула лихорадочную деятельность. Для нее все еще не было ясно, каким путем – переговоров или применением силы – будет решен вопрос о национальных меньшинствах в Чехословакии, будут ли принимать решение о венгерском и польском национальных меньшинствах одновременно с проблемой судетских немцев и др.

Как же складывались в эти дни отношения Венгрии с Германией? Кроме сказанного выше, следует обратить внимание (рассмотрев сохранившиеся документы) на следующее. 22 сентября Д. Стояи посетил в МИДе Германии руководителя политического отдела, заместителя статс-секретаря Э. Вёрмана и сообщил ему: венгерское правительство предприняло такой же шаг в Праге, как накануне Польша, требуя, чтобы дела венгерского национального меньшинства упорядочили на такой же основе, что и судетских немцев. Чешский министр иностранных дел К. Крофта, «кому был передан демарш, только принял его, заметив, что и польский посланник предъявил аналогичный протест»[139].

На следующий день Стояи по телефону сообщил Вёрману о пожеланиях своей страны в чехословацком вопросе (прямо переданные в Годесберг): Первое. Венграми населенные территории сегодняшней Чехословакии присоединить к Венгрии. Второе. Обеспечение на деле права самоопределения словакам и рутенам[140].

В этот же день, 23 сентября, посланник позвонил в Будапешт начальнику канцелярии министра иностранных дел И. Чаки, чтобы рассказать о сведениях, полученных Вёрманом из Годесберга. Германия сформировала там свою, противоположную английской, позицию по вопросу венгеро-польских требований: «Мы не даем никакой гарантии остальной части государства (Чехословакии. – *А. П.*), если в этом не примут участия все заинтересованные государства, включая Италию. Германия не возьмет на себя гарантий, которые могли бы предопределить судьбу других меньшинств на чехословацкой территории»[141]. Это сообщение из Годесберга было передано Берлином в германские дипломатические представительства в Риме, Варшаве, Будапеште, Праге и Лондоне[142].

Кроме того, Вёрман довел до сведения Стояи факт получения германской прессой указания заниматься венгеро-польскими требованиями «в высшей мере», стремясь подкрепить их доводами и фактами[143].

Ко всем этим вопросам венгерский посланник вернулся 26 сентября в беседе с министром иностранных дел Германии Риббентропом. В кодированной телеграмме, адресованной К. Кане, Стояи сообщал о ней: Германия сохраняет свое заявление о том, что гарантии новых чехословац-

inslav

ких границ даст лишь на изложенных выше условиях. Риббентроп добавил: Гитлер представлял интересы Венгрии так, как обещал Имреди в беседе в Годесберге (т. е. 20 сентября). «Больше он сделать не мог, остальное нужно совершить венгерскому правительству», – сказал министр. И продолжал: если чехи примут меморандум, то после оккупации Судет или референдума проведут беседы с поляками и венграми относительно их требований. «Если откажут, то все равно эту территорию оккупируют, даже с риском войны», – утверждал он. Спросив венгерского посланника, что в таком случае предпримет Венгрия (Имреди все еще не дал Гитлеру ясного ответа в этом отношении), министр констатировал, что венгры до сих пор сделали совсем немного, тогда как поляки, например, активно борются. На вопрос Риббентропа Стояи ответил так же как Гёрингу (о чем шла речь выше). Министр не удовлетворился и вновь весьма настойчиво спросил: а, все-таки, на деле венгры выступили бы? Стояи еще отметил, что Риббентроп был более серьезен, чем прежде, но положение оценивал оптимистически[144].

В те дни посол Польши в Берлине Э. Рачинский сообщил Стояи о стремлении Варшавы, используя все средства, добиться осуществления своих требований до 1 октября, ибо поляки не верят в обещания решить проблему позже. Поэтому польские послы постоянно практикуют давление в Лондоне, Париже, Риме, а Бек – в Варшаве на представительства этих стран. А «вольные отряды», начавшие борьбу, будут продолжать ее до полного завершения дела[145].

Берлин пытался воздействовать на венгров и другими методами, добиваясь их четкого согласия на военное участие в нападении на Чехословакию.

27 сентября в 2 часа ночи Стояи писал К. Кане: Гёринг пригласил его к себе и сообщил о полученной информации, согласно которой венгерский посланник в Лондоне Д. Барца в тесном кругу якобы сказал, что по указанию Будапешта он заявил министру иностранных дел Англии – мол, Венгрия и не думает поднять оружие против Чехословакии. Гёринг не намерен был оказывать давление и давать советы, но сказал, что если бы действительно против Чехословакии началась военная акция, в которой Польша точно примет участие, а Венгрия уклонится, может случиться, «что мы окончательно выпадем». Одновременно он интересовался, делается ли что-нибудь на территории национального меньшинства, ибо, по дошедшим до него сведениям, поляки борются, а о венграх слышно немного.

Отвечая Гёрингу, Стояи напоминал о высказываниях Кани и Имреди в Берлине и Берхтесгадене, заявлявших, что если только вообще будет

inslav

возможно, «выступим». Отрицая, точнее подвергая сомнению, возможность упомянутого заявления Барцы и разъясняя особое положение венгерского национального меньшинства, отличное от польского, посланник ссылался на то, что «сейчас не можем раскрыть наши организации», ибо если германо-чешский конфликт разрешится мирно, то венгерское национальное меньшинство окажется перед беспощадной местью чешских солдат, и немцы или другие не смогли бы им прийти на помощь, и «мы не можем напасть на Чехословакию из-за Малой Антанты». По мнению Стояи, оба его довода Гёринг принял с пониманием и добавил: «Вижу, что [венгры] считаются и с возможностью вооруженного конфликта»[146].

Госсекретарь премьер-министра Д. Сент-Ивани, который по заданию П. Телеки составил своего рода сборник документов «Внешняя политика Трианонской Венгрии» в трех томах (оставшийся в рукописи), по поводу событий осени 1938 г. заметил: во второй половине сентября стало ясно, что венгерские территориальные требования поддерживают только Польша и Италия, «Германия охладела или выступает против»[147].

Так складывались отношения между хортистской Венгрией и гитлеровской Германией накануне встречи четырех в Мюнхене.

В чем суть позиции Италии относительно венгерских претензий к соседним странам в это время?

Наряду с июльским визитом в Германию венгерского премьер-министра Б. Имреди и министра иностранных дел К. Кани, о котором говорилось выше, заслуживают внимания кратковременные беседы венгерского военного атташе Л. Сабо с Б. Муссолини на военных маневрах в Италии 13 августа.

Кроме проблем военных поставок в Венгрию дуче интересовался впечатлением Б. Имреди о поездке в Рим и с удовлетворением оценил в поступивших к нему известиях из Венгрии о темпе развернувшейся в ней поддержки стран ООН., в результате чего произойдет еще большее сближение двух дружеских государств (Италии и Германии). По Муссолини: приближаются хорошие дни; аспирации Венгрии подходят к осуществлению; со дня на день можно ожидать тяжелых событий, поэтому он рекомендует не только ускорить подготовку армии, «но и милитаризировать всю страну», не стоит терять время[148].

В беседе с заведующим Европейским отделом итальянского МИДа Д. Бути 8 сентября венгерский посланник в Риме Ф. Виллани говорил о своих расхождениях с Г. Чиано. Посланник считал, что Германия, если сохранит хладнокровие, то сможет без мирового пожара добиться своих аспираций. Чехи уже приняли почти все восемь пунктов, предъявленных

inslav

генлейновцами в Карловых Варах, но сейчас этого уже мало. Им придется согласиться и на плебисцит в местах смешанного проживания. Д. Бути в этой ситуации (когда позиция Англии, как свидетельствует статья в «Таймсе» и миссия Ренсимена, ее игра заключается в том, чтобы не принять участия во всеобщем конфликте, а это все, ибо без нее не вмешается и Франция) рекомендовал Венгрии более тесно действовать совместно с Берлином, как это уже делают, к примеру, венгерское национальное меньшинство в ЧСР и судетские немцы.

Италия с напряженным вниманием, соблюдая полное спокойствие, подчеркнул итальянский дипломат, следит за событиями и готова ко всяким неожиданностям[149].

Девятого сентября Виллани информировал свой МИД, точнее министра Каню, о беседах с двумя немецкими дипломатами, из которых он вынес впечатление, что в Берлине не очень доверяют Италии, считая, что в случае всеобщего конфликта, она может предоставить Германию самой себе. Возражая немцам, посланник сказал, что ответственные лица в Риме никогда с ним не говорили об этом, и добавил: итальянские политические деятели, все без исключения, в беседах с ним подчеркивали необходимость оси Рим–Берлин и ее упрочения[150].

Когда К. Каня получил сведения о результатах встречи Гитлера с Чемберленом в Брехтесгадене 15 сентября 1938 г., где якобы достигнуто соглашение о решении вопроса принадлежности Судетской области путем референдума, он направил в Рим посланнику Ф. Виллани кодированную телеграмму с указанием срочно посетить Чиано, тепло поблагодарить его за прежнюю поддержку и просить, чтобы итальянская печать, если состоится плебисцит, поддержала распространение его и на территории, на которых проживают венгры[151].

На следующий день Виллани прислал в Будапешт большое донесение о состоявшейся 16 сентября его встрече с Чиано, посвященной, в частности, вопросу о том, каким путем разрешится чехословацкая проблема, и рассмотрению ситуации в мире. Тогда Чиано еще не знал о результатах германо-английских переговоров, об известной позиции югославов (венграм первыми не выступать, ибо в таком случае они будут приспосабливаться к Италии)[152].

В шифрограмме от 20 сентября Чиано информировал венгерскую сторону о предложении Англии, которое содержит только удовлетворение требований германской стороны, а на Польшу и Венгрию не распространяется. В этой ситуации Муссолини советовал венграм использовать все средства и настойчиво и громко говорить о своих претензиях. Он обещал

inslav

поддержку итальянского правительства Венгрии в их удовлетворении по максимуму. На вопрос, чего требует Будапешт, Виллани ответил: восстановления старых границ. Чиано особое значение придавал восстановлению общей польско-венгерской границы. Он вновь рекомендовал в случае решения чехословацкой проблемы вооруженным путем выждать несколько дней после наступления германских войск, так как тогда не нужно будет считаться с возможным участием Югославии. В противном случае это не исключено. В связи со слабой противовоздушной обороной Будапешта Чиано предлагал направить туда итальянские самолеты[153].

Заметим, кстати: накануне встречи канцлера Германии с премьер-министром Великобритании, состоявшейся 22 сентября в Годесберге, Каня информировал венгерских посланников в Берлине (о чем шла речь выше), а также в Лондоне и Риме о том, что Гитлер уже знает о намерении руководства Венгрии действовать более решительно[154].

22 сентября руководитель МИД Венгрии просил посланника в Риме передать итальянскому правительству «самую большую признательность» за действенную поддержку в «достижении максимума». Он напомнил, что хортисты в течение многих недель везде настойчиво заявляют о своих требованиях. «Теперь, – продолжал он, – когда чешское правительство приняло англо-французское предложение о решении судетского вопроса, мы требуем без всяких дальнейших переговоров вновь присоединить территории, населенные венграми, и сверх того, просим предоставить для рутен и словаков полное право на самоопределение»[155].

В тот же день Виллани передал итальянцам сообщение о вручении Венгрией ноты Праге. По его утверждению, Муссолини и Чиано «полностью солидарны с нами» и настаивают на исчерпывающем решении проблем. Итальянский министр пообещал венгерскому посланнику немедленно сказать английскому послу, что Италия «гарантирует новые границы Чехословакии» только после того, как Польша и Венгрия получат свои доли. Чиано вновь рекомендовал венграм выступать решительно, но до начала акции не давать повод двум остальным государствам Малой Антанты для вовлечения в акцию. По-видимому, Румыния помышляет об интервенции, но переоценивать это не следует, даже хотя бы из-за ее союза с Польшей. Чиано передавал Кане заверения в своей симпатии и поддержке[156].

23 сентября Виллани телеграфировал в Будапешт, продолжая сообщать о сведениях, полученных в МИДе Италии. В частности, о позиции Румынии. Например, румынский посланник, «словам которого не совсем можно верить» (по замечанию Чиано), заявил: «1. Правительство Румынии признает, что земли Чехословакии, населенные венграми, вновь могут

inslav

быть присоединены (к Венгрии. – *А. П.*), однако порабощение словаков изменило бы равновесие сил, что не удовлетворяло бы Румынию. 2. Венгерское нападение на Чехословакию (означало бы. – *А. П.*) casus foederis (начало войны в защиту союзника. – *А. П.*). 3. В случае польско-русского или польско-чешского конфликта Румыния по сравнению с иными обязательствами на первое место ставит союз с Польшей»[157].

Располагая такой информацией из Рима, венгерский МИД предложил премьеру Имреди обратиться непосредственно к Б. Муссолини с посланием. Тот передал его через военного атташе в Риме, имевшего доступ к дуче в обход Чиано. Атташе Л. Сабо 28 сентября телеграфировал в генштаб Венгрии о выполнении поручения Имреди и передал ответ Муссолини на послание, сгруппированный в 12-ти пунктах: дуче высказал свое мнение, согласно которому, если не произойдет чудо, то Гитлер 65-ю дивизиями и с помощью авиации разгромит Чехословакию. Тесное военное сотрудничество Франции, Англии и России трудно осуществимо. Венгрия поступит хорошо, если вмешается только после успеха немцев и поляков. Англия и Франция тесно работают с Малой Антантой. В Югославии проходят демонстрации оппозиции против Италии и Германии. «Бедные славяне».

Муссолини советовал Венгрии не аннексировать Словакию и заявить, что она хочет «освободить только венгров», а словаки пусть сами решают вопрос о своей судьбе. Малая Антанта это стерпит, но занятие всей Словакии пока невозможно. В ближайшие дни, по словам Муссолини, начинаются итало-германские переговоры о военном сотрудничестве. Германия при нападении на Чехословакию в отношении Англии поведет себя пассивно, уступит ей инициативу, учитывая мировое общественное мнение. Муссолини заявил, что желает остаться искренним ходатаем и покровителем венгерского дела[158].

В венгерский МИД поступали сведения из разных источников о поведении Югославии в случае возможного участия Венгрии в нападении на Чехословакию. Приведем сохранившиеся в дипломатических документах данные, отражающие непосредственные контакты двух сторон в эти кризисные, критические дни сентября 1938 г.

Венгерский посланник в Белграде (с июня) Дьердь Бакач-Бешшеньеи 16 сентября информировал К. Каню о сведениях, полученных от немецкого посланника в Будапеште О. Эрдманнсдорфа, который доверительно сообщил информацию, переданную адъютантом Гёринга Карлом Боденшацем о недавней встрече герцога-регента Павла с генерал-маршалом Гёрингом, и пообещал ему: Югославия останется нейтральной и в том случае, если Венгрия активно вмешается в возможную чехо-германскую войну. К этому

inslav

времени и начальник кабинета министра иностранных дел И. Чаки был информирован об этом через венгерское посольство в Берлине[159].

Поскольку это были обещания, данные главой государства, венгерский МИД пытался перепроверить их через германского посланника в Белграде Виктора Хеерена, но тот сказал, что так как между регентом и Гёрингом дружеские отношения, то они общаются в обход германского МИДа, поэтому сведений у него нет.

21 сентября венгерский министр иностранных дел К. Каня дал указание посланнику в Белграде Д. Бакачу-Бешшеньеи в связи с заявлением Стояниновича о дружественных намерениях в отношении Будапешта на предстоящей встрече с ним, передать ему, что и Венгрия испытывает к Югославии дружественные чувства.

При благоприятном течении обмена мнениями со Стояниновичем Каня поручил посланнику заявить премьер-министру, что «мы бледское соглашение при условии взаимности в югославо-венгерских отношениях считаем окончательной договоренностью и в этом духе желаем направлять нашу политику, касающуюся Югославии»[160]. Он просил также в осторожной форме выразить венгерскую точку зрения, согласно которой пришло время начать политические переговоры, давно уже запланированные.

Кроме того, Каня только для информации сообщил посланнику сведения, полученные из совершенно доверительного источника о том, что министр иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнен несколько раз беседовал в Женеве с генеральным секретарем министерства иностранных дел Югославии Иво Андричем, который, по мнению Комнена, разделял взгляды румын, полагающих, что присоединение Словакии к Венгрии недопустимо, ибо любое несвоевременное вмешательство венгров в Чехословакии, может втянуть как Югославию, так и Румынию в войну[161].

22 сентября Бешшеньеи информировал министра о выполнении этого поручения. Согласно его донесению, М. Стояинович без колебаний решительно заявил о своей радости по поводу заявления венгерского правительства, свидетельствующего о единстве взглядов двух стран, ибо и он соглашение в Бледе считает окончательным и свою политику в отношении Венгрии желает определять исходя из него.

Но Стояинович просил венгерского дипломата выяснить позицию Венгрии по Румынии, считает ли правительство названное соглашение окончательным и по отношению к этой стране? И довела ли венгерская сторона свою точку зрения до сведения Бухареста, если нет, то пусть ему об этом сообщат, и он известит румын[162].

На запрос Бешшеньеи К. Каня поручил ему сообщить Стояиновичу, что Венгрия склонна и в отношении Румынии считать соглашение в Бледе окон-

inslav

чательным, «естественно, только на основе взаимности». И как бы между прочим он напомнил, что еще перед бледской конференцией его постоянный заместитель Г. Апор заявил румынскому посланнику в Будапеште Р. Босси, отправлявшемуся в Блед: если там будет достигнуто соглашение, то с венгерской стороны оно будет рассматриваться как джентльменское. Каня дал указание посланнику в Бухаресте сообщить министру иностранных дел Румынии о вопросе Стояниновича и ответе Венгрии на него[163].

Когда венгерский посланник в Белграде, разразившись длинной тирадой, разъяснял югославскому премьер-министру, почему Венгрия требует от Чехословакии восстановления исторических границ, последний, улыбаясь, заметил, что понимает позицию венгерского правительства.

Не имея на это полномочий, Бешшеньеи напомнил Стояниновичу о том, о чем в то время широко писала пресса: после Бледа Югославию оккупируют только друзья (в том числе и Венгрия). Премьер-министр ответил, что констатация этого всего лишь отражает реальное положение. Он сказал о стремлении установить хорошие отношения с венграми и внутри страны и о том, что желал бы вступления как можно большего их числа в Объединенную партию Югославии еще до выборов. Стояинович обещал позаботиться о том, чтобы местные венгры (чьей лояльностью он вполне удовлетворен) на выборах получили такого представителя, который полностью бы соответствовал их интересам.

Несмотря на хорошее настроение и оптимизм Стояиновича, и инструкцию своего министра венгерский дипломат не завел разговор о «наступившем часе начать давно запланированные политические переговоры»[164].

26 сентября Бешшеньеи прислал Кане шифрограмму в трех частях. В ней он сообщал о беседе с генеральным секретарем МИД Югославии И. Андричем. Стояинович проинформировал секретаря о диалоге с ним, итогом которого премьер и министр иностранных дел остались полностью довольны. Дружественный характер контактов двух стран позволяет их политикам общаться со взаимной откровенностью, сказал югославский дипломат, и поэтому он чувствует себя вправе сообщить: премьер-министр, несмотря на давление на него из-за рубежа и внутри страны, желает продолжать дружественную по отношению к венграм политику. Но трудность для него представляет то обстоятельство, что теперешнее ревизионистское движение в Венгрии не щадит и Югославию. В качестве примера И. Андрич сослался на выступление епископа Задравеца, который якобы упоминал Бачку и Банат[165]. Венгерская сторона решительно отвергала такое утверждение: «Серьезный человек такого рода заявления не делал и не будет делать»[166].

inslav

Генеральный секретарь югославского МИД сообщил о возможности значительного облегчения отношений Стояниновича с оппозицией, что особенно важно перед выборами, если со стороны Венгрии Югославии не будут предъявляться ревизионистские требования, и если прозвучит хотя бы одно заявление авторитетного деятеля об этом.

Кроме того, И. Андрич информировал Бешшеньеи о консультациях между югославским премьером и министром иностранных дел Румынии. Министр Комнен очень нервно следит за развитием событий и особенно его беспокоят притязания Венгрии на всю Словакию. Он хотел склонить собеседника к совместному заявлению протеста Будапешту в связи с такими требованиями. Стояниович ответил: желание Венгрии заполучить своих соотечественников в пограничье Чехословакии считает естественным. Требования о территориях, населенных словаками и рутенами, не соответствуют этническому национальному принципу, однако он пока считает несвоевременным ставить этот вопрос перед Будапештом[167].

Далее в указанной шифрограмме говорилось, что собеседник венгерского посланника обращал внимание на опасность дальнейшего распространения Германии «для всех нас» и высказал пожелание: Венгрии следует достичь соглашения с Чехословакией путем прямых переговоров без германской помощи[168].

Стояниович, по словам Андрича, мог бы попытаться посоветовать Праге добровольно и мирно уступить территории, населенные венграми, если бы он знал минимальные требования венгров и они не распространялись бы на словацкую территорию и общую польско-венгерскую границу и был уверен, что Будапешт не дезавуирует его[169].

Бешшеньеи обещал своему собеседнику немедленно передать правительству сказанное и добавил: на его взгляд, венгерское правительство в отношении территорий, населенных венграми, предъявляет такие же требования, как и Германия к Судетам. Словакам же нужно предоставить возможность самим решить вопрос о своей государственной принадлежности, а в отношении общей польско-венгерской границы посланник сказал, что это не только венгерское, но и польское пожелание, осуществление которого зависит от предстоящих обстоятельств. Он также высказал такое мнение: он не верит, что если бы Германия наложила руку на словацкие и рутенские территории в случае ее победоносной войны против Чехословакии, это послужило бы равновесию в Центральной Европе[170].

По получении донесения Бешшеньеи о беседе с Андричем, К. Каня направил ему 28 сентября строго секретное указание посетить генерального секретаря югославского МИДа и сообщить ему о несоответствии

inslav

действительности заявления: якобы не пощадили и Югославию в связи с оживлением ревизионистского движения в Венгрии. Что касается пожелания (заявить об отсутствии у венгров территориальных претензий), то Стоядинович должен иметь ясное представление о совершенно прозрачной позиции венгерского правительства. В Венгрии существует общественное мнение, с которым нужно считаться и которое с трудом могло воспринять заявление, не включавшее возможное вознаграждение.

По этому поводу К. Каня внес предложение, чтобы югославский премьер-министр в заявлении сам сослался на окончательное и имеющее обязательную силу бледское соглашение. Пусть Стоядинович заявит: это соглашение означает, что вооруженное нападение Венгрии на Югославию при любых обстоятельствах исключено и что ответственные венгерские государственные деятели вновь подчеркнули, какое значение они придают венгеро-югославской дружбе. Затем такое заявление премьер-министра «мы сопроводили бы в венгерской печати очень теплыми и дружественными комментариями»[171].

Сказанное Комненом (в беседе с Андричем в Женеве) Каня откомментировал так: в вопросе территории, населенной венгерским меньшинством в Чехословакии, Венгрия не просит ничего, кроме применения тех же принципов, что и при рассмотрении проблемы немецких территорий, и еще венгерские правители просили признания права на самоопределение для словацкого и рутенского народов. Каня кривил душой, когда утверждал, что якобы венгры руководствуются не аннексионистскими намерениями по отношению к этим двум национальностям, а исключительно преследуют цель, чтобы теперь, когда идет речь о реконструкции Чехословакии, она бы осуществилась в соответствии с волей всех проживающих там национальностей. Далее он просил сообщить Андричу: это венгерское требование поддерживают немцы, итальянцы и поляки, которые, как известно, требуют тотального упорядочения; данные требования не стоят на пути венгеро-югославского сближения.

Венгрия информировала Польшу о позиции Югославии. 28 сентября 1938 г. в Варшаве посланник А. Хори, побывав в МИДе, передал начальнику кабинета министров иностранных дел графу Михалу Любеньскому следующее: Андрич, по поручению Стоядиновича, пригласил барона Бешшеньеи и выразил тревогу правительства Югославии, вызванную претензией Венгрии на территории, населенные венграми, а также и словаками, и русинами. И по поручению премьер-министра сообщил Кане: если правительство Венгрии даст заверения безопасности правительству Югославии и конкретизирует, на какую часть терри-

inslav

тории Чехословакии претендует, и если эти аспирации не относятся к территории, населенной словаками или русинами, то Стоядинович готов посредничать в Праге для поисков пути возвращения Венгрии территории, населенной венграми.

Хори просил польское правительство разъяснить в Белграде, что у Будапешта нет территориальных претензий к Югославии, и в отношении словаков и русин он настаивает только на предоставлении им права свободного выбора[172].

Он также информировал К. Каню о переговорах со словацкими сепаратистами и об ответе Тисо, истолкованном венгерской стороной как их готовность войти в состав Венгрии. Но последующие события развеяли венгерские иллюзии.

3. Венгрия и Польша

Еще не улеглись страсти, еще не пришло в себя общественное мнение стран Европы, ошеломленное ликвидацией самостоятельности Австрии и ее оккупацией гитлеровскими войсками с последующей аннексией, как стал стремительно развиваться кризис вокруг Чехословакии.

В дипломатических кругах чехословацкая проблема обсуждалась и раньше. Так, 18 января 1938 г. французский посол в Варшаве Леон Ноель в беседе с венгерским посланником А. Хори намекнул о готовности ЧСР сгладить противоречия с Венгрией, а последний поделился этим с заведующим политическим отделом МИД Польши Тадеушем Кобылянским. Тот заметил, что Прага вынуждена будет пойти на далеко идущие уступки судетским немцам, а это повлечет за собой и упорядочение венгеро-словацкого вопроса. Праге придется, считал польский дипломат, хочет она или нет, стать на такой путь, который «в конечном итоге... приведет к распаду» государства[173].

16 марта Хори сам вел беседу с Ноелем о событиях, связанных с аншлюсом Австрии. По мнению посла, идея реставрации Австро-Венгрии Францией расценивалась как сомнительная, но она провалилась из-за сопротивления Югославии, а причиной событий в Австрии стала позиция Италии, действовавшей в угоду Берлину[174].

Еще до аншлюса Хори шифрограммой информировал К. Каню о взглядах Ю. Бека на решение проблемы Чехословакии. Он считал ее важной из-за того, что чехи видят в Карпатской Украине опорную базу Советского Союза, а советско-чехословацкие отношения угрожают ин-

inslav

тересам Польши. Эта же опасность существует и для Венгрии. Бек предлагал привлечь к переговорам специалистов[175].

Пятого марта Ю. Бек, принимая вечером венгерского посланника, сообщил: в ходе переговоров в Берхтесгадене с Гитлером, последний выяснял позицию Польши в связи с Чехословакией. Венгерский посланник считал необходимым для решения чехословацкой проблемы создание венгеро-германо-польской кооперации. А если бы с целью установления равновесия после аншлюса была осуществлена польско-венгеро-югославо-итальянская комбинация сотрудничества, то вообще с ее стороны Германию ждала только дружественная политика[176].

К 23 марта Бек добился «согласия всех политических факторов» для дальнейшего развития венгеро-польского сотрудничества. Министр иностранных дел Польши желал установить с Венгрией тесные политические и военные отношения и достичь единства действий польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии, как передал по телеграфу Хори на следующий день К. Кане[177].

Каким представлял себе в то время положение в Венгрии посланник Польши Л. Орловский?

26 марта 1938 г. он направил в Варшаву два донесения об экономических и политических последствиях аншлюса для Венгрии. По мнению посланника, изменение позиции Италии (опора на ось Берлин–Рим) и ее отказ от Римских протоколов причинили Венгрии немало вреда. Ибо последняя была заинтересована в сохранении независимости Австрии «из-за возможности позволить себе не подчиниться немцам». Венгрия потеряла ценного партнера, на которого всегда могла рассчитывать, который был для нее выгодным мостом связи с Италией и Западной Европой, а также барьером перед давлением Германии.

В новой ситуации, писал Орловский, Венгрия сможет провести в отношении ЧСР ревизию Трианона, считая, что без Словакии для нее нет безопасного будущего. Быстрое решение Гитлером австрийского вопроса давало венграм надежду и на прогресс в чешском вопросе, что для них означало получение Словакии и установление общей границы с Польшей.

Обобщая высказывания министров, политиков, сообщения в прессе польский дипломат видел в качестве одного из основных постулатов внешней политики Венгрии дальнейшее улучшение отношений с Польшей: «В опоре на Польшу венгры ищут определенный противовес... расширяющемуся влиянию Германии в Центральной Европе». Развивая эту мысль, Орловский резюмировал: венгры не должны забывать – их прямое соседство с гитлеровской Германией для них самая большая непри-

inslav

ятность. Но, не желая вводить в заблуждение Варшаву, он отметил, что К. Каня на заседании парламентских комиссий упомянул Польшу среди друзей только после Германии и Италии, правда, подчеркнув: «... но отношения с которой заслуживают сердечности»[178].

27 марта МИД Польши передал в Будапешт: самой важной задачей польской дипломатии будет осуществление влияния на Югославию и Румынию в пользу Венгрии (убедить их не выполнять союзнические обязательства в случае венгеро-чехословацкого конфликта)[179].

На следующий день министерство информировало венгерское посольство в Варшаве: для польского национального меньшинства в Чехословакии оно требует таких же прав, какие будут предоставлены Прагой немецкому меньшинству и словакам. Акции, связанные с Карпатской Украиной, Польша уступает Венгрии, для чего МИД предлагал провести предварительные переговоры польского консула в Ужгороде с Бакач-Бешшеньеи и Патаки, которые могут состояться в Вене[180].

Будапешт через Варшаву получил информацию от своего посланника о беседе с послом США, по мнению которого в случае чехословацко-германского конфликта Чехословакия распадется и без войны[181].

О намерениях Венгрии в отношении Словакии и Подкарпатской Руси дает представление письмо К. Кани Ю. Беку от 5 апреля. В нем он писал о параллельной деятельности Объединенной венгерской партии со словацкими автономистами, утверждая, что это сотрудничество постоянно развивается. Каня тогда планировал получить всю Словакию и Закарпатье. Он выражал уверенность, что против этого Бек, так же, как и Гитлер возражать не будет[182].

Произошедшая весной 1938 г. смена власти во Франции была на руку венгерским и польским политикам. 10 апреля пало правительство Леона Блюма, а пришедшие к власти Э. Даладье и Жорж Бонне полностью порвали с политикой Народного фронта. Они стали одобрять политический курс Англии и стремились вместе с ней направить агрессию Германии на Восток.

На подготовку решения проблемы Чехословакии проливает свет и донесение венгерского военного атташе Белы Лендьела из Варшавы начальнику генерального штаба в Будапешт о беседе с начальником польской военной разведки и контрразведки полковником Тадеушем Пелчинским от 8 апреля. По мнению последнего, успех военного разгрома Чехословакии будет обеспечен внезапным выступлением немецких дивизий. В отношении русских он полагал: их пехотные соединения не смогут участвовать, а с воздушной помощью их ЧСР нужно считаться[183]. В тот же день А. Хори

inslav

доносил о полученных сведениях из Румынии: последняя ни в коем случае не пропустит советские войска на помощь Чехословакии[184].

Относительно словаков и русин Пелчинский уже тогда высказал мысль: им придется самим, путем референдума, решать вопрос о своей принадлежности. Польша не будет брать на себя роль зачинщика, но и не допустит, чтобы у нее из-под носа немцы увели такой лакомый кусок, как Остравский угольный бассейн, поэтому вслед за началом германских действий, она постарается оккупировать его[185].

27 апреля А. Хори писал К. Кане о просьбе министра иностранных дел Ю. Бека и начальника политического отдела польского МИД Т. Кобылянского информировать их о венгерских связях со словаками с целью согласования совместных действий. Когда посланник заявил о контактах венгров со словацким Национальным советом, польские дипломаты, считая его маловлиятельным, рекомендовали действовать через партию Андрея Глинки в Словакии[186]. Позднее, в начале мая, Кобылянский уточнил, с кем следует вести переговоры: только с доверенными лицами Глинки и Кароля Сидора[187].

Четвертого мая К. Каня дал указание А. Хори сообщить Беку, что немцы хотят избежать вооруженного столкновения в Чехословакии до завершения строительства укреплений на Рейне, но в интересах быстрого решения чехословацкого вопроса надеются на помощь военных сил Польши. Он также просил выяснить у министра, имеется ли у Польши договоренность с Германией об этом, и предложить в ближайшее время начать военные переговоры между генеральными штабами венгров и поляков[188].

Венгерский посланник в Варшаве сначала решил прозондировать эту проблему у Кобылянского, заявив ему, что считает действия германцев по чехословацкому вопросу чрезмерно медленными, и спрашивая, нельзя ли с помощью польской стороны ускорить их темп. Он вновь намеревался узнать: имеются ли контакты между Варшавой и Берлином в военных делах. Ответ был отрицательным[189].

В эти дни венгерские и польские дипломаты выясняли, кто из них претендует и на какую часть в случае распада Чехословакии. Сначала (9 мая) Хори поднял вопрос, ссылаясь на разговоры в Варшаве, в том числе и среди офицеров, согласно которым при распаде ЧСР Польше отошла бы и часть Словакии. Т. Кобылянский ответил: поляки, мол, преднамеренно не пресекали такие заявления, ибо не хотели преждевременно раскрывать свои карты; слухи нужны были для создания античехословацких настроений[190].

Еще 7 мая на запрос посланника в Чехословакии Я. Веттштейна из венгерского МИДа в Прагу поступила информация о намерениях пра-

inslav

вительства, в случае получения Словакии и Закарпатья, обеспечить автономию не только словакам, но и русинам, причем словакам и в том случае, если Словакия будет возвращена Венгрии и военным путем. Об этом венгры известили германское и польское правительства[191].

Венгерскими планами интересовался и польский генштаб. 10 мая Кобылянский через посланника Будапешта запросил срочную доверительную и точную информацию: в случае раздела Чехословакии, какими были бы границы Венгрии? Как он определит границы автономной Словакии и Закарпатья в случае предоставления ему автономии и каковы будут его границы? Хори тут же сказал Кобылянскому: в случае распада Чехословакии Венгрия «претендует на исторические границы», о чем многократно заявляло венгерское правительство[192]. Ответ К. Кани был также предельно кратким: «Венгрия претендует на современную Словакию и Русинию...», однако «за исключением небольших территорий, относящихся к Польше»[193].

Отвечая Варшаве, К. Каня поручил А. Хори сообщить Ю. Беку о будущих границах предполагаемых автономных территорий: при определении границ между Венгрией и ними, а также между ними мы намерены стремиться к тому, чтобы они в основном совпали с языковыми границами. Когда неделю спустя временный поверенный в делах Венгрии Йожеф Криштоффи сообщил об этом Кобылянскому, тот выразил удивление по поводу намерения предоставить автономию и русинам; по его мнению, оно необоснованно, поскольку их «национальное самосознание неразвито». За этим скрывалась боязнь польского правительства, что подобные требования выдвинут жители Восточной Галиции.

Венгерский историк Эндре Ковач в рассмотренных запросах генштаба и МИДа Польши видел «некоторое недоверие» из-за возросшего аппетита венгров – не захотят ли они заполучить и те небольшие территории, которые в 1918 г. были включены в состав Польши.

В связи с предлагаемым Польшей форсированием подготовки действий против Чехословакии Англия пыталась умерить пыл пилсудчиков, заверяя, что их претензии смогут быть удовлетворены (и без нагнетания обстановки). Но совещание в Варшаве на самом высоком уровне (с участием президента Польши И. Мосьцицкого, Эдварда Рыдз-Смиглы, Ю. Бека, Юлиуша Лукасевича и Ю. Липского) решило продолжать прежнюю политику[194].

Между тем 14 мая 1938 г. сторонники Иштвана Бетлена посадили в кресло премьер-министра Венгрии Белу Имреди. Общественное мнение и основные политические круги надеялись со сменой правительства на некоторый отход от тесного венгеро-германского сотрудничества.

inslav

Это произошло накануне первой немецкой угрозы разгрома Чехословакии военным путем. Гитлер с 15 мая начал концентрацию на границе с ЧСР значительных воинских контингентов. Была развернута дикая нацистская пропаганда по радио и в печати. Так возник майский кризис. Сосредоточение войск происходило и на венгерской границе. 20 мая Чехословакия ответила частичной мобилизацией. Германия получала информацию о возможной помощи ЧСР со стороны ее союзников. И несмотря на то что Франции не удалось добиться, чтобы Польша решилась на демарш перед Берлином, Гитлер дал отбой. Военное нападение отложено. Но в конце мая канцлер издал директиву, согласно которой в случае нападения на Чехословакию нужно считаться с сотрудничеством Польши и Венгрии, однако решение чехословацкой проблемы вооруженным путем в ближайшее время не может произойти[195].

После майского кризиса была сформулирована новая польская внешняя политика – действовать вместе с Третьей империей для развала Чехословакии. Об этой новой тактике А. Хори сообщал К. Кане: польская общественность обеспокоена, германскую политику здесь не считают искренней. Германия желает решить чехословацкий вопрос исключительно в свою пользу и, естественно, не поддерживает «идею общей польско-венгерской границы»[196].

Выступая на конференции в варшавском Замке, Ю. Бек охарактеризовал ситуацию в Европе следующим образом: в случае нападения Германии Чехословакия не сможет защитить себя, а западные страны не окажут ей ни материальной, ни моральной помощи. Советский Союз не выступит в защиту ЧСР, ограничится только политической демонстрацией (из-за слабости Красной Армии вследствие «чистки» офицерского корпуса). Польша может осуществить свои политические цели, опираясь на Германию, но не станет зачинщиком, а выступит через 24 часа после начала конфликта[197]. В то же время она сохранит связи с Францией и Англией.

20 мая польский посланник в Будапеште Л. Орловский (имея в виду важность информации для своего МИДа) доносил в Варшаву: еще во время поездки Гитлера в Рим начали циркулировать слухи о разделе сфер влияния в Восточной, Южной Европе и на Балканском полуострове, согласно которым Чехословакия, Венгрия и Румыния попали в германскую сферу влияния, а Италия установила свою – частично на Балканском полуострове и в Югославии в целом. Когда парижская газета «Матэн» сообщила о полном переходе Венгрии под влияние Германии, Агентство Стефани опровергло это утверждение, считая его беспочвенным.

inslav

В связи с этим Л. Орловский встретился с итальянским посланником в Венгрии Л. Винчи, который заверял: Италия и далее непосредственно заинтересована как в Юго-Восточной Европе, так и в Балканском полуострове. Он сказал о полученной из Рима инструкции поблагодарить бывшего премьера К. Дарани за лояльное сотрудничество с Италией и заверил нового – Б. Имреди в том, что Муссолини испытывает к Венгрии самые лучшие чувства и что итальянское правительство готово продолжать сотрудничество с ней на прежних основах. Он решительно подчеркнул: «Нет никаких решений об уходе итальянских интересов из Венгрии»[198].

В директиве Гитлера вермахту от 30 мая 1938 г. говорилось о его решимости «в обозримый период» разгромить Чехословакию военным путем и о намерении побудить к этому и те государства (прежде всего Польшу и Венгрию), которые имеют к ЧСР территориальные претензии.

Венгерский посланник в Варшаве А. Хори имел 13 июня беседу с начальником кабинета министра иностранных дел Польши Михалом Т. Любеньским, заявившим о намерении его правительства обеспечить себе свободу действия. Он считал, что Франция своей политикой загонит чехов под германскую гегемонию. А вассальная от Германии Чехословакия «была бы весьма вредной и для венгеро-польских интересов». Ибо, рассуждал он, чешский коридор, имея в виду Закарпатье, всегда можно разрушить, но если «между нами вклинится» сильная Германия, то Польша не сможет протянуть руку помощи Венгрии. Поэтому, кроме возвращения территории, и «этот интерес Венгрии уже связан с общей границей»[199].

Хори в ответ на это заявление, в свою очередь, добавил: в чешском вопросе подобно нам заинтересованы и поляки. Он сказал: «Польша сейчас сидит в настоящей клетке. С востока Россия, на западе немецкая империя, с юга современный чешско-русский коридор окружают ее». Поэтому она вообще не может вести политику великой державы, более того, ее политическая активность ограничена этим узким кругом. «Если будет прорван разделяющий нас коридор (т. е. Закарпатье достанется Венгрии. – *А. П.*), то Польша станет активным фактором в Центральной Европе и на Балканах... Без общей границы растущий политический и экономический вес усиленно давил бы на Польшу, и поскольку она не сможет ориентироваться на Россию, то попадет в кабалу к Германии»[200], – утверждал венгерский дипломат.

Любеньский в связи с этим вопросом сообщил о понимании английским послом Ховардом Кеннардом (с ним он недавно беседовал) замысла создания нейтрального пояса Север–Юг (он аналогичен идее Бека о

inslav

«третьей Европе» – «от моря до моря» или плану горизонтальной оси Муссолини, от которого дуче фактически уже отказался).

Венгерский МИД беспокоили некоторые моменты, в частности оттягивание (на две недели) визита Р. Андорки в Варшаву и др., и К. Каня просил А. Хори понаблюдать, не отходят ли поляки в последнее время от кооперации с венграми, и сообщить ему об итогах наблюдения[201]. Тогда еще не было ясно, в какой мере Польша и Венгрия готовы участвовать (в формате военных действий) в случае германской агрессии против Чехословакии, равно как и то, каковы будут их представления о дальнейших венгеро-польских отношениях в случае возникновения войны.

К этому времени относятся попытки согласования венгерских и польских взглядов. Но поскольку не были определены политические цели, Варшава считала невозможным приступать к военным переговорам. В польском руководстве усиливалось впечатление, что Венгрия стремится уклониться от военного участия в решении чехословацкого вопроса. Выполняя просьбу Кани, А. Хори сообщал, что в беседе с Беком сразу после возвращения из Будапешта он спросил его (не имея инструкции по этому вопросу) о польско-венгерском сотрудничестве: желает ли Польша идти прежним путем и в будущем. Министр ответил положительно. И в результате другой беседы – с М. Любеньским у него не создалось впечатления «якобы поляки желали бы ослабить существовавшие до сих пор очень тесные отношения». И беседа с Кобылянским, состоявшаяся 4 июня, подтверждает, что поляки «не хотят менять интимности в коллаборации» с Венгрией.

Однако все-таки посланник добавил: совместная антинемецкая пропаганда Праги и Москвы не осталась без внимания в Польше. В общественном мнении сложилось впечатление, что развал Чехословакии служит исключительно интересам Германии. Присоединение судетских немцев еще более усилит империю, а опасного соседа сделает более опасным. При этом А. Хори уточнил: сказанное относится только к общественному мнению, а не к кругам, формирующим внешнюю политику[202]. В таком же духе 21 июня из Варшавы докладывал начальнику генштаба Венгрии и военный атташе Б. Лендьел[203].

В середине июня польской и венгерской сторонам пришлось выяснять и отношение обеих стран к Словакии. По поручению правительства Венгрии председатель Объединенной венгерской партии в Чехословакии Янош Эстерхази прибыл в Варшаву с целью добиться согласия правительства Польши на присоединение Словакии к Венгрии. Эстерхази заверял: Будапешт предоставит ей такие же права, какие обещает

inslav

Прага, территориальную автономию в рамках Венгрии, собственные парламент, вооруженные силы и валюту; от имени государства осуществлять контроль будет венгерский наместник. Бек согласился с тем, чтобы Словакия отошла к Венгрии при условии, что в Карпатах произойдет коррекция границы за Олзаном в пользу Польши.

По мнению историка Э. Ковача[204], переговоры Эстерхази – Бека стали поворотным моментом в позициях венгерского и польского правительств по словацкому вопросу. Польскую концепцию Словакии заменила венгерская. В ходе беседы Эстерхази не скрывал, что настроение словацкого населения вовсе не провенгерское, и придется еще приложить много усилий для завоевания словаков.

Согласно записи этой беседы, Бек полагал, что порабощение Чехии и Моравии Германией представляло бы для поляков большую опасность, поскольку географически они оказались бы в таком положении, «в каком сегодня находятся чехи»; а если бы Чехия и Моравия остались самостоятельным государством, то его можно было бы вовлечь «в сферу интересов Рим–Берлин–Варшава»[205] (Бек при этом подчеркивал – это его, министра, личное мнение, а не официальная точка зрения).

Между тем венгеро-польско-германское сотрудничество являло собой сплоченность довольно проблемную. Достоверными были, по словам Ковача, лишь претензии как польского, так и венгерского правительств на часть добычи и каждое из них пыталось свести риск к минимуму.

Сомнения К. Кани насчет позиции польского руководства А. Хори пытался развеять сообщением о консультациях в Варшаве 24 июня. По его мнению, поляки хотят не только сохранить контакты с Венгрией, но стремятся углубить их. Но польская сторона, всегда имея в виду «великую общую цель», рекомендовала хортистам упрочить свои позиции «в среде венгров Фелвидека», развеять подозрения словаков в отношении Будапешта, опубликовав проект предлагаемой им автономии и установив с ними контакты с целью завоевания на свою сторону населения Рутении. Для обеспечения успеха референдума предлагалось использовать тот способ, который Венгрия посчитает приемлемым.

Учитывая возможность решения проблемы Словакии (на которую поляки не претендуют за исключением нескольких сел на границе) и Закарпатья путем плебисцита, Польша вновь предложила Венгрии обменяться мнениями по этим актуальным проблемам, причем на первом этапе это был бы обмен информацией между венгерским консулом в Братиславе и польским в Ужгороде. Хори информировал Будапешт о том, что Германия намерена решить чехословацкую проблему до осени, а по-

inslav

ляки примут участие в комбинации в том случае, если будет избран насильственный путь, но только после выступления рейха. Однако от конкретных договоренностей Польша пока еще уклонялась, до выяснения общими усилиями позиции западных стран, планов Германии и расстановки внутренних сил в Чехословакии. По всем этим проблемам предлагалось вести политические переговоры. После чего, по мнению Хори, «не будет препятствия и для более тесной технической коллаборации»[206].

В третьей декаде июня в поход отправился начальник отдела военной разведки министерства обороны Венгрии полковник Р. Андорка. 21 июня в Берлине он встречался с генералом Куртом Типпельскирхом, квартирмейстром IV отдела учета германского генштаба сухопутных войск, а затем адмиралом Вильгельмом Канарисом, начальником абвера (разведки и контрразведки) германского генштаба. Там он предложил (имея информацию из Варшавы об отсутствии контактов между военными ведомствами Германии и Польши по просьбе Чехословакии) свое посредничество, но оно было отклонено немецкой стороной, хотя раньше Канарис и высказывал такое пожелание. Перемену адмирал мотивировал тем, что военные и военно-политические германо-польские отношения отнюдь недружелюбны. Причиной является наличие многих тяжелых нерешенных вопросов (национальные меньшинства, Данциг, коридор), и поэтому немцы вынуждены вновь в полной мере работать против Польши в области военной разведки.

В Варшаве первым его принял министр Ю. Бек. Как следует из отчета Андорки, они обсудили целый ряд международных проблем. Наконец полковник спросил, может ли он в беседе с начальником генерального штаба Польши ставить вопрос о совместных венгеро-польских военно-оперативных действиях. Бек ответил: пока еще имеется много не выясненных политических вопросов и практически нет возможности обсудить специальные вопросы совместных военных действий. После их решения поляки готовы вести переговоры и о них.

Беседа с начальником генштаба генералом Вацлавом Стахевичем проходила по тому же сценарию. По мнению Андорки, он был предварительно согласован с министром, поскольку оба употребляли даже одни и те же выражения. Венгерский гость сообщил собеседнику о дружественных отношениях с германскими военными, но между ними нет соглашения о совместных военных действиях, и поэтому руки венгерских властей свободны. Андорка спросил генерала, рассчитывает ли Польша участвовать в вооруженном выступлении против Чехословакии, если на нее нападет Германия, и с какими целями она примет участие в военных действиях. Стахевич ответил: Польша будет действовать

inslav

в соответствии с территориальными интересами. На его взгляд, бывшие венгерские земли Фелвидека следует разделить на две отдельные зоны. Первой была бы Русь (Подкарпатская), она поляков совсем не интересует, разве только в том плане, что там легче всего установить общую польско-венгерскую границу, которую они считают весьма желательной. Вторая зона – это территория, населенная словаками, составляющими нацию, и вопрос о судьбе Словакии решать нужно с ними.

Обсуждалось состояние обмена информацией, а также была выражена надежда участвовать в подходящее время в совместных военных действиях. В том же духе выяснение проблем проходило и во время обеда Андорки с начальником разведки и контрразведки генштаба полковником Т. Пелчинским.

Польские переговоры руководителя венгерской разведки завершились у посланника А. Хори беседой с Т. Кобылянским, заведующим политическим отделом МИД. Последний заверял собеседников, что Польша ни сейчас, ни в будущем не замышляет вести враждебную политику по отношению к Германии и более того, стремится к дружбе с немцами. Целью польских устремлений он считал создание зоны, точнее, пояса безопасности Север–Юг от Норвегии до Румынии, с загибом на восток до Анкары, исключая Чехословакию, которая в теперешнем виде должна исчезнуть, а Чехия и Моравия вошли бы в названный пояс.

В отношении Закарпатья польский дипломат заявил: Польша им не занимается, полностью считая решение о нем делом Венгрии[207].

В ходе переговоров венгров с поляками упомянутой выше проблеме обмена информацией придавали большое значение. Венгерский МИД был недоволен тем, как выполняется обещанное польской стороной. Посланник в Варшаве А. Хори сетовал на МИД Польши, который не информировал его правительство, хотя Кобылянский и мог это сделать, получив донесение своего посланника из Белграда. Речь шла о том, затрагивался ли в како-то мере венгерский вопрос на встрече Стояниновича и Чиано в Венеции 21–22 июня. Но он этого не сделал, хотя из высказываний югославского премьер-министра ясно, что Югославия вмешается в конфликт вокруг Чехословакии только в том случае, если Венгрия будет нападающей стороной. При этом Стояниович весьма скептически смотрит на будущее Чехословакии, и у него нет никакого желания вести войну в ее интересах, и он более всего был бы рад такой формуле, с помощью которой смог бы обойти обязательства в отношении Малой Антанты[208].

Летом 1938 г. польские правящие круги продолжали политику, направленную на сближение Румынии с Венгрией. На их пути было нема-

inslav

ло препятствий. В начале июля в Будапеште находился в отпуске венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти, который информировал министра Каню о своих впечатлениях от последних бесед в СССР, изменивших его прежние представления. Теперь он считал, что в советской столице наблюдается рост воинственных настроений и в случае германо-чешского конфликта нужно считаться с помощью чехам со стороны русских, обещающих поддержку не только авиацией, но и сухопутными войсками через Румынию. По мнению официальных советских деятелей, сообщал Юнгерт, последняя, заявив официальный протест, не станет применять силу в случае русского прохода, чтобы не вызвать вооруженный конфликт с Россией из-за того, что та направит через ее территорию небольшую армию на помощь чешскому союзнику.

Ознакомившись с этой точкой зрения, противоречащей сказанному Беком в отношении поведения России, К. Каня дал указание сообщить о ней польскому министру и поинтересоваться его мнением[209].

Желая узнать из первых рук о позиции румынского правительства в связи с его отказом пропустить советские войска, в Бухарест направились президент Польской республики И. Мосьцицкий и статс-секретарь МИДа Я. Шембек. В этом вопросе гости из Польши заручились обещанием. Но одновременно они хотели склонить румынское руководство к принятию венгеро-польского плана об установлении общей границы. Как отмечал Шембек в своем дневнике 30 июля, общая венгеро-польская граница уменьшила бы значение Румынии как союзника Варшавы. Поэтому беседа вокруг этого вопроса для принимающей стороны была не из приятных. В отношении Закарпатья в Румынии к этому времени уже вызрели свои планы. Тогдашнюю политику Комнена Шембек оценивал как определенное возвращение к традиционному курсу Титулеску с его ориентацией на Англию, Францию и Малую Антанту, т. е. это было отклонение от линии короля Кароля II. Отвечая на запрос Кани, временный поверенный в делах Венгрии в Варшаве Й. Криштоффи 16 августа писал: «В Румынии решающее слово за королем, который уже неоднократно заявлял о своей приверженности сближению с Венгрией»[210].

В августе и сентябре 1938 г., когда в Чехословакии находился лорд Ренсимен для изучения положения немецкого национального меньшинства, Венгрия и Польша координировали свои действия. Как только из Праги было получено сообщение о его миссии (касаться только немецкого меньшинства), и в Будапеште, и в Варшаве возникла тревога, связанная с вероятностью решения только судетского вопроса без учета польских и венгерских претензий. Обе стороны считали нужным уси-

inslav

лить деятельность в Словакии с целью привлечь внимание к положению венгерского и польского национальных меньшинств в Чехословакии и к своим претензиям в связи с этим.

Венгрия в то время начала своеобразную двойную, игру и это беспокоило Бека, связанного данным им словом – согласием на присоединение Словакии к Венгрии на условиях предоставления ей автономии. Министр не хотел отказаться от своей точки зрения. Начальник его канцелярии М. Любеньский в беседе с Хори подчеркнуто заявлял: никакое давление не сможет заставить Варшаву изменить свою позицию[211].

Ее польская сторона придерживалась и 24 августа, в беседе М. Хорти с послом Польши в Германии Ю. Липским. Тогда в Берлине обе стороны согласились с необходимостью более тесного венгеро-польского сотрудничества. При этом Липский рекомендовал Венгрии улучшить отношения с Румынией, чего добивалась и Германия. В тот же день Липский имел две встречи с Гёрингом, в ходе которых последний жаловался на «мягкость» венгров и сообщил, что Берлин предпринимает давление на Венгрию, требуя не заключения соглашения с Малой Антантой в целом, а отдельных договоренностей и с Румынией, и Югославией. В замен Германия пообещала Венгрии удержать Югославию от нападения. Немецкий министр выразил надежду, что Польша окажет влияние на Румынию в таком же духе. Он тут же информировал польскую сторону, что в случае военного конфликта Венгрия присоединится к акции. Липский заверял Гёринга: Варшава выступит против любой попытки втянуть ее в антигерманскую комбинацию; Словакии нужно дать автономию – или чехам или венграм. Гёринг заметил: венгры призваны дать словакам автономию. Липский раскрыл перед германским представителем свои намерения в отношении Закарпатья. Отняли его, сказал посол, у Венгрии с целью «связи Чехословакии с Советским Союзом»[212].

Из материалов этой неофициальной встречи Липского с Гёрингом вытекало: Польша поможет Берлину в разрушении Малой Антанты, сохранит нейтралитет в случае чехословацко-германского конфликта, а также может надеяться, что будут реализованы ее притязания на Силезию и на установление венгеро-польской общей границы.

Пятого сентября венгерский посланник в Варшаве А. Хори, стремясь установить более тесные отношения с Польшей, по поручению своего правительства предложил министру иностранных дел Ю. Беку заключить венгеро-польское джентльменское соглашение[213].

Восьмого сентября Бек информировал Хори о своем видении международной обстановки (войны пока не будет) и предложил вечером

inslav

вновь встретиться для обсуждения предлагаемого соглашения[214]. На этой встрече министр сообщил венгерскому дипломату о полученном им принципиальном согласии компетентного лица на заключение джентльменского соглашения, уполномочившего доложить об этом министру иностранных дел Венгрии. Соглашение в первую очередь выражало бы общие интересы обеих стран, относящихся к определенным проблемам, и в связи с этим предполагало бы и взаимные консультации для обеспечения политического сотрудничества. Хори обещал на следующий день вместе со статс-секретарем МИД Польши сформулировать его положения и немедленно предложить К. Кане[215].

Действительно, 9 сентября Хори и Шембек подготовили каждый свой вариант проекта. Шембек принял с небольшими изменениями вариант Хори и согласовал его с Беком. Подписания джентльменского соглашения не предусматривалось, польский министр изложил его текст венгерскому посланнику в устной форме, а передал в письменном виде.

Это был краткий документ, одобренный польским правительством. В нем шла речь о том, что у двух правительств в Центральной Европе имеются общие интересы, что они выражают пожелание поддерживать эффективное сотрудничество. Соглашение зафиксировало: если одно из двух государств посчитает нужным, то оба согласятся на меры, направленные на координацию их политики[216]. Пакет джентльменского соглашения министр иностранных дел Венгрии К. Каня принял без изменения и 10 сентября оповестил об этом польское правительство[217].

12 сентября Р. Андорка составил отчет о своей поездке в Варшаву, состоявшейся 7 сентября. На этот раз он опять беседовал с В. Стахевичем, а также с заместителем статс-секретаря польского МИДа Мирославом Арцишевским. Поднимал Андорка те же вопросы, что и во время своего визита 27 июня. В итоге этих бесед, пишет он, у него сложилась такая картина: руководящим деятелям Польши ясно, что чехословацкое государство в прежней форме удержаться не сможет. Они желали, чтобы в ходе преобразований были приняты следующие решения: часть немецких районов присоединить к Германии без развязывания европейской войны, Тешин, соответственно, – к Польше. По их мнению, Венгрии следует возвратить населенные этническими венграми территории и Руськую Краину со всеми русинами.

В контексте же польских интересов самым желательным было бы сохранение чисто чехо-словацкого государства, которое находилось бы под польским политическим влиянием. В случае европейской войны Польша не примет в ней участие как воюющая сторона. Она ограничи-

inslav

лась бы только оккупацией Тешинской области. Варшава искренне желает общей польско-венгерской границы, утверждал Р. Андорка, но пока «она не склонна к военному сотрудничеству с нами для достижения этой цели и сломе Чехословакии»[218].

14 сентября венгерский МИД был занят проверкой различной информации готовности Франции выполнить обязательства перед Чехословакией в случае агрессии Германии, а также в Варшаве венгры вновь уточнили позицию Румынии – пропустит ли она советские войска на помощь Чехословакии.

В Польше все это вызвало представление, что якобы Будапешт под влиянием событий в Западной Европе не надеется достичь политических целей и начал от них уклоняться. Шембек и Кобылянский пытались в связи с этим уверить Хори в том, что у Венгрии более благоприятное положение по сравнению с Германией, поскольку удовлетворение венгерских претензий не причиняло бы ущерба западным странам[219]. Но они не смогли развеять сомнений венгерских деятелей. Точки зрения Варшавы и Будапешта все более расходились.

15 сентября 1938 г., в день встречи Гитлера с Чемберленом в Годесберге, министру иностранных дел Венгрии К. Кане в Будапеште нанес визит польский посланник Л. Орловский, заявивший об окончательном вступлении, по убеждению Варшавы, в силу джентльменского соглашения между Венгрией и Польшей. Посланник высказал мнение, согласно которому Венгрия «слишком мягка» и не хочет представлять интересы районов проживания венгров в Чехословакии, применяя силу. Каня пытался успокоить польского дипломата, рассказал ему (по секрету) о мерах, уже принятых Будапештом, и заверил о готовности использовать любые средства для достижения цели. Орловский пообещал сказанное довести до сведения своего правительства и рекомендовать и ему использовать их.

Поскольку проблема прохода или пропуска советских войск через территорию Румынии на помощь Чехословакии постоянно беспокоила венгерский МИД, Орловский еще раз заверил его руководителя в том, что румынский министр иностранных дел Комнен решительно заявил: по вопросу о пропуске советских войск он не заключал никакого соглашения[220].

В тот же день польский министр иностранных дел Ю. Бек в беседе с венгерским посланником А.Хори просил правительство Венгрии «в эти решающие судьбу дни» «самым решительным образом требовать плебисцита в венгерском Верхнем крае», т. е. в Словакии и Закарпатской Украине[221]. Каня в свою очередь сообщал Беку: если будет принято предписание о плебисците в Чехословакии, то Венгрия потребует его проведения

inslav

и на территории проживания венгров. В шифрограмме об этой беседе приведены слова Бека: «Если Венгрия не откажется от своей сдержанности, то она упустит возможности, предоставленные историческим моментом». Когда Хори сообщил переданное ему Каней, Бек явно оживился и тут же пообещал выполнить еще одну просьбу венгерского МИДа – дать указание польской прессе поддерживать венгерские пожелания[222].

16 сентября Бек информировал венгерского посланника (с условием обязательного сохранения тайны) о том, что Гитлер не намерен захватить всю территорию Чехословакии. Если бы дошло до войны, наступление было бы осуществлено до линии, о которой сигнализировал полковник Андорка. Но это была бы только акция в интересах военных, и она не означала бы, что чешская территория занята с целью ее удержания[223].

В польском МИДе после встречи Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене предвидели возможность возникновения войны. В такой ситуации правительство Польши стремилось, как сообщил М. Арцишевский венгерскому посланнику Хори, «иметь ясное представление в отношении политических целей и намерений Венгрии». Поэтому оно просило немедленного четкого ответа Будапешта о том, решилась ли Венгрия на осуществление своих целей касательно Чехословакии и вооруженным путем, или же с какой целью и в какой мере готово венгерское руководство взять на себя ответственность за военную акцию. «Если венгерское правительство для достижения своих целей решилось на это, польское правительство готово заключить с Венгрией политическое соглашение и в случае необходимости дополнить его военным»[224], – сказал польский дипломат.

16 сентября Я. Шембек «информировал» венгерского посланника о «концепции» польского генштаба, согласно которой Венгрия могла бы начать наступление в направлении Закарпатья. Мотивировал он это тем, что именно там венгерская армия быстрее всего встретилась бы с польскими военными силами. Занятие Рутении и в политическом плане вызвало бы меньшее сопротивление. На вопрос Хори о действиях Польши Шембек ответил: после начала немецкого наступления одновременно с венгерской акцией Польша заняла бы окрестности Тешина и для прикрытия венгерского продвижения в Карпатах сконцентрировала бы соответствующее число дивизий. При этом она довела бы до сведения Белграда и Бухареста, что военные действия Венгрии осуществляются с предварительного согласия Польши[225].

В эти дни Будапешт информировал Варшаву о шагах, сделанных им в Лондоне, Женеве и Будапеште, чтобы добиться благосклонности английских властей в вопросе о поддержке плебисцита на населенных венг-

inslav

рами территориях в Чехословакии; в Риме (встречи венгров с Муссолини и Чиано); в Берлине (беседы Стояи с Гёрингом и письмо Хорти Гитлеру); а также о тех действиях, которые предпринимались в Словакии с целью склонить глинковцев на венгерскую сторону. На инициативу Польши о заключении политического, а затем и военного соглашения, К. Каня немедленно ответил согласием и предложил провести переговоры в Будапеште (до этого Бек заявлял, что их время и место зависят от пожелания венгерской стороны). О военных целях Венгрии сообщал Хори: они полякам известны (о них уже говорилось повторно) – это установление общей венгеро-польской границы и стремление достичь договоренности со словаками. Но ввиду неуверенности в позиции Югославии (венгерский МИД получал противоречивую информацию из-за рубежа) Венгрия готова участвовать в военной операции, однако только после начала ее немецкой стороной, и ни в коем случае не опережая ее[226].

Что касается вопроса о начале переговоров, то польская сторона предложила отделить их политический аспект от военного и последний обсудить в Будапеште, а политический – в Варшаве. Венгерская сторона с этим согласилась. Упреки правительства Польши в том, что якобы венгры с июня не информировали о ходе переговоров со словаками, Будапешт отвергал, считая, что по возможности это делал. Конкретнее не мог, ибо словацкие руководители, несмотря на обещанную им далеко идущую автономию в рамках Венгрии, не решались на ясную позицию. Они живут в ожидании получения широкой автономии от чехов, после чего и венгерскому меньшинству предоставили бы аналогичные права.

Каня обращал внимание Польши на то, что если решение чешского вопроса осуществится путем самоопределения, то Венгрия может требовать плебисцита только для территорий, населенных венграми, но, естественно, она будет всячески «поддерживать такие же возможные пожелания рутенов и словаков». Министр также просил польскую сторону оказать давление на словаков с целью убедить их в обреченности Чехословакии и на плебисците высказаться за принадлежность к Венгрии[227].

20 сентября 1938 г., в день встречи Гитлера с Чемберленом в Оберзальцберге, посланник Венгрии в Варшаве А. Хори направил министру иностранных дел К. Кане шифрограмму, содержавшую сообщение его польского коллеги Ю. Бека: сейчас нет возможности составить политическое и военное соглашение между Польшей и Венгрией – уже опоздали из-за быстрого развития событий, но достижение договоренностей в подходящих обстоятельствах не исключено. Бек заверял Будапешт в полной дипломатической и политической поддержке, но его цели изве-

inslav

стны ему только в общем, поэтому он считает необходимым взаимный обмен информацией[228]. Министр сообщал о концентрации польских воинских частей в районе Силезии и Тешина. В тот же день в беседе с Хори он заявил: акцию, проводимую в Словакии, Польша расценивает, как направленную на пользу Венгрии и впредь будет стремиться склонить словаков на сторону венгров[229].

Вскоре, 22 сентября, Ю. Бек дал инструкцию польскому посланнику в Праге и консулу в Братиславе передать руководителям словацких сепаратистов: если им дорога «национальная судьба словаков», они должны обратить внимание на предстоящее отделение населенной венграми части Словакии, а если они хотят воспрепятствовать территориальному разделу, то пусть срочно договорятся с Будапештом. «Нужно решить, наконец, вопрос о присоединении к Венгрии»[230], – писал польский министр.

В то же время Будапешт и Варшава договорились блокировать Закарпатье. По примеру Германии, Польша прервала с Чехословакией транспортную, телеграфную и телефонную связь. Шембек предложил Будапешту закрыть чехословацкий транзит через территорию Венгрии. На запрос Кобылянского от 25 сентября Каня ответил на следующий день: «Мы решили полностью прекратить товарооборот с Чехословакией». Однако сохранилось пассажирское сообщение для связи с венграми, словаками и русинами[231].

В следующей шифрограмме венгерский министр иностранных дел просил передать в МИД Польши сведения из Парижа и Лондона о том, что они склонны удовлетворить требования Венгрии о передаче ей населенных венграми территорий Чехословакии, однако претензии на осуществление польско-венгерского коридора встречают сильное сопротивление. Но Венгрия будет твердо настаивать на своем и просит Польшу поступить так же.

Выдавая желаемое за действительное, Каня поручил посланнику уведомить Варшаву о якобы «выдающемся хорошем» провенгерском настроении населения в Закарпатье и о том, что там мало чешских солдат. В связи с этим Хори должен был поставить вопрос: не пришло ли время «осуществить там военную кооперацию» Венгрии и Польши[232].

Не дождавшись ответа на поставленный вопрос, Варшава информировала Будапешт о предъявленной ею претензии Праге – передать ей Тешин. Бенеш ответил согласием в письме, адресованном президенту Польши Мосьцицкому. Польша обещала Венгрии не гарантировать новые границы Чехословакии до удовлетворения претензий венгров. Кроме того, Варшава сообщала, что Будапешт может рассчитывать на поддержку ее дипломатии и печати[233].

inslav

В венгерском МИДе сложилось впечатление, что в результате Польша вышла из игры. Никак не могли реализоваться планы Венгрии в Словакии. Хори сообщал Кане о том, что верноподданническое по отношению к Праге заявление К. Сидора, возглавлявшего полонофильское крыло Народной партии Словакии, вызвало в польском МИДе замешательство[234]. Отвечая посланнику в Варшаве, венгерский министр писал: «Словаки, как видно, продолжают двойную игру. Сидор делает прочешские заявления, а Йозеф Тисо на днях составил список (из трех пунктов) пожеланий в случае присоединения Словакии к Венгрии. *Первое*. Создание центрального органа исполнительной власти Словакии и использование словацкого языка в качестве официального. *Второе*. Учреждение отдельной структуры – своего рода государственного собрания [Словакии] с законодательными полномочиями во внутренних делах, в области культов и образования, введение юрисдикции в решении кадровых вопросов. *Третье*. Выделение [Словакии] бюджетной квоты. Венгерская сторона заявила о своем согласии с пожеланиями словаков, Тисо принял это к сведению и просил не считать его поездку к Бенешу проявлением недоверия или попыткой проволочек, ибо целью ее является избежать обвинения в том, что он не сделал всего для недопущения развала словацкого лагеря[235].

Но как показали события, заигрывание хортистов с глинковцами не принесло венграм столь долгожданного результата.

Тадеуш Кобылянский, наверно пытаясь сгладить сложившееся у венгерских дипломатов впечатление, согласно которому Польша после удовлетворения своих претензий к Чехословакии перестает поддерживать Венгрию, по секрету сообщил (подчеркивая, что на это его не уполномочивали) Хори о своем поручении бухарестскому и белградскому посланникам информировать румынское и югославское правительства: «Польшу бы очень поразило, если бы они стали выдвигать политические препятствия в отношении требований Венгрии тогда, когда их законность уже признали великие государства»[236].

4. Венгрия и Советский Союз

После аннексии Австрии Германией и в период чехословацкого кризиса весной и осенью 1938 г. внешняя политика СССР определялась духом заявления М. М. Литвинова, сделанного 17 марта этого года представителям печати. В нем обращалось внимание на следующее: вступив в

inslav

Лигу наций в целях организованного сотрудничества с другими миролюбивыми государствами, советское правительство не упускало случая рекомендовать наиболее эффективные гарантии мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лига наций, а также региональных пактов о взаимной помощи перед лицом агрессии. О событиях 1938 г. в заявлении указывалось: в первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты.

Литвинов от имени правительства заявил, что оно готово участвовать в коллективных действиях, «которые были бы решены совместно с ним» и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны[237]. Заявление наркома иностранных дел СССР сразу же было направлено правительствам Великобритании, Франции, США и ЧСР.

В таком же духе составлены и донесения Юнгерта из Москвы в Будапешт. В основе их были факты, почерпнутые из статей, опубликованных в советской печати, и в то же время он отстаивал ориентацию Венгрии на Италию и Германию. Детально эти вопросы обсуждались венгерским посланником и наркомом на их встрече 5 мая[238].

Вскоре М. Юнгерт-Арноти отправился в поездку на Кавказ (12–26 мая 1938 г.). О ней он послал в МИД Венгрии большой отчет. Кроме того, в донесении от 24 мая Юнгерт сообщал о беседе на Кавказе с американским послом в Советском Союзе Дж. Девисом. Речь шла о чехословацком кризисе. Последний полагал: если Франция вступит в войну с Германией из-за Чехословакии, то Парижу окажет поддержку Англия[239].

Чехословацкая проблема присутствовала во всех донесениях венгерского посланника в Будапешт в мае, построенных на сообщениях советской печати. Да и в посланном Юнгертом 1 июня донесении, основанном на материалах центральных московских органов печати, сообщалось о том же: Советский Союз выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии, если она подвергнется нападению со стороны Германии[240].

30 мая венгерский дипломат свое донесение К. Кане посвятил поведению Москвы в отношении Германии, Польши и Венгрии. Он подчеркивал, что со времени его беседы с М. М. Литвиновым 5 мая, интерес Советского Союза к чехословацкой проблеме не снизился. В печати он поддерживает пражское правительство и выступает прежде всего против судетских немцев и Германии. Последняя обвиняется в том, что готовит Чехословакии судьбу Австрии. Наряду с Берлином, писал Юнгерт, в «качестве главного врага называется Польша», которая подобно Германии,

inslav

сосредоточила войска на границе для того, чтобы по знаку из Берлина ринуться на чешскую территорию.

Венгерский посланник с некоторым удивлением отмечал, что сейчас советская печать стала щадить Венгрию. Последняя не фигурировала наряду с Германией и Польшей в числе агрессоров, не упоминалось о проводимых ею военных приготовлениях и намерении принять участие в оккупации Чехословакии. Факт претензий Будапешта на чехословацкие территории отражался только в виде перепечаток сообщений из иностранной прессы. «Трудно предсказать, – рассуждал Юнгерт, – до каких пор будет продолжаться такое деликатное отношение к нашей стране». Москва пока рассматривает Венгрию, как территорию, находящуюся в опасности, которую следует поддержать перед лицом германской угрозы. Юнгерт сообщал: Советский Союз не хочет окончательно толкнуть Венгрию в объятия Германии. «Со своей стороны, – писал он, – я не хочу разубеждать Москву в таком ее восприятии, тем более, что мне известно, как она внушает эту мысль и Парижу»[241].

Но уже 3 июня посланник передал сообщение ТАСС из Праги: «Венгерская внешняя политика в качестве задачи на первый план поставила дальнейшее упрочение дружбы с Италией и Германией»[242]. За этим последовал материал корреспондента «Правды» из Рима об агрессорах, в котором говорилось о поддержке Италией Германии против Чехословакии и о стремлении итальянских политиков добиваться передачи Словакии в распоряжение Венгрии для установления общей венгеро-польской границы[243].

Четвертого июня М. Юнгерт-Арноти доносил К. Кане о беседе с директором политического отдела Средней Европы НКИД СССР Г. И. Вайнштейном. Последний занял этот пост в начале 1938 г. после того, как в 1937 г. на нем сменилось несколько человек. Венгерский дипломат относился к Вайнштейну свысока; уже в первом донесении 27 января 1938 г. он писал, что информировал его по целому ряду вопросов. (Если и да, то не совсем искренне.) Юнгерт утверждал: Венгрия не присоединилась к антикоминтерновскому пакту и, несмотря на дружбу с Италией и Германией, во внешней политике сохранила свободу действий. Слухи о горизонтальной оси советский дипломат принимает всерьез, полагая, что за этим планом стоит Германия, пытающаяся разгромить Малую Антанту и привлечь эту группу стран на сторону оси[244].

На этот раз Юнгерт и Вайнштейн говорили о выступлении Кани в парламенте, и представитель НКИД критиковал некоторые его положения. Он считал, что малые государства не должны неодобрительно высказы-

inslav

ваться о системе безопасности, Лиге наций, а им и их правительствам необходимо заботиться о мерах безопасности своих стран. Вайнштейну, по мнению Юнгерта, особенно не нравилось, что Венгрия склонна упорядочить свои дела со странами Малой Антанты лишь в том случае, если они изменят свою ориентацию, свое отношение к оси Рим–Берлин.

Венгерский посланник объяснял, почему его страна против оборонительных мер Чехословакии – это угрожает венгерскому национальному меньшинству в ЧСР и никто не может требовать от Венгрии относиться пассивно к их судьбе.

Юнгерт в одном из предыдущих донесений писал в Будапешт, что он якобы не получил ответа Литвинова на вопрос: может ли Советский Союз предложить то, что могло бы защитить независимость Венгрии лучше, чем дружба с Италией и Германией? Тогда он ответ наркома или пропустил мимо ушей, или не хотел его заметить. Литвинов 5 мая сказал: Венгрии для сохранения национальной независимости от германской угрозы нужно ориентироваться на Англию, Францию, Советский Союз и Малую Антанту. Не видя исторической перспективы, посланник лишь задавал вопрос о том, какую бы выгоду имел Будапешт от этого, имея в виду сиюминутную, связанную с приращением территории страны.

Как и тогда, в начале мая, так и месяц спустя Юнгерт вновь ставил этот вопрос, но уже перед директором отдела НКИД. В ответ получил: идея коллективной безопасности, Лига наций и Восточный пакт, предложенный Советским Союзом. Посланник по этому поводу заметил: напрасно желать, чтобы венгерский министр иностранных дел оживил давно умершую идею Восточного пакта, тем более, что Венгрия и не фигурировала среди тех, кто был приглашен к пакту. О коллективной безопасности и Лиге наций он не высказался. В качестве вывода о встрече Юнгерт писал: его собеседник якобы не понимает положения в Центральной Европе[245]. Да и позже в своих донесениях он квалифицировал тогдашнего собеседника как некомпетентного специалиста и считал его венгерским врагом.

С середины июня 1938 г. до конца сентября, т. е. до Мюнхена, венгерское посольство направило из Москвы в Будапешт более 50 донесений, касавшихся событий в основном второго этапа кризиса в Чехословакии и подготовленных, как правило, по материалам московской печати. Среди этих сообщений заслуживают внимания только несколько. 14 июня болгарский коллега Юнгерта в Москве Антонов рассказал ему о беседе с Литвиновым на тему о возможном расширении Балканского пакта путем включения в него Болгарии. После аншлюса, по мнению наркома, это могло бы обеспечить независимость его страны. Ан-

inslav

тонов уклонился от ответа, ссылаясь на отсутствие у него инструкций. Но Юнгерту он сказал, что если бы Болгарии возвратили Южную Добруджу, тогда она могла бы вступить и в Балканскую Антанту. Юнгерт сообщил в Будапешт о своей точке зрения: этот пакт был бы направлен прежде всего против Германии, но затрагивал бы и Венгрию, поскольку два его члена – ее соседи[246].

В его донесении из Москвы от 15 июня передавалось, что Советский Союз выполнит свои обязательства по договорам с Францией и Чехословакией. Но есть вопрос о том, как он сможет это сделать, если у него нет с ними общей границы. Румыния пропустила бы авиацию на высоте, превышающей 600 м, но наземные войска – нет. Далее шли рассуждения вроде того, что СССР прошел бы и без разрешения и догадки насчет поведения Польши.

Уместно вновь обратиться к статье С. А. Прасолова, в которой детально показана позиция Румынии в вопросе о возможном пропуске советских войск через ее территорию на помощь союзнику СССР – Чехословакии[247]. В ней приведены слова М. М. Литвинова, беседовавшего 13 июня 1938 г. с послом Франции. Нарком напомнил ему сказанное ранее на приеме, что теоретически возможны случаи оказания нами помощи Чехословакии без Франции, ибо никакие международные договоры нам этого не запрещают.

В отчете венгерского посланника в Москве «О визите регента Венгрии М. Хорти и К. Кани в Германию в последней декаде августа и советская печать», составленном 31 августа, выделена мысль: экономически Венгрия уже подчинена Германии, а последняя хочет и ее политической зависимости. Венгрия полностью в руках Гитлера[248].

В этот период венгерские дипломаты в СССР часто встречались с японским послом Мамору Сигемицу (позднее, в 1943–1945 гг. был министром иностранных дел Японии). В донесении Юнгерта от 14 сентября Будапешту сообщалось о его мнении: в случае нападения Германии на Чехословакию Москва не вмешается военным путем. Однако Сигемицу не ответил венгерскому представителю, какую позицию в отношении Советского Союза займет Япония, если он окажет помощь ЧСР. Но посол сказал: одной из целей сражения у озера Хасан была проверка боеспособности советской армии, и результат, с точки зрения японцев, успокаивающий[249]. Летом 1938 г. М. М. Литвинов провел целый ряд бесед с Сигемицу о военных действиях на Дальнем Востоке и их прекращении[250].

26 августа нарком получил от посланника Чехословакии З. Фирлингера информацию о том, что в Бледе с Венгрией никакого соглашения

inslav

не достигнуто, а признание равноправия Венгрии в вооружениях надо считать односторонним заявлением Малой Антанты[251].

В миссии Советского Союза в Будапеште в 1938 г. произошли изменения. Среди сотрудников уже не было Бекзадяна. Поверенным в делах СССР в Венгрии был назначен В. Плотников, который в то время еще находился в Праге. 27 апреля в Будапеште он имел беседу с министром иностранных дел К. Каней. Плотников в основном слушал, входил в курс дела. К. Каня счел нужным тогда рассказать ему «о возросшем интересе общественного мнения» к венгерским национальным меньшинствам в Чехословакии, Румынии и Югославии. Но до последнего времени, утверждал он, кроме Германии указанный вопрос нигде не встречал «должного понимания и сочувствия». Теперь видные английские парламентарии и даже некоторые левые английские газеты находят «справедливым и своевременным» пересмотр указанного вопроса. Если в Чехословакии, продолжал министр, будут осуществлены декларации официальных лиц, то вопрос о национальных меньшинствах может быть близок к реализации. С Румынией положение неясно из-за происходящих внутри страны событий и частой смены кабинета[252].

Следующее донесение из Праги В. Плотников написал (31 мая) Литвинову после временного прекращения (20 мая) давления Германии на Чехословакию. В нем он остановился на внутреннем положении Венгрии, рассказал о новом правительстве Б. Имреди и др. За последнее время, отмечал дипломат, острые открытые нападки на Чехословакию как будто бы несколько уменьшились. Однако на северной границе Венгрии происходят перегруппировки воинских частей, проводятся учебные занятия, усиленно ведется подготовка молодежи допризывного возраста. Среди фронтовиков распространяются слухи о том, что их направят в Чехословакию лишь для «затравки», после чего Германия немедленно вступит в Судетскую область, а венгры за «инициативу» получат значительный кусок Чехословакии[253].

Позднее Плотников переслал в Москву два донесения (11 и 25 июня). В первом констатировалось: «В центре внешней политики Венгрии – Чехословакия». Пресса подогревала германо-чехословацкий конфликт. Пелись панегирики Глинке, руководителям национальных меньшинств в Чехословакии, особенно «фюрерам» судетских немцев. Он также писал о тайной частичной мобилизации в Венгрии и сосредоточении войск на чехословацкой границе, и отмечал, что венгры при этом «оглядываются на Югославию и Румынию».

Во втором донесении полпред остановился на «стержневом вопросе» в Венгрии – ревизии: ее актуализировало большинство газет и ей

inslav

посвящались многочисленные митинги. Гром и молнии продолжали обрушиваться на Чехословакию из-за «жуткого» положения там венгерского меньшинства. В венгерской печати в то время доброжелательно комментировались переговоры Италии с Югославией в Венеции. Так, «Пешти Хирлап» отмечала: «Как Рим, так и Белград признают большую важность благоприятных взаимоотношений с Германией». Но после аншлюса пространство активности Италии сузилось и ей приходится считаться «с ростом германского влияния» как в Средней Европе и Дунайском бассейне, так и на Балканах[254]. В обзоре 2-го Западного отдела НКИД СССР по Венгрии за 1938 г. отмечалось, что правительство Б. Имреди главной задачей поставило реализацию венгерских ревизионистских устремлений, надежды на осуществление которых ожили в стране в связи с германской угрозой, нависшей над Чехословакией.

В июле премьер Б. Имреди и министр К. Каня побывали в Риме с целью заручиться покровительством Муссолини в вопросе о венгерской независимости и его ходатайством по реализации ревизионистских требований Венгрии. За месяц до этой поездки министр иностранных дел Италии Г. Чиано выступил с речью, в которой обосновал итальянские притязания на страны Дунайского бассейна и Балканы. Главный ее мотив: Италия исторически и экономически связана с данным регионом, в частности с Венгрией, и никогда не откажется от этих контактов, объединяющих ее северные провинции и особенно Адриатическое побережье с огромным хозяйственным тылом в лице Дунайского бассейна.

На следующий день в органе германского МИДа «Дойче дипломатишполитише корреспонденц», откликаясь на выступление Чиано, почти в тех же выражениях заявлялось о притязаниях Берлина на Дунайский бассейн и Балканы. Заявленные требования также мотивировались историческими и экономическими связями Германии с Дунайскими странами, при этом подчеркивалось, что не только Италия, но и Германия является другом Венгрии. По этому поводу полпред Плотников в своем донесении в Москву отмечал, что эта борьба между Италией и Германией за Венгрию являлась одной из форм проявления противоречий между ними.

В Риме венгры заручились обещанием Муссолини поддержать их претензии к Чехословакии, причем дуче заявил о желательности сближения Венгрии с Югославией.

Через месяц после римского визита состоялась рассмотренная выше поездка регента М. Хорти в сопровождении свиты в Германию. Советский посланник не располагал информацией о сути приглашения венгерской делегации (ей было предложено участие Венгрии вместе с Германи-

inslav

ей в нападении на Чехословакию) и ограничился в своем донесении в Москву констатацией факта совпадения визита по времени с конференцией стран Малой Антанты в Бледе, где велись переговоры с представителями Венгрии. Последние лавировали, хотели вести переговоры с Югославией, затем с Румынией, но под давлением Англии и Франции, а возможно и Италии, полагал полпред, венгры дали согласие на опубликование коммюнике, в котором сообщалось о признании Малой Антантой за Венгрией равноправия в области вооружений при условии заключения соглашения о взаимном ненападении. По сведениям (официально они тогда не были подтверждены), Венгрия от выполнения последнего условия по требованию Гитлера отказалась.

Ввиду того, что в англо-французском плане (на переговорах Чемберлена с Гитлером) не фигурировали, кроме немецких, ни венгерские, ни польские притязания, пресса Венгрии открыла кампанию против этой затеи. В передовой газеты «Pester Lloyd» 17 сентября 1938 г., явно инспирированной правительством Б. Имреди, заявлялось: «Венгры не разделяют мнения, согласно которому война может быть предупреждена передачей пражским правительством Германии областей, населенных немцами»; «Венгрия решительно возражает против подобного плана, ибо Чехословакию населяют не только немцы... Мы утверждаем, что в случае пренебрежения венгерскими интересами, венгры будут вести борьбу всеми средствами и до тех пор, пока не достигнут осуществления своих требований».

После вторичного совещания премьера Б. Ймреди, министра К. Кани и начальника генерального штаба Л. Керестеша-Фишера с Гитлером, венгерское правительство вручило чехословацкому правительству ноту с требованием разрешить вопрос о венграх, проживавших в Чехословакии, таким же образом, как это будет сделано в отношении немцев.

Нота была предъявлена с одобрения Италии, Германии и Польши, которая почти одновременно вручила чехословацкому правительству аналогичную ноту, касавшуюся Тешинской Силезии.

Вслед за вручением ноты хортисты призвали в армию несколько возрастов запасных, задержав в войсковых частях большинство резервистов, участвовавших в последних маневрах. Недовольные ответом чехословацкого правительства, выразившего готовность вступить в переговоры с Венгрией по поводу ее требований, венгерские правители 28 сентября направили вторую ноту, настаивавшую на удовлетворении претензий Будапешта одновременно с требованиями Берлина.

Советская дипломатия внимательно наблюдала за действиями Венгрии, но никаких мер в отношении ее не принимала (Польша, например, пригрозила разрывом договора).

inslav

В связи с таким развитием событий советская миссия в Будапеште в одном из составленных ею документов констатировала: во взаимоотношениях Венгрии с СССР никаких более или менее значительных событий за последние месяцы не произошло[255].

5. Мюнхенское соглашение и Венгрия

В последней декаде сентября 1938 г. напряжение в Европе усилилось. Под давлением творцов политики умиротворения (Чемберлен, Даладье), после их встречи в Лондоне «предложивших» Праге уступить Германии Судетскую область, правительство Чехословакии капитулировало 22 сентября, согласившись на это при условии, что Венгрия и Франция гарантируют новые границы ЧСР при неспровоцированной агрессии.

Польша в тот же день, а Венгрия на следующий предъявили Чехословакии требования решить вопрос об их претензиях на земли проживания поляков и венгров на тех же принципах, что и в случае с судетскими немцами. (Ранее речь шла о требованиях предоставить этим национальным меньшинствам право решить их судьбу путем плебисцита.)

22 сентября правительство Годжи в Чехословакии ушло в отставку, а новое во главе с генералом Яном Сирови вынуждено было считаться с предложением «миротворцев». В тот же день президент Бенеш пообещал Польше отдать требуемую ею территорию (Тешинскую Силезию), проведя «коррекции границы».

Но Бека не удовлетворяло такое решение. Его больше устроила бы локальная война, начатая Гитлером, вслед за ним в нее включилась бы Польша и Венгрия, и ЧСР была бы разгромлена. Переговоры Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене давали возможность политикам уловить: идет процесс своего рода реанимации в какой-то новой форме пакта четырех при решении чехословацкого вопроса. Он шел одновременно с попыткой западных стран направить германскую агрессию на Восток. Бек и ранее боялся такого развития событий, и теперь его не устраивало решение, в результате которого границы урезанной ЧСР гарантировали бы Англия и Франция или новая Чехословацкая республика попала бы под влияние Германии[256].

22–23 сентября 1938 г. состоялась очередная встреча Гитлера и Чемберлена в Годесберге. Канцлер отверг предложения английского премьера, которые по существу содержали его требования, предъявленные в Берхтесгадене. Гитлер заявил: положение изменилось, преследование

inslav

судетских немцев требует быстрого решения вопроса о них, до 1 октября чехословацкий вопрос так или иначе нужно решить, т. е. присоединить Судеты к Германии, добавив, что «мира в Европе не будет, пока не будут удовлетворены требования» польского и венгерского национальных меньшинств. Чемберлен сначала согласился с претензией на Судеты и высказался за рассмотрение польских и венгерских требований позже, поскольку это не очень срочный вопрос. Канцлер повторил, что Судеты до 1 октября должны быть переданы Германии, а границы оставшейся Чехословакии нельзя гарантировать до тех пор, пока не будут удовлетворены требования Польши и Венгрии. 23 сентября Гитлер, по просьбе Чемберлена, ознакомил его со своим меморандумом, в соответствии с которым часть Судетской области должна быть передана Германии до 1 октября, а на остальных ее территориях до 25 октября должен быть проведен плебисцит. В этом меморандуме претензии Польши и Венгрии не упоминались.

Галифакс передал текст меморандума чехословацкому правительству. Чехословакия ответила проведенной в ночь с 23 на 24 сентября мобилизацией, считая, что Гитлер нарушил берхтесгаденские соглашения. Чемберлен ознакомил с этим документом британское правительство, которое решило: принять эти требования Гитлера и рекомендовать чехам сделать то же самое[257]. Венгрии и Польше Галифакс рекомендовал добиваться своих требований путем переговоров.

Венгрия отклонила ответ Праги на свой меморандум, но учитывая ситуацию, ничего не предприняла. Ее пассивность не удовлетворила ни Берлин, ни Варшаву.

26 сентября венгерский посланник Д. Стояи сообщал в Будапешт после беседы с Гитлером: «Если чехи примут меморандум, то после оккупации и референдума» германцы «поведут с нами и поляками разговор в отношении будущего». Если же не примут, займут территорию даже с риском войны. Канцлер спрашивал: что будет делать Венгрия в таком случае? Ибо Имреди не дал ясного ответа, а венгры до сих пор сделали немного[258]. На вопрос Стояи: примет ли участие Германия в гарантиях границ оставшейся Чехословакии, Гитлер ответил, что об этом может идти речь только в случае, если в гарантиях примут участие Венгрия, Польша и Италия. Риббентроп добавил: Гитлер представлял венгерские интересы так, как пообещал Имреди. Больше этого он сделать не мог, а остальное нужно свершить венгерскому правительству[259].

27 сентября, когда еще было не ясно, каким путем будет решаться судетская проблема, Берлин продолжал оказывать давление на Венгрию, добиваясь ответа, будет она или нет участвовать в военной акции

inslav

против Чехословакии, но та все еще кивала на имеющуюся опасность со стороны Югославии. Риббентроп в это время настаивал уже на том, чтобы венгры выступили одновременно с Германией (прежнюю позицию – выждать, как поведет себя Югославия, министр считал пройденным этапом). Венгрия продолжала колебаться[260].

В конце дня главный экономический советник английского правительства Хорас Вильсон при прощании заявил рейхсканцлеру, что чехи не могут принять меморандум в такой форме, и добавил: если бы французы, исходя из положений существующего договора с чехами, вовлекались бы в вооруженный конфликт, Англия не осталась бы в стороне.

Гитлер ответил, что остается на своей позиции.

В первой половине дня 28 сентября посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсэ, «с новыми, но не существенными мыслями», был принят канцлером. Несмотря на его доводы, ситуация не изменилась. Чемберлен готов был вновь побывать в Германии.

В тот же день посол Англии в Риме лорд Э. Перт нанес визит министру иностранных дел Чиано с просьбой, чтобы Б. Муссолини выступил посредником. А в Берлине итальянский посол Б. Аттолико заявил Гитлеру, что Италия прочно стоит на стороне Германии, но ставит вопрос, нельзя ли отодвинуть срок ультиматума на 24 часа[261].

После согласования с фюрером дуче 28 сентября выдвинул идею обсудить проблему на конференции четырех. Гитлер, естественно, принял данное предложение. Чемберлен заручился поддержкой английского правительства и согласием палаты общин парламента на проведение конференции четырех в Мюнхене для поиска выхода из кризиса.

Их удовлетворял такой вариант прежде всего потому, что он решал чехословацкий вопрос без участия Советского Союза. Когда правительства Англии, Франции приняли посредничество Италии ради «спасения европейского мира», т. е. разделения Чехословакии, и договорились о встрече в Мюнхене, венгерская дипломатия проявила исключительную активность в том, чтобы добиться одновременно с немецкими претензиями удовлетворения и венгерских требований.

Посланники Венгрии в западных странах обращались к Гитлеру, Гёрингу, Муссолини с просьбами поддержать венгерские претензии в Мюнхене. Заручившись обещаниями последних, Каня поручил Барце вручить Чемберлену записку, в которой говорилось о больших правах венгров, чем немцев и поляков на земли Чехословакии, и выражалась благодарность премьеру за прежнюю поддержку[262].

28 сентября в 17 часов Стояи передал К. Кане шифрограмму по телефону из Берлина: по заявлению МИДа, завтра, 29 сентября, видимо

inslav

(почти что совершенно точно), состоится в Мюнхене конференция четырех великих держав. Согласие Муссолини и Гитлера есть, и Чемберлен также, наверно, примет предложение, Даладье – тоже.

В случае, если конференция состоится, посланник рекомендовал регенту обратиться с личным прошением к Гитлеру и Муссолини[263].

Дёме Стояи часто апеллировал к правительству Венгрии со своими рекомендациями, особенно, когда это было выгодно Германии. Поэтому и неудивительно, что венгерские исследователи подчеркивали: не известно, кого представлял Стояи – Венгрию в Берлине или руководителей Третьего рейха в Будапеште. В этот же день, 28 сентября, он проявил необычную активность. Направив в МИД несколько шифрограмм, через два часа после упоминавшейся последней он еще позвонил по телефону начальнику канцелярии министра И. Чаки и рассказал ему о только что прошедшей часовой беседе с Гёрингом, который тоже едет в Мюнхен и считает нужным на все 100% удовлетворить венгерские претензии к Чехословакии. Якобы Гёринг сказал ему: и Гитлер занимает такую же позицию.

Заметим при этом: Гёринг, зная, что в Мюнхене не будут обсуждаться требования венгров, обещал посланнику Венгрии поддержать претензии его страны.

Стояи сообщал: хотя на завтрашней встрече будут в первую очередь обсуждать детали оккупации Судетской области, но не собираются опускать и венгерский вопрос. Он особенно подчеркивал по телефону, что именно там его можно будет решить, причем это будет последняя такая возможность. Не напоминая о своем совете руководству обратиться к немцам с письменным прошением (о чем он писал два часа до того), теперь он предлагал регенту лично позвонить Гитлеру и Гёрингу и вновь просить поддержки. Почти со слезами умолял посланник попросить премьера обратиться по этому поводу к Хорти, ибо если вопрос о венгерских претензиях не будет решен в Мюнхене, то он снимется с повестки. А решить его можно, если позвонить еще и Муссолини.

Хотя в Германии все верят в мирное решение, но военные приготовления по прежнему плану продолжаются.

Через полчаса Стояи позвонил вновь и предложил, чтобы граф Чаки немедленно вылетел к Муссолини, имея карту с обозначенными на ней требованиями Венгрии, и объяснил ему все частные данные[264].

Так и сделали. Чаки до начала конференции отправился в Мюнхен и ожидал Муссолини, который после прибытия 29 сентября сразу при-

inslav

нял его и в присутствии Чиано спросил: что ожидают от него регент и премьер в связи с решением чехословацкого вопроса? Чаки изложил известные венгерские требования, отмеченные на карте, и цифровые данные. Итальянский премьер-министр поинтересовался, какой срок устанавливает венгерское правительство для осуществления своих претензий. Услышав в ответ, что один месяц, дуче сказал: «Сегодня для Венгрии будет удачный день. Как только мы закончим с судето-немецким вопросом, и это произойдет сегодня, если только Чемберлен не ввяжется в дискуссию, – я немедленно поставлю на повестку дня венгерские и польские претензии, потребовав их немедленного удовлетворения на такой же основе, как это будет сделано в отношении германских претензий. То есть – передача Венгрии территории, населенной этническими венграми, и право на самоопределение. Это программа-максимум. Если не пройдет, он потребует осуществить ее в течение одного месяца. Ему безразлично, каким образом это будет сделано технически – путем ли непосредственных переговоров или каким-либо иным образом». Тут Чаки заметил, что попытка непосредственных переговоров потерпит крах. А если и программа-минимум не пройдет, то Муссолини высокопарно рекомендовал, как всегда повысив голос: «Выступайте... Поставьте мир перед свершившимся фактом»[265].

Польский министр иностранных дел Ю. Бек, поддерживая венгерские территориальные притязания к Чехословакии, ночью 28 сентября поручил посланнику в Белграде и послу в Бухаресте сообщить в МИД этих стран, что Польша удивится, если Югославия и Румыния будут препятствовать осуществлению венгерских требований тогда, как великие державы их поддерживают[266].

29 сентября 1938 г. главы четырех западных великих держав собрались в Мюнхене для совещания. Состоялась непродолжительная дискуссия (обсуждался вопрос: хорошо бы за дверью иметь представителя чехословацкого правительства, чтобы он отвечал на возникающие вопросы), в ходе которой Гитлер возражал против присутствия такого представителя – его, мол, включат в международную комиссию, составленную из представителей присутствовавших там государств. Причем, что удивительно: в этом вопросе более других канцлера поддержал Даладье, заявивший, что он еще в Лондоне дал согласие на передачу немецких областей Германии без запроса чехословацкого правительства, хотя между Францией и Чехословакией имеется союзный договор[267].

Гитлер в своем выступлении утверждал, что немецкое, венгерское, словацкое, польское и карпато-русское меньшинства, «которые против

inslav

их воли были втиснуты» в чехословацкое государство, «восстают против его дальнейшего существования». Но он, «фюрер», может выступить «здесь только от имени немецкого меньшинства»[268].

Другие участники встречи подчеркивали, что они уже согласились с передачей судето-немецких областей Германии и договорились о деталях оккупации четырех зон, нанесенных на карту, представленную Гитлером и рекомендованную Муссолини. Оккупацию решили осуществить в период с 1 по 10 октября поочередно, по зонам.

Кроме основного документа – соглашения на Мюнхенской конференции были приняты еще четыре: одно Дополнение к соглашению и три Дополнительные декларации. В одной речь шла о разрешении проблемы польских и мадьярских меньшинств на основе предложения Муссолини, как сообщал составитель записки о ходе совещания с немецкой стороны Э. Корд[269].

Государственные деятели стран, выступивших за расчленение Чехословакии, удостоились благодарности Гитлера за то, что приняли его приглашение на совещание в Мюнхене, а также «за их старание в деле достижения счастливого результата переговоров».

Как следует из вышеприведенных материалов, на конференции глав правительств четырех государств дуче не был уже, как прежде, ревностным защитником венгерских требований, а полностью подчинился воле Гитлера, не заинтересованного в том, чтобы требования Венгрии и Польши обсуждались на Мюнхенской конференции. Канцлер сам хотел решить этот вопрос в интересах Германии.

Поэтому в мюнхенском соглашении не говорится о венгерских требованиях и только в третьей Дополнительной декларации они упоминаются следующим образом: «Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь»[270].

Во второй половине дня, в разгар переговоров в Мюнхен прибыла чехословацкая делегация, возглавляемая посланником в Берлине А. Мастным. Как явствует из записи референта МИДа Чехословакии Г. Масаржика, сделанной под утро 30 сентября, «нам было объяснено довольно грубым образом и притом – французом (генеральным секретарем министерства иностранных дел Франции А. Леже. – *А. П.*), что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления»[271].

inslav

Утром 30 сентября в 6 часов 15 минут временный поверенный в делах Германии в Праге прибыл в МИД Чехословакии и вручил министру иностранных дел К. Крофте мюнхенское решение.

Французский, английский и итальянский посланники в Праге (они же назначенные члены международной комиссии) ждали у Крофты ответа правительства Чехословакии на предъявленный ему ультиматум. От имени президента и правительства министр заявил: «...Мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас». Далее он сказал: «Не знаю, получат ли ваши страны пользу от этого решения... но мы во всяком случае не последние. После нас та же участь постигнет других»[272].

Чехословацкие правящие круги не пожелали принять помощь Советского Союза и, руководствуясь своими узкими интересами, сами не захотели защищать свою страну.

Бывший венгерский дипломат Иштван Кертес, эмигрировавший после второй мировой войны в США и ставший профессором Нотр-Дамского университета, в книге, посвященной внешней политике Венгрии, утверждал, что «политика западных держав предоставила Германии свободу действий в долине Дуная, и в результате этого соглашения Венгрии с Малой Антантой потеряли всякое политическое значение, а Мюнхенская конференция в значительной мере подорвала антигерманские силы в Дунайских странах»[273].

Лондонская газета «Таймс» в те дни писала: «Самоопределение – принцип, декларированный Версальским договором, – был использован Гитлером в нарушение текста самого договора, и это ему разрешили сделать»[274]. Д. Сент-Ивани в своей рукописи о внешней политике трианонской Венгрии (хранится в Венгерском государственном архиве) значение Мюнхенской конференции определил так: «Концерн великих европейских держав санкционировал доминирующую позицию Германии в Европе»[275].

Мюнхенским соглашением начинался новый, последний этап на пути подготовки и развязывания второй мировой войны. Западные державы в угоду немецкому империализму уступили Центральную и Юго-Восточную Европу, отдали ее на растерзание нацистам. Такова была цена за будущую агрессию против Советского Союза.

Мюнхенское соглашение хотя и не ликвидировало существовавшие между великими западными державами империалистические противоречия, но временно создало их единый фронт против СССР. Об этом свидетельствуют подписанная в Мюнхене англо-германская декларация 30 сентября и последовавшая за ней франко-германская декларация 6 декабря 1938 г.

inslav

Примечания

[1] DIMK. II.k. 286. old.
[2] Ibid. 290. old.
[3] Ibid. 315. old.
[4] OL. K-64. 1939. 7/a. 825(253). 1–2.l.
[5] DIMK. II.k. 317. old.
[6] Ibid. 318–319. old.
[7] Ibid. 326–327. old.
[8] OL. K-64. 1939. 7/a. 274. 1–2.l.
[9] A Wilhelmstrasse és Magyarország. Bp., 1968. 273. old.; *Karsai E.* «Ország gyarapítás» – országvesztés. Első rész. (1.r.). 1933–1939. Bp., 1961. 80. old.
[10] OL. K-64. 1939. 7/a. 379. 1–2.l.
[11] Ibid. K-63. 1938. 21/7. 361(1613). 1–4.l.
[12] DIMK. II.k.381–382. 385. old.
[13] Ibid. 391. old.
[14] Ibid. 397. old.
[15] OL. K-64. 1939. 42. 394(390). 1–2.l.
[16] Ibid. 1938. 49. 685(557). 1–4.l.
[17] DIMK. II.k. 484. old.
[18] OL. K-63. 1939. 7/a. 495. 1–3.l.
[19] Ibid. K-74. 1938. 5613/57. Kimenő. Bukarest.
[20] Ibid. K-99. 1938. 124. pol. 20–21.l.
[21] DIMK. II.k. 501–506. old.
[22] Ibid. 507. old.
[23] Ibidem.
[24] Ibid. 509. old.
[25] Ibidem.
[26] Ibid. 510. old.
[27] Ibid. 511. old.
[28] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 280. old.
[29] Ibid. 281. old.
[30] BMI. V-10150/2. 7.l.
[31] Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962. С. 64.
[32] Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 1. С. 60.
[33] Там же. С. 71.
[34] Там же.
[35] OL. K-99(RK). Ka. 1938. 277. 16–17.l.
[36] Венгрия и вторая мировая война... С. 92; DIMK. II. k. 317. old.
[37] DGFP. D. Vol. II. № 65.
[38] OL. K-83. 1939. Összefoglaló pol. jelentés 1938. évről. 150.l.
[39] BMI. V-10150/2. 9.l.
[40] *Karsai E.* Op. cit. 80. old.
[41] OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 5828/55.
[42] Ibid. Kimenő. London. 5694/27.
[43] Új Magyarság. 1938. 12. VIII.

inslav

[44] OL. K-63. 1938. 21/7. 2492. 1–2.l.
[45] Ibid. FT. 36201.t. 1938. 140, 154. pol.; См. газеты «Известия» и «Правда» за 22, 23, 24, 26, 27 августа 1938 г.
[46] Ibid. K-63. 1938. 27/7. 2492. 1–2.l.
[47] Ibid. K-83. Összefoglaló pol. jelentés 1938. évről. 190. old.
[48] DIMK. II.k. 545. old.
[49] BMI. V-55184/2. 23.l.
[50] A Wilhelmstrasse és Magyarország, 287–288. old; DGFP. Ser. D. Vol. XII. P. 609–611.
[51] BMI. V-60150/2. 10.l.
[52] A Wilhelmstrasse és Magyarország, 288. old.
[53] BMI. V-55184/1. 4.l.
[54] DGFP. 1918–1945. Ser. D. Vol. II. P. 611.
[55] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7 т. М., 1958. Т. II. С. 270.
[56] ИДА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.
[57] BMI. V-55184/2. 23.l.
[58] Нюрнбергский процесс... Т. II. С. 270.
[59] Там же.
[60] Új Hang (Moszkva). 1938. Okt.
[61] Pesti Hirlap. 1938. 24. VIII.
[62] Berliner Tageblat. 1938. 24. VIII.
[63] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 292. old.; DGFP. Ser. D. VII. P. 651.
[64] Ibid. 293. old.
[65] BMI. V-55184/1. 5.l.
[66] Венгрия и вторая мировая война... С. 97.
[67] Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 1. С. 194.
[68] OL. K-64. 1938. 7/a. 819. 1.l.
[69] Ibid. 820. 3.l.
[70] ÚMKL. BeO. 72.d. 27. 5.l.
[71] Ibid. 7.l.
[72] OL. KÜM. Londoni köv. 1938. 37. pol. 1–2.l.
[73] Ibid. K-63. 1938. 7/25. 897. 1–6.l.
[74] Ibid. K-74. 1938. Bejövő. London. 5528/32. 1.l.
[75] ÚMKL. BeO. 72.d. 27(1–87). 23–24.l.
[76] Ibid. 27–29.l.
[77] Ibid. 34.l.
[78] Ibid. 36–37.l.
[79] OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 113. pol.
[80] ÚMKL. BeO. 72.d. 27. 38.l.
[81] Ibid. 42.l.
[82] Ibid. 47–48.l.
[83] Ibid. 50.l.
[84] Венгрия и вторая мировая война... С. 100.
[85] OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 6037/76. 103.l.
[86] ÚMKL. BeO. 72.d. 64.l.
[87] Документы и материалы.... Т. 1. С. 226–228.
[88] DIMK. II.k. 609–610. old.
[89] OL. K-74. 1938. Bejövő. London. 6058/78. 1.l.

inslav

[90] DIMK. II.k. 621–622. old.
[91] DBFP. Ser. D. Vol. II. № 7.
[92] DIMK. II.k. 624. old.
[93] Ibidem.
[94] Ibid. 627. old.
[95] ÚMKL. BeO. 72.d. 65.l.
[96] DIMK. II.k. 629–630. old.
[97] ÚMKL. BeO. 72.d. 80–81.l.
[98] OL. K-64. 1938. 7/a. 848. 3.l.
[99] DGFP. Ser. D. Vol. II. P. 116–117; Венгрия и вторая мировая война... С. 101–102.
[100] Венгрия и вторая мировая война... С. 202.
[101] *Karsai E.* Op. cit. 1.r. 99. old.
[102] DGFP. Ser. D. Vol. III. 1950. P. 4.
[103] Ibid. P. 9–10.
[104] HMTI. 178. old.; DIMK. II. k. 616–617. old.
[105] OL. K-99. Ka. 1938. 671. 3.l.
[106] BMI. V-19430. V. 25.l.
[107] DGFP. Ser. D. Vol. II. P. 863–864; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 297. old.
[108] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 298. old.
[109] OL. K-64. 1938. 7/a. 865. 1.l.
[110] Документы и материалы... Т. 1. С. 206–216.
[111] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 296–297. old.
[112] Документы и материалы... Т. 1. С. 284.
[113] Там же. С. 203.
[114] DGFP. Ser. D. Vol. II. № 925; ADAP. D. B.II. № 23.
[115] Документы и материалы... С. 221.
[116] Там же. С. 224–225.
[117] Там же. С. 239–240.
[118] OL. K-64. 1938. 17.a. 872. 1.l.
[119] Ibid. 887. 1.l.
[120] Ibid. 872. 1.l.
[121] DIMK. II.k. 636–637. old.
[122] OL. K-64. 1938. 7/a. 910. 1.l.; Венгрия и вторая мировая война... С. 81.
[123] Ibid. 911. 3.l.
[124] Ibid. K-74. 1938. Kimenő. London. 5972/43. 1–2.l.
[125] NSz. 366–367. old.
[126] *Прасолов С. И.* Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен – преддверие войны. М., 1988. С. 54.
[127] Документы и материалы... Т. 1. С. 240.
[128] *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 64.
[129] DIMK. II.k. 687. old.; Венгрия и вторая мировая война... С. 103.
[130] DIMK. II.k. 654–655. old.
[131] OL. K-64. 1938. 7/a. 902. 1.l.
[132] *Karsai E.* Op. cit. 1 r. 103. old.
[133] OL. K-64. 1938.7/a. 903. 905. 3.l.
[134] Ibid. 917. 1–4.l.
[135] Ibid. 935. 1.l.
[136] Ibid. 911. 5.l.

inslav

[137] ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 9. Л. 136.
[138] Там же. Л. 136–137.
[139] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 298. old.
[140] Ibid. 299. old.
[141] OL. K-63. 1938. 21/7. 203. 1.l.
[142] Документы и материалы... Т. 1 С. 241–242.
[143] OL. K-63. 1938. 21/7. 203. 2.l.
[144] Ibid. K-64. 1938. 7/a. 909. 1–3.l.
[145] DIMK. II.k. 661. old.
[146] OL. K-74. 1938. Bejövő. Berlin. 6245/159. 1.l.; 6246/160. 1–2.l.
[147] Ibid. KÜM. D. Szent-Iványi. A trianoni Magyarország kilpolitkája. 121. l.
[148] Ibid. K-64. 1938. 23. 711. 1–2.l.
[149] Ibid. 7. 791. 1–3.l.
[150] Ibid. 23. 795. 1–2.l.
[151] DIMK. II.k. 610. old.
[152] OL. K-64. 1939. 7/a. 820. 1.l.; 848. 1–4.l.
[153] Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Róma. 6100/89. 1–2.l.
[154] DIMK. II.k. 632. old.
[155] OL. K-74. 1938. Kimenő. Róma. 5960/82. 1.l.
[156] DIMK. II.k. 638. old.
[157] Ibid. 646. old.
[158] OL. K-64. 1939. 7/a. 944. 1–2.l.
[159] Ibid. 875. 1–2.l.
[160] Ibid. 16/a. 863. 1–2.l.
[161] Ibid. 3–4.l.
[162] Ibid. 839. 1–2.l.
[163] Ibid. K-74. 1938. Kimenő. Belgrád. 5967/35. 1–2.l.
[164] Ibid. K-64. 1939. 16/a. 893. 5–6.l.
[165] Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Belgrád. 6234/32. 1.l.
[166] Ibid. K-64. 1938. 66/a. 903. 1.l.
[167] Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Belgrád. 6234/32. 2–3.l.
[168] Ibid. 6235/33. 1.l.
[169] Ibid. 1–2.l.
[170] Ibid. 6244/34. 1.l.
[171] Ibid. K-64. 1939. 16/a. 903. 1–5.l.
[172] AAN. MSz. P.III. 1938. 1.W. 6571. S. 101–102.
[173] DIMK. II.k. 266. old.
[174] Ibid. 297–298. old.
[175] OL. K-64. 1938. 17. 154. 1–2.l.
[176] Ibid. 7–8.l.
[177] Ibid. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 5375/66. 1.l.
[178] AAN. MSZ. P.III. 1938. 19 W. 6591. S. 15–19.
[179] OL. K–74. 1938. Bejövő. Varsó. 5393/72. 1–2.l.
[180] Ibid. 5398/74. 1–2.l.
[181] Ibid. K-63. 1938. 7/25. 897(1112). 1.l.
[182] *Kovács E.* Magyar-lengyel kapcsolatok. Bp., 1971. 321. old.
[183] OL. K-64. 1938. 17. 309. 1–3.l.
[184] Ibid. K-63. 1938. 7/32. 12–23. 1–2.l.

inslav

[185] Ibid. K-64. 1938. 17. 309. 3.l.
[186] DIMK. II. k. 339–340. old.
[187] Ibid. 369. old.
[188] OL. K-63. 1938. 17. 353. 1–2.l.
[189] Ibid. 339. 1–3.l.
[190] Ibid. 400. 1–2.l.
[191] *Kovács E.* Op. cit. 323. old.
[192] OL. K-64. 1938. 17. 402. 1.l.
[193] Венгрия и вторая мировая война... С. 93; DIMK. II.k. 397. old.
[194] *Kivács E.* Op. cit. 324. old.
[195] ADAP. Vol.II. D. № 221.
[196] *Kovács Endre.* Op. cit. 325. old.
[197] *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965. S. 416.
[198] AAN. MSz. P.III. 19.W. 6571. S. 112–113.
[199] OL. K-63. 1938. 17/7. 2065. 1–3.l.
[200] Ibidem.
[201] Ibid. K-64. 1938. 17. 515. 1.l.
[202] DIMK. II.k. 435–436. old.
[203] Ibid. 437–438. old.
[204] *Kovács E.* Op. cit. 328–329. old.
[205] OL. K-64. 1938. 17. 569. 1–5.l.
[206] DIMK. II.k. 446–449. old.
[207] Ibid. II.k. 464–470. old.
[208] Ibid. 482–483. old.
[209] Ibid. 483. old.
[210] OL. K-64. 1939. 16/a. 721. 1–4.l.
[211] AAN. MSz. P.III. W.101. 1.12.
[212] Ibid. 2. 165. 1; *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 434–435.
[213] OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 5929/134. 1.l.
[214] Ibid. 5958/141; 5956/142; 5957/143. 1.l.
[215] Ibid. 5559/144. 1.l.
[216] Ibid. 980/52. 1.l.
[217] Ibid. K-64. 1938. 17. 783. 1.l.
[218] DIMK. II.k. 588–593. old.
[219] Ibid. 597–598. old.
[220] OL. K-64. 1938. 7. 809. 1–2.l.
[221] Ibid. K-74. 1938. Kimenő. Varsó. 5839. 81. 1.l.; Bejövő. Varsó. 6032/166. 1.l.; 6033/167. 1.l.
[222] Ibid. Bejövő. Varsó. 6034/168. 1.l.
[223] Ibid. 6036/170. 1.l.
[224] DIMK. II.k. 611–612. old.
[225] OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6045/174. 1–2.l.
[226] Ibid. 5899/86. 1–2.l.
[227] Ibid. 5908/91. 1–3.l.
[228] Ibid. 6112/191. 1–2.l.
[229] Ibid. 6114/194. 1.l.
[230] Ibid. 6150/210. 1.l.
[231] DIMK. II.k. 653–654. old.
[232] Ibid. 654. old.

inslav

[233] Ibid. 663–664. old.
[234] OL. K-74. 1938. Bejövő. Varsó. 6215/229. 1.l.
[235] Ibid. 5993/106. 1–2.l.
[236] Ibid. 6274/246. 1.l.
[237] Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 19; Известия. 1938. 18 марта.
[238] См. первый параграф второй главы настоящей книги.
[239] OL. Filmtár. X-36202. 1938. 94. pol. 1.l.
[240] Ibid. 96. pol. 1–2.l.
[241] Ibid. 99. pol. 1–4.l.
[242] Ibid. 102. pol. 1.l.
[243] Ibid. 105. pol. 1.l.
[244] Ibid. X-36201, 193. 830. pol. 1–2.l.
[245] Ibid. 1938. 108. pol. 1–3.l.
[246] Ibid. 112. pol. 1–2.l.
[247] *Прасолов С. И.* Указ. соч. С. 44–93.
[248] OL. Filmtár. X-36202. 156. pol. 1–2.l; АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. П. 138. Л. 56.
[249] OL. Filmtár. X-36202. 162. 1–2.l.
[250] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. П. 138. Л. 158 и сл.
[251] Там же. Л. 140.
[252] Там же. Д. 53. П. 142. Л. 23.
[253] Там же. Л. 26–27.
[254] Там же. Л. 29–34.
[255] Там же. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 1–10.
[256] DBFP. Ser. 3. Vol. III. № 20; Vol. IV. № 28; ADAP. Ser. D. Vol. II. № 541, 551,553, 560, 569.
[257] ADAP. Ser. D. Vol. II. № 373, 574, 583, 584; DBFP. Ser. 3. Vol. III. № 41, 44, 1033 etc.
[258] OL. K-64. 1939. 7/a. 909 2.l.
[259] Ibid. 1.l.
[260] Ibid. K-74. 1938. Berlin. Bejövő. 6271/168. 1.l.
[261] Ibid. 982/169. 1.l.
[262] Ibid. K-64. 1938. 7/a. 918. 1–2.l.; 919. 3.l.
[263] Ibid. K-74. 1938. Berlin. Bejövő. 980/170. 1.l.
[264] DIMK. II.k. 673–674. old.
[265] Ibid. 680–681. old.
[266] OL. K-64. 1938. 7/a. 939. 1.l.
[267] Документы и материалы... Т. I. С. 284.
[268] Там же. С. 274.
[269] Там же. С. 306.
[270] Там же. С. 299.
[271] Там же. С. 314.
[272] Там же. С. 317–318.
[273] *Kertesz S. D.* Diplomacy in a Whirpool. Notre Dame (Indiana), 1953. P. 38.
[274] Times. 1938. 28. XI.
[275] OL. KÜM. D. Szent-Iványi. Op. cit. 136.l.

inslav

Глава четвертая

Переговоры в Комарно и первый Венский арбитраж

1. Последствия Мюнхена для Венгрии. Переговоры в Комарно

Венгерское правительство и регент приветствовали Мюнхенское соглашение, хотя оно и не удовлетворило их претензий. 1 октября в речи по радио премьер-министр Б. Имреди дал такую оценку Мюнхенскому соглашению: несмотря на общие положительные результаты, Венгрия остается недовольна им, так как оно оставило нерешенным вопрос о судьбе ненемецких национальностей, живущих в Чехословакии, и в первую очередь – венгров. В конце речи Имреди призвал молодежь «быть готовой к жертвам в интересах нации»[1].

Венгерский посланник Д. Стояи сразу после совещания в Мюнхене рекомендовал своему правительству, «хотя претензии не удовлетворены в полной мере», в расчете на будущее, поблагодарить А. Гитлера, Г. Гёринга, И. Риббентропа и пригласить Гёринга «на охоту» к М. Хорти.

Трудно определить, пользовалось ли венгерское правительство постоянными советами Стояи, которого больше интересовала реабилитация гитлеровцев в глазах хортистов, или последние поступали по собственной инициативе, но в тот же день Хорти направил Гитлеру и Виктору III Эмануилу письма, в которых выражалась сердечная благодарность «за в принципе признанными обоснованными» венгерские требования, за «понимание и энергичную поддержку», которую «постоянно оказывали нам в борьбе за осуществление наших справедливых требований»[2].

Аналогичного содержания письма направили Хорти Гёрингу, К. Каня – Риббентропу, Имреди в адрес Б. Муссолини, а Каня – Г. Чиано. И в действительности, на самом совещании в Мюнхене венгерские претензии поддержал только Муссолини, и он согласился с тем, чтобы их там не обсуждать. Но из дополнительной декларации явствовало, что Германия, Англия и Франция по существу признали венгерские требования, и это

inslav

повлекло за собой открытое согласие Румынии и Югославии на отторжение от Чехословакии территорий, населенных венграми. Все это усилило агрессивность венгерской дипломатии и не могло не отразиться на венгеро-чехословацких переговорах, проходивших в октябре 1938 г.

Министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта вручил 1 октября венгерскому посланнику в Праге Я. Веттштейну ноту, в которой предлагалось создать комитет из чехословацких и венгерских экспертов для рассмотрения проблем венгерского национального меньшинства в Чехословакии. В свою очередь, венгерский посланник по поручению министра Кани вручил Крофте ноту, где рекомендовалось начать венгеро-чехословацкие переговоры[3].

Принимая ноту, Крофта заявил о совпадении желаний двух государств, но переговоры могут быть начаты только через неделю, так как в данный момент правительство занято эвакуацией из Судет и ответом на польские требования. Крофта заметил: мы хотим создать национальное государство и поэтому согласны на переговоры о передаче населенных венграми территорий.

О намерениях Венгрии вести эти переговоры была извещена Франция. Румынское и югославское правительства также были информированы о шагах, предпринятых Чехословакией, и сообщили в Берлин, что не возражают против передачи Венгрии части чехословацкой территории, населенной венграми.

Премьер-министр Венгрии Б. Имреди через посланника в Берлине Д. Стояи довел до сведения министра иностранных дел Риббентропа о намерении незамедлительно потребовать от Чехословакии переговоров на основе Мюнхенского соглашения. Одновременно запрашивалось мнение Германии: поддержит ли она этот шаг венгерского правительства. Статс-секретарь министерства иностранных дел барон Эрнст Вайцзеккер дал положительный ответ[4].

В этот же день Стояи сообщил в Будапешт, что Гёринг всегда поддержит притязания Венгрии на территории Чехословакии, населенные венгерским национальным меньшинством, равно как и словаками, и русинами[5]. А последнее не согласовывалось в то время с позицией Гитлера (только на земли, населенные венграми). Далее Стояи писал: по мнению Гитлера, Гёринга, Риббентропа, Ханса Ламмерса, для того чтобы оправдать венгерские требования перед миром, надо организовать античешские выступления со стороны национальных меньшинств Чехословакии[6]. Кроме того, сообщал Стояи, Гёринг советовал Венгрии не жалеть денежных средств на подрывную работу в Чехословакии[7].

inslav

В связи с этой рекомендацией венгерское правительство активизировало свою деятельность по созданию и укреплению «пятой колонны» в Закарпатской Украине и Словакии. В Закарпатье, начиная с 1922 г., на венгерские средства существовал Автономный земледельческий союз – партия, руководимая сначала Иваном Куртяком, а после его смерти Андреем Бродием. С 1931 г. на польские средства с той же целью – провенгерской деятельности – была создана Русская национальная автономная партия фашистского типа, что открыто афишировал ее лидер Степан Фенцик. С начала 1938 г. венгерским и особенно польским МИДом предпринимались попытки объединить эти две партии, что не удалось из-за амбиций их руководителей.

Целью данных партий было под маской борьбы за автономию Карпатской Руси подготовить оккупацию края хортистами. В будапештских архивах, в польском Archiwum Акт Nowych, в Закарпатском областном архиве обнаружено большое количество документов, разоблачающих деятельность венгерской и польской агентуры в Закарпатской Украине.

В венгерском генштабе в 1935 г. был создан 5-й отдел для подготовки особых отрядов нерегулярных войск, которые выполняли бы задачу расширения границ, восстановления исторической Великой Венгрии, так называемой империи Св. Иштвана. Впоследствии они стали называться Rongyas gbrda (Гвардией оборванцев) и состояли в основном (на 90 %) из резервистов. В серии статей Енё Дьёркеи, опубликованных в 1993 г.[8], раскрыта эта тайная деятельность венгерского генштаба. Они написаны на основе рассказов офицера генштаба Валера Штефана, работавшего в особом 5-ом отделе, возглавляемом Шандором Хомлоком, в 1938 г. – генерал-майором. Под руководством этого отдела было создано по решению правительства и генштаба 19 стрелковых батальонов. В 1938 г. из них осталось 8 батальонов[9], которые в готовности ждали вторжения в Закарпатье.

1 октября 1938 г., как записал в своем дневнике Миклош Козма (руководитель Венгерского телеграфного агентства, пожизненный член верхней палаты государственного собрания и министр внутренних дел в правительстве Гёмбёша и Дарани), его вызвал премьер-министр Имреди и предложил взять на себя политическое руководство подрывной деятельностью в Закарпатье, т. е. Гвардией оборванцев, созданной по типу разбойничьих шаек и укомплектованной прежде всего нилашистами и молодежью – любителями приключений, сбитыми с толку шовинистической пропагандой. Козма дал согласие[10].

Начиная с 5 октября, этих хорошо подготовленных и вооруженных головорезов стали нелегально перебрасывать через границу на территорию Словакии и Закарпатской Украины для проведения там диверсий[11].

inslav

Сам Козма, считавший, что он может руководить и военной стороной дела, в записи от 4 октября отмечал: «Но верно также, что ведение малой войны следует поручить офицеру-кавалеристу или бывшему атаману разбойничьей шайки, поскольку таким путем они добывали себе хлеб и, естественно, разбираются в этом деле лучше кого бы то ни было»[12].

Д. Сент-Ивани, составивший подборку документов по внешней политике Трианонской Венгрии с целью оправдания действий ее правительства, подчеркивал: реально оценить события в Венгрии после Мюнхена можно, лишь если разобраться в личностях по крайней мере трех ведущих государственных деятелей: Белы Имреди, Иштвана Чаки и Хенрика Верта, т. е. премьер-министра, министра иностранных дел и начальника генштаба, прямо подчинявшегося, в обход правительства, регенту Хорти.

Он связывает Верта с теми швабами (т. е. венгерскими немцами), которые действовали в генштабе: генерал-лейтенантом Дёме Стояи (Дмитрием Стояковичем), бывшим военным атташе, а затем посланником в Берлине, генерал-майорами Дежё Ласло (Лаучеком) и Енё Рускаи (Ранцербергером) и генерал-лейтенантами Андрашем Литтаи (Лихтенекером), Ференцем Фекетехалми-Цейднером, Кароем Берегфи (Бергером), Ференцем Байором (Баером) и многими другими.

Премьер-министр Бела Имреди происходил из богатой будапештской семьи патриция Хайриха, получил хорошее образование, в том числе и за рубежом. Установил дружеские отношения с Д. Гёмбёшем и очутился в кресле министра финансов, затем стал директором Национального банка. Он установил внешнеполитические контакты, причем такие, какими в то время в Венгрии обладали только Иштван Бетлен и Пал Телеки. Имреди был страшно амбициозным, болезненно самолюбивым и мстительным человеком. Его характер, беспокойный, нетерпеливый, нетерпимый к возражениям, по мнению Д. Сент-Ивани, походил на еврейский. «Он и был евреем»[13], – писал составитель характеристики. К сожалению, и жена Имреди, утверждал он, по природе своей была женщиной с высокими запросами и часто толкала мужа «в сомнительном направлении».

В политическую жизнь Имреди активно включился в 1937–1938 гг., когда премьер К. Дарани поручил ему подготовить «пятилетний план вооружения Венгрии», так называемую Дьёрскую программу. Во втором правительстве Дарани он курировал уже экономические министерства, а в мае 1938 г. заменил Дарани на посту премьер-министра. Верхняя палата парламента и либеральные круги с опасением смотрели на слишком откровенную прогерманскую политику Дарани. И они возлагали надежды на Имреди как человека западного образа мыслей, который сможет сдерживать

inslav

пронемецкую ориентацию Венгрии от экстремизма и повести ее по западному либеральному пути. Вначале он оправдывал их надежды. Но в сентябре 1938 г. произошли глубокие внутренние изменения в настроениях премьера. Когда он в августе в свите Хорти побывал в Киле (Германия), то как и Каня, выслушал от Гитлера и Риббентропа несколько упреков, но не это главное – на него произвела огромное впечатление военная мощь Германии. После этого он постепенно начал отходить от старой западно-либеральной политики, а в день Мюнхена полностью перешел на сторону Германии. Так современник характеризовал метаморфозы в деятельности Имреди[14].

Сам Имреди в 1945 г. на судебном процессе над военными преступниками сказал, что шел на сближение с Германией по географическим и экономическим соображениям, а также из-за угрозы Венгрии со стороны славян, которые размножались быстрее немцев. Тогда, на суде, он признал, что была угроза Венгрии со стороны Германии, «но я ее, – сказал он, – не мог распознать за опасностью славянской».

С октября 1938 г. Имреди не только постепенно переходит на сторону германских нацистов, но становится одним из самых преданных проводников замыслов Германии.

В 1938–1939 гг., в период премьерства Имреди, самым верным последователем его внешнеполитических идей стал граф Иштван Чаки. Он происходил из обедневшей семьи дворянского рода Чаки. Его отец служил жандармским офицером, что было необычным для венгерской аристократии того времени. Иштван из-за недостатка средств не мог попасть в штат дипломатов и вынужден был поступить в консульскую академию, которую и окончил. Способности он унаследовал, наверное, от матери, брат которой, Иштван Апати, был известным ученым. Но несмотря на старинный род и способности, он продвигался по службе медленнее, чем новые богатеи. Это его раздражало. В 1919–1921 гг. он установил тесные связи с первыми лицами тогдашней Венгрии – И. Бетленом и П. Телеки. Некоторое время работал атташе в посольстве в Бухаресте, в начале 30-х годов – заместителем начальника отдела печати МИДа, а с переходом Л. Бардошши на работу в Лондон – начальником этого отдела. Установив связи и с новым премьером Д. Гёмбёшем, он стал уполномоченным в Мадриде, затем после Золтана Мариашши был назначен начальником кабинета министра иностранных дел К. Кани.

Когда встал вопрос о назначении его министром, против высказался бывший премьер К. Дарани, которому Чаки ответил, что все сделает для завоевания симпатии немцев. Это было нетрудно, если учесть, что он был в хороших отношениях с военной верхушкой. Став министром, Чаки бы-

inslav

стро поменял всех в МИДе. Яноша Вернле сделал замом только потому, что сам не любил ссориться, а Вернле был груб и все удары принимал на себя. Чаки очень любил циничные шутки, но на анекдоты о себе злился и мстил за них. Сент-Ивани почти на пяти страницах записал некоторые из этих анекдотов. Таких видных дипломатов того времени, как Андор - Шемшеи, Фридьеш Виллани и Габор Апор он ненавидел смертельно.

С военными Х. Вертом, Л. Керестеш-Фишером, К. Бартой, Р. Андоркой, И. Уйсаси и др. он продолжал сохранять хорошие отношения.

Регент Хорти назначил начальником генерального штаба, по предложению флигель-адьютанта и начальника генштаба Лайоша Керестеша-Фишера, Хенрика Верта, типичного штабного офицера Австро-Венгерской монархии. Он воспитывался в немецкой среде. По его мнению, Германия была непобедима и Венгрии нужно идти вместе с ней и из-за славянской опасности. Он и его сторонники «делали много такого, что ставило венгерское правительство перед свершившимся фактом и одновременно заставляли его более четко проводить прогерманскую политику».

К этой группе принадлежал и Дёме Стояи. Когда Риббентроп издевался над венгерским посланником в Берлине Силардом Маширевичем, то венгерский министр иностранных дел К. Каня сказал ему: «Если мой друг вас не устраивает, то я пошлю вам "вычурного" посланника. По существу он посланником и не будет, ибо не дорос до этого уровня, но будет очень хорошим почтальоном и ноты будет передавать старательно». Но как показали события, Каня ошибся. Д. Стояи, став посланником, только на первом этапе был «почтальоном». Как видно из материалов предшествующей главы, он стал проводить свою политику. Это была прогитлеровская политика сторонников Верта.

Названным деятелям нетрудно было осуществить свои планы, если учесть, что премьер Б. Имреди после Мюнхена не только «боялся славянской опасности», но и полагал, что в последующие четыре десятилетия в Европе будет господствовать Германия и без ее поддержки Венгрия не только не добьется «приращения» страны, но и не сможет сделать ни одного самостоятельного шага.

Из всего сказанного выше Сент-Ивани сделал вывод: «Следовательно, пронацистская политика в ее открытой форме началась только с осени 1938 г. и основоположниками ее были Б. Имреди, И. Чаки и Д. Стояи»[15]. С этим можно было бы согласиться, если не брать в расчет деятельность правительств под руководством Д. Гёмбёша или К. Дарани.

2 октября министр иностранных дел Англии лорд Эдвард Галифакс написал письмо венгерскому посланнику в Лондоне Дьёрдю Барце, в

inslav

котором выразил надежду, что «венгерское и чехословацкое правительства решат вопрос венгерского меньшинства мирным путем». В ответном письме в тот же день Барца сообщал об уже предпринятых в Праге шагах и просил оказать влияние на ЧСР с целью благоприятного для Венгрии решения вопроса[16].

2 октября К. Каня послал инструкции посланникам в Лондон и Париж с указанием сообщить руководству Англии и Франции, что посланник Венгрии в Праге получил задание предложить чехословацкому правительству немедленно начать переговоры во исполнение мюнхенского решения и как можно скорее завершить их, а также он просил их передать просьбу венгерского правительства правительствам Англии и Франции оказать на Прагу влияние в этом плане, за что оно было бы весьма благодарно[17].

3 октября венгерский посланник в Лондоне Д. Барца доносил в Будапешт о выполнении инструкции предыдущего дня. А. Кадоган, которого он посетил в Форин офис, ответил, что английское правительство уже в период Мюнхенского совещания настойчиво призывало чехословацкое руководство решить как можно быстрее вопрос национальных меньшинств. Кроме того, он принял к сведению венгерскую просьбу и пообещал дальнейшую поддержку со стороны английского правительства. Наконец, просил венгров быть умеренными в отношении требований к чехам и в общении с ними не вести себя бесцеремонно[18].

В тот же день посланник в Париже Шандор Куэн-Хедервари в своей шифрограмме о беседе с Жоржем Бонне передал просьбу последнего от имени правительства «провести дипломатические переговоры в примиренческой манере, а не методом угроз»[19].

3 октября К. Каня направил венгерскому посланнику в Праге Я. Веттштейну шифрограмму с предписанием немедленно посетить К. Крофту, передать ноту и сообщить пожелание венгерского правительства провести с Чехословакией переговоры в дружеском духе и мирной атмосфере и просил создать для них предпосылки, т. е. провести немедленно следующие мероприятия: освободить политзаключенных узников венгерской национальности, демобилизовать венгров из чехословацкой армии и др.

В ноте Каня также предлагал начать 6 октября 1938 г. в городе Комарно венгеро-чехословацкие переговоры. В ноте предлагалось в качестве символа возвращения венгерских территорий ввести венгерские войска в два–три пограничных города. Такими городами, по мнению Кани, могли бы быть Комарно, Парканьнана или Ипойшаг в юго-западной части Словакии и Шаторальяуйхей, Чоп или Берегово на востоке Словакии и в Подкарпатской Руси[20].

inslav

Посылка ноты в Прагу сопровождалась резкой античехословацкой кампанией в печати и по радио с требованиями установления общей границы между Венгрией и Польшей путем передачи Венгрии Подкарпатской Руси.

Венгерское правительство явно нервничало. 4 октября Каня направил очередную шифрограмму посланнику в Праге с просьбой выразить Крофте удивление по поводу отсутствия ответа на ноту, переданную 3 октября[21]. У Крофты были уже другие заботы. 5 октября 1938 г. президент Чехословакии Эдвард Бенеш подал в отставку. Было образовано второе правительство Яна Сирови, в которое Крофта не вошел. Новым министром иностранных дел ЧСР стал бывший посланник в Риме Франтишек Хвалковский. Он из Рима попросил Каню подождать хотя бы неделю в связи с правительственным кризисом и отметил, что не намеревается затягивать время. Он также поинтересовался у Ф. Виллани размерами венгерских требований, а тот сослался на ноту от 3 октября и упомянул о польско-венгерской границе[22].

Венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти после возвращения в Москву из отпуска 2 октября 1938 г. беседовал с заместителем наркома НКИД СССР В. П. Потемкиным. Как записал в своем дневнике последний, разговор носил самый общий характер и единственным заслуживающим внимание было заявление Юнгерта, что Венгрия не может допустить дискриминации в отношении себя «и, разумеется, предъявит Чехословакии требования – отдать ей около полутора миллионов мадьяр вместе с частью Чехословакии, на территории которой обитают эти меньшинства». Приведенная цифра свидетельствует о том, что Юнгерт сознательно пытался обмануть Потемкина, когда назвал число почти в два раза превышавшее численность проживавших там венгров.

Юнгерт определенно высказался в том смысле, что рано или поздно подобные требования будут предъявлены Венгрией Румынии и Югославии[23]. Вот почему Сент-Ивани считал Мюнхен, с точки зрения удовлетворения венгерских претензий, еще даже и не половиной успеха. Одной из причин было ухудшение в августе–сентябре венгеро-германского сотрудничества. К тому же общую венгеро-польскую границу немцы рассматривали в качестве препятствия своему продвижению на восток[24].

Позиция Англии, по мнению Юнгерта, была слишком сдержанной: Лондон предпочел бы примирение Венгрии с соседями. Кроме того, чувствовалось, что Лондон и Париж не хотели быть арбитрами, но оказывали давление на Венгрию с целью умерить ее требования к Чехословакии. Французский посланник в Будапеште посетил МИД (Г. Апора) по тому же поводу: уменьшить требования, поскольку они идут дальше Мюнхена и осложняют достижение соглашения[25].

inslav

4 октября Д. Барца посетил заместителя министра иностранных дел А. Кадогана и заявил, что прошло то время, когда венгров призывали к терпению, германские и польские требования удовлетворены и, по его мнению, пришла пора для решения вопроса венгерского меньшинства. Кадоган выразил уверенность, что теперь уже чехословацкое правительство будет склонно вести переговоры с венграми и пойдет на серьезные уступки. Барца просил оказать влияние на решение этой проблемы в Праге.

На вопрос Кадогана, известны ли посланнику те требования, которые будут предъявлены Чехословакии, тот высказал только свое мнение: территории с преобладающим венгерским населением, как было и с Германией, следует немедленно передать Венгрии, а на остальных территориях, где высок процент проживания венгров, решить вопрос путем плебисцита, кроме того, право словаков и русин на самоопределение он считал несомненным[26].

Во втором донесении в тот же день Барца восхваляет Невила Чемберлена за поддержку Венгрии и в то же время признает, что демократические государства потерпели поражение и под руководством Англии «вынуждены были подчиниться силе или угрозам националистических государств». По мнению Барцы, «преодоление мирового кризиса» есть не что иное, как поражение, скрытое «в мирной упаковке», ибо иначе война могла бы привести к усилению влияния Москвы и в конечном счете – к большевизации Европы.

В политике «умиротворения» агрессора, как отмечал Барца, в английском правительстве не было единства взглядов, о чем свидетельствует и отставка Альфреда Дафф-Купера, первого лорда адмиралтейства. Министр иностранных дел Великобритании лорд Э. Галифакс представлен в донесении как лояльный сторонник премьера Чемберлена, искренне сотрудничавший с ним. Но этого нельзя сказать о других высокопоставленных ответственных сотрудниках Форин офиса, которые почти все являются франкофилами и разделяют политические взгляды Э. Идена. «Это видно было и даже чувствовалось на всех беседах, которые я вел с Кадоганом и Орме Сарджентом. Форин офис, как таковой, думаю, очень осуждает политику Чемберлена и считает ее, с точки зрения Англии, унизительной, а на будущее опасной», – считал Барца.

Барца предлагал рассмотреть и оценить политику Англии по венгерскому вопросу с позиции самих англичан. Заявление Чемберлена, переданное Кане «секретным посредником», как и заявления, сделанные Галифаксом венгерскому посланнику, и письменные его обещания в отношении венгерского меньшинства показывают, что «премьер-министр и Галифакс

inslav

признают законность наших требований». Теперь же, после подписания Приложения к Мюнхенскому соглашению, они считают, что английское правительство в отношении Венгрии сделало все возможное. По представлению англичан, упорядочение вопроса венгерского меньшинства теперь «поставлено на рельсы прямых венгеро-чехословацких переговоров», на которых Англия, в крайнем случае, выступит «как доброжелательный посредник, а не как сторона, осуществляющая давление»[27].

5 октября посланник Венгрии в США Иван Пелени направил донесение Кане (вообще он очень редко писал), в котором извещал о лояльных и благоприятных для Венгрии сообщениях поверенного в делах в Будапеште Говарда Траверзера, в чем он убедился из бесед в госдепартаменте, а также из некоторых его телеграмм, с которыми его ознакомили. Хорошее впечатление произвел на него и посланник США в Будапеште Джон Монтгомери, с которым у него состоялась встреча в Вашингтоне перед его возвращением в Венгрию. По словам Д. Монтгомери, он в госдепартаменте подчеркивал необходимость не только возвращения земель, населенных венграми, но и присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии, а также желательность установления общей венгеро-польской границы. При посещении Пелени заместителя госсекретаря США Самнера Уэллеса, тот спросил его: как он думает, удовлетворится ли Венгрия присоединением Закарпатья? Пелени выкручивался и фактически не ответил на вопрос, а в донесении сообщал, что и руководитель европейского отдела госдепартамента США заводил с ним беседу о Русинии.

Пелени, хотя и считал эту заинтересованность приятной, не связывал с ней особых надежд, поскольку этот зондаж был связан с намерением побольше узнать, не являются ли венгерские требования чрезмерными. К тому же, в довольно широких кругах США существовало опасение, что их удовлетворение вызовет аналогичные требования со стороны других национальных меньшинств, что не будет способствовать стабилизации положения в Европе. Кроме того, несмотря на доброжелательное отношение к Венгрии служащих госдепартамента, оно не оказывает влияния на прочешское поведение американской печати.

В то же время Монтгомери, находясь в США, открыто жаловался на английского коллегу в Будапеште, «употребляя сильные выражения», который, по его мнению, убежден, что как бы не сложились обстоятельства, «Венгрия всегда будет на стороне Германии»[28].

6 октября на митинге в Жилине была провозглашена независимость Словакии. После Мюнхена венгеро-польское сотрудничество усилилось. Венгры не упускали из виду и возможность захвата всего Закарпатья во-

inslav

оруженным путем, рассчитывая на поддержку Польши. Сведения об этом уже широко распространились и во многих странах вызывали неодобрение и тревогу. Еще в конце сентября Пелени сообщил из Вашингтона в Будапешт, что в США очень сильны прочешские настроения, а венгерские территориальные требования к Чехословакии не пользуются симпатией главным образом из-за создания отрядов «добровольцев», т. е. Гвардии оборванцев. Он информировал также о своих намерениях разъяснить: Венгрия хотела бы достичь своих целей мирным путем, а не насилием, чтобы венгров не сравнивали с немцами, которые по «всеобщему здесь мнению о них мчатся в пропасть»[29].

Для согласования тайной подготовки захвата Закарпатья при помощи отрядов добровольцев 5 октября Будапешт направил в Варшаву начальника канцелярии министра иностранных дел И. Чаки. В этот же день Чехословакия в ответе на венгерскую ноту с предварительными требованиями от 3 октября обещала выполнить только первый пункт (из четырех) – освободить венгров-политзаключенных. 6 октября венгерское правительство повторило свою прежнюю ноту и, учитывая положение в Чехословакии – правительственный кризис, согласилось на начало переговоров в Комарно 8 октября. В ноте от 7 октября венгерское правительство указало на невыполнение его требований от 3 октября, но, учитывая заявление нового чехословацкого министра иностранных дел Хвалковского в Риме «о благих намерениях на переговорах с венграми», назвало последнюю дату начала переговоров – 9 октября 1938 г. Чехословацкое правительство в этот же день ответило согласием и перечислило состав своей делегации[30].

В то же время в Варшаве Чаки вел переговоры с Юзефом Беком о венгеро-польском сотрудничестве в целях создания общей венгеро-польской границы. 5 октября Чаки прислал Кане первую шифрограмму. В ней он сообщал: Бек разделяет венгерскую точку зрения о необходимости общей границы. У польского правительства нет территориальных аспираций, а Румынию Польша сдержит дипломатическими мерами. Польша опасается сосредоточения советских войск у Минска и одобряет готовность Венгрии признать решение словаков, каким бы оно ни было, поскольку Словакия и так присоединится к Венгрии. О возможности предполагаемой военной акции на территории Закарпатья Бек обещает ответить после консультаций с руководством страны[31].

На следующий день, 6 октября, Бек в присутствии А. Хори, докладывая о результатах переговоров, сказал: президент И. Мосьцицкий и генерал Эдвард Ридз-Смигли обратятся сегодня к румынскому королю с

inslav

просьбой не мешать венграм в их акции на земле Рутении. Всем польским дипломатическим службам передано предупреждение «поддерживать все наши шаги». Этой ночью корпус пограничников получил приказ закрыть границу с Закарпатьем. Из-за опасности со стороны России поляки в военном отношении пока больше сделать не могут. Польша поддержит беженцев из Закарпатья во всем (под «беженцами» подразумевались заброшенные в Закарпатье венгерские диверсанты и отряды добровольцев). Бек, как писал Чаки, также подчеркнул: польский консул в Ужгороде «в нашем распоряжении»[32].

8 октября польский посол в Лондоне посетил Форин офис с просьбой поддержать притязания Венгрии на все Закарпатье.

Эти меры предпринимались несмотря на то, что речь шла об исполнении решения мюнхенского диктата, предполагавшего лишь передачу Венгрии территорий Чехословакии, населенных этническими венграми.

Когда 8 октября Ф. Виллани, по поручению правительства, передал Г. Чиано карту и объяснения венгерских требований, итальянский министр предупредил: правительство Германии желает вернуть только земли, населенные венграми, и «не поддерживает предъявляемые нами претензии на Закарпатье, поскольку в Берлине идея создания польско-венгерской границы не пользуется симпатией»[33].

Венгрия важные проблемы в переговорах с Италией всегда дублировала не только через посланника, но и военного атташе Ласло Сабо, находившегося в хороших отношениях с Муссолини. 8 октября Сабо был принят начальником генерального штаба Альберто Париани и передал ему карту с обозначением венгерских требований к Чехословакии. Подчеркивая важность для Венгрии установления общей венгеро-польской границы, Сабо акцентировал внимание на отторжении Русинска от Чехословакии и тем самым упразднения румыно-чешско-немецкого, или русско-чешско-немецкого коридора; кроме того, обеспечение северного фланга в возможных военных действиях против Румынии немыслимо без владения Закарпатьем. Париани обещал передать материалы Муссолини[34]. Во всяком случае, венгерская сторона на этом этапе добилась итальянской поддержки захвата Карпатской Руси и даже заявления Муссолини о его заинтересованности в этом.

9 октября 1938 г. венгерский министр иностранных дел К. Каня направил в представительства в Варшаве, Берлине, Риме, Париже и Лондоне поручение сообщить правительствам этих стран об имеющейся в МИДе Венгрии серьезной информации, согласно которой чехословацкое правительство не примет пункт о передаче Венгрии территорий с преоб-

inslav

ладающим венгерским населением. В таком случае венгерское правительство объявит о прекращении переговоров, как беспредметных. Кроме того, в телеграммах для Парижа и Лондона было добавлено: Венгрия сохраняет за собой свободу действий, а для Варшавы, Рима и Берлина: Венгрия объявит всеобщую мобилизацию; для Варшавы и Рима, исключительно для сведения МИДа: «Начавшаяся на русинской территории акция восставших (якобы местного населения, а в действительности – венгерских террористов. – *А. П.*) с завтрашнего дня будет наращиваться»; для Рима: «Возможно, уже завтра попросим немедленно направить нам предложенные 100 самолетов»[35].

Венгеро-чехословацкие переговоры начались 9 октября в Комарно. Венгерскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Калман Каня. Члены делегации: Пал Телеки, министр культов и просвещения, статс-секретари Тибор Пехи и Тибор Патаки, посланник Янош Веттштейн, советник посольства Лайош Кул, советник министра Пал Шебештьен и полковник генштаба Рудольф Андорка.

Чехословацкую делегацию возглавлял Иосиф Тисо, премьер-министр Словакии; члены делегации: посланник Иван Крно, министр юстиции Словакии Фердинанд Дурчанский, дивизионный генерал Рудольф Виест, советник посольства Перегрин Фиса и секретарь посольства Антон Старка.

Позиция чехов была связана с заявлением от 2 октября. По их толкованию, дополнительная декларация Мюнхенского соглашения обязывала Чехословакию обеспечить всем национальным меньшинствам автономию, но в связи с последними политическими событиями, в частности насильственной передачей Тешина и его окрестностей Польше, чехословацкое правительство больше не может уклоняться от переговоров с венгерским правительством. Но автономное словацкое правительство, образованное 6 октября, не признало это заявление чехословацкого правительства[36].

Переговоры открыл И. Тисо, договорились о рабочем языке (французском), а на практике – словацком и венгерском. Затем он предоставил слово К. Кане для изложения пожеланий и своей позиции. Каня заявил: до перехода к существу переговоров венгерская делегация хотела бы узнать, как обстоят дела с теми четырьмя пожеланиями, которые Венгрия изложила в своей ноте от 3 октября с целью создания благоприятной атмосферы для переговоров.

Ответил посланник Крно: по поводу освобождения политических заключенных чехословацкое правительство дало распоряжение по административной линии и уже известило об этом венгерское правитель-

inslav

ство, кроме того, было обсуждено распоряжение об амнистии, которое предполагает освобождение всех венгерских политических заключенных. В отношении пункта о демобилизации из чехословацкой армии венгров, то в проходящей сейчас всеобщей демобилизации они будут отпущены по домам. О третьем пункте – создании смешанных комиссий по поддержанию порядка, то их нужно создавать, по мнению докладчика, после достижения соглашения. В отношении четвертого пункта – символической оккупации двух городов – чехословацкая комиссия прежде всего хотела бы иметь ясность по третьему пункту и знать территориальные претензии венгерской стороны.

После этого развернулась широкая дискуссия по указанным проблемам, так что на первом заседании фактически к переговорам по существу и не приступили, но договорились, что Чехословакия не возражает против оккупации двух городов и предлагает г. Шахи (Ipolyság) и железнодорожную станцию Нове Место-под-Шатром (Sátoraljaújhely) при условии свободного прохода по ней чехословацких поездов. Венгерская делегация пыталась заполучить вместо Ипойшага Парканнану, но безрезультатно. Конкретную передачу этих городов поручили подкомиссии военных. Делегации приняли решение о том, что оккупация должна начаться в полночь с 9 на 10 октября и завершиться в Шахи в течение 24, а на станции Шаторальяуйхей – в течение 36 часов. Подкомиссия военных пришла к соглашению, что венгерские войска пересекут установленную границу 11 октября в 12 часов. На этом первое заседание закончилось.

В тот же день венгерская делегация вручила чехословацкой меморандум, в котором требовала присоединить к Венгрии территории, населенные венграми, и обеспечить право самоопределения для словаков и закарпатских украинцев.

Согласно приложенной венгерской стороной к меморандуму карте, она требовала от Чехословакии передачи ей большой полосы шириной в среднем 40 км, длиной свыше 800 км, с такими крупными городами, как Братислава, Кошице, Мукачево и др.[37].

В сборнике документов данные, содержавшиеся в меморандуме и нанесенные на карты, не опубликованы. Но в своем выступлении в палате представителей парламента о дипломатической борьбе за присоединение Верхнего края (т. е. об отторжении территорий от ЧСР) Каня подчеркивал, что вопрос решался на этническом принципе, на котором «было построено все мюнхенское дело». Венгерские требования «на этническом принципе» состояли из 14 150 км^2 территории с населением 1 090 000 человек по данным переписи 1910 г.[38], т. е. в период пика мадьяризации,

inslav

когда переписчик спрашивал у собеседника, владеет ли он венгерским языком или нет. Если ему отвечали «да», то респондент записывался его в графу «венгр». Графы «национальность» в опроснике не было, она была заменена графой «родной язык матери». Евреи вообще не фигурировали ни в какой форме.

Венгрия требовала передать ей 812 сел и 12 из 13 городов в Словакии и Закарпатской Украине, где жили, по утверждению венгерской делегации, 848 969 венгров, что составляло 77,9 % населения[39].

На втором заседании 10 октября Тисо перед объявлением повестки дня заговорил о двух инцидентах на границе, которые угрожали атмосфере переговоров. Каня ответил, что венгерскому правительству об этих инцидентах якобы ничего не известно. Но если сведения подтвердятся, то венгерские военные будут наказаны. Крно информировал об инцидентах возле Фюлека и Надьборши. Тисо поднял вопрос о необходимости защиты гражданских лиц и их имущества в местах символической передачи Венгрии, полковник Андорка обещал это исполнить.

Только после этого начались переговоры по сути дела. Крно зачитал ответ чехословацкой делегации на венгерский меморандум. Проблема предоставления права на самоуправление словакам и русинам, которого требует венгерская делегация, не относится к кругу вопросов данных переговоров, а территориальные требования венгерского правительства противоречат этническому принципу, что неприемлемо. Нанесенные на карты новые границы не обеспечивают жизненных хозяйственных интересов остающихся в составе ЧСР территорий. Чехословацкая делегация не согласилась и на передачу Венгрии Братиславы, Нове Замки, Лученца, Римавской Соботы, Кошице, Ужгорода и Берегова[40].

На заседании комиссий 10 октября К. Каня отстаивал право Венгрии требовать для словаков и украинцев Закарпатья референдума по самоопределению, в то же время признавал невозможность навязывания им плебисцита без их пожелания. Затем Телеки пытался убедить взять за основу данные последней переписи населения в Австро-Венгрии в 1910 г., по его мнению, якобы отражающей действительное состояние дел и в 1938 г.

Выступавший затем глава чехословацкой делегации Тисо не принял за основу переговоров данные статистики 1910 г., ссылаясь на то, что если бы вернуться еще глубже в историю (к предыдущим переписям 1880 и 1850 гг.), то те данные будут в пользу Словакии. В этой ситуации Тисо предложил сделать перерыв в переговорах примерно на неделю, во время которого он бы созвал совещание специалистов, обстоятельно обсудил венгерские предложения и внес новые.

inslav

Венгерская делегация увидела в этом попытку затягивания переговоров. По этому поводу развернулась долгая дискуссия, и, в конце концов, стороны согласились на следующий день (до обеда) собрать комиссию специалистов, а во второй половине дня, на пленарном заседании, определить (на основе результатов совещания специалистов), есть ли основа для дальнейших переговоров, или расхождения непреодолимы и нет смысла их продолжать.

11 октября заседала совместная комиссия специалистов. Дискуссия велась вокруг переписей населения: австро-венгерской 1850, 1885, 1910 и чехословацкой 1930 г. Самым активным был П. Телеки, отстаивавший венгерскую позицию, прибегая к тем же аргументам, что и на пленарном заседании в предыдущий день. С чехословацкой стороны замечания по венгерским предложениям по всем населенным пунктам Словакии давал Антал Гранатиер, а в отношении Подкарпатской Руси – П. Жидовский, представлявший в тот день, в качестве наблюдателя, утвержденное первое правительство этого края. Когда Жидовский обратил внимание на то, что по переписи 1910 г. венгры во многих населенных пунктах Закарпатья получили большинство за счет евреев, которые в то время не были обозначены отдельной национальностью и приписаны к венграм. Это замечание антисемит Телеки, при правлении которого в Венгрии принимались так называемые еврейские законы, парировал тем, что, мол, обсуждаются только венгры, словаки и русины, а если учитывать и других, то следовало бы спросить их представителей. Представитель Закарпатья отметил, что расхождения в данных переписей 1910 и 1930 гг. связаны с тем, что у словаков и русин рождаемость выше, чем у венгров. По записи в протоколе, на это замечание венгерская сторона не реагировала, т. е. промолчала. Но в то же время Телеки начисто отметал предложение учитывать, наряду с этническими, хозяйственные и стратегические интересы[41].

11 октября перед пленарным заседанием комиссии с обеих сторон поступали жалобы на инциденты в пограничье. Приводилось несколько фактов, в частности Каня сделал заявление о стрельбе в селе Халабор. Причем венгерский министр облек его в следующую форму: военные открыли огонь по населению, певшему венгерские песни. Троих ранили. По этому случаю чехословацкий генерал Виест сообщил: инцидент, по имеющимся у него сведениям, вызвали гражданские лица, перешедшие с венгерской стороны границы, напавшие на железнодорожников, трое из которых были убиты. Чехословацкие войска вынуждены были применить оружие. Нескольких из нападавших схватили, в том числе одно-

inslav

го студента, признавшего, что на венгерской территории в районе Вашарошнаменя их обеспечили оружием и боеприпасами* .

Тисо же заявил, что еще не успел ознакомиться с выводами комиссии (заседавшей до обеда) и пока не готово контрпредложение на требования, выдвинутые венгерской стороной 9 октября. До открытия заседания он информировал об отбытии Крно в Прагу с информацией для правительства о ходе переговоров, а Ф. Дурчанский занят другими делами и подойдет позже.

Телеки информировал о заседании комиссии, подчеркивая, что она и не могла ставить перед собой задачу формулировать предложения.

Тисо рекомендовал сделать перерыв в заседании до получения сведений от Крно и Дурчанского и для проведения совещания со своими специалистами.

Вслед за этим венгерская делегация зачитала и передала в письменном виде длинное заявление с перечислением всего, чем она была недовольна в ходе переговоров, и где было ясно выражено стремление быстрее решить территориальные проблемы, т. е. передать Венгрии обозначенную ею на карте территорию с населенными пунктами, в том числе и городами. В заявлении содержалось обвинение Чехословакии в тенденции затягивания переговоров[42] .

После этого заявления вновь развернулась дискуссия в основном вокруг демобилизации в чехословацкой армии (в которую было призвано 20 возрастных категорий, а демобилизовано пока только две). Тисо просил отложить переговоры до обеда следующего дня с тем, чтобы Крно и Дурчанский могли принять участие в них. Каня спросил: не связано ли это с только что переданным по венскому радио сообщением, что Дурчанский вылетел в Германию для встречи с Гитлером. Тисо заявил, что такими сведениями он не располагает.

Позже выяснилось: Дурчанский, заместитель премьера Словакии и член чехословацкой делегации на переговорах с венграми действительно 11 октября совещались с Гитлером в Германии в отношении венгеро-чехословацкой границы[43] . Какова была позиция Гитлера в тот день, автору пока неизвестно.

На заседании 12 октября (в 12 часов) Крно ответил на венгерский меморандум предыдущего дня в письменном виде. Он отклонил обви-

* Здесь речь идет уже о нелегальной переброске в Чехословакию венгерских членов Гвардии оборванцев с целью совершения на ее территории террористических актов и подстрекательства местного населения к восстанию против чехов. Так венгерская сторона, по-видимому, понимала «волеизлияние» русин требовать плебисцит.

inslav

нения в затягивании переговоров со стороны чехословацкой делегации; обратил внимание на Мюнхенское соглашение, в котором решение проблемы установлено в три месяца, и каким путем? Ведь о передаче территории там нет ни слова; словацкий и карпатоукраинский вопрос не имеет отношения к данным переговорам.

На переговорах в качестве представителя правительства Подкарпатской Руси присутствовал Эдмунд Бачинский, министр внутренних дел, председатель аграрной партии. Взяв слово перед оглашением повестки дня 12 октября, Бачинский напомнил об истории вопроса, а именно: еще 8 мая 1919 г. Русский национальный совет Закарпатья решил присоединить край к Чехословакии. Это великие державы приняли к сведению и по Сен-Жерменскому мирному договору «обеспечили русскому народу Подкарпатья»* широкую автономию. Этим рутенская земля обрела государственно-правовой статус. Он также доложил, что в последнее время «русские политические партии», за исключением одной, коммунистической, вновь заявили о своем присоединении на федеративной основе к Чехословацкой республике. Американские русины вынесли такое же решение. В этих условиях он может заявить, что «карпато-русский народ уже решил свою судьбу: жить с чешским и словацким народами в качестве равноправного в Чехословацкой республике».

Кроме этого Бачинский подчеркнул: карпато-русский народ никогда не сможет отказаться от Ужгорода, Мукачева и Севлюша – городов, являющихся колыбелью русинской культуры и современными его центрами[44]. Не могут русины отказаться и от железнодорожной линии Чоп–Батево–Берегово, сказал он.

После начала переговоров по повестке дня Тисо заявил, что он не уклоняется от переговоров и по территориальным претензиям венгерской стороны, но ставит конкретный вопрос: готова ли венгерская делегация вести переговоры на основе предоставления венграм, проживающим на территории Словакии и Русинии, территориальной автономии. Каня спросил Тисо, не означает ли это, что чехословацкое правительство не готово идти на территориальные уступки? Если это так, то он не принимает предложение всерьез, об этом и переговоры вести нельзя. Он несколько раз подчеркнул настоятельное требование решить проблему на той же основе, что и в отношении немцев и поляков.

Конец непродолжительной дискуссии положил Каня, сообщив, что венгерская делегация не склонна вести переговоры по чехословацкому предложению об автономии.

* Э. Бачинский принадлежал к русофильскому направлению, считавшему местное население русским.

inslav

Тисо на несколько минут взял перерыв, посоветовался с членами делегации и после этого объявил, что чехословацкая сторона готова и по территориальной проблеме вести переговоры и предложил передать Венгрии Житний остров (Csallóköz), за исключением Братиславы (Pozsony) и четырех невенгерских сел в ее окрестностях, и при условии объявления города Комарно свободным портом[45].

Вся эта территория составляла 1840 км^2 с населением в 105 тыс. человек[46].

Представители Венгрии К. Каня и П. Телеки выразили неудовлетворение и заявили, что намерены расширить дискуссию и на другие регионы венгерских поселений. Чехословацкая сторона оправдывала свое предложение созданием равенства в том смысле, если в Венгрии, по предложению венгерской стороны, оказались бы 400 тыс. словаков, то такое же количество венгров должно остаться и в Чехословакии. Если венгры с этим не согласны, то чехословацкая делегация предлагает совершить обмен. Телеки выдвигал разные доводы против этого предложения (надо бы спросить заинтересованных, они не захотят переселяться и т. д.) и отклонил его.

В тот день договорились только о том, что переговоры, на которых чехословацкая делегация внесет новые предложения, продолжатся на следующий день в 9 часов утра.

Тисо, открывая заседание 13 октября, ознакомил венгерскую делегацию с постановлением правительства о предоставлении амнистии венгерским политзаключенным и выразил надежду, что и венгерские власти поступят также с пленными и осужденными чехословацкими политическими заключенными.

Затем премьер Словакии информировал: в районе Краловски Хлумец около 800 вооруженных венгров в гражданской одежде вторглись на чехословацкую территорию и переправленным с венгерской стороны оружием снабжают местное население. Из-за этого пришлось в трех округах ввести осадное положение. Он спросил: намерено ли венгерское правительство предпринять радикальные меры, изменить такое положение, ибо при постоянных инцидентах нельзя спокойно вести переговоры. Выступавшие затем К. Каня и Р. Андорка затрагивали только вопрос о задержанных в Будапеште кораблях с товарами для Чехословакии, а по поводу заброшенных в районе Краловского Хлумеца больших групп диверсантов из Гвардии оборванцев промолчали. Да и не могли они ничего сказать, ведь это с их благословения создавалась так называемая Гвардия оборванцев.

Упоминавшийся выше М. Козма в своем дневнике от 4 октября записал о создании в этой гвардии особого отряда под командованием Ива-

inslav

на Хейяша (хортистского авантюриста, в 1919 г. руководившего офицерскими карательными отрядами), насчитывавшего в своем составе в октябре 1938 г. около 600 человек. Разместили его в районе Нирбатора и Вашарошнаненя для заброски в Закарпатье. Тогда Козма рекомендовал послать в Варшаву Чаки для согласования с поляками совместных подрывных действий в Закарпатье. В день начала венгеро-чехословацких переговоров 9 октября Козма вновь обсуждал с Б. Имреди эту проблему, предложил пойти на любой риск и готов был взять все на себя, чтобы оградить правительство в случае провала.

15 октября Козма беседовал с Чаки о «неприятностях, связанных с заброской на чехословацкую территорию террористов». Упоминается там и инцидент 11 октября, о котором информировала чехословацкая делегация на переговорах. Речь идет о роте Гвардии оборванцев под командованием Према, просочившейся на территорию Закарпатья в районе Дерцена и приступившей к подрывным действиям, но разгромленной чехословацкими вооруженными силами. Козма хвалил ее «за героическую гибель». На этот раз Чаки информировал Козму о «неприятностях». Речь шла о 300 «оборванцах», попавших в плен в Чехословакии. Чешское радио широко на многих языках извещало весь мир о венгерских диверсантах. Венгерские власти испугались, что все 300 террористов будут расстреляны. Немедленно начались демарши через Имреди, а тот через Чаки просил Рим о вмешательстве в интересах пленных. И когда премьер Имреди спросил Козму о его мнении, то тот высказался против официального вмешательства, а в отношении попавших в плен сказал: ему не жаль, если их расстреляют, раз они сдались в плен. Они знали, на что шли. Но успокаивал премьера: мол, чехи и каждого десятого не расстреляют[47].

С переходом к переговорам по существу 13 октября Крно зачитал и передал венгерской стороне ноту с контрпредложениями, а также карту с нанесением новой границы и приложение с указанием способа эвакуации и оккупации.

На этот раз чехословацкая сторона согласилась уступить Венгрии 5 400 км^2 (против 1 840 в первом случае) с населением 350 тыс. (против 105 тыс.) человек[48], из которых 341 987 были венграми. Это составляло 61,8 % территории и 68 % населения из того первичного предложения, которое внесла венгерская делегация, опиравшаяся на перепись 1910 г. и утверждавшая, что якобы в Словакии остается еще 724 698 венгров. А словацкая делегация, опираясь на перепись 1930 г., считала, что в Словакии осталось всего 300 тыс. венгров, т. е. столько, сколько, по ее мнению, проживало словаков на территории Трианонской Венгрии.

inslav

После этого Тисо покинул заседание (ссылаясь на необходимость присутствия на совещании партийных парламентских кругов), а Каня попросил сделать перерыв для изучения предложения чехословацкой делегации. После возобновления заседания Телеки заявил, что чехословацкое предложение для Венгрии полностью неприемлемо. По его мнению, граница, в основу которой положены стратегические и транспортные интересы, является «уменьшенным Трианоном». Венгерское предложение не учитывает эти два последних момента, но проводит границу якобы по чисто этнической линии.

По поводу последних чехословацких предложений развернулась дискуссия между Дурчанским, Жидовским, с одной стороны, и Телеки и Каней – с другой.

Дурчанский в своем выступлении подчеркивал, что чехословацкое предложение основано на принципе равенства (паритета), по которому, по его мнению, границы нужно провести так (поскольку этническую границу в районах смешанных поселений установить невозможно), чтобы столько же словаков жило в Венгрии, сколько венгров останется в Словакии. А также в одинаковой мере для обеих сторон учесть транспортные и хозяйственные интересы.

Телеки отвергал принцип равенства по нескольким соображениям. Прежде всего, он хотел, чтобы в его основе лежали данные переписи 1910 г., затем, он считал, что надо учитывать не количество проживавших венгров по ту и другую сторону границы, а процентное соотношение к населению двух стран. Причем он почему-то в этом случае принимал за основу не соотношение населения Венгрии и Чехословакии, а только Венгрии, Словакии и Закарпатья, т. е. 10 млн к 2,5–3 млн (а не 10 млн к 14 млн), и в таком случае, по его мнению, было бы справедливо, если бы в Венгрии проживало 600 тыс. словаков, а в Словакии и Подкарпатской Руси – 150 тыс. венгров. И тогда, по венгерскому предложению, установилась бы «дружба наций», а не «удержание одной и другой стороной заложников».

На замечания Дурчанского, что Словакия не хочет удерживать у себя ни одного венгра, и Жидовского, заявившего, что сами русины стоят за право на самоопределение и не хотят от Венгрии ни одного венгра, Телеки возразил, что он против обмена населения и отстаивает свои доводы, высказанные ранее.

Венгерская сторона в такой ситуации дальнейшую дискуссию посчитала бесцельной, отказалась представить новые венгерские предложения и попросила прервать заседание до 18 часов.

На продолжившемся в 19 часов заседании К. Каня констатировал, что расхождения столь большие, что преодолеть их в ходе переговоров не уда-

inslav

стся и «поэтому венгерское королевское правительство решило считать данные переговоры со своей стороны законченными и попросит четыре великие державы, подписавшие Мюнхенское соглашение, как можно скорее решить имеющиеся у него территориальные требования по отношению к Чехословакии»[49].

Тисо принял к сведению заявление руководства венгерской делегации. Переговоры были прерваны.

Если проанализировать ход переговоров, то все же Венгрия достигла некоторых результатов. Были освобождены венгерские политзаключенные в Чехословакии и венгерские войска заняли г. Шахи и железнодорожную станцию Нове Место-под-Шатром[50].

Прервав переговоры, венгерское правительство обратилось к четырем державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, и Польше с просьбой поддержать венгерские территориальные притязания к Чехословакии.

В письме регента М. Хорти к правительствам четырех держав, в котором он ставил их в известность о прекращении переговоров, сообщалось: «Венгрия все сделала, чтобы мирным путем... провести в жизнь решение мюнхенской конференции»[51]. Последний абзац в черновике, в котором говорилось о решении венгерского правительства «прервать переговоры, информировать четыре великих государства, участников мюнхенского решения, о настоящем положении переговоров и объявить всеобщую мобилизацию»[52], был зачеркнут Хорти. Однако расчеты на применение военной силы оставались в силе, и на заседании правительства 14 октября было принято решение «о проведении мобилизации для усиления безопасности Венгрии»[53].

10 октября Чиано в ответе на телеграмму от 9 октября интересовался масштабами акции повстанцев в Закарпатье, заверял о готовности обещанных самолетов к отправке в Венгрию и высказал пожелание переодеть итальянских летчиков в Будапеште в венгерскую униформу. Чиано также информировал о получении из Закарпатья большого количества телеграмм против присоединения края к Венгрии, но обещал не придавать им значения[54].

В тот же день Каня дал указание своему посланнику в Праге надавить на А. Бродия, чтобы тот всеми имеющимися в его распоряжении средствами требовал для Закарпатья права на самоопределение[55].

Венгерский посланник А. Хори сообщал из Варшавы: польское правительство готово к пропаганде и акциям саботажа в Подкарпатской Руси. Они сразу начнут в Карпатской Украине подрывную деятельность, как только акции саботажа со стороны Венгрии примут конкретные формы.

inslav

Эту телеграмму Каня тут же использовал для создания шума вокруг якобы существующих акций саботажа в Закарпатье, подчеркивая, что в результате внутреннего брожения учащаются столкновения.

Каня просил Хори при получении подобных известий от хортистов или польского консула в Ужгороде опубликовать их в польской печати, после чего передать в Венгерское телеграфное агентство как сообщение из Варшавы[56].

Военный атташе Венгрии Бела Лендьел доносил 10 октября из Варшавы в Будапешт начальнику генштаба: начальник польского генштаба акции в Закарпатье, начатые с севера, считает польской задачей, а параллельные действия венгерских и польских «отрядов добровольцев» нецелесообразными, поэтому решил направить в Ужгород и Мукачево отдельные отряды (в гражданской одежде под руководством офицера), как было договорено с венграми. По другим дорогам поляки забросят в Русинию группы добровольцев в виде патрулей для осуществления там взрывов и других террористических актов. Это будет предпринято после развертывания борьбы венгерских «добровольцев».

Начальник польского генштаба не одобрил венгерское предложение доставить венгерских добровольцев воздушным путем в Польшу, чтобы они с севера, с польской территории, вошли в Закарпатье[57]. В телеграмме от 11 октября разъяснялось: «эти задачи выполнят поляки». В этой новой шифрограмме военный атташе Б. Лендьел, со слов начальника генштаба Польши, доносил: поляки неизменно стоят на позиции договоренностей между Беком и Чаки, т. е. оказание полной дипломатической поддержки, а в военной области – совместные действия в рутенском вопросе; они готовы разместить четыре батальона пограничников восточнее от перевала Дукля и по просьбе венгров принять участие в акции нерегулярными войсками[58].

К. Каня 12 октября 1938 г. послал А. Хори шифрограмму, в которой сообщал: в Русинско удалось перебросить до сих пор примерно 750–800 человек; после вчерашних и позавчерашних столкновений (о которых поднимался вопрос и на переговорах в Комарно. – *А. П.*) и акций саботажа чехословацкую границу буквально «закрыли наглухо». Министр просил посланника вернуться к предложенному (упоминавшемуся выше. – *А. П.*) плану военного атташе и вновь попытаться провести его через польское правительство. Он высказал опасение, что если брожение, организованное ценой больших усилий и крупных расходов, не получит поддержки с севера, само движение окажется под угрозой.

Каким было в то время положение в Закарпатье? Венгерское правительство продолжало, наряду с рядом других мер, публично требовать

inslav

плебисцита для русин[59]. В дни переговоров в Комарно несколько сот диверсантов было разгромлено и схвачено в Закарпатье.

Эти затеи и мероприятия не совпадали с замыслами германского МИДа, генштаба и Гитлера. В МИДе еще 7 октября была подготовлена записка, где отмечалось, что присоединение Словакии к Венгрии не в интересах Германии. Лучший вариант – предоставить ей автономию и оставить в составе ЧСР.

В отношении карпатоукраинского вопроса в записке говорилось: нет расхождений в отношении того, что для Карпатской Украины, под предлогом самоуправления, во всяком случае нужно требовать автономию. Присоединение автономной Карпатской Украины к Венгрии, чего желают как Венгрия, так и Польша, должно быть решительно отвергнуто. Этим путем создалась бы общая польско-венгерская граница, что облегчило бы создание антигитлеровского блока. Главное командование вермахта также против общей польско-венгерской границы. Поэтому Карпатская Украина должна оставаться в составе Чехословакии.

В посланной в германское посольство в Будапеште инструкции из Берлина указывалось, что Германия поддерживает автономию Словакии. «В отношении Карпатской Украины наша позиция осторожна, но общая польско-венгерская граница не желательна, однако антивенгерские лозунги не выдвигать». В годовом отчете советского посольства в Будапеште за 1938 г. отмечалось: «В то время как требования Венгрии находят полную поддержку со стороны Италии и Польши, в Германии к ним относятся с заметной сдержанностью. Это объясняется тем, что Германия имеет собственные виды на Словакию и Закарпатскую Украину»[60].

15 октября 1938 г. заместитель наркома иностранных дел Владимир Петрович Потемкин в Москве принял Михая Юнгерта-Арноти и сказал ему: Гитлер против присоединения Закарпатья к Венгрии, ибо он хочет создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в том числе и относительно Польши, настроив против нее галицких украинцев и облегчив тем самым осуществление своих претензий к ней[61].

В то время в политических кругах Закарпатской Украины происходило следующее: 5 октября 1938 г. в документе МИДа Венгрии сообщалось о плане Берталана (депутата чехословацкого парламента, лидера партии Автономного земледельческого союза Андрея Бродия): послушать словаков в Жилине (где на митинге провозгласили образование автономной Словакии), вернуться в Ужгород и там предъявить свои требования. Удалить губернатора К. Грабаря и представителя края при пражском правительстве Ивана Паркани, созвать сейм, в котором обес-

inslav

печить себе большинство, чтобы потом принял нужное решение, т. е. о присоединении края к Венгрии[62].

После падения правительства Годжи в Праге его заменил на посту премьер-министра легионер генерал Ян Сирови. 6 октября в Жилине сторонники лидера клерикальной Народной партии потребовали образовать словацкое правительство. Забеспокоились и закарпатские сенаторы, и депутаты чехословацкого парламента: Э. Бачинский, А. Бродий, П. Жидовский, С. Фенцик, И. Пещак, Ю. Ревай, П. Коссей. Они обсудили вопрос о предоставлении краю давно обещанной Прагой автономии.

Однако генерал Я. Сирови решил опередить их и после ухода в отставку президента Эдварда Бенеша министром Подкарпатской Руси в чехословацком правительстве назначил Ивана Паркани, сына учителя из Мараморошa, который был секретарем Т. Г. Масарика, а затем и Э. Бенеша. Это произошло 8 октября 1938 г.[63]

9 октября Паркани прибыл в Ужгород и несколько часов совещался с местными политическими деятелями: Андреем Бродием, Эденом Бачинским, Юлием Реваем, Иваном Пещаком, Степаном Фенциком и Августином Волошиным, т. е. с лидерами основных партий, за исключением коммунистической.

По рекомендации Паркани Сирови назначил министрами А. Бродия (лидера АЗС), Ю. Ревая (главу СДП) и Э. Бачинского (лидера «русского филиала» аграрной партии ЧСР). Они предложили Бродия первым премьер-министром Подкарпатской Руси и 11 октября принесли присягу премьеру Чехословакии Сирови[64], исполнявшему обязанности президента.

А между тем, АЗС и Русский национальный совет трижды (20 сентября, 14 и 17 октября) вручали чехословацкому правительству, дипломатическим представителям четырех государств – участников Мюнхенского соглашения, а также Венгрии и Польши Меморандумы с требованием проведения народного референдума по вопросу: хочет ли Закарпатье остаться в составе ЧСР или желает присоединиться к Венгрии? Занимались этим члены руководства АЗС И. Каминский и М. Демко[65].

22 октября Украинский национальный совет (А. Волошин, Ю. Ревай, С. Клочурак и др.) протестовали против проведения референдума и потребовали передать власть украинским националистическим партиям, заверяя в верности Чехословакии.

На Бродия давили с разных сторон. Еще 10 октября Каня послал в Прагу шифрограмму венгерскому посланнику с указанием нажать на Бродия, чтобы тот любыми средствами требовал для Закарпатья права на самоопределение[66].

inslav

В тот же день А. Хори из Варшавы рекомендовал Кане давать Бродию всяческие обещания его личного продвижения и не скупиться на предоставление ему материальных благ[67].

На следующий день дипломатическая переписка между Будапештом, Прагой и Варшавой сводилась к тому, чтобы согласовать венгеро-польское сотрудничество в посылке банд в Закарпатье для осуществления террористических актов, и содержала указание Бродию сохранить пост премьер-министра. Временный поверенный в делах Венгрии в Праге Вернле рекомендовал ему в отставку не подавать, иначе премьером может стать Фенцик, что нежелательно[68].

И лидер Объединенной венгерской партии в Закарпатье Эндре Корлат, и Иосиф Каминский требовали от Бродия ставить вопрос о референдуме о государственной принадлежности края от имени его правительства.

Но проблема Закарпатья пока не решалась.

2. Первый Венский арбитраж

13 октября Миклош Хорти написал письмо Гитлеру, в котором информировал его о прекращении переговоров в Комарно из-за «неприемлемости чехословацкого предложения» и заявил о том, что вынужден будет отдать распоряжении о мобилизации.

Но главным в письме была просьба принять 14 октября бывшего премьера Венгрии К. Дарани, которому регент и правительство поручали «срочно и основательно» обсудить с фюрером определенные вопросы, связанные с мобилизацией и независимые от нее. Если это возможно, то Дарани готов вылететь немедленно[69].

Тогда же вечером заседало и правительство. После доклада К. Кани, главы венгерской делегации на переговорах в Комарно, развернулась дискуссия вокруг вопроса, в каком направлении действовать дальше. Все согласились с мнением военного министра Енё Раца, что нельзя рисковать армией, а это непременно бы произошло, если бы пришлось воевать на три фронта. Наконец правительство договорилось об обращении к четырем великим державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, с просьбой собраться для решения венгерских претензий к Чехословакии[70].

Еще шло заседание правительства, когда пришел ответ Гитлера о его готовности принять Дарани.

inslav

К. Каня направил телеграмму и в Рим – посланнику Виллани с указанием сообщить в министерство иностранных дел Италии, что венгеро-чехословацкие переговоры прерваны. В связи «с угрозами чехословацкого правительства» Венгрия вынуждена заниматься планом всеобщей мобилизации[71].

Ближе к полудню 14 октября в Будапешт прибыла шифротелефонограмма от Виллани. Он передал содержание полученного указания министру иностранных дел Италии Чиано, который уже в 15 часов согласился принять венгерского представителя Чаки. После обеда, наверно, примет его и Муссолини.

Кроме того, Чиано информировал Виллани о заявлении Тисо итальянскому консулу в Братиславе: «Я не мог идти на дальнейшие уступки». Далее Чиано рассуждал: учитывая общественное мнение, чехословацкому правительству легче будет склониться перед решением четырех великих держав, ссылаясь на принуждение[72].

14 октября венгерское правительство направило ноту четырем державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, в которой сообщалось о прекращении переговоров в Комарно и причине этого, с венгерской точки зрения. В создавшемся положении, подчеркивалось в ноте, венгерское правительство вынуждено позаботиться о безопасности государства[73].

Составители многотомного издания документов по внешней политике Венгрии во втором томе его утверждают, что в архиве министерства иностранных дел материалы о поездке в Мюнхен К. Дарани и его переговорах с Гитлером не сохранились, и полагают, что узнать о ней можно только по данным немецкого архива[74]. В то же время Д. Сент-Ивани в упоминавшемся рукописном сборнике документов по внешней политике Трианонской Венгрии, составленном в годы второй мировой войны, приводит венгерский вариант записи этих переговоров Дарани с Гитлером 14 октября в присутствии И. Риббентропа, генерала В. Кейтеля и посланника в Будапеште Отто Эрдманнсдорфа. Как отмечено в венгерской записи, сначала атмосфера переговоров была официальной. Дарани информировал о прекращении венгеро-чехословацких переговоров в Комарно. Затем Гитлер в течение 10–12 минут перечислял претензии в адрес венгров (за соглашение в Бледе с Малой Антантой, сохранение пакта Келлога). В немецкой записи переговоров упоминается передача Дарани Гитлеру письма Хорти и отмечены причины прекращения переговоров: чехи соглашались отдать Венгрии только часть территории, а границы хотели бы установить не на этнической, а на стратегической основе с учетом транспортных интересов. Дарани представил документы и карты и

inslav

жаловался, что словаки хотят сохранить за собой все венгерские города и железные дороги. На вопрос Гитлера, что намерены делать венгры, Дарани ответил, что как только переговоры были прерваны, радио Братиславы призвало народ к сопротивлению, так как у Чехословакии еще есть армия и достаточно оружия. Венгрия же призвала в армию запасников пяти возрастных категорий, а всеобщая мобилизация намечается на завтра. Гитлер поинтересовался, хотят ли венгры воевать. Дарани заявил: Венгрия не может терпеть поведение словаков. Затем Гитлер напомнил, что он неоднократно предупреждал венгров и в период берлинского визита, на борту корабля, и в дни пребывания Имреди и Кани в Оберзальцберге и считал это более чем достаточным. Он также ясно высказал и свои намерения в отношении Чехии так или иначе решить чехословацкую проблему в октябре.

Польша нашла подходящий момент, вступила в акцию и добилась своей цели. Еще во время польской акции у Венгрии были шансы полностью защитить свои интересы (с замечанием Дарани, что между Венгрией и Польшей есть различия, Гитлер согласился).

Эту проблему можно решить путем переговоров только в том случае, если человек решился на действие. И он (Гитлер) только таким способом мог добиться того, что хотел. Но венгерский министр иностранных дел К. Каня, как видно, не верил в ось. Он в то время не мог сказать ничего иного, кроме выражения сомнений, хотя он, Гитлер, сказал ему: Франция и Англия воевать не будут. Теперь же положение таково: если дело дойдет до конфликта, то Венгрия останется одна и исход борьбы будет непредсказуем. Если состоится конференция великих держав, то ее результаты очень сомнительны. Он против созыва конференции четырех, ибо может возникнуть ситуация «два к двум», и спросил, готова ли Венгрия в таком случае к войне? Если нет, то мобилизация необоснованное и очень дорогое мероприятие. Он не может оказать Венгрии военной поддержки, ибо идет демобилизация германской армии, а зимой действия авиации ограничены. Да если бы четыре великие державы и договорились, ничего бы не получилось. Ибо сейчас никто не желает воевать и никто не захочет участвовать в международных карательных акциях.

Затем Дарани на карте показывал венгерские требования к Чехословакии. В венгерской записи отмечено: Гитлера «они не воодушевили». Фюрер напомнил, что венгры раньше информировали его: «словаки и русины любой ценой хотят объединиться с Венгрией». Теперь выходит, что это не соответствует действительности. Он установил, что «ни словаки, ни русины не хотят идти в состав Венгрии». С этой точки зрения и

inslav

результаты плебисцита были бы очень сомнительны. Во всяком случае, решающим фактором является «не то, кто прав, а то, у кого есть сила».

Когда решался вопрос, упрекал фюрер, Венгрия не желала рисковать, заявляла о своих правах, но не хотела добиваться их силой. Гитлер в ходе этой беседы приводил и ряд других обвинений против Венгрии. На возможной новой международной конференции Германия и Италия поддержали бы Венгрию, но в новых условиях Франция и Англия, которых чехи сейчас презирают, постараются восстановить свой престиж в Чехословакии, зная, что Германия не пойдет сейчас на новую мобилизацию. А после этого чехи и словаки не стали бы слушать венгров. Создалось бы безвыходное положение.

И когда Дарани вновь стал просить поддержки Германии, Гитлер посмотрел на карту и спросил, нельзя бы часть территории проживания венгров оккупировать, а другую заполучить путем референдума. Дарани ответил: нужно спросить правительство. Проводить плебисцит во всей Словакии и Карпатской Украине, как того хотела Венгрия, канцлер не советовал из-за настроения населения, в подтверждение чего сообщил о нескольких делегациях от жителей этих земель с заявлениями против присоединения их к Венгрии. Но он не арбитр в данном вопросе. Словакам нельзя навязать референдум. Они хотят стать независимыми, но не хотят объединяться с Венгрией. По мнению Дарани, ситуация в Словакии и Карпатской Украине сразу изменилась бы в пользу Венгрии, если бы там не было чешской армии.

Участвовавший в беседе Риббентроп вновь подчеркнул, что конференция четырех держав нежелательна, и предложил венграм и словакам договориться в двустороннем порядке. Гитлер тут же рекомендовал пригласить Хвалковского (тот утром вел с ним переговоры в Мюнхене и еще не выехал) в расчете, что он с Дарани договорится. Гитлер считал венгерский и чехословацкий проекты установления границ несправедливыми и предлагал на двусторонних переговорах достичь более приемлемых границ. Дарани отклонил это предложение, заявив об отсутствии у него полномочий на такие переговоры.

Конечным итогом может быть, заявил канцлер, только пожелание народа, а как известно в Германии, «население Словакии не желает объединяться с Венгрией». Гитлер упомянул и о том, что словаки никогда не откажутся от Братиславы. Дарани заметил: если бы венгры и немцы в Братиславе проголосовали вместе, то получили бы большинство. Ответ Гитлера был категоричным: немцы наверняка этого бы не сделали, поскольку они никогда не захотели бы жить под венгерским господством на правах меньшинства.

inslav

Гитлер посмотрел на карту и заявил: международная конференция никогда не приняла бы предложенную Венгрией линию границы. Если бы прежде дошло дело до войны, то Венгрия получила бы всю Словакию. А теперь нужно приспосабливаться к возможному.

Риббентроп вновь предложил венграм оккупировать чисто венгерскую территорию, а по остальным претензиям провести плебисцит.

Гитлер поручил министру иностранных дел узнать у чехов, на какие максимальные уступки они могут пойти, и в связи с этим просил Дарани сообщить Риббентропу для его личной информации минимальные венгерские требования.

Наконец, Дарани (по венгерской записи) в присутствии Гитлера, Кейтеля, Риббентропа, Эрдманнсдорфа и одного служащего МИДа (Вальтера Хевеля, представителя МИДа при Гитлере, составлявшего протокол переговоров) заявил: в венгеро-немецких отношениях возникло охлаждение, причину чего необходимо выяснить, для этого он и приехал.

В немецкой записи данный момент отражен следующим образом: «Дарани заметил фюреру: он чувствует, что между Венгрией и Германией что-то не так, как нужно бы, и выразил опасение, что Германии что-то не нравится». Гитлер ответил: нечего обижаться на Германию, поскольку в свое время он не просил Каню помочь ей, а только предупреждал его, если он ничего не делает, то «останется в дураках». Дарани может отбросить всякие сомнения, но если считает желательным, пусть сделает официальное заявление о более тесном сплочении Венгрии с осью Рим–Берлин. Он полностью доверяет это венграм, поскольку Венгрия суверенное государство, но спрашивает Дарани: почему она все еще в Лиге наций? Дарани ответил, что он может предложить правительству выйти из Лиги наций и, по всей вероятности, сможет этого добиться. Дарани спрашивал: желательно ли присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту? Фюрер это одобрил, но рекомендовал осуществить все три предложения (т. е. присоединение к оси Рим–Берлин, выход из Лиги наций и сближение с Германией) только после упорядочения венгеро-словацкого вопроса, ибо если бы спор был вынесен на конференцию, то нет необходимости, чтобы Венгрия на ней противопоставила себя Великобритании и Франции.

Далее Гитлер подчеркнул, что если бы Германия, Венгрия и Польша создали большой блок, тогда ничто не было бы окончательным, настал бы черед и изменению границ. При встрече с Хвалковским фюрер поручил Риббентропу заявить ему: если чехи не установят справедливую границу с венграми, то «Германия никогда не гарантирует ни одной ее границы».

inslav

В венгерской записи эта часть беседы выглядит следующим образом. Дарани заявил: можно подумать, например, о том, чтобы «перед всем миром открыто изложить позицию Венгрии». На вопрос Гитлера: «Что вы имеете в виду?» Дарани ответил: Венгрия может заявить о присоединении к оси; не надо забывать, что Венгрия первой выступила против коммунистической опасности. Не исключено и присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

На вопрос Гитлера, почему Венгрия не выходит из Лиги наций, Дарани отвечал: из-за меньшинств Венгрия считала Лигу наций форумом. «Теперь нас, – продолжал он, – ничего не связывает с ней», и добавил: не верю, чтобы официальные венгерские деятели решительно отклонили эту мысль.

Далее Дарани заговорил о возможности более тесного сотрудничества Венгрии с Германией, а в области вооружения Венгрии – с осью Рим–Берлин. Это заявление живо заинтересовало Гитлера, и он спросил, можно ли говорить о 10-летнем экономическом соглашении. Дарани ответил положительно.

После этого, во второй половине переговоров, настроение значительно улучшилось. Тон Гитлера стал дружественным. Гитлер на всякий случай заявил, что новая венгеро-чехословацкая граница должна базироваться на этническом принципе, последнее предложение чехов не считает удовлетворительным и Риббентроп сообщит министру иностранных дел ЧСР, которого на несколько часов задержали в Мюнхене, что Германия не склонна гарантировать эти границы. Имеются еще и другие возможности, о которых Дарани поговорит с Риббентропом отдельно.

В немецкой записи переговоров читаем: Дарани доложил о беседах с министром Рихардом Дарре по венгеро-германским экономическим связям и просил продолжить переговоры об экономическом соглашении на 10 и более лет. Гитлер согласился с необходимостью заключения долгосрочных экономических договоров. Дарани желал также получить от Германии и Италии вооружение для венгерской армии по линии товарооборота или путем их кредитирования. Гитлер и с этим согласился, указывая на будущие экономические переговоры.

На этом немецкая запись переговоров фактически кончается[75].

После того как Риббентроп и Дарани уединились, министр иностранных дел Германии предложил Дарани немедленно связаться с Будапештом и спросить, каковы те новые границы, по мнению Венгрии, которые могут быть приняты за основу переговоров с Чехословакией. В 8 часов Дарани получил от премьер-министра Белы Имреди следующие директивы: вопрос о Братиславе оставить открытым. В округе Нитры Венгрия готова

inslav

пойти на уступки так, чтобы линия Братислава–Нове Замки (Érsekújvár) осталась в руках венгров, но в конечном счете и здесь согласны на плебисцит, как и в секторе Йолшвы (Иглавы). И на восток от Кошице готовы на уступки или плебисцит, но Кошице и район западнее должны отойти к Венгрии. Венгрия настаивала на решении на основе переписи 1910 г. и проведении его в жизнь в течение недели.

Эти директивы Дарани сообщил Риббентропу в 19 часов, министр нанес эти новые данные на карту и обещал сообщить их Хвалковскому как свои предложения[76]. Дарани почувствовал, что как Гитлер, так и Риббентроп против передачи Братиславы Венгрии, и предположил, что Германия уже пообещала ее Словакии.

Затем начались переговоры Риббентропа с Хвалковским в присутствии Эрдманнсдорфа. Хвалковский заявил, что он не в курсе всех деталей вопроса. По последнему венгерскому предложению на территории Венгрии прибавилось бы к 300 тыс. проживающим там сейчас словакам еще 440 тыс. и 70 тыс. русин, т. е. всего на территории жило бы 810 тыс. словаков и русин. В такой ситуации словацкая делегация на переговорах в Комарно считала справедливым, если бы на чехословацкой территории после урегулирования спора осталось 300 тыс. венгров. По мнению Хвалковского, словаков трудно будет убедить принять этот вариант. И как видно из вышеприведенного материала, перед Риббентропом стояла задача предложить новый, более приемлемый для всех вариант и в ходе переговоров чехословаков с венграми решить проблему на двусторонней основе, что он и делал в разговоре с Хвалковским.

Позднее Риббентроп позвонил в Рим и ознакомил Чиано с результатами переговоров в тот день в Мюнхене: принимая во внимание, что венгерское правительство теперь заявляет только о прекращении переговоров в Комарно, созыв конференции четырех пока не актуален. Взамен этого германское и итальянское правительства окажут сильное давление на Прагу, чтобы она обратилась непосредственно к Венгрии с новыми «разумными предложениями». И если этот шаг не будет иметь успеха, то тогда венгерское правительство может попросить итальянское и германское правительства о посредничестве, а если и это не поможет, то тогда Венгрия пусть обращается к конференции четырех[77].

Премьер-министр Венгрии Б. Имреди, определяя задачи внешней политики Венгрии, подчеркнул, что она должна все более приспосабливаться к политике «оси Берлин–Рим». Этим он хотел обеспечить поддержку со стороны Германии и Италии.

В тот же день, 14 октября, когда Дарани вел переговоры в Мюнхене, начальник канцелярии министра иностранных дел И. Чаки вылетел в

inslav

Рим, где в тот же день провел переговоры сначала с министром иностранных дел Г. Чиано, а затем и с премьер-министром Б. Муссолини.

Муссолини и на этот раз не скупился на обещания и заверял венгерское правительство в далеко идущей политической, дипломатической и военной поддержке. Он давал разные советы, о которых как о точке зрения Муссолини, Чаки доносил в МИД Венгрии, сгруппировав их в семь пунктов. Дуче рекомендовал немедленно потребовать созыва конференции четырех великих держав, указав, что не осталось ни малейшей надежды на возобновление прямых переговоров, а отсрочка решения сопряжена с угрозой миру. Он предлагал Венгрии провести частичную мобилизацию, а о мотивах ее (угроза со стороны ЧСР) сообщить великим державам и соседям, а также польскому правительству. Он заявлял о готовности дипломатическим путем довести до сведения правительств Югославии и Румынии о мирных намерениях Венгрии. Муссолини поведение Германии в отношении Венгрии считал пассивным. В случае возражения англо-французской стороны против мобилизации, Венгрии следует заявить о готовности к демобилизации в такой мере, как это сделает и Чехословакия, но только после конференции четырех. Муссолини желал бы созвать конференцию в начале будущей недели в Генуе, и если сам и не сможет присутствовать на ней, то окажет на нее самое сильное влияние.

Чаки сообщал: в Риме существуют некоторые подозрения относительно политики Германии, что «не облегчает наше положение»[78].

14 октября вечером Чиано пригласил к себе Чаки, который прибыл с посланником Виллани, и спросил, передала ли Венгрия ноту в отношении созыва конференции четырех, добавив, что итальянское правительство уже дало указание своим представителям в Лондоне, Париже, Берлине и Белграде сообщить правительствам на местах: готовящаяся нота венгерского руководства всячески поддерживается Италией.

От имени Муссолини Чиано сообщил, что в аналогичном духе он уже переговорил с английским послом в Риме Э. Пертом, а также югославским посланником, которому сказал, что Венгрия в ответ на провокацию Чехословакии мобилизует запасников пяти возрастных категорий и меру эту итальянское правительство считает своевременной и обоснованной, а также подчеркнул: итальянское правительство поддерживает венгерские устремления установить общую венгеро-польскую границу и, по его мнению, это и в интересах Югославии, с расчетом на будущее.

По словам Чиано, югославский посланник принял его информацию с пониманием и заявил, что его правительство больше интересует судьба славянских земель в Словакии, чем в Подкарпатской Руси[79]. Чиано,

inslav

между прочим, просил польского посла повлиять на свое правительство, чтобы оно не выдвигало препятствий в связи с созывом конференции четырех, поскольку, по его мнению, это единственная, а может быть, и последняя возможность создать общую венгеро-польскую границу* .

Чиано информировал венгерских представителей и о телефонном разговоре с Риббентропом (о чем шла речь выше). По мнению германского министра, конференция четырех была бы опасной для Венгрии. Чиано ответил: он уже изменил свое мнение на основе вчерашнего официального заявления венгерского правительства. Риббентроп просил пересмотреть вопрос[80], но Чиано не проявил никакой склонности к этому. (Однако, как видно из других источников, это было не совсем искреннее заявление. Он сделал так, как желало германское нацистское правительство.)

После разговора Чаки с премьером Венгрии по телефону, заявление Чиано, как он сообщал потом в шифрограмме в Будапешт, «произвело на него довольно неприятное впечатление». И когда Чаки получил слово, то он, как будто бы ничего и не произошло, поблагодарил Чиано и сказал: после переговоров с Риббентропом и сообщений Гитлера Венгрия не может прямо просить созыва конференции четырех, кроме всего прочего уже хотя бы потому, чтобы не ставить Италию в неловкое положение. Это потрясло Чиано, и он пошел советоваться с Муссолини.

После консультации с дуче он сказал, что прекратит начатую кампанию за созыв конференции четырех, и от имени Муссолини предложил провести прямые переговоры с чехословацкой стороной, а если это не приведет к быстрому результату, тогда Венгрия пусть прибегнет к германо-итальянскому арбитражу. Чиано выразил сожаление по поводу того, что конференция четырех не состоится, ибо, по его мнению, «мы обращаемся к кому попало и в результате этого потеряли Подкарпатскую Русь». Затем, в присутствии Чаки, Чиано попросил соединить его с Риббентропом в Мюнхене.

Чаки доносил в Будапешт о своем впечатлении, согласно которому итальянцы теперь больше, чем когда-либо, заинтересованы в сильной Венгрии (это сказал и Муссолини), в присоединении Русинска к Венгрии «видят прямой итальянский интерес». Он высказал убеждение: Италия в силу своих возможностей сделает все в защиту венгерских интересов[81].

---

* Связано это было с тем, что 14 октября Бек заявил Хори: раз Венгрия обратилась к мюнхенским державам (Польша систему Мюнхена не поддерживала), то этим исключила возможность Польши помочь Венгрии и он дал указание польскому посланнику в Будапеште заявить о «незаинтересованности Польши» (DIMK. II. k. 794–795. old.).

inslav

Сент-Ивани в своей рукописи к документам рассматриваемого периода от себя добавил: премьер-министр Б. Имреди поручил Дарани на переговорах в Мюнхене поднять вопрос об экономическом и политическом сближении Венгрии с Германией. Это был исходный пункт, откуда венгерская политика логическим путем пришла к антикоминтерновскому пакту, к тройственному союзу и, наконец, к объявлению войны Югославии, России, Англии и США.

Экономическая политика привела к постепенному подчинению венгерского хозяйства германским интересам[82].

Сент-Ивани критиковал позицию Дарани и Чиано, полагал, что нужно было добиваться конференции четырех, так как только такое решение было бы долгосрочным[83]. Он ошибся, ибо, как свидетельствует история, и единственное, созданное четверкой, – Мюнхенское соглашение оказалось весьма нежизнеспособным.

Венгерская печать продолжала кампанию за установление общей венгеро-польской границы. После переговоров Дарани в Мюнхене она с пафосом заявляла, что якобы Дарани и Чаки удалось обеспечить полное согласие Германии и Италии в венгерском вопросе[84].

На самом же деле переговоры в Риме и Мюнхене обнажили противоречия в итало-германских представлениях о решении чехословацкого вопроса.

Позиция, высказанная Гитлером в переговорах с Дарани, объяснялась тем, что в послемюнхенский период внешняя политика Германии была направлена на ликвидацию Чехословакии и предотвращение любых попыток объединения государств, расположенных к востоку от Германии. Как видно из сохранившихся документов, цели этой политики были определены совершенно ясно. В меморандуме верховного командования вермахта от 5 октября 1938 г., адресованном министерству иностранных дел, говорилось, что создание компактного блока государств, расположенных на восточных границах Германии и имеющих коммуникации на юго-востоке Европы, не соответствовало бы интересам государства. Следовательно, «создание общей венгеро-польской границы является нежелательным по военным соображениям». Министерство иностранных дел подготовило для Гитлера меморандум по вопросу Словакии и Карпатской Украины, в котором приводило доводы против автономной Подкарпатской Руси в рамках Венгрии и рекомендовало создать «независимую» Словакию либо оставить ее в рамках Чехословакии. Вот почему Германия в то время не поддержала венгерские претензии на всю Словакию и все Закарпатье. Она считала необходимым сохранить авто-

inslav

номную Карпатскую Украину под своим неограниченным контролем, создать таким образом барьер между Польшей и Венгрией и заставить Венгрию быть более уступчивой по отношению к Германии.

В соответствии с такими планами германское правительство решило поддержать притязания Венгрии на территорию, населенную мадьярами, и стремление Словакии получить автономию, конечно под своей эгидой, в рамках чехословацкого государства. Это было нетрудно после Мюнхена, когда в Чехословакии к власти пришли немецкие ставленники, и она вошла в ряд государств, соревновавшихся между собой за благосклонность гитлеровского рейха. В то же время произошла и смена правительства в Закарпатье. Пражским правительством были устранены агенты хортистов (А. Бродий и др.) и создано правительство А. Волошина, открыто демонстрировавшее свою приверженность к Германии и отвергавшее планы создания общей венгеро-польской границы. Об этих планах были поставлены в известность германские миссии за границей.

Между тем борьба вокруг Карпатской Украины не стихала. И это станет понятным, если вникнуть в планы Германии. Занавес над этой гитлеровской тайной приоткрыл японский посол в Москве Мамору Сигемицу. Он встретился с венгерским посланником в Москве М. Юнгертом-Арноти 14 октября 1938 г. перед отъездом на новое место назначения в Лондон. Они встречались и ранее, когда начался процесс установления дипломатических отношений между Венгрией и Японией. Точно за месяц до этой встречи он уверял Юнгерта, что в случае нападения Германии на Чехословакию СССР не вступит в военный конфликт. Но он тогда не ответил на вопрос Юнгерта, какую позицию в отношении Советского Союза займет Япония, если СССР окажет помощь Чехословакии. Он только обронил: одной из целей сражения у оз. Хасан было проверить боеспособность Советской армии, и результат с точки зрения японцев успокаивающий[85].

О беседе, состоявшейся 14 октября 1938 г., сохранились два документа Юнгерта. Это шифрованная телеграмма с пометкой «только для министра»[86] и донесение от 17 октября 1938 г.[87].

По мнению японского посла в Москве, трудности переговоров в Комарно и препятствия, чинимые Германией в установлении общей венгеро-польской границы, а также неопределенность вопроса о принадлежности Словакии и Закарпатья связаны с такими факторами, с которыми заинтересованные страны недостаточно считаются. Важнейшими из них, по мнению Сигемицу, являются восточные планы Гитлера, т. е. подлежащие решению вопросы находятся по линии, «составляющей направление будущей экспансивной восточной политики Гитлера».

inslav

При упорядочении территориальных споров в странах Гитлер еще колеблется, не решил, как та или другая страна поведет себя на этом пути. Он разъяснил Юнгерту: Япония объединилась в антикоминтерновском пакте с Германией и Италией на той основе, что экспансионистская политика Германии будет направлена на восток, в направлении Украины. Ось Берлин–Рим–Токио отвергает экспансию Гитлера в юго-восточном направлении – на Балканы и Багдад. Это был план Вильгельма II. Гитлер этим путем не пойдет (он может подвергнуть опасности римскую часть оси, вызвать недовольство многих малых стран, и Япония потеряла бы интерес к Германии).

Сигемицу рекомендовал конфиденциально встретиться Хорти, Муссолини и Гитлеру для выяснения вопросов восточной политики. Результаты договоренности они сохранили бы в тайне, и если бы Венгрия присоединилась к ним, то это облегчило бы путь и решения проблем в Средней Европе, в том числе и государственную принадлежность земель словаков и русин в пользу Венгрии. В эту тайну позднее мог бы быть посвящен и Бек.

Сигемицу считал, что эти четыре страны могли выяснить и позицию Румынии в случае предстоящего решения русского вопроса «в не очень далеком будущем». Слабость Советского Союза теперь точно определена.

В то же время, появившиеся в немецкой прессе статьи, направленные против установления общей польско-венгерской границы, раздражали хортистов, и Каня решил разъяснить позицию венгерского правительства в данном вопросе германскому посланнику Эрдманнсдорфу. Венгры старались убедить гитлеровцев в том, что Германия должна быть заинтересована в создании общей венгеро-польской границы, заверяя их, что «распространенные французской печатью слухи о том, что польско-венгерская граница, примыкающая к Румынии, была бы ядром антигерманского блока, являются совершенно абсурдными. Наоборот, линия Карпат создает естественную преграду против Востока, и Венгрия, в случае возвращения ей Подкарпатской Руси, будет продолжать румынский фронт, направленный против большевизма, создаст против него крепкий бастион на перевалах Карпат». В заявлении венгерского правительства подчеркивалось, что «в результате событий последних месяцев Венгрия чувствует себя еще в большей степени привязанной к оси Берлин–Рим и при желании готова доказать это на деле[88].

Однако Гитлер, как видно из приведенных выше материалов, отклонил ревизионистские требования Венгрии и вновь предложил придерживаться этнического принципа. Он также поступил с предложением Муссолини о созыве новой конференции четырех для решения венгеро-чехословацкого

inslav

вопроса. Гитлер в беседе с Дарани сначала предложил свое посредничество в решении спора, а позже согласился и на арбитраж стран оси[89].

В то же время хортисты, добиваясь всей территории Словакии и Подкарпатской Руси, обращались за помощью не только к Гитлеру и Муссолини, но и к другим участникам Мюнхенского соглашения. Так, регент М. Хорти еще 8 октября направил письмо премьеру Великобритании Невилю Чемберлену, в котором, ссылаясь на обещание, данное его братом Остином Чемберленом три года назад, просил поддержать венгерские территориальные притязания к Чехословакии, считая момент для этого подходящим[90]. Н. Чемберлен ответил 28 октября 1938 г., обещая Хорти полную поддержку со стороны Англии, и в качестве подтверждения этого приложил к письму выдержку из выступления лорда Галифакса в Эдинбурге 24 октября 1938 г., в котором английский министр иностранных дел, говоря о последних международных событиях, заявил: «Мы признаем, что Венгрия имеет свои законные притязания, и надеемся на то, что будут найдены способы их удовлетворения мирным путем»[91].

Чемберлен в этом письме предлагал путь прямых переговоров двух заинтересованных стран. И тут же, в заключение, заверял в готовности сделать все от него зависящее, «чтобы вместе с другими участниками Мюнхенского соглашения помочь прийти к такому решению вопроса о венгерских требованиях, которое заложит основы справедливого порядка»[92].

Английская дипломатия в то время весьма благосклонно относилась к удовлетворению претензий Венгрии. 6 октября английский посол в Польше Говард Кеннард докладывал министру иностранных дел Англии, что польское правительство положительно относится к «гарантированной автономии Подкарпатской Руси» в рамках венгерского государства. Он писал, что если районы, населенные венграми, вместе с важными железными дорогами будут переданы Венгрии, то остальная Карпатская Украина не сможет существовать. Одновременно польская пресса оспаривала законность прав Чехословакии на Закарпатье и подчеркивала интерес Польши к этой территории по причинам «военной безопасности». Руководствуясь этими доводами, министр иностранных дел Польши Ю. Бек пытался убедить английского посла в Варшаве в разумности позиции Польши в вопросе о Подкарпатской Руси. Он считал Закарпатье «ничейной землей», даже скорее венгерской, чем чехословацкой территорией. Бек полагал, что стабилизация в Центральной Европе может наступить только после удовлетворения притязаний венгров.

Посол Англии в Италии лорд Э. Перт советовал 7 октября министру иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковскому (бывшему посланнику

inslav

в Риме) немедленно удовлетворить претензии венгров в отношении граничащих с Венгрией районов с преобладающим мадьярским населением.

Английская и французская дипломатия в первой половине октября 1938 г. проявляла некоторую осторожность, точнее, не было выработано единой точки зрения к венгерским притязаниям. В сообщении английского посланника в Венгрии Джефри Нокса высказывалась мысль, что «ось Рим–Варшава» не может воспрепятствовать проникновению Германии в Чехословакию из-за слабости среднего ее звена – Венгрии, но «Венгрия, поддержанная всей мощью стоящей за ней Германии, явилась бы надежным звеном оси Рим–Варшава, если бы эта ось совместно с Германией стала барьером, отрезающим Россию от Западной Европы»[93].

Английский посол в Германии Невиль Гендерсон в своем докладе английскому правительству от 18 октября рассматривал решение венгерско-чехословацкого вопроса в духе предложений, изложенных через несколько дней в ноте Венгрии Чехословакии.

Из донесений венгерского посланника из Берлина Д. Стояи видно, что до Мюнхенского соглашения (о чем свидетельствовало и содержание бесед венгерской делегации в Германии в августе) немцы готовились расчленить Чехословакию. По берлинской терминологии это называлось «великим планом» или «великим решением», а Мюнхенское соглашение – «малым решением»[94].

Борьба вокруг венгеро-польского коридора (общей венгеро-польской границы) и те известия, что венгры, возможно, желали бы сблизиться с противоположным блоком, нервировали Вильгельмштрассе, – сообщал Стояи. Поэтому статс-секретарь, с интересом приняв к сведению его сообщение, успокоился, услышав, что Венгрия останется верной оси, т. е. и впредь хочет быть тесно связана с ней, а также то, что для словаков и русинов она требует только самоопределения[95].

«Как бы мы не оценивали положение, – писал Стояи, – с нашей точки зрения "великое решение", по-видимому, было бы даже ценой войны более предпочтительным для нас, чем "малое решение" со всеми его сложными и нерешенными вопросами. "Великое решение", как известно, состояло в том, что Германия аннексировала бы территории Чехии и Моравии, а мы – Фелвидек»[96] (Верхний край, т. е. Словакию и Подкарпатскую Русь).

Стояи и раньше, с подачи Берлина, подталкивал правительство Венгрии к военным действиям для достижения своих целей. 15 октября в час ночи, после переговоров Дарани с Гитлером и Риббентропом, Стояи телеграфировал Кане, что вечером он информировал Гёринга о полной реши-

inslav

мости венгров и на войну. И тот проявил понимание, будучи убежден, что «свои территории получим и без войны», но территориальные требования нужно отстаивать самым решительным способом. В то же время он (Стояи) подчеркивал: если бы чешские войска «воевали против вас», то это создало бы новое положение и для Германии в отношении Чехословакии[97].

В то время, т. е. сразу после Мюнхена, венгерский МИД располагал и другой «очень доверительной» информацией, свидетельствовавшей о том, что Германия колебалась и готова была обойтись без поддержки Венгрии. Речь шла о заявлении Гёринга (по информации Кане Стояи, считавшего Гёринга самым преданным среди нацистских руководителей сторонником Венгрии) румынскому посланнику в Берлине: «Германия не желает чрезмерного усиления Венгрии» и еще меньше намерена помогать ей в этом[98].

Разобравшись в позициях Берлина и Рима после получения телеграммы из Праги от Веттштейна с сообщением о возвращении Хвалковского из Берлина 16 октября и о настойчивой рекомендации ему со стороны итальянского посланника Доминико Фацендиса, по поручению своего правительства, срочно представить венгерской делегации новые, более приемлемые предложения и дружески решить с ней спорные вопросы[99] (Хвалковский уже был информирован Риббентропом об итальянском демарше и просил итальянское правительство быть посредником и как можно скорее возобновить переговоры с венгерской делегацией), Каня поручил Стояи сообщить Риббентропу или его заместителю: венгерское правительство не желает вступать в прямые переговоры с чехословацким правительством по поводу размера передаваемых ему территорий, ибо это отодвинуло бы на неопределенное время окончательное решение.

Будапешту решение вопроса представлялось так: чехословацкое правительство срочно вносит новые предложения, которые венгры или принимают, или объявляют недостаточными. Если новые предложения неприемлемы для Венгрии, то она немедленно обращается к правительствам Германии и Италии с просьбой о посредничестве, а если бы это было отклонено, то Венгрия готова на арбитраж названных двух правительств для окончательного определения границ проживания венгров[100]. Аналогичная нота была направлена и в Рим.

17 октября Стояи передал ноту венгерского правительства вышеизложенного содержания в германский МИД, и принявший ее Вайцзеккер в беседе с венгерским посланником отметил, что договоренность была иной (прямые венгеро-чехословацкие переговоры), а теперь венгры обратились с просьбой сообщить чехам, что прямые переговоры их

inslav

более не устраивают и они хотят прибегнуть к посредничеству Италии и Германии, что, «по-видимому, означает изменение тактики венгерского правительства»[101].

Стояи в сообщении об этой встрече с Вайцзеккером обратил внимание на собственную мотивировку необходимости быстрого решения: столкновения в последние два дня в Закарпатье[102].

Из Рима Виллани после вручения ноты сообщал, что Чиано одобряет и посредничество, и арбитраж, тем более, что именно это он рекомендовал Чаки. Но, хотя позиция Италии остается неизменной, отрицательное отношение Германии к общей венгеро-польской границе столь твердо, что Берлин невозможно переубедить. На конференции четырех он не сможет занять антигерманскую позицию и рекомендовал не связываться с Польшей[103].

В тот же день проблема новых уступок Венгрии обсуждалась в Праге на совместном заседании центрального правительства с правительствами Словакии и Подкарпатской Руси. Там был выработан окончательный вариант, на какой могло пойти чехословацкое правительство. Было решено обсудить новые предложения с представителями германского руководства.

19 октября 1938 г. министры автономных правительств Словакии и Подкарпатской Руси Тисо, Дурчанский и Бачинский провели в Мюнхене переговоры с Риббентропом о территориях, передаваемых Словакией и Закарпатьем Венгрии. На этих переговорах было согласовано новое чехословацкое предложение. Чехословакия шла на значительные территориальные уступки Венгрии[104]. Хвалковский сообщил об этом венгерскому посланнику в Праге Веттштейну, а тот 20 октября телефонировал Кане[105],

В тот же день германский посланник в Будапеште О. Эрдманнсдорф, также присутствовавший 19 октября на переговорах в Мюнхене, передал Кане новое чехословацкое предложение и заявил, что этим исчерпывается, по мнению Риббентропа, посредническая деятельность Германии. Но по этим предложениям Венгрии не были бы переданы те города, на которые она претендовала: Братислава, Нитра, Кошице, Ужгород и Мукачево. К. Каня тут же, от себя лично, заявил немецкому посланнику, что и эти предложения не совсем удовлетворительны и он не верит, что венгерское правительство могло бы с ними согласиться. И хотя Эрдманнсдорф немедленно сообщил об этом в германский МИД[106], Каня все же поручил своему посланнику в Берлине Стояи «официально уведомить немецкое правительство» о благодарности венгерского руководства за все сделанное, а также о той опасности для Венгрии, которая кроется в воз-

inslav

можном отказе от Кошице, Ужгорода и Мукачева. Кроме того, вряд ли на основе новых чехословацких предложений можно будет путем переговоров прийти к соглашению.

Далее Каня предложил Стояи выяснить, выдавая за собственный почин, не согласились бы Германия и Италия взять на себя роль арбитров, мотивируя это тем, что такое положение не может долго оставаться стабильным, особенно после введения осадного положения на всей территории проживания венгров в Чехословакии[107].

В тот же день Каня направил в Рим посланнику Виллани шифрограмму с просьбой посетить Чиано, информировать о новом чехословацком предложении и, перечислив города, которые остались бы в составе Чехословакии, затеять интригу (о чем не сообщал в Берлин), утверждая, что это предложение не совпадает с достигнутыми договоренностями между Дарани и Риббентропом. Венгрия, мол, не может отказаться от Ужгорода и Мукачева и особенно от Кошице. Каня спрашивал совета у Чиано, как можно в кратчайшие сроки решить проблему венгеро-чехословацкой границы при наличии расхождения взглядов двух сторон без их прямых переговоров. Он также заявил о готовности со стороны Венгрии принять арбитраж Италии и Германии для определения границ на западе, а для восточной части привлечь и непосредственно заинтересованную Польшу[108].

Каня информировал Чиано: председатель венгерского национального совета в Чехословакии Янош Эстерхази и мэр г. Кошице прямо обратятся к Германии и Италии.

21 октября 1938 г. Стояи по поручению Кани передал в МИД Германии две записки: в первой сообщалось о бесперспективности переговоров со словацкой делегацией, а во второй спрашивал, готова ли Германия вместе с Италией взять на себя роль арбитров (в переданных Германии документах ничего не говорилось о привлечении Польши!).

Передавая эти документы статс-секретарю МИДа Вайцзеккеру, Стояи устно добавил: положение уже критическое, опыт непосредственных переговоров со словаками столь негативный, что не остается ничего другого, как апеллировать к странам оси с целью арбитража.

Статс-секретарь разъяснил посланнику, что линия границы, предложенная словаками, та же самая, которую несколько дней назад Дарани и Имреди уже одобрили. Правда, Кошице находится за ее пределами, но имперский министр Риббентроп и в этом отношении поддерживает венгерские претензии. Но до сих пор ему еще не удалось убедить словаков уступить Кошице. Он не смог сказать, готовы ли страны оси выступить в роли арбитров, поскольку до сих пор придерживались мнения, что Праге и Бу-

inslav

дапешту нужно еще раз попытаться договориться[109]. Эрдманнсдорф, передавая новые предложения чехословацкой стороны, придерживался такой же точки зрения. Ее разделял и Вайцзеккер в беседе со Стояи.

Стояи в шифрограмме и в телефонном разговоре с Каней сообщил: статс-секретарь помнит, что Дарани с Имреди 14 октября договорились об отмене требований Венгрии на Ужгород и Мукачево. Стояи считал, что произошла ошибка, так как он знал, что Мукачево и Ужгород по замыслу Дарани отходили к Венгрии. Но проверка оказалась невозможной, ибо найти карту Дарани, переданную в германский МИД, не смогли, да и у Стояи при себе такой не было, но договорились проверить все позже. Вайцзеккер пообещал изложить позицию Венгрии Риббентропу[110].

Так началась дискуссия между Венгрией и Германией по данному вопросу. Венгры позже отрицали, что они якобы согласились оставить Ужгород и Мукачево в составе Чехословакии, а германское правительство настаивало на своем.

22 октября Хвалковский пригласил к себе венгерского посланника в Праге Я. Веттштейна и пообещал еще в первой половине дня прислать формальные предложения, прилагая карту с нанесением на нее линии границы в соответствии с новыми чехословацкими предложениями. На вопрос министра, начнут ли венгры на основе этих предложений прямые переговоры, посланник ответил: по имеющейся у него информации, венгерское правительство уже сообщило в Берлин и Рим, что эти предложения неприемлемы[111].

В тот же день Веттштейн передал Хвалковскому записку с изложением плана, выработанного Риббентропом и чехословацкой делегацией в Мюнхене 19 октября. По мнению венгерского правительства, он не полностью совпадает с тем сообщением, которое передал чехословацкий министр иностранных дел венгерскому посланнику, поэтому оно ждет новых предложений чехословацкого правительства[112].

Одновременно Каня направил в Рим в адрес Виллани шифрограмму с просьбой сообщить Чиано о недоразумении с Риббентропом из-за Ужгорода и Мукачева. Он пытался объяснить: Дарани, по указанию Будапешта, обозначил эти два города как минимальные венгерские требования, Риббентроп же, нанося на карту обязательные венгерские требования, по-видимому, по недоразумению опустил эти два города. И Риббентроп, и Дарани стояли на своем. Каня предполагал, что Риббентроп боится, как бы венгры его не дезавуировали[113].

В продолжение этой телеграммы Каня просил Чиано помочь развеять недоразумение, может быть, путем личной встречи с Риббентропом,

inslav

и оказать влияние на германское правительство, чтобы оно согласилось на арбитраж немедленно или после новых безрезультатных прямых венгеро-чехословацких переговоров.

Кроме того, Чиано для личной доверительной информации сообщал Кане, что он не понимает, как могло возникнуть недоразумение, ведь на переговорах Дарани с Риббентропом присутствовали германский посланник в Будапеште и секретарь Дарани[114].

В тот же день, 22 октября, германский посланник в Будапеште по поручению Риббентропа передал Кане памятную записку, в которой германский министр иностранных дел настаивал на своей позиции: Ужгород и Мукачево не были включены в предложения Дарани, а карту, составленную на основе этого предложения, венгерское правительство одобрило.

В памятной записке также констатировалось: после того как предложение германского правительства о границах, в общем и целом соответствующее этническому принципу, венгерское правительство квалифицировало как неприемлемое, Германия посредническую деятельность считает законченной[115].

Настойчивость Риббентропа была связана, таким образом, с его посреднической деятельностью, которую он вел между Чехословакией и Венгрией. Как свидетельствуют документы, на переговорах с Хвалковским, а затем в Мюнхене с делегацией во главе с Тисо 19 октября (Дурчанский и Бачинский представляли Словакию и Подкарпатскую Русь), с предложениями которых он согласился по поводу Ужгорода и Мукачева, тем более, что Имреди, боясь потерять поддержку Германии, вообще 14 октября согласился на компромисс, но затем венгерское правительство передумало, Каня довольно ловко использовал Италию, постепенно добиваясь согласия Чиано и Муссолини на поддержку требований передачи не только Мукачева и Ужгорода, но и Закарпатья вообще.

Следующим венгерским ходом было шифрованное поручение Кани Стояи поблагодарить Риббентропа за поддержку и выразить сожаление по поводу недоразумения из-за Ужгорода и Мукачева, «которое, по-видимому, возникло при нанесении данных на карту. Нельзя себе и представить, что германский министр иностранных дел этот случай квалифицировал бы иначе». И осторожно намекнул: одновременно и итальянское правительство было ознакомлено с «минимальными венгерскими требованиями», среди которых на первом месте фигурировали Кошице, Ужгород и Мукачево. Уж об этом Риббентроп наверняка был осведомлен.

Новые чехословацкие предложения будут сегодня доставлены в Будапешт, но он, Каня, на них не ответит, пока не узнает решения по хо-

inslav

датайству об арбитраже. Если дело дойдет до переговоров, то их нужно быстро закончить, так как на них нельзя добиться многого. Тогда он вновь попросит «две великие дружеские державы» (а по поводу руськой части и Польшу) быть арбитрами, и призывала Риббентропа отнестись к этому доброжелательно[116].

Каня чувствовал: телеграмма неубедительна, и 23 октября дал Стояи устное указание не передавать ее в германский МИД. Вместо нее 23 октября Риббентропу было послано письмо Дарани, где сообщалось, что новое чехословацкое предложение «во многих отношениях оценивается более благоприятным для Венгрии». Он просил разрешения «с венгерской искренностью заявить, что эти новые чешские предложения мы получили прежде всего благодаря той влиятельной поддержке, которую оказали нашему делу фюрер и имперский канцлер». Затем следовала похвала самому Риббентропу за помощь, «которую венгерский народ никогда не забудет». Затем Дарани перешел к памятной записке, переданной в Будапешт, «где все соответствует ходу переговоров», но остановился на некоторых вопросах, в том числе и об Ужгороде и Мукачеве, относительно которых Риббентроп заметил, что они находятся совсем на границе, и поскольку никаких дополнительных заявлений не было, «мы могли предположить, что венгерские претензии на эти два города признаны законными»[117]. Он просил и в дальнейшем поддержать Венгрию.

Ознакомившись с письмом Дарани, Риббентроп поручил посланнику в Будапеште Эрдманнсдорфу подчеркнуть, что в отношении Кошице он поддерживал венгерскую позицию против чешского министра иностранных дел. Но особенно просил обратить внимание на то, что «города Мукачево и Ужгород на карте находятся за линией, начертанной нами обоими совместно», так что в этом отношении нет никакого недоразумения»[118].

22 октября Риббентроп по телефону обсуждал данную проблему с Чиано. Последний настаивал на удовлетворении венгерских требований. В отношении арбитража Германии и Италии Риббентроп высказался за решение названного спора всеми четырьмя участниками Мюнхенского соглашения[119].

В этот день Хвалковский передал Веттштейну чехословацкие предложения, выработанные в Мюнхене, подчеркивая: это основа для переговоров, в которую можно внести и изменения. Каня в ответ дал указание посланнику в Праге («учитывая их вежливую форму») сообщить министру иностранных дел ЧСР: 1) бесспорные территории передать в течение трех дней, начиная с 27-го; 2) по спорным вопросам провести референдум до 30 ноября при международном контроле по восьми отдельным участкам,

inslav

по этапам; 3) для других национальностей Чехословакии, особенно русин, обеспечить на практике право на самоопределение, референдум при международном контроле. Если чехословацкое правительство с этим не согласно, то венгерское настаивает на арбитраже, который на западе, включая и Братиславу, осуществят Италия и Германия, а на востоке – Польша.

Венгрия на ответ давала 48 часов[120]. Причем, в венгерской ноте уточнялось, что в референдуме могут принять участие только те, кто родились на этих территориях до 28 октября 1918 г.[121]

26 октября 1938 г. чехословацкое правительство направило Венгрии ноту, в которой указывалось: поскольку венгерское правительство не считает чехословацкие предложения удовлетворительными, то оно готово передать вопрос венгерского меньшинства на арбитраж Германии и Италии, а если эти державы примут в качестве арбитра и Польшу, то чехословацкое правительство просит привлечь и Румынию[122].

26 октября К. Каня направил Стояи в Берлин в качестве информации распоряжение, переданное в тот же день посланнику в Риме Виллани, где говорилось, что Венгрия не приняла чехословацкую ноту, а чехословацкое правительство согласилось на арбитраж Германии и Италии, но просило привлечь к арбитражу Румынию, если в нем примет участие Польша. Виллани вменялось в обязанность просить Чиано склонить к участию в арбитраже Риббентропа. Сообщалось, что Венгрия желает привлечения Польши, но возражает против Румынии. Если же немецкое правительство не склонно участвовать в арбитраже, то Венгрия обратится к четырем великим державам, а если это не принесет результатов, то она прибегнет к военным мерам[123].

Эта последняя фраза была связана с тем, что прохортистское правительство в Закарпатье было смещено чехословацким правительством генерала Яна Сирови. Произошло это так. 25 октября в Праге состоялось совещание министров Подкарпатской Руси и Словакии. Председательствовал премьер ЧСР Я. Сирови. А. Бродий от имени своего правительства вручил меморандум о проведении референдума в Закарпатье относительно его государственной принадлежности, на чем настаивало как венгерское правительство, так и его сторонники в Подкарпатской Руси по партии АЗС. Но меморандум был отклонен. Бродий оказался перед возможностью отстранения его от власти. Так венгерское правительство потеряло в Закарпатье своего самого ценного агента. Оно надеялось, что Бродий проведет референдум по проблеме государственной принадлежности Закарпатья в нужном русле и оно окажется в составе Венгрии. Но этот вариант провалился. 26 октября Прага сняла Бродия с поста премьера, а 27 октября он был арестован за деятельность в пользу Венгрии[124].

inslav

После падения Бродия к власти пришло проукраинское правительство. Премьером стал А. Волошин, лидер Народно-христианской партии, министрами – Ю. Ревай, лидер СДП, и другие представители партий украинского направления (кроме коммунистической).

Молодые сечевики из верхушки организации искали контактов и с мельниковцами. Может быть, Волошин был прав, когда заявлял корреспондентам, что Андрей Мельник в Закарпатье не был. Связано это было с тем, что после гибели Евгения Коновалца, когда руководство перешло к Мельнику, он проявлял беспрецедентную осторожность. Представитель Венгрии в Берлине сообщал, что Мельник, возможно, самая законспирированная личность в Берлине. Поэтому местной власти (Волошина) пришлось в основном сотрудничать с галицкими националистами, заполонившими Закарпатье. Попытка делегации «Сечи» выехать в Германию для установления контактов с мельниковцами и гитлерюгенд закончилась безуспешно.

В начале третьей декады октября 1938 г. три участника Мюнхенского соглашения (Германия, Англия и Франция) рекомендовали Венгрии умерить свои аппетиты, не претендовать на все Закарпатье, а решить спор с Чехословакией (по примеру Германии и Польши) на этническом принципе. И посланник Франции в те дни от имени своего правительства советовал Венгрии ослабить свои территориальные требования, поскольку они выходят за рамки Мюнхенского соглашения.

Тогда одна Италия, особенно Чиано и Муссолини, высокопарно поддерживала Венгрию и подталкивала ее к захвату Закарпатья военным путем, обещая военную помощь. В таком же духе действовало и правительство Польши.

17 октября 1938 г. венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти по поручению своего правительства информировал заместителя наркома СССР В. П. Потемкина о переговорах в Комарно и о том, что венгерское правительство решило их прервать. Располагая записью этой беседы с обеих сторон, можно отметить, что Потемкин особо интересовался информацией Юнгерта о претензиях Венгрии к Чехословакии, о передаче ей территории проживания венгерского национального меньшинства на основе переписи 1910 г. По Юнгерту, они были населены почти полностью венграми, в количестве 840 тыс. душ. Что касается словаков (140 тыс. душ), немцев (57 тыс.) и русин (30 тыс. душ), проживающих на той же территории, то для них, равно как и для всей Словакии и всей Закарпатской Украины, венгерская делегация предложила провести плебисцит, чтобы предоставить им возможность самостоятельно решить вопрос о сво-

inslav

ей государственной принадлежности. Чехословацкая делегация со своей стороны заявила, что правительство Чехословакии готово предоставить венгерскому национальному меньшинству известную автономию в пределах нынешних государственных границ. Венгры отвергли это предложение. Тогда чехословацкая делегация пошла на некоторую уступку, согласившись на передачу Венгрии так называемого Житного острова.

Юнгерт акцентировал внимание на угрозе чехословаков и стягивания войск на границе (ничего не сказав о действиях Гвардии оборванцев). При таких условиях венгерское правительство прервало переговоры и решило информировать об этом великие державы.

На вопрос Потемкина, что намерено предпринять дальше венгерское руководство, Юнгерт ответил: пока заняло выжидательную позицию, рассчитывая на воздействие правительств–участников Мюнхенского соглашения на правительство ЧСР и помощь в мирном разрешении возникшего конфликта. Если эти вопросы не будут разрешены в течение трех месяцев, то представители четырех государств вынуждены будут собраться вновь.

Потемкин спросил, на каком основании венгерское правительство настаивает на плебисците во всей Словакии и Закарпатской Украине. Юнгерт ответил, что в экономическом отношении обе области настолько тесно связаны с Венгрией, от которой получают хлеб, а в обмен импортируют лес, соль и другие продукты своего хозяйства, что они вероятнее всего предпочтут слиться с венгерской территорией, нежели поддерживать искусственную связь с Чехословакией...[125].

Юнгерт-Арноти в своих донесениях (их было два) об этой беседе сосредоточил внимание на прекращении переговоров в Комарно, словацком и рутенском вопросе, подчеркивая, что венгерское правительство известило обо всем, в том числе и об ответных военных мерах Венгрии, великие державы.

Потемкин поинтересовался числом венгров в ЧСР, местом их проживания и теми официальными данными, на которых базировались венгерские претензии. Юнгерт сообщил: «Я представил ему данные переписи 1910 г. ... особенно этнический состав городов».

Юнгерт, как он писал, выразил удивление негативной позицией советской печати по поводу попытки Венгрии добиться равноправия венгерского национального меньшинства в ЧСР, хотя вся советская империя построена на праве наций на самоопределение. Заместитель наркома ответил: советское правительство считает Мюнхенское соглашение несправедливым и незаконным и выступает против всего, происходяще-

inslav

го на его основе; и добавил: «Советский Союз и сейчас за самоопределение наций на мирной основе».

Затем, доносил Юнгерт, Потемкин поднял словацкий и рутенский вопрос, на который посланник ответил, по его записи, так: «Мы не требуем присоединения этих территорий к Венгрии, но придерживаемся позиции, согласно которой этим двум национальным меньшинствам нужно дать право самим решить свою судьбу путем голосования». Он подчеркнул, что Венгрия примет результаты плебисцита, какими бы они ни были. Юнгерт упомянул об экономических трудностях Венгрии без этих территорий, особенно без Закарпатья[126].

Третья территориальная уступка венгерской стороны, т. е. предложение, согласованное с Риббентропом 19 октября и переданное Чехословакии 22 октября 1938 г., составляла 11 300 км^2 и 740 тыс. населения, в том числе 680 тыс. венгров[127]. Но в нем не было таких городов, как Братислава, Нитра, Кошице, Мукачево, на которые претендовала Венгрия.

Венгерское правительство это последнее предложение считало довольно серьезным и вполне пригодным в качестве основы для переговоров. Венгерский посланник в Праге Веттштейн 24 октября с удовлетворением отмечал, что расхождения двух правительств уже невелики[128].

Однако, заручившись поддержкой Муссолини и Чиано, Венгрия форсировала арбитраж в расчете получить больше в результате этой процедуры.

27 октября Виллани доносил из Рима Кане: Чиано согласен с тем, что решение венгеро-чехословацкого вопроса далее затягивать нельзя. Риббентроп едет в Рим с намерением о чем-то просить Муссолини. Взамен этого в качестве компенсации итальянцы попросят у немцев согласия «на быстрое и благоприятное решение нашего дела». Как это будет, Чиано еще не знает, но во всяком случае «можем рассчитывать на полную поддержку». Но вопрос Закарпатья в настоящее время нужно исключить, тем более, если и поляки ретируются[129].

К этому времени и венгерская, и чехословацкая стороны согласились на арбитраж Италии и Германии, а приглашение Польши и Румынии оставили на их усмотрение.

На протяжении всего октября Польша подстрекала Венгрию к энергичным акциям в Закарпатье. После присоединения Тешина к Польше Бек пригласил Чаки, заверяя, что не будет изменений в политике Польши в отношении Венгрии[130]. 5–6 ноября в Варшаве прошло обсуждение общей польско-венгерской границы, роли Румынии, вопросов размещения польских войск на границе с Закарпатьем.

inslav

После разрыва переговоров в Комарно возникли разногласия между Варшавой и Будапештом в вопросе арбитража. Венгерское правительство, как известно, сразу сообщило о своем намерении обратиться к великим державам. 14 октября польский посланник в Будапеште Леон Орловский передал Кане меморандум с неодобрением этого шага. В тот же день Бек сообщил венгерскому посланнику в Варшаве, что Польша не признает мюнхенской системы, она против решения вопросов незаинтересованными государствами, и дал польскому посланнику указание заявить в Будапеште о незаинтересованности Польши, поскольку Польша таким путем исключается из игры[131].

В ответ Каня дал инструкцию заявить Беку, что Венгрия одновременно предпринимает и военные меры[132].

Изменения, произошедшие в венгерской внешней политике во второй половине октября, успокоили Польшу. Заявление венгерского правительства от 16 октября о намерении обратиться за помощью к Германии и Италии[133], если Чехословакия не решит быстро вопрос о венгерских претензиях, понравилось Беку: теперь, заявил он, уже и Польша непосредственно сможет поддержать Венгрию[134].

16 октября Л. Орловский был приглашен к регенту Хорти. Беседу посланник начал с того, что в Варшаве ноту, переданную Хори в МИД Польши, оценили положительно (Венгрия обращалась к странам оси и Польше), так как она дает полякам определенные дипломатические возможности. Регент сказал Орловскому, что он как раз пишет письмо польскому президенту с просьбой отложить на время визит в Будапешт, и добавил, что Венгрия переживает один из самых важных моментов своей истории и рассчитывает на польскую дружбу. Проведение общей границы через Подкарпатскую Русь является, несомненно, самой важной задачей. Кризис наступил в тот момент, когда венгры были менее всего готовы к нему. «Наперекор моей собственной натуре и национальному характеру, – сказал регент, – я вынужден был сдерживать народ от необдуманных шагов». Начало войны в тот момент, продолжал Хорти, стало бы для Венгрии катастрофой, поскольку тогда чехословацкая армия являлась самой технически оснащенной армией в Европе, и Будапешт, находящийся всего на расстоянии 5 минут лету от чехословацкой границы, мог бы быть превращен в руины. В тот момент нужно было принять мюнхенский вердикт и искать помощи у друзей.

Далее Хорти пытался убедить Орловского, что без его ведома и согласия в его отсутствие из Венгрии в Подкарпатскую Русь были направлены партизанские отряды для выполнения определенных заданий (но

inslav

он не сказал, что отряды были там разгромлены и пленены), и теперь они не могут получить поддержки со стороны Венгрии, так как граница закрыта. Этому движению грозит смерть, а раз оно начато, нужно бы его поддержать, хотя бы в скромных пределах, например переправить отряды воздушным путем в Польшу, усилить польскими диверсантами, знающими руський язык, и забросить в Закарпатье (как свидетельствует дипломатическая переписка, польская сторона не согласилась с предложением принять венгерских диверсантов в восточной Галиции, боясь реакции местного населения).

Орловский в том же донесении отмечал: в официальных речах упоминалось лишь о дружбе Венгрии со странами оси и «о венгерской политической мудрости», но ни слова не было сказано о самой Польше.

Обращаясь к державам, подписавшим Мюнхенское соглашение, Венгрия отстраняла Польшу от переговоров, ту Польшу, писал он, которая сделала для Венгрии больше, чем Италия и Германия. Польское правительство известило все заинтересованные стороны, а также Румынию и Югославию, что в общей границе заинтересована не только Венгрия, но и Польша. Регент в ответ заметил: «наши отношения» настолько близки и сердечны, что казалось лишним обращаться к вам[135].

Вскоре после этой беседы в Будапешт был направлен начальник канцелярии министра иностранных дел Польши Михал Любеньский. 18 октября он получил от своего патрона подробную инструкцию, в частности ему поручалось спросить венгерское правительство, ставит ли оно в качестве своей конкретной задачи что-нибудь помимо коррективы границы на этническом принципе, т. е. пойдет ли на установление общей с Польшей границы.

В инструкции содержалась и оценка ситуации: западные государства по поводу указанного вопроса проявляют незаинтересованность. Польша не верит в наличие у Германии своих интересов в Закарпатье. Италия оказывает наибольшую заинтересованность в создании венгеро-польской границы. В Румынии после ухода Титулеску руководство страной находится в руках короля, именно с ним следует вести переговоры с целью улучшения венгеро-румынских отношений. Закарпатье нужно присоединить к Венгрии.

Самое трудное при этом – соблюсти этнический принцип. Однако ни одна из стран, участвующих в игре, не заинтересована защищать принадлежность Подкарпатской Руси к Чехословакии.

Далее Любеньский должен был выяснить, уверенно ли венгерское правительство в результатах плебисцита или выдвинет постулат возвра-

inslav

щения утраченной провинции, которая не может жить без контактов с Венгрией. Затем ему предстояло спросить, хочет Венгрия решить этот вопрос в переговорах с Прагой при поддержке Италии, Германии и Польши или считает, что без международной конференции не обойтись. Эта проблема, по мнению польского руководства, в любом случае не могла быть решена без дипломатического и политического нажима, усиленного организацией демонстраций.

Польша может поддержать Венгрию, обеспечить ее безопасность со стороны Румынии, но никто, кроме самой Венгрии не может предъявлять претензии передать ей Закарпатье. В случае недостаточной заинтересованности Венгрии может сложиться парадоксальная ситуация: Русь, которая фактически никого особо не интересует, может остаться в чехословацком государстве, воспрепятствовав тем самым созданию венгеро-польской границы. Следовало поговорить и со словаками, убедить их в необходимости присоединения Руси к Венгрии, в публичных выступлениях, на дипломатических приемах стараться проводить мысль: Русь – давняя провинция Венгрии и не может без нее существовать, требование провенгерского населения – присоединение к Венгрии, это принесет мир на длительное время. Плебисцит нельзя проводить при чешском присутствии, минимальное требование – эвакуация чехов.

Что касается железной дороги, претензии на которую предъявила Румыния, следовало подчеркивать: «Она упрочит наше положение в Румынии, усилит антисоветский фронт»[136].

М. Любеньский прибыл в Будапешт 19 октября. Цель поездки – обсудить вопрос Закарпатья, т. е. общую польско-венгерскую границу. Каня так об этом информировал Хорти 22 октября: Любеньский прибыл с тем, чтобы венгерское правительство официально подняло русинский вопрос с требованием вывода чешских войск из Закарпатья и тем предоставило русинам возможность самим решить вопрос о своей государственной принадлежности. Каня считал, что инициатива должна исходить из Закарпатья. Каня с Любеньским договорились, что сначала Хорти направит письмо Гитлеру, в котором он обрисует все проблемы, связанные с Карпатской Русью. Кроме того, со стороны Венгрии будут предприняты меры для действительного осуществления пожелания русин. Венгерское правительство подождет только до 1 ноября, затем будет действовать решительно[137].

М. Любеньский прибыл к К. Кане вместе с посланником Л. Орловским. Переговоры велись в присутствии премьера Б. Имреди. Правительство, – писал Орловский Беку 22 октября, – слабо. В правящих кругах боятся войны и немцев. Позиция Италии в Будапеште очень сильна и

inslav

позиция Польши сильна, хотя ее возможности недооценивают. После ознакомления с польским проектом о Подкарпатской Руси Каня посчитал его нереальным, поскольку чехи не хотят вести переговоры с Венгрией о Подкарпатской Руси, считая это внутренним делом. По мнению Кани, захват всей Подкарпатской Руси – это отход от этнического к историческому и экономическому принципам.

По плану Кани, сначала нужно присоединить территории, населенные венграми, а затем так изолировать остальную территорию, чтобы Подкарпатская Русь вынуждена была сама проситься к Венгрии. Тогда ее правительство (его возглавлял еще А. Бродий), обратится к Венгрии, чтобы та оккупировала Русь и «обеспечила порядок».

Венгрия большое значение придавала диверсионным актам, которые должны были создать нестабильное положение в крае и тем оправдать действия Бродия. Таким путем, захватив все Закарпатье, Каня рассчитывал поставить мировую общественность перед свершившимся фактом.

Любеньский и Орловский подвергли этот проект венгерского правительства критике, мотивируя тем, что венгерская политика ставит решение данного вопроса в зависимость от доброй воли людей, моральные принципы и неподкупность которых, по крайней мере, сомнительны.

Раскрывая часть своих карт, Каня информировал польскую сторону о договоренности с подкарпатским правительством, которое потребует от Праги проведения референдума в крае, а в случае отказа объявит независимость Подкарпатской Руси. (Как известно, через несколько дней этот план Кани провалился. Премьер ПР Бродий был арестован.)

Любеньский против такого плана не возражал, только высказал надежду, что венгерское правительство не будет обещать широкой автономии Подкарпатской Руси.

Венгерское правительство было уверено: этнические границы придется определять арбитрам, а Венгрия будет настаивать на том, чтобы наряду с Германией и Италией в арбитраже участвовала и Польша (чего последняя очень хотела).

Любеньский в связи с этим предложил потребовать от Праги кроме возвращения территорий, населенных венграми, еще и эвакуации из Закарпатья чешских войск, обеспечив тем населению возможность осуществления права на самоопределение. Последнее Каня считал нецелесообразным, поскольку регент Хорти в письме Гитлеру прямо поставит этот вопрос.

На вопрос, когда план венгров будет осуществлен, Каня ответил: для переговоров Ужгород–Прага нужно 3–4 дня и все будет решено к 1 ноября. Поскольку вопрос возможного применения силы не снимался с

inslav

повестки дня, то, по мнению Кани, поздняя осень самое подходящее время. Тогда бы чешская авиация бездействовала, а Венгрия оказалась в выигрыше, поскольку моральный дух венгерский армии выше[138].

Польская сторона уже не в первый раз поднимала вопрос о компенсации Румынии, т. е. о передаче ей части Закарпатья за согласие на установление общей венгеро-польской границы. Еще 6 октября президент Р. Мосцицкий и генерал Р. Ридз-Смигли обратились к королю Каролю II с просьбой не мешать венграм в захвате Закарпатья[139]. 13 октября 1938 г. польский посланник в Будапеште Орловский посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Венгрии Г. Апора и «по собственной инициативе», как он заявил, предложил обратиться к Беку и попросить его о посредничестве в интересах общей венгро-польской границы на основе передачи Румынии железнодорожной линии Ясиня–Татарский перевал. Бек это предложение переслал бы в Бухарест как свое. Орловский полагал, что румыны пошли бы на такой шаг, поскольку и сейчас эту дорогу используют только румыны для связи с Трансильванией и северной Буковиной.

Апор был сдержан и только обещал передать предложение в соответствующую инстанцию[140]. 15 октября заведующий политическим отделом польского МИДа Тадеуш Кобылянский сообщал: теперь уже с румынской стороны решительно требуют ту небольшую часть Закарпатья, на которую они претендовали еще в период мирных переговоров. В результате Румыния получила бы вторую прямую железнодорожную связь с Польшей (Сигет–Станислав). Румынский король придает ей большое значение со стратегической точки зрения[141]. Они желали бы или самостоятельно оккупировать эту область, или пусть это сделает Польша. Кобылянский полагал, что такой уступкой можно полностью удовлетворить румын.

18 октября Л. Бардоши сообщил Кане о предстоящей 19 октября встрече министра иностранных дел Польши Бека с румынским королем Каролем II в румынском городе Галаце. Визит Бека ставил целью получить согласие Румынии на установление общей венгеро-польской границы в обмен на территории, на которые она претендовала в Закарпатье. В донесении Бардоши конкретно указывалось, что будет предлагать Бек королю в качестве компенсации: территории по линиям железных дорог Лонка–Ясиня, а также Долгое Поле–Хуст–Черный Ардов[142].

Переговоры Бека с Каролем II закончились безрезультатно. О ходе их венгерская сторона несколько дней не могла получить информацию в Бухаресте. Даже польский посол в Румынии Мирослав Арцишевский уклонился от ответа на вопрос Бардоши, ссылаясь на то, что Бек не привлек

inslav

его к переговорам, а затем быстро выехал в Варшаву, даже не проинформировав его. Только два дня спустя Бардоши сообщил Кане сведения, полученные окольным путе, через временного поверенного в делах Италии в Бухаресте от министра иностранных дел Румынии Петреску-Комнена. А именно: румынское правительство не может разделить позицию Бека в отношении Руси. Если бы Подкарпатская Русь попала под власть венгерского государства, это противоречило бы этническому принципу. Карпатская Украина нужна Чехословакии по экономическим соображениям, кроме того, через нее она поддерживает прямую связь с Румынией. Румыния не заинтересована удлинять свою границу с Венгрией. К тому же румынское население, проживающее там, протестует против возможного вхождения в состав Венгрии[143]. Король поступил так, считая Малую Антанту еще действующей, хотя, как отмечал Бардоши, он с заинтересованностью слушал предложения Бека о территориальных концессиях.

Еще 16 октября Каня заявил посланнику Хори, что о передаче румынам линии Ясиня–Татарский перевал в принципе можно бы начать соответствующие переговоры, но прежде необходимо, по мнению Венгрии, чтобы Венгрия и Польша достигли соглашения по вопросу о Закарпатье и способе окончательного его решения (modus procedendi)[144].

Польская сторона в инструкции Любеньскому дала указание специально поднять вопрос о железной дороге, на которую претендуют румыны, ибо ее передача «упрочит наше положение в Румынии и усилит антисоветский фронт»[145]. В ходе беседы Имреди и Кани с Любеньским 19 октября Каня по поводу польского предложения о передаче железнодорожной линии Лонка–Ясин Румынии заявил, что он его поддерживает, но, со своей стороны, не может предлагать эту концессию, пока вопрос по Закарпатью не решен, так как не уверен, сохранят ли румыны тайну. Кроме того, он боится передавать румынам территории, входившие в состав империи св. Стефана[146] из-за возможного возмущения общественного мнения в Венгрии.

22 октября польский посол в Берлине Юзеф Липский заявил в германском МИДе, что Польша настаивает на создании общей польско-венгерской границы как на единственно надежной защитной линии против большевизма. Через два дня Липский в беседе в Берхтесгадене с Риббентропом наряду с другими поднял и этот вопрос. Но министр иностранных дел Германии тогда все еще отстаивал этнический принцип[147].

Переговоры, в основном по телефону, Чиано с Риббентропом с 6 по 22 октября не привели ни к каким результатам. Руководители Италии поддерживали Венгрию не только в ее претензиях к Чехословакии на зем-

inslav

ли, населенные венграми, но и в ее стремлении захватить всю Карпатскую Украину. Риббентроп с этим не соглашался.

Между тем в Риме начались переговоры между Риббентропом и Чиано по проблеме Карпатской Украины. Они длились три дня, с 27 по 29 октября. Учитывая позицию Германии, Виллани в тот же день, 27 октября, писал Кане: вопрос Карпатской Украины пока нужно снять, тем более, что и поляки пошли на попятную[148], а Германия решительно выступала против плебисцита. К этому времени и венгерское, и чехословацкое правительства согласились на арбитраж стран оси.

В Варшаве Кобылянский в беседе с Хори заявил, что если венгры и в дальнейшем будут бездействовать, Польша окончательно перестанет интересоваться венгерскими делами. «В таком случае мы полностью изменим свою политику. Проведем в Карпатах проволочные заграждения и больше не будем заботиться о том, что происходит по ту сторону линии»[149].

В ответ Каня сообщал в Варшаву Хори: Любеньскому мы не обещали к 1 ноября вооруженным путем занять территории, населенные венграми в Русинии, включая Ужгород и Мукачево, а лишь собирались усилить акции саботажа. Выступление с применением регулярной армии означало бы войну. Установлено, вопреки заверениям поляков, что Германия поддерживает украинское движение и выступает против общей польско-венгерской границы. Здесь Каня имел в виду донесение Юнгерта из Москвы, согласно которому Гитлер был против присоединения Карпатской Украины к Венгрии, ибо он хотел создать там нацистский центр в интересах своих восточных планов, в частности относительно Польши. Предполагается также вызвать волнения среди соседних с Закарпатьем галицких украинцев, чтобы таким путем легче осуществить свои требования (коридор, Данциг и др.) к Польше[150].

Далее Каня сообщал о ходе переговоров, в задачу которых входило путем арбитража решить венгеро-чехословацкие проблемы, и пока Венгрия не получит окончательное решение заинтересованных великих держав по этому вопросу, она не может идти ва-банк. Он высказывал надежду на быстрое и положительное для Венгрии заключение переговоров, но и в таком случае она от прежних планов не откажется, о чем свидетельствуют продолжающиеся террористические акты даже во время переговорного процесса.

Кроме того, Каня строго доверительно сообщал Хори (только для личного сведения): по мнению Будапешта, мизерные успехи переговоров Бека в Галаце, а также то обстоятельство, что Германия и Италия не хотят включать поляков в состав арбитров, очень расстроили польское прави-

inslav

тельство, и поэтому оно дало отбой и в деле Русинии, утверждая, что в повороте отношений в худшую сторону виновны венгры[151].

27 октября Будапешт и Прага решились обратиться к Берлину и Риму с просьбой быть арбитрами в венгеро-чехословацком споре. Будапешт к этому времени располагал сведениями, что Париж и Лондон также предпочли бы такой исход решения, чем созыв конференции четырех участников Мюнхенского соглашения[152].

28 октября И. Риббентроп прибыл в Рим.

В то время Германия не соглашалась на передачу Венгрии всей территории Закарпатской Украины и нуждалась в единых действиях с Муссолини и Чиано. По вопросу венгерских территориальных требований между Германией и Италией существовали разногласия. Если Италия поддерживала все требования хортистов, то гитлеровская Германия хотела свести их к минимуму и была против создания венгеро-польской границы. Кроме того, Гитлер, желая быть вершителем судеб Восточной и Центральной Европы, был против итало-германского арбитража. Переговоры Риббентропа с Чиано, а затем и с Муссолини были в основном посвящены венгерским территориальным требованиям. Главная задача, которую ставил перед собой Риббентроп, было помешать реализации польско-венгерского требования о передаче Карпатской Украины и установлении общей границы между Польшей и Венгрией, ибо это означало бы, что Италия, помимо воли Германии, помогла Венгрии в осуществлении ее планов. По прибытии в Рим, Риббентроп все еще настаивал на конференции четырех.

На переговорах Чиано стремился убедить Риббентропа в необходимости и преимуществах итало-германского арбитража, указывая, что дуче уже много лет назад высказывался за венгерскую ревизию. Чиано ссылался на ноту, врученную послом Великобритании в Риме лордом Пертом, в которой англичане заявляли, что они одобряют итало-германский арбитраж и новую акцию великих держав считают необходимой только в том случае, если германо-итальянские усилия не достигнут успеха. «Большая польза германо-итальянского арбитража, – сказал Чиано, – состоит в его психологическом воздействии на Балканские страны. Германо-итальянский арбитраж продемонстрирует, что Англия и Франция окончательно исчезли из балканского пространства, и тем самым повлияет на те круги Югославии и других стран, которые все еще с надеждой смотрят на Францию или Англию»[153].

Риббентроп, не желая уменьшения шансов на заключение военного союза с Италией, согласился, однако остался непримиримым в вопросе о польско-венгерской границе[154]. Так родилось компромиссное решение. Но

inslav

еще до того Чиано обещал Виллани: самым настойчивым образом убеждать Риббентропа принять идею арбитража двух и присоединения к Венгрии трех восточных городов (т. е. Кошице, Ужгорода и Мукачева). Риббентроп обещал дать ответ на поставленный вопрос в воскресенье. Чиано настаивал на принятии решения еще до его возвращения в Германию.

Дискуссия по этому вопросу длилась долго. Сначала Риббентроп придерживался взгляда, что с переходом Кошице, Ужгорода и Мукачева к Венгрии вся Карпатская Украина попадет под ее влияние. Чиано отстаивал позицию венгерского правительства, в то же время представляя ситуацию таким образом, будто это «личное кровное дело» его, Муссолини и всей Италии[155].

На замечание Риббентропа, что в таком случае венгерским войскам нужно было на второй день после Мюнхена оккупировать эти территории, Чиано все взял на себя, заявив, что он, якобы, возражал, ибо Малая Антанта могла в таком случае развязать конфликт (и защитили бы тогда германские войска Венгрию?).

Риббентроп вновь напомнил о соглашении с Дарани 14 октября, о своем обещании чехословацкой делегации в Мюнхене 19 октября и то, как настойчиво венгерская сторона на протяжении более двух недель навязывала ему мысль, что он ошибся. Чиано немного сконфузился и сказал, что он там не был, поэтому судить не может. Венгерский же МИД не ошибся в своих расчетах, когда в Будапеште сразу оценили промах Имреди и Дарани, согласившихся с предложением Риббентропа оставить Кошице, Ужгород и Мукачево в составе Чехословакии. Дарани и Риббентроп нанесли эту границу на карту. А МИД в тот же день сообщил в Рим Чиано, что Риббентроп якобы не возражает против включения Ужгорода и Мукачева в состав Венгрии. На этот раз Чиано воспользовался сведениями от 15 октября из Будапешта и уже самым «решительным образом» утверждал, что от венгров «всегда слышал о Кошице, Мукачеве и Ужгороде как их минимальном требовании».

В связи с этой беседой был сделан запрос в Будапешт: если бы Венгрия получила Кошице, то какой из двух оставшихся восточных городов для нее более ценен. Ответ: Ужгород. Это свидетельствует о том, что тогда Риббентроп еще считался с возможностью отдать Венгрии только один из двух городов Закарпатья, но в угоду своим ставленникам в Словакии и Карпатской Украине заставил венгров отказаться от претензий на Братиславу, Нитру, Карпатскую Украину и от привлечения Польши в качестве арбитра.

В полночь с 28 на 29 октября граф Чиано пригласил к себе на квартиру венгерского посланника Виллани и сообщил ему о благоприятном

inslav

ходе своих переговоров с Риббентропом. И хотя еще не получил окончательного ответа, считает вероятным согласие немецкой стороны на арбитраж, а также «достижение присоединения трех восточных городов». В этой ситуации Виллани рекомендовал венгерскому правительству «срочно просить решения держав оси», «опустив Польшу». И сообщал: «На основе полученных мною по телефону полномочий от Кани, вновь заявляю о нашей просьбе об арбитраже»[156].

Утром 29 октября Виллани посетил начальника кабинета министра иностранных дел Италии Филиппо Анфузо и вновь официально просил арбитраж стран оси, в частности Италии[157]. В тот же день венгерское правительство направило ноту правительству Чехословакии с уведомлением о своей просьбе арбитража стран оси для решения венгеро-чехословацкого спора и рекомендовало ему сделать то же в течение 24 часов[158].

29 октября Каня телеграфировал Виллани: «Если в отношении Русинска (т. е. Карпатской Украины. – *А. П.*) теперь положительного решения не может быть, то просить Чиано оказать влияние, чтобы по возможности ни в ходе арбитража, ни в решении Закарпатье не упоминалось»[159].

В тот же день Виллани направил в Будапешт Кане шифрограмму, в которой сообщал: «Риббентроп принял арбитраж ... Присоединение трех восточных городов, так сказать, обеспечено». Итальянский посланник в Будапеште Луиджи Винчи получит указание «завтра официально сообщить тебе и попросит заявить, что Венгрия подчинится решению арбитража» (он сам уже сделал это).

Чиано в понедельник собирался выезжать из Рима, и Виллани передал его просьбу срочно прислать строго секретно и инкогнито в воскресенье 30 октября в Рим экспертов, которые разобрали бы с ним все детали венгерской просьбы. Чиано желает быть более подготовленным, чем Риббентроп[160].

Когда Виллани хотел передать Чиано полученное из Будапешта указание: из двух городов (Мукачево, Ужгород) более ценен Ужгород, итальянский министр и слушать не хотел, ибо он добивался передачи Венгрии всех трех городов – Кошице, Ужгорода и Мукачева. По поводу Братиславы обещал проживавшим там венграм уступки в области религии и культуры[161].

Виллани сообщил о том, что арбитраж состоится в Вене 2 ноября.

Любеньский еще 29 октября в беседе с Хори интересовался, готова ли Венгрия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами захватить населенные венграми земли Закарпатья (имея в виду организацию восстания). Начальник кабинета министра иностранных дел с удовлет-

inslav

ворением принял сообщение о сохранении Венгрией в отношении Закарпатья прежней установки на восстание.

Для успокоения правящих кругов Варшавы Хори рекомендовал заявить польскому посланнику в Будапеште, что Венгрия неизменно будет вести борьбу за общую венгеро-польскую границу, усиливая диверсионные акции. Хори и Любеньский пришли к выводу, что во взглядах и целях между двумя странами нет принципиальных расхождений, а имеющиеся касаются лишь тактики[162].

30 октября германское правительство направило венгерскому правительству ноту, в которой сообщалось об удовлетворении (в согласии с Италией) просьбы Венгрии и Чехословакии в отношении арбитража. Венгерское правительство в обязательном порядке должно заявить о безоговорочном подчинении решению арбитров. В ноте подтверждалось: переговоры начнутся 2 ноября в Вене.

В тот же день и правительство Италии направило аналогичную ноту, в которой сообщалось о согласии Италии и Германии взять на себя роли арбитров, удовлетворив просьбу Венгрии и Чехословакии, при условии, что оба правительства признают решение и немедленно его исполнят[163].

Виллани 30 октября информировал МИД Венгрии: как сообщил Чиано, Риббентроп окончательно согласился на передачу Кошице, Ужгорода и Мукачева Венгрии.

Арбитраж состоялся в Вене в Бельведерском дворце 2 ноября 1938 г. В качестве арбитров присутствовали министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и министр иностранных дел Италии Г. Чиано. В Вену были приглашены от Венгрии министр иностранных дел К. Каня, министр культов и просвещения П. Телеки, статс-секретарь премьер-министра Т. Патаки и начальник канцелярии министра иностранных дел И. Чаки, от Чехословакии – министр иностранных дел Ф. Хвалковский, премьер-министр Словакии Й. Тисо и премьер-министр Карпатской Украины А. Волошин.

По записи германского советника Эриха Кордта, на совещании в Бельведерском дворце присутствовали: немецкая делегация в составе министра иностранных дел Риббентропа, заместителя статс-секретаря Вёрманна, советника посольства Гюнтера Альтенбурга, посланника Отто Шмидта и советника посольства Эриха Кордта. Итальянская делегация состояла из министра иностранных дел Чиано, посла Бернардо Аттолико и посланника Массимо Магистрати. В венгерскую делегацию входили министр иностранных дел Каня и министр просвещения Телеки, в чехословацкую – министр иностранных дел Хвалковский и посланник Крно.

inslav

Открыл совещание Риббентроп, затем выступил Чиано. Оба министра поздравили друг друга, глав делегаций Венгрии и Чехословакии и определили свои задачи: на этнической основе (во всех немецких документах употреблялся термин «этнографической») установить «окончательную границу» между Венгрией и Чехословакией и «решить вопросы», связанные с этим. Чиано выражал уверенность в успехе усилий арбитров, в результате чего «родятся в Средней Европе новый строй и новая эпоха», основанные «на справедливости между нациями», такие, о которых «мы всегда мечтали и к которым мы всегда стремились».

Затем слово предоставили представителям Венгрии и Чехословакии, прежде всего министрам иностранных дел, основная часть выступлений которых была посвящена благодарностям в адрес арбитров. Позицию Венгрии и ЧСР излагали соответственно Телеки и Крно. Причем Телеки отстаивал принцип «большинства и справедливости», исторической и современной, т. е. то, что и раньше, включая переговоры в Комарно. Крно останавливался на истории переговоров в Комарно, доложил о предложении ЧСР от 22 октября возобновить прямые переговоры, об отказе венгерского правительства и его контрпредложении решить вопрос путем плебисцита или арбитража. «Чехословацкое правительство, в полной мере уверенное в чувстве справедливости немецкого и итальянского правительств, приняло это предложение», – добавил Крно. Правительство ЧСР в ходе переговоров с представителями Венгрии придерживалось точки зрения, что нужно найти такое решение, при котором Венгрия получит такое же число словаков и русин, сколько венгров останется в Словакии.

Это было наивное предположение. Ведь в конце октября в Риме Риббентроп и Чиано в деталях договорились, как будут решать вопрос в пользу Венгрии. Хвалковский за две недели до арбитража договорился с Риббентропом о сотрудничестве. А Чиано в деталях рассказал Виллани, как он будет перед Риббентропом отстаивать венгерские требования.

Риббентроп решил не предоставлять слово для повторных выступлений Кане и Телеки для обоснования их белыми нитками шитой позиции. Он уже отказал Хвалковскому, когда тот попросил предоставить слово премьеру Словакии Тисо и премьеру Карпатской Украины Волошину (в зал заседания не допущенным, хотя решалась судьба их автономных республик). Риббентроп отверг просьбу Хвалковского, согласно протоколу, в следующих выражениях: «Мы собрались здесь для того, чтобы найти решение в словацко-венгерском вопросе. Министры иностранных дел двух стран точку зрения обоих правительств высказали, и нет смысла в

inslav

том, чтобы по этому предмету заслушивать мнение дополнительных экспертов (Тисо и Волошина нужно считать такими), особенно потому, что сама проблема обоим арбитрам довольно известна ... Я не думаю, что необходимо увеличивать число участников сегодняшнего совещания».

Риббентроп не хотел встречаться с Тисо и Волошиным в официальной обстановке, по-видимому, еще не забыв, что обещал им в Мюнхене 19 октября, но потом согласился с Чиано и пошел на уступки в пользу Венгрии. Каня, которого не любил Риббентроп и часто критиковал Гитлер, подчеркнул, что, по его мнению, Мюнхенское соглашение определило слишком долгий срок (три месяца) для решения проблемы национальных меньшинств в Чехословакии. Риббентроп в ответ на это заметил, что лишь благодаря единству действий немецкого и итальянского правительств с двумя другими правительствами вопрос о венгерском национальном меньшинстве сдвинулся с мертвой точки. Кроме того, Германия и Италия изъявили готовность взять на себя роль арбитров для того, чтобы решить его быстро и мирно.

На этом Риббентроп процедуру предварительного совещания перед арбитражем объявил законченной. Что же касается господ Тисо и Волошина, заявил он, то они получат возможность продолжить с арбитрами неофициальную беседу в ходе ленча, на который они получили приглашение.

После ленча арбитры удалились на совещание для вынесения решения и пригласили делегации Венгрии и Чехословакии, после его завершения, в Бельведерский дворец на закрытие заседания.

Хвалковский вновь попросил слова. Он обратил внимание на следующее: господ Тисо и Волошина нельзя квалифицировать как экспертов. Премьер-министр Словакии Тисо был руководителем чехословацкой делегации, которая до недавнего времени вела переговоры с венграми. Волошин – премьер-министр Украины. Поэтому просит, чтобы в протоколах заседания этих господ не называли экспертами. Риббентроп и Чиано с этим согласились[164].

Второе вечернее, завершающее, заседание Риббентроп открыл восхвалением представителей Германии и Италии, справившихся с нелегкой задачей, выпавшей на них, – передачей территории Чехословакии Венгрии. И если решения арбитража будут корректно выполняться, то существующие между Венгрией и Чехословакией конфликты будут справедливо и надолго урегулированы.

Но самое главное, как сказано в записи Э. Кордта, заключалось, по словам Чиано, «в новом подтверждении солидарности оси»[165]. В этом и содержались все уступки пожеланиям Чиано, а фактически Венгрии.

Решение первого Венского арбитража Риббентропа–Чиано было зачитано вечером 2 ноября 1938 г. Оно было изложено в семи пунктах. Самым

inslav

важным был первый: передаваемые Чехословакией Венгрии территории обозначались на карте. Карта не была опубликована. Демаркация новой границы на месте возлагалась на венгеро-чехословацкую комиссию. По решению арбитража к Венгрии переходили города с прилегающей к ним территорией, что фактически соответствовало договоренности между Чиано и Риббентропом. В сохранившемся в Германии описании линии новой венгеро-чехословацкой границы перечислены следующие передаваемые Венгрии города: Иршекуйвар (Нове Замки), Лева (Левице), Лошонц (Лученец), Кашша (Кошице), Унгвар (Ужгород), Мункач (Мукачево)[166].

В рукописи Сент-Ивани, кроме перечисленных, указаны еще следующие города: Сенц, Рожньо (Рожнява), Комаром (Комарно), Паркань (Штурово), Берегово и Галанта. Всего 11 886–11 915 км² территории и 1 027 000–1 029 000 человек[167].

В немецком варианте описания линии новой границы указаны и те из важнейших городов, на которые претендовала Венгрия, но оставленные арбитрами в составе Чехословакии. А именно: столица Словакии Братислава, древний епископальный центр Нитра, а также Севлюш (Виноградов) в Карпатской Украине с окрестными селами[168].

В материалах, хранящихся в Новом центральном венгерском архиве, составленных для венгерской делегации на мирных переговорах, есть и справка «О дипломатических предпосылках первого Венского арбитража». В ней сказано: решением от 2 ноября 1938 г. в Бельведере Венгрии присуждено 12 000 км² территории, 862 747 чел., среди которых 86,6% венгров, 2% немцев, 9,7% словаков, 1% русин и др. То есть Венгрия получила 84,2% той территории, которую она первоначально требовала от Чехословакии, и к Венгрии возвратилось 88% всех венгров, проживавших в Чехословакии[169]. Эти данные кочевали из издания в издание статистических справочников кануна и периода второй мировой войны. Хотя мало кто верил в достоверность этих данных. Достаточно указать на то, что евреи, как национальное меньшинство, вообще не фигурировали в справочниках, они были включены в состав венгров или немцев.

Венгерская сторона не признавала достоверными данные переписи 1930 г., проведенной в Чехословакии. Решительнее всего настаивал на решении проблемы на основе переписи периода Австро-Венгрии в 1910 г. П. Телеки. Но став премьер-министром, Телеки и сам, по-видимому, захотел узнать истинное положение вещей и запросил у Центрального статистического управления Венгрии данные о населении, присоединенном к Венгрии по первому Венскому арбитражу. Ответ, на основе переписи от 15 декабря 1936 г., он получил 26 июля 1939 г. Согласно этим данным, в состав Венгрии было передано всего 1 040 401 человек, в том числе венг-

inslav

ров – 879 007, немцев – 10 010, словаков – 123 864, русинов – 19 891, лиц других национальностей – 8 829 человек.

В Береговском округе к Венгрии были присоединены украинские села Нижние и Вышние Ремета, население которых состояло более чем на 90% из русин (украинцев). Украинским было и село Квасово.

Нижний Коропец, Подзамчье, Ключарки (в Мукачевском округе), Тростник, Вербовец (в Вилокском округе) были селами с абсолютным преобладанием украинского населения, но все равно отошли к Венгрии[170].

Решением Венского арбитража чехословацким властям предписывалось в период с 5 по 10 ноября 1938 г. эвакуироваться с предназначенных Венгрии территорий, а венгерским – в то же время их оккупировать[171].

В протоколе, сопровождавшем решение венского совещания, Каня и Хвалковский подтвердили свои заявления от 30 октября 1938 г. о том, что арбитражное заключение признают окончательным.

В тот же день министр иностранных дел Венгрии Калман Каня направил благодарственные письма Риббентропу и Чиано за содействие в проведении Венского арбитража, а на следующий день премьер Имреди направил благодарственную телеграмму Муссолини и итальянскому правительству за взятие на себя роли арбитра[172]. Венгрия по Венскому арбитражу получила наиболее важную как в экономическом, так и в стратегическое отношении южную часть Словакии и юго-западную часть Карпатской Украины с важнейшими промышленными центрами и железнодорожными линиями.

Германия, правда, формально сохранила Карпатскую Украину в качестве автономной республики в рамках чехословацкого государства. Сделала она это для того, чтобы, во-первых, создать барьер между Польшей и Венгрией и, во-вторых, иметь коридор, связывающий ее с Румынией. Но оставшаяся в составе Чехословакии Карпатская Украина не имела достаточных коммуникационных (железнодорожных и шоссейных) линий и необходимых экономических баз, лишилась и основных сельскохозяйственных угодий.

3. Венгеро-германские противоречия в карпатоукраинском вопросе

Решение итало-германского арбитража явилось первым успехом почти двадцатилетней ревизионистской политики хортистской Венгрии, первым «приращением страны». Однако за этот «успех» венгерс-

inslav

кому народу пришлось дорого заплатить. Первый Венский арбитраж означал дальнейшее подчинение Венгрии гитлеровской Германии и, таким образом, был новым шагом по пути к национальной катастрофе.

Однако несмотря на громкие слова благодарности в адрес правителей фашистской Италии и нацистской Германии (кроме упоминавшихся выше, бывший премьер Венгрии К. Дарани направил благодарственное письмо Гитлеру 3 ноября 1938 г. с заявлением, что без него Венгрия ничего бы не получила[173], а посланник Германии в Будапеште О. Эрдманнсдорф 9 ноября направил в МИД длинный обзор венгерской печати, содержащий излияния чувств различных представителей правящей элиты Венгрии[174]), венгерские ревизионисты и реваншисты не были удовлетворены его решением. Они рассчитывали получить всю Словакию и всю Карпатскую Украину.

14 ноября 1938 г. регент Венгрии Миклош Хорти пригласил к себе германского посланника Эрдманнсдорфа для вручения ему собственной фотографии с автографом по поводу успешного завершения Венского арбитража, но в разговоре с ним заметил, что его тревожит проблема Карпатской Украины. Венгерское правительство якобы штурмуют просьбами положить конец «невыносимому там положению». В подтверждение приводил (между прочим, инспирированные Венгрией) предложения 121 села, оставшегося в Чехословакии, направленные в Ужгород, и выступления бывшего министра Подкарпатской Руси Фенцика, бежавшего в Венгрию. Он повторял посланнику те надуманные доводы, которые широко распространяла венгерская дипломатия по своим каналам: якобы население Карпатской Украины тесно связано с венгерским рынком и др., в том числе утверждения, что гористая местность Карпатской Украины с ее глубокими разрезами долин с севера на юг будет служить препятствием в предстоящих действиях Германии на Украине «для обуздания большевистской опасности»[175]. Здесь уже нет и следа упоминания об этническом принципе. И вообще, хортистов никогда не покидала мысль захватить чужие территории. Бывший министр внутренних дел Венгрии М. Козма, которому, как указывалось выше, было поручено продолжать организовывать диверсии и провокации в Карпатской Украине, и после первого Венского арбитража в своем дневнике, возражая против выдвинутой гитлеровской Германией идеи решения спорных вопросов на «этнографическом принципе», писал: «Венгрия заинтересована не только в возвращении территорий Чехословакии, населенных венграми, но она нуждается и в Закарпатье, чтобы путем его присоединения установить общую венгеро-польскую границу». Далее Козма высказывал убеждение,

inslav

что для Венгрии очень большую ценность представляют те земли Закарпатья, на которых венгры не проживают.

Вскоре он и другие хортисты стали осуждать тех, кто согласился с этническим принципом, обвиняя их в отходе от идеологии венгерского реваншизма. В доверительной беседе в Венгерском телеграфном агентстве (MTI), которым он руководил, Козма подчеркивал, что «для нас, руководствующихся идеей святого Иштвана, не склонных отказываться от своей тысячелетней роли в Дунайском бассейне, призванных и способных к руководству другими народами, этот принцип был пагубным»[176]. По мнению Козмы, этнический принцип ограничивал аппетиты венгерских реваншистов. «Это не венгерская идея, – утверждал Козма. – Может быть, это немецкая идея, имеющая значение для Германии, поскольку у нее, как у великой державы, есть стремление к проникновению в Дунайский бассейн; кроме того, у нее там громадные экономические интересы. Но это не венгерская концепция, если мы мыслим в духе святого Иштвана, что подразумевает принадлежность Карпат к Венгрии. В основе сегедской идеи лежало стремление защитить расу. Ее сущность состояла в том, что в настоящем и в будущем цепь Карпатских гор надежно защитит венгров, но это не означает, что она их изолирует»[177].

Венгерские реваншисты, стремившиеся к установлению господства над другими народами, были явно недовольны результатами работы арбитров в Вене.

Польша и Венгрия и после этого не прекращали действий, направленных на осуществление своих планов уничтожения Карпатской Украины и установления общей польско-венгерской границы. У них возник другой вариант – доказать Германии, выступавшей против польско-венгерского плана, что в неспокойной Карпатской Украине Венгрии следует «навести порядок»[178].

Наряду с руководством диверсионных групп, Козма не прекращал и свою пропагандистскую работу. Для Берлина он подготовил записку о положении в Карпатской Украине под названием «Русинский вопрос» на 14 страницах. В этих материалах он утверждал, что из 320 приходских священников, подчиненных греко-католическому епископу Стойке, более 200 посетили его со 2 по 10 ноября 1938 г. и заявили о присоединении к Венгрии, а остальные сделали бы то же, но не могли приехать из-за отсутствия транспорта или уже были арестованы[179].

В этой записке говорилось, что якобы более 200 «руських» сел направили петиции, «заверенные печатями», с просьбой присоединить их к Венгрии. Но какие села, Козма не уточнял, оберегая их «от чешского терро-

inslav

ра»[180]. Там же утверждалось, что все руководящие деятели «руського народа» («за исключением Волошина и ренегата коммуниста-венгра Реваи» – так Козма называл лидера СДП Закарпатья) открыто высказали желание присоединиться к Венгрии. Были названы Фенцик, Демко, Бродий, Стойка (т. е. платные агенты Будапешта) и др. По утверждению Козмы, «это движение равноценно плебисциту». И добавил: «Им помогали русины, бежавшие в Венгрию», т. е. упомянутые выше агенты Будапешта.

«Идея украинская, которую Германия поддерживает в Закарпатье, – продолжал Козма, – противоречит "völkisch", и излагал провенгерскую концепцию, согласно которой «русины – не украинцы», а особый народ, сформировавшийся под властью венгров («угрорусы»). Он писал: присоединение Подкарпатья к Украине позволило бы проникнуть украинской, а также панславистской идее на венгерскую низменность, а значит и далее – в Югославию и Болгарию.

Венгрия, по его мнению, в данном случае хотела бы противостоять как большевистской, так и национальной панславистской идее на хребте Карпат, а не на своей границе. У немецкой политики нет причин возражать против этого желания, ибо в таком случае Венгрия – союзница Германии будет сильнее. В отношении Румынии она (Германия) не нуждается в Закарпатье как коридоре, ибо эту задачу лучше и надежнее может выполнять Венгрия. Против большевистской и панславистской идей «будет проводить политику "разделяй и властвуй", поэтому Подкарпатье не нужно присоединять к Украине»[181].

Козма написал для выступления в Варшаве доклад под названием «Ruszin probléma» («Руськая проблема») – так он озаглавил его в период подготовки, а в материале для Берлина у него есть фраза: «После Бельведера русинская проблема стала европейской проблемой». Выступая в Варшаве, он подчеркнул, что само название доклада неверно, ибо «руськая проблема перестала быть проблемой», наверное, и потому, что «для венгерского и руського народа ее никогда не было».

В этом выступлении он по общей установке хортистов утверждал, что русины пришли в Венгрию с севера в XII–XVIII вв. «Руський народ венгры не покоряли, – говорил он, – а он сам, добровольно, переселился под венгерское господство и на такую территорию, которая не способна на хозяйственную самостоятельность». Хотя Подкарпатье и бедный край, но для венгров он годится, для них там есть лес и соль[182].

Козма пугал поляков и тем, что президент Чехословакии всегда считал Карпатскую Русь «временным русским займом и при первом случае» отдаст ее хозяину – России[183].

inslav

Накануне и после первого Венского арбитража руководители Венгрии заверяли Бека в неизменности своих захватнических планов относительно Карпатской Украины, хотя в протоколе к Венскому соглашению как Чехословакия, так и Венгрия подписали, что признают его «окончательным». И когда 4 ноября венгерский посланник Хори прислал шифрограмму К. Кане с просьбой срочно ответить, правда ли, что Венгрия остается на своих прежних позициях, Каня не решился ответить в письменной форме даже своему посланнику, поскольку протокол об окончательном признании границ, подписанный Риббентропом и Чиано, уже распространило «Дойче нахрихтен бюро» (ДНБ). Позже этот протокол был опубликован и в Венгрии полностью[184].

В связи с намерениями хортистов и против воли Германии захватить оставшуюся часть Карпатской Украины даже военным путем, в венгерской печати была начата кампания о так называемых коммунистических и антикоммунистических восстаниях в Закарпатье и одновременно организована серия не прекращавшихся провокаций на границах Чехословакии как с венгерской, так и с польской стороны. Венгерские реваншисты и их польские союзники все чаще и чаще открыто требовали присоединения Закарпатской Украины к Венгрии.

Карпатская Украина представляла для Венгрии наряду с экономическим, также и стратегический интерес, так как захват этой территории давал ей общую границу с Польшей. Хортистской Венгрии для осуществления агрессивных устремлений против Чехословакии и Румынии выгодно было опереться на Польшу. План венгеро-польского сближения отвечал также и интересам Польши, ибо для нее существование автономной Карпатской Украины по соседству с Восточной Галицией, населенной украинцами, представляло, по выражению польской печати, «смертельную опасность»[185]. Поэтому еще 30 октября, т. е. за четыре дня до Венского арбитража, Ю. Бек, уже знавший о германо-итальянском компромиссе о Карпатской Украине, заявил, что «остающаяся часть Закарпатской Украины будет изолированной и экономически совершенно нежизнеспособной; поэтому желательно, чтобы она была присоединена к Венгрии на основе унии»[186].

Орган венгерского правительства «Új Magyarság» открыто изложил венгерские планы, заявив, что «нежизнеспособность урезанной Подкарпатской Руси может в один прекрасный день вызвать у ее населения желание форсировать – в качестве суверенной страны – свое присоединение к Венгрии»[187].

Венгерские реваншисты чем дальше, тем больше наглели. Начались открытые выступления, выражавшие недовольство шовинистических

inslav

кругов Венским арбитражем. Так, президент союза фронтовиков граф Йожеф Такач-Толваи на митинге 9 ноября 1938 г., комментируя решение арбитража, заявил: «Мы не должны вводить Европу в заблуждение тем, что Венгрия получила обратно несколько венгерских городов, наш счет с остальной Европой еще далеко не сведен. Страна до сих пор не имеет общей польско-венгерской границы и не получила древнюю венгерскую крепость Братиславу»[188].

Реваншистскую политику хортистов поддерживали и лидеры оппозиционных партий. Руководитель Партии мелких сельских хозяев 10 ноября 1938 г., выступая в парламенте, заявил: «Венгерское государство должно иметь общую границу с Польшей. Нынешнее решение вопроса лишь временное. Он будет решен окончательно только тогда, когда Подкарпатье станет автономной провинцией Венгрии»[189].

Венгерские шовинисты пытались научно обосновать право хортистской Венгрии на захват Карпатской Украины. В докладе в национальном клубе член парламента Йожеф Иллеш доказывал, что немецкое господство над славянской землей – Восточной Пруссией дает право венграм на владение Карпатской Украиной. Одновременно Иллеш пытался убедить Запад, что проблема Карпатской Украины является общеевропейской, что, захватив ее, хортисты будут охранять Европу от проникновения идей большевизма с Востока. Он заявил: «Русинская земля есть ключ Востока, ворота Востока... через которые проходили не только воинствующие восточные народы, но и восточные идеи... На протяжении всей истории Венгрия охраняла западноевропейскую культуру от влияния с Востока. Теперь тем более это необходимо, когда оттуда исходит угроза идеи большевизма. Поэтому русинский вопрос есть общеевропейский вопрос»[190].

Руководители венгерского государства, зная о планах Гитлера в отношении Словакии, рассчитывали добиться захвата Карпатской Украины с помощью фашистской Италии. Последняя благосклонно смотрела на создание совместной венгеро-польской границы, временами обещала даже помочь Венгрии авиацией. Такая позиция Италии определялась тем, что она не желала укрепления Германии в Юго-Восточной Европе, пыталась создать так называемую горизонтальную ось Рим–Белград–Будапешт–Варшава. Об этом писал в годичном отчете за 1938 г. венгерский посланник в Риме Виллани[191]. А он был в курсе дела. Чиано говорил ему еще в феврале 1938 г.: «Италия не может отказаться от дружбы с Германией, но ее можно гарантировать и упрочить лишь в том случае, если Италия и близкие к ней государства объединятся в гори-

inslav

зонтальной оси, противостоящей мощной экспансии Германии». По его мнению, горизонтальная ось из Рима должна вести через Белград и Будапешт до Варшавы. Он подчеркнул, что после раздела Чехословакии Венгрия «получит общую границу с Польшей»[192].

Для осуществления этих планов Виллани сразу же после Венского арбитража начал вести переговоры с Чиано. Однако, как выяснилось, позиция Чиано в венгерском вопросе резко изменилась.

Еще 6 октября 1938 г. состоялось совещание под председательством регента Хорти, на котором были выработаны общие директивы в отношении оккупации Подкарпатья. Участники встречи единым фронтом выступили против «этнографического» принципа, считая приемлемыми только экономические и исторические принципы. Но поскольку Венский арбитраж не удовлетворил пожелания венгерской стороны полностью, а, руководствуясь мюнхенским решением, присоединил к Венгрии в основном только земли, на которых проживали венгры, то с самого начала ноября 1938 г. хортисты усилили подготовку с целью молниеносного захвата Карпатской Украины вооруженным путем, стремясь «поставив мир перед свершившимся фактом». Ведь раньше и Италия настойчиво рекомендовала Венгрии такой метод.

10 ноября Виллани просил указание от Кани, может ли он информировать Чиано о планируемой военной акции в Карпатской Украине. По мнению посланника, итальянцев нельзя поставить перед свершившимся фактом, хотя и в последнюю минуту, но им нужно сообщить заранее. Каня ответил: об этом плане Чиано можно сообщить так: возможно, кто-нибудь со стороны карпато-украинского правительства попросит ввести венгерские войска[193].

В ходе очередной беседы Чиано с Виллани министр иностранных дел Италии решительно протестовал против ввода венгерских войск в Закарпатье. Гитлер был недоволен и Венским арбитражем. Ему известно, что канцлер рассматривает Карпатскую Украину как собственную территорию. В Риме рекомендовали ни в коем случае не пытаться захватить Карпатскую Украину. Может быть, через несколько месяцев откроется такая возможность. Чиано сообщал, что и Муссолини придерживается такого же мнения.

На следующий день Виллани вдогонку и «дополнение» к той телеграмме направил донесение, в котором между прочим говорилось: сейчас здесь советуют, хотя бы временно, воздержаться от любого шага, который вызвал бы плохое впечатление в Берлине. Еще 14 октября, когда Италии пришлось отказаться от созыва конференции четырех, «Чиано при мне ска-

inslav

зал Чаки», что венгры окончательно потеряли Зеленые Карпаты». В этих условиях Италия не только не сможет поддержать Венгрию, подчеркнул Чиано, но если этого потребует имперское правительство, «Италия вынуждена будет идти вместе с ним против Венгрии».

Чиано, как и прежде, рекомендовал Венгрии строить свою политику в направлении более тесного сотрудничества с осью, но «стоять ближе к Риму, чем Берлину»[194].

Но поскольку Венский арбитраж не полностью удовлетворил венгерские притязания, премьер Б. Имреди и министр иностранных дел К. Каня решили продолжить борьбу за установление общей польско-венгерской границы, но другими методами. Они полагали, что прежде всего нужно завоевать благосклонность нацистской Германии. Но это для венгерской дипломатии была трудная, а в условиях первой половины ноября 1938 г. и невыполнимая задача. Гитлер не отказывался от плана полного расчленения Чехословакии, а, если возможно, то и ее полного захвата. Как свидетельствуют директивы, отданные им еще 21 октября 1938 г. вермахту о подготовке конкретных мероприятий для оккупации Чехословакии, он в то время не рассчитывал на дележ с кем-нибудь намеченной им жертвы.

Кроме того, Гитлеру не нравилось, что Венгрия настойчиво добивалась осуществления своих планов в союзе с Польшей, на которую у него уже имелись свои виды. Он не хотел укреплять позицию Польши и не скрывал этого от Венгрии. По дипломатическим каналам немцы дали понять хортистам, что не одобряют их тесных связей с поляками, и намекали, что только на службе у Германии Венгрия сможет «наращивать» свою территорию, причем это будет достигнуто тогда, когда Венгрия вместе с Германией станет серьезной базой «в борьбе с большевизмом». Конечной целью этой борьбы будет захват «русских источников сырья», ибо «Германия очень хорошо понимает, что решение проблемы германских колоний может быть найдено не за морями, а в России»[195].

Но несмотря на предостережения Германии и «утечки» информации, сотрудничество Венгрии и Польши в вопросе захвата Карпатской Украины продолжалось.

Об отрицательной позиции Берлина в отношении требований Венгрии на установление общей польско-венгерской границы постоянно писали такие швейцарские газеты, как «Basler Nachrichten», «Journal de Genève»[196]. А «Berner Tagblatt» писала: «Гитлер через Закарпатье хочет держать свободный путь для своей армии в направлении Востока»[197]. В другой швейцарской газете высказывалась мысль об автономной Карпатоукраинской республике «как Пьемонте будущей Великой Украины»[198].

inslav

В том же номере газеты помещено «сообщение из Берлина» о полной победе немецкой позиции, об ограничении слишком далеко идущих замыслов Венгрии и о тяжелом дипломатическом поражении Бека. В той же газете еще до венгерских нот чехословацкому правительству было напечатано разоблачение: за призывами Венгрии к самоопределению скрывается ревизионистская тенденция.

Католическая «Neue Zürcher Nachrichten» 4 ноября в статье, посвященной Венскому арбитражу, подчеркивала, что пронемецкие круги в Венгрии также разочаровались в Германии, как в свое время Михай Каройи в англофильстве.

Другая газета, останавливаясь на германо-итальянских противоречиях, писала: «По замыслу Розенберга–Риббентропа, Венгрия не получила бы Ужгород и Мукачево, но Гитлер принял сторону Гёринга–Нейрата, то есть решил сделать восточный плацдарм более широким за счет всей Венгрии»[199].

В этой ситуации хортисты пытались изменить позицию Германии, но та пока оставалась жесткой. Венгерский военный атташе Ласло Сабо, по итальянским источникам из Рима, сообщал: Германия в венгерских требованиях видит препятствие своим планам «Дранг нах Остен». По его мнению, жизненной целью Германии является создание через Карпатскую Украину такого коридора, который позволил бы, во-первых, освободить Украину, могущую быть кладовой Германии и базой против России, и, во-вторых, открыл бы путь, ведущий к румынской нефти и сырью.

Зная позицию гитлеровской Германии, К. Каня решил действовать по отношению к ней в примиренческом духе. В таком ключе министр иностранных дел 15 ноября направил послания своим представителям в Берлине и Риме. В них указывалось, что основой внешней политики Венгрии со времени образования оси Берлин–Рим была опора на эту ось, со времени Венского арбитража ставшая еще более твердой. Для углубления отношений Венгрии с Италией и Германией министр предложил посланникам проявить инициативу относительно переговоров по политическим и экономическим вопросам.

Что касается политических вопросов, то венгерское правительство имело в виду прежде всего борьбу против большевизма, утверждая, что Венгрия никогда не уклонялась от борьбы с коммунизмом и не шла ни на какие компромиссы или соглашения с большевизмом. «Антибольшевистская настроенность двух стран оси встречала» у Венгрии понимание и одобрение, и поэтому если страны оси на этом настаивают, хортисты готовы присоединиться к антикоминтерновскому пакту. «Мы готовы углубить... отношения и в области экономического сотрудничества»[200].

inslav

МИД Венгрии не покидала мысль использовать Италию как рычаг давления на Германию. 10 ноября 1938 г. Виллани предлагал своему правительству начать военную интервенцию против Карпатской Украины, используя события в Финляндии[201].

В ответ К. Каня дал указание Виллани настаивать на интервенции, мотивируя тем, что на стороне присоединения Закарпатья как греко-католический епископ, так и якобы все духовенство[202]. Однако Италия не могла санкционировать реализацию планов хортистов, зная, что Германия рекомендовала Венгрии воздержаться от акций против Чехословакии[203].

Хортисты не прекращали зондаж у Гитлера, стремясь заручиться хотя бы его заявлением о незаинтересованности Германии в этом вопросе. Об этом свидетельствует и письмо Дарани, написанное с ведома премьера Имреди с готовностью выполнить данные им обещания в ходе беседы с Гитлером 14 октября, да и длительные беседы Хорти с посланником Германии О. Эрдманнсдорфом с целью убедить фюрера в согласии на захват Венгрией оставшейся части Карпатской Украины[204].

А между тем Венгрия продолжала военные приготовления. Был мобилизован и сосредоточен вдоль границы 6-й венгерский корпус. Одновременно Венгрия совместно с Польшей подвергла Карпатскую Украину экономической блокаде, нарушив телеграфную, телефонную связи, почтовую связь, изолируя ее от внешнего мира. Хортисты рассчитывали при помощи диверсий разрушить мосты и привести в негодность шоссейные дороги. Продолжалась заброска через границу в Карпатскую Украину венгерских и польских диверсантов, которые терроризировали местное население.

В архивах МИДа хранятся такие документы. В телеграмме военного атташе Белы Лендьела из Варшавы венгерскому начальнику генерального штаба Венгрии сообщалось, что отряды «польских добровольцев» ночью 14 ноября продвигались в направлении Воловое–Синевир. Усиленная пропаганда начнется 15-го в долине Турьи. До тех пор, пока польские добровольцы по линии Великий Березный–Верецки–Воловое натыкаются на регулярные войска, действуют отдельные группы, развернувшие акции в направлении пос. Верецки. На марше один батальон из Свалявы. Чешские разведчики раскрыли польских добровольцев, огласка чего доставила неприятности в Варшаве[205]. (Все это по данным польского генштаба.)

На следующий день тот же источник доносил, что отряды польских добровольцев продвигаются в направлении Великого Березного. У Верецких чехи свой батальон усилили артиллерией. Поляки держат в готовности на границе семь отдельных рот, в каждой по 70 человек. Кро-

inslav

ме того, по Закарпатью продвигаются отдельные группы диверсантов (150 человек), имеющие конкретные задачи[206].

Венгерский посланник Хори 18 ноября шифрограммой сообщал Кане: совершенно тайно создан отряд польских повстанцев, насчитывавший более 1000 бойцов. В ближайшие дни будет отправлено из него 20 человек для осуществления акции в направлении Ужгорода. Просил оповестить об этом венгерские отряды. Пароль – «генерал Бем». Надо, чтобы об этом не узнал польский военный атташе в Будапеште[207].

В тот же день венгерский военный атташе сообщал: у Торуни (долина реки Рика) погибло шесть польских диверсантов, за которых организаторы обещают отомстить в ближайшие дни[208].

Еще шла оккупация переданных Венгрии юго-западных районов Закарпатья, а польский МИД по дипломатическим каналам подталкивал венгерское правительство воспользоваться замешательством и хаосом в ЧСР и захватить всю Карпатскую Украину. Так, начальник политического отдела польского МИДа Кобылянский поучал, что «цели можно достичь только быстрыми действиями», которые нужно начать сразу после 10 ноября, а позже это будет уже невозможно[209]. 8 ноября министр иностранных дел Польши Ю. Бек вызвал к себе для переговоров венгерского посланника А. Хори и начал беседу констатацией того, что Польша уже месяцами выступает в защиту венгерского дела (т. е. за установление общей венгеро-польской границы), причем не только дипломатическим путем, весь польский народ поддерживает его, и он сейчас хотел бы знать, что Венгрия намерена предпринять после 10 ноября. Он не хочет оказывать давление на венгерское правительство, но из-за существующих между двумя странами отношений, тесной кооперации и его искренней дружбы к Венгрии чувствует себя вправе просить конкретного ответа на поставленный вопрос. Это нужно и для того, чтобы согласовать с ним политику Польши, определить дипломатическую работу, свое поведение. Сначала он заявил: каким бы ни было решение венгерского правительства в вопросе Русинска, он склонится перед ним. Но и венгерское правительство должно понять, что «нам в этом вопросе нужна ясность». Бек предложил несколько вариантов дальнейших действий. Например, в Чехословакии сейчас суматоха и неразбериха не только в Карпатской Украине, а по всей стране. И Венгрия, использовав эту ситуацию, быстро может решить сразу весь вопрос. Вторая возможность: одновременно развернуть сильную пропаганду и проведение меньшей, но систематической диверсионной работы. Но смысл она будет иметь только в том случае, если затем последует сильнейшая акция. Если же Венгрия считает возмож-

inslav

ным отложить акцию на более поздний период, то может вступить в силу обещание гарантии границ ЧСР, внутри страны может начаться консолидация и пр., что может потребовать больших жертв и свести к минимуму возможность осуществления венгерского плана вообще[210].

Получив шифрограмму Хори о ходе переговоров, Каня (к этому времени он уже знал, что его агент в правительстве Подкарпатской Руси, А. Бродий, сидит в пражской тюрьме, а новое правительство во главе с А. Волошиным в те дни эвакуировалось из Ужгорода в новую столицу Хуст) послал 9 ноября ему телеграмму, в которой писал: «Не исключено, что сегодняшнее русинское правительство – после оккупации Ужгорода и Мукачева – попросит ввести венгерские войска для поддержания порядка на оставшейся территории... В таком случае венгерское правительство готово ввести туда войска для поддержания порядка и подавить возможное сопротивление»[211]. А если нет, тогда продолжится совместная с Польшей диверсионная деятельность. Ввод венгерских войск в Карпатскую Украину в случае их приглашения предполагает участие и польских войск, ибо война может перекинуться за пределы Закарпатья.

Бек, ознакомившись с этой телеграммой Кани, отметил: вопрос об участии польских войск в акции в Закарпатье возникал еще в начале октября, в дни пребывания Чаки в Варшаве, но он уже тогда заявил: нет такой политической причины, которой можно бы приемлемо обосновать применения армии Польши. В ходе беседы Хори объяснял необходимость, с точки зрения венгров, общей венгеро-польской границы следующим: Венгрия сможет проводить самостоятельную внешнюю политику только при опоре на такую державу, с которой у нее не может быть противоречий, которая никогда не захотела бы расширяться за счет Венгрии. Без этого Венгрия в своей политике рано или поздно вынуждена будет приспосабливаться к политике Германии или избрать балканскую ориентацию. По мнению Хори, русинский вопрос «нужно решать быстро и коренным образом». Совместное выступление Венгрии и Польши могло бы создать «чистое положение», и тогда, «владея ею» (т. е. Карпатской Украиной), мы «могли бы определять условия».

По мнению Хори, Бек немедленно принял бы первую альтернативу, если бы это зависело только от него. Посланник рассматривал и возможность так организовать дело, чтобы жители–русины призвали венгерские и польские войска оккупировать Карпатскую Украину. Можно бы еще со стороны Венгрии пригласить польскую армию на помощь начавшим наступление венгерским войскам, но, естественно, об этом нужно договориться заранее[212].

inslav

Хори полагал, что его переговоры с Беком шли успешно, но в тот же день, 9 ноября, венгерский военный атташе в Варшаве Бела Лендьел передал польскому начальнику генштаба Вацлаву Стахевичу предложение венгерского генштаба бросить в бой четыре польских корпуса, «что вызвало здесь большое удивление», по словам Хори. В полночь венгерского посланника вызвал к себе начальник кабинета Бека М. Любеньский и зачитал ему директивы, предназначенные для польского посланника в Будапеште Л. Орловского, в которых указывалось, что Польша считает пожелания Венгрии невыполнимыми. В этой ситуации Хори попросил немедленного приема у Бека. Министр разъяснил, что пожелания венгерского генштаба нельзя удовлетворить уже хотя бы из-за невозможности тайно и быстро мобилизовать указанные корпуса. Эта просьба вызвала удивление и потому, что венгерское правительство, прежде считавшее возможным достижение своих целей дипломатическим путем, не предъявляя своих требований на Карпатскую Украину, вдруг требует использовать военную силу Польши по всему фронту.

По мнению Бека, использование военной силы Польши больше повредило бы делу, чем принесло пользы. И все же Польша будет усиливать диверсионную деятельность в Закарпатье. Бек хотел бы знать, какие конкретные дипломатические шаги намерена предпринять Венгрия, чтобы помочь ей в этом. Польша постарается сдержать Румынию, если дело дойдет до вооруженного конфликта с Чехословакией[213].

Получив шифрограмму об этих событий, К. Каня 10 ноября просил Хори сообщить Беку: если правительство Карпатской Украины попросит, чтобы венгерские войска вошли на ее территорию, мы удовлетворим эту просьбу несмотря на то, что польское правительство не считает возможным со своей стороны участие отрядов регулярной армии в Карпатской Украине.

Для сведения Хори Каня добавил: венгерский генштаб просил поддержки четырех польских корпусов лишь в том случае, если контрнаступление чехословацкой армии не ограничилось бы Закарпатьем, а в Карпатской Украине венгерскому генштабу требуется помощь только одного корпуса[214].

Бек не очень-то поверил Кане, ибо в беседе с Хори 11 ноября вновь спросил, действительно ли планируется ввод регулярных войск. Хори дал положительный ответ.

После этого в течение нескольких дней Будапешт получал из Варшавы только сведения о состоянии и действиях польских диверсионных групп, о которых упоминалось выше.

inslav

17 ноября 1938 г. Каня поручил Хори сообщить Беку, что новое венгерское правительство (Имреди 15 ноября подал в отставку, но на следующий день Хорти поручил ему образовать новое правительство) будет проводить ту же внешнюю политику и в дальнейшем особый вес будет уделяться тесному братскому сотрудничеству с Польшей[215].

Имреди и Чаки прилагали неимоверные усилия и прибегали к разным средствам, пытаясь найти сколько-нибудь известных политических деятелей (после провала партий АЗС и РНАП) в Закарпатье, которые написали бы сами или озвучили подготовленную петицию с просьбой о венгерском вмешательстве или оккупации Карпатской Украины.

К 18 ноября 1938 г. венгерское правительство сочло подготовку к захвату Карпатской Украины насильственным путем завершенной. В тот же день вечером проходило его чрезвычайное заседание в Будапеште, на котором обсуждалась проблема Карпатской Украины. Оно было объявлено секретным, и протокол заседания не велся. О его ходе есть запись в дневнике М. Козмы. На заседании приняли решение, согласно которому венгерские войска на рассвете 20-го начнут наступление с целью захвата Карпатской Украины[216]. Командовать военными операциями было поручено офицеру генштаба венгерской армии Шандору Хомлоку, а политическим руководителем был назначен М. Козма. В те дни на границе развернулась лихорадочная деятельность, о чем писал в своем дневнике Козма, метавшийся по несколько раз в день по всей границе с Карпатской Украиной. Козма принадлежал к тем крайне правым «ястребам» и авантюристам, которые ради осуществления своих планов захвата Карпатской Украины готовы были развязать любую войну. Он обрадовался приказу о выступлении. И когда венгерское правительство под нажимом Германии и Италии вынуждено было отдать распоряжение приостановить подготовку наступления, Козма назвал его «катастрофическим»[217].

По мнению Германии, Чехословакия могла оказать сопротивление, а немцы были не в состоянии оказать венграм помощь (германская армия находилась в стадии демобилизации) и поэтому «посоветовали» хортистам отказаться от каких-либо акций из-за непредсказуемости их исхода.

В этой связи второй статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вёрман, поручил заявить министру иностранных дел Кане, что «германское правительство возражает против явно надуманной акции в Карпатской Украине. По донесениям, которыми располагает германское правительство, Чехословакия не потерпела бы такую акцию. Если бы венгерская акция вызвала трудности, то Германия не могла бы помочь Венгрии»[218].

inslav

В связи с такой позицией Германии, хортисты вновь попытались заручиться поддержкой Италии. На секретном заседании правительства 18 ноября были зачитаны шифрограммы посланника в Риме Виллани, согласно которым Италия также не советовала «решение русинского вопроса» проводить запланированным венграми путем. В такой ситуации венгерское правительство решило пойти на явный дипломатический обман.

Согласно записи начальника VI/2 отдела контрразведки генштаба Венгрии Иштвана Уйсаси, в 22 часа 18 ноября 1938 г. он посетил находившегося в то время в больнице в Будапеште военного атташе в Риме подполковника Ласло Сабо и вручил ему текст следующего содержания: «Ссылаясь на те сообщения, которые итальянское правительство передало Виллани», ему следует немедленно попросить аудиенции у Муссолини и сообщить, что венгерская армия, в оснащение которой вложил столько усилий сам дуче, потеряла бы боеспособность и силу духа, если бы «была вынуждена пассивно наблюдать за развитием судьбы руськой земли», и «выразить надежду, что Муссолини проявит понимание этого положения»[219].

И. Уйсаси проинформировал Л. Сабо, что польская армия проведет лишь демонстрацию на границе и активно поможет «только засылкой банд»; немцы не противятся, но и не советуют проводить акции и предупреждают, что чехи окажут сопротивление; румыны, по заверению поляков, не вмешаются. По сообщению Уйсаси, план военных действий состоял в следующем: у Кошице оборону занимает седьмой корпус, из окрестностей Ужгорода и Мукачева наступает шестой корпус. Он указал состав седьмого корпуса (какие дивизии, полки и сколько батальонов)[220]. По его оценке, военные действия должны завершиться успехом.

19 ноября 1938 г. Л. Сабо вылетел в Рим, в 18.10 был принят Муссолини и сообщил ему о решении правительства, проинформировать о последних событиях в Закарпатье, замыслах правительства и от его имени попросил дуче поддержать планы Венгрии. Кроме моральной он говорил и о материальной поддержке, т. е. о 100 истребителях для защиты Будапешта и промышленных районов. Сабо мотивировал просьбу венгерского правительства тем, что захват Карпатской Украины «помог бы консолидировать и стабилизировать внутриполитическое положение»[221]. Визит Сабо к Муссолини длился 50 минут и львиную долю времени Сабо использовал для попытки убедить дуче, что будто бы большинство населения Карпатской Украины желает присоединиться к Венгрии. Он утверждал, что немцы венгерские планы не поддерживают, но якобы и не возражают, только озабочены возможным сопротивлением чехов. «Сле-

inslav

довательно, не сказали ни да, ни нет». Он обрисовал Муссолини и позицию других соседей Венгрии – Польши, Румынии, Чехословакии.

После выступления военного атташе около 15 минут говорил дуче; о содержании его речи Сабо сделал запись, на основе которой в 19.20 передал по телефону небольшое сообщение полковнику Р. Андорке в Будапешт: «Со стороны Италии – да, но только в том случае, если Германия не сделает замечание против. 100 истребителей дает. Действительно, это правда – то, что сказали в Пеште, будто Германия не возражает?» (Ответ Андорки: «Правда, более того, сегодня в полдень это еще и подтвердили».)

Это сообщение Андорка доложил правительству, а в 20.15 проинформировал по телефону Сабо о решении совета министров. Военный атташе в Риме в 21.30 передал Муссолини памятную записку, в которой по поручению правительства сообщал: немцы на вопрос венгров заявили, что они смотрели бы на венгерскую акцию против Карпатской Украины с опасением, ибо немецкая армия в данный момент находится в состоянии демобилизации, и в таких обстоятельствах в случае необходимости не могла бы оказать Венгрии вооруженную помощь. В этих словах немецкой стороны мы не видим возражений, а только озабоченность Германии за судьбу Венгрии. Венгрия выражает Муссолини благодарность за моральную и материальную помощь и извещает его о решении начать военную акцию 20 ноября[222].

В 22 часа Муссолини сообщил Сабо: «Памятную записку я получил. Она ясна, я уже отдаю распоряжение отправить на рассвете 20-го 100 самолетов», – и пожелал счастья в проведении акции. Через 20 минут Сабо уведомил об этом Андорку. К полуночи был подготовлен и передан в Будапешт ответ о переговорах с дуче. В нем подчеркивалось, что в Вене Италия с самого начала выступала за плебисцит в Карпатской Украине, но из-за пропаганды демократических государств, будто венгры хотят приостановить продвижение немцев на восток, Муссолини вынужден был отступить. Сабо отмечал: Муссолини по отношению к немцам хочет «остаться абсолютно лояльным». Против них он не сделает ни одного шага – «пока друг, то верен». Это известно и Германии. И если Германия возражает против акции, «то и он будет возражать». «Ось компрометировать нельзя. Ключ от положения в Берлине». Завтра дуче спросит Риббентропа о мнении Германии. «Если он согласится на акцию, дуче будет очень рад».

Муссолини рекомендовал отдать Румынии земли, населенные румынами в южном Закарпатье. Сабо спросил у Муссолини: «Если немцы сообщили бы нам, что они не возражают против военной акции, мы можем начинать?». Ответ: «Если немцы не возражают, да!»[223].

inslav

Получив поддержку Муссолини, хортисты в тот же день сообщили германскому посланнику в Будапеште, что от акции против Карпатской Украины отказаться не могут. Причем Каня еще 19-го заявил германскому посланнику, что он признает границу, установленную Венским арбитражем, но теперь «создалось новое положение»: есть заявление решающего большинства населения Карпатской Украины о желании присоединиться к Венгрии. «В результате карпато-украинский вопрос стал национальным делом венгерского народа»[224].

В венгерском правительстве считали, что для оправдания их действий достаточно будет организовать публикацию «приглашения» Русинского национального совета (между прочим, в Карпатской Украине в то время такого вообще не существовало. Все партии и организации, кроме УНС, были распущены). К этому делу были привлечены руководители провенгерских партий, перебравшиеся на территорию, оккупированную Венгрией по первому Венскому арбитражу. Хортисты в те дни делали ставку на С. Фенцика, платного агента нескольких разведок и иностранных правительств, бывшего депутата чехословацкого парламента и лидера Русской национальной автономной партии. У него наперебой брали интервью венгерские газеты, он выступал по венгерскому радио, печатал статьи с дезинформацией о положении в Карпатской Украине, якобы населения Закарпатья просит венгерские войска навести порядок в крае. В центральных венгерских газетах 18 ноября он писал, что Севлюш якобы уже находится в руках «повстанцев» (т. е. сторонников заброшенных с территории Венгрии диверсантов, переодетых в гражданскую одежду) и т. п.

Вечером 17 ноября 1938 г. С. Фенцик выступил по будапештскому радио на венгерском языке и заявил, что венгерское правительство дает русинам политическую автономию, агитировал за создание оси Рим–Берлин–Ужгород–Будапешт–Варшава и утверждал, что русины выступают за присоединение к Венгрии[225].

Останавливаясь на этих проблемах, газета «Magyar Nemzet» вынесла в заголовок слова Фенцика: «Карпаторусский народ всегда был и останется gens fidelissima» (т. е. вернейшим племенем). В мировую проблему, по его мнению, Подкарпатье превратилось, «когда стало ключом внешней политики стран оси Рим–Берлин и примыкающих к ним держав». Рассказал он и о своих действиях в Чехословакии «в интересах карпаторосов», «которые сейчас на пороге освобождения» и получат «свободу».

В выступлении «на русинском языке» он утверждал, что карпаторусский народ хочет идти под власть короны св. Иштвана. Он мотиви-

inslav

ровал это тем, что уже 3 ноября, т. е. на следующий день после Венского арбитража, в Ужгороде, в доме Духновича, представители различных политических и религиозных течений решили: «Хотим туда, где Ужгород и Мукачево»[226].

В тот же день венгерские газеты опубликовали отчеты и о другом мероприятии, инспирированном венгерским правительством в отношении Закарпатья. 17 ноября 1938 г. Венгерское внешнеполитическое общество провело в здании парламента конференцию, где многие из ораторов (Оливер Эттвени, Калман Рац, депутат парламента, и др.) высказывались в духе присоединения Рутенфёлда (т. е. Карпатской Украины) к Венгрии якобы в интересах всей Европы, ибо в таком случае «Карпаты положат конец направляемым на Запад панславистским идеям». Докладчик К. Рац затронул и украинский вопрос, полагая, что его решение возможно только на националистической основе после свержения советской власти на Украине, когда будут удовлетворены в одинаковой мере и интересы Польши и Венгрии. А в перспективе, по замыслу докладчика, в результате военного похода Венгрия получит «все ее законные земли»[227].

19 ноября газеты сообщали о новом выступлении Фенцика по радио на венгерском и «руськом» языках, в котором тот утверждал, что все Подкарпатье «от Попрада до Тисы хочет присоединиться к Венгрии». Он обратился к американским русинам и великим державам с заявлением: «Мы решили, что весь карпаторусский народ присоединяется к Венгрии», ибо с решением судьбы Ужгорода и Мукачева решена и судьба всего Подкарпатья[228].

20 ноября 1938 г. уже «Magyar Nemzet» опубликовала материал, подготовленный МИДом Венгрии совместно с М. Козмой, с «приглашением»: «Хустский рутенский национальный совет просит наших хонведов (венгерские войска. – *А. П.*) навести порядок в Закарпатье»[229]. В статье содержалась вся дезинформация, которой в те дни оперировал в дипломатической переписке министр иностранных дел Венгрии К. Каня (в частности о петициях целых сел, будто бы просящихся в состав Венгрии, о якобы невыносимом чешском и украинском терроре). Эта статья была опубликована в тот же день также и в газете «Felvidéki Magyar Hirlap», по мнению Козмы преждевременно, ибо именно тогда Германия и Италия запретили оккупацию Карпатской Украины.

Произошло это так. Вечером 20 ноября Чиано позвонил Риббентропу, рассказал о намерениях венгерского правительства и запросил Берлин о разрешении на перелет 100 итальянских истребителей в Венгрию через австрийскую территорию. Риббентроп разгневался на итальянцев

inslav

и заявил, что Германия никакого согласия венгерскому правительству не давала, а наоборот, советовала Венгрии воздержаться от намеченной акции[230]. Кроме того, посол Италии в Берлине Б. Аттолико обратился к Риббентропу от имени Муссолини, которого Сабо информировал о предстоящем нападении Венгрии на Карпатскую Украину[231].

Риббентроп немедленно поручил посланнику в Будапеште Эрдманнсдорфу передать Кане, что он узнал от итальянского правительства о намерении венгров начать в воскресенье 20 ноября военную акцию с целью оккупации Карпатской Украины, что находится в вопиющем противоречии с их заявлениями имперскому правительству. Имел он в виду заверения Кани Эрдманнсдорфу 19 ноября и Стояи в МИДе Германии 18 ноября о том, что насильственные меры против Карпатской Украины не будут предприниматься без согласия германского правительства. Указывалось и на демарш (от 19 ноября) венгерскому правительству (переданный Эрдманнсдорфом), в котором германское правительство не одобряло применение силы против Карпатской Украины. Венгерское правительство, «видимо по недоразумению», информировало итальянское, будто Германия не возражала против акции в Карпатской Украине с применением силы, а «лишь пожелало выразить опасения по поводу положения Венгрии»[232].

Во избежание всякого недоразумения германское правительство поручило своему посланнику немедленно вручить К. Кане ноту, в которой выразило не только недовольство действиями Венгрии, но и официальный протест. В ней указывалось, что нападение на Карпатскую Украину означало бы нарушение решений Венского арбитража и тем самым нанесло бы ущерб авторитету двух держав-арбитров. Кроме того, Германия напомнила о возможном вооруженном сопротивлении чехословацкой армии, в случае чего Венгрия попадет в критическое положение, а Германия в настоящее время лишена возможности оказать ей помощь в какой-либо форме[233].

Эта нота была передана в Будапеште 21 ноября. В полдень, в тот же день, Чиано пригласил к себе венгерского посланника Виллани и военного атташе Сабо и зачитал им германскую ноту протеста. Ссылаясь на нее, Чиано выразил удивление, на чем основывалось венгерское правительство, сообщая в Рим через военного атташе о якобы имеющемся согласии немцев на военную акцию в Карпатской Украине. Вилани спросил Чиано: если акция со стороны Венгрии будет приостановлена, можно ли сделать так, чтобы Италия воздержалась от передачи ноты, аналогичной германской. Чиано с сожалением сообщил, что уже дал обещание Риббентропу и вынужден ее послать[234]. Нота была отправлена.

inslav

Однако Чиано больше беспокоило другое. Вечером 19 ноября он говорил Виллани: если немцы согласны, то ему все равно – пусть венгры и Прагу занимают[235]. Теперь итальянский министр просил венгерских гостей оправдать Муссолини, доказать полную его лояльность немцам, чтобы гитлеровцы не подумали, будто он за их спиной сговаривался с венграми.

Сабо пообещал Чиано подготовить все документы, ноты, записи бесед. Вечером 21 ноября все документы, переведенные на итальянский язык, с тремя приложениями были переданы Чиано германской стороне.

Согласие Италии на нападение на Карпатскую Украину – часть Чехословакии было обусловлено тем, что Германия якобы не была против этого. Но когда позиция Германии прояснилась, Чиано объявил не только о прекращении поддержки задуманной акции, но и о том, что 100 истребителей не могут быть отправлены[236].

В 19 часов 21 ноября Чиано вновь вызвал к себе Сабо и по поручению Муссолини поблагодарил его за верную передачу беседы в телеграмме, посланной в Будапешт. Получив ее, немцы увидят полную лояльность дуче к гитлеровцам[237].

Поручая передать К. Кане вышеупомянутую ноту протеста Германии, Риббентроп просил Эрдманнсдорфа устно напомнить, что Чиано в ходе трех бесед (11, 18 и 19 ноября) строго предупреждал Венгрию не нападать на Чехословакию из-за Карпатской Украины. Дословно Чиано сказал следующее: «В этом деле у Италии прямых интересов нет. После венского арбитражного решения вы не можете рассчитывать на поддержку такого рода акции, и добавляю, если Берлин сделает какой-либо шаг, указывающий вам на необходимость гарантий арбитражного решения, то мы присоединимся к Берлину»[238].

Но Каня не успокаивался. 21 ноября в 16 часов он направил Стояи шифрограмму в Берлин со своей интерпретацией понимания всего дела (немцы только опасались за Венгрию, Италия полностью Венгрии симпатизировала, все венгры, несмотря на партийную принадлежность, считают акцию своим национальным делом) и сообщением, что когда было отклонено предложение Венгрии о проведении плебисцита в Карпатской Украине, ей якобы не оставалось ничего другого, как провести военную акцию.

«В этом трудном положении, – писал Каня, – задаемся вопросом, является ли после изложенных выше обстоятельств запрет акции со стороны германского правительства последним словом, и вообще, не видит ли оно возможности стать на позицию незаинтересованности, как это было в октябре при встрече с Дарани?».

inslav

Каня поручил сообщить Риббентропу, что ответ германского правительства может иметь решающее значение для венгерского общественного мнения и просил дать его немедленно по телефону[239].

Д. Стояи вечером того же дня передал послание Кани Риббентропу и в ночь на 22 ноября отправил в Будапешт шифротелеграмму, в которой для Кани не было ничего утешительного. На вопрос Кани, не сможет ли Риббентроп пересмотреть свою позицию, тот подтвердил позицию Германии, изложенную в ноте протеста, поддержанной Италией. Польское правительство тоже было об этом оповещено[240].

Нажим Германии отрезвил хортистов. Как писал венгерский посланник в Риме Ф. Виллани, «совместный протест двух дружественных великих держав означает, что мы временно оказались в изоляции»[241].

В этих условиях венгерское правительство вынуждено было отменить военную интервенцию[242] Неудача этой авантюры вызвала большое замешательство в ревизионистских кругах Венгрии. Чтобы добиться благосклонности фашистских покровителей, хортисты решили проводить политику, которая в еще большей мере привязывала судьбу Венгрии к оси Берлин–Рим. Эту политику особенно рьяно проводил известный своей прогерманской ориентацией граф И. Чаки, вновь назначенный министром иностранных дел 10 декабря 1938 г. после отставки 28 ноября К. Кани.

22 ноября 1938 г. в Венгрии разразился внутриполитический кризис (правящая партия раскололась, из ее состава вышли 64 депутата парламента, обвинявшие Имреди в диктаторских замашках и социальной демагогии), вызванный, в частности, и внешнеполитическими причинами. На следующий день палата представителей парламента отклонила предложение Имреди «о реформе» и премьер-министр подал в отставку. Хорти отставку не принял. Кризис затянулся до 28 ноября, до образования третьего правительства Б. Имреди. Новые выборы Хорти не назначил, но заседания палаты представителей были временно прекращены. Он надеялся обеспечить большинство в парламенте при помощи приглашенных в парламент депутатов (без выборов) из вновь присоединенных к Венгрии территорий.

Примечания

[1] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 8.
[2] DIMK. II. k. 686. old.
[3] DIMK. III. k. 689, 696–697. old.
[4] OL. K–64. 1938. 7/a. 950. 4. l.
[5] Ibid. 972.1. l.
[6] Ibid. 971. 1. l.

inslav

[7] Ibid. 972. 1. l.
[8] *Györkei J.* Egy különös döntés története // Köztársaság. 1993. 10. sz., 60–65. old. (и посл. номера).
[9] Ibid. 64–65. old.
[10] В и ВМВ. С. 108.
[11] Там же. С. 108–110.
[12] Там же. С. 109.
[13] OL. Szent-Iványi Kézirat. 137–138. l.
[14] Ibid. 138–139. l.
[15] Ibid. 146. l.
[16] ÚMKL, BEO. 72. d. 37, 38. 4. l.
[17] Ibid. 5. l.
[18] Ibidem.
[19] OL. K–74. 1938. Bejövő. Parizs. 6385/75, 1–2. l.
[20] Ibid.. K–64. 1938. 7/a. 951. 1–3. l.
[21] Ibid. 959. 1–2. l.
[22] DIMK. II. k. 720–721. l.
[23] АВП РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 6.
[24] OL. Szent-Iványi Kézirat. 158. l.
[25] DIMK. II. k 780–781. old.
[26] OL. K–63. 1938. 7/7, 3265(3475). 1–6. l.
[27] Ibid. 3265 (3476). 1–6. l.
[28] Ibid. 3265 (3641). 1–4. l.
[29] ÚMKL. M–1. KÜM, Bé. o. 40. d. IV/52. 40194, 1945, 5. l.
[30] Ibid. 1945. 40777/Bé. 2–3. l.
[31] OL. K–64. 1939. 7/a. 994. 1–2. l.
[32] Ibid. 1006. 1–2. l.
[33] OL. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. l.
[34] Ibid. K–100. (Római követség. A katonai attashe iratai) 1938, 773. 1, 26. l.
[35] Ibid. K–64. 1938. 1019. 1–3. l.
[36] ÚMKL. 40. d. IV/52. 40777/Bé. 1945. 3. l.
[37] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 9.
[38] OL. K–84 (Berni követség) 1938. 6. l.
[39] ÚMKL. KÜM. Béo 1945. 41255. 9. l.
[40] DIMK. II. k. 751. old.
[41] Ibid. 750–753. old.
[42] Ibid. 757–759. old.
[43] DIMK. II. k. 757. old.
[44] OL. K–64. 7. Komáromi tárgyalások jegyzőkönyve. 1938. 12. X. 2. l.
[45] DIMK. II. k. 760–761. old.
[46] OL. K–84 (Berni követség). 1938. X. 12. 7. l.
[47] В и ВМВ. С. 109–110.
[48] OL. K–84. (Berni követség) 1938. 7. l.
[49] Ibid. K–64. 1938. 7. Komáromi Tárgyalások jegyzőkönyve. 13. X. 18 r. 1–2. l.
[50] ÚMKL. M–1. KÜM. Bé. o. IV. 52. 40777. 1945. 4. l.
[51] ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.
[52] Там же. Л. 10.
[53] OL. ME. MT jkv. 1938. 14. X.
[54] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6478/124/ 1. l.

inslav

[55] Ibid. Kimenő Prága. 6160/89. 1. l.
[56] Ibid. Bejövő. Varsó. 6471/300/ 1. l; Kimenő. Budapest. 6158/134/ 1. l.
[57] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 4042. 1–2. l.
[58] Ibid. 1056. 1–2. l.
[59] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6450/118. 1. l.
[60] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 14. Д. 4. П. 6. Л. 10.
[61] OL. FT. 306202. 1938. 177. pol. 3. l.
[62] Ibid. K–64. 1938. 7/a. 987. 3. l.
[63] Ibid. ME. L. 1939. 17753. 6. l.
[64] Ibidem.
[65] Ibidem.
[66] OL. K–74. 1938. Kimenő. Prága. 6160/89/ 1. l.
[67] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1041. 1. l.
[68] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Prága. 6492/172. 1. l.
[69] Horthy Miklós titkos iratai, 183–184. old.
[70] OL. K–27. 1938. 13. XI. (1).
[71] Ibid. K–74. 1938. Kimenő. Róma. 6205/113. 1. l.
[72] Ibid. Bejövő. Róma. 6536/129. 1. l.
[73] DIMK. II. k. 792–794. old.
[74] Ibid. 801. old. (Примечание 123); ADA P. Ser. D. 13. Bd. IV. Dok. 62, 63.
[75] DGFP. Ser. D. Vol. IV. Dok. 53; A Wilhelmstrasse és Magyarország, 303–306. old.; OL. Szent-Iványi. Kézirat. 168–169. l.
[76] OL. K–64. 1939. 7/a. 1109. 1–7. l.
[77] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1109. 1–7. l.
[78] ADAP. Ser. D. IV. Bd. Dok. 60, 64; DIMK. II. k. 796–797. old.; В и ВМВ. С. 114; OL. K–64. 1939. 112. 1–3. l.; OL. Szent-Iványi Kézirat. 172–173. l.
[79] DIMK. II. k. 799–800. old.
[80] Ibid. 800. old.
[81] Ibid. 800–801. old.
[82] OL. Szent-Iványi. Kézirat. 171. l.
[83] Ibid. 175. l.
[84] Magyar Nemzet. 1938. 16. X.
[85] OL. FT. 1938. X–36 202. 162. pol. 1–2. l.
[86] Ibid. K–74. 1938.Moszkva Kimenő. 6610/42. 1–2. l.; K–63. 1938. 7/7. 3558. 1–2. l. В и ВМВ. А.С. 129.
[87] Ibid. Szent-Iványi. DIMK. II. k. 813–814. old.; OL. FT. 1938. X–36 202. 181. pol. főn. 1–3. l.
[88] *Ránki Gy.* Adatok a magyar külpolitikához // Századok. 1959. 1. sz. 145. old.
[89] Ibid. 149. old.
[90] ИДА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
[91] Там же. Л.15.
[92] Там же.
[93] *Kertesz de Stephen.* Diplomacy in a Whirlpool. P. 40.
[94] OL. K–83. 1938. 152. pol. 1–2. l.
[95] Ibid. K–64. 1938. 7. 1139. 3–4. l.
[96] Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. 178. 178/a. l.
[97] Ibid. 178–179. old.; K–74. 1938. Bejövő. Berlin. 6560/201. 1. l.
[98] OL. K–74. 1938. Kimenő. Berlin. 6052/156. 1. l.
[99] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1095. 1–3. l.

inslav

[100] DIMK. II. k. 809. old.
[101] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 306–307. old.
[102] OL. K–63. 1938. 7/7. 3265 (3630). 1. l.
[103] DIMK. II. k. 819. old.
[104] ADAP. Ser. D. Vol. IV. № 72, 73.
[105] DIMK. II. k. 428. old.
[106] Ibid. 829. old.
[107] OL. K–74. 1938. Kimenő. Berlin. 6321/194. 1–2. l.
[108] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1157. 1–2 l.
[109] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 308–309. old.
[110] OL. K–63. 1938. 7/7. 3265 (3644). 1–2. l.; K–73. 1938. Bejövő. Berlin. 335. pol. 216. sz. 1. l.
[111] DIMK. II. k. 835. old.
[112] Ibid. 836. old.
[113] OL. K–73. 1938. Kimenő. Róma. 6335/123/ 1. l.
[114] Ibid. 6336/124. 1 .l.
[115] Ibid. Kimenő. Berlin. 6338/198. 1. l.
[116] Ibid. 6339/1999. 1–2. l.
[117] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 309–311. old.
[118] Ibid. 311. old.
[119] DIMK. II. k. 842. old.
[120] Ibid. 843–844. old.
[121] Ibid. 847–849. old.
[122] Ibid. 853–854. old.
[123] OL. K–74. 1938. Kimenő. Berlin. 6363/201. 1–2. l.
[124] Ibid. ME. L. 1939. 17753. 7. l.
[125] АВП РФ. Ф. 05. 1938. Оп. 18. Д. 52. П. 142. Л. 7–9; ДВП СССР. Т. XXI. С. 591–592.
[126] OL. FT. X–36202. 1938. 174. pol. 1–2. l.; 177. pol. 1–3. l.
[127] ÚMKL. M. 1. KÜM. Bé. o. IV. 52. 40777. 1945. 5. l.
[128] Ibid. 1945. Bé. o. 41255. 10. l.
[129] OL. K–64. 1939. 7/a. 1253. 1–2. l.
[130] Ibid. 994. 1. l.
[131] Ibid. 1094. 1–2. l.
[132] Ibid. 1096. 1–2. l.
[133] Ibid. 1101. 1–2. l.
[134] Ibid. 1095. 1. l.
[135] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. L. 247–253.
[136] Ibid. L. 55–60.
[137] OL. K–64. 11939. 7/a. 1202. 1–2. l.
[138] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. L. 263–267.
[139] DIMK. II. k. 727. old.
[140] OL. K–64. 1939. 7/a. 1671. 1. l.
[141] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Varsó. 6570/331. 1 .l.
[142] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Bukorest. 6631/141. 1. l.
[143] Ibid. 6682/184. 1. l.
[144] Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. 235. l.; OL. K–64. 1939, 7/a. 1069. 1. l.
[145] AAN. MSz. P. III. 1936–1938. 49 W. 6597. L. 260.
[146] Ibid. L. 267.
[147] OL. Szent-Iványi. Kézirat. 236.l.; OL. K-74. Bejövő. Berlin. 6722/244. 1. l.

inslav

[148] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1257. 1. l.
[149] Ibid. 1258. 1–3. l.
[150] Ibid. K–63. 1938. 7/7. 3665. 1–2. l.
[151] Ibid. K–64. 1938. 7/a. 1258. 1–2. l.
[152] Ibid. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6758/150. 1. l.
[153] *Ránki Gy.* Adatok a magyar... // Századok. 1959. 1. sz. 145. old.
[154] Ibid. 157. old.
[155] OL. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6754/151. 1. l.; 6757/152. 1–2. l.
[156] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1283. 1. l.
[157] Ibid. 1284. 1. l.
[158] Ibid. 1263. 1. l.
[159] Ibid. 1260. 1. l.
[160] OL. K–74. 1938. Bejövő. Róma. 6775/155. 1. l.
[161] Ibid. 6776/156. 1. l.
[162] Ibid. K–64. 1939. 7/a. 1288. 1–3. l.
[163] DIMK. II. k. 879–880. old.
[164] DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 99/1.; A Wilhelmstrasse és Magyarország. 312–317. old.
[165] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 317. old.
[166] DGFP. Ser. D. Vol. IV. № 99.
[167] OL. Szent-Iványi. Kézirat. 185. l.
[168] DGFP. Ser. D. Vol. IV. №94.
[169] ÚMKL. M. 1. KÜM. Bé. o.IV. 1945. 41255. 11. l.
[170] OL. ME. 1939. G. 18339. 11–31. l.
[171] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 318. old.
[172] DIMK. II. k. 884–885. old.
[173] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 321. old.
[174] Ibid. 321–324. old.
[175] Ibid. 325. old.
[176] В и ВМВ. С. 119.
[177] Там же. С. 119–120.
[178] Правда. 1938. 20 ноября.
[179] OL. K–84. (Berlini köv). 1939. 6. biz. 1–8. l.
[180] Ibid. K–84. (Berlini köv.). 1939. 6. biz. 8–9. l.
[181] Ibid. 12–14. l.
[182] Ibid. 12–26. l.
[183] Ibid. 19. l.
[184] DIMK. II. k. 85. old.
[185] Спутник агитатора. 1939. № 9. С. 40.
[186] Мировое хозяйство и мировая политика. 1958. № 12. С. 35.
[187] Új Magyarság. 1938. 6. XI..
[188] Pester Lloyd. 1938. 10. XI.
[189] Képviselőházi Napló. 1935–1940. X. k.
[190] *Illés J.* A ruszinszkói kérdés. Bp., 1939. 19–20. old.
[191] OL. K–99 (Római követség) 1939. 134. pol. 1938.
[192] OL. K–74. 1938. Kimenő. Becs. 5192/13. 1. l.
[193] Ibid. 1938. Bejövő. Róma. 6861/162. 1. l.; Kimenő. Róma. 6452/137. 1. l.
[194] DIMK. III. k. 107–109. old.
[195] В и ВМВ. С. 130.

inslav

[196] OL. K–84. 1938. 112. biz. 8. l.
[197] Berner Tagblatt. 1938. 14. X.
[198] National Zeitung. 1938. 3. XI.; 28. X.; OL. K–84. 1938. 118. biz. 2–6. l.
[199] La Suisse. 1938. 5. XI.
[200] OL. K–64. 1939. 16. 1353. 1–3. l.
[201] Ibid. K–64. 1938. 33/a. 1332. 3. l.
[202] Ibid. 1359. 1–2. l.
[203]OL. ME. MT jkv. 1939. jan. 20. 32. l.
[204] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 325. old.
[205] OL. K–64. 1939. 33/a. 1441. 1. l.
[206] Ibid. 1373. 1. l
[207] Ibid. 1379. 1. l
[208] Ibid. 1383. 1. l
[209] Ibid. 1322. 1. l.
[210] OL. K–74. 1938. Bejövő Varsó. 6848/432. 1. l.; 6849/433. 1–2. l.
[211] Ibid. 1938. Kimenő Varsó. 6444/187. 1. l.
[212] OL. K–64. 1939. 33a. 1331, 1–3. l.
[213] Ibid. 6858/440. 1–2. l.
[214] Ibid. 6451/190. 1–2. l.
[215] Ibid. K–74. 1938. Kimenő. Varsó. 6483/198. 1. l.
[216] OL. Kozma Miklós iratai 27. cs. Naplójegyzetek. 1938. nov.
[217] В и ВМВ. С. 136–140.
[218] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 327. old.
[219]OL. K–99. 1938. 926. k. a. 2–3. l.
[220] Ibid. K–64. 1939. 33/a. 1461; K–99. (Római köv.) 1938. 926 k. a. 2. l.
[221]Ibid. 3. l.
[222] Ibid. 4–5. l.
[223]Ibid. 6–7. l.
[224] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 327–328. old.
[225] Népszava/ 1938. 18. XI.
[226] Magyar Nemzet. 1938. 18. XI.
[227] Magyar Nemzet. 1938. 18. XI.
[228] Magyarság; Újság. 1938. 19. XI.
[229] Magyar Nemzet. 1938. 20. XI.
[230] OL. K–64. 1938. 33/a. 1404. 11. l.; В и ВМВ. С. 145.
[231] DGFP. Ser. D. Vol.IV. № 128.
[232] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 328–329. old.
[233] Ibid. 329. old.; В и ВМВ. С. 141; DIMK. IV. 143–144. old.
[234] OL. K–99. 1938. k. a. 926. 7. l; DIMK. IV. 141–142. old.
[235] DIMK. IV. 139. old.
[236] OL. K–99. 1938. k. a. 8. 24. l.
[237] Ibidem. 7. l.
[238] A Wilhelmstrasse és Magyarország. 329. old.
[239] DIMK. IV. 142. old.
[240] Ibid. 148–149. old.
[241] В и ВМВ. С. 146.
[242] Там же. С. 139.

inslav

Глава пятая

Политика примирения с Германией. Захват Карпатской Украины

1. Обострение венгеро-германских противоречий

В одном из донесений из Праги конца ноября 1938 г. венгерского посланника Я. Веттштейна указывалось: в здешней печати в последнее время все чаще распространяются сведения, согласно которым планы Венгрии в отношении Карпатской Украины привели к охлаждению венгеро-германских отношений[1].

В обобщающем политическом донесении за 1938 г. по поводу этих событий Д. Стояи, венгерский посланник в Берлине, писал в МИД Венгрии: после Венского арбитража «немецкое правительство возразило против намерений венгерского правительства обеспечить в Карпатской Украине для руського народа право на самоопределение». По поводу этого оно передало 21 ноября отрицательную ноту венгерскому правительству, что вызвало в Венгрии чрезвычайное недовольство по отношению к Германии[2].

Позднее, 6 сентября 1940 г., тот же Стояи доносил И. Чаки о состоянии германо-венгерских отношений «до и после Венского арбитража», обращая внимание на их переменчивость. О рассматриваемом здесь периоде он писал: то обстоятельство, что в 1938 г. в течение чешского кризиса венгерское правительство не присоединилось «решительно» к немецкой акции, «здесь, в Берлине, вызвало определенное недоверие и дало повод для недоразумений». Это недовольство достигло апогея во время первого Венского арбитража и особенно в конце ноября, когда Германия «не поддержала намерение Венгрии захватить Карпатскую Украину. Известны те упреки, которые были нам высказаны»[3].

События в Закарпатье широко освещались в советской печати. Кроме посланника информацию в Будапешт из Москвы присылал и венгерский военный атташе Ласло Дешеё. В телеграмме от 22 ноября 1938 г. он обратил внимание на опубликованную в «Известиях» карту,

inslav

где Карпатская Украина была изображена как третья федеративная часть Чехо-Словакии. Причем она включала в себя Рутенфёлд (т. е. собственно Карпатскую Украину), восточную Галицию и Волынь. Идет в донесении речь и об организации акции по призыву польских войск для оккупации Карпатской Украины. А в «Правде» была напечатана статья о выступлении С. Фенцика и планах Венгрии оккупировать Карпатскую Украину, которые будут осуществлены в ближайшем будущем[4].

22 ноября К. Каня направил в Рим шифрограмму Виллани и поручил ему передать Чиано, что Венгрия полностью изолирована и в этом «мы сами виноваты», ибо поставили Муссолини в неприятное положением тем, что немцы могут заподозрить его в подбадривании венгров за их спиной. В ней сообщалось также, что просьба Муссолини оправдать его в глазах Гитлера будет исполнена, несмотря на то, что этот шаг настроит общественное мнение против Венгрии, но дружба с Муссолини для венгров важнее страха перед общественным мнением. Далее говорилось, что ответ Германии на просьбу венгерского правительства не препятствовать возможной акции в Карпатской Украине дословно передан итальянскому правительству, так что оно само может видеть: ответ не содержал явного протеста против возможной акции в Русинске. Но мы ничего не могли сделать, так как Германия через 24 часа изменила свои взгляды и стала утверждать, что мы ложно интерпретировали их ответ.

Наконец, Каня просил Виллани выразить удивление по поводу заявления Чиано, будто политика Венгрии направлена против оси. Как известно, премьер-министр Б. Имреди вновь заявил о своем намерении еще более сблизить венгерскую внешнюю политику с политикой оси и с этой целью готов был идти и на конкретные уступки[5].

До конца своего пребывания на посту министра иностранных дел К. Каня стоял на позиции «приращивания» страны, учитывая обстановку, желал дипломатическим путем склонить Германию к поддержке идеи восстановления Венгрии, никогда в дипломатической переписке с Польшей не отказывался от планов и силовым путем установить общую польско-венгерскую границу, но последнюю неделю своего пребывания на посту министра предпочитал не афишировать свои планы, делая упор на предоставлении населению Подкарпатья права на самоопределение в расчете на присоединение Карпатской Украины к Венгрии в результате референдума.

Он ушел в отставку на следующий день после разрешения правительственного кризиса, 28 ноября. Имреди остался премьером и временно, до 9 декабря, исполнял обязанности министра иностранных дел.

inslav

Не успели улечься страсти внутри Венгрии, как и в Праге произошли большие изменения. Вместо Яна Сирови премьер-министром 1 декабря стал Рудольф Беран. Министром иностранных дел остался Ф. Хвалковский. Перед этим президентом второй Чехо-Словакии стал Эмил Гаха, т. е. все важнейшие руководящие посты в республике оказались в руках ставленников гитлеровской Германии.

Для Венгрии это означало, что в создавшейся обстановке дальнейшие венгерские территориальные претензии к ЧСР могли не учитываться вообще. К тому же отношения с Чехо-Словакией (как и Германией) продолжали обостряться, о чем свидетельствовали инциденты на границе, обмен нотами протеста и т. д.

Венгерское правительство пришло к выводу, что дальнейшее «приращение страны», осуществление планов ревизии Трианонского мира возможно только с согласия Германии и при ее поддержке. Известно, что еще 14 октября 1938 г. бывший премьер Венгрии К. Дарани при встрече с Гитлером в Мюнхене (в присутствии Риббентропа, генерала Кейтеля и германского посланника в Будапеште Эрдманнсдорфа) в качестве платы за услугу Германии – поддержку венгерских претензий обещал целый ряд уступок со стороны хортистов[6].

Тот же К. Дарани, выполняя поручение венгерского премьера Б. Имреди, в письме Гитлеру от 3 ноября (после Венского арбитража) выразил убеждение, что осуществление планов, возникших при встрече в Мюнхене, «в значительной мере будет способствовать превращению дружественных связей Германской империи и Венгрии (внутри политики оси) в еще более тесные»[7].

Еще до авантюры хортистов, намечавшейся на 20 ноября, регент Венгрии в беседе с Эрдманнсдорфом 14 ноября заявил (как писал посланник в Берлин): «Меня беспокоит проблема Карпатской Украины», – и, ссылаясь на сказанное Гитлером Дарани («немцы не против создания общей польско-венгерской границы»), Хорти намекнул на «возможность ввести войска в Карпатскую Украину в случае взрыва там, а затем эти войска остались бы в ней до тех пор, пока не обеспечили бы право населения на самоопределение в случае посылки туда международного контингента войск на период голосования». Будучи информированным и о планах Германии продвижения на Восток, Хорти утверждал, что гористая Карпатская Украина с ее глубокими долинами, не пригодна для продвижения «в ожидаемых в будущем немецких действиях на Украине, которые нужно провести вместе с подобной акцией Италии и Японии для обуздания большевистской опасности»[8].

inslav

В ответ на это донесение посланника, да и на аналогичное сообщение Стояи, заместитель статс-секретаря МИДа Германии Вёрман 18 ноября послал в Будапешт Эрдманнсдорфу телеграмму, где просил срочно сообщить министру иностранных дел Венгрии: «Германское правительство возражает против явно выраженных намерений регента осуществить акцию в Карпатской Украине». Он ссылался на донесения, имевшиеся в распоряжении германского правительства, согласно которым Чехословакия не потерпела бы такой акции. И если бы венгерская акция встретила сопротивление, Германия не смогла бы поддержать Венгрию. Исходя из этих соображений, германское правительство такую акцию «считает несвоевременной»[9].

И когда Венгрия не посчиталась с этими предупреждениями, 21 ноября последовала нота протеста не только Германии, но и Италии (о чем речь шла в предыдущей главе).

В тот же день Стояи посетил Вёрмана (затем и Риббентропа) и заявил, что Венгрия давно вынашивает план более тесной опоры на ось Берлин–Рим, но этому помешали события лета 1938 г. Он вручил и письменный меморандум, в котором предлагалось политическое и экономическое сближение: в области политической – присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту, а в экономике – «углублять, стабилизировать и развивать путем координации экономические усилия двух стран»[10].

Вёрман нашел меморандум интересным, но считал, что было бы еще лучше, если бы в нем речь шла и о выходе Венгрии из Лиги наций. Стояи ответил: в этом отношении нажим на Венгрию вновь и вновь повторялся, в том числе и со стороны Чиано. И рекомендовал германской стороне на намечающихся предстоящих переговорах вновь поставить это предложение[11].

Риббентроп также поинтересовался выходом Венгрии из Лиги наций[12].

Стояи в донесении от 2 декабря об этих беседах писал: Риббентроп очень доволен нашим желанием присоединиться к антикоминтерновскому пакту и спросил, не считаем ли мы своевременным выйти из Лиги наций?[13].

3 декабря Риббентроп известил Стояи о своем желании побеседовать с ним в ближайшее время. 6 декабря Стояи доносил в Будапешт, что при встрече Риббентроп высказался о целесообразности в интересах «благоприятного продолжения наших дружественных отношений» провести открытый, обстоятельный обмен мнениями, который охватил бы все вопросы и «развеял бы недоразумения, возникшие, к сожалению, в последнее время между нами». Министр предложил провести его в ближайшее время, на следующей неделе. Он полагал, что Имреди или новый

inslav

венгерский министр иностранных дел могли бы приехать в Мюнхен и уже оттуда отправиться на встречу с Гитлером.

Стояи заверил, что венгерское правительство желает вести дружественную политику по отношению к Германии, в чем он убедился и на недавней встрече с регентом Хорти[14]. Он предложил поднять на переговорах вопрос о Рутенском крае и Трансильвании, взамен обещая пойти на уступки немецкому меньшинству в Венгрии и поставить Германии дополнительно сырье[15].

Стояи составил для венгерской делегации свой проект меморандума*.

Имреди, согласовав этот меморандум с будущим министром И. Чаки, 7 декабря 1938 г. ответил Стояи. Он просил его сообщить Риббентропу, что Венгрия по-прежнему намерена поддерживать хорошие отношения с германской империей. Она с удовлетворением приветствовала бы прямой обмен мнениями с высшими руководителями империи. Новый министр иностранных дел И. Чаки, «начиная со среды будущей недели, в любое время готов посетить руководство Германии»[16].

И. Чаки, выступая в Шопроне перед избирателями, заявил: основой венгерской внешней политики является дружба с Италией, Германией и Польшей.

Венгрия на протяжении всего периода хортизма афишировала свою дружбу с Польшей. В 1937 г. Венгрия зондировала Варшаву, присоединится ли Польша к оси. Ответ, по-видимому, удовлетворил тогдашнего министра К. Каню. А. Хори 9 ноября 1937 г. доносил: «Польша верна традиции Пилсудского и без внешнего принуждения никогда не будет играть ведущей роли в каком-либо движении против Москвы»[17]. 11–

* В нем обобщены обвинения Германии в адрес Венгрии и даны подробные ответы на них. Обосновано Бледское соглашение, без которого, по его мнению, Югославия и Румыния в период чехословацкого кризиса вели бы себя по-другому. Отвергается утверждение, что Венгрия якобы не хотела принимать участия в чехословацком конфликте. Он перечисляет невыполненные венгерские просьбы с февраля 1937 г. по 28 сентября 1938 г., особо выделяя требование активизировать венгеро-немецкое военное сотрудничество по вооружению и снаряжению венгерской армии; отрицает, что в Лондон было передано заявление Венгрии о нейтралитете, а также, что Венгрия сомневалась в силе оси. Злостной выдумкой враждебной печати Стояи считает утверждение, что общая венгеро-польская граница якобы имеет целью создание антинемецкого венгеро-югославо-польско-румынского блока. Территория Карпатской Украины сейчас представляет собой сквозной коридор для коммунизма, подчеркивает он, а позже, может быть, панславизма – для Москвы и Праги, и чтобы его закрыть, нужно владеть этой территорией. Пропаганда против Венского арбитража исходит от евреев и их друзей. Имреди решительно выступает против нее, а венгерское правительство и венгерский народ очень далеки от подобных мыслей (DIMK. III. k. № 131a.).

inslav

12 ноября 1937 г. по предложению Кани Будапешт и Вена решили не присоединяться к антикоминтерновскому пакту, но бороться в своих странах против коммунизма и всех его проявлений[18].

В новой обстановке все изменилось. И. Чаки, как и большинство членов правительства, считал нужным сблизиться со странами оси и с их помощью добиваться своих ревизионистских целей.

Как свидетельствуют вышеизложенные материалы, на повестку дня прямо был поставлен вопрос о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

Чаки с нетерпением ждал приглашения в Берлин, но немецкие руководители не спешили. 21 декабря 1938 г. Э. Вайцзеккер, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии, записал: «Сегодня венгерский посланник вновь упомянул, что министр иностранных дел готов ехать в Берлин по первому приглашению, и подчеркнул: Чаки убежден, что свою программу он сможет выполнить, только тесно сотрудничая с Германией»[19].

В эти дни в Венгрии (с 19 по 23 декабря 1938 г.) находился Г. Чиано, прибывший по приглашению Хорти на охоту. Об этом немецкий посланник Эрдманнсдорф направил три донесения в Берлин. В одном из них, от 22 декабря, писал: Чаки сказал ему, что беседовал с итальянским министром о желании венгерского правительства более тесно сотрудничать с обоими государствами оси, и сделанные Чиано заявления станут осуществляться, если в ходе визита в Берлин он получит одобрение Германии. Венгерские исследователи утверждали, что в венгерских архивах нет материалов о встрече Чиано, Чаки и Имреди. Не упоминаются они и в третьем томе документов «Внешняя политика Венгрии 1938–1939 гг.».

Элек Каршаи, ссылаясь на запись беседы, включенной в рукописьн* Сент-Ивани, приводит ту ее часть, в которой на вопрос Чаки, каковы на данный моме т отношения между Италией и Германией, не думают ли они оформить их договором или подкрепить каким-либо военным соглашением, Чиано ответил: «Не исключено, что антикоминтерновский пакт преобразуется в военный союз». На второй вопрос Чаки: может ли Венгрия участвовать в таком соглашении, последовал ответ, что это произойдет автоматически, если Венгрия присоединится к антикоминтерновскому пакту[20].

Сент-Ивани в своей рукописи приводит и другие факты из протокола Чаки. В ходе обстоятельных переговоров, после обсуждения югослав-

* Этот документ признан достоверным (на основе экспертизы) Д. Юхасом, составителем пятого тома документов по внешней политике Венгрии в 1936–1945 гг.

inslav

ского, хорватского и других вопросов, Чиано сказал: нет существенной разницы в ведении внешней политики между Италией и Венгрией, но есть единственный вопрос, который до некоторой степени сдерживает и Муссолини. Это то, что венгерское правительство все еще уклоняется от выхода из Лиги наций и присоединения к антикоминтерновскому пакту. Он очень просил венгерскую сторону дать ответ на этот вопрос.

Чаки ответил, что венгерское правительство давно решило «в какой-либо форме» присоединиться к антикоминтерновскому пакту и выйти из Лиги наций, но оставляет за собой выбор времени и способа осуществления этих двух «величайших дипломатических шагов». По этому вопросу нужно еще переговорить с Берлином. Венгрии нужно идти в одном темпе с двумя странами оси. Чиано с этим согласился и сказал: и ему было бы приятно, если бы Берлин спокойнее относился к действиям Венгрии.

Чаки информировал итальянского министра о развитии германо-венгерских отношений в последнее время. По мнению Чиано, Германия устоит или погибнет в зависимости от прочности оси. Если бы Германия применила силу в отношении Венгрии, то после аншлюса и расчленения Чехословакии ось не выдержала бы этого испытания. В результате все, как по сигналу, обрушились бы на ненавистную германскую империю. Пытаясь успокоить венгерских собеседников, он подчеркивал: «Венгрии нечего и некого бояться».

Когда Чаки информировал Чиано о намерении в предстоящую поездку в Германию обсудить вопрос о более тесном сотрудничестве между Венгрией и Германией, итальянский министр заявил, что он не имеет ничего против, только считает нежелательным заключение таможенной унии между ними. Он не возражал и против того, чтобы венгры в Берлине подняли вопрос об экономической кооперации Германии, Италии, Венгрии, Югославии и Чехословакии[21].

27 декабря 1938 г. венгерский временный поверенный в делах в СССР Янош Михалкович доносил в Будапешт о мнении Москвы о переговорах Чиано в Будапеште, подчеркивая, что в руководящих кругах Советского Союза внимательно следили за переговорами Чиано–Чаки в Будапеште. По его мнению, «Москва считает переговоры со стороны Чиано полностью успешными», поскольку ему удалось добиться полной координации венгерской внешней политики с планами стран оси (отказ от дальнейших претензий к Чехословакии и сближение ее с Югославией).

Италия сначала поддерживала создание общей венгеро-польской границы с целью недопущения усиления Германии и желала образовать ось Рим–Будапешт–Варшава. Но этот план потерпел полное крушение.

inslav

Верх взяла ось Берлин–Рим. В этой ситуации Италия стала выступать в роли агента Берлина с требованием, чтобы Венгрия отказалась от аннексии Закарпатья и общей венгеро-польской границы[22].

По мнению Михалковича, в Москве положительно отнеслись к переменам в руководстве МИДа Венгрии, надеясь, что Чаки больше будет опираться на римский конец оси, чем на берлинский, поскольку последний им менее приятен.

В Варшаву поступило два донесения о визите Чиано в Будапешт. Во-первых, от польского посланника Леона Орловского от 23 декабря, но не совсем обычное. На этот раз он не располагал информацией из первых рук, а построил донесение на общих сведениях, интуиции и газетных материалах, прежде всего выступлениях Чиано и Чаки, опубликованных в «Pester Lloyd». Он утверждал, что визит не имел того большого политического значения, какое ему приписывают официально. Но предлагал учесть, что он состоялся вскоре после германской и итальянской нот от 21 ноября, остановивших уже начавшийся ввод венгерских войск в Карпатскую Русь, а также то, что Венгрия стала играть важную роль в качестве плацдарма похода на Россию. Целью поездки Чиано польский посланник считал, с одной стороны, желание продемонстрировать неизменную дружбу Италии и Венгрии, а с другой – дать понять германским политикам, что Италия не отказывается от своего влияния в Юго-Восточной Европе (куда он причислил и Венгрию) и поэтому (в зависимости от отношения Германии к Италии) может быть образована линия Рим–Белград–Будапешт–Варшава. Но это не означает создания двуцентризма в оси Рим–Берлин, поскольку Италия понимает важность союза с Германией для своего будущего. Он обратил внимание и на новое мнение: Венгрия одна с Италией (без Германии) не сможет решить свои проблемы[23].

Выступления Чиано и Чаки 20 декабря Орловский считал слишком «проосевыми», но не затрагивавшими германо-венгерского напряжения. Ни разу не упомянули Гитлера.

Из выражений Чаки «о друзьях наших друзей» и об «установлении лучших отношений в годы, связанные с осью», посланник сделал вывод о скором выходе Венгрии из Лиги наций и присоединении ее к антикоминтерновскому пакту.

Учитывая предстоящую поездку Чаки в Берлин, Орловский сделал вывод, что тот попытается оставить для венгерской политики дверь открытой в двух направлениях: с Германией – для достижения соглашения о положительном решении проблемы Карпатской Руси, или, если это не удастся, найти подход для решения проблемы с Румынией на этническом принципе[24].

inslav

Второе донесение было от польского посла в Риме А. Завиша, но он послал его только 28 декабря, объясняя это тем, что во дворце Киджи все связанное с этой поездкой окутано покровом таинственности. Вся та армия чиновников МИДа, писал он, которая прежде считала себя уполномоченной давать широкие разъяснения, теперь ссылается на отсутствие информации. Наконец на вопросы ответил генеральный директор МИДа Италии Джино Бути. Он сказал только, что Чиано трактовал дело Карпатской Украины в духе этнических принципов Мюнхена и Вены и в его задачу входило устранить споры между Венгрией и Югославией[25].

Встреча Чиано в Будапеште с венгерскими руководителями подтверждает намерения нового министра иностранных дел И. Чаки любыми способами и средствами добиться дальнейшей ревизии Трианонского мирного договора.

2. Присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту

Во второй половине декабря 1938 г. для венгерского правительства уже был решен вопрос о готовности Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Об этом свидетельствует не только вышеприведенный материал, но и запись беседы министра иностранных дел Венгрии И. Чаки с итальянским посланником в Будапеште Луиджи Винчи 28 декабря. В этот день Винчи передал просьбу Чиано заявить о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту еще до прибытия на переговоры в Рим Чемберлена (намечавшегося на середину января 1939 г.). Согласно записи Чаки, он ответил посланнику: правительство Венгрии в принципе склонно присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Но, как он уже говорил Чиано, до своего возвращения из Берлина из-за лояльности к Германии он не склонен раскрывать свое намерение перед общественностью. Винчи разъяснял: речь идет не о юридическом оформлении, а только о недвусмысленном заявлении об этом намерении, по возможности до 14 января 1939 г. Чаки рассказал историю этого вопроса, начиная с обещания Гитлеру (14 октября 1938 г.) осуществить присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту, заявив: это нельзя завершить без обсуждения с Германией; и подчеркнул, что он об этом говорил и Чиано, и тот с ним согласился.

В таком же духе прошла 22 декабря беседа с германским посланником в Будапеште в день отъезда Чиано из Венгрии. 28 декабря об этом шла речь на встрече с японским посланником в Будапеште Иною Койи-

inslav

ро, когда тот настаивал на ускорении признания Венгрией марионеточного государства Маньджоу-Го и в связи с этим присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту. Чаки пообещал доложить обо всем регенту Хорти и премьеру Имреди, которые в принципе дали согласие, но не определили времени присоединения.

Кроме того, уже явно уступая нажиму Чиано, Чаки пообещал в новогоднем номере газеты «Pester Lloyd» опубликовать статью, где недвусмысленно будет выражено «наше намерение о присоединении».

Он также уполномочил графа Чиано, если представится возможность, сообщить Чемберлену в период посещения последним Рима, что Венгрия в обозримое время присоединится к антикоминтерновскому пакту[26].

Убедившись, что с помощью Италии и Польши Венгрия не решит карпато-украинский вопрос, она стала более активно добиваться этой цели с помощью Германии. (Сент-Ивани в своих выводах шел дальше. Он считал, что переговоры Чиано в Будапеште, кроме сказанного выше, послужили толчком к присоединению Венгрии 20 ноября 1940 г. к Тройственному союзу[27], образовавшемуся 27 сентября 1940 г.)

В конкретных условиях конца декабря 1938 г. Чаки лихорадочно готовил присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту и выход ее из Лиги наций, прикидывая, как отреагируют на эти шаги западные демократические государства, а также Советский Союз. Через своих посланников в Вашингтоне, Париже и Лондоне он пытался выяснить отношение западных держав к такому шагу венгерского правительства. В шифрованном письме Чаки от 27 декабря 1938 г., адресованном руководителям венгерских миссий в Вашингтоне, Париже и Лондоне, прямо говорилось: «Весьма серьезные интересы побуждают нас присоединиться к антикоминтерновскому пакту. В компенсацию за это мы рассчитываем заручиться более эффективной политической поддержкой со стороны Германской империи». Министр доверительно информировал посланников о том, что по поручению правительства бывший премьер-министр К. Дарани еще 14 октября пообещал это Гитлеру. Но прежде чем сделать подобный шаг, он хотел установить, к каким последствиям это приведет и оправдается ли риск возможного негативного отношения, которое вызвало бы «наше решение» в тамошних компетентных политических кругах и общественном мнении. Чаки также заметил, что на основе прежних обещаний Венгрия намерена выйти из Лиги наций, «ведь первый шаг и так повлек бы за собой и второй»[28].

Слабой стороной венгерского МИДа и его главы И. Чаки было то, что они не могли найти убедительного повода для свершения этих шагов.

inslav

27 декабря 1938 г. И. Чаки обратился с письмом к «дорогому другу», посланнику в Бухаресте Ласло Бардоши (в будущем – премьер-министру, объявившему войну Советскому Союзу, а затем Англии и США), в котором писал: «В данной внешнеполитической ситуации в плане стоит давно назревший наш выход из Лиги наций». Осуществление этого плана облегчилось бы, если мы могли бы мотивировать его конкретной причиной. Чаки спрашивал: возможно ли, чтобы трансильванские венгры, положение которых во всех областях все более ухудшается, обратились в Лигу наций с петицией, которую ни при каких обстоятельствах нельзя было бы удовлетворить. И в таком случае, ссылаясь на то, что Женева не защищает интересы венгерских меньшинств, мы могли бы покинуть Лигу наций[29].

Бардоши ответил Чаки 31 декабря 1938 г. и предложил использовать в петиции тот факт, что по договору 1919 г. о национальных меньшинствах румынское правительство взяло на себя обязательство предоставить трансильванским секеям школьное самоуправление, но до сих пор его не выполнило. Посланник считал, что Лига наций не станет заставлять Румынию осуществить это самоуправление[30].

Полученные 3 января 1939 г. ответы из Парижа и Лондона, по-видимому, успокоили Чаки. Венгерский посланник во Франции Шандор Куэн-Хедервари доносил из Парижа: «Наше присоединение к антибольшевистскому пакту непременно вызовет неблагоприятное впечатление в политических кругах и общественном мнении Франции». И далее уточнял, что все будет зависеть от трактовки этого пакта. Если «наше присоединение» к германо-итальянской оси будут рассматривать как антисоветскую демонстрацию, то тогда оно не принесет особого ущерба, учитывая, что в последнее время советско-французская дружба пошла на убыль. Другое дело, если возобладает мнение, что под прикрытием «присоединения» Венгрия заключает также тайные соглашения, в результате которых, как полагают здесь, неизбежно произойдет столкновение Франции, Англии, США с Германией (и в этом случае Венгрия обязательно будет на стороне Германии), то ее станут рассматривать в качестве будущего противника. Посланник полагал возможным помешать складыванию подобного мнения путем предоставления (в момент подписания хортистами присоединения) великим западным державам «успокоительных заверений»[31].

В телеграмме поверенного в делах Венгрии в Англии Ференца Мароши говорилось, что «в Англии не существует тенденций, которые могли бы привести к решительному выступлению против намеченного шага», а с левыми силами не стоит считаться, ибо они и сейчас не на стороне хор-

inslav

тистов. Не ждал Мароши ничего хорошего и от антинемецки настроенных политических кругов, к которым он относил и одну группу работников Форин офиса, а в остальных правящих кругах «намеченные шаги не повлияют на существующие в этих кругах симпатии к нам»[32].

Венгерский посланник из Вашингтона, по-видимому, тогда сразу не ответил на полученный запрос, ибо его в архиве венгерского МИДа не нашли до сих пор, но позже о настроениях правящих кругов США он писал: «Из моих донесений явствует, что американское правительство проявило глубокое понимание недавно изданного антиеврейского закона, признания Маньджоу-Го и присоединения к антикоммунистическому пакту»[33].

После получения этих ответов Венгрия поставила перед Италией и Германией вопрос о присоединении к антикоминтерновскому пакту (Япония, как сообщал 31 декабря 1938 г. советник МИД Венгрии, в то время заведовавший политическим отделом, Лайош Кул, известила о своем удовлетворении готовностью Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту).

1 января 1939 г. И. Чаки опубликовал (как и обещал Чиано) в полуофициозе МИДа Венгрии газете «Pester Lloyd» статью, в которой уже явно и открыто высказывалось намерение Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту.

Итальянский министр Чиано якобы согласился с Чаки, что определение времени присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту венгерское правительство сохраняет за собой. Но после встречи Чаки с Риббентропом и Гитлером в середине января он продолжил натиск на Венгрию.

Согласно записи беседы Чаки 3 января 1939 г. с итальянским посланником Л. Винчи, тот по поручению Чиано сообщил, что итальянский министр переговорил с Риббентропом о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту и просил согласия германского министра на это. Риббентроп заявил: согласен, но с условием, если Венгрия даст обязательство выйти из Лиги наций не позднее начала майского (1939 г.) заседания Совета Лиги наций.

В связи с этим Чаки уточнил: министры иностранных дел Германии и Италии, по-видимому, не обратили внимания на то обстоятельство, что по второму параграфу соглашения об образовании антикоминтерновского пакта другие государства могут присоединиться к нему, если их пригласят государства – первоначальные учредители пакта. И это до сих пор сделала только Япония, а Италия и Германия – нет. Чаки, между прочим, напомнил: в свое время (14 октября 1938 г.) Дарани в Германии Риббентропу, а он, Чаки, в Италии Чиано заявили о готовности Венгрии присоеди-

inslav

ниться к антикоминтерновскому пакту (но для этого ей нужно получить приглашение), а также высказались о готовности выхода из Лиги наций. Но как он сообщил Чиано в Будапеште в декабре, срок этого шага Венгрия желает определить сама. Эта его точка зрения не изменилась, и он считает лишним брать на себя по этому поводу особое обязательство[34].

4 января Чаки направил шифрограмму в Рим посланнику Виллани, прося прозондировать настоящую причину, почему итальянский министр иностранных дел настаивает на срочном «нашем присоединении» к антикоминтерновскому пакту (а потом обратился и к Л. Винчу с таким поручением), ведь во время пребывания Чиано в Будапеште не было такой спешки; он не верил, что это связано с предстоящим визитом Чемберлена в Рим, используемым в качестве повода. По сведениям, полученным Каней, Чиано и Риббентропа просил оказать влияние на Венгрию в деле ускорения присоединения ее к антикоминтерновскому пакту. В тот же день, 4 января, Каню посетил с этой целью германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф, а также японский посланник Иною Койиро передал аналогичное пожелание своего правительства[35].

Виллани ответил 6 января, но не конкретно на поставленный вопрос, а обратил внимание на слова Чиано по поводу восточных планов Германии, что он якобы не знаком с ними, ибо немцы на такой вопрос «не говорят ни да, ни нет». Чиано приоткрыл перед венгерским посланником истинные цели антикоминтерновского пакта, «строго доверительно» сообщив о японских планах: Япония не только объявит войну, но и хочет развалить Советскую Россию, которая мозаичнее Чехословакии и населяющие ее народы настроены сепаратистски, а распавшаяся на части, она не будет угрожать спокойствию Европы[36].

Когда советскому правительству стало известно о готовившемся вступлении Венгрии в антикоминтерновский пакт, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов 7 января 1939 г. написал письмо генсеку ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, в котором сообщал: по имеющимся точным сведениям, Чиано во время своего пребывания в Будапеште вел переговоры с венгерским правительством о присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту, и подчеркивал: в этом особенно заинтересована Япония. В письме он поделился своими соображениями: предупредить венгров, что пакт направлен против миролюбивых стран, в том числе и против СССР, и если Венгрия осуществит свои намерения, дело может дойти до ликвидации представительств двух стран в Москве и Будапеште[37].

Получив согласие Сталина, Литвинов 9 января пригласил к себе временного поверенного в делах Венгрии в СССР Я. Михалковича и от име-

inslav

ни правительства СССР вручил ему ноту для срочной передачи ее Чаки. В ноте указывалось: по точным сведениям, имеющимся у советского правительства, отдельные страны предпринимают попытки втянуть Венгрию в так называемый антикоминтерновский пакт. «Означенный пакт ничего общего не имеет с Коминтерном и с борьбой идеологий, а является политическим соглашением, преследующим агрессивные цели в отношении некоторых миролюбивых стран, в том числе и СССР, и обслуживающим главным образом захватнические интересы инициатора этого соглашения – Японии». Советское правительство не соглашалось на иное толкование пакта. Далее в ноте говорилось, что присоединение Венгрии к пакту, направленному против Советского Союза, совершенно непонятно советскому правительству, так как между СССР и Венгрией нет никаких спорных вопросов и Советский Союз никогда и нигде не выступал против интересов Венгрии. Присоединение Венгрии к вышеупомянутому пакту, естественно, повлекло бы за собой серьезное и немедленное изменение отношения Советского Союза к Венгрии. Нарком иностранных дел был бы очень признателен, если бы венгерское правительство уведомило его о своих намерениях по этому поводу[38].

10 января Чаки просил временного поверенного сообщить Литвинову: 1. По оценке венгерского правительства, хотя пакт и является политическим соглашением, но имеет чисто оборонительный характер, и если Венгрия присоединится к нему, ей нельзя приписать никакого агрессивного намерения. 2. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что к Коминтерну не имеет никакого отношения. Поэтому непонятно, почему сейчас возможное присоединение к инструменту защиты против Коминтерна оценивает как шаг, направленный против русского правительства. 3. Венгрия до сих пор еще не присоединилась к упоминавшемуся соглашению и даже не получила приглашения от участников пакта, необходимого для присоединения к нему, что, как Литвинову, наверно, известно, является предварительным условием. Несмотря на это «венгерское правительство не может позволить оказывать на себя давление в принятии свободного решения, заключающееся в тех угрозах, которые содержит нота советского правительства на случай присоединения»[39]. Как видим, ответ довольно грубый на в общем-то доброжелательное предупреждение советского правительства.

В тот же день в МИДе Венгрии Пал Данилович (заведующий отделом, находившийся в непосредственном подчинении министра) составил для Чаки записку о юридической стороне процесса присоединения к антикоминтерновскому пакту, дал историю его возникновения и при-

inslav

вел напоминание японского посланника (от 21 декабря 1938 г.), согласно которому формальности необходимо провести в Будапеште, но сначала получить приглашение. Однако прежде всего на эти шаги нужно получить одобрение Совета министров и согласие регента Венгрии[40].

13 января 1939 г. страны оси Берлин–Рим–Токио обратились официально с предложением о присоединении Венгрии к названному блоку. Чаки от имени правительства принял это приглашение и поблагодарил явившихся к нему посланников трех названных государств[41], о чем и доложил 14 января правительству[42].

13 января М. М. Литвинов дал ответ советского правительства на вышеизложенное заявление временного поверенного в делах Венгрии Я. Михалковича. В нем говорилось: ни в коем случае нельзя согласиться с мнением венгерского правительства, будто бы так называемый антикоминтерновский пакт имеет оборонительный, а не агрессивный характер, о чем свидетельствует и мировая печать. Совершенно верно, продолжал Литвинов, что советское правительство не может быть отождествлено с Коминтерном. Если советское правительство возражает против антикоминтерновского пакта, то только потому, что этот пакт на самом деле направлен не против Коминтерна, а «против интересов государств» и что слово «Коминтерн» является лишь ширмой, скрывающей цели, ничего общего с Коминтерном не имеющие.

Советское правительство, заявил нарком, в адрес Венгрии угроз не употребляло, а лишь предупреждало о влиянии, которое присоединение к пакту может оказать на советско-венгерские отношения. Такое предупреждение, наоборот, должно считаться дружественным актом, дающим венгерскому правительству возможность заранее учесть последствия своего решения. Само собой разумеется, венгерское правительство вольно принять любое решение, учтя заранее все обстоятельства.

Советское правительство принимает с удовлетворением сообщение о том, что Венгрия до сих пор не присоединилась к пакту и не получила даже соответственного приглашения со стороны участников пакта, и выражает надежду, что венгерское правительство и в дальнейшем не присоединится к пакту[43].

Краткое содержание этого ответа Литвинова Михалкович отправил шифротелеграммой из Москвы 13 января в 23 часа 30 мин. В Будапеште его получили 14 января в 3 часа утра[44], и адресовано оно было исключительно министру. Но тем не менее Чаки в тот день вместе с премьер-министром Имреди на заседании правительства предложил присоединиться к антикоминтерновскому пакту и выйти из Лиги наций[45]. Правительство приняло такое решение.

inslav

Дело в том, что в то время министр иностранных дел Венгрии Чаки, собираясь в Берлин для встречи с Риббентропом и Гитлером, получил от правительства указания доложить в Германии о желании Венгрии захватить Карпатскую Украину[46]. Поскольку в дни венгерской авантюры в ноябре венгерское правительство предприняло попытку самостоятельно осуществить эту мечту, даже в обход Германии, «поставив мир перед свершившимся фактом», а Гитлер воспротивился этому, то теперь венгерская сторона готова была на любые уступки, лишь бы германские власти не возражали против захвата.

На следующий день, 14 января, Я. Михалкович, вслед за шифрограммой отправил донесение с приложением полных текстов заявлений, переданных Литвиновым 9 и 13 января. В донесении он обобщил свои наблюдения, смысл которых в следующем: присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту вызвало в советских руководящих кругах опасение, которое можно понять, если принять во внимание, что Венгрия – первое малое государство, предпринимающее такой шаг. Этот пример может повлечь за собой процесс присоединения и других стран, который мог бы полностью парализовать усилия советской внешней политики, направленной на привлечение на свою сторону малых государств, чтобы таким образом защищаться от фашистской, главным образом германской, экспансии[47]. Он также добавил, что если Венгрия присоединится к оси, нужно считаться с возможностью существенного ухудшения венгеро-советских отношений. Далее временный поверенный в делах открыто изложил свои впечатления от бесед с М. М. Литвиновым и сообщений советской печати тех дней.

Заручившись инструкциями правительства, в середине января 1939 г. И. Чаки отправился в Германию. Он вел переговоры с Гитлером, Риббентропом и Гёрингом.

И германская сторона основательно готовилась к этой встрече. Советник МИДа Курт Хайнбург подготовил для Риббентропа ряд записок по этому поводу: о внешней политике Венгрии, о германо-венгерских экономических связях, о положении немецкого меньшинства в Венгрии, о германо-венгерских военных связях и специально о графе Иштване Чаки, в которой подчеркивал: среди других кандидатов на пост министра иностранных дел после отставки Кани премьер Имреди предложил, а регент Хорти назначил его министром иностранных дел 10 декабря 1938 г. как человека, который был в курсе дела во всех частностях внешнеполитического развития. Автор записки отмечал, что Чаки соединяет в себе большой дипломатический опыт «со здоровым политическим реализмом». «Как политик-реалист он знает,

inslav

что венгерской внешней политике и в будущем нужно базироваться на дружбе с Германией и Италией». Подчеркивалось, что он хороший друг Муссолини, а также указывались некоторые подробности частного характера[48].

Основная беседа состоялась между Гитлером и Чаки 16 января 1939 г. В начале встречи Чаки передал Гитлеру уверения Хорти в том, что «пока он стоит во главе Венгрии, Германия может рассчитывать на нее как на преданнейшего друга». Несмотря на это заверение, Гитлер в очередной раз упрекнул венгерское правительство за его позицию в августе и сентябре, за самовольную ноябрьскую авантюру и за «неблагодарность и нелояльность» Венгрии к Германии. Гитлер дал понять Чаки, что требования Венгрии могут быть выполнены только после осуществления германских планов. «В Венгрии теперь идут разговоры о великой тысячелетней империи Стефана, – сказал Гитлер. – Однако... рейх будет добиваться выполнения требований великогерманской империи».

Напуганный Чаки поспешно заявил, что основные требования Германии будут полностью удовлетворены. Венгрия понимает, что без Германии она ничего не может сделать.

После этого Гитлер рассказал Чаки о своих планах сотрудничества с Венгрией по окончательному разделу Чехословакии. «Если надо отклониться от этнографической линии и перейти к территориальным принципам, то это можно сделать только общими силами. Надо стремиться к политико-территориальному разрешению вопроса, и Польша и Венгрия должны принять в этом участие». Германии, Польше и Венгрии, заявил Гитлер, «необходимо действовать как футбольной команде», и для этого нужна «абсолютная сыгранность»[49].

По записи этой беседы, составленной Вальтером Хевелем, представителем германского МИДа при Гитлере, канцлер благодарил Чаки за заявление о присоединении к антикоминтерновскому пакту и спросил его, как дела с выходом Венгрии из Лиги наций. Ответ министра: «Я твердо решил выйти в мае»[50].

Еще до встречи с Гитлером Чаки беседовал с Риббентропом. Запись о ней составил сам Риббентроп. Обсуждались те же вопросы. Чаки заявил своему германскому коллеге, что главной целью его приезда является создание лучшей атмосферы между Германией и Венгрией, такой атмосферы, которая базировалась бы на взаимном доверии и общих интересах в Дунайском бассейне. Важнейшей целью своей политики он считал формирование таких германо-венгерских отношений, при который «уже нет и необходимости в договорах». Он также сообщил собеседнику и о начавшемся сближении Венгрии с Германией в области идеологии. В качестве дальнейшего доказательства желания еще больше опираться на Германию,

inslav

он выступил с инициативой более тесного экономического сближения, предложив заключить договор сроком на 10 лет, основная мысль которого заключалась бы в совместном хозяйственном планировании двух стран.

Риббентроп, как затем и Гитлер, начал с упреков и высказал разочарование поведением Венгрии в период после Мюнхена. Но теперь он готов открыть «новую страницу в книге» германо-венгерских связей. В связи с готовностью Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту германский министр убеждал Чаки, что «сейчас ось Берлин–Рим играет решающую роль в Европе», а треугольник Берлин–Рим–Токио и в мировом масштабе является «решающим фактором». Информировал он венгерского министра и об имеющихся у Германии дальнейших претензиях, в том числе о желании вернуть себе все свои колонии.

Затрагивая отношения Венгрии с Югославией и Румынией, Чаки по поводу Румынии сказал, что в сложившихся условиях, может быть, лучше было бы создать самостоятельное Трансильванское государство.

Риббентроп в ходе этой беседы называл Россию слабой и немощной, с Польшей надеялся договориться и упомянул об обсуждении с Беком проблемы Украины, подчеркивая, что Германия рассматривает этот вопрос только со своей позиции антисоветской настроенности, иных планов в отношении Украины у нее нет[51]. Риббентроп просил Чаки оказать влияние на «венгерских террористов» в том смысле, чтобы они не нарушали спокойствие на границе (имелась в виду граница с Карпатской Украиной).

Холодные отношения, установившиеся между странами после Венского арбитража, были устранены. Чаки согласилась кроме присоединения к антикоминтерновскому пакту выйти и из Лиги наций в мае 1939 г., но боялся даже своему правительству признаться в этом[52].

Во время этих переговоров гитлеровцы по сути санкционировали аннексию Карпатской Украины Венгрией при условии одновременного немецко-венгерского наступления против Чехо-Словакии[53]. Это подтверждается заявлением Чаки на заседании венгерского правительства 20 января, на котором он отчитывался о результатах своей поездки в Германию. Он сказал, что Гитлер, Риббентроп и Гёринг не считают вопрос о Карпатской Украине решенным.

В ходе переговоров Чаки согласился на такие уступки Германии в области экономики, которые означали приостановление дальнейшего развития венгерской промышленности, и пообещал удовлетворить все пожелания фолксбунда[54]. Как свидетельствует запись статс-секретаря германского МИДа Вайцзеккера, венгерское правительство взамен этого получило два обещания: возможность в будущем аннексии Карпатской Украины и упоминания в выступлениях Гитлера Венгрии первой среди малых государств[55].

inslav

17 января И. Чаки направил шифротелеграмму из Берлина в МИД Венгрии, в которой в 13 пунктах обобщил беседы с Гитлером и Риббентропом. В концовке же (с пометкой «Только для премьер-министра») отмечалось: правительство Германии желает всячески поддерживать правительство Имреди, если венгерская сторона считает нужным, то и в печати.

От канцлера и министра иностранных дел он слышал горькие слова в адрес оппозиции за нападки, особенно графа И. Бетлена, которые несправедливо затрагивают Германию. По мнению Чаки, если они не будут прекращены, или хотя бы уменьшены, то в Германии готовятся к жесткому ответу[56].

В тот же день, 17 января, временный поверенный в делах Венгрии в СССР Я. Михалкович сообщал в Будапешт: советская печать зорко следит за пребыванием Чаки в Берлине и много внимания уделяет вопросам присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту и выходу из Лиги наций.

Присоединением к антикоминтерновскому пакту, по мнению советской стороны, Венгрия окончательно свяжет себя с фашистскими государствами, которые после этого маленькую Венгрию будут считать не суверенным государством, а таким объектом, которым можно свободно манипулировать для достижения своих политических целей[57].

18 января состоялась беседа депутата английского парламента Александра Гендерсона с постоянным заместителем министра иностранных дел Яношем Вернле, в ходе которой, согласно записи, составленной в венгерском МИДе, Гендерсон высказал опасение по поводу присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту, которая тем самым стала на сторону антидемократических государств, и этот шаг, по-видимому, повлечет за собой и выход ее из Лиги наций. Вернле утверждал, что присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту не может быть связано с отходом от демократии, ибо оно «исключительно направлено против большевизма». Возможно, продолжал он, придется выйти из Лиги наций, но и до сих пор в Женеве Венгрия встречала мало взаимопонимания[58].

Через два дня в МИД Венгрии поступило пространное донесение представителя Венгрии в Лиге наций Ласло Велича, в котором сообщалось: «Как бы мы не старались держать в тайне наше намерение выйти из Лиги наций, мы не можем воспрепятствовать тому, чтобы в Женеве и за ее пределами в довольно широких кругах говорили об этом, поскольку итальянские газеты после пребывания Чиано в Будапеште и твоего (т. е Чаки. – *А. П.*) теперешнего визита в Берлин, по подсказке берлинских источников, представили наш выход как свершившийся факт... А здешний итальянский главный консул слышал в Риме от Чиано, якобы наш выход назначен на май».

inslav

Следствием этих публикаций является не только, продолжал он, разговоры о нашем выходе, но и то, что «абсолютно никто не сомневается в том, что наш шаг осуществляется в результате давления стран оси»[59]. А ведь венгерская сторона все еще продолжала настаивать на своем добровольном «суверенном» решении.

Приступивший после болезни к своим обязанностям венгерский посланник в Москве М. Юнгерт-Арноти имел беседу с Литвиновым 21 января 1939 г. по поводу поездки Чаки в Берлин и присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту. Юнгерт по этому поводу послал в МИД Венгрии четыре шифрограммы. Как он пишет в первой: «Я стремился убедить его, что решение венгерского правительства не имеет острия, направленного против Советского Союза, а является только шагом демонстрации дружбы (на стороне оси. – *А. П.*)». Нарком мою констатацию, писал он, себе пометил, но не принимает ее, ибо в его распоряжении имеются документальные доказательства, что пакт имеет агрессивные планы, нацеленные против России, и он не может считать венгерское правительство настолько наивным, якобы оно не знало об этом, когда печать всего мира писала о них.

Юнгерт пытался выйти из положения: ему, дескать, не известны эти документы, а то, что частью печати инкриминируется пакту, для венгерского правительства не директива, ибо оно берет на себя обязательство только за то, что содержится в тексте пакта, а ничего подобного в нем нет. Литвинов ответил: «Нужно уметь читать и между строк». Окончательное решение о своей позиции по этому поводу, сказал нарком, он примет тогда, когда у него будет ясная картина о намерениях венгерского правительства.

В ходе дальнейшей беседы нарком отметил: агрессивную политику великих держав он понимает, но вмешательство Венгрии для него непонятно, тем более что Советский Союз своим поведением не давал повода для этого. Он сказал: «Скоро поймете, что заплатили большую цену за малый кусок Верхнего края». Берлин надавит на Будапешт и венгерское правительство вместе с московским его посланником станет, как и Прага, немецкой агентурой.

Против такой постановки вопроса, как пишет Юнгерт, он «решительно протестовал», вновь подчеркнув, что присоединение Венгрии не имеет антисоветской направленности. Но никто не может запретить Венгрии демонстрировать дружбу по отношению к тем, кто помогает ей и поддерживает ее политические устремления, никто не может желать, чтобы она самоизолировалась или повернулась в сторону тех, кто ее игнорирует или хочет задушить.

Юнгерт заверял Литвинова: венгерское правительство и его московский посланник будут служить только венгерским интересам и никог-

inslav

да чужим. Несмотря на вышеизложенные факты, Юнгерт утверждал: «Правительство решилось на этот шаг только в интересах венгерского дела, а не под чужим давлением».

Литвинов спросил, почему Венгрия избрала антикоминтерновский пакт для проявления своей дружбы? В других условиях, если бы пакт не существовал, отвечал Юнгерт, наверно, были бы другие возможности для демонстрации чувств дружбы.

На этом посланник закончил серию шифротелеграмм и сообщил о намерении прислать письменное донесение[60].

В письменном донесении он уточнял некоторые слова наркома, например, что «антикоминтерновский пакт – агрессивный договор, направленный против различных стран, но в первую очередь против Советского Союза»[61].

«Он (Литвинов) обиделся и посчитал оскорбительным для себя», – пишет Юнгерт, – что министр Чаки за день до открытого заявления правительства о своей готовности присоединения к пакту сообщал ему: «Мы еще не дали согласие на пакт и еще не получили даже приглашения присоединиться к нему». Литвинов считал, что был вправе ожидать в ответ на свой дружеский шаг открытого сообщения министра о намерении венгерского правительства. Посланник готов был взять вину на себя (он, дескать, заболел и не смог сообщить наркому, хотя Чаки якобы еще до нового года поручил ему это сделать).

Заявление М. М. Литвинова, что СССР не давал повода Венгрии для такого шага, Юнгерт пытался парировать тем, что советская печать якобы занимала враждебную по отношению к Венгрии позицию в период чешского кризиса, особенно «по рутенскому вопросу», и даже тогда, когда Прага отвернулась от Москвы и с точки зрения советской политики выгоднее было бы присоединение Карпатской Украины к Венгрии.

Нарком на это ответил, что советское правительство и тогда оказало услугу Венгрии, ибо, когда серьезно шла речь о том, что Русиния перейдет к Венгрии и будет создана венгеро-польская граница, Румыния, Франция и еще одно государство (т. е. Чехословакия)* призывали Со-

* Действительно, 29 ноября 1938 г. в беседе М. М. Литвинова с чехословацким посланником З. Фирлингером последний высказал опасение по поводу возможного возникновения в ЧСР мнения (из-за советско-польского коммюнике), что СССР солидарен с Польшей в вопросе о Карпатской Руси. Фирлингер предлагал выступить по этому вопросу. Литвинов ответил: «Это вряд ли пойдет на пользу Карпатской Руси или Чехословакии». Такое выступление дало бы повод Польше и Венгрии кричать об интригах Москвы и выставлять свой проект разрешения вопроса как средство борьбы с коммунизмом (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. Д. 6. П. 138).

inslav

ветский Союз вмешаться, так как речь идет о создании антисоветского барьера. Советское же правительство по этому поводу ничего не предприняло и этим послужило интересам Венгрии[62].

Как видно, дискуссия М. М. Литвинова с М. Юнгертом-Арноти и Я. Михалковичем положительных результатов не дала, за исключением того, что стороны выяснили позиции друг друга и они оказались непримиримыми.

1 февраля М. Юнгерт-Арноти послал из Москвы в Будапешт министру иностранных дел донесение, в котором пытался разобраться в изменении в Советском Союзе с конца 1938 г. оценки международного положения в том плане, насколько оно затрагивает его недалекое будущее. У руководителей СССР создалось впечатление, особенно после дружественных германо-английского и германо-французского заявлений и англо-итальянского соглашения, что Германия и Италия ищут соглашения с великими западными державами и стремятся обеспечить себе свободу рук в Средней и Восточной Европе. Два месяца назад в Советском Союзе считали: в планах Гитлера на первом плане стоит Советский Союз и возможные военные действия против него, в которые включилась бы и Япония. Теперь же полагают, что фюрер вынужден был свои восточные планы отодвинуть и даже отказаться от них в прежней форме.

Официальные круги Советской России такие перемены обосновывают тем, что Германии в Париже пришлось убедиться в нежелании Франции порывать союз с СССР, Англия, если пока и не ведет с ним активной политики, то считает нужным поддерживать хорошие отношения из-за своих интересов в Европе и на Дальнем Востоке; Польша же заключила польско-французский союз и подписала польско-русский договор о ненападении, а японцы испытывают трудности в Китае.

Из-за этих обстоятельств Гитлер якобы пока отказался от создания Великой Украины и выдвинул на первый план Средиземное море и вопросы колоний[63].

На следующий день, 2 февраля, М. М. Литвинов пригласил к себе М. Юнгерта-Арноти и сделал устное заявление, о котором посланник немедленно направил шифрограмму в Будапешт, а затем уже в Будапеште, после возвращения из Москвы, написал донесение о событиях тех дней. Юнгерт отмечал: после бурной дискуссии с Литвиновым 21 января по вопросу антикоминтерновского пакта до 2 февраля наступило затишье. Советская печать прекратила антивенгерские выпады и 28 января только упомянула присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту в связи с приемом Риббентропом в Варшаве представителей

inslav

стран антикоминтерновского пакта, в том числе и венгерского посланника Андраша Хори.

По сообщению Юнгерта, 2 февраля Литвинов ему заявил: после всего произошедшего вы не можете удивляться, что, по мнению советского правительства, нет смысла нашим странам и далее поддерживать дипломатические связи в прежней форме, т. е. держать отдельные миссии в Москве и соответственно в Будапеште. Советское правительство решило закрыть свою миссию в Будапеште и выразило желание, что это сделает и венгерское правительство в Москве. Литвинов подчеркнул, что это не означает разрыва дипломатических отношений, ибо два правительства могут поддерживать контакт через представительства в другой стране. Нарком предложил Париж, Лондон или Анкару, на выбор венгерской стороны.

В тот же день ТАСС опубликовал заявление, в котором было сказано о прекращении прямых дипломатических отношений с Венгрией и вскрыты истинные причины, побудившие венгерское правительство заявить о присоединении к блоку фашистских агрессоров: «...В результате Мюнхенского соглашения, – констатируется в заявлении, – Венгрия стала за последнее время подвергаться сильному нажиму со стороны некоторых государств. Политика венгерского правительства свидетельствует о том, что оно легко поддается этому нажиму, в значительной степени утратив свою самостоятельность... Решение венгерского правительства о присоединении к антикоминтерновскому пакту не может оправдываться интересами самого венгерского государства, отнюдь не совпадающими с теми агрессивными целями, которые преследуются под прикрытием этого пакта его участниками». Это решение, следовательно, навязано извне. «Такое положение Венгрии, – говорится в заключение, – не оправдывает дальнейшее сохранение с нею советским правительством дипломатических отношений через специальные представительства в столицах обоих государств, и эти отношения могут впредь поддерживаться через посредство представителей обоих государств в столице какого-либо третьего государства»[64].

Заявление Литвинова, сообщившего Юнгерту решение советского правительства, было не таким, по которому можно было бы открыть дискуссию, но, как пишет венгерский посланник, он решил сделать несколько замечаний, в частности вновь пытался утверждать, что пакт носит оборонительный характер и не направлен против СССР (ссылаясь на заявления Чаки). А так как Венгрия еще не подписала соглашение о присоединении к пакту, то у российской стороны нет юридической основы делать этот шаг. Нарком разъяснил посланнику: в принципе вопрос о присоединении ре-

inslav

шен, а подписание задерживается по техническим причинам (в какой форме оно должно происходить – обмен нотами или подписанием соглашения, на скольких и каких языках его оформить). Юнгерт считал «странным» недружественный поступок советского правительства в отношении Венгрии, тогда как по отношению к трем великим государствам антикоминтерновского пакта оно ничего не предпринимает.

На уверения Юнгерта, что Венгрия ничем не подала повода для такого отношения к ней, Литвинов заявил: «Я не могу изменить своего мнения». Нарком, по мнению посланника, не очень скрывал, что советское правительство поступило с Венгрией так для острастки других малых государств. Юнгерт писал: «Мое впечатление, что решение советского правительства адресовано не только нам, но и другим малым государствам, расположенным между Берлином и Москвой, в первую очередь Чехословакии и Румынии». В Москве тогда распространилось известие, что вскоре и Чехословакия присоединится к антикоминтерновскому пакту; а Румынию в советских кругах считали находящейся на распутье между западными демократиями и государствами оси. Литвинов таким актом хотел предупредить и эти государства, чтобы они не поставили Советский Союз перед свершившимся фактом, заявить им о своем отношении к проблеме Коминтерна[65].

По рекомендации Юнгерта не обострять дальнейшие отношения с Россией, Чаки принял решение закрыть миссию в Москве и 3 февраля дал указание Юнгерту-Арноти срочно покинуть Москву со всем личным составом венгерской миссии.

17 февраля Юнгерт-Арноти, находясь уже в Будапеште, написал в МИД Венгрии еще одно донесение (последнее). В нем он остановился на том, какое влияние произвело заявление советского правительства на дипломатический корпус и иностранных журналистов в Москве, назвав его «резким», «бесцеремонным».

Посланники других малых стран, граничащих с СССР, сделали выводы из данного случая и предостерегали свои правительства от присоединения к антикоминтерновскому пакту. Правительства этих стран рассудили держаться подальше от спора между Советским Союзом и антикоминтерновским пактом, решать свои проблемы, сохраняя дружбу по отношению к обеим группировкам, не позволять ни одной из них втянуть себя в противостояние, а сохранять нейтралитет.

Дипломатические представители стран западной демократии в Москве сочувствовали Венгрии, считая ее «козлом отпущения». Они считали, что в споре между СССР и Германией (с Японией) верх взял Со-

inslav

ветский Союз, ибо Берлину и Токио пришлось «беспомощно наблюдать и терпеть», как малое государство, выступившее на их стороне, Москва «унижает и чуть не наказывает».

Наиболее нерешительным в этом конфликте, писал Юнгерт, было поведение представителей государств антикоминтерновского пакта. 3 февраля посол Германии Фридрих Шуленбург посетил Юнгерта с целью узнать у него точную информацию для донесения в Берлин. На следующий день посол вновь прибыл за информацией, и Юнгерт, уже получивший указание из Будапешта покинуть Москву, не будучи уверенным, дадут ли его секретарю курьерский лист, просил Шуленбурга (поскольку тогда из СССР нельзя было вывозить ни валюту, ни рубли) с немецким курьером переправить в венгерское посольство в Берлине имевшиеся у него деньги. Посол ответил, что Юнгерт и сам может это сделать.

Аналогично вел себя и итальянский посол Аугусто Россо. 3 февраля его тоже интересовала только информация. Японский посол Сигенори Того, прибывший на следующий день в венгерское представительство, услышав от посланника просьбу венгерского правительства представлять в Москве венгерские интересы, удивленно спросил: «Почему именно Япония?» и обещал связаться по этому поводу со своим правительством. Юнгерт сказал ему, что Москва приняла решение в отношении Венгрии потому, что присоединением к антикоминтерновскому пакту «мы решительно стали на сторону трех государств и поэтому это должно интересовать не только нас, но и их».

Юнгерт отмечал, что у него хорошие отношения со всеми тремя послами, сожалевшими по поводу его отъезда из Москвы, но они старательно делали вид, что венгеро-советский конфликт интересует их не больше, чем любого дипломата в Москве, который хотел бы об этом деле правильно и исчерпывающе информировать свое правительство[66].

В информации, содержавшей заявление советского правительства, которую Чаки направил 3 февраля Стояи в Берлин, была и просьба сообщить германскому МИДу о необходимости организовать демонстрацию солидарности против Москвы[67]. 6 февраля Стояи прислал ответ и предложил организовать отзыв германского, итальянского и японского послов с сообщением об этом в печати, ибо если сейчас не проявится взаимодействие членов антикоминтерновского пакта в защиту своих интересов, «тогда русские достигли своей цели – отпугнуть другие государства от такого шага». Да и венгерское общественное мнение в таком случае не могло бы принять «наш выход из Лиги наций»[68].

Получив этот ответ, Чаки 7 февраля направил телеграмму Виллани в Рим, аналогичную телеграмме Стояи в Берлин, добавив конкретное

inslav

предложение о необходимости отзыва из Москвы послов трех государств антикоминтерновского пакта[69].

По записи статс-секретаря германского МИДа Э. Вайцзеккера, 7 февраля его по поручению Чаки посетил венгерский посланник Д. Стояи и сообщил: граф Чаки считает важным осуществление демонстративного шага, который перед всем миром показал бы гармоничные отношения и солидарность государств антикоминтерновского пакта. Таким шагом был бы, если возможно, отзыв из Москвы немецкого и итальянского послов в длительный отпуск, без разрыва дипломатических отношений.

Вайцзеккер ответил: «Обычно наш посол и без того только полгода проводит в Москве», – и с насмешкой добавил: «Не думаете ли Вы отозвать и японского посла, которому намерены поручить представлять Ваши интересы в Москве?»[70].

17 февраля Стояи в беседе с Вайцзеккером вновь поднял этот вопрос. Статс-секретарь ответил, что жест солидарности держав антикоминтерновского пакта – кровное дело и Германии, но она сейчас не может отозвать посла, так как он ведет в Москве экономические переговоры. Он заметил также: по его сведениям и итальянскому правительству «еще не пришел на ум» соответствующий жест[71].

Правительства антикоминтерновского пакта не выступили в защиту Венгрии.

24 февраля 1939 г. Венгрия официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту. Подписание соглашения состоялось в Будапеште. По этому поводу Чаки произнес речь, в которой подчеркнул, что присоединение Венгрии к пакту является его давнишней мечтой. В тот же день к пакту присоединилось марионеточное правительство Маньджоу-Го.

3. Венгеро-польские отношения. Захват Карпатской Украины. Выход Венгрии из Лиги наций

После венгеро-германского кризиса в ноябре 1938 г. Венгрия изменила тактику в своей ревизионистской политике восстановления империи св. Иштвана, в основном под воздействием гитлеровской Германии. Она обратилась с просьбой в Берлин не упоминать в германской печати идею Великой Венгрии. Но это не означало отказа от ревизии Трианона вообще. Смысл заключался в том, чтобы добиваться дальнейшего постепенного приращения страны при поддержке антикоминтерновского бло-

inslav

ка агрессивных государств. Хортистские правители поверили заверениям германских нацистов о мире по крайней мере в течение нескольких лет и готовы были идти на перемирие с Югославией и Румынией по подсказке Италии и Германии с целью привлечения и этих стран в блок оси.

Причиной ноябрьского кризиса в отношениях между странами оси и Венгрией была попытка последней самостоятельно аннексировать Карпатскую Украину. Тогда еще Закарпатье фигурировало в качестве важного плацдарма для захвата Украины. Украинские националисты, жившие в эмиграции в Берлине и Вене, рассматривали Карпатскую Украину как исходный пункт образования великой соборной Украины, в основном за счет свержения советской власти на Украине и отрыва ее от России. Тогда они писали о Закарпатье как об «украинском Пьемонте». Планы украинских националистов совпадали с политическими устремлениями Германии, которая хотела овладеть богатствами Украины, прежде всего сырьем, и для «расширения жизненного пространства» нацистского государства установить над ней контроль в какой-либо форме. Тогда еще существовала и идея образования националистической Украины под «покровительством» Германии.

Так после Мюнхена в Закарпатье началась активная украинская политика. Ее проводниками в Германии были в основном руководители бюро внешних сношений Национал-социалистской немецкой рабочей партии Альфред Розенберг, министр иностранных дел И. Риббентроп, часть военных руководителей, особенно адмирал Вильгельм Канарис, руководитель абвера (военной контрразведки).

Гитлер поддержал передачу власти в Карпатской Украине националистам во главе с А. Волошиным. В Закарпатье было создано германское консульство во главе с Г. Гоффманом, бывшим советником германского посольства в Праге. При нацистской германской поддержке в Закарпатье начали создаваться вооруженные силы – Карпатскую сечь. Заинтересованность в них Германии яснее всего выразил Канарис в своем предложении об их создании.

Германские политики имели и другие варианты похода на Восток, кроме обладания узким коридором, включающим Словакию и Карпатскую Украину, а именно привлечение на свою сторону Венгрии и Румынии и получение широкого плацдарма для осуществления идеи, изложенной Гитлером в его книге еще на заре политической деятельности.

Как выяснилось из речи Гитлера 28 апреля 1939 г., Румыния обращалась к Германии с предложением не отдавать Карпатскую Украину Венгрии, а разделить ее между Румынией и Германией. Претендовавшая

inslav

на все Закарпатье Венгрия догадывалась об этом, а при посредничестве Польши она узнала о претензиях Румынии на часть Закарпатья восточнее Хуста по р. Рике (Надьаг). В таком случае Венгрия по-прежнему оставалась бы в кольце стран Малой Антанты, что, по расчетам венгерских политиков, для Венгрии было бы опаснее, поскольку Малая Антанта опиралась бы на прямую поддержку Германии. Причем это кольцо угрожало бы и Польше, на всяческую поддержку которой в приобретении названного края и установления общей венгеро-польской границы и рассчитывала Венгрии. Польша, в свою очередь, пользовалась поддержкой Англии и Франции.

В конце 1938 г. Венгрия считала важным попытаться так изменить политику доминировавшей в Центральной Европе Германии, чтобы она хотя бы открыто не выступала против присоединения Карпатской Украины к Венгрии. Это было одной из причин присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

В той ситуации, считал Д. Сент-Ивани, присоединение к антикоминтерновскому пакту было самой малой ценой, которую заплатил Будапешт Берлину за уступку Карпатской Украины Венгрии[72]. Он тогда не учел последствий этого шага, участия Венгрии в войне на стороне гитлеровской коалиции и проигрыша ее, в результате чего был сметен с политической арены режим хортистов.

Польская сторона была очень недовольна тем, что Венгрия в 20-х числах ноября 1938 г. подчинилась окрику Берлина и не начала захват Закарпатья силой. Свои войска с чехо-словацкой границы (на участке Карпатской Украины) Польша не снимала, а одна рота «польских добровольцев» продолжала диверсионную деятельность на территории Закарпатья. В Варшаве МИД Польши не прекращал давления на венгерскую миссию, внушая ей целесообразность полного закрытия границы вокруг Карпатской Украины, чтобы воспрепятствовать ввозу продуктов питания, вызвать там голод и недовольство населения и тем самым облегчить осуществление захвата края.

Зная позицию Польши, германский посол в Варшаве Ханс Мольтке 23 ноября встретился с Ю. Беком и просил его оказать на Венгрию влияние с целью удержать венгерское правительство от военной акции в Закарпатье. Посол показал министру германскую ноту, переданную в Будапешт. Бек ответил: он не участвовал ни в Мюнхенском соглашении, ни в Венском арбитраже и решения их не могут служить основой для польской политики[73].

Польский посланник в Будапеште Л. Орловский, уезжая в отпуск в Варшаву, просил у Кани информацию о позиции Венгрии по проблеме Кар-

inslav

патской Украины для доклада польскому правительству. В настоящее время, ответил Каня, невозможно решить вопрос Русинии в «соответствии с нашими общими интересами» по различным причинам, уточнять которые он не хотел. Но венгерская акция будет продолжаться в печати, по радио, да и в самой Русинии в интересах осуществления на практике права на самоопределение. По этому поводу Каня намечал в будущем предпринять и дипломатические шаги. Информацию об этом Каня направил в свою миссию в Варшаву, подчеркивая, что Варшава не очень активно поддерживала Венгрию, боясь больших контртребований от Германии, и что, несомненно, «в этом деле больше заинтересована Польша, чем мы»[74]. Между тем некоторые польские газеты («Express Poranny» и «Kurier Polski») критиковали внешнеполитическое руководство Венгрии за его позицию. Каня поручил Хори принять меры, чтобы «ему не пришлось в венгерских газетах поместить статью с соответствующим освещением русинского вопроса и раскрытием его самых тайных пружин»[75].

Дело дошло до того, что сотрудники польского МИДа в конце 1938 и в начале 1939 г. заявляли, что если Венгрия не проявит настойчивости в карпато-украинском вопросе, то Польша сама решит этот вопрос. 3 января 1939 г. временный поверенный в делах Венгрии в Варшаве Йожеф Криштоффи в своем донесении обратил внимание на то, что в новогоднем номере 1939 г. в «Gazeta Polska» проскальзывает мысль, которую недавно уже высказал заведующий политическим отделом МИД Польши Тадеуш Кобылянский: Польша сама решит карпато-украинский вопрос[76].

Германский посол в Варшаве Мольтке в беседе с венгерским посланником затронул вопрос о намерении Польши самостоятельно решить вопрос Карпатской Украины и уничтожить созданную там государственную систему. Он спросил у Хори: в таком случае Польша отдаст Закарпатье Венгрии? Посланник высказал сомнение на этот счет[77].

Начавшийся в середине ноября венгеро-польский кризис продолжался. Хори в донесении в Будапешт от 18 января 1939 г. высказал мнение, что венгеро-польские отношения, которые в межвоенные годы питались «лишь историческими воспоминаниями» и при отсутствии политической основы в значительной мере имели только «эмоциональное значение», постепенно к концу 1938 г. достигли интенсивности, приведшей к тесной настоящей коллаборации, которая, по словам Т. Кобылянского, «почти исчерпала понятие политического союза». Но после 21 ноября настроение в польских политических правящих и армейских кругах, да и в обществе, изменилось и направлено теперь против Венгрии. Причин такого поворота было несколько. Во-первых, откладывание реше-

inslav

ния рутенского вопроса вызывало озабоченность в Польше. Во-вторых, в ходе чешского кризиса очень ослаб польско-французский союз. И, наконец, то, что польско-румынские отношения как раз из-за карпато-рутенского вопроса были подвергнуты тяжелейшему испытанию, которое чуть не довело до разрыва связей между странами.

В конце ноября политически Польша была почти изолирована, а из-за предполагавшегося германского продвижения по южным склонам Карпат она очутилась практически в осаде. Это одновременно означало и банкротство внешней политики Бека.

Национально-демократически ориентированная часть населения Польши была настроена исключительно франкофильски и чехофильски, а в отношении Венгрии – почти индеферентно. В дни кризиса некоторые ее представители под влиянием управляемой из центра печати, а другие – из-за минутных успехов внешней политики Польши надеялись на скорое установление общей польско-венгерской границы, поддерживали правительство, хотя последнее и не нуждалось в этом. Но вдруг в течение нескольких дней все вернулись на старые позиции, предъявили Беку обвинение в отходе во внешней политике от традиционной линии и в том, что, поддерживая «венгерскую химеру», он привел Польшу к опаснейшему кризису.

В то же время польское общественно мнение, от ортодоксальных пилсудчиков до социалистов (за исключением некоторых кругов эндеции), не только осудило поведение хортистских венгерских правящих кругов, но и обвинило их в нерешительности и даже трусости, а Венгрию в целом посчитало ответственной за происшедшее (т. е. за временное снятие требований срочного установления польско-венгерской границы).

В этой ситуации польское правительство, теряя престиж и видя свое бессилие, попустительствовало печати, которая остро критиковала руководство внешней политики Венгрии, задала такой антивенгерский тон, который не наблюдался в течение последних двух десятилетий.

Такое неблагоприятное для Венгрии настроение было характерно в то время не только для правящих кругов, но и для общественных организаций[78].

К этому времени у поляков сложилось впечатление, что гитлеровская Германия изменила свою сугубо антипольскую позицию, и они начали верить в поворот острия германской агрессии с Востока на Запад. Как в Варшаве, так и в Берлине стали звучать более дружественные ноты. Этому способствовала встреча Бека с Гитлером и визит Риббентропа в Варшаву. В Польше сложилось мнение, что германскую политику в отношении Карпатской Украины Гитлер не полностью разделяет[79].

inslav

Заявление Риббентропа в Варшаве о том, что Германия якобы не занимается проблемой Великой Украины (т. е. и Восточной Галицией, входившей тогда в состав Польши), способствовало не только временному смягчению польско-германских отношений, но и до некоторой степени усыпило бдительность польского правительства. А ведь после встречи Бека с Гитлером в Берхтесгадене у последнего созрела мысль разгрома Польши, для чего были отданы распоряжения о военных приготовлениях[80].

В свою очередь польская сторона, как и обещала, предпринимала меры «самостоятельного» решения проблемы Карпатской Украины. 26–27 февраля 1939 г. забил тревогу «картографический отдел» – действовавший под этим прикрытием отдел контрразведки венгерского министерства обороны, получивший сведения о готовившемся поляками восстании в Закарпатье, в том числе и о раздаче в Ужгороде польским консулом Мечиславом Халупчинским оружия. «Картографы» спрашивали у начальника генштаба венгерской армии, происходит ли это с ведома венгерских властей, или нет. Вполне вероятно внезапное присоединение Закарпатья к Польше[81].

Чаки в своем ответе Хори допускал (по имеющимся у него источникам) возможность организации Польшей восстания в Закарпатье. Польский консул в Ужгороде зондировал позицию правительства Карпатской Украины в Хусте по поводу присоединения края к Польше. Чаки просил Хори узнать у Бека, каковы новые планы Польши в отношении Русинии, и напомнить ему о джентльменском соглашении, предусматривавшем взаимные консультации по интересующим обе стороны вопросам[82].

Еще 7 февраля Хори доносил Чаки из Варшавы, что польское общественное мнение недовольно поведением Венгрии в отношении Карпатской Украины (пассивность, отказ от решения проблемы вооруженным путем, следование указаниям Берлина). Политика Венгрии в этом вопросе считалась германским «придатком». Хори писал, что он часто подчеркивал: за сегодняшнее положение в карпато-украинской проблеме ответственность лежит на Польше. По мнению Хори, для перелома такой ситуации нужно прибегнуть и к иным средствам[83].

Польский посланник в Будапеште Л. Орловский еще в начале декабря 1938 г. получил указание от Бека выяснить намерения венгерского правительства относительно Закарпатья. Он ответил только 10 февраля 1939 г. 9 декабря в беседе с премьер-министром Б. Имреди, исполнявшим обязанности министра иностранных дел, посланник затронул этот вопрос. Имреди ответил: венгерское правительство не отказывает-

inslav

ся от намерений в отношении Подкарпатской Руси (т. е захвата ее), намеченные шаги желает согласовать с Польшей, но конкретный план будет готов после возвращения Чаки из Берлина, т. е. после решения этой проблемы у Гитлера. 23 января Орловский посетил Чаки и просил поделиться своими планами о названном крае, но не получил ответа до отправки донесения (до 10 февраля). Чаки в то время не информировал о договоренностях в Берлине Орловского, который в своем сообщении Беку писал: «Этот поступок (Чаки. – *А. П.*) и все другие признаки показывают, что у венгерского правительства, помимо доброй воли, нет никакого конкретного плана и надежду свою оно возлагает, может быть, на стечение благоприятных обстоятельств».

С последней декады ноября 1938 г. в Венгрии повсеместно господствовало убеждение, продолжал посланник, что «без согласия Германии венгры не станут, да и не могут себе позволить проводить политику, направленную на приобретение Подкарпатской Руси». Это убеждение разделяет и правительство, главная задача во внешней политике которого заключается в попытках отвести от себя малейшие подозрения о наличии у него собственных взглядов или интересов в отношении Карпатской Украины.

После визита Чиано в Будапешт (декабрь 1938 г.) в печати запретили затрагивать вопрос Карпатской Украины и упоминать общую венгеро-польскую границу, также наложили запрет на упоминание венгеро-польской дружбы. Премьер в двух политических речах, в отличие от прежнего обычая, назвал единственными верными друзьями Венгрии Италию и Германию и ни словом не обмолвился о Польше. И Чаки в своей речи о Польше сказал только одно предложение: «Венгры сочли, что дружба с Польшей стала мешать их отношениям с Германией», – констатировал он.

Вступление Венгрии в антикоминтерновский пакт, писал Орловский, как лично говорил ему Чаки, является последней надеждой добиться уступки со стороны Германии в вопросе Карпатской Украины[84].

Следовательно, обид и недоверия в венгеро-польских отношениях в те дни было предостаточно.

С целью изменения такого положения, по поручению И. Чаки А. Хори имел 12 февраля 1939 г. обстоятельную беседу с польским министром иностранных дел Ю. Беком и изложил ему взгляды венгерского правительства на Рутению, венгерское ви?дение венгеро-польских отношений и курс внешней политики министра иностранных дел вообще. По мнению Хори, сказанное им по поручению своего министра произвело глубокое впечатление на Бека. И хотя Хори обошел молчанием жела-

inslav

тельность сохранения польско-венгерской коллаборации, но, несмотря на это, Бек вновь заверил его в своей и Польши «настоящей дружбе с венгерским народом»[85].

Посланник считал заслуживающим особого внимания уже сообщенное телеграфом министру высказывание Бека, что в случае нового чешского нападения было бы желательно «немедленно установить контакт с целью особой консультации о необходимости возможной общей акции»[86].

В Варшаве предпринимали и другие шаги, направленные на улучшение польско-венгерских отношений. 18 февраля 1939 г. посланник Хори сообщал, что начальник кабинета министра иностранных дел Михал Любеньский 17 февраля выступил с докладом в Сейме на совещании Единой партии, где присутствовало около 40 сенаторов и депутатов, в котором говорил о курсе внешней политики Польши, подробно осветил положение в Венгрии, обосновал политическую позицию, проводимую венгерским правительством и выразил убеждение, что таким путем удастся «значительную часть общественного мнения направить в более благоприятном направлении[87].

Что же происходило в то время в Карпатской Украине?

Когда словаки в Жилине приняли решение в октябре1938 г. об автономии, Гитлер поддержал их, но он тогда еще не решил, как быть с Карпатской Украиной, склонялся к тому, чтобы оставить ее в качестве автономной единицы в составе Чехословакии. Объяснялось это тем, что в руководящих кругах Германии еще не было единства взглядов в отношении Карпатской Украины.

Если И. Риббентроп, А. Розенберг, В. Канарис и их сторонники были за превращение Закарпатья в Пьемонт Великой Украины, плацдарм для похода на Восток против Советского Союза, то Константин Нейрат и ряд видных военных, в том числе и Г. Гёринг, выступали за передачу Карпатской Украины Венгрии и расширении таким путем плацдарма Германии для похода на Восток.

В этой ситуации Гитлер колебался. С одной стороны, Германия в военном отношении еще не была готова (как позже признавал В. Кейтель), и канцлер тогда ставил задачу только вытеснить Советскую Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии. С другой стороны, после ухода с поста президента Э. Бенеша новое правительство ЧСР стремилось к установлению хороших отношений с Германией, и фюрер в то время учитывал возможность при его помощи сделать своим вассалом всю Чехословакию, а чтобы чехи были более покладистыми, он продолжал в Словакии и Карпатской Украине поддерживать сепаратистские движения (Тисо, Волошина и их сторонников).

inslav

Местные немцы действовали в Чехословакии по указаниям, получаемым из Вены, и пока правители ЧСР не пришли в себя после Мюнхена и первого Венского арбитража, они и их сторонники заняли все ключевые позиции. Этому способствовал тот факт, что уполномоченным по делам немецкого национального меньшинства в Словакии был назначен Франц Кармасин, а его заместителем – инженер А. Ольдофреди. Они посещали и Закарпатье, где встречались с премьер-министром А. Волошиным, министром Юлием Реваем и комендантом Карпатской сечи и вели с ними переговоры. Они были гостями Союза американских украинцев и командования Сечи. В период их пребывания в Хусте было создано Украинско-немецкое общество, председателем которого избрали Кармасина, а заместителем – Ольдофреди[88]. Об этом пребывании в Хусте 15 февраля писала «Deutsche Allgemeine Zeitung». В польском МИДе полагали, что из Кармасина Берлин хочет «подготовить русинского Генлайна». По материалам МИДа Венгрии (полученным от своего консула в Братиславе), в Словакии в то время проживало около 140 тыс. немцев, а в Карпатской Украине – около 13 тыс. Они объединились в Партию карпатских немцев, являвшуюся филиалом партии судетских немцев. Немцы Карпатской Украины в основном группировались в этом филиале, меньшая часть их состояла в Объединенной венгерской партии на основе христианских социалистов. Представителем их был Ф. Кармасин, судетский немец из Оломоуца. В словацком правительстве он стал статс-секретарем по делам немцев и его величали фюрером немцев в Словакии и Карпатской Украине, а в связи с получением Закарпатьем автономного правительства его заместителем по Карпатской Украине был назначен А. Ольдофреди, также судетский немец.

Кармасин стремился поставить немцев края на службу экспансионистским целям германских национал-социалистов. Венгерский консул в Братиславе Дюла Петравич информировал свое правительство об антивенгерском настрое этих лидеров, поскольку в рамках ЧСР они видели для немцев больше возможностей, чем в рамках венгерской государственности. Они предлагали словакам оставаться в составе Чехословакии, а в Закарпатье трудились над превращением его в украинский Пьемонт. Он сообщал также, что проект постройки на территории этих краев нефтепровода для начала из Румынии в Германию, а затем и из Украины, уже решенное дело[89].

Об этом еще раньше подробно доносил в Будапешт секретарь Ревизионистской лиги в Берлине Андор Геллерт; по его сведениям, румынский король Кароль II в период своего пребывания в Германии в конце

inslav

1938 г. договорился с немецкой стороной, обещавшей взять все излишки румынской нефти. Транспортироваться она должна по трубопроводу из Румынии в Германию, основным управленческим центром был бы Хуст, а в последующем в этом месте к проводу присоединился бы и нефтепровод из России[90].

В Верхнем крае (Словакии и Карпатской Украине) планы немцев заключались в создании сторожевых постов по линии Братислава–Жилина–Прешов–Михайловцы–Хуст, «на которые они намерены опираться в своей экспансии на Восток»[91]. Берлин стремился атомизировать Дунайский бассейн, поддерживал украинское движение против пражского центрального правительства уже хотя бы потому, что желал поработить Восточную Галицию и Украину, оторвать их от Польши и России. Таким образом началась поддерживаемая частью германской правящей верхушки и ее печати агитация, набиравшая большой размах.

Арно Бобрик (временный поверенный в делах Венгрии в ЧСР) доносил 18 января 1939 г. из Праги: «Факт, что Волошин желает совершенствовать Сечь, известную украинскую организацию (которая свое название взяла от старого казацкого движения), одеть в определенную униформу, вооружить, возложив на нее выполнение главным образом службы безопасности»[92].

Руководители Карпатской Украины в то время поддерживали связь с украинскими эмигрантами, разбросанными по Европе, прежде всего с пребывавшими в Чехословакии и Германии (в последней, в основном, с принадлежавшими к группе бывшего гетмана Украины Павла Скоропадского, в частности с теми, которых опекал А. Розенберг).

Между прочим, в архиве в Потсдаме сохранилось адресованное Розенбергу письмо из Карпатской Украины, написанное на русском языке. Розенберг был родом из Прибалтики, учился в Петербурге, говорил по-русски. Это письмо из Хуста содержало информацию о состоянии дел в Карпатской Украине в январе 1939 г. В нем указывалось, что в Центральную народную раду входят активные деятели всех (сегодня распущенных) украинских партий, кроме коммунистической. Там же указывалось, что Карпатская сечь – это добровольная военная организация для защиты от нападения соседей. Во главе этой организации сначала был поставлен член гетманской организации Аржас, но в начале декабря (1938 г.) он умер. Сейчас ее возглавляет крестьянин Дмитрий Климпуш, бывший член СДП. Он единственный унтер-офицер из политических деятелей. В Рахово в Карпатской сечи гуцулов возглавляет Стефанив, он член гетманской организации[93].

inslav

По другим материалам, еще 4 сентября 1938 г. в Ужгороде была создана Украинская национальная оборона (УНО) как политическая организация украинской молодежи Закарпатья, которая поставила целью сотрудничать со всеми украинскими организациями, стоявшими на почве национализма, прежде всего с ОУН. В документе перечислены фамилии 10 человек, вошедших в состав руководства УНО[94].

Затем после переезда правительства Карпатской Украины из Ужгорода в Хуст там создана в ноябре организация ОНО Карпатской Украины, утвержденная правительством Волошина 15 ноября как «Организация национальной обороны Карпатская сеч». В состав ее руководства вошли Дмитрий Климпуш, Евген Кульчицкий, Степан Росоха и др.[95].

В то время в Закарпатье перебрались многие украинские эмигранты из Праги, Восточной Галиции, да и из других государств, пополнявшие ряды сечевиков. Это особенно раздражало правительство Польши.

Сент-Ивани на основе документов МИДа утверждал: в организации Сечи принимали участие и немецкие офицеры. В дни оккупации Карпатской Украины (14–17 марта), писал он, венгры убили многих немецких офицеров, даже офицеров генштаба в униформе сечевиков[96].

Венгры и словаки тоже перессорились. Как известно, венгерское правительство рассчитывало, что Тисо и его сторонники, организуют присоединение Словакии к Венгрии. Но Тисо вместо этого 21 февраля 1939 г. остро выступил в правительственном заявлении против провенгерски настроенных словаков[97].

В то же время обострялись, становились напряженными отношения между словацкими и карпато-украинскими властями, в первую очередь из-за отсутствия определенной границы между Словакией и Карпатской Украиной. Правительство Карпатской Украины существовавшую в течение двух десятилетий административную границу считало несправедливой, поскольку вся Пряшевская Русь была включена в состав Словакии (от Ужгорода до Попрада). Поэтому украинцы Закарпатья стремились отодвинуть эту границу дальше на запад, а словаки – на восток. К тому же закарпатские украинцы добивались все большей самостоятельности. Положение между ними стало настолько напряженным, что, по польским сведениям, «Тисо якобы ответил Волошину, что правительство Карпатской Украины так может дойти не только до Пряшева, но и до Иллавы»[98].

В документах конца 1938 и начала 1939 г. часто встречались заявления Гитлера, будто проблема Карпатской Украины его не волнует, и вообще он не занимается планами Великой Украины. В действительности в то время не только Польша и Венгрия интересовались Закарпатьем, но и Германия.

inslav

Сразу после запрета Германии на захват Венгрией Карпатской Украины польский МИД направил советника министерства П. Курницкого с особыми полномочиями в Хуст под видом консула. Поскольку в Хусте, где разместилось правительство Волошина, было тесно (население города сразу увеличилось в два раза), консульство Курницкого обосновалось в Севлюше (Виноградов)[99].

В донесении от 15 февраля 1939 г. венгерского консула в Братиславе Петравича министру иностранных дел Венгрии И. Чаки указывалось, что наряду с политическим значением Закарпатья правители Третьего Рейха хотели выяснить экономическую его ценность для Германии. С этой целью в Карпатскую Украину были направлены ученые Географического института в Берлине Геблер и Райх[100] для разведки полезных ископаемых. Накануне Рождества туда прибыли также два члена германского географического общества. К этому времени заканчивал свои исследования Закарпатья немецкий геолог Цисарж. Он установил, что Карпатская Украина с экономической точки зрения для Германии интереса не представляет, хотя признавал, что полезные ископаемые там есть, но с местной рабочей силой и при низкой производительности труда вряд ли возможно организовать их рентабельную добычу. Невыгодным оказалось бы и использование германской рабочей силы из-за высоких запросов немецких рабочих. Цисарж высказывался против планов строительства автострады из Германии на Восток через Словакию и Карпатскую Украину из-за пересеченной местности и незащищенности ее от нападения как с севера, так и юга. Он рекомендовал строить ее через Венгрию или Польшу.

Петравич также заметил, что в последнее время в Чехословакии вообще перестали упоминать о строительстве автострады в направлении Украины, о которой так много шумели, и говорят только о строительстве шоссейной дороги по линии Прага–Злин–Влера, далее Жилина–Ружомберг–Пряшево–Хуст, которая частично уже используется[101].

Шла речь и о строительстве в Закарпатье (на реках Теребля и Тересва) гидроэлектростанции, но дальше разговоров дело не двигалось. Подобных планов было множество.

Польское консульство не успело обосноваться в Севлюше, как, по сообщению в польскую миссию атташе консульства Андрея Валигурского от 11 января 1939 г., подверглось 9 января «нападению толпы», «руководимой сечевиками», и нападавшие выбили семь окон. Через час позвонил А. Волошин, который сказал, что это «совершили безответственные элементы, а сечевики их разгоняли»[102].

inslav

Сразу после прибытия 11 января в Севлюш консул П. Курницкий отправился в Хуст, где его принял А. Волошин, который заявил: это провокация фенциковцев.

В ответ Курницкий вручил премьеру ноту протеста, где помимо всего прочего говорилось, что «Русь стала сосредоточением безответственных антипольских элементов». По поводу «беглецов» из Галиции Волошин высказал недовольство и добавил: «Я, как украинец, не могу выдавать их польской полиции». Курницкий предлагал не собирать «беглецов» в концентрационные лагеря и отказаться от нереальных планов, вроде перенесения весной столицы из Хуста во Львов. Волошин по этому поводу заметил: действительно, в новый год он получил такую рекомендацию, но тут же ее отклонил. Волошин заверял консула в своем желании поддерживать мир с Польшей, чтобы и поляки с украинцами жили мирно в Польше[103].

Прямые связи с правительством Волошина наладила и Германия. В Хуст в качестве консула был назначен бывший секретарь гитлеровского представительства в Праге Г. Гоффман. Он еще до этого назначения побывал в Хусте, и из сообщения газет и венгерского радио этот визит, по сведениям германской миссии в Будапеште, вызвал в Венгрии плохое впечатление. В печати сообщалось, что в ходе этой поездки Гоффман обедал с Волошиным, они произносили тосты, хвалили друг друга и свои государства.

Недовольство, вызванное в Будапеште этой поездкой Гоффмана, побудило посланника Германии в Будапеште О. Эрдманнсдорфа посетить МИД Венгрии и заявить заведующему политическим отделом Лайошу Кулу о своем намерении получить о ней дополнительные сведения и доложить в Берлин о реакции в Венгрии на нее[104].

О визите Гоффмана в Карпатскую Украину (в сопровождении Шуберта), длившемся четыре дня, сохранилось донесение в МИДе Польши. По этим данным, они посетили Перечин, Великий Бочков, Рахов и Ясиня. В Хусте их принял Волошин и просил передать Гитлеру «симпатии населения» Карпатской Украины. Гоффман ответил: «и Гитлер испытывает к Закарпатью большое расположение»[105]. Тогда же обсуждался и вопрос об открытии германского консульства в Хусте. На встрече присутствовал и приехавший из Бухареста представитель германского посольства.

Позднее германский военный атташе в Праге Рудольф Тоуссаинт пытался убедить военного атташе Польши Леона Ноэла (как доносил польский посланник из Праги), что Гоффман был послан Гитлером в Хуст «с чисто информационной целью»[106].

Однако масса других источников свидетельствует о том, что Гоффман в Хусте стал одним из проводников указаний Берлина. Прямые инструкции из столицы Германии получали и члены правительства Волошина.

inslav

Как упоминалось выше, вооруженные силы Карпатской Украины – Карпатская сечь создавались с помощью Германии. Но когда Риббентроп (возможно, по указанию Гитлера) отошел от этнического принципа, решение судьбы Чехо-Словакии стало возможным иным путем. С целью привлечения Венгрии окончательно на сторону Германии и стран оси в целом, Риббентроп вел очень осторожную политику.

Еще во время поездки Чаки в Берлин, где Риббентроп и Гитлер пообещали решить проблему Карпатской Украины в пользу Венгрии, если она будет действовать совместно и сыграно с рейхом, в Германию на двухнедельную стажировку в «Гитлер Югенд» был приглашен этой немецкой молодежной организацией почти весь штаб Карпатской сечи. Делегация Сечи во главе с Иваном Рогачем (в состав ее входили: Иван Росоха, Василий Романчук, Степан Росоха и др.) даже отправилась в Германию.

Находясь в Закарпатье, окружной руководитель пропаганды в Райхенберге Ганс фон Вимател 14 января 1939 г. сообщал, что это он организовал поездку руководителей Сечи на двухнедельную «выучку в "Югенддойче"» (ибо по его оценке «местные украинские элементы не в состоянии будут сыграть важной роли в создании Киевской Украины»). Он тогда не мог знать, каковы будут результаты переговоров Гитлера с Чаки.

Уже 17 января польский посол в Берлине Ю. Липски телеграфировал в Варшаву, что Риббентроп выразил недовольство по поводу опубликования в газете «Slovak» заметки о выезде в Берлин делегации Сечи. О том же доносил и советник польского посольства в Берлине Ст. Любомирский, из беседы с Клайстом узнавший, что по указанию Риббентропа делегацию остановили в Вене и вернули в Хуст, якобы из-за начала в Карпатской Украине войны с Львом Пырхалой[107], назначенным чешским генералом в правительство в Хусте. Клайст также заявил, что Риббентроп дал своей службе ясную директиву по украинскому вопросу, основанную на заявлении, сделанном Гитлером Беку в период его последнего посещения Берхстесгадена[108], т. е. что украинскими делами он не интересуется, зная насколько польское правительство озабочено проблемой Восточной Галиции, которую он называл в то время «неотторжимой» от Польши.

Но часть нацистской верхушки придерживалась других взглядов, что объяснялось изменениями в позиции руководства Германии, с которыми был знаком очень узкий круг людей, а также и тем, что эти изменения носили тактический характер. Гитлер же не хотел отталкивать от себя ни собравшихся в Карпатской Украине украинских националистов, ни тех украинских эмигрантов, которые уехали из разных частей

inslav

украинских земель и жили в Германии и Чехословакии. Этим частично можно объяснить двойственную игру германского фюрера как с венгерским, так и карпато-украинским правительством.

Венгерское правительство, сделав уступки странам треугольника Берлин–Рим–Токио, с нетерпением ждало оплаты «векселя» и одновременно обещало новые уступки Германии.

1 февраля 1939 г. министр иностранных дел Венгрии Чаки поручил венгерскому посланнику в Берлине Д. Стояи сообщить правительству германского рейха, что в случае «ликвидации русинского вопроса» Венгрия будет оберегать германские интересы.

Чаки неоднократно запрашивал Берлин о возможности вступления венгерских войск в Карпатскую Украину, причем просил рассматривать этот акт не как политический демарш, а как экономические меры[109]. 8 февраля 1939 г. Чаки через Стояи интересовался мнением правительства Германии о намерении Венгрии в день выборов 12 февраля в сейм Карпатской Украины ввести туда венгерские войска. Если Германия даст на это свое согласие, то министр иностранных дел просил узнать: венграм самим осуществлять эту операцию или привлечь поляков?[110]. Немцы ответили, что эта проблема пока не актуальна[111].

Статс-секретарь германского МИДа Вайцзеккер, информируя немецкого посла в Риме Ганса Маккензена по этому поводу, сообщал: на прошлой неделе венгерский посланник дважды зондировал почву (6 и 7 февраля 1939 г.), и во второй раз очень настойчиво, чтобы узнать, «какой будет наша реакция в случае прямого венгерского вмешательства в дела Карпатской Украины, поскольку там продолжается антивенгерская деятельность и в ближайшее время даже можно ожидать там и взрыва».

В недвусмысленной форме МИД Германии рекомендовал венграм не делать этого и остерегал их «от самовольной акции».

Вайцзеккер в основных чертах информировал об этом итальянского посла в Берлине Б. Аттолико и сказал ему, что, по его сведениям, Будапешт зондировал почву только в Берлине[112].

Верное Гитлеру венгерское правительство аккуратно и систематически информировало министерство иностранных дел Германии о своих планах. Оно полагало, что руководители рейха в скором времени выполнят свое обещание и при решении чехо-словацкого вопроса Закарпатье будет отдано Венгрии.

27 февраля Чаки просил венгерского военного атташе в Берлине Калмана Харди передать статс-секретарю министерства иностранных дел Вайцзеккеру, что за захват Карпатской Украины Венгрия вступит в еще более

inslav

тесные отношения со странами оси и предложит Германии венгерскую сеть сообщений для осуществления немецких планов в Восточной Европе[113].

Чаки, зная о перспективных планах Гитлера, сообщил в германское министерство иностранных дел, что Венгрия добивается Карпатской Украины не для того, чтобы иметь с Польшей общую границу, а ради получения карпатского леса[114].

На следующий день И. Чаки написал письмо посланнику в Варшаве А. Хори, в котором дал ему указание посетить министра иностранных дел Польши Бека и попросить его во время намеченной им поездки в Лондон от имени регента Хорти обратить внимание Чемберлена и министра иностранных дел Англии Галифакса, что «Венгрии обязательно нужна Русиния и она ни коим образом не может отказаться от нее». Важно не только то, что возвращенные земли находятся в тесной географической, транспортной и экономической связи с «насильственно удерживаемой русинской территорией», но и то, что для сохранения плодородия почвы восточнее Тисы и частично на Большой венгерской низменности требуется уберечь леса русинской территории от хищнического хозяйствования. Вырубка леса при 1400 мм осадков в среднем в год привела бы к исчезновению со склонов гор плодородной земли, почва в Русинии подверглась бы эрозии, и самый плодородный край за Тисой, где выращивается венгерская пшеница, превратился бы в болото. Такая опасность, по мнению Хорти, существует, поскольку правительство Волошина для пополнения бюджета готово вырубить лес, а Германия согласна закупить любое его количество.

Но в этом письме содержалось и то, чего не было в инструкциях для руководства венгерских миссий за рубежом: Венгрия, сообщал Чаки, еще и потому не может терпеть рядом с собой «примитивную государственную общность», что чешское государство не способно осуществлять там соответствующий контроль, в результате чего «рутенская территория стала центром далеко идущих политических интриг», в которых принимают участие государства, которые по различным причинам избегают открыто сталкиваться с Венгрией.

По мнению Чаки, Венгрия всегда проводила корректную политику и в будущем намерена поступать так же, но в Англии должны понять, что венгерское правительство не может ждать со сложенными руками, пока на нее обрушится с рутенской территории непоправимый экономический или политический удар. «Мы, естественно, желаем решить вопрос мирным путем, но не можем отбрасывать другое решение, если к нему принудят нас наши жизненные интересы», – сообщал Беку Чаки. Он просил польского министра передать это премьеру и министру инос-

inslav

транных дел Великобритании, опустив часть, касающуюся возможности применения военной силы[115].

Поскольку венгерская пропаганда объясняла отказ своего правительства признавать Карпатскую Украину экономическими причинами, то иностранные дипломаты в Будапеште обращались в МИД Венгрии за разъяснениями: как это понимать?

1 марта 1939 г. временный поверенный в делах Великобритании А. Д. Ф. Гаскон посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Венгрии Яноша Вернле и спросил, решена ли уже окончательно проблема Карпатской Украины. Вернле ответил отрицательно, в духе концепции, разрабатывавшейся для венгерских посланников, согласно которой те должны были убеждать власти стран аккредитации в правильности венгерской позиции.

Но как записал Вернле, «Гаскон, очевидно, не понял данные мной разъяснения». Он несколько раз переспрашивал, каким образом происходит эрозия почвы целого края и как может влиять на плодородие земли дождь, выпадающий вдалеке от нее. Он так и ушел, не уразумев сути дела.

В тот же день Вернле обедал с Ф. Г. Редвардом, пресс-атташе английского посольства в Венгрии, который сразу поднял вопрос о беседе замминистра с временным поверенным в делах и тоже просил дать разъяснения. И хотя этот собеседник, по мнению замминистра, оказался более понятливым, но и он не уяснил взаимосвязи этих явлений.

В конце записи об этих встречах Вернле сделал вывод: большая часть людей без предварительной пропаганды не способна увидеть сути «в такой постановке русинского вопроса»[116].

Вслед за этим венгерский МИД разработал инструкцию для руководителей своих миссий за рубежом, которая была призвана убедить правительства и общественное мнение этих стран в необходимости Карпатской Украины для Венгрии с точки зрения экономики. Чаки в сопроводительном письме писал: даже специалисты, занимающиеся политическими и экономическими вопросами, и дипломаты не могут полностью понять, почему Венгрия так живо наблюдает за судьбой Русинска и почему «она не признает сегодняшний его статус окончательно принятым», т. е. претендует на Карпатскую Украину[117].

В этой инструкции говорилось: для водной системы Венгрии важной является река Тиса (с ее притоками), текущая с территории Карпатской Украины, покрытой в основном лесами, где выпадает около 1400 мм осадков в год, что оказывает большое влияние на баланс водных ресурсов в долине Тисы. Правительство Волошина, нуждаясь в сред-

inslav

ствах, начало вырубать лес на продажу* , что вскоре может привести к эрозии почвы и затоплению весенними и осенними дождями плодородных земель Венгрии в долине Тисы.

Далее Чаки, чувствуя надуманность проблемы, да и зная о ней, просил посланников в зарубежных странах настаивать, что опасения Венгрии якобы ни в коем случае не являются новым приемом, скрывающим политические цели. Существующее в Карпатской Украине положение, продолжал Чаки, злонамеренность и беспомощность правительства Волошина исключают возможность подписания международных соглашений о регулировании использования лесов и защиты жизненных интересов венгерского сельского хозяйства.

В таких обстоятельствах Венгрия не может признать статус Карпатской Украины окончательным[118].

Из текста этих материалов ясно видна вся надуманность проблемы. Ведь Венгрия совместно с Польшей одновременно закрыли границы с Карпатской Украиной с целью ее изоляции и удушения. Только под давлением Германии Венгрия вынуждена была отменить эту блокаду. А лес в зимние месяцы 1938–1939 гг., который сплавлялся в основном по Тисе, почти прекратили вырубать из-за невозможности транспортировки его на юг Европы водным путем.

В условиях запрета со стороны Германии попыток Венгрии явочным порядком оккупировать Закарпатье и отсутствия конкретных сроков его отмены, Венгрия предпринимала и другие меры по «приобретению Карпатской Украины». Постоянный заместитель министра иностранных дел Венгрии Я. Вернле прибыл в Прагу и 6 марта информировал Ф. Хвалковского о положении в Закарпатье в духе венгерской пропаганды (хищническая вырубка леса и т. п.). Опираясь на эти аргументы, Вернле заявил Хвалковскому, что овладение Карпатской Украиной неизбежно. Но сегодня еще можно решить эту проблему путем компенсации, в то время как в будущем на это рассчитывать не придется[119]. Причем, как сказал Вернле, это официальное предложение Венгрии.

Чем можно объяснить такую инициативу со стороны Венгрии? Ведь еще недавно правительство двух стран (Венгрии и ЧСР) были непримиримыми врагами. Да и теперь обе страны готовились к войне за пере-

* В министерство иностранных дел Венгрии 3 марта 1939 г. поступило донесение венгерского консула из Братиславы Д. Петравича, в котором сообщалось: здешние торговцы лесом, имеющие в Карпатской Украине свои интересы и знающие положение в ее лесном хозяйстве, информировали его, что «в настоящее время в Русинии не ведется вырубки леса в больших размерах» (OL. K–64. 1939. 33 a. 194. 1. l.; DIMK. III. 522. old.)

inslav

смотр статус-кво, несмотря на то, что они были связаны в одинаковой мере признанием решений Венского арбитража окончательными, т.е. нерушимыми, пока свою позицию не изменят арбитры. К тому же и в Чехо-Словакии правительство было уже прогитлеровским.

В министерстве иностранных дел Венгрии к этому времени было предостаточно материалов, свидетельствовавших о том, что новые власти считали сохранение автономной Карпатской Украины в составе ЧСР тягостным для страны.

Посланник Венгрии в Чехословакии Я. Веттштейн 1 марта доносил из Праги в Будапешт: в последние недели здесь (т.е. в Праге) усиливаются признаки, которые позволяют сделать вывод, что чехи в глубине души с большой охотой рады освободиться от Русинии, но, естественно, по известным причинам, открыто признаться в этом не могут. Веттштейн напоминал, что он уже осмеливался ссылаться на обстоятельства, обострившие отношения между отдельными республиками, а также на те финансовые трудности, с которыми столкнулись Словакия и Русиния и улучшение которых последняя ждет от Праги. В отношении Словакии Прага проявила склонность покрыть дефицит бюджета, но сомнительно, что она сделает это и для Русинии. По сведениям, полученным им по дипломатической линии, сохранение там статус-кво обходится центральному правительству ежедневно в 1,5 млн корун, но и эта сумма оказывается недостаточной.

Несмотря на то, что пражское правительство идет в Закарпатье на такие огромные материальные жертвы, его слово в Хусте не имеет веса. (Волошин даже не выделил помещения для назначенного Прагой министра Льва Прхалы.)

Праге начинает надоедать такое положение. Особенно Хвалковскому, которому стало в тягость внешнеполитическое своеволие братиславского и хустского правительств, за последствия которого приходится отвечать ему.

«Настало время, – пишет Веттштейн, – изменить это, сказал мне на днях Хвалковский, ибо наконец дойдет до того, что они будут пить, а голова будет болеть у меня»[120].

Изложенное выше дает почву для размышления, почему Хвалковский официальное предложение Вернле сразу же не отверг и заявил: дело трудное, он должен обсудить его с президентом и другими членами правительства, после чего даст ответ[121].

Сразу же после визита к Хвалковскому Вернле посетил германского посланника в Чехо-Словакии, которому сообщил о своем предложении Хвалковскому. Германский посланник «отнесся к этому явно от-

inslav

рицательно» и дал понять, что Берлину Русь нужна[122], так как он мог и не быть ознакомленным с последними замыслами Гитлера.

Я. Вернле в тот же день, 6 марта, послал Чаки шифрограмму о ходе беседы с Хвалковским. Тот сказал, что только после разъяснения замминистра понял, насколько жизненно важно для Венгрии приобретение Карпатской Украины (раньше он считал, что здесь замешаны только политические соображения), но ответа сразу не дал, так как ему нужно еще переговорить с президентом, словацким правительством и другими. Результаты он обещал сообщить через посланника Веттштейна. Хвалковский принял к сведению, что в качестве рекомпенсации венгры не могут пойти на территориальные уступки (представитель правительства Словакии предлагал: Венгрия получает Закарпатскую Украину, но возвращает Кошице), «но и цену не может назвать, ибо пока не знает, продадут ли Русинию». В ответ Вернле предупреждал: «теперь еще могут за нее что-то получить, а позже – ничего».

Интересовался Хвалковский и позицией Германии. Ответ: все еще стоит на позиции решения Венского арбитража.

Из беседы с чехословацким министром Вернле сделал вывод, что тот не отказывается от предложения, но боится Германии. Можно будет достичь какого-то результата только в том случае, если оказать на Берлин «сильное и быстрое давление»[123], заключал он донесение.

Но, как сообщал Чаки 8 марта посланнику в Лондоне Дёрдю Барце, переговоры Вернле в Праге закончились безрезультатно[124].

Еще в середине февраля польский посланник в Праге Казимир Папее доносил в МИД Варшавы о беседе с Хвалковским касательно Карпатской Украины. Министр спросил, каковы личное мнение посланника и официальное Варшавы: что с ней делать? Папее ответил: проблему эту нужно решать вместе с соседями, а не против их интересов. (Позже Бек рекомендовал посланнику и в последующих беседах держаться такой тактики.) Хвалковский пытался также выяснить, беспокоит ли Папее судьба Карпатской Украины в связи с интересами Венгрии или Польши.

17 февраля Папее радиотелеграммой сообщил в Варшаву результаты беседы с Каролем Сидором, заместителем премьер-министра (ранее тесно связанным с польским правительством), с точки зрения которого Словакии «Русь надо сбыть Венгрии». Такого мнения, свидетельствовал он, придерживались и чехи, в частности премьер Рудольф Беран. Они имеют достаточно политических, а также финансовых хлопот с ней[125].

Варшава была информирована о том, что венгры ничего не смогут сделать в отношении Карпатской Украины без согласия Гитлера. Чаки неоднок-

inslav

ратно сообщал им об этом. Так, 18 февраля посланник Польши в Будапеште Л. Орловский радиотелеграммой доносил в Варшаву о полученной от Чаки информации: «Перед выборами в Закарпатье он спросил Гитлера, можно ли ввести в Карпатскую Украину венгерские войска для наведения порядка, и за день до выборов, т. е. 11 февраля, канцлер ответил: строго придерживаться Венского арбитража. То же сказал ему и Чиано»[126].

25 февраля 1939 г. Папее прислал телеграмму в МИД Польши о беседе с Бераном, Хвалковским и Сидором, которые формально дали отрицательный ответ на последнее имперское предложение. Чехо-Словакия связана, так же как и Венгрия, Венским арбитражем. И между прочим, продолжал министр, население Подкарпатской Руси не высказывалось за выход из Чехо-Словакии.

Учитывая форму и тон беседы с чехословацкими руководителями, а не ее содержание, посланник все же сделал вывод: чехи отдали бы Карпатскую Украину[127].

Польская сторона считала, что венгерское руководство ведет себя нерешительно, и, как упоминалось выше, обещала самостоятельно решить проблему Карпатской Украины. Чаки в шифрограмме венгерскому посланнику в Варшаве А. Хори просил разузнать, есть ли что-нибудь новое в польских планах по этому вопросу, и добавлял: «Сопоставляя события, я не считаю невозможным, что польское правительство действительно готовится что-то предпринять в Русинии с ведома Германии и чем-то компенсировало ее одобрение»[128].

В начале телеграммы Чаки сообщал Хори: по имеющейся у него информации из источника, заслуживающего доверия, Польша в ближайшее время организует восстание в Русинии.

Сомнение Чаки в отношении намерений Польши свидетельствует об истинном состоянии дел в венгеро-польских отношениях.

И действительно, польское правительство, усомнившись в готовности Венгрии активно продолжать подготовку к захвату Карпатской Украины, самостоятельно разработало план террористической, диверсионной и пропагандистской деятельности в Закарпатье. План был разработан польскими консулами Мичиславом Халупчинским (Ужгород) и П. Курницким (Хуст–Севлюш) и согласован с присланным по просьбе посланника Папее в Прагу представителем польского генштаба полковником Скрдлиджевским в первой декаде января 1939 г. По этому плану диверсионные акции в Закарпатье должны были вестись из двух центров: Ужгорода (уже тогда включенного в состав Венгрии) и Пряшева (оставшегося в Словакии).

inslav

Первая акция – пряшевская: политико-агитационная (издание и распространение материалов), устная агитация, направленная на сопротивление населения властям (отказ от платежей налогов, проведение забастовок и демонстраций). Штаб ее в составе Коссея, Жидовского, Бачинского и Пещака планировалось разместить в Пряшеве. Коссей назначался руководителем акции в Карпатской Украине, а Жидовский – в Восточной Словакии. Затем намечалось кооптировать в высшее руководство епископа Гайдица с целью втянуть в борьбу и духовенство. С ним из Ужгорода поддерживал бы связь Халупчинский, и таким путем передавались бы инструкции по линии Коссей – Жидовский.

До открытия польского консульства в Братиславе контроль возлагался на Курницкого, в согласии с польским посольством в Праге.

На эту акцию МИД Польши предполагал выделить около 60 тыс. чехословацких корун в месяц.

Руководство акцией в Ужгороде возлагалось на представителя генштаба Польши, который находился бы в тесной связи с каноником Марина. В их задачу входило создание в Карпатской Украине конспиративных троек, целью которых было бы осуществление диверсий и террора (нападения на помещения учреждений, казарм сечевиков и т. п.), проведение террористических актов против эмигрантов из Галиции, инструкторов из Берлина (исключая нападения на политических деятелей местного происхождения). В Ужгороде планировалось сотрудничество с венграми. В этом центре все расходы возлагались на генштаб Польши[129].

Польша при разработке карпато-украинской политики защищала прежде всего собственные интересы. Она боялась влияния украинских националистов Закарпатья на украинское население Польши, насчитывавшее миллионы человек в Восточной Галиции. В архиве МИДа Польши сохранились записи («Пометки из Хуста»), составленные в Варшаве 20 января 1939 г. В них констатировалось: цель руководства Карпатской Украины – создание Великой Украины. Ее поддерживает Берлин. Это пока не актуально, но немцы все сосредоточивают там. Бюро Гимлера направляет внешнюю политику, бюро Розенберга оказывает помощь Сечи. Исполнителями планов немцев на территории Карпатской Украины являются А. Волошин, братья Бращайки, В. Комаринский и братья Климпуши. За инструкциями в Германию ездят Ревай, Комаринский, Рогач, а прямо в Хусте их передает германский консул Гоффман.

В тех же записках говорится и о выводах германских геологов об отсутствии в Карпатской Украине богатых залежей сырья и минералов. Планы же экономического строительства – одни разговоры. Даже в условиях без-

inslav

дорожья строительство железной дороги Пряшево–Гуменное–Перечин–Свалява–Довгое–Хуст вестись не будет. Оно обошлось бы очень дорого.

Местное население легко поддается агитации при обещании радикальных перемен. Оно поддерживает и планы превращения Карпатской Руси в Пьемонт украинского движения за независимость.

Там же отмечалось, что влияние Венгрии падает не только в результате украинской пропаганды, но и из-за плохого экономического положения на территориях, отошедших по первому Венскому арбитражу к Венгрии. По сравнению с чехословацким периодом идет заметное удорожание жизни. Снабжение товарами на Руси, писал составитель справки, неплохое, в основном налажено из Румынии[130].

В свете описываемых нами событий интересна личность депутата чехословацкого парламента, затем приглашенного в члены и венгерского парламента, лидера Русской национальной автономной партии Степана Фенцика. Он пользовался финансовой поддержкой, как уже упоминалось ранее, Польши, Венгрии, а затем и Германии. Поселившись еще до Венского арбитража в Ужгороде, т. е. на территории, перешедшей к Венгрии, он переправлял из Берегова, Мукачева и Ужгорода пропагандистскую литературу в Карпатскую Украину, передавал своим сторонникам инструкции, как вести подпольную работу и борьбу против правительства Волошина (раньше он и сам был министром в его составе).

17 ноября 1938 г. Фенцик обратился по радио к американским русинам и сказал, что по его предложению 3 ноября в Ужгороде «все» решили присоединить Закарпатье на правах автономии к Венгрии, так как без Ужгорода и Мукачева оно нежизнеспособно. Вечером того же дня по будапештскому радио он заявил, что венгерское правительство дает русинам политическую автономию. А русины только этого и хотят[131].

В письме председателю Венгерского национального совета в Ужгороде Э. Корлату Фенцик сообщал: он остается в Ужгороде как вождь карпаторусских националистов в эмиграции и предпримет все, чтобы Карпатская Русь, как федеративное государство или как территориальная автономная единица с полными правами самоуправления, была присоединена к Венгрии.

После Венского арбитража Фенцик в письме премьер-министру Венгрии Б. Имреди и статс-секретарю канцелярии премьер-министра Т. Патаки предлагал себя в качестве посредника при переговорах с теми поляками, которые ратовали за установление общей польско-венгерской границы (кстати, он тайно состоял у них на службе), рекомендовал отказаться от лозунга «От Попрада до Ясиня», заменив его лозунгом «От Уж-

inslav

города до Ясиня». Он предлагал организовать польские и венгерские «сабад чапаток» – «вольные отряды» (и без его участия уже существовавшие), которые маскировались бы под карпаторусских повстанцев, и настаивал на прекращении употребления названий «русин» и «рутен» как синонимов «украинец», а в печати и по радио употреблять «карпаторус».

Выступая на пресс-конференции, Фенцик утверждал, что в политической жизни Подкарпатья (имея, по-видимому, в виду территорию, отошедшую по Венскому арбитражу к Венгрии) существуют два направления. Во главе одного стоит Бродий, его поддерживают Йожеф Иллеш, Странявский и старые либеральные реакционеры, а также статс-секретарь Патаки. Другое представлено чернорубашечниками, представителями правых, их возглавляют Фенцик и фашисты.

Журналисту будапештской газеты Фенцик рассказывал, как он будет представлять в венгерском парламенте (мандат в который хортисты дали ему без проведения выборов, всего в палату представителей с территорий, перешедших к Венгрии, было приглашено 17 человек во главе с Андором Ярошем) «самостоятельный карпаторусский народ». Сообщил он и о том, как подал меморандум премьер-министру Б. Имреди, где «все осветил», и продолжал: «Я представитель самостоятельного народа, представитель карпаторусского национализма, противостоящего всякой подрывной работе, большевизму и разрушению». Журналист в своей статье расхваливал его как человека высокой культуры, говорившего на восьми языках, как прихвастнул ему Фенцик, на которого уже четыре раза покушались[132].

В одной из газет была опубликована статья о том, как он привел «делегацию» к премьеру Имреди с целью «засвидетельствовать верность регенту и правительству»[133].

10 февраля 1939 г. в румынской газете «Tribuna», издававшейся в г. Клуже, была опубликована статья об угнетении русин в Венгрии на территориях, отошедших к ней по первому Венскому арбитражу. С. Фенцик выступил с опровержением, которое опубликовали почти все центральные газеты. Он отрицал, что венгры насаждали венгерский язык и запрещали карпаторусский. Он оперировал вымышленными цифрами о численности русин и наличии народных (начальных) и средних школ различных профилей[134].

Последняя статья С. Фенцика, включенная в досье венгерского МИДа о нем, это его интерпелляция, поданная в парламент Венгрии, о карпаторусской проблеме, «которая угрожает спокойствию Венгрии и Европы». Он остановился на двух вопросах: выборах в Карпатской Украине (12 февраля 1939 г.) и присоединении Венгрии к антикоминтерновскому пакту.

inslav

Фенцик подчеркивал, что «карпаторусскому народу» до сих пор не дали права на самоопределение. 8 октября было образовано первое карпаторусское правительство. Беда пришла тогда, когда генерал Ян Сирови назначил премьером Подкарпатской Руси Волошина, и Фенцик утверждал, что тот якобы был «известен сочувствием украинским коммунистам». Конечно, это было не так. Фенцик настаивал на установлении общей венгеро-польской границы. Рутения – мост между Будапештом и Варшавой, а не Прагой и Москвой, восклицал он. При чешской системе Подкарпатская Русь была хорошей почвой для постоянной подпитки большевизма.

Далее Фенцик писал: нужно с большой радостью приветствовать польско-румынское соглашение об устранении Волошина и Ревая от представительства Закарпатья. Да и непонятна дружба германского консула Гоффмана с Волошиным. Затем он подверг критике употребление термина «Карпатская Украина». Десять лет тому назад газеты ничего не знали о Карпатской Украине, а писали только о Карпаторусланде, и утверждал: «Диалект руського народа не украинский, и русины не украинцы».

Из Русинска невозможно сделать вторую Македонию. Польские, американские, итальянские, английские и французские газеты, говорил он в своем выступлении в палате представителей венгерского парламента, признали подтасовку выборов в сейм Карпатской Украины 12 февраля, а немецкие газеты, главным образом «Völkischer Beobachter» и «Gränzbote», пишут о великой победе Волошина[135] и об «освобождении угнетенного народа из-под многовекового венгерского рабства»[136].

В одном из донесений о беседе с А. Волошиным в Хусте польский консул в Севлюше сообщал, что последний часто и с ненавистью упоминал Фенцика. Волошин рассказывал о том, как комиссия по демаркации границы предлагала ему выдать Фенцика, но он отказался, так как не знал, «что бы мы с ним делали». Консул доносил в Варшаву: «Положение Фенцика в Венгрии не ахти какое». Влияние он теряет. Его теснят куртяковцы. Консул Курницкий предлагал выслать Фенцика в США для ведения там пропаганды, и это все, на что он способен. Он рекомендовал также использовать в США и А. Геровского.

Курницкий предлагал также с целью прекращения антипольской деятельности в Закарпатье (в связи с усилением украинского влияния) снять лозунг польской пропаганды о присоединении Карпатской Украины к Венгрии (ибо возвращавшиеся из Венгрии говорили о беспорядках, дороговизне и т. п.) и заменить его лозунгом «Автономия местным руснякам»[137].

Фенцик, говоря о двух течениях в политической жизни Закарпатья, как отмечалось выше, первым назвал А. Бродия. Речь идет о первом

inslav

премьер-министре Подкарпатской Руси, который так откровенно лоббировал интересы Венгрии, что тогдашнее чехословацкое правительство сняло его с этого поста и арестовало. Некоторое время он просидел в пражской пересыльной тюрьме. Но пришедшие к власти Гаха, Беран и Хвалковский подошли к нему с иной меркой, даже посещали его в тюрьме, а затем освободили и послали на отдых в Карловы Вары.

Польский посланник Папее сообщал из Праги в МИД Польши (4 марта 1939 г.): «По нашему совету 3 марта А. Бродия явился на аудиенцию президента ЧСР Эмила Гахи и тайно был им принят. Бродий предложил Гахе аннулировать выборы в сейм Карпатской Украины (проведенные 12 февраля), назначить там временное правительство чиновников с целью проверки в крае украинских эмигрантов». Президент Гаха посчитал предложение Бродий важным и обещал обсудить и решить проблему в правительственных кругах[138].

Посланник информировал Бека о дальнейших планах А. Бродия. В ближайшие дни тот планировал поехать в Венгрию как частное лицо и принять там мандат депутата венгерского парламента[139].

Информация оказалась точной. Уже 7 марта в венгерских газетах появилось сообщение о приезде Бродия в Ужгород. Его приветствовал каноник Александр Ильницкий, а от имени Автономного земледельческого союза – партии, которую Бродий возглавлял (в ЧСР) – Иосиф Каминский, после чего присутствовавшие на вокзале организовали шумный митинг[140].

А. Бродий, таким образом, за неделю до начала оккупации Карпатской Украины включился в открытую борьбу за присоединение ее к Венгрии. Пропаганда, которая велась там, была рассчитана на великие державы, и включение в нее известных с чешского периода политических деятелей на стороне хортистов оказалось для последних большим подспорьем. Они утверждали, что население Карпатской Украины якобы страстно желает присоединиться к Венгрии.

В партии А. Бродия, Автономном земледельческом союзе, состоял и депутат чехословацкого парламента Юлий Фелдеш. Он тоже обосновался в Ужгороде и оттуда прибыл в венгерский город Печ «навестить знакомых», где дал интервью газете «Esti Újság». Он говорил уже о трех направлениях или течениях в политической жизни Закарпатья: руськом (к которому он отнес бродиевцев), великорусском (Фенцик) и украинском (Волошин). (Однако он был плохо осведомлен: к этому времени в Карпатской Украине уже не было ни Бродия, ни Фенцика, все политические партии были распущены и образована одна, поддерживавшая правительство А. Волошина, – Украинское национальное объединение.)

inslav

После установления общей венгеро-польской границы он предлагал выделить «нейтральную территорию» и образовать там правительство русин, направленное против Волошина[141].

С начала 1939 г. в Ужгороде выходила еженедельная политическая «беспартийная» газета «для подкарпатских русин» «Новая Неделя». Редактором и издателем ее был каноник А. Ильницкий. Издавалась она на деньги венгерского правительства. Значительная часть ее тиража переправлялась в Карпатскую Украину. В передовой первого номера «Наша дорога» Ильницкий выступил против Волошина: они оба исповедовали одну религию – греко-католическую, к тому же были церковнослужителями, при венгерском правительстве Каройи 1918–1919 гг. выступали за единую и неделимую Венгрию, а теперь Волошин борется за единство с Украиной[142]. Автор передовой утверждал: «Ни сердце, ни душа никогда не тянули нашего русина к какой-то Украине»[143].

На борьбу против Волошина был мобилизован в Будапеште и представитель Папы Иштван Сантаи Семан. Он составил меморандум для Папы римского, в котором утверждал, что Волошин отошел от провенгерской ориентации по политическим соображениям. В пассаже, посвященном истории панславизма, прелат выступал против украинского и русского течений в Закарпатье[144].

Венгерское правительство в те месяцы пыталось при помощи дипломатических служб оказать влияние и перетянуть на свою сторону правящие круги и общественное мнение, в первую очередь, великих держав. (И надо отметить, что дипломатической подготовкой захвата Карпатской Украины Венгрия добилась нужного результата: когда захват произошел, Югославия и Румыния сохранили нейтралитет.) Особую активность, как и прежде, о чем свидетельствуют материалы в предыдущих главах книги, проявлял М. Козма. Он не гнушался никаких подтасовок. 9 января 1939 г. Козма направил в Берлин в венгерское посольство обобщение о Закарпатье, в котором писал, что якобы из 320 священников, подчиненных епископу Стойке, 200 пожелали присоединения Карпатской Украины к Венгрии[145]. Он приводил и ряд других данных, не имевших ничего общего с действительностью.

В архиве венгерского МИДа собрался большой материал, касающийся первых двух месяцев 1939 г. Из этих документов можно сделать вывод, что как Венгрия, так и Югославия обоюдно стремились к улучшению отношений между двумя странами. Причем самую активную посредническую роль играл министр иностранных дел Италии граф Чиано. Милан Стоядинович, да и ведущие дипломаты МИДа Югославии,

inslav

проводя курс на сближение со странами оси, были заинтересованы в этом хотя бы потому, что в таком случае Венгрия снимала территориальные претензии к своему южному соседу. Германия также проявила заинтересованность, высказавшись за установление хороших отношений между двумя странами. Венгрия же в своем неудержимом желании захватить Карпатскую Украину с опаской оглядывалась на Югославию, связанную с Чехословакией и Румынией обязательствами договора Малой Антанты. Венгрия хотела прежде всего заручиться заверением Югославии о невмешательстве (да и гарантией Италии и Германии) на случай возможного военного конфликта с Чехословакией из-за Закарпатья.

10 января 1939 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки послал шифрограмму посланнику в Белград с сообщением о намерении югославской стороны на ближайших югославо-румынских переговорах заполучить согласие Румынии на подписание договора о дружбе между Венгрией и Югославией на основе обоюдных гарантий существующих границ[146].

Через четыре дня Виллани из Рима доносил Чаки о мнении Чиано, который считал ситуацию очень благоприятной для заключения венгеро-югославского соглашения. Если Венгрия и Югославия договорятся между собой (а чувства Румынии пока нужно пощадить), тогда венгерское правительство в румынском вопросе сможет поступить по своему усмотрению[147]. Но 21 января Дьердь Бакач-Бешшеньеи из Белграда сообщил мнение германского посланника, по которому без согласия Румынии вряд ли можно будет достичь результатов в венгеро-югославском сближении[148].

В тот же день в итальянской печати была опубликована статья, содержавшая рекомендацию заключить и с Румынией договор о дружбе, подобный тому, что планировалось подписать с Югославией. И. Чаки поручил Виллани указать в надлежащих инстанциях: венгеро-югославские отношения коренным образом отличаются от венгеро-румынских, поэтому венгерское правительство не может пойти на такое далеко идущее соглашение с Румынией[149].

Чиано 22 января передал Чаки свое впечатление от встречи со Стояниновичем: Югославия проявляет серьезную готовность заключить соглашение с Венгрией, но пока это решение усложняют югославо-румынские отношения[150].

На следующий день Чаки через своего посланника сообщил об этом в МИД Германии Вайцзеккеру. 24 января и Бешшеньеи доносил из Белграда, что как он понял из слов Чиано, договор возможен только после предварительного согласия Румынии. О таком же впечатлении от беседы с Чиано сообщал из Рима и Виллани, подчеркивая готовность итал-

inslav

янского министра выступить в роли посредника, если Венгрия не будет предъявлять Румынии территориальных требований. Оповещая об этом Вайцзеккера, Чаки затеял интригу: якобы видя в позиции Стояиновича намерение сколотить блок Венгрия–Югославия–Румыния, он, Чаки, выступает против такого блока без участия в нем Германии и Италии. А в телеграмме в Белград Чаки просил посланника сообщить Стояиновичу: связи с Румынией максимально ограничены соглашением в Бледе.

27 января Чаки направил своим посланникам в Рим и Белград телеграммы о готовности Венгрии идти на сближение с Югославией, после согласования опубликовать декларацию и послать в Белград; и добавил, что не желает посредничества Стояиновича в Бухаресте.

К этому времени в распоряжении Кани было донесение Бешшеньеи из Белграда (от 27 января) о том, что взгляды генерального секретаря югославского МИДа Иво Андрича не во всем совпадают с позицией Стояиновича. По его мнению, совсем не очевидно, что путь югославо-венгерского соглашения ведет через Бухарест. Если Румыния не склонна дать согласие, то нужно действовать без нее[151].

В первой декаде февраля 1939 г. пало правительство Стояиновича. Новое правительство создал Драгиша Цветкович, и его министр иностранных дел Александр Цинцар-Маркович заявил, что внешняя политика не претерпит изменений. Германский посланник в Белграде высказывался о новом югославском министре как о друге Германии и персоне грата в Берлине. Венгерский консул в Загребе Ласло Барток причину смены правительства видел в усиливавшейся дружбе Стояиновича с странами оси, а это надоело большим демократическим державам[152].

В дипломатических кругах Белграда в те дни высказывалось мнение: правительство продолжит прежнюю внешнеполитическую линию и будет продолжать курс на сближение с Венгрией. Но уже 22 февраля Чиано рекомендовал Венгрии воздержаться от сближения с Румынией и Югославией, поскольку положение первой нестабильно, а новое югославское правительство долго не продержится[153].

Италия всегда, даже после ноябрьского кризиса, оказывала хортистской Венгрии значительную дружескую поддержку (правда, с третьей декады ноября 1938 г. с оглядкой на Берлин). По проблеме Карпатской Украины Рим до последнего часа, до ее захвата, призывал Венгрию к осторожности, даже к отказу от претензий, несмотря на то, что последняя постоянно подчеркивала: «Для нас руська проблема становится все более жгучей».

У хустского правительства Волошина возникли противоречия с центральным пражским правительством по целому ряду проблем. И в пер-

inslav

вые месяцы противоречия обострились до такой степени, что Прага сняла с поста министра Ю. Ревая и в правительство Карпатской Украины (без согласия Волошина) был назначен чешский генерал Лев Прхала, а это вызвало еще большее недовольство.

Министр иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковский в беседе с польским посланником в Праге К. Панее отставку Ю. Ревая обосновывал так: 1. Чехословакия намерена нормализовать отношения с соседними странами, в том числе и с Польшей и Венгрией, и желает устранить моменты, вызывающие раздражение. Расширение же компетенции генерала Л. Прхала (за ним сохранились прежние военные должности) осуществлялись под знаком ликвидации Сечи. 2. Прага поступает так в духе ответа Германии, данного Франции и Англии 8 февраля 1939 г. по поводу гарантий границ Чехо-Словакии: Германия зарезервировала за собой право дать их после консолидации отношений между республиками внутри страны и с соседними странами. И Чехо-Словакия намерена поступить так же. 3. Однако пражское правительство не считает, что для достижения этих целей следовало бы доходить до продажи Подкарпатской Руси[154].

В материалах внешнеполитического обозрения Венгрии за 20 января 1939 г. показан иной подход. Там указывалось, что чехословацкое правительство этим назначением помешало плану Волошина включить в состав своего правительства двух украинцев-эмигрантов и одного белоруса и создать зародыш правительства Великой Украины[155]. Не удалось установить, на чем была основана такая информация для руководящих деятелей, печатавшаяся тогда небольшим тиражом на гектографе.

Между тем венгерский посланник в Берлине Д. Стояи продолжал «штурмовать» МИД Германии, стремясь узнать, когда же Венгрия получит разрешение на захват Карпатской Украины. 4 марта 1939 г. Риббентроп сделал очередную запись о беседе со Стояи, который на этот раз предложил Германии и Италии сделать заявление в том смысле, что Венгрия – первый претендент на территорию Карпатской Украины и при любом новом упорядочении эту территорию присудят ей. Риббентроп ответил, что в настоящее время такое заявление невозможно, но пообещал сообщить о любых интересующих Венгрию изменениях в чешском вопросе[156].

Стояи нанес этот визит на Вильгельмштрассе после получения 3 марта письма от Кани, в котором ему поручалось сообщить о том, что Венгрии известно трудное экономическое положение стран оси и она готова оказать им помощь, но для этого ждет от стран оси жеста, каким может стать передача ей Карпатской Украины, «если он будет сделан не слиш-

inslav

ком поздно». В конце письма Чаки дал указание Стояи сказать в МИДе Германии: в случае присоединения Карпатской Украины Венгрия берет на себя обязательства по строительству дорог в направлении Восточной Европы, а именно: в строящуюся венгерскую дорожную сеть вошли бы дороги, которые мог бы планировать рейх. К тому же Венгрия готова принять во внимание и технические пожелания, относящиеся к ширине дорог, строительному материалу и т. д.[157]. О словах Риббентропа Стояи в тот же день, 4 марта, сообщил Кане в Будапешт: Риббентроп не мог пообещать сделать в сторону Венгрии желанный жест, ссылаясь на решение Венского арбитража и на то негативное впечатление, которое произвело бы такое заявление. Но когда Стояи подчеркнул, что речь идет не о публичной декларации, а лишь о признании в какой-либо форме венгерских претензий, германский министр просил передать Чаки просьбу набраться терпения. Риббентроп отметил, что отношения с чехами складываются плохо. Пообещал постоянно информировать о них венгров[158].

9 марта Стояи вновь вернулся к этому вопросу и написал более обширное донесение о беседе с Риббентропом. Стояи уточнил, что напомнил ему, как во время визита Чаки в Берлин, он (Риббентроп), Гёринг и Гитлер определенно заявили, что чешский вопрос не считают решенным. А такое заявление в то время можно было толковать однозначно: при окончательном его решении венгерские претензии будут удовлетворены. Кроме того, Стояи в разговоре ссылался и на заявление Гитлера о незаинтересованности Карпатской Украиной при встрече с Беком в январе в Берхтесгадене, подтвержденное и Риббентропом в дни посещения им Варшавы[159].

Высказывал венгерский посланник и свое впечатление об отходе украинского вопроса на задний план и все большей актуализации польской проблемы, по его мнению, после последнего пребывания Бека в Германии (5 января 1939 г.), когда тот не принял предложения Гитлера в отношении Данцига и Восточной Пруссии[160]. Способствовали росту напряженности польско-германских отношений и проводившиеся в Варшаве антигерманские демонстрации в дни пребывания там Чиано. А визит министра иностранных дел Румынии Григоре Гафенку в Польшу оживил в Берлине подозрение, возникшее осенью, о якобы готовившемся блоке Польша–Румыния–Венгрия. Стояи рекомендовал принять все меры, чтобы эти опасения Германии не находили поддержки в Венгрии[161].

По поводу желаемого жеста со стороны Германии – передачи Карпатской Украины, Стояи беседовал и со статс-секретарем германского МИДа Э. Вайцзеккером 10 марта 1939 г., о чем и сообщал в четырех шифрограммах в тот же день. Посланник повторил все то, что говорил накануне

inslav

министру, напомнил о заявлении Гитлера в январе 1039 г. Чаки о своей незаинтересованности в Карпатской Украине. Стояи и Вайцзеккеру передал венгерское предложение принять во внимание пожелания Германии в отношении строительства дорог в Венгрии (ширина, способ строительства, материалы и др.)[162].

Запись этой беседы сохранилась и в германском МИДе. Вайцзеккер закончил ее заверением Стояи в том, что если с германской стороны и были какие-либо колебания по поводу венгеро-польской границы, то они могут не играть никакой роли, «поскольку граф Чаки никогда вообще не будет верить в венгеро-польскую дружбу, а всегда только – в венгеро-германскую, и опираться будет только на нее».

По венгерской записи, Вайцзеккер спросил посланника, не связано ли его посещение прежде всего в связи с конфликтом внутри Чехословакии[163].

Германия, стремясь окончательно расчленить Чехо-Словакию, начала поддерживать словацких сепаратистов. Словацкое правительство выдвинуло ряд требований (увеличить число мест для Словакии в центральном правительстве, в том числе и в общих министерствах, создать самостоятельную словацкую армию и др.). Переговоры зашли в тупик, поскольку правительство ЧСР посчитало эти требования вымогательством, шантажом. Прагу раздражал и визит 28 февраля 1939 г. в Берлин двух словацких министров – Фердинанда Дурчанского и Микулаша Пружинского[164].

Как информировал Хвалковский венгерского посланника Я. Веттштейна в Праге, часть министров вели параллельные переговоры с германским правительством в Берлине. Переговоры в Праге завершились безрезультатно. Но договорились, что 8 марта все члены словацкого правительства прибудут в Прагу. Этого не произошло, и переговоры продолжили двое – К. Сидор и М. Тепланский (первый в качестве полновластного представителя словацкого правительства).

По экономическим требованиям, выдвигавшимся словаками, можно было достичь соглашения. Но чешская сторона потребовала от словацких министров ясного ответа, хотят ли словаки оставаться в составе чехословацкого государства и если да, то готовы ли решительно прекратить в Словакии пропаганду отделения. Сидор и Тепланский ответили: по этому вопросу нет единства и в самом словацком правительстве. Часть министров выступает за сохранение связей с Прагой, другая – за переход Словакии под протекторат Германии, а Тисо колеблется[165].

Ставленник Гитлера в Вене Артур Зейс-Инкварт 7 марта появился в Братиславе и предложил Тисо: пусть Словакия провозгласит независи-

inslav

мость и вступит с Германией в таможенную и финансовую унию. На ответ он дал Тисо 48 часов. Тисо 9 марта посетил в Вене Зейс-Инкварта и сообщил ему о принятии предложения. Провозглашение независимости Словакии намечалось на 12 марта. Но Прага узнала об этом[166], и президент ЧСР Э. Гаха заявил министрам: данное словацкое правительство не способно решать поставленные перед ним задачи, он его распустил и ведение дел поручил министру просвещения Сиваку. Чешские национальные войска заняли Тренчин, Жилин. В Братиславу они вошли на танках и грузовиках. Сообщалось о концентрации и немецких войск в Девече и Лигетфалу. Веттштейн спросил министра иностранных дел Хвалковского: хотят ли чехи оставаться вместе со словаками или они за отделение Словакии. Хвалковский решительно заявил, что они хотят остаться вместе со словаками, но не любой ценой. Если никак не удастся устранить противоречия, тогда он за разрыв, ибо «настоящее положение невыносимо»[167].

В упоминавшейся беседе Стояи с Вайцзеккером, последний заявил, что германское правительство поразило силовое решение Прагой данного вопроса. Берлин 10 марта предпринял решительный шаг, следствием которого был вывод чешских солдат и полицейских из Братиславы и других городов, а в столице Словакии власть перешла к гвардии Андрея Глинки, получившей от Германии много оружия.

Гаха срочно вызвал в Прагу председателя словацкого парламента (без него он сам не мог дать поручение создать новое словацкое правительство) Мартина Сокола. 11 марта было сформировано новое, второе правительство Тисо. Как сообщал в тот же день Чиано венгерскому посланнику Виллани, с образованием правительства Тисо кризис между чехами и словаками разрешился, как того и хотела Германия[168].

Гитлеровцам, использовавшим словацко-чешские и словацко-венгерские противоречия, удалось перетянуть на свою сторону правых словацких руководителей – Шаньо Маха, Войтеха Туку, Фердинанда Дурчанского и самого Йозефа Тисо. Характерно в этом отношении донесение венгерского консула из Братиславы от 3 марта, в котором он сообщал об успешной пропаганде Туки и Маха в интересах независимой Словакии. Он информировал о создании гвардии Глинки и организации Родобрана (словацкого ополчения). «Весь план осуществления независимости построен в расчете на поддержку Германии, и в первую очередь потому, что Германия единственная держава, которая в момент провозглашения независимости могла бы сдержать Чехию...»[169]. Он отмечал, что объявление независимости Словакии возможно в ближайшие дни, но точный срок будет определен Германией.

inslav

11 марта, еще до назначения Тисо премьером, Стояи из Берлина доносил в Будапешт: Германия заняла античешскую и прословацкую позицию[170]. Из Берлина, да и из других источников, в том числе и из Варшавы, поступали информация о неминуемом скором распаде Чехо-Словакии и рекомендации венгерскому правительству быть наготове в отношении мер против Карпатской Украины.

Активизировалась и Германия. В тот же день, 11 марта 1939 г., германский посланник в Будапеште О. Эрдманнсдорф передал министру иностранных дел И. Чаки памятную записку. В ней говорилось: германское правительство исходит из того, что на территории Карпатской Украины становится необходимым проведение определенной венгерской акции, но до ее начала венгерскому королевскому правительству следует учесть следующие требования:

1. В случае оккупации территории Карпатской Украины (в ее ходе и после) необходимо считаться с немецкими транспортными потребностями.

2. Акция не должна затрагивать экономические интересы империи и ее граждан. Венгерское королевское правительство признает соглашения и договоры экономического характера, официально заключенные империей и частными органами с карпато-украинским правительством.

3. Венгерское королевское правительство признает справедливо приобретенные права живущих в Карпатской Украине «народных немцев».

4. Члены правительства Карпатской Украины, бывшие карпатоукраинские министры и другие лидеры карпатоукраинской политической жизни, как, например, руководители организации самообороны Сечь, не будут привлечены к судебному или иному преследованию за их политическую ориентацию[171].

Тогда же венгерский посланник в Братиславе связался с Будапештом по телефону и сообщил: Зейс-Инкварт звонил Яношу Эстерхази (лидеру венгерского меньшинства в Словакии) и интересовался его позицией в связи с новыми событиями. Эстерхази ответил, что подождет образования нового правительства, а затем вступит с ним в контакт по поводу пожеланий венгерского меньшинства. Зейс-Инкварт предложил Эстерхази приехать вместе с Кармасиным в Вену (машину за ними он пришлет). Но Эстерхази не принял это предложение[172].

В тот же день аналогичного содержания телеграмму послал в Варшаву и польский консул в Братиславе Лачинский[173].

Утром 12 марта Гитлер сообщил венгерскому посланнику в Берлине Д. Стояи о своем согласии на оккупацию Карпатской Украины венгерскими войсками. К этому времени по дипломатической линии в венгерс-

inslav

ком МИДе скопились известия о передвижении германских войск в сторону Чехии и Словакии. МИД также располагал информацией о намерении Гитлера захватить Чехию и Моравию, а в отношении Словакии у Венгрии были самые противоречивые сведения. Чаки боялся, что и Словакия попадет под германское господство, а это нарушило бы равновесие великих держав в Европе, и «для его восстановления», как сообщал он в этот день Бешшеньеи в Рим, Венгрия готова пойти на любой риск и немедленно оккупировать русинскую землю. Он высказал мнение в расчете на одобрение Рима, согласно которому для поддержания политического равновесия в Карпатском бассейне необходимо исключить там всякий перевес державы, находящейся за пределом бассейна. «В этом заключался смысл вековой борьбы против русского, турецкого и немецкого влияния», – писал он. Чаки опасался, что политическое положение в мире вновь может привести к нарушению равновесия в этом регионе[174].

Чаки тут же послал телеграмму и в Варшаву посланнику Хори с просьбой сообщить Беку: образование возможной зависимой Словакии от Германии «полностью нарушило бы равновесие в Карпатском бассейне», и Венгрия, если бы могла рассчитывать «на польскую военную помощь», немедленно приступила бы к занятию Русинии «для восстановления в определенной мере этого равновесия». В другой шифрограмме Чаки поручил Хори спросить лично у Бека, осталась бы в таком случае Румыния нейтральной[175].

Чаки в тот же день, 12 марта, получил от Стояи из Берлина телеграмму, в которой тот сообщал о своем прибытии на следующий день в Будапешт и о намерении встретиться с Чаки и премьер-министром для доклада[176].

Утром 13 марта спецсамолетом в сопровождении Гюнтера Альтенбурга (занимавшегося чехословацкими и австрийскими вопросами в политическом отделе германского МИДа) Стояи прилетел в Будапешт и сообщил венгерским руководителям о согласии Гитлера на занятие Карпатской Украины венгерскими войсками. Кроме того, фюрер информировал Стояи: «На повестке дня непосредственное раздробление Чехо-Словакии». Он признает независимость Словакии, но признание правительства Волошина отложит на 24 часа. Гитлер просил посланника передать правительству: «В распоряжении Венгрии будет 24 часа, в течение которых она может решить рутенский вопрос».

Хортистское руководство ликовало. Как отмечал германский посланник О. Эрдманнсдорф в своей телеграмме в Берлин, утром 13 марта он с Г. Альтенбургом посетил постоянного заместителя министра иностранных дел Я. Вернле (Чаки был болен), начальника генштаба Хенрика

inslav

Верта, премьер-министра Пала Телеки и регента Миклоша Хорти, «который принял предложение с воодушевлением». Х. Верт рекомендовал начать наступление через неделю из-за необходимости подготовиться на случай сопротивления чехо-словацкой армии. Немецкие эмиссары убеждали всех своих собеседников, что это будет слишком поздно[177].

Хорти пообещал от имени всех посвященных в эти планы сохранить их втайне. В день прибытия Стояи в Будапешт на совместном германо-венгерском совещании, где присутствовали посланник Германии в Будапеште О. Эрдманнсдорф, начальник подотдела «IV. Б.» министерства иностранных дел Германии Г. Альтенбург, регент Венгрии М. Хорти, премьер-министр П. Телеки и начальник генштаба Венгрии Х. Верт, были согласованы предстоящие военные действия по оккупации Карпатской Украины. Согласно договоренности, Венгрия должна была напасть на Чехо-Словакию 18 марта, а Германия – на следующий день.

13 марта Хорти направил Гитлеру письмо, в котором выражал благодарность фюреру за «богатую ресурсами провинцию», имеющую для Венгрии «жизненное значение», и сообщал, что в четверг, 16 марта, он организует на границе провокационный инцидент, «вслед за которым в субботу должен быть нанесен большой удар»[178].

Но эта договоренность не совсем устраивала не только германскую, но и большинство участников с венгерской стороны. Хорти пообещал оказать влияние на начальника генштаба. Чаки, больной, был поднят с кровати с заданием максимально ускорить захват.

На срочно созванном в тот же день Коронном совете (заседании правительства под председательством регента Хорти) решили сократить подготовку. Чаки в своем выступлении призвал Х. Верта оккупировать Карпатскую Украину в течение 12 часов. Верт ответил: он не может это сделать, ему нужно хотя бы три дня на подготовку. Тогда Чаки заявил о своей готовности подать в отставку при условии, что он станет начальником генерального штаба, и тогда Закарпатье будет оккупировано в течение 6 часов[179].

В срочном порядке к границе Карпатской Украины стягивались венгерские войска, в основном новобранцы.

Начальник генерального штаба Х. Верт 10 марта направил министру иностранных дел И. Чаки (и одновременно премьер-министру и министру обороны) записку о положении дел в Карпатской Украине, оттенив устремления всех ближних и дальних стран, которые в создавшейся ситуации желали бы использовать ее в полной мере в своих интересах, и внеся ряд предложений для осуществления венгерских целей[180]. Но генерал не предполагал, что развязка может наступить столь быстро!

inslav

В то время в Карпатской Украине велась острая политическая борьба. Перед выборами 12 февраля, о чем упоминалось выше, шел процесс образования унитарного государства в виде президентской республики с одной партией – УНО, которая стала единственной легальной партией, если не считать предоставленного правительством права на создание немецкой партии национал-социалистского направления с использованием гитлеровской символики. Но это был только жест в сторону Германии, если учесть незначительную численность немецкого населения в Карпатской Украине. Все попытки отстраненных от политической жизни партий, выступавших прежде с автономистскими лозунгами, создать новые общественные и партийно-политические объединения подавлялись еще и потому, что те пользовались всяческой поддержкой Венгрии и Польши.

Перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 г. проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии. Правительство Волошина оказалось в сложном положении. Карпатская Украина с юга, севера и востока была окружена вражескими державами. На западе тоже было неспокойно из-за споров со Словакией за Пряшевщину, и в отношениях с пражским правительством (Карпатская Украина состояла в федерации ЧСР) чем дальше, тем больше росло напряжение. Гаха 6 марта вновь реорганизовал правительство Карпатской Украины и опять министром внутренних дел назначил генерала Л. Прхалу. Волошин остался премьер-министром. В дипломатических кругах некоторых стран считали этот шаг упрочением позиций Праги в Карпатской Украине. Но это впечатление было обманчивым. Чехо-Словакия стремительно приближалась к своему концу.

Волошин через консула в Хусте Гоффмана, лидера местных немцев Ольдофреди и германское посольство в Праге постоянно консультировался с властями Германии о своих шагах на посту премьера. В одном из донесений в Берлин временный поверенный в делах Германии в Праге Андреас Хенкке сообщал о желании Волошина лично прибыть в Берлин и поблагодарить Гитлера и Риббентропа за предоставленную возможность образования автономной Карпатской Украины и за моральную ее поддержку[181].

Премьер несколько раз по различным каналам зондировал возможность поездки в Берлин. Но лидеры германского рейха не реагировали. Сначала они его подбадривали, но когда убедились, что для Германии будет больше пользы от Венгрии, бросили своего ставленника на произвол судьбы.

В те дни Риббентроп, да и Гитлер всячески открещивались от собственных интересов в Карпатской Украине. Но сохранился документ – доне-

inslav

сение из Берлина венгерского посланника Д. Стояи от 20 марта 1939 г., в котором он сообщал о встрече с Риббентропом. Министр обратил его внимание на украинские организации в Карпатской Украине. Действительно, в начале марта 1939 г. Закарпатье кишело многочисленными эмигрантами из Германии и Польши, которые занимали важные посты в администрации края и особенно в Карпатской сечи. Тогда это старательно опровергали не только в Германии, Праге, но и сам Волошин.

Но на этот раз Риббентроп решил раскрыть карты. Он сказал: там под немецким руководством создана и подготовлена организация, задачей которой было вызвать распад советской империи, в первую очередь оторвать от нее Советскую Украину. Он заметил, что это соответствовало бы и венгерским интересам. Риббентроп просил венгров при встрече в Закарпатье с членами этой организации «относиться к ним бережно». Мне показалось, – писал Стояи, – будто он в первую очередь думал о находящихся там немецких организациях.

Затем Риббентроп подчеркнул, что эта цель, т. е. распад Советского Союза, и в будущем останется актуальной, и просил Венгрию помочь Германии, если она будет проводить какую-либо акцию на данной территории и в связи с этим поддерживать контакты с адмиралом В. Канарисом.

Стояи сообщил Риббентропу, что ему известно о встрече Канариса с венгерским военным атташе в Берлине Калманом Харди, который как раз по этому поводу находился в Будапеште, и обещал министру обратить внимание Чаки на миссию Харди, подчеркивая готовность и Риббентропа поддерживать ее. Он обещал, что Венгрия ни в коем случае не будет мешать или чинить препятствия в отношении намерений и целей Германии. Имперский министр принял это к сведению и вновь просил связаться с Канарисом, но тот не стал встречаться по этому поводу еще и с посланником, заявив, что он свои пожелания уже высказал военному атташе.

Стояи просил Чаки договориться с генштабом и информировать его по поводу сотрудничества в этом вопросе на тот случай, если Канарис конкретно обратится в венгерское посольство за помощью направленным через Венгрию или Карпатскую Украину «командированным».

Стояи высказывал уверенность, что созданная в Закарпатье, Словакии или в любой другой части Германии организация будет действовать и в будущем, хотя бы потому, что, как известно, на территории Германии существует больше украинских организаций, пользующихся полуофициальной германской поддержкой, и те уже с целью выживания будут и в дальнейшем поддерживать немецкие планы в отношении Украины. Такие группы украинских эмигрантов развертывают свою деятельность в Берлине и Вене, информацию о них он уже представлял Чаки[182].

inslav

Утром 13 марта, как сообщал Веттштейн из Праги в Будапешт, вслед за Тисо вылетел в Берлин и Сидор. Хвалковский в беседе с итальянским посланником выразил надежду, что Тисо в Берлине не будет говорить о полной независимости Словакии, а лишь попросит германское руководство помочь уладить расхождения во взглядах с центральным правительством[183]. Но Хвалковский просчитался. Гитлер потребовал от Тисо «blitz schnell» (молниеносно) заявления о независимости Словакии, чтобы он мог энергичнее заняться чехами, «не выполняющими обязательств». Тисо рассказал об этом на закрытом заседании словацкого государственного собрания, которое в 13 часов 14 марта 1939 г. провозгласило независимость Словакии. Правительство ушло в отставку. В новое правительство вошли: Й. Тисо – премьер, В. Тука – вице-премьер, министр иностранных дел – Ф. Дурчанский, министр внутренних дел – К. Сидор[184].

В Будапешт тогда же поступило и сообщение Я. Веттштейна о том, что предыдущей ночью германское правительство потребовало от правительства ЧСР согласия на отделение Словакии, которое и было получено[185].

Чаки 14 марта в 13.45 послал шифровку венгерскому консулу в Братиславе с указанием: если Словакия провозгласит полную независимость, поздравить главу правительства и, ссылаясь на позицию венгерского руководства, пообещать скорейшее открытие посольства Венгрии. А если не удастся установить, будет ли суверенитет Словакии полным, тогда только очень тепло поздравить главу правительства и пообещать доброжелательную братскую помощь со стороны Венгрии[186].

В 14 часов того же дня Чаки отправил посланнику в Вашингтоне Я. Пелени информацию, что в Русинии положение стало якобы слишком тяжелым, идет преследование венгров и местного руського населения, на повестке дня стычки на границе. В качестве примера он приводил столкновения утром у Мукачева (речь идет о венгерской провокации, средства массовой информации Венгрии пытались ответственность за этот инцидент возложить на Чехо-Словакию*). «Для восстановления порядка» и «равновесия», – писал он, – мы «вынуждены будем вмешаться»[187].

Как свидетельствуют телеграммы, посланные 14 марта из Будапешта в Хельсинки, на границе с Карпатской Украиной местами возникала

* В сборнике документов по внешней политике этого периода в примечании к упоминавшемуся венгеро-чешскому инциденту в окрестностях Мукачева отмечено: он был спровоцирован утром 14 марта венграми, которые обвинили в этом Чехо-Словакию[189].

inslav

беспорядочная стрельба. Так было в окрестности Мукачева. Венгерские войска заняли Ёрхедь. Ночью слышны были выстрелы также в Дравцах под Ужгородом. Завязалась перестрелка и около Великой Доброни, а «также между Шаланками и Черным Потоком вблизи Севлюша, около Фанчикова и Вербовца»[188].

В три часа дня 14 марта венгерское правительство через посланника в Будапеште Милоша Кобра передало ультиматум чехословацкому правительству, в котором упомянуло о своем признании независимости Словакии, но в то же время, ссылаясь на события в Карпатской Украине и постоянно повторяющиеся инциденты, потребовало от чешского правительства: немедленно освободить интернированных лиц венгерской национальности, прекратить их преследование и разрешить им полную свободу организации, отрядам венгерской самозащиты дать оружие, в течение 24 часов начать эвакуацию чешских и моравских войск с территории Карпатской Украины, в полной мере обеспечить сохранность имущества венгерских подданных и лиц национальных меньшинств. На выполнение этого ультиматума венгерское правительство давало 12 часов[190].

Вечером того же дня Милош Кобр вручил постоянному заместителю министра иностранных дел Венгрии Я. Вернле ответ на венгерскую ноту, полученную в полдень. В ноте большинство пунктов ультиматума чешское правительство пообещало выполнить (освободить интернированных венгров, обеспечить им свободу и сохранность их имущества, вывод чешских войск уже начался), но отказалось вооружать отряды венгерской самообороны, ссылаясь на закон Карпатской Украины, согласно которому право на оружие имеет только армия и органы безопасности[191].

В ответ венгерское правительство заявило: если правительство Карпатской Украины не может или не хочет защитить венгерское население на своей территории, то о нем позаботится венгерское правительство.

Между тем в Хусте ночью с 13 на 14 марта по заранее подготовленному плану часть руководства сечевиков с целью свержения законного правительства окружили правительственное, жандармское управление, почту, вокзал и напали на несколько военных объектов. В Хусте был дислоцирован 45-й пехотный полк. Войска против сечевиков применили танки, бронемашины и артиллерию. Бой продолжался несколько часов. В результате, по некоторым данным, от 70 до 108 сечевиков были убиты и сотни интернированы[192].

По этому поводу польский консул доносил 14 марта из Севлюша: Сечь ликвидирована чешской армией в Королеве-над-Тисой и в Хусте. В Хусте не обошлось без кровопролития: 14 убитых и свыше 100 ране-

inslav

ных. Улицы в столице патрулируют войска и броневики. Венгерские войска на границе около Севлюша не продвигаются вперед.

В тот же день венгерский посланник А. Хори в Варшаве передал депешу Чаки министру иностранных дел Польши Беку. В ней, в частности, говорилось: в связи с ситуацией, возникшей после провозглашения независимости Словакии, Венгрия предприняла военные меры 14 марта в районе Мукачева утром, а вечером – около Ужгорода с целью занять выгодные позиции. Произошли мелкие стычки. (Как видим, здесь уже не упоминается чешская провокация.) Чаки далее информировал о планах действий венгерской армии – мобилизации трех корпусов, времени начала основного нападения, подчеркивая: это последний шанс, когда можно овладеть Подкарпатской Русью[193].

Одновременно венгерское правительство просило руководство Польши «доброжелательно освещать в польской печати военные действия Венгрии», подчеркивая при этом «моменты провокационного террора правительства Волошина»[194].

Вечером 14 марта, в 18 часов, А. Волошин выступил по радио в Хусте. Он сказал: решением словацкого сейма была провозглашена независимость Словакии. В связи с этим изменилось и международное положение Карпатской Украины, которая «нашим сеймом будет официально провозглашена независимым государством». Но наше правительство уже «теперь провозглашает нашу независимость»[195]. Прага отреагировала на это отказом защищать Карпатскую Украину, которая порвала с чешским правительством.

В тот же день вечером Волошин от имени правительства Карпатской Украины направил телеграмму в Берлин с просьбой «принять к сведению провозглашение нашей самостоятельности под покровительством германской империи»[196].

Ответа не последовало. В Хусте нервничали и вновь обращались в Берлин, сообщая: вследствие провозглашения независимости Словакии Карпатская Украина не имеет возможности оставаться в составе Чехо-Словакии[197]. 15 марта в Хусте заседал сейм. Была провозглашена независимость Карпатской Украины, а А. Волошин был избран президентом.

Напрасно ждали в Закарпатье ответа и на запрос в Берлин, отдала ли Германия Карпатскую Украину Венгрии. Только во второй половине дня 15 марта статс-секретарь германского МИДа Вайцзеккер поручил консулу в Хусте сообщить правительству Карпатской Украины в устной форме, что в условиях наступления венгерских войск по всему фронту правительство Германии «не имеет возможности, к сожалению,

inslav

взять Карпатскую Украину под свой протекторат» и советует не оказывать сопротивления венгерским войскам[198].

Приведенные выше материалы о сговоре Германии и Венгрии свидетельствуют о том, что они бросили своих ставленников в Хусте на произвол судьбы.

В Берлине под утро 15 марта Гаха и Хвалковский на встрече с Гитлером и Риббентропом подписали документ о переходе Чехии и Моравии под протекторат Германии. В 6 часов утра германские войска начали оккупацию этих земель. В Закарпатье продолжалось наступление венгерских войск.

В 12.30 15 марта И. Чаки послал А. Волошину в Хуст ультиматум, в котором предлагал сдать фактическую власть без сопротивления представителям Венгрии, входящим во главе войск. Ответить надо было до 20.00[199]. Волошин ответил в 16.50. В его телеграмме сообщалось: правительство провозглашенной сегодня самостоятельной Карпатской Украины направило в Будапешт делегацию в составе трех человек для переговоров по вопросу о государственной принадлежности. Он просил до их завершения приостановить военные действия[200].

В тот же день в 18.05 Чаки ответил: венгерское правительство гостеприимно встретит сегодня заявленную делегацию. Но уже начатые военные действия нет возможности остановить по техническим причинам. Венгерское правительство намерено как можно скорее занять русинскую землю и просило Волошина как церковного деятеля сделать все для избежания кровопролития[201].

Министр карпатского правительства генерал Л. Прхала вступил в контакт с командованием венгерских войск и, выполняя ультиматум, приказал войскам чехов сложить оружие и отступить. Начался вывод чешских войск через Словакию и Румынию.

С началом вывода чешских войск из Карпатской Украины начальник венгерского генштаба Х. Верт облегченно вздохнул и без привлечения дополнительных сил продолжал наступать в трех направлениях (тремя колоннами): от Ужгорода к Ужокскому перевалу, из Мукачева в направлении Свалявы и из Берегова: на север в Боржавскую долину и на восток к Хусту–Рахову–Ясиню[202].

В направлении движения на Хуст первые бои произошли вечером с сечевиками у Фанчикова и Вербовца. 15 марта в Севлюше было еще спокойно. Наступавшие из Мукачева в тот день заняли по дороге на Сваляву несколько стратегических высот.

16 марта венгерские войска, наступавшие в долине р. Уж, продвинулись незначительно, по донесению, из-за плохой снежной погоды, а в

inslav

действительности – на подступах к Перечину наткнулись на сильное сопротивление. Мукачевская группа через Сваляву, Воловец (в 18 час.) и Верецки (около 3 часов утра 17 марта) достигла польской границы. Войска, действовавшие в долине р. Боржава, через Билки продвигались в направлении Долгого. В долине Тисы венгерские войска в этот день заняли Севлюш, село Великую Копаню и вступили в самый кровопролитный бой за всю кампанию на подступах к Хусту, на Красном поле. В боях со стороны защитников столицы Карпатской Украины участвовали около 4000 человек (сечевики, демобилизованные из чешской армии солдаты из местного населения и другие добровольцы, ученики хустской гимназии и севлюшского педучилища). По данным венгерского военного архива (приведенным И. Гранчаком в «Очерках истории Закарпатья», т. II), 230 из них пали в бою, многие были ранены и 450 попали в плен[203]. По тем же данным на Красном поле погибли 160 венгерских солдат и около 400 были ранены[204].

К этому времени правительство Волошина покинуло Хуст. Сам он с ближайшим окружением утром 16 марта выехал в направлении Тячева и в районе Великого Бочкова пересек границу Румынии, откуда затем переехал в Югославию и через Вену в Прагу, оккупированную германскими войсками.

Только в этот день регент Хорти отдал приказ по войскам о наступлении на Карпатскую Украину, в котором выразил уверенность, что гонведы освободят «руських братьев», вернут их в империю св. Иштвана[205]. До тех пор Венгрия вела необъявленную войну, а дипломаты ссылались на то, что уже после инцидента на демаркационной линии в пригороде Мукачева Росвигово 6 января, в котором венгерская сторона обвинила Чехо-Словакию (а фактически это была провокация с венгерской стороны), МИД Венгрии, начиная с 9 января неоднократно повторял, что венгерские войска в случае нового инцидента получили приказ преследовать чехов на их территории до полного их уничтожения. Интересно заметить, что для выяснения событий в Мукачеве была создана совместная венгеро-чехословацкая комиссия, которую с венгерской стороны возглавлял полковник Рудольф Андорка, начальник отдела разведки контрразведки генштаба. По записи в его дневнике о заседании комиссии в Мукачеве, он узнал, что венгерский караул пьянствовал вместе с чешским, возникла драка и был застрелен чешский полицейский, после чего началось настоящее побоище. Выяснить зачинщиков ему не удалось[206], но суть в том, что по Венскому арбитражу Росвигово должно было оставаться в ЧСР и чешский караул хотел его явочным порядком занять. Провокация в окрестностях Мукачева была использована Венгрией как повод для начала захвата Карпатской Украины.

inslav

Итак, 16 марта был обнародован приказ Хорти. Премьер-министр П. Телеки в палате представителей венгерского парламента заявил, что в связи с распадом ЧСР, возникшей анархией «и по просьбе русинов и их руководителей» венгерские правители приняли политические и военные меры «для спасения жизни и имущества русинов и венгров» и решили быстро оккупировать Карпатскую Украину[207].

В Нью-Йорке в 1944 г. вышла книга Роберта Паркера, в которой говорится о поездке ее автора в дни оккупации Карпатской Украины в Хуст с полковником бароном Унгером, который командовал венгерскими войсками, наступавшими в долине р. Тисы. В резиденции Волошина в Хусте они читали оставленные телеграммы. Одна из них, подписанная Волошиным и адресованная президенту США, но не отправленная, так как уже были перерезаны провода, гласила: «Во имя гуманности умоляю спасти нас от венгров. Мы телеграфировали в Берлин, но ответа не получили. Просим вмешательства Вашего превосходительства»[208].

Утром 18 марта начальник генерального штаба венгерской армии Х. Верт сообщил, что в долине Тисы 17 марта вечером войска через Рахов достигли Ясиня и вышли на польскую границу. В тот же день в 22 часа батальон велосипедистов на Ужокском перевале встретился с польскими войсками. Началась зачистка территории.

В этой телеграмме приводились и потери венгерской армии. По утверждению Верта, она до 20 часов 17 марта потеряла 37 убитыми и 114 ранеными[209]. В какой степени эти данные достоверны, читатель может судить сам, сопоставив их с потерями только в битве на Красном поле. В военном архиве в Будапеште содержатся донесения с разных участков боев, многократно превышающие названные Вертом цифры.

О потерях защитников края нет даже приблизительных данных. По воспоминаниям участников событий, они были велики. Погибали не только в сражениях с регулярной венгерской армией, применявшей артиллерию и авиацию, но и в результате репрессий при зачистке и расстрелах без суда и следствия захваченных в плен, в основном, сечевиков. В беседе с руководителями украинской эмиграции в Берлине венгерский посланник Д. Стояи узнал, что их втянула в дела Карпатской Украины германская сторона, и в вышеназванных боях они потеряли 2000 украинцев.

17 марта 1939 г. министр иностранных дел И. Чаки информировал совет министров Венгрии об обстоятельствах оккупации Карпатской Украины. По его мнению, она явилась полной неожиданностью для Польши, Румынии и Югославии. Они еще раньше заявили о своей незаинтересованности. Правда, Румыния при посредничестве Польши пыталась предъявить требования на восточную часть Карпатской Украины.

inslav

Как известно, Германия и Италия с самого начала боев желали Венгрии успехов, а быстрый захват Карпатской Украины поднял престиж Венгрии в глазах правителей этих стран. Чаки заявил правительству: как обещанная уступка Германии и Италии теперь стал актуальным выход Венгрии из Лиги наций. Из великих западных держав Чаки назвал только Францию, которую оккупация Карпатской Украины Венгрией устраивала больше, чем если бы это сделала Германия[210].

На этом же заседании премьер-министр П. Телеки информировал членов своего кабинета о приеме им бывшего премьер-министра Карпатской Руси А. Бродия, с которым обсуждалась проблема автономии Карпатской Украины. Телеки пообещал дать ее «в рамках старой конституционности»[211].

Чаки в ходе заседания затронул два важнейших вопроса: отношения с Румынией и выход Венгрии из Лиги наций.

Выше уже упоминались переговоры 19 октября 1938 г. в Галаце между румынским королем Каролем II и Беком о создании общей венгеро-польской границы. За согласие Румынии Бек обещал обеспечить переход к ней восточной части Карпатской Украины. Однако из-за отказа короля переговоры были безрезультатными. Постепенное ослабление ЧСР, усиливавшийся шум вокруг венгерских территориальных требований и особенно вокруг плана образования общей венгеро-польской границы вызвали в Бухаресте опасения возможности оказаться в полной изоляции. Поэтому, начиная с зимы 1938–39 гг., румынское правительство усиленно заигрывало с Берлином. Румыния не скрывала ни от гитлеровцев, ни от венгров свои территориальные претензии в отношении Карпатской Украины. Но в Берлине они пошли так далеко, что просто предложили Германии разделить Чехословакию[212] (о чем затем сообщил Гитлер в своем выступлении 28 апреля 1939 г.).

После того как Чаки стали известны интересы Румынии в Карпатской Украине, он не отклонял возможность их обсуждения. Но румынские руководители медлили, меняли размеры своих притязаний и дотянули до середины марта, т. е. до начала продвижения венгерских войск в Карпатскую Украину.

Но уже вечером 14 марта венгерский посланник А. Хори шифрограммой доносил из Варшавы в МИД Венгрии о заявлении Бека, в котором тот обещал всяческую поддержку Венгрии в захвате Карпатской Украины и под конец сообщал о желании румынского правительства, как было заявлено и в Будапеште, занять в «Русинии несколько румынских сел». Он «горячо» рекомендовал Венгрии согласиться с этим. Бек

inslav

предполагал, что можно договориться о временной обоюдно признанной линии разграничения. «Румыны после этого стали бы партнерами, и таким способом открылся бы путь к венгеро-румынскому соглашению. Наконец, владение ясинской железнодорожной линией является общим польско-румынским интересом против Советов. Польша берет на себя посредничество на венгеро-румынских переговорах»[213]. Хори изложил свое донесение в четырех пунктах, причем четвертый относился к предложениям уступок в пользу Румынии в Карпатской Украине.

Об этой беседе с венгерским посланником Бек 15 марта информировал польского посланника в Будапеште. В ней также подчеркивалась полная поддержка венгерской акции в Карпатской Украине, а также говорилось о румынских территориальных претензиях. С целью урегулирования венгеро-румынских отношений Бек предлагал Румынии занять восточную часть Руси до железнодорожной линии Ясиня–Мараморош–Сигет. Предвидя возможность установления на этой основе более широкого венгеро-румынского взаимопонимания, сферы оккупации Бек предлагал разграничить в каждом случае во избежание столкновений. За эту уступку Бек гарантировал безопасность Венгрии со стороны Румынии[214].

В тот же день, 15 марта, Чаки сообщил Хори о намерении Венгрии занять всю Карпатскую Украину, а потом рассмотреть требования Румынии. Он помнит прежние переговоры по этому поводу, но в новых условиях достигнутая договоренность об уступках неприемлема, тем более что, как видно из слов румынского посланника в Будапеште Рауля Босси, румыны претендуют на половину Закарпатья до линии Хуст–р. Рика[215].

В тот день из польского посольства в Будапеште в Варшаву поступили две депеши. Орловский передал Вернле послание Бека. Вернле заявил о намерении Венгрии занять «всю Русь». Но все же с румынами можно было бы договориться, если бы они в настоящий момент не требовали, чтобы венгерские войска не пересекали линии севернее Хуста по р. Рика. И действительно, 15 марта Р. Босси передал постоянному заместителю министра иностранных дел Я. Вернле ноту, в которой сообщалось о признании положения, сложившегося после Венского арбитража, но если бы произошло новое упорядочение территории, то в нем желает принять участие и Румыния. Румынские войска, выведенные на границу Карпатской Украины, не перейдут ее, если интересы Румынии не будут затронуты. Босси требовал, чтобы венгерские войска не продвигались восточнее дороги Хуст–Вышково.

Вернле просил Босси пояснить, какую территорию он имеет в виду, когда говорит «восточнее дороги Хуст–Вышково». Босси ответил: «По

inslav

линии Хуст–Березово–Нижний Быстрый–Вышков» (Вучковое). В отношении последнего населенного пункта он не уверен, поэтому запросит инструкции из Бухареста[216].

После беседы с польским посланником Орловским Вернле предлагал правительству изменить тактику и как можно скорее занять Русинию, тем самым воспрепятствовав Румынии захватить восточную половину края, ибо если это случится, «придется нам считаться с новым, более серьезным противником. Между прочим замечу, что румыны призвали в армию пять возрастов», – писал Вернле[217]. Орловский уверял: румыны требуют максимума, чтобы затем удовлетвориться куском с железнодорожной линией, на запад от которой можно бы установить нейтральную полосу между войсками двух стран. Требования Босси он пытался приуменьшить, говоря, что это было бы «только лишним расширением нейтральной зоны». Но это «расширение» составляло половину Карпатской Украины.

Во всех польских дипломатических документах говорилось о поддержке Польшей венгерской акции в Карпатской Украине, но польское руководство стояло на позиции, согласно которой проблема Карпатской Украины должна решаться на основе удовлетворения интересов трех соседних государств – Польши, Венгрии и Румынии.

В инструкции польскому послу в Бухаресте Бек 15 марта дал указание напомнить министру иностранных дел Румынии Григорию Гафенку, что, направляясь в свое время в Галац, он, Бек, имел согласие венгров на ведение переговоров с королем Румынии; теперь же он выдвигает польские предложения и сделает все в интересах Румынии, не зная теперешней позиции Венгрии; к тому же события развиваются очень быстро. Бек просил румынскую сторону не предпринимать действий против Венгрии в Карпатской Украине, которые могли бы создать ситуацию не в пользу трех соседних государств[218].

Румынский посол в Риме А. Д. Замфиреску в беседе с Чиано 15 марта выяснил: у Италии нет непосредственных интересов в Карпатской Украине, но Чиано очень доволен не только установлением общей венгеро-польской границы, но и тем, что два дружественных Италии государства (Венгрия и Польша) достигнут своей цели. Чиано заметил, что, по-видимому, Румыния не имеет возражений против занятия Венгрией Карпатской Украины. Посол возразил, что у Румынии есть там известные интересы, назвав румынские села в восточной части ее и важные для Румынии железнодорожные линии[219].

В тот же день Бек сообщил через венгерское посольство в Будапеште, что, несмотря на предпринятые им шаги в Бухаресте, все же Румы-

inslav

ния может предпринять небольшие военные действия для овладения несколькими румынскими селами (в восточной части Руси), и просил венгерскую сторону избегать столкновения с румынскими войсками[220].

В последующие дни шел интенсивный обмен шифрованными телеграммами между Будапештом и Варшавой, Варшавой и Бухарестом, Бухарестом и Будапештом. Бек нажимал на Венгрию, чтобы та пошла на территориальные уступки Румынии, а Венгрия обещала обсудить претензии Румынии, но после полной оккупации Карпатской Украины.

Так, утром 16 марта Г. Гафенку позвонил послу в Варшаву, а тот передал поручение заместителю министра иностранных дел Польши Мирославу Арцишевскому с изложением позиции министра иностранных дел Румынии по поводу событий последних двух дней. Гафенку проблему территориальных претензий со стороны Румынии на часть Карпатской Украины считал второстепенным вопросом. В ходе обмена мнениями с Варшавой он предполагал, что в соответствии с договоренностью с Беком совместная польско-румынско-венгерская акция на Руси или, может быть, даже военная кооперация, создала бы основу для более широких румыно-венгерских связей в будущем. Но после получения сведений, что Польша своими войсками не участвует в акции, Румыния воздержалась от вступления в Русь не из-за боязни конфликта с Венгрией, а опасаясь возможного диктата со стороны Гитлера по проблеме Руси, который мог бы перечеркнуть общие польско-румынские планы[221].

В ночь с 16 на 17 марта польский посол Э. Рачинский передал в МИД Варшавы просьбу Румынии (после отказа Венгрии удовлетворить пожелания Румынии в отношении восточной части Карпатской Украины) энергичнее нажать на Будапешт с целью мирным путем получить железнодорожную линию Ясиня–Мараморош-Сегет, очень важную «с точки зрения альянса с Польшей и налаживания дальнейших венгеро-румынских связей»[222].

Вечером 17 марта Рачинский сообщал из Бухареста о представленных им Гафенку аргументах, свидетельствующих о доброй воле Польши и ее активности в налаживании венгеро-румынских отношений при невозможности занятия Румынией части Карпатской территории. Причем Гафенку принял во внимание неучастие Польши в оккупации Карпатской Украины и то, что Венгрия оккупировала Русь на основе предварительного соглашения с Германией, в связи с чем при малейшем инциденте с Румынией Германия навязала бы ей свою волю, чего Румыния хотела избежать.

Гафенку надеялся, что Венгрия поймет такое поведение Румынии и напряженность в их отношениях полностью разрядится в интересах

inslav

сохранения независимости обоих государств ввиду возможного заявления со стороны Германии. Венгрия, по его мнению, могла бы еще исправить ситуацию, воздержавшись от занятия румынских сел и известной железнодорожной линии[223].

В тот же день Бек сообщал польскому послу в Бухарест: «Вчера я получил из Румынии сообщение, полное огорчения», и поручил срочно известить Гафенку, что «несмотря на полемику и горячность», он, Бек, «вчера по собственной инициативе» предпринял энергичный демарш в Будапеште с целью широкого учета румынских интересов[224].

Вечером польский посланник из Будапешта сообщил в Варшаву о изменении своего прежнего предложения в отношении демаркационной линии и согласии на ее прохождение неподалеку (западне) от железной дороги[225].

В ходе этой дипломатической переписки возникло серьезное напряжение в венгеро-польских отношениях. Венгрии стало известно о намерении Польши занять Ясиня[226]. По этому поводу со стороны Венгрии был предпринят 17 марта демарш. Польша призналась в таких намерениях, но «в целях спасения венгров» в Ясиня. Однако уже в полдень этот план был отменен.

Бек предложил демарш, переданный венгерским посланником Хори, считать «nulle et non avenue» («несуществовавшим и непосланным»), «поскольку регистрация его неизбежно осложнит польско-венгерские отношения»[227]. Чаки согласился с этим[228].

Венгрия в переписке с Варшавой и Бухарестом обещала после занятия Карпатской Украины вернуться к переговорам по поводу румынских претензий (22 марта польский посланник в Будапеште Л. Орловский получил поручение сообщить Чаки: присоединение к Румынии железнодорожной линии Ясиня–Мараморош–Сигет и в интересах Польши[229]). Как раз накануне, 21 марта в 23.00, Чаки оповестил некоторых венгерских посланников (для личного сведения): у венгерского правительства нет возможности уступать Румынии территории Подкарпатья, объявленного автономным. Так и в отношении железнодорожной линии можно только обещать предоставить широкие права пользования, если румыны будут вести себя корректно. Села, населенных румынами, уступить Румынии невозможно уже потому, что из-за их географического положения пришлось бы с Рутенской территории отрезать слишком большой кусок из-за нескольких населенных румынами сел[230].

Следовательно, в конечном счете Венгрия заявила только о возможности обсуждать использование румынами в течение длительного срока названной железной дороги.

inslav

Как уже упоминалось, вторым вопросом, который поднял Чаки в своей информации на заседании правительства 17 марта, был выход Венгрии из Лиги наций в качестве платы за позицию Италии и Германии в отношении захвата Венгрией Карпатской Украины.

Еще в конце 1938 – начале 1939 г., когда Чаки пообещал Чиано и Риббентропу выйти из Лиги наций, он через посланников, аккредитованных в великих и соседних державах, интересовался реакцией на этот счет. Для примера приведем ответ временного поверенного в делах Венгрии в Лондоне Ференца Мароши, который в телеграмме от 3 января 1939 г. сообщал: если дальнейшее ослабление Лиги наций пойдет извне и английское правительство не станут обвинять в этом, для Чемберлена такая ситуация будет удобной, ибо он в противовес оппозиции сможет ссылаться на бесполезность Лиги наций, что оправдало бы его политическую позицию[231].

4 апреля 1939 г. И. Чаки на заседании совета министров заявил, ссылаясь на обещания Венгрии, данные Германии и Италии зимой 1938–1939 г., что до предстоящей поездки с Б. Имреди в Рим и Берлин хотел бы осуществить выход из Лиги наций[232]. Венгерский посланник в Риме отметил, что поскольку выход Венгрии из Лиги наций – это близкое сердцу Чиано дело, то этим шагом премьер-министр и министр иностранных дел преподнесут Италии подарок. Чаки цинично добавил: а в Берлине он преподнесет выход из Лиги наций в подарок германским руководителям. Он предложил осуществить это быстро, не дожидаясь «нажима», и между прочим заметил, что Венгрия может остаться в технических комиссиях Лиги наций. Правительство такое предложение приняло. 7 апреля Чаки циркуляром доверительно известил об этом руководителей венгерских миссий за рубежом[233], 11 апреля направил в Лигу наций заявление о немедленном выходе из нее Венгрии, а 13 апреля в комиссии по иностранным делам палаты представителей попытался подробно обосновать такое решение[234].

Так постепенно Венгрия окончательно втягивалась в фарватер политики стран оси.

Как отнеслись западные державы к действиям хортистов в тандеме с гитлеровской Германией? По мнению тогдашнего венгерского посланника в Лондоне Дьёрдя Барцы (высказанном в записке, составленной 30 марта 1946 г.), позиция английского правительства, Форин офиса, министра иностранных дел Англии Галифакса и его заместителя Александра Кадогана до 1939 г. заключалась в стремлении добиться мирного решения территориальных споров между государствами, оставаясь в стороне от них. С 1939 г. они изменили свою позицию, точнее смягчили ее, но было

inslav

уже поздно. Барца писал, что он пытался получить у Галифакса и у французского министра иностранных дел письменное подтверждение признания ими решений первого Венского арбитража окончательными. Но Чаки сказал ему, что это было бы не только лишним, но и вредным.

Барца признавал тогдашние доводы статс-секретаря, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана, что Венгрия захватом Закарпатья нарушила решения мюнхенских соглашений и Венского арбитража, формально правильными, но в 1939 г. в Форин офисе ему сказали: хотя это был акт насилия и как таковой его следует осудить, но они все же довольны тем, что «в Карпатскую Русь вошли венгры, а не немцы». Он свидетельствовал также, что и Жорж-Бонне в Париже сказал то же его коллеге[235].

Как отражалась позиция Англии в отношении Венгрии в донесениях Барцы того периода? Еще 18 февраля 1939 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер доверительно заявил Барце: как только Англия усилится, то она проявит интерес и к Венгрии. По его мнению, осенью 1938 г., в кризис, Англия допустила промах, не поддержав создание общей венгеро-польской границы, ведь это, по понятным причинам, было бы в интересах Англии[236].

11 марта А. Кадоган сказал Барце: возможное присоединение Карпатской Украины к Венгрии непосредственно Англию не затрагивает, но с точки зрения общей политики соответствует ее замыслам[237].

18 марта Барца сообщал Чаки: в то время как Форин офис дал инструкцию печати выступать против захвата немцами Чехии, он благосклонно отнесся к акции Венгрии по отношению к Карпатской Украине, не заявив даже протеста[238]. Чемберлен и Джон Саймон заявили, что после падения Чехо-Словакии – это внутренний вопрос Венгрии и они не могут вмешиваться в него[239]. А позже, в июле, английское правительство признало аннексию Карпатской Украины Венгрией, считая ее «res judicata»[240], т.е. решенным делом.

В беседе с постоянным заместителем министра иностранных дел Венгрии Я. Вернле посланник США в Будапеште Джон Монтгомери 18 марта интересовался только тем, существовала ли предварительная договоренность Венгрии с Гитлером об оккупации ею Карпатской Украины. Вернле, описывая этот разговор, отмечал, что если бы посланник под договоренностью понимал «соглашение», то он бы все «решительно отрицал», но признавал: Венгрия знала, что немцы не будут препятствовать ее акции в Русинии Д. Монтгомери подчеркнул: это очень важный вопрос, о котором он доложит Вашингтону, и добавил: «Если бы вы не

inslav

вошли в Русинию, то Германия наложила бы на нее свою руку». Вернле согласился: «Вероятно, поскольку Русиния не могла остаться одна»[241].

Четкой и определенной была позиция правительства СССР. Оно выразило решительный протест против вторжения хортистских войск в Карпатскую Украину.

Вышедшая в послевоенное время в странах Западной Европы и Америки литература, посвященная внешней политике Венгрии, часто извращает события, связанные с захватом и аннексией Венгрией Карпатской Украины. То, что в октябре–декабре 1938 г. Гитлер не давал Венгрии согласия на захват всей территории Закарпатской Украины, большинство авторов работ, вышедших на Западе, решило распространить и на весну 1939 г. Часть бывших хортистских политических и государственных деятелей, венгерских и зарубежных дипломатов, как, например, Антал Уллайн-Ревицки, Иштван Кертес, Деже Шуйок, американский посланник в Венгрии Джон Монтгомери, замалчивают важнейшие события конца 1938 и весны 1939 г. Так, они не упоминают о том, что Гитлер разрешил Венгрии оккупировать Карпатскую Украину ценой экономических жертв и согласия направить венгерскую внутреннюю и внешнюю политику в фарватер германской политики. Они обходят факт переговоров Гитлера и Риббентропа с Чаки в январе 1939 г. (запись которых была опубликована в СССР еще в 1946 г.), телеграмму Хорти и все то, что подтверждает сотрудничество хортистских правящих кругов с гитлеровцами по захвату Карпатской Украины. Эти авторы утверждают, что весной 1939 г. венгерская внешняя политика проявила свою самостоятельность и независимость от Германии и даже против ее воли захватила Карпатскую Украину.

Регент М. Хорти в своих воспоминаниях выдает аннексию Закарпатья за «антинемецкий» внешнеполитический шаг Венгрии. Д. Шуйок в книге «Венгерская трагедия» утверждает, что венгерская армия оккупацией Карпатской Украины перечеркнула планы Гитлера в отношении этого края, а А. Уллайн-Ревицки восхищается умелым выбором Венгрией момента, когда немцы были заняты порабощением Чехии.

Такими трюками бывшие активные политические и государственные деятели пытались обелить хортизм (и свою деятельность), показать, что Венгрия сопротивлялась планам гитлеровской Германии. Апологетом хортизма выступает и Джон Монтгомери, когда в книге «Сателлит поневоле» пишет, что Венгрия оккупировала Карпатскую Украину «без ведома и предложения Германии и даже вопреки воле последней, помешав тем самым германской армии выдвинуться еще восточнее Словакии и выйти в тыл Польше».

inslav

Так за «подвиг сопротивления», достойный похвалы, выдавалась агрессия, территориальный грабеж.

Возникает вопрос, почему Гитлер изменил свои первоначальные планы и пожертвовал Карпатской Украиной? Его эмиссары доложили ему, что она по своим географическим условиям – в основном горный и лесистый край, с узкой полосой долины, была слабым плацдармом для готовившегося нападения на СССР. Знали об этом и правители Венгрии, предложившие Гитлеру использовать для этой цели (за разрешение захвата Карпатской Украины) территорию Венгрии, ее шоссейные и железные дороги.

Кроме того, передачей Карпатской Украины Венгрии фюрер изолировал Польшу, ослабил Румынию и окончательно втянул Венгрию в орбиту своих захватнических планов.

События, связанные с расчленением и ликвидацией Чехословакии, показывают, что венгерские правящие круги, добиваясь аннексии Закарпатья и Словакии, шли на экономические и политические уступки гитлеровской Германии. Когда первый Венский арбитраж лишь частично удовлетворил аппетиты хортистов, а гитлеровцы и даже итальянские фашисты выразили протест против попыток хортистов действовать самостоятельно, будапештские правители сделали для себя вывод о необходимости подчиниться Германии и ценой уступок немецким агрессорам добиваться дальнейших «приращений» территории путем пересмотра решений Трианонского мирного договора, реванша за проигрыш в первой мировой войне.

Примечания

[1] OL. K–63. 1938. 7. 4135. 1–2. l.
[2] Ibid. K–83. (Berlini követség) 1939. Összefoglaló politikai jelentés 1938. évről. 158. l.
[3] Ibid. 1940. 200. pol. fön. 762. l.
[4] Ibid. K–64. 1939. 33/a. 1410. 1–2. l.
[5] Ibid. K–74. 1938. Kimenő. Róma 6516/142. 1–3. l.
[6] W és M. 303–306. old.
[7] Ibid. 321. old.
[8] Ibid. 325. old.
[9] Ibid. 327. old.
[10] В и ВМВ. С. 142–143.
[11] W és M. 330. old.
[12] DIMK. III. k. 148. old.
[13] OL. K–64. 1939. 33/a. 1470. 1–3. l.
[14] DIMK. III. k. 212. old.
[15] Ibid. 213. old.

inslav

[16] Ibid. 215. old.
[17] OL. K–63. 1937. 21. 3445. 1–2. l.
[18] Ibid. 3417. 3541.
[19] W és M. 335. old.
[20] *Karsai E.* «Országgyarapitás» – országvesztés. Első rész. Bp., 1961. 131. old.
[21] OL. Szent-Iványi. Kéziat. I. r. 198–200. l.
[22] OL. FT. X–36202. 1938. 221. pol.; DOMK. III. k. 227–228. old.
[23] AAN. MSZ. P. III. 6571. L. 142–144.
[24] Ibid. S. 144–146.
[25] Ibid. S. 156.
[26] DIMK. III. k. 278–280. old.
[27] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 201. l.
[28] Ibid. K–64. 1939. 63. 181 (1502) 1–21; DIMK. III. k. 274–275. old.
[29] DIMK. III. k. 275. old.
[30] Ibid. 285–287. old.
[31] Ibid. 299–300. old.
[32] В и ВМВ. С. 148–149.
[33] OL. K–64. 1939. 10. 2181.
[34] DIMK. III. k. 298–299. old.
[35] Ibid. 300. old.
[36] OL. K–64. 1939. 21. 31. 1–2. l.
[37] ДВП МИД РФ. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 20.
[38] В и ВМВ. С. 149–150; DIMK. III. k. 315–316. old.
[39] OL. K–64. 1939. 23. 181 (24). 1. l.
[40] DIMK. III. k. 332. old.
[41] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 206. l.
[42] OL. K–27. 1939. jan. 14. 9. l.
[43] ДВП МИД РФ. Т. XXII. Кн. 1. С. 40.
[44] DIMK. III. k. 339. old.
[45] OL. K–27. 1939. jan. 14. 7–8. l.
[46] Ibid. 9. l.
[47] DIMK. III. k. 347–348. old.
[48] W és M. 336–342. old.
[49] Документы министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. I. С. 90; W és M. 342–348. old.
[50] W és M. 346. old.
[51] Ibid. 347–350. old.
[52] OL. K–27. 1939. jan. 20. 82. l.
[53] Документы министерства иностранных дел Германии. С.85–90.
[54] *Ránki Gy.* Hamis tanuk leleplezése //Magyar Nemzet. 1962. 28. XI.
[55] W és M. 355. old.
[56] Ibidem.
[57] DIMK. III. k. 357–358. old.
[58] Ibid. 361. old.
[59] Ibid. 362. old.
[60] Ibid. 377–379. old.
[61] Ibid. 398. old.
[62] Ibid. 397–499. old.

inslav

[63] Ibid. 420. old.
[64] ВП СССР. Сб. документов. М., 1946. Т. IV. С. 405.
[65] DIMK. III. k. 443–445. old.
[66] Ibid. 472–474. old.
[67] Ibid. 424. old.
[68] Ibid. 432–434. old.
[69] Ibid. 433. old.
[70] W és M. 357. old.
[71] Ibid. 363–364. old.
[72] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 215. l.
[73] Ibid. K–64. 1939. 33/a. 1424. 1–2. l.
[74] DIMK. III. k. 163–164. old.
[75] Ibid. 166. old.
[76] Ibid. 297–298. old.
[77] OL. K–63. 1939. 2167. 635. 1–8. l.
[78] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 140–141. l.
[79] DIMK. III. k. 417–419. old.
[80] OL. K–63. 1939. 21/7. 635. 1–5. l.
[81] DIMK. III. k. 497. old.
[82] Ibid. 498. old.
[83] Ibid. 435–437. old.
[84] AAN. MSZ. P. III. 1939. I. W. 6572. L. 7–9.
[85] Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 241. l.
[86] Ibid. K–64. 1939. 17. 51. 1–2. l.
[87] Ibid. 678. 1–31. l.
[88] Ibid. K–63. 1939. 7/4. 194 (875) 1–2. l.
[89] DIMK. III. k. 271–272. old.
[90] Ibid. 190–191. old.
[91] OL. K–63. 1939. 7/4. 4504. 1–2. l.
[92] Ibid. 401. 1–3. l.
[93] Deutsches Zentralarchiv (Potsdam). 62. DI. FC. NSDAP; Dienstelle Rosenberg. Aussenpolitischen Amt. 619 P. EDP. 210. d. 18–106. Karpato-Ukraine. S. 3–4.
[94] AAN. MSZ. P. III. 1939. II. c. T. 2. 5462. L. 40.
[95] Ibid. S. 40 ob.
[96] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 243. l.
[97] OL. K–63. 1939. 1057. 1–3. l.
[98] Ibid. 387. 1–2. l.
[99] DIMK. III. k. 153. old.
[100] AAN. MSZ. P. III. 5461. II. c. 1939. L. 12–13.
[101] DIMK. III. k. 354. old.
[102] AAN. MSZ. P. III. 5461. II. c. 1939. L. 75–75.
[103] Ibid. L. 97–99.
[104] DIMK. III. k. 184. old.
[105] AAN. MSZ. P. III. 1938. 5460. II. c. L. 60–61.
[106] Ibid. 5436 49. c. T. I. L. 40–41.
[107] Ibid. 5461. II. c. 1939. L. 100–101, 82–84, 88–89, 147.
[108] Ibid. L. 89.

inslav

[109] Документы министерства иностранных дел Германии. С. 95.
[110] OL. K–64. 1939. 33/a. 101. l.
[111] Ibid. 414. 10. l.
[112] W és M. 363. old.
[113] OL. K–64. 1939. 33/a. 101. 1. l.
[114] Ibid. 155. 4. l.
[115] Ibid. 172. 1–3. l
[116] DIMK. III. k. 513–514. old.
[117] OL. K–119. 1939. 13. biz. 1–2. l.
[118] Ibidem.
[119] AAN. MSZ. P. III. 5436. 1.c. 49.c. 1939. T. I. S. 44.
[120] DIMK. III. k. 515. old.
[121] AAN. MSZ. 5436. 1c. 49.c. 1939. T. I. S. 44.
[122] Ibid. S. 16–20.
[123] OL. K–64. 1939. 33/a. 206. 1–2. l.
[124] Ibid. 207. 1–2. l.
[125] AAN. MSZ. P. III. 5436. 1.c. 49.c. 1939. T. I. S. 16–20.
[126] Ibid. S. 24.
[127] Ibid. S. 26.
[128] DIMK. III. k. 498. old.
[129] AAN. MSZ. P. III. 5436. 1.c. 49.c. T. I. S. 3–7.
[130] Ibid. S. 9–11.
[131] Népszava; Újság. 1938. 18. XI. Далее агитировал за создание оси Рим–Берлин–Ужгород–Будапешт–Варшава.
[132] Hétfői Hirek. 1938. 28. XI.
[133] Függetlenség. 1939. 2. II.
[134] Pester Llojd; Új Magyarság; Nemzeti Újság. 1939. 12. II.
[135] По официальным данным в выборах приняли участие 92,5% имевших право голоса, за единый список УНО проголосовало 92,4% (Карпатська Україна. Ужгород, 1999). С. 104.
[136] Magyar Nemzet. 1939. 9. III.
[137] AAN. MSZ. P. III. 1939. 11.c. 5461. S. 94–95.
[138] Ibid. 5436. 1.c. 49.c. S. 38.
[139] Ibidem.
[140] Függetlenség. 1939. 7. III.
[141] Esti Újság. 1939. I. II.
[142] OL. ME. L. 1939. 15320.
[143] Ibidem.
[144] Ibid. ME. 1937. 1717. 1–3. l.
[145] Ibid. KÜM. Képviseletek. Berni követség. 1939. 6. biz. 1–2. l.
[146] DIMK. III. k. 326. old.
[147] Ibid. 343. old.
[148] Ibid. 372–373. old.
[149] Ibid. 373–374. old.
[150] Ibid. 380–381. old.
[151] Ibid. 381–389, 392–396. old.
[152] Ibid. 446–467. old.
[153] Ibid. 485. old.

inslav

[154] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. I. I.c. 49.c. 5436. L. 46.
[155] PIA. Külpolitikai osszesitő. 1939. 20. I.
[156] W és M. 367. old.
[157] DIMK. III. k.. 520–521. old.
[158] OL. K–64. 1939. 33/a. 210. 1–2. I.
[159] DIMK. III. k. 528. old.
[160] OL. KÜM. Képviseletek. Berni követség. 1940. Osszesitő a politikai helyzetről 1939. 894. I.
[161] DIMK. III. k. 536–538. old.
[162] Ibid. 538–540. old.; W és M. 367–368. old.
[163] DIMK. III. k. 539. old.
[164] Ibid. 517. old.
[165] Ibid. 141. old.
[166] OL. K–63. 1939. 7/25. 1130. 1–2. I.
[167] DIMK. III. k. 542. old.
[168] Ibid. 550. old.
[169] OL. K–64. 1939. 65. 182. 1–2. I.
[170] Ibid. K–63. 1939. 33/a. 1135, 1136. 1–2. I.
[171] W és M. 368. old.; В и ВМВ. С. 126.
[172] DIMK. III. k. 550. old.
[173] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. I. I.c. 49.c. 5436. S. 65.
[174] DIMK. III. k. 552. old.
[175] OL. K–64. 1939. 33/a. 211. I. I.; 212. I. I.
[176] DIMK. III. k. 351. old.
[177] W és M. 368–369. old.
[178] В и ВМВ. С. 158.
[179] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 246. I.
[180] DIMK. III. k. 542–545. old.
[181] Нариси історії Закарпаття. Т. II. (1918–1945). Ужгород, 1995. С. 314.
[182] OL. K–64. 1939. 368. 1–4. I.
[183] DIMK. III. k. 554. old.
[184] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. I. I.c. 49.c. 5436. S. 85–80.
[185] DIMK. III. k. 554. old.
[186] Ibid. 555. old.
[187] Ibidem.
[188] OL. K–89. 1939. 400. 23, 29. I.
[189] DIMK. III. k. 555. old.
[190] OL. K–89. 1939. 400. 30. I.; DIMK. III. k. 556–557. old.
[191] Ibid. 30–31. I.; Ibid. 564. old.
[192] Нариси історії Закарпаття. Т. II. С. 315.
[193] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. I. I.c. 49.c. 5436. L. 88.
[194] Ibid. S. 90.
[195] Нариси історії Закарпаття. Т. II. С. 315–316.
[196] Там же.
[197] ADAP. Serie D. Bd. 4. S. 219.
[198] Ibid. S. 240.
[199] OL. K–89. 1939. 462. 2. I. K–63. 1939. 7/7. 18 (1347) 161. I.; DIMK. III. k. 567. old.
[200] Ibid. K–63. 1939. 7/7. 18 (1347). 58. 158. I.; DIMK. III. k. 570. old.

inslav

[201] Ibidem. DIMK. III. k. 570–571. old.
[202] DIMK. III. k. 577–578. old.
[203] Нариси історії Закарпаття. Т. II. С. 333–334.
[204] Там же.
[205] OL. K–89. 1939. 462. 17–18. l.
[206] *Andorka R.* A madridi követségtől Mauthausenig. Bp., 1978. 88–89. old.
[207] OL. K–89. 1939. 400. 18. 20. old.
[208] *Паркер Р.* Будапештская штаб-квартира. S. u., s. a. C. 26.
[209] OL. K–84. 1939. 400. II. l.
[210] OL. K–27. 1939. 17. III. 32. l.
[211] Ibid. 34. l.
[212] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 240. l.
[213] DIMK. III. k. 558–559. old.
[214] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. 1. l.c. 49.c. 5436. S. 105–106.
[215] OL. K–63. 1939. 7/7. 18 (1347). 1–2. l.
[216] DIMK. III. k. 574–575. old.
[217] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. 2. l.c. 49.c. 5437. S. 4–5.
[218] Ibid. S. 14.
[219] Ibid. S. 17.
[220] DIMK. III. k. 568–569. old.
[221] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. 2. l.c. 49.c. 5437. L. 26.
[222] Ibid. S. 30.
[223] Ibid. S. 32.
[224] Ibid. S. 34.
[225] Ibid. S. 39.
[226] DIMK. III. k. 602–603. old.
[227] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. 2. l.c. 49.c. 5437. L. 62 ob.; DIMK. III. k. 603. old.
[228] DIMK. III. k. 607. old.
[229] AAN. MSZ. P. III. 1939. T. 2. l.c. 49.c. 5437. L. 129–130.
[230] OL. K–64. 1939. 33/a. 297. 1. l.
[231] Ibid. 63. 181. 1–6. l.
[232] OL. K–27. 1939. 4. IV.
[233] DIMK. IV. k. 153. old.
[234] OL. KÜM. Képviseletek. Berni Követség. 1939. 55. biz. 3–15. l.
[235] ÚMKL. Beo. KÜM. 72. d. 76. res. 1946. 3–5. l.
[236] Ibid. 75–76. l.
[237] Ibid. 76. l.
[238] OL. K–64. 1939. 33/a. 172. 1–3. l.; 414. II. l.
[239] Ibid. K–63. 1939. 7/7. 18. 102, 145–146. l.
[240] ÚMKL. Beo. KÜM. IV. I. 162. l.
[241] DIMK. III. k. 614–615. l.

inslav

Глава шестая

Венгрия накануне второй мировой войны

1. Визиты Пала Телеки и Иштвана Чаки в Рим и Берлин

В период подготовки захвата Карпатской Украины и ее аннексии в Венгрии произошел правительственный кризис. Часть населения активно поддерживала политику Б. Имреди и И. Чаки, направленную на «приращение» страны. Однако основной массе населения и части правящих консервативных кругов во главе с бывшим премьер-министром И. Бетленом не нравились диктаторские замашки Имреди. В парламенте 60 депутатов вышли из правящей партии (Партии единства) и 19 января 1939 г. образовали национальный оппозиционный блок. 29 января другой бывший премьер-министр – Дюла Каройи в Верхней палате парламента выступил в защиту парламента, который Имреди намеревался упразднить.

И нацистская оппозиция в Венгрии была недовольна политикой Имреди. С ее помощью был добыт документ о рождении Имреди, согласно которому, как рассказывал Хорти германскому посланнику О. Эрдманнсдорфу, одна из его прабабушек была еврейкой. М. Хорти заявил Эрдманнсдорфу, что он «убежденный антисемит», но не может в сложившихся условиях, учитывая роль евреев в экономической жизни страны, принимать радикальные меры: нельзя, мол, «корову зарезать, когда хотим ее еще доить»[1].

Как раз в это время в парламент для обсуждения был внесен второй проект антиеврейского закона. Когда Имреди явился к Хорти с целью выяснить, почему в Будапеште ходят слухи о его скорой отставке, Хорти информировал его о причине этих слухов и Имреди тут же подал в отставку.

16 февраля 1939 г. новое правительство Венгрии, составленное исключительно из правых, возглавил граф П. Телеки, который уже занимал этот пост в 1920–1921 гг. В одном из документов неустановленного происхождения, сохранившемся в германском архиве, о внутриполитическом положении Венгрии Телеки характеризуется как «не политик и не хозяйственник, а всего лишь серый, закостенелый старик»[2].

inslav

Во внешней политике Телеки пытался балансировать между великими демократическими державами Запада и странами оси. В отношении последних (при Телеки Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту и вышла из Лиги наций) он намеревался больше опираться на римский конец оси, а из соседних стран он выделял Польшу, особо заботясь об укреплении венгеро-польской дружбы. И тем не менее развитие политической ситуации в Европе в апреле–мае 1939 г. привело Польшу и Венгрию в два противостоявших друг другу лагеря.

Главным идеологическим оружием хортистов, с помощью которого они надеялись удержаться у власти, была дальнейшая проповедь реваншизма, ревизии трианонских границ, рекламирование программы создания Великой Венгрии.

Германия частично поддерживала венгерские реваншистские устремления, требуя взамен от хортистов всевозможных уступок, означавших постепенное экономическое и политическое закабаление Венгрии. Так, в 1939 г. венгерское правительство согласилось на неравноправный договор, по которому обязалось вывозить в Германию на безвалютной клиринговой основе сельскохозяйственные продукты[3]. Эти поставки продолжались в течение всей второй мировой войны и никогда не были оплачены (гитлеровцы считали их вкладом Венгрии в войну).

Карпатская Украина, как отмечалось выше, была аннексирована Венгрией с благосклонного согласия Гитлера. Иначе обстояло дело с притязаниями хортистов на захват Словакии. Нацистское правительство Германии намерено было приберечь Словакию для себя как плацдарм для нападения на Польшу. Одновременно руководство Германии и Италии дало понять представителям венгерского правительства, что в недалеком будущем намечается захват и расчленение Югославии, если она не будет поддерживать их политику. Участие же Венгрии в этом акте агрессии открывало перед ней перспективу на определенные территориальные «приобретения»[4], хотя Венгрия в переговорах с Югославией уже обещала на определенных условиях отказаться от своих территориальных претензий к своему южному соседу.

Кроме того, новый венгерский премьер-министр П. Телеки, как известно, был сторонником балансирования между германо-итальянским блоком и Англией и Францией. Вследствие этого он считал, что Венгрия должна осуществлять захваты в тех странах, которые, хотя и являются жертвами германской и итальянской агрессии, но в территориальной целостности их «не заинтересованы» западные державы, в особенности Англия. Такой страной была Чехо-Словакия. Телеки и его

inslav

сторонники из правящей «венгерской партии жизни» не церемонились при захвате Карпатской Украины и усиленно добивались присоединения словацкой территории или (после вхождения германских войск в западные ее части) хотя бы Восточной Словакии.

18 марта Чаки поручил Стояи передать Риббентропу ноту, где доводил до его сведения, что захват Карпатской Украины завершен и Венгрия намерена вступить в переговоры со словацким правительством для урегулирования границ между Словакией и Карпатской Украиной. Воспользовавшись тем, что между ними официально границы никогда не было, а в 1919–1939 гг., в период Чехословакии, она условно проходила по административным границам округов западнее р. Уж, почти по самой реке, территориальные споры между местной властью Подкарпатской Руси, а затем и Карпатской Украины с руководством Словакии продолжались, и переговоры на уровне министров ни к чему не привели. Пряшевщина до Попрада в то время была заселена русинами (т. е. украинцами). На эту территорию и претендовало правительство Подкарпатской Руси.

После захвата Карпатской Украины, получив в наследство этот нерешенный вопрос, хортисты решили послать свои войска на территорию, называвшуюся Восточной Словакией.

В Карпатской Украине еще продолжалась зачистка, когда на имя премьера Телеки пришла телеграмма из Нью-Йорка от председателя и секретаря (Ивана Поппа и А. Геровского) «Карпаторусского союза» в США, т. е. провенгерской организации сторонников А. Бродия, с предложением присоединить словацкие территории комитатов Унг-Земплен, Шарош и Сепеш, заселенные русинами, к Венгрии.

В ответной телеграмме Чаки через генерального консула в Нью-Йорке просил своего ставленника Геровского аналогичные телеграммы направить Гитлеру, Муссолини, Беку, правительствам Франции, Англии и США[5].

В тот же день, 21 марта, Чаки шифрограммой просил посланника Хори доверительно сообщить Беку о намерении, отодвинув границу на запад, поставить мировую общественность перед свершившимся фактом. На границе Словакии обстановка неспокойная, идут столкновения. Венгерская армия начнет наступление и остановится в зависимости от складывающихся обстоятельств[6].

К 22 марта Хори начал подозревать, что у польского руководства сложилось мнение о наличии договоренности между Германией и Венгрией о расчленении Словакии. В интересах Польши было бы присоединить всю Словакию к Венгрии[7]. На запрос Варшавы, были ли планируемые Венгрией военные действия против Словакии предварительно согласованы с

inslav

Гитлером, Чаки 24 марта поручил Хори заявить следующее: между Венгрией и Германией в отношении Словакии не было даже и попытки достичь соглашения. Но учитывая, что «русино-словацкая граница всегда была спорной», он только дал указание занять важные стратегические пункты в Ужанской долине «для защиты проходящей там железной дороги»[8].

Продвижение венгерских войск с боями на запад от Ужгорода началось 23 марта. Чаки позаботился и о том, чтобы эта операция широко освещалась по радио в отдельных странах. В телеграммах, переданных из Будапешта в Хельсинки, говорилось о боях в восточной части Словакии с применением артиллерии и авиации. Сообщалось о налетах словацкой авиации «на открытые венгерские города»: Великий Березный, Собранце, Ужгород. Почти все словацкие самолеты были сбиты. А венгерская авиация в отместку бомбила аэродром в Иглаве (Иллаве). Приводились данные об убитых и раненых[9].

В одной из телеграмм в Варшаву в адрес Хори Чаки писал: «Я остановил наступление венгерских войск в Словакии в связи с бурными протестами немцев и словаков. Во-первых потому, что не хочу обострять венгеро-словацкие и венгеро-германские отношения», а во-вторых, по мнению венгерских военных специалистов, «мы достигли стратегической цели». Чаки также сообщал о своем намерении добиться дальнейших территориальных приобретений путем предстоящих мирных переговоров со словаками[10].

Совершенно иное содержание было в телеграммах Чаки для информации мировой общественности. В одной из них, посланной на радио Финляндии, он якобы искал контакты с правительством Братиславы с предложением создания двусторонней венгеро-словацкой комиссии для определения окончательной границы между Карпатской Украиной и Словакией[11]. В другой – приглашал словацкую делегацию в Будапешт для переговоров в надежде в ближайшее время установить и границу в Восточной Словакии. Он заверял в доброжелательных намерениях в отношении Словакии[12]. В телеграмме, опровергающей публикации в мировой печати, что венгерские войска якобы отступили с занятых 23 марта территорий Восточной Словакии, Чаки утверждал: правда заключается в том, что венгерские части, несмотря на наступление словацких регулярных войск, ни на шаг не отступили со своих позиций. «Это сообщено для сведения, – продолжал он, – с тем, чтобы давать только информацию без комментариев»[13].

Под давлением Германии 28 марта начались венгеро-словацкие переговоры. В их результате Венгрия аннексировала полосу в 20 км западнее р. Уж в Восточной Словакии[14].

inslav

Германия сдерживала противоречия между Венгрией и Словакией, и в то же время, как свидетельствует дипломатическая переписка между Будапештом и Римом, немцы настраивали словаков и венгров друг против друга, но следили за тем, чтобы споры не доходили до конфликтов. Антивенгерскую пропаганду в Словакии вели и представители немецкого национального меньшинства, в частности Кармасин, призывая присоединить к Словакии такие города трианонской Венгрии, как Вац и Эстергом[15].

В одной из телеграмм (28 марта) из Лондона посланник Дьёрдь Барца сообщал в Будапешт: акция Венгрии в Карпатской Украине и Словакии встретила понимание как в общественном мнении Англии, так и в официальных кругах[16]. В другом, уже упоминавшемся выше, донесении он писал: для полноты добавлю, что А. Кадоган, Р. Ванситтарт и другие из Форин офиса дали мне ясно понять, что чем больше территории Закарпатья мы присоединим, тем больше они будут рады этому, – и делал вывод: «Наша военная акция на рутенской земле и наше продвижение с оружием в руках в Словакии (на русинско-словацкой границе) здесь в самых широких кругах вызвали сочувствие». Для венгерского посланника в Лондоне, знакомого с истинным ходом событий, державшихся в тайне от непосвященных, странно и невероятно, как он писал, но среди англичан, «не знаю откуда», может быть, из пештских источников, распространилась точка зрения, согласно которой «рутенскую акцию мы провели без разрешения и даже без ведома немцев...».

Барца продолжал: «Я многократно слышал, что Венгрия была единственной страной, которая без предварительного разрешения Германии и даже против воли немцев осмелилась взяться за оружие и проявила достаточно смелости действовать самостоятельно. Все это значительно повысило сочувствие к нам и веру в патриотическую независимость правительства Телеки»[17].

В то же время в Венгрии была распущена прогитлеровская партия Салаши–Губаи. Ференц Салаши был арестован, что в Англии, по убеждению Барцы, было воспринято как «волевое решение Телеки», «мышление европейского уровня».

П. Телеки был весьма обеспокоен перспективой вовлечения Венгрии в войну против Польши и Югославии. По его мнению, это могло повредить ей в глазах английского и французского правительств. Тревожила его сторонников и возможная позиция США.

В конце 1938 – начале 1939 г. в США правительством Венгрии был направлен сотрудник МИДа Сент-Ивани с целью установить, какой будет позиция США и Канады по поводу событий в Дунайском бассейне,

inslav

учитывая нажим Берлина, и каково настроение венгерских и славянских кругов в США.

В феврале 1939 г. Сент-Ивани написал отчет о поездке на 80 страницах и направил по экземпляру Б. Имреди, П. Телеки, И. Чаки, председателю парламента К. Дарани и статс-секретарю премьер-министра Тибору Патаки. В нем он, между прочим, писал: если Германия продолжит аннексию (ЧСР или Польши), то война с участием Англии и Франции неизбежна. В таком случае американское общественное мнение будет на стороне западных демократий и подвергшейся нападению страны. США полностью решились на войну и ведут приготовления. Америка предпочла бы вести изолированную войну с Германией, ибо считает, что гитлеровская германская империя может покорить Францию, Англию и даже всю Европу еще до прибытия американской помощи. (В конце марта 1939 г. аналогичные мысли высказывал Сент-Ивани и американский посланник в Будапеште Д. Монтгомери.)

В отчете отмечалось: в грядущей мировой войне за исключением двух стран (США и Советского Союза) все будут в проигрыше[18].

Правительство Телеки располагало и другой информацией о настроении в США. 21 марта венгерский посланник в США Янош Пелени в шифрограмме из Вашингтона сообщал: здесь даже друзья Венгрии единогласно заявляют, что если Венгрия не проявит никакого активного сопротивления германскому насилию, то ее будут рассматривать союзником рейха, и лучше бы перетерпеть год–два германскую оккупацию, чем разделить неизбежную судьбу Германии[19].

Между тем события продолжали развиваться в нежелательном для сторонников Телеки направлении. Уничтожив чехословацкое государство, гитлеровская Германия начала конкретную подготовку к захвату Польши. Гитлеровцы требовали, чтобы в этой военной акции Венгрия была на стороне Германии. Для начала Венгрия должна была пропустить германские войска в Галицию. Это требование поставило перед венгерским правительством вопрос об окончательном выборе пути: либо полностью порвать политические связи с Англией и другими демократическими государствами Запада, которыми П. Телеки весьма дорожил, либо отказаться от пропуска немецких войск.

Германское правительство в марте 1939 г. потребовало от Польши передачи Данцига и разрешения построить автостраду через «польский коридор». В это же время началась бешеная кампания гитлеровской печати против Польши.

4 апреля 1939 г. Гитлер дал указание вермахту разработать на основании плана, носившего кодовое наименование «Операция Вайс», точ-

inslav

ное расписание продвижения войск в Польшу. Причем при обосновании «Операции Вайс» Гитлер исходил из того, что «усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекавшая отсюда сдержанность Англии» позволяют в ближайшее время осуществить этот план. Гитлеровцы полагали, что при осуществлении данной операции «можно наверняка рассчитывать, что Венгрия в качестве союзника будет на стороне Германии. Позиция Италии определяется осью Берлин–Рим»[20].

В распоряжении венгерского правительства имелись документы, свидетельствовавшие о том, что немцы будут настаивать на участии Венгрии в войне против Польши. 21 апреля 1939 г. венгерский посланник в Берлине Д. Стояи после беседы с Гитлером сообщил в Будапешт, что Венгрия может рассчитывать на удовлетворение своих требований при условии, если она безоговорочно займет позицию на стороне держав оси[21]. Правительство графа Телеки очутилось перед сложной дилеммой. Мысль об участии в войне против Польши, с которой Венгрию связывали узы традиционной дружбы, была крайне непопулярной в стране. Кроме того, Польша оказывала поддержку Венгрии при захвате Карпатской Украины, поэтому сотрудничество с Германией в войне против Польши было затруднительно для венгерского правительства.

В то же время некоторая часть правящих кругов Венгрии, реалистически смотревшая на события, не могла не давать себе отчета в том, что после создания прогерманской Словакии, где находились немецкие войска, Венгрия была окружена фашистской Германией, чье военное, политическое и экономическое давление на Венгрию все более усиливалось и грозило полной потерей независимости страны.

Но осознание опасности со стороны германского империализма в то время не привело к решительным переменам. Сторонники премьер-министра не могли найти подходящего выхода из создавшегося положения. Все, на что решилось правительство П. Телеки, это опереться на римский конец оси, на фашистскую Италию, руководство которой тоже опасалось чрезмерного усиления своего союзника.

Венгерское правительство в апреле 1939 г. поддержало итальянских фашистов против Албании. Это была не только морально-политическая, дипломатическая, но в известной степени и военная поддержка (по просьбе Чиано Венгрия приостановила демобилизацию на случай, если Югославия предпримет какие-либо шаги по этому поводу). Венгерский посланник в Риме (а по совместительству и в Тиране) Виллани в связи с захватом Албании итальянскими фашистами писал: «Нельзя отрицать тот факт, что нас тронуло прекращение самостоятельного существова-

inslav

ния маленькой свободолюбивой нации, которую связывали с нами древние исторические и живые традиции (жена албанского короля Зогу была венгерской дворянкой. – *А. П.*), однако, несмотря на это, мы должны радоваться увеличению великой итальянской империи, которая как раз в этой зоне Европы может помочь нам в осуществлении наших национальных стремлений»[22].

Хортистская Венгрия от продвижения Италии на Балканы ожидала удовлетворения своих ревизионистских требований по отношению к Югославии и Румынии. Ослепленные реваншистскими замыслами, правящие круги Венгрии не могли или не хотели понять, что каждая новая агрессия фашистских захватчиков приближает конец независимости Венгрии.

Как упоминалось выше, для достижения своих целей Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту и вышла из Лиги наций. А для упрочения своего положения внутри оси она надеялась на поддержку Италии.

11 апреля Чаки поручил Виллани сообщить Чиано: для выхода из Лиги наций он избрал момент, не сопряженный с риском и вместе с тем являющийся «решительной поддержкой оси, когда она подвергается серьезным нападкам со многих сторон»[23].

С 18 по 21 апреля премьер-министр Венгрии П. Телеки и министр иностранных дел И. Чаки посетили Рим с официальным визитом и вели переговоры с Б. Муссолини и Г. Чиано «в духе полного взаимопонимания». Чаки и Телеки благодарили итальянское правительство за поддержку Венгрии в ее территориальных претензиях к Чехословакии, за бескорыстную помощь Рима.

В докладе Чаки подчеркивал: Венгрия как в прошлом, так и в будущем будет верно поддерживать политику оси. «Несомненно, – продолжал он, – симпатия венгерских масс скорее склоняется к Риму, но стремление правительства будет направлено к одинаковой поддержке добрых отношений с Римом и Берлином», дабы в Берлине не возникли недоразумения, в результате которых в неприятное положение попало бы и итальянское правительство.

Муссолини в полной мере одобрил эту мысль.

Чаки, согласно сделанной им самим записи беседы, просил, чтобы его поняли правильно, но «серьезные политики высказывают опасения», что «Венгрия может косвенно или непосредственно пострадать от динамической силы Германии». Многие считают, сказал Чаки, что в случае возникновения германо-польского или германо-румынского кон-

inslav

фликта Германии могут понадобиться отдельные линии сообщения и она не станет считаться с суверенитетом Венгрии. И хотя правительство это опасение не разделяет, но оно было бы благодарно, если бы итальянская сторона высказала свою позицию, которую руководители Венгрии, естественно, сохранят в строжайшей тайне. Муссолини, как обычно, старался успокоить своих собеседников, уверяя их в том, что «хотя он, безусловно, сторонник политики оси и будет во всем следовать за Германией, даже в случае военного конфликта, однако заявляет, что всякое германское насилие по отношению к Венгрии означало бы конец политики оси со всеми его дипломатическими последствиями»[24].

Собеседники долго обсуждали проблемы отношений двух стран с Югославией, Румынией, Словакией, Польшей, Албанией, Францией и Англией.

В ходе беседы Муссолини также заявил, что итальянский народ по известным причинам смирился с покорением Австрии, понял исчезновение Чехии, но ни в коем случае не потерпел бы ущемления суверенитета Венгрии. Однако подписанный через месяц пакт о военно-политическом союзе между Германией и Италией свидетельствует о том, что правдивой была только первая половина этого заявления. Это соглашение, названное «Стальным пактом», открыто говорило, что целью германо-итальянского союза является не защита неприкосновенности существовавших в то время границ обоих государств, а «обеспечение жизненного пространства», т. е. взаимная помощь в деле новых территориальных захватов[25]. Подписание Италией этого агрессивного пакта, конечно, не означало, что итальянский народ перестал «не одобрять идею военного союза» с Германией. Это вынужден был признать и Муссолини, когда в октябре 1938 г. Риббентроп впервые предложил ему подписать такой пакт. Заключение агрессивного пакта констатирует полное подчинение фашистской Италии более сильной нацистской Германии.

Чаки направил во все зарубежные миссии Венгрии шифрограммы с информацией о своем с Телеки визите в Рим 22 апреля. Самое для себя главное в беседах с Муссолини и Чиано он выразил одной фразой: «Мы установили, что венгерские политические цели полностью совпадают с мирными устремлениями оси, которые направлены к тому, чтобы сильная Венгрия могла более обстоятельно выполнять руководящую роль в Дунайском бассейне»[26].

Шифрограммы под другим углом раскрывают суть бесед и значительно отличаются от записей Чаки. В них Чаки доводил до сведения посланников свое впечатление об оси Рим–Берлин: о том, что она «сильнее, чем

inslav

когда-либо» и якобы намерена в предстоящие годы вести «мирную политику». Итальянское правительство, писал он, выразило особое удовлетворение по поводу развития более сердечных венгеро-немецких отношений. Италия, да и Германия желали бы углубления венгеро-югославских братских отношений. Разногласия же Венгрии с Румынией Италию вообще не интересуют. Венгрия может решить их сама, но Италия без Венгрии не пойдет на сближение с Бухарестом.

Как известно, прежде Италия стремилась к дружбе с Польшей, даже шла речь о возможном образовании оси Рим–Белград–Будапешт–Варшава. На этот раз Чаки в Риме наблюдал ухудшение отношения к Польше. Связывал он это с появлением неблагоприятных комментариев в польской печати по поводу захвата Италией Албании, да и с ухудшением германо-польских связей. Муссолини высказывал мнение, что до германо-польской войны дело не дойдет, а если она и начнется, то останется локальной. В таком случае немцы молниеносно захватят Польшу[27].

Развивавшийся весной и летом 1939 г. польско-германский кризис, грозивший превратится в мировую войну, поставил венгерское правительство в очень затруднительное положение. Уже заранее было ясно, что в случае германо-польского конфликта Гитлер может потребовать пропуска германских войск через недавно созданную польско-венгерскую границу. Пропуск гитлеровских войск явился бы не только тяжелым моральным поражением хортистской Венгрии, находившейся в дружественных отношениях с Польшей, но грозил бы и объявлением войны Венгрии со стороны Англии и Франции. Кроме того, зная вероломство гитлеровской Германии, нельзя было быть уверенным в том, что если немецкие войска вступят на территорию Венгрии, то не оккупируют страну окончательно.

В этой ситуации венгерское правительство решило отказать в возможной просьбе германского правительства. Разумеется, венгры самостоятельно не решились бы на такой шаг, если бы не рассчитывали на помощь Италии, которая стремилась сохранить Венгрию в орбите своего собственного влияния. Ведь Италия, как заявляли венгерские политики, в Центральной и Восточной Европе не собиралась «сдавать занятые ею там позиции»[28].

Еще венгерская делегация не возвратилась из Рима, как 22 апреля в Берлин прибыли «в частную поездку» два бывших премьер-министра Венгрии Б. Имреди и К. Дарани, которых в третьем рейхе давно считали настоящими друзьями Германии. Они встретились с Гитлером и Риббентропом. Дарани в беседе с ними заявил, что Венгрия не пойдет на враждебные

inslav

действия против Польши и не согласится, чтобы Германия совершила нападение на нее с венгерской территории. Гитлер поблагодарил Дарани за откровенность и добавил: в случае конфликта Германии с Польшей он будет быстро решен и без использования венгерской территории[29].

Это был пробный шар, запущенный венгерским правительством. Выше упоминалось, что премьер-министр П. Телеки стоял на позиции традиционной венгеро-польской дружбы и в 1939 г. предложил продолжить начатое им в период своего премьер-министерства в 1920–1921 гг. сотрудничество с Польшей. Он оказывал влияние как на регента М. Хорти, так и на правительство, стремясь не допустить участия Венгрии в антипольской войне.

На такое решение венгерского правительства оказывала влияние и позиция Польши, занятая ею в апреле 1939 г. 5 апреля Барца доносил из Лондона: сегодня я навестил министра иностранных дел Польши Бека, которого давно знаю. Он сказал, что очень доволен переговорами с английским правительством, и просил венгерского посланника от его имени сообщить министру Чаки, что в ходе переговоров он (Бек) подчеркнуто заявил: «Придаю и в будущем будут придавать большое значение расположению и вековым историческим связям между Польшей и Венгрией». Английское правительство приняло к сведению это заявление. По имеющейся информации, Чемберлен завтра в нижней палате заявит об англо-польском договоре о взаимопомощи[30].

На следующий день о донесении Барцы Чаки информировал венгерского посланника в Варшаве А. Хори и просил передать министру иностранных дел Польши искреннюю благодарность за эти слова, которые в нынешние тяжелые времена «очень высоко ценим». Он также поручил сообщить Беку: после получения телеграммы Барцы «известное ему заявление Румынии я сделаю»[31], ибо «вижу», какое большое значение придает польское правительство венгеро-румынскому сближению.

Во избежание недоразумения Чаки просил доверительно сообщить Беку, что он сделает все в интересах улучшения румыно-венгерских отношений, но никогда не откажется от тех законных требований, которые имеет Венгрия по отношению к Румынии. «Из лондонского заявления Бека у меня сложилось впечатление, что он эту позицию поддерживает, за что вновь выражаю ему самую теплую благодарность»[32].

Как известно, германо-польские отношения никогда не были хорошими. И подписанное 26 января 1934 г. заявление могло рассматриваться лишь как перемирие. Германское руководство считало, что положение немецкого национального меньшинства в Польше и после этого ухудшалось.

inslav

Сотрудничество Германии, Польши, Италии и Венгрии в сентябре 1938 г. в период чехословацкого кризиса было кратковременным, и германо-польские отношения зимой 1938–1939 гг. обострились сильнее, чем когда бы то ни было. Этому способствовал и поднятый Германией вопрос о Данциге. А весной 1939 г. уже говорили о неизбежности германо-польского конфликта, в связи с чем усложнялось и положение Венгрии.

Польша со своей стороны не намеревалась капитулировать перед Германией. Характерной в этом отношении была состоявшаяся беседа венгерского посланника в Белграде Д. Бакач-Бешшеньеи с польским посланником в Югославии Романом Дебицким. О ней венгерский посланник информировал Чаки. По мнению Дебицкого, столь желанная общая граница, к сожалению, создана с опозданием, поскольку Польша и Венгрия оказались в противоположных лагерях. Но он заверил: несмотря на все это, Польша никогда не возьмется за оружие против Венгрии и надеется «на аналогичное поведение с нашей стороны», – писал Бешшеньеи.

Дебицкий заявил, что коридор и Данциг это – casus belli (повод к войне), хотя в вопросе о Данциге Польша пошла бы на некоторые уступки. Но идти на сделку не имеет большого смысла, поскольку с современным германским строем, у которого аспирации идут до Владивостока, нельзя достичь соглашения. Поэтому договор Бека с Лондоном одобряет вся нация. Он знает, что «Германия терпела бы Польшу в качестве вассала, но против этого польский народ будет бороться до последнего человека»[33].

По донесению того же Бешшеньеи от 22 апреля, его польский коллега утверждал, что в Белграде «многие толкуют» тост Телеки на приеме у Муссолини в Риме 18 апреля «как окончательную приверженность к оси». Бешшеньеи в ответ заявил, что у Венгрии полная свобода действий и она даже в отношении своих друзей не брала на себя обязательств[34].

В действительности же Телеки в конце своего тоста сказал: «Будучи верны политике оси, которую Венгрия спонтанно сделала своей, мы не можем позволить, чтобы власти любого другого государства преподносили нашу национальную политику в извращенном виде»[35].

Между тем продолжалась подготовка поездки Телеки и Чаки в Берлин. В это время германо-венгерские отношения нельзя было считать абсолютно безоблачными. Германии не нравилась польско-венгерская дружба. 26 апреля Д. Стояи в своем донесении Кане сообщал о доброжелательном к Венгрии настроении в Берлине. Но несмотря на это, «в некоторых немецких кругах» от венгерского визита не ждут больших результатов, ибо считают, что венгры остаются неблагодарными и коварными. В связи с этим он упоминал соглашение с Малой Антантой в Бледе и позицию Кани[36].

inslav

К подготовке визита в Берлин можно отнести и указание министра иностранных дел Чаки от 27 апреля, направленное в Рим венгерскому посланнику Ф. Виллани, сообщить Чиано по возможности еще до встречи Чаки с Риббентропом следующее:

1. Все признаки свидетельствуют о том, что Германия в недалеком будущем, может быть, применит силу по отношению к Польше. Политическая подготовка этого уже наблюдается, ибо в Берлине вернулись к украинским планам и Подкарпатье хотят использовать в качестве базы для пропаганды в интересах создания самостоятельного великого украинского государства. «В этом, естественно, откажу», – писал Чаки.

2. Из многих сообщений можно сделать вывод, что «теперь в Берлине спросят нас, какую позицию мы займем в случае германо-польского вооруженного конфликта».

Чаки собирался ответить так: будучи верны политике оси, мы, естественно, станем на сторону германской империи, как бы мучительно это ни было в свете народных симпатий к Польше, «но мы не склонны ни прямо, ни опосредствованно принимать участие в нападении на Польшу». Под «опосредствованным» участием Чаки понимал «такую форму нападения», при которой потребуют пропуска через венгерскую территорию германских войск в пешем порядке, на подвижных средствах или по железной дороге. Он сообщал, что такие требования будут отклонены. «Если немцы в ответ на это посулят насилие, я категорически заявляю, что на оружие ответим оружием. Кто ступит на венгерскую территорию без нашего разрешения, того будем считать врагом», – подчеркивал Чаки.

3. Нейтральной Венгрия все же не останется, одновременно с мобилизацией в Германии и она объявит всеобщую мобилизацию. И это, естественно, потребует использования всех ее железных дорог. Большая часть мобилизованной армии будет размещена в Подкарпатье и вблизи румынской границы, учитывая, что Румыния – союзник Польши и венгерскому руководству неизвестно, какие обязательства взял на себя Гафенку во время своей поездки по Европе. Если румынское правительство продолжит мобилизацию (а оно проводит ее до сих пор), Венгрия потребует от нее в краткий срок провести демобилизацию. Если она не будет проведена, Венгрия сделает из этого выводы.

«Следовательно, непосредственно против поляков мы воевать не будем, ибо это с внутренней точки зрения было бы полностью невозможно, кроме того, и наше моральное убеждение подсказывает нам это». Далее Чаки отмечал, что и немцы, по его мнению, не смогут упрекнуть Венгрию за отказ выступить на их стороне. Может быть, таким обра-

inslav

зом, рассуждал он, Венгрия сможет избежать конфликта или затаенной злобы и вражды со стороны рейха в случае объявления ею строгого нейтралитета. Это также лишит германскую империю возможности потихоньку прибрать к своим рукам все в Венгрии при проходе войск через ее территорию так же, как это произошло в Чехо-Словакии.

Чаки просил сообщить все это Чиано с просьбой информировать Муссолини, а также Риббентропа, но последний не должен знать, что он, Чаки, просил Чиано об этом. В случае, если тот не сможет переговорить с Риббентропом до встречи Чаки с ним в Берлине, позже нет смысла возвращаться к этой теме[37].

Он также информировал Виллани, а через него и Чиано о предполагаемых темах бесед в Берлине с Гитлером.

Содержание письма Чаки, рассчитанного на информацию не только Чиано и Муссолини, но и германских руководителей, свидетельствует о том, насколько тревожной была ситуация в Венгрии в связи с возможной германо-польской войной и предположением, что Германия может потребовать пропуска немецких войск через венгерскую территорию для ведения войны против Польши.

Чаки этим письмом пытался довести позицию венгерского правительства окольным путем (через Италию) до Риббентропа и Гитлера и тем самым избежать неприятной для венгерской делегации беседы на эту тему на предстоящих венгеро-германских переговорах. (По их завершении Чаки направил Виллани в Рим телеграмму, в которой сообщал: «Польский вопрос, в том смысле, как я предполагал в моем письме от 27 апреля во втором пункте, не затрагивался»[38].)

Чаки в качестве приложения к указанному письму Чиано направил и конспект соображений, которые он намеревался высказать Гитлеру в ходе предстоящей встречи. Анализируя отношения Венгрии с соседними странами, министр иностранных дел подчеркнул, что она имеет твердые намерения осуществить «свои национальные идеалы» в рамках политических целей держав оси. В этом конспекте подчеркивалось, что непоколебимой основой венгерской политической концепции является германо-итальянская дружба, а «для последовательного осуществления этой концепции и во избежание каких-либо недоразумений необходимо располагать полным доверием как со стороны Берлина, так и со стороны Рима»[39].

Муссолини в ответ на эти послания Чаки 1 мая 1939 г. изложил венгерскому военному атташе в Риме полковнику Ласло Сабо тактику, которой должен придерживаться Будапешт. Эта тактика состояла в следующем: если война ограничится конфликтом между Германией и

inslav

Польшей, то просьба о проходе германских войск должна быть отклонена. В этом случае Италия, защищая Венгрию, готова будет пойти на все, вплоть до разрыва с Германией, т. е. Италия и Венгрия заявят о своем нейтралитете.

В том случае, если война расширится, Италия примет в ней участие на стороне Германии; тогда и венгерское правительство должно активно поддержать страны оси и удовлетворить пожелания немцев[40].

Это означало для Венгрии нежелательную перспективу войны с Англией и Францией, чего П. Телеки особенно опасался.

Когда венгерская делегация уже находилась в Берлине, записка Л. Сабо о беседе с Муссолини еще только составлялась в Риме. Чаки просил сообщить ему мнение Муссолини пока он будет в Германии.

Германский МИД в свою очередь готовился к переговорам с П. Телеки и И. Чаки. Советник МИДа Германии Курт Хайнбург подготовил для Риббентропа записки о внутренней и внешней политике Венгрии, о германо-венгерских культурных связях и отдельно об их экономических связях[41].

Венгеро-германские переговоры на высшем уровне состоялись 29 апреля – 2 мая 1939 г. в Германии. Премьер-министр П. Телеки и министр иностранных дел И. Чаки вели переговоры с А. Гитлером, И. Риббентропом, Г. Гёрингом и Р. Гессом. Основные документы, сохранившиеся в архивах (запись беседы с Гитлером, сделанная советником германского МИДа В. Хевелом, две записи беседы венгерской делегации с Риббентропом, составленные О. Эрдманнсдорфом, информация об этих переговорах, направленная Чаки руководителям венгерских миссий за рубежом, телеграмма Вайцзеккера в дипломатические представительства Германии, выступление И. Чаки на закрытом заседании комиссий по иностранным делам палаты представителей и верхней палаты венгерского парламента), а также сообщения в мировой печати дают возможность составить довольно полное представление об их ходе.

На беседе с Гитлером, состоявшейся 29 апреля, присутствовали также Риббентроп, государственный министр, начальник канцелярии фюрера Отто Майснер и венгерский посланник в Берлине Стояи. Как отмечал Сент-Ивани, визит проходил в довольно сердечной обстановке, но не в такой дружеской, как в Риме. Тогда уже было несомненным, что в случае «необходимости» Германия готова была применить по отношению к Польше военную силу.

В то время Берлин вел целенаправленные военные приготовления. Переговоры начали на следующий день после выступления Гитлера в

inslav

рейхстаге, где он прямо заявил о недействительности англо-германского военно-морского соглашения, заключенного в 1935 г., аннулировал польско-германское заявление от 26 января 1934 г. о политических связях и в грубой форме отверг предложение президента США Ф. Рузвельта о предоставлении гарантий безопасности десяткам стран Европы, Ближнего Востока и Африки. Президент США 15 апреля 1939 г. направил правительствам Германии и Италии телеграммы, в которых он призывал дать 29 государствам гарантии о ненападении на них и их владения в течение 10 лет, а если есть смелость заглянуть в более далекое будущее, то и на 25 лет, и предлагал созвать международную конференцию для обсуждения спорных вопросов. Среди перечисленных государств фигурировали Советская Россия и Венгрия. Берлин немедленно сделал запрос в Будапешт. Вернле направил 17 апреля находившемуся в Риме Чаки телеграмму, содержавшую вопросы немецкой стороны: чувствует ли Венгрия угрозу со стороны Германии? Уполномочивало ли венгерское правительство Рузвельта делать подобное предложение? Вернле информировал Чаки, что дал отрицательный ответ[42].

В циркуляре венгерским посланникам за рубежом Чаки отметил, что целью визита в Берлин был взаимный обмен мнениями, однако преимущественно только немецкие государственные деятели излагали свою точку зрения на положение отдельных стран и их связи с Германией. Министр писал о своем впечатлении, согласно которому немецкая сторона была полностью информирована о намерениях Венгрии из донесений германского посольства в Будапеште и от венгерской делегации просили только дополнительных пояснений. «От нас не желали ничего, только по возможности улучшить отношения с Югославией и попытаться нормализовать связи с Румынией», для достижения чего достаточно было бы заключить договор о меньшинствах[43].

Э. Вайцзеккер, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии, в телеграмме в германские миссии за рубежом 4 мая 1939 г. сообщал: визит венгерских государственных деятелей в Берлин вновь подтвердил сердечную дружбу между двумя странами и желание углубить полное доверия сотрудничество, опираясь на ось. В ходе переговоров венгерская делегация заявила, что в случае европейского конфликта Венгрия будет на стороне держав оси.

В отношении улучшения связей Венгрии с Румынией и Югославией германские руководители выразили пожелание достичь соглашения между ними, поскольку Германия заинтересована, чтобы Югославия и Румыния не стали «жертвой вражеской пропаганды». И это все.

inslav

При первой встрече с Телеки и Чаки 29 апреля Риббентроп прочитал лекцию венгерским гостям, точнее сделал обзор общей политической обстановки, в которой попытался изобразить Германию противницей войны, поборницей справедливого и длительного мира, столь необходимого как Германии, так и Венгрии для «освоения», «наведения порядка» на уже захваченных землях.

На самом же деле Германия стремилась обезопасить свой тыл со стороны Центральной и Юго-Восточной Европы в готовившейся ею войне против Польши. В ходе беседы с Телеки и Чаки германский министр подчеркивал: хотя сегодня ось Берлин–Рим самый сильный фактор в Европе, у правителей Германии нет намерений померяться силой с Англией. Они стремятся к соглашению с Англией и Францией, что якобы является составной частью политики Гитлера.

Руководство Германии в начале мая 1939 г. было заинтересовано в сохранении мира, спокойствия на юго-востоке Европы в так называемом Зюд-Остраум, который Риббентроп в беседе с венгерской делегацией объявил германской «сферой интересов». Он также заметил, что министры иностранных дел Румынии и Югославии заявили ему: их страны «никогда не включатся в комбинации, направленные против антикоминтерновских держав[44], что, в противном случае, считал он, было бы безумием, учитывая соотношение сил.

Смысл пожеланий, высказанных Риббентропом в двух беседах с Телеки и Чаки (вторая состоялась 1 мая), сводился к тому, что если возникнет война между странами оси и западных демократий, правительство Телеки должно решительно принять сторону Германии и Италии. Она налаживает отношения с Румынией и устанавливает дружественные связи с Югославией, и если возникнет необходимость, заключает с ней соглашение о ненападении.

Из записей этих бесед, которые сделал присутствовавший на них О. Эрдманнсдорф, видно, что Риббентроп уже провел переговоры с Чиано и министром иностранных дел Югославии Александром Цинцар-Марковичем (а 26 апреля с последним беседовал и Гитлер), который выразил готовность заключить соглашение между Венгрией и Югославией.

Риббентроп, конечно, не упустил случая, чтобы напомнить венгерским государственным деятелям о необходимости предоставления широких прав немецкому национальному меньшинству в Венгрии, создания их национальных организаций, выделения мест их представителям в государственном собрании.

Переговоры с Гитлером представляли собой как всегда монолог фюрера. Он начал с заявления, что Германия и Венгрия в этом году на шаг

inslav

«приблизились к блаженству», причем без большого кризиса (подразумевая ликвидацию ЧСР). Имеются определенные жизненные потребности, продолжал он, которые нация обязана обеспечить себе, и если этого нельзя достичь политическими средствами, то тогда «слово остается за мечом». Германия поднималась собственными силами, но на этом пути ей всегда препятствовала Англия, не допускала восстановления равноправия. Гитлер заявил, что никогда не откажется от колоний, которые жизненно важны для Германии. С США он намерен свернуть торговлю, с ними можно торговать только по эквиваленту. В области патентного права США – это просто гангстерское государство. Лучше иметь договорные отношения в торговле с центральноевропейскими странами.

Чаки со своей стороны счел нужным поддержать Гитлера в отношении «безумного» поведения США. В качестве доказательств он приводил упреки в свой адрес посланника США за поведение Венгрии в отношении Италии и за негативную реакцию на телеграмму Рузвельта, причем Венгрия оказалась первым государством, сделавшим это.

Затрагивая соотношение сил, фюрер обращал внимание на господство стран оси в Средиземноморье, Средней Европе и Восточной Азии. Сравнивал военное соотношение сил с положением дел в 1914 г., обращая внимание на то, что тогда Япония стояла на стороне Антанты и Россия была сильна, а теперь ослабла, ее военное руководство четырежды в последнее время перебито, приводил соотношение численности флотов, доказывая преимущество на море на стороне оси: если же учесть руководство в Италии и Германии (Муссолини и Гитлер), то их сила удваивается. Но и в первую мировую войну Антанта не смогла разбить Германию на поле боя.

В связи с захватом ЧСР Гитлер утверждал, что ее нужно было уничтожить и он сделал этим только одно: очистил огромный склад взрывчатых веществ. Он заявил о своем незнании, что в ЧСР больше оружия на душу населения, чем в любой другой стране, причем самого современного, приводил данные, хвалил дисциплину в чехословацкой армии.

Гитлер в своем выступлении уделил место и Польше, высказывал надежду на ее «прозрение». В своей речи в рейхстаге Гитлер заявил о готовности подписать с Польшей договор о ненападении на 25 лет, если к Германии перейдет Данциг и будет возможность построить экстерриториальные автостраду и железную дорогу для связи с Восточной Пруссией. Тогда он не тронет польский коридор, созданный для выхода Польши к морю, и гарантирует его неприкосновенность на будущее.

Теперь же он говорил венгерской делегации: Польша без выхода к морю смешна и он не понимает, почему нельзя договориться, прибегнув

inslav

к холодной логике. Польша, к тому же, и глупа, когда считает экстерриториальный путь опасным с военной точки зрения, утверждал фюрер. Ведь коридор с военной точки зрения вообще не проблема. Вопрос шести часов – не более. Когда он в первый раз встречался с поляками (13–15 января 1938 г.), те заявили о своих определенных территориальных интересах в районе Тешина, Украина их не интересовала, а на Словакию у Польши больше прав, чем у Венгрии, ведь словацкий язык – только диалект польского. «Но для нас, – подчеркнул Гитлер, – невыносима Словакия под польским господством»[45]. Но нет ничего неизменимого, и отношения с Польшей так или иначе нужно упорядочить.

Фюрер полагал, что затеянная им военная авантюра касается и венгров, ибо она затрагивает не только Италию и Германию, но и всю Среднюю Европу. Телеки выразил радость по поводу совпадения взглядов и сказал, что доволен поведением Югославии.

Гитлер призывал собеседников сосредоточиться на одном, тогда можно будет достичь всего. Наконец, он высказал пожелание, чтобы Германия и Венгрия оставались хорошими друзьями[46].

Вторая беседа с Риббентропом в основном была посвящена обсуждению конкретных вопросов, точнее претензий друг к другу, часть из которых не была удовлетворена ни германской, ни венгерской стороной.

Но под конец встречи Риббентроп вновь остановился на позиции Германии в отношении Польши, поведение которой в правящих кругах Третьего рейха «вызвало сильное огорчение». По мнению министра, у поляков достаточно причин быть благодарными Германии как за приобретение тешинской территории, так и за помощь при установлении общей венгеро-польской границы. Риббентроп заверял венгерскую делегацию, что у гитлеровцев якобы нет намерения идти войной против Польши, но на всякий случай просил передать Беку: «Нарушение территории Данцига мы посчитали бы нарушением нашей имперской границы». Хотя Германия с радостью приветствовала бы любое соглашение с Польшей, он предложил не делать демарш, о котором просил венгров Гёринг при встрече с ними 30 апреля – в какой-либо форме довести до сведения поляков, что в Германии нет намерения нападать на Польшу, ибо поляки отклонили «великодушное предложение фюрера». Этот демарш выглядел бы не венгерской, «а нашей инициативой». На замечание Телеки, что может быть, венгерское сообщение Польше было бы уместным позднее, Риббентроп ответил: «Я не могу дать свои полномочия на это». И вновь заявил: Польша не представляет для Германии военной проблемы в плане ее захвата. Даже небольшая часть германской армии молниеносно расправит-

inslav

ся с ней, и останется достаточно войск для защиты западных границ Германии и Италии.

Риббентроп предполагал, что в случае войны с Польшей англичане хладнокровно покинут ее на произвол судьбы[47].

Записи переговоров свидетельствуют, что в это время Германия фактически окончательно решилась разгромить и уничтожить Польшу военным путем.

Вокруг этого визита венгерского премьера и министра иностранных дел в Германию в фашистской прессе было поднято много шума. Германия стремилась показать всему миру, что в случае очередной агрессии Германии Венгрия будет раболепно следовать политике оси Берлин–Рим.

Да и сам Телеки, сторонник тактики «балансирования», в интервью Венгерскому телеграфному агентству, в речах, которые он произносил на вокзалах, и тостах на банкетах в честь венгерской делегации в дни визита восхвалял заслуги Гитлера в территориальных приобретениях Венгрии, заверял в верности Венгрии политике оси Берлин-Рим, стремящейся к «справедливому миру». Он призывал еще больше крепить дружбу с германской империей и фашистской Италией.

Телеки считал важным, кроме прочего, продолжать линию своих предшественников, начиная с Д. Гёмбёша, в установлении тесных личных контактов с руководителями Германии. В газете «Magyarság» была опубликована статья «Дружба Будапешта и Берлина укрепляется на основе, заложенной Дюлой Гёмбёшом». В ней подчеркивалось, что тучи, появившиеся на горизонте этой дружбы, давно исчезли.

Польские, французские и английские газеты уделяли большое внимание визиту Телеки и Чаки в Германию и в своих комментариях сходились на том, что Венгрия подчинилась политике стран оси[48].

2. Внешнеполитические устремления Венгрии накануне второй мировой войны. Отношения Венгрии с соседними странами и Западом

Активная дипломатическая деятельность весной 1939 г. на международной арене широко освещена в исторической литературе. Кроме публикации огромного количества документов по этому вопросу в большинстве стран Европы написаны десятки научных исследований, прежде всего в странах, игравших важную роль в разворачивавшихся событиях периода развязывания второй мировой войны.

inslav

Соединенные Штаты с тревогой наблюдали за развитием событий в Европе и на Дальнем Востоке, предпринимали некоторые робкие шаги выхода из политики изоляционизма. Вся американская дипломатическая переписка свидетельствует о желании сплотить коалицию западных демократических государств, прежде всего Франции и Англии. США обещали им поддержку, а также намекали Советскому Союзу (рассчитывая на его участие) на необходимость единения против захватнических действий германского нацизма. Рузвельт предполагал одно время оторвать Италию от Германии.

Советский Союз также стремился к заключению договора о взаимопомощи с Францией и Англией, для чего предпринял переговоры в Москве с этими странами (через их послов) о согласовании такого договора, длившиеся целое лето (до середины августа) 1939 г., но не давшие положительных результатов, а затем переговоры военных миссий трех стран (Франции, Англии, СССР с 12 по 21 августа), которые также были «отложены» из-за позиции не участвовавшей в этих переговорах Польши (без согласия которой СССР, не имея прямых границ с Германией, не мог оказать военной помощи Франции и Англии против Германии), не соглашавшейся пропустить через свою территорию советские войска.

В свою очередь, Германия в мае, июне, августе предпринимала попытки договориться с Англией и Францией, но с условием, что Франция не имеет права вмешиваться в дела Германии (в конкретном случае с Польшей) на восток от границ Германии.

В ходе этих переговоров выяснилось, что в обмен на подписание англо-германского пакта о ненападении Англия готова отказаться от гарантий, данных Польше[49].

Италия внимательно наблюдала за этими событиями, предпочитая отодвинуть начало мировой войны на более благоприятное для нее время.

В Венгрии в мае–июне 1939 г. внешнеполитические вопросы были оттеснены на второй план парламентскими выборами. В результате давления со стороны Германии, активизации различных национал-социалистских по духу партий в Венгрии был избран правый парламент (левые силы почти полностью были вытеснены), который предпринимал неимоверные усилия, использовал любые средства для осуществления ревизионистской политики, восстановления империи св. Иштвана.

Летом 1939 г. международное положение обострилось до крайних пределов. К этому времени Венгрия в связи с ее выходом из Лиги наций и ухудшением отношений с соседними странами вынуждена была опираться лишь на своих союзников по оси Рим–Берлин. Предложение Югосла-

inslav

вии о создании нейтрального блока стран, состоявшего из Югославии, Румынии, Болгарии и Венгрии[50], дало бы возможность Венгрии выйти из полной изоляции. Конечно, Венгрии хотелось бы использовать это предложение о «создании нейтрального блока» для осуществления своих ревизионистских требований, в первую очередь по отношению к Румынии. Но она предпочла информировать Германию о попытках образования антигерманского блока и своем отказе войти в него. В то же время Чаки дал указание венгерскому посланнику известить турецкую сторону об имеющихся территориальных претензиях к Румынии и, как заявил заместитель министра иностранных дел Я. Вернле германскому посланнику в Будапеште О. Эрдманнсдорфу, сделал это по тактическим соображениям, чтобы воспрепятствовать присоединению Болгарии к Балканскому пакту[51].

Но и эта венгерская инициатива была отклонена. Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккер поручил германскому посланнику в Будапеште в разговоре с Чаки напомнить инструкцию, данную венгерскому посланнику в Анкаре, и сказать, что «мы чрезмерно чуждаемся вовлечения Турции в венгерскую акцию даже в том случае, если венгерское предложение считать только тактическим шагом». Венгерскому правительству известно, что Турция принадлежит к державам «окружения»[52], кроме того, по представлению Германии, ей (Турции) нельзя позволить занять господствующее положение на Балканах[53].

Чаки ответил на следующий день, 18 июня: связи Венгрии с Турцией в настоящее время, возможно, даже хуже, чем у Германии, поскольку Турция, которой он, Чаки, никоим образом не придает особого значения на Балканах, в настоящее время стремится к тому, чтобы теснее сплотить Югославию и Румынию против Венгрии. Несмотря на это, он считал правильным с помощью турецкого правительства, использовав пребывание там с визитом румынского министра иностранных дел, попытаться разрушить планы противника в интересах стран оси и Венгрии и не допустить вовлечения Болгарии в Балканский пакт[54].

19 июня германский посланник Виктор Хеерен телеграфировал из Белграда в Берлин по поводу упоминавшегося выше «нейтрального блока» следующее: Югославия несомненно желает заключения венгеро-румынского и германо-румынского соглашений, поскольку этим снимается напряженность в венгеро-югославских и болгаро-югославских отношениях. Кроме того, она стремится обеспечить себе тыловую поддержку путем более тесного сотрудничества с Венгрией и Болгарией против великих держав в своей политике нейтралитета. Посланник ссылался на речь Хорти при от-

inslav

крытии нового парламента 8 июня, в которой регент, говоря о дружбе с Югославией, отметил, что пришло время «тесного сотрудничества Венгрии, Югославии, Румынии и других соседних государств. Такое сотрудничество могло бы дать непредвиденные результаты в развитии этих государств и в обеспечении мира»[55]. Однако в результате различия позиции, целей и намерений названных государств, а также из-за давления со стороны Германии и Италии, этого не произошло.

Кроме стран оси Венгрия поддерживала дружеские отношения только с Польшей. Но и над ними сгущались тучи. Германия по дипломатической линии давила на Венгрию с целью заставить ее отказаться от поддержки своего северного соседа.

Еще до поездки в Берлин И. Чаки заявил польскому посланнику в Будапеште Л. Орловскому: венгерское правительство считает нерушимость венгеро-польской границы вопросом венгерской национальной чести. (В Берлине не затрагивалось участие Венгрии в антипольской акции. Только Гёринг обронил замечание, когда венгры очень бурно защищали позицию Польши – мол, он надеется, поляки и о том осведомлены, что «Венгрия не будет воевать против Германии».) А если граф Шембек сомневается, продолжал Чаки, в самостоятельности венгерской политики, «я сделаю отсюда вывод и не буду далее сдерживать свободного проявления накопившегося у венгров огорчения». Чаки просил передать Яну Шембеку, чтобы он не гадал в отношении поведения Венгрии в случае войны. После бесед польских посланников в Белграде и Будапеште и в связи с изменившейся позицией варшавского министерства иностранных дел, «выходит, – говорил Чаки, – что Польша незаслуженно зачислила нас в ряды своих противников. Пусть польское правительство решит, правильно ли это»[56].

Это переполненное горечью замечание Чаки противоречило его стремлению идти вместе с Германией и на этой основе строить свои отношения с другими странами. Он говорил о вековой настоящей дружбе между Венгрией и Польшей. Она глубже, чем кажется, учитывая конкретные отношения двух правительств, которые в дни чехословацкого кризиса стали очень тесными, хотя они ни разу не подписали ни одного письменного соглашения. Польское правительство дипломатическим путем и в печати решительно поддерживало территориальные претензии Венгрии к соседним странам. А когда Румыния выступала против Венгрии, оно не раз призывало ее к умеренности, и в самые критические минуты чехословацкого кризиса министр иностранных дел Польши Ю. Бек предупреждал румынское правительство, что если Румыния нападет на Венгрию, то ей придется считаться и с польскими войсками.

inslav

Венгрия получила от Польши гарантии и на тот случай, если бы ей пришлось померяться силой с лучше вооруженной чехословацкой армией. И при захвате Карпатской Украины польское правительство в значительной мере играло на руку Венгрии, хотя стремилось отстоять и интересы своего союзника – Румынии.

Поляки воспрепятствовали разрушению некоторых технических сооружений вблизи польской границы, они защищали венгерских беженцев от отступавших чехословацких войск. И наконец, Бек в свой визит в Лондон, когда английское правительство просило его, чтобы Польша гарантировала территориальную неприкосновенность Румынии, отклонил эту просьбу, говоря, что ему известны те несправедливости, которые постигли Венгрию в результате Трианонского мирного договора, он знает претензии Венгрии к Румынии и такой удар в спину венгерским интересам был бы не совместим с политикой дружбы с Венгрией.

Все это не повлекло за собой более тесных официальных связей между двумя странами, однако за последние два столетия взаимное расположение между двумя народами переросло в такую дружбу, которую не могли не учитывать ни венгерское, ни польское правительство[57].

Отношения Венгрии с ее южным соседом – Югославией по оценке венгерского МИДа в последнее время «отрадно» улучшились. Венгрия не была заинтересована в ослаблении Югославии, о чем она извещала и Германию, считая, что ей лучше иметь дело с хорошо организованным большим государством, чем возможными пятью-шестью малыми государственными образованиями на ее месте, к тому же склонными к анархизму. Причем венгерский МИД констатировал, что интересы Венгрии и Югославии полностью совпадают с интересами обеих держав оси. Учитывая ситуацию в Югославии, ее внутреннее положение, еще существовавшие пережитки во внешнеполитических взглядах и союз с Румынией, Чаки не считал целесообразным спешно развивать венгеро-югославские отношения до их фиксации в письменной форме, ибо существующее де-факто неограниченное взаимное доверие стоит значительно больше, чем текст соглашения, к тому же доверительные отношения в любой момент могут быть преобразованы в связи, подкрепленные договорами.

Правительству Югославии было известно, что венгерская сторона готова к сближению и имеется только один ограничитель, а именно: Венгрия никогда не сможет идти с Румынией так далеко, как с Югославией.

В апреле отношения с Румынией были довольно плохими, а в мае остановились на мертвой точке. Возможность когда-нибудь нормализовать эти связи МИД Венгрии ставил полностью в зависимость от того,

inslav

подпишет ли Румыния предложенный Венгрией договор о национальных меньшинствах, и если да, будет ли выполнять его? Учитывая особую позицию Румынии, венгерская сторона не рассчитывала, что Румыния когда-либо перешагнет рамки нормальных соседских отношений. В то же время Венгрия остерегалась создания в отношениях с Румынией такого положения, чтобы та могла жаловаться Берлину на поведение Венгрии, препятствующей проявлению результатов германо-румынского экономического соглашения[58].

Для Венгрии основной проблемой оставались отношения со странами оси. После подписания 22 мая в Берлине Чиано и Риббентропом военного соглашения между Италией и Германией и начала переговоров представителей этих двух стран о более тесном экономическом сотрудничестве венгерское правительство пыталось, с одной стороны, выяснить военные цели Германии и Италии, а с другой – согласовать с Римом военную и экономическую политику и избежать в случае возникновения войны оккупации Венгрии Германией, которая таким путем захотела бы прибрать к рукам ее экономические ресурсы. С этой целью в Берлин венгерскому посланнику Д. Стояи было направлено предложение для передачи германскому МИДу об упорядочении хозяйственно-военных вопросов. Одновременно ему поручалось выяснить позицию Германии на случай возможного венгеро-румынского конфликта.

Венгерское правительство считало необходимым в этой тревожной обстановке как можно скорее уточнить вопросы военно-экономических отношений. Венгрия хотела все это знать заранее, подготовить свое национальное хозяйство к войне, знать, какое место отведено в военно-хозяйственных планах Германии использованию венгерского сырья, полуфабрикатов и др., чтобы она могла выполнять пожелания Германии и Италии. Причем венгерское правительство хотело просчитать все варианты: будет вовлечено в войну одно из государств оси или все вместе, потребуют или нет участия Венгрии. Для этого Венгрия считала целесообразным создание военной комиссии трех государств – Германии, Италии и Венгрии[59].

Не дожидаясь вразумительного ответа германской стороны, в Берлин с визитом (5–8 июня) был направлен начальник генштаба венгерской армии Х. Верт. Хотя соответствующие германские военные круги и проявили интерес к венгерским планам, но уклонились от обсуждения конкретного военно-экономического сотрудничества, обещая вернуться к этому вопросу позднее.

На совещании у Кейтеля 30 июня обсуждались предложения венгерской стороны, и его участники пришли к единодушному решению не

inslav

привлекать венгров в итало-германские переговоры, а вступить с ними в контакт позже[60].

9 июля Вайцзеккер оставил в МИДе Германии запись, согласно которой Риббентроп позитивно отнесся к общим венгеро-германским подготовительным работам в ведении военного хозяйства. Венгрии он предлагал ответить, что Германия свяжется с ней по этому вопросу. Он, Вайцзеккер, о венгерских предложениях упомянул только итальянскому послу Бернардо Аттолико, сообщив, что Германия не хочет принимать Венгрию в качестве третьего в германо-итальянскую комиссию, но об этом нужно будет информировать германского посла в Риме Ганса Маккензена и дать письменный ответ венгерскому посланнику в Берлине[61].

На следующий день, когда Стояи посетил Эрнста Вёрмана, то упомянул о беседах Верта с Вальтером Браухичем и другими военными, в ходе которых установилось взаимопонимание. МИД считал, что эту проблему нельзя решить по существу по военной линии, но пообещал посланнику «со временем вернуться к этому делу»[62].

Как свидетельствуют архивные документы МИДа Венгрии, внешнеполитическое ведомство, как и правительство, было весьма озабочено тем, не придется ли Будапешту присоединиться к военному союзу, заключенному между Римом и Берлином. Одни документы свидетельствуют о радужных надеждах, другие – о немалых опасениях, связанных с возможными последствиями такого шага.

Германское правительство через своего посланника в Будапеште запрашивало венгерскую сторону, почему Венгрия открыто не выступает против Польши. В ответе, переданном в МИД Германии через Стояи сообщалось, что после визита Телеки и Чаки в Берлин отношения между Польшей и Венгрией не изменились. «Венгрия не хочет брать на себя никаких обязательств против Польши и не желает углублять венгеро-польские связи». Кроме того, венгерское правительство считало, что Польшу лучше удержать на расстоянии от Румынии, если «Венгрия не будет чрезмерно активна в антипольских заявлениях». На это Вёрман ответил: «Мы бы хотели, чтобы наши друзья были настоящими друзьями, а не только на словах»[63].

По поводу более тесного сотрудничества со странами оси Венгрия вела переговоры и с итальянской стороной, периодически заявляя о верности и преданности оси. Чиано склонялся к тому, чтобы включить Венгрию в уже существовавшую итало-германскую постоянную экономическую комиссию[64].

17 июля 1939 г. венгерский военный атташе в Риме Л. Сабо доносил в Будапешт о беседе с Б. Муссолини. Дуче передал через него венгерскому

inslav

премьер-министру П. Телеки и министру иностранных дел И. Чаки следующее послание: «Во всеобщей войне Венгрия не сможет остаться нейтральной». А для того, чтобы руководители двух армий – венгерской и итальянской уже сейчас, в условиях мира, могли обсуждать конкретные военные вопросы так, как будто бы уже был заключен военный союз, нужно письменное заявление, сформулированное следующим образом: «В случае, когда страны оси окажутся в состоянии общей войны с группой демократических государств, Венгрия будет следовать политике стран оси»[65].

Учитывая эту позицию Муссолини и Чиано, Чаки информировал венгерских посланников в Берлине и Риме: «Руководствуясь намерением и далее развить венгеро-германо-итальянское сотрудничество, венгерское королевское правительство решило, что господин премьер-министр направит по этому поводу письма Муссолини и Гитлеру...»[66].

Министр иностранных дел И. Чаки за два дня до условленного срока передачи писем Муссолини и Гитлеру (24 июля), доверительно сообщил германскому посланнику в Будапеште О. Эрдманнсдорфу о том, что премьер-министр П. Телеки с согласия регента Хорти специальным курьером направил по два письма Гитлеру и Муссолини, которые 24 июня венгерские посланники в Берлине и Риме передадут в соответствующие министерства иностранных дел с копиями для министров. Он информировал германского посланника и об их содержании, как отметил Эрдманнсдорф в своем донесении в МИД Германии. В первом письме премьер Венгрии заявляет, что в случае всеобщего конфликта венгерское правительство в своей политике намерено приспосабливаться к политике государств оси. Он также «предлагает включить венгерского представителя в уже существующие германо-итальянские комиссии». В другом письме венгерское правительство подчеркивает, что «rebus sic stantibus (в существующей обстановке. – *А. П.*) в случае германо-польской войны Венгрия не может совершить нападение на Польшу»[67]. Чаки к тому же добавил, что считает нужным своевременно прояснить это в интересах продолжения дружественных связей со странами оси, чему и регент придает самое большое значение.

24 июля 1939 г. письма за подписью П. Телеки были переданы Д. Стояи и Ф. Виллани по назначению. В них венгерский премьер-министр сообщал Гитлеру и Муссолини свое и правительства мнение по отношению к державам оси Рим–Берлин и Польше в случае возникновения войны. В первом письме говорилось: «Руководствуясь глубочайшей верой в моральные и материальные силы оси Берлин–Рим, я имею честь заявить от имени венгерского королевского правительства, что в случае всеобщего

inslav

конфликта Венгрия будет согласовывать свою политику с политикой оси, как, впрочем, мы уже не раз на деле доказали это».

Далее Телеки писал, что не подлежит никакому сомнению, что приспособление к этой политике не должно нанести ущерб венгерскому суверенитету, который воплощен в венгерских конституционных законах, и создать препятствия для осуществления венгерских национальных целей. Но для того чтобы быть в состоянии действительно адаптировать венгерскую политику к германской, Телеки предложил создать орган, который обсуждал бы проблемы, связанные с сотрудничеством трех держав (Германии, Италии и Венгрии)[68].

Во втором письме, написанном в тот же день (во избежание ложного толкования первого письма), П. Телеки заявлял, что Венгрия, если не произойдет серьезного изменения нынешних обстоятельств, не в состоянии, по соображениям морального порядка, начать военные действия против Польши[69].

Как реагировали на эти письма союзники Венгрии? Чиано сначала отнесся к письмам Телеки равнодушно, о чем свидетельствует тот факт, что он в своем дневнике, говоря о посещении Виллани, даже не отмечает вручения этих писем, а пишет только о том, что венгерский посланник снова напомнил ему о возможности избрания итальянского герцога д'Аоста королем Венгрии[70]. Виллани, передав Чиано письма, в шифрограмме доложил Чаки об обещании министра в тот же день вручить письма Муссолини, а сам Чиано «содержание писем с радостью принял к сведению» и высказался за включение венгров в смешанную германо-итальянскую комиссию, но предложил все же подождать и выяснить позицию Германии, не высказывая убеждения в ее идентичности итальянской[71].

Чиано обратил внимание на письма Телеки только на следующий день, когда итальянский посол в Берлине Б. Аттолико сообщил ему, что германское правительство возмущено содержанием послания Телеки и считает его «подлым решением»[72]. Чиано подозревал, что венгерский премьер написал первое письмо для того, «чтобы иметь возможность послать второе»[73]. Только после информации, полученной от Аттолико, Чиано заявил венгерскому посланнику в Риме Виллани, что «вчерашний поступок венгров оказал плохое влияние на дуче и на немцев», и выразил свой протест.

Чиано и Риббентроп через итальянского посланника в Берлине вели переговоры по поводу возможного ответа на письма Телеки. Риббентроп предложил две возможности: немедленно ответить от имени Гитлера регенту Хорти или отложить ответ до личной встречи Чаки с Риббентропом.

inslav

По рекомендации Чиано был принят второй вариант[74]. По первому письму Муссолини считал целесообразным пока не давать ответа вообще.

В связи с этим Чаки было послано приглашение приехать в Германию в подходящее для него время с 4 по 8 августа 1939 г.[75] Венгерское правительство через посланника в Берлине Д. Стояи несколько раз пыталось узнать мнение руководства германского МИДа, но он смог добиться встречи только с чиновниками среднего звена, а те не имели права высказывать свое мнение по поводу письма, адресованного фюреру.

Озабоченный такой ситуацией, И. Чаки 27 июля 1939 г. направил в Рим телеграмму Виллани с разъяснениями. Он настаивал: главной целью венгерского правительства является подтверждение дружбы с осью. Он считал, что в ходе переговоров трех, которые, как он полагал, начнутся в скором будущем, должны быть определены пределы возможной военной кооперации. Венгрия хотела бы сохранить дружбу с Польшей, чтобы сдерживать Румынию, но не придает ей первостепенного значения. Польша в данных условиях может изменить свою позицию. Венгрия считает нужным упорядочить свои отношения с Румынией, Югославией и Болгарией на случай возникновения войны, как это сделала и Германия. «Сомнения на счет нашей лояльности тем более не понятны, поскольку Италия и Германия всегда знали, что военные действия против Польши мы вести не будем», – писал Чаки. Чаки жаловался на то, что венграм ничего не известно о политических замыслах стран оси, а это чрезвычайно затрудняет координированные действия Венгрии со своими союзниками. «Такое положение руководство Венгрии пыталось упразднить путем совещания трех»[76].

Не утешительными для венгерского руководства были и переговоры начальников генеральных штабов Венгрии и Италии – Х. Верта и А. Париани, ход которых отразил в своих записях венгерский военный атташе Л. Сабо. Из них следует, что между генштабами двух стран оси нет согласованного плана военных действий, причем Париани утверждал, что лучше договариваться устно, ибо письменный документ все равно попадет в руки врага. Генерал Париани в конце переговоров сказал, что прежде всего нужно достичь политического соглашения, а затем на совещании тройки обсудить общий план военных действий, т. е. против какой страны они будут направлены в первую очередь[77].

Чаки прибыл в Германию для переговоров с Риббентропом в сопровождении сотрудника МИДа Венгрии Элемера Уйпетери. Беседа двух министров состоялась с глазу на глаз в Фушле (около Зальцбурга) 8 августа 1939 г. Об этих переговорах Чаки писал: «Риббентроп начал беседу с того,

inslav

что на основе давно установившихся доверительных отношений» он может говорить со мной «не как имперский министр иностранных дел с венгерским министром иностранных дел», а как Риббентроп с Чаки. Это импонировало венгерскому министру. Но Риббентроп тут же перешел к письмам, написанным Телеки и переданным Гитлеру 24 июля. Он заявил, что эти письма весьма обескуражили фюрера и у него сложилось впечатление: Венгрия, став жертвой определенных интриг зарубежных стран, отдаляется от оси. Риббентроп сказал также, что он предвидел такую реакцию и подумал было пригласить Чаки к себе и обсудить возможность отзыва этих писем, но потом вынужден был передать их Гитлеру, предполагая вероятность прямого обращения Муссолини к Гитлеру, а тот был бы удивлен, не получив адресованные ему письма и не зная, что хочет обсудить дуче.

Но и Гитлер, по словам Риббентропа, после некоторого недоумения сказал ему: «Вы пригласите Чаки сюда и все выясните». Он от имени Гитлера и от себя лично упрекал Чаки: после всего того, что Германия сделала в интересах Венгрии за последние годы, она ждала от венгерского правительства «больше взаимопонимания, больше доброжелательности и главное – доверия».

Затем германский министр, пишет Чаки, интересовался тем, «обсуждали ли мы содержание этих писем» с польским правительством. Чаки решительно это отрицал. Тогда Риббентроп стал настаивать на своем, утверждая, что Польша, да и Англия и Франция знакомы с их содержанием, и предположил, что сведения могли просочиться через канцелярию, ибо канцелярия не способна сохранить тайну. Чаки и это отрицал, сообщил о подготовке писем вне канцелярии и подробно изложил историю их происхождения. Он утверждал: «Венгерское правительство хочет лишь доказать, что когда страны оси подвергаются со всех сторон нападкам, оно, взяв на себя все неприятности, выступая против любой опасности, заявляет о своей приверженности политике оси». Венгерское правительство надеялось, что после определения политических задач будут полностью упорядочены военная доктрина, разделение задач на случай общего конфликта, взаимодействие в материальной сфере, ибо «мы не хотим слышать упреков, что Венгрия в решающие минуты не желает открыто выступить на стороне друзей»[78].

Далее Чаки с обидой продолжал: «Мы совершенно не осведомлены о политических и военных целях Германии и не хотим» оказаться в положении, когда Германия поставит перед Венгрией неосуществимые на данный момент из-за несвоевременного сообщения о необходимой подготовке задачи.

inslav

Объясняя происхождение второго письма Чаки обратил внимание на то значение, которое придает Венгрия «национальной чести», причем бульшее «чего бы то ни было на этой земле». И именно эта честь, по мнению венгерского правительства, требует от него с полной откровенностью вовремя раскрыть перед немецким правительством «единственное условие нашего сотрудничества на случай войны» – «нашу невозможность воевать против Польши». Чаки приводил примеры, которые должны были свидетельствовать о невозможности поднять население Венгрии на войну против Польши.

Может быть, редакция писем и неудачна, продолжал Чаки, но лейтмотивом венгерского правительства является: «в рамках наших возможностей так или иначе выстоять на стороне империи».

Чаки известил Риббентропа также о своих широких полномочиях, данных ему графом Телеки, в том числе и праве отозвать письма, если они не понравились немецкому правительству, что он немедленно и сделает. Риббентроп перебил: «Aber auch in Rom» (но также и из Рима). Чаки пообещал сделать это в обеих странах оси.

Когда германский министр спросил, может ли он доложить Гитлеру, что это дело будет улажено, Чаки ответил утвердительно[79]. Тогда Риббентроп заявил о своих полномочиях пригласить Чаки к 15 часам в Оберзальцберг на чай к Гитлеру.

Записей о беседе Чаки с Риббентропом 8 августа 1939 г. составители сборников документов по внешней политике в венгерском архиве не обнаружили, также, как и о встрече с Гитлером в тот же день. Но о беседе с Гитлером сохранилась запись, сделанная Эрдманнсдорфом. И в рукописном трехтомнике документов Сент-Ивани есть запись Чаки о беседе и с Риббентропом, и с Гитлером. На встрече Чаки с Гитлером присутствовали (кроме составившего запись беседы германского посланника в Будапеште) Уйпетери, Риббентроп и советник МИДа Германии Хевел.

По германской версии, Гитлер начал беседу с выражения возмущения по поводу письма венгерского премьер-министра, согласно которому Венгрия не сможет участвовать в германо-польском конфликте.

В венгерском варианте более чем трехчасовую беседу начал Гитлер. Он интересовался причинами, побудившими венгерское правительство на написание писем, посланных две недели назад, и добавил, что не понимает некоторых положений второго письма, которое может способствовать возникновению недоразумений в хороших отношениях между Германией и Венгрией. Чаки писал, что разъяснил историю возникновения писем, причем почти в тех же словах, что и в беседе с Риббентропом.

inslav

Канцлер принял сказанное к сведению, добавив, что Германия никогда не ждала военного участия Венгрии в германо-польском конфликте. Решение же польско-германского спора является делом чести для империи и ее армии, и германское командование посчитало бы за обиду, если бы ему предложили помощь.

Канцлер вновь подчеркнул, чтобы господа в Будапеште не думали, будто есть особые проблемы, – венгерская, немецкая, итальянская. Все вопросы нужно рассматривать в целостности, нельзя представить, чтобы Германию основательно побили, а Венгрия извлекла бы из этого пользу, сохранив статус-кво. Муссолини знает, что если потерпит поражение один из союзников, то это будет началом конца другого. Венгрия находится в таком же положении, и было бы хорошо, чтобы в Будапеште учли это. Затем фюрер принялся рассуждать, к чему мог бы привести проигрыш Германии.

Останавливаясь на ситуации в Европе и позиции Германии касательно некоторых стран, он затронул и Словакию, зная отношение венгров к политике Берлина по этому вопросу. Он заметил: судьба словаков для него лично безразлична. Но Словакия нужна ему как плацдарм для войны против Польши, для прохода немецких войск, а иначе и не нужен «такой аппендикс».

Гитлер выразил опасение, что в Венгрии может возобладать мнение, будто с немецкими успехами ее связывают только собственные интересы. Без этих успехов Великой Венгрии не бывать. Кроме того, пока славяне чехи подавляют славян словаков, славяне сербы – славян хорватов, а славяне поляки – славян украинцев, панславянская идея теряет свое значение, но потом вновь может возродиться. Против нее выступают только немцы, венгры и, в определенной мере, итальянцы. Запад же будет поддерживать эту лавину, ибо ему она полезна.

По ходу монолога Гитлера Чаки иногда вставлял свои реплики, замечания. На эту тираду фюрера он ответил, что в Венгрии ситуацию в мире в целом воспринимают так же, как и в Германии. И тут же высказал сожаление по поводу безуспешной инициативы венгерского правительства в связи со своими письмами, не достигшей желаемого результата. А ведь оно этими письмами хотело только сказать итальянцам и немцам: «Мы с вами. Но национальная честь не позволяет нам воевать против Польши». Гитлер повторил: в военном отношении Польша для Германии не проблема и добавил, если Польша направит Данцигу такую же ноту, как и последняя, то ответит он на нее сам.

Фюрер восхвалял Германию и немецкую армию, указывая, что окружающие страны якобы неправильно оценивают ее (беря за исходную точ-

inslav

ку период первой мировой войны). Он представил историю германо-английских отношений, пренебрежительно высказывался о Франции, много внимания уделил Румынии, Югославии, Турции, балканским странам, Греции, английским колониям и т. д. Затронул он и Советский Союз. О последнем сказал: советское правительство, очевидно, не хочет связывать себя договорами ни с одной стороной. «Но не хочет воевать и против нас, поскольку в одинаковой мере боится как поражения, так и победы своей армии». По его мнению, у России нет военачальников, способных руководить военными действиями. «Советы не повторят ошибки царей и не будут проливать кровь за Англию». Но они попытаются при случае «обогатиться за счет балтийских стран или Польши, без обязательств в военном отношении».

По варианту немецкой записи канцлер сказал: «Если нужно сразиться с Польшей и западными странами, то я желаю этого как можно раньше, пока жив и пока еще движение молодо». В выводах же Чаки по поводу этой встречи записано: «Ему (канцлеру. – *А. П.*) ясно, что мировая война будет, но он желал бы, чтобы она началась, пока он относительно молод (его слова)».

Есть и другие несовпадения в венгерском и немецком варианте записи этой беседы. Так Чаки записал: «В конце Гитлер просил считать два письма ненаписанными... Я с этим согласился и в таком плане информировал и дал указание посланникам в Берлине и Квиринале».

В немецком варианте записи не упоминается просьба Гитлера. В двух последних абзацах Эрдманнсдорф сообщает об обещании, данном Чаки Риббентропу в ходе беседы с ним в тот же день с глазу на глаз, «отозвать два письма венгерского премьер-министра в адрес фюрера и Муссолини, поскольку их, к сожалению, превратно поняли. От имени правительства всю ответственность он берет на себя». В последнем абзаце говорится: «По дороге домой граф Чаки сказал мне, что об этом (об отзыве писем. – *А. П.*) он через Стояи сообщит и официально. Соответствующее извещение будет направлено и в Рим». Министр также добавил: в совершенно невероятном случае, если правительство не одобрит его поступок, он подаст в отставку[80].

Чаки оставил запись о своих личных впечатлениях от пребывания в обществе Гитлера и Риббентропа 8 августа. По его мнению, Гитлер войны не хочет, но если ему будет брошен вызов, он поднимет перчатку. Он в предвидении войны с Польшей привел в готовность всю армию и даже тех, кто из-за пропольской политики не полностью с ним соглашался.

Он также писал, что у фюрера якобы еще не созрели планы в отношении ближайшего будущего, но он готов ко всему. С Италией у Герма-

inslav

нии очень хорошие отношения. Грецию и Югославию все еще относит, скорее, к интересам Муссолини[81].

Обещание отозвать письма Чаки выполнил. Он телеграфом через генконсула с территории Германии 9 августа дал указание посланнику Стояи на этот счет, и тот на следующий день сообщил о его выполнении[82]. Венгерское посольство в Риме смогло выполнить это поручение только 11 августа[83].

Хотя Чаки и обещал 8 августа в Оберзальцберге от имени правительства взять на себя всю ответственность за содеянное, но не спешил доложить об этом Телеки, а отправился «на отдых» к министру внутренних дел Германии Вильгельму Фрику на Штарнбергское озеро. По-видимому, Телеки почти 10 дней оставался в неведении об отзыве своих писем, так как только 18 августа он направил посланникам в Берлин и Рим требование ни в коем случае не выполнять указание министра иностранных дел [84].

Сент-Ивани сразу после записи Чаки о поездке в Германию 8 августа, помещенной в рукописи первой части своего трехтомника подборки документов, писал: обещания Чаки отозвать письма неприятно удивили Телеки. Он приостановил распоряжения Чаки в Берлине и Риме, отправив посланникам шифрограмму следующего содержания: полученные указания Чаки не выполнять и до новых инструкций по этому делу в МИДе Германии шагов не предпринимать. «Приезжай поскорей. Регент и я в воскресенье будем в Будапеште. Данное Стояи указание правильно было отозвать. Считаем его опасным»[85].

Но Чаки не спешил возвращаться в Будапешт. Из Рима он сначала вылетел в Грац и обещал прибыть в столицу Венгрии только после 20 августа.

Составитель сборника документов о внешней политике Венгрии Дюла Юхас в четвертом томе в примечании к публикации телеграмм Телеки (Юхас является и автором монографии о его политике) пишет, что неясно, какое распоряжение Чаки тот приостановил. Касалось ли это отзыва писем, или, может быть, было и какое-либо иное указание Чаки посланникам. То есть он не так однозначно утверждает это, как Сент-Ивани, но и не опровергает. Может, он еще не был знаком с его рукописью, поскольку в примечании к сборнику документов отмечает, что с венгерской стороны записи о беседе 8 августа Чаки с Риббентропом не сохранились. Причем он ошибочно полагал, что беседа состоялась в Берхтесгадене.

О чем шла речь при встрече Чаки с Чиано и Муссолини 18 августа, известно только из донесения посла Германии в Риме Маккензена в МИД Германии Вайцзеккеру, который просил посла проследить, с кем Чаки

inslav

будет встречаться и о чем будет говорить. Чаки прибыл в Рим неожиданно (визит планировался на 25–28 августа). Чиано не смог его встретить. После непродолжительной беседы он сопроводил Чаки к Муссолини. В чем состояла причина приезда Чаки, трудно изложить кратко, зная его манеру беседы, – сообщил посол. Сущность в том, что Чаки неизменно подтверждал свою безоговорочную приверженность оси, – записал Маккензен со слов Чиано, с которым он встретился специально по этому поводу. Целью визита Чаки прежде всего, вероятно, было получение информации о том, как итальянцы расценивают положение в Европе. Но наряду с этим он хотел также установить, какое впечатление произвели в Риме письма Телеки, позже отозванные. Кроме этого, из заявлений Чаки у Чиано сложилось представление, что тот в беседе с Риббентропом чувствовал определенную сдержанность по отношению к себе и теперь хотел больше услышать о положении и намерениях. Чаки зондировал возможность мирного разрешения германо-польского спора, считая, что это еще осуществимо. Чиано сообщил ему о своем впечатлении, согласно которому решение Гитлера действовать является бесповоротным[86].

В последнюю декаду августа начались упреки в адрес Венгрии со стороны Германии (из-за статей в печати в поддержку Польши, демонстрации венгеро-польской дружбы на футбольном матче между командами Польши и Венгрии в Варшаве, выступления Тибора Экхардта в парламенте и т. д.), свидетельствовавшие о том, что Германия сомневалась в лояльности Венгрии, и Кейтель даже дал указание приостановить некоторые военные поставки в Венгрию, пока она не определится в своей позиции[87].

Между тем во второй половине августа 1939 г. данцигский кризис вступил в решающую стадию. С точки зрения германо-польских отношений Данциг всегда играл важнейшую роль. Польский министр иностранных дел Ю. Бек в одной из бесед с венгерским посланником А. Хори (17 февраля 1939 г.) сказал, что в 1934 г. после подписания германо-польского соглашения Пилсудский дал ему указание всегда пристально следить за положением в Данциге и германскими шагами в этом направлении, ибо «Данциг всегда будет точным мерилом действительных намерений Германии в отношении Польши»[88].

Начиная с июля, общественное мнение Польши занималось исключительно надвигавшейся войной и с опасением наблюдало за складывавшимися германо-венгерскими отношениями. Значительная часть населения и правящих кругов Польши были убеждены, что Венгрия не сможет противостоять давлению Германии. В начале августа начальник политичес-

inslav

кого отдела польского МИДа Т. Кобылянский в беседе с венгерским посланником А. Хори сказал, что на первой фазе войны немцы желают нейтралитета Италии, вступление ее в акцию только после расправы над Польшей, в то же время хотят принудить и Венгрию к участию в войне[89].

Венгрия с начала назревания германо-польского конфликта в 1939 г. периодически извещала германское правительство о невозможности своего прямого или косвенного участия в войне против Польши. Эту свою позицию она довела и до сведения польского МИДа.

Интересно содержание донесения из Будапешта польского посланника Л. Орловского Беку от 31 мая 1939 г. о беседе с регентом М. Хорти 26 мая. Посланник от имени польского правительства благодарил регента за позицию, занятую им во время предыдущей их встречи (10 мая), т. е. за намерение не пропустить германские войска через свою территорию в случае немецко-польского конфликта. Орловский много говорил о дружеских чувствах в Польше по отношению к Венгрии и о сохранении ею решения поддержать нейтралитет Венгрии в случае европейского конфликта.

В ходе беседы затрагивались отношения обеих стран к Румынии, России. Когда посланник заверял регента (в связи с обращением его к Польше не давать повода к началу войны) в отсутствии у Польши каких-либо агрессивных намерений, он тут же подчеркнул, что с Россией Польша не заключила и не заключит договора, направленного против Германии, а больше причин для спора между поляками и немцами нет. «Тем не менее, не хотим мира любой ценой».

Гданьск – немецкий город, продолжал он, и «мы желаем только одного: сохранить его независимость», но Польша не хочет, чтобы ее внешнеторговая деятельность контролировалась третьей державой, поэтому не может согласиться на его аннексию Германией. Польша готова на компромисс, на совместные с Германией гарантии «существования государства Гданьск» и изменение тем самым Версальского договора.

Регент, по утверждению Орловского, был весьма доволен заверениями в неизменности политики Польши по отношению к Венгрии[90].

Аналогичную информацию получил польский МИД из Будапешта 31 июля о сообщении посланника США Дж. Монтгомери (Венгрия не выступит против Польши и в случае германо-польской войны не пропустит немецкие войска через венгерскую территорию), а также от своего посланника из Испании, узнавшего об этом от венгерского посланника Андорки[91].

Накануне начала германо-польской войны Чаки передал (через Хори) послание Беку: «Венгерское королевское правительство поручило мне сообщить Вашему превосходительству, что венгерское правитель-

inslav

ство не пропустит через венгерскую территорию немецкие войска, которые могли бы наступать на Польшу, ибо венгерское правительство считает это невозможным по моральным соображениям»[92]. Бек поблагодарил за это венгерское правительство.

За несколько часов до нападения Германии на Польшу, в 22 часа 31 августа, регент Хорти пригласил к себе Орловского и доверительно сообщил, что даже правительство не знает об их встрече. Он выразил ему свое возмущение немецкой политикой. Он сказал, что якобы написал личное письмо Гитлеру (речь идет на самом деле о письме Телеки), в котором оповещал, что Венгрия ни в коем случае не пойдет против Польши. В связи с этим письмом Чаки был вызван к Гитлеру и выслушал горькие упреки. Регент затронул и румынский вопрос, говорил о имеющихся у него сведениях о намерении немцев поссорить поляков с румынами, и заверял, что в этих условиях Венгрия не предпримет никаких шагов против Румынии[93].

Орловский немедленно сообщил в Варшаву о встрече с Хорти и содержании беседы радиограммой, полученной в МИДе в 23.30 и тут же переданной в Бухарест.

Поддержка Венгрией Польши усиливала напряжение между Венгрией и Германией, что оказало влияние на экономические германо-венгерские отношения и вызвало чрезвычайную нервозность в Будапеште. Такое состояние в Берлине нагнетали сознательно. 28 августа Стояи доносил из Берлина в Будапешт о распространении там мнения, что Венгрия в Париже и Лондоне якобы «сделала заявление о нейтралитете»[94].

31 августа Вайцзеккер вновь поднял вопрос о венгеро-польских отношениях, упрекая Венгрию за поездку Экхардта в Лондон и др. Стояи уведомил свой МИД о возможных приготовлениях Германии, направленных против Венгрии.

На основе донесения Стояи Чаки в тот же день дал указание венгерскому посланнику в Риме Виллани сообщить графу Чиано, что статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вайцзеккер на основе искусственно созданного повода упрекнул венгерское правительство, несмотря на занятую им позицию на стороне оси, что его поведение в отношении Германии не заслуживает доверия. Поэтому военные власти получили указание прекратить поставки определенных военных материалов в Венгрию.

Далее он писал: опыт показывает, что подобная тактика всегда используется Германией тогда, когда она ищет повода для проталкивания неприятного требования или уклонения от какого-либо обещания. Он просил Чиано успокоить германского министра иностранных дел в

inslav

отношении Венгрии и определить, что в действительности скрывается за изменившимся настроением Германии[95].

Виллани ответил 2 сентября: «Граф Чиано при случае упомянет перед немцами, что в лояльности Венгрии нельзя сомневаться»[96].

Третья декада августа 1939 г. в Европе была перенасыщена событиями. Нельзя пройти и мимо Советского Союза. Переговоры СССР с Францией и Англией зашли в тупик. Ход их известен по давно опубликованным стенографическим записям и некоторым дополнительным данным, расширяющим представление читателя об обстановке тех дней. Выше уже говорилось об этом. Здесь стоит упомянуть донесения Барцы о позиции Англии от 19 июля 1939 г. На вопрос посланника заместитель министра иностранных дел Англии Орм Сарджент ответил, что переговоры с Советами явились сильным испытанием для английских нервов. Он считал возможным, что английское правительство настойчиво призовет Москву к откровенности, и если Советы по политическим причинам будут увиливать от подписания в обозримом будущем пакта, «то Англия сделает перерыв в переговорах или прекратит их»[97].

На более ранней стадии этих переговоров у Чемберлена был замысел перетянуть Советский Союз на свою сторону – это видно из его выступления в парламенте 7 июня. Англичане тогда надеялись, что в период переговоров не начнется германо-польская война. Но когда и военные переговоры трех зашли в тупик, правительство СССР приняло предложение Германии, и Риббентроп и Молотов подписали 23 августа 1939 г. пакт о ненападении.

Чемберлен с Гитлером в те дни тоже вели переписку, а до того пытались договориться через своих эмиссаров. 22 августа Чемберлен написал письмо Гитлеру, что Великобритания в случае нападения на Польшу выполнит свои обязательства по отношению к ней, и выразил желание вести переговоры по этому вопросу. Гитлер ответил 23 августа, что он никогда не искал конфликта с Англией. Однако Германия не изменила своего решения.

25 августа стало известно и об англо-польском соглашении о взаимопомощи, подписанном министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом и польским послом Э. Рачинским, согласно которому в случае нападения Германии на Польшу Англия полностью будет на стороне Польши.

26–27 августа письмами обменялись Гитлер и премьер-министр Франции Эдуард Даладье, который высказывался за сохранение мира, но безрезультатно.

inslav

Переписка продолжалась и в последующие дни. 28 августа Чемберлен ответил на письмо Гитлера от 23 августа, в котором тот предложил (по мнению британского правительства) немедленно начать прямые польско-германские переговоры на основе защиты жизненно важных интересов Польши. 29 августа Гитлер ответил Чемберлену. Он подчеркнул, что целью Германии является ревизия Версальского мирного договора и для этого он присоединит Данциг и коридор к Германии. На предложение о прямых переговорах с Польшей фюрер ответил: до 30 августа ждет прибытия в Берлин полномочного представителя Польши.

Английский посол в Берлине Невиль Гендерсон после этого считал войну уже неизбежной.

1 сентября Гитлер выступил в рейхстаге и заявил, что с утра, с 5 часов 45 минут, идет германо-польская война. Он информировал, что Германия вооружалась в течение шести лет, израсходовав на это 90 млрд марок.

Как сообщал Стояи в донесении из Берлина в Будапешт, немцы были уверены в скором окончании войны[98]. По донесению Виллани, итальянцы были сдержаны[99].

1 сентября 1939 г. по указанию Риббентропа немецкий посланник в Будапеште О. Эрдманнсдорф заявил министру иностранных дел Чаки: как известно венгерскому правительству, Германия в данный момент не ждет от Венгрии никакой военной помощи. И в интересах Венгрии, чтобы она не предпринимала ничего такого, что предупреждало бы события, и по этим соображениям «все возможности оставляем открытыми... исходя из того, что Венгрия не сделает заявления о нейтралитете». Кроме того, Риббентроп просил посланника выяснить намерения венгерского правительства в этом отношении «с полной достоверностью» и в случае «сомнительного его поведения» «оказать на него воздействие всей силой»[100].

Учитывая замыслы Телеки, такая установка «воздействия» на венгерское правительство ставила его в затруднительное положение, особенно если учесть полученное им донесение посланника Барцы о беседе с заместителем министра иностранных дел Великобритании Сарджентом. Сарджент сообщал, что английское правительство осведомлено о положении Венгрии и ценит ее прежнюю позицию. И если в случае конфликта Венгрия «выразит ясный нейтралитет», после чего «внешняя сила посягнет на нее», то «Англия будет считать ее жертвой»[101].

Между тем давление Германии на венгерского посланника, а того на венгерское правительство, продолжалось. Стояи был потрясен и запущенной в действие огромной военной машиной. Он в отчаянии предлагал Хорти сделать шаг навстречу Гитлеру, но письмо уже запозда-

inslav

ло[102]. Через два дня он предложил полностью отменить антинемецкую пропаганду в Венгрии[103]. И рекомендовал увеличить поставки продуктов в Германию сверх указанного в договорах количества, ибо «раньше или позже» поступит такая просьба[104].

Таковы были венгеро-германские отношения (в первые дни германо-польской войны) и внешняя политика хортистской Венгрии накануне возникновения величайшей в XX в. и всей истории человечества войны.

Примечания

[1] W és M. 364–365. old.
[2] Ibid. 370. old.
[3] OL. K–63. 1939. 21/7. 695. 299. l.
[4] Ibid. K–64. 1939. 23. 426. 1–16. l.
[5] DIMK. III. k. 609–610. 637. old.
[6] Ibid. IV. k.. 109. old. Чаки через Сидора спрашивал у Бека, кого бы из словаков, кому тот доверяет, поставить во главе занятой Венгрией восточной части Словакии (Ibid. III. k.109. old.).
[7] Ibid. III. k. 651. old.
[8] Ibid. IV. k. 109. old.
[9] OL. K–89. 1939. 400. 4–5. l.
[10] DIMK. IV. 109. old.
[11] OL. K–89. 1939. 400. 9. l.
[12] Ibid. 7. l.
[13] Ibid. 6. l.
[14] DIMK. IV. k. 127. old.
[15] OL. K–63. 1939. 65. 583. 1–3.l.; 668. 1–2. l.
[16] DIMK. IV. k. 122. old.
[17] OL. Szent-Iványi. Kézirat. l. r. 257–258.l.; K–64. 1939. 2. 335. 1–6. l.
[18] Ibid. 260–261. l.
[19] OL. K–64. 1939. 33/a. 300. 1–2. l.
[20] В и ВМВ. С. 170.
[21] Там же. С. 171.
[22] OL. K–63. 1939. 11/27. 262 (1995). 89. l.
[23] DIMK. IV. k. 160. old.
[24] OL. K–64. 1939. 23. 426. 1–2. l.
[25] NSz. 1918–1945. 451–453. old.
[26] DIMK. IV. k. 189. old.
[27] Ibidem.
[28] OL. K–64. 1939. 21/27. 2509 (2901). 1–3. l.
[29] Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. l. r. 265. l.
[30] Ibid. K–63. 1939. 17/7. 1829. 1–2. l.
[31] Тогда же, 6 апреля, Чаки передал посланнику Румынии письмо о намерении сохранять в неприкосновенности участок венгеро-румынской границы, созданной в результате захвата Карпатской Украины.

inslav

[32] DIMK. IV. k. 152. old.
[33] OL. K–63. 1939. 16. 1897. 1–4. l.
[34] DIMK. IV. k. 190. old.
[35] Ibid. 177. old.
[36] OL. K–64. 1939. 433. 1–3. l.
[37] DIMK. IV. k. 200–201. old.; В и ВМВ. С. 172–173.
[38] OL. K–64. 1939. 17. 439. 1. l.
[39] В и ВМВ. С. 173.
[40] Там же. С. 173–175.
[41] W és M. 377–380. old.
[42] DIMK. IV. k. 175–178. old.
[43] Ibid. 218–219. old.
[44] W és M. 392. old.
[45] Ibid. 383. old.
[46] Ibid. 380–385. old.
[47] Ibid. 388–392. old.
[48] Kurier Polski; Le Temps. 1939. 2.V.
[49] Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 2. С. 72.
[50] DIMK. IV. 292. old.
[51] W és M. 397–398. old.
[52] Так Германия называла политику западных стран, направленную на окружение Германии.
[53] W és M. 400–401. old.
[54] Ibid. 401. old.
[55] Ibid. 401–402. old.
[56] OL. K–63. 1939. 17/7. 2553. 1–3. l.
[57] Ibid. K–64. 1939. 431. 1–4. l.
[58] Ibid. 5–6. l.
[59] W és M. 402–404. old.
[60] Ibid. 405. old.
[61] Ibid. 407. old.
[62] Ibid. 408–409. old.
[63] Ibid. 407. old.
[64] OL. K–64. 1939. 575. 1–2. l.
[65] Ibid. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 272. l.
[66] Ibid. 273. l.
[67] W és M. 413–414. old.
[68] В и ВМВ. С. 177–178.
[69] Там же. С. 178.
[70] The Ciano Diaries. 1939–1943. N.Y., 1946. P. 112.
[71] DIMK. IV. k. 378–379. old.
[72] The Ciano Diaries. P. 113–114.
[73] W és M. 416. old.
[74] ADAP. Serie D. Vol. XII. № 660.
[75] AAD. 73. Büro des Staatssekräters. Ungarn. Bd.4. S. 51962–963.
[76] DIMK. IV. k. 387–388. old.

inslav

[77] Ibid. 397–398. old.
[78] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 274–276. l.
[79] Ibid. 275–277. l.
[80] Ibid. 277–279. l.; W és M. 418–423. old.
[81] Ibid. 279. l.
[82] DIMK. IV. k. 408–409. old.
[83] Ibid. 416. old.
[84] Ibid. 422–423. old.
[85] Ibidem; OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 279–280. l.
[86] W és M. 425. 426. old.
[87] Ibid. 431. old.
[88] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 280. l.
[89] DIMK. IV. k. 450–451. old.
[90] AAN. MSz. 1939. 49 W. 6598. L. 90–91.
[91] Ibid. L. 122, 128.
[92] OL. Szent-Iványi. Kézirat. I. r. 281. l.
[93] AAN. MSZ. 1939. P. III. 221/tjn. I. W. 6572. L. 131.
[94] OL. K–64. 21/7. 731. 1–2. l.
[95] DIMK. IV. k. 462. old.
[96] Ibid. 469. old.
[97] ÚMKL. Beo. 30. d. IV. I/125–193. 169. l.
[98] DIMK. IV. k. 493. old.
[99] OL. K–64. 1939. 23. 810. 1–2. l.
[100] W és M. 432. old.
[101] ÚMKL. Beo. 30. d. IV. I/125–193. 176. l.
[102] OL. K–64. 1939. 21. 795. 1–2. l.
[103] Ibid. 798. 1–2. l.
[104] Ibid. 802. 1–3. l.

inslav

Заключение

Внешняя политика Венгрии в последние годы перед началом второй мировой войны являлась следствием поражения Венгрии в первой мировой войне. Еще не был подписан Трианонский мирный договор, а правители Венгрии во главе с бывшим адмиралом австро-венгерского флота Миклошем Хорти, ставшим регентом Венгрии, разрабатывали стратегическую линию на будущее, носившую реваншистский характер. Началась борьба за пересмотр, ревизию Трианонского мирного договора, навязанного Венгрии странами, одержавшими победу в войне, и подписанного представителями той же хортистской власти.

По Трианонскому мирному договору за пределами Венгрии, в основном в соседних странах, очутилось около 3 млн венгров, в основном проживавших компактно в пограничных с ней районах. Стратегической задачей хортистов было воссоздание Великой Венгрии, так называемой империи св. Иштвана, якобы существовавшей на протяжении тысячелетия, а практически на восстановление Венгрии, существовавшей в рамках двуединой Австро-Венгерской монархии с 1867 по 1918 г., только без Хорватии. Учитывая обстановку, созданную Версальской системой, руководство Венгрии понимало, что собственными силами оно не добьется своей цели, ведь его намерениям противостояли объединившиеся в антивенгерском альянсе страны Малой Антанты. Поэтому, ища выхода из изоляции, венгры занимались поиском внешних союзников, при поддержке которых смогли бы добиться приращения страны.

С 1927 г. таким союзником стала фашистская Италия, подписавшая позднее с Венгрией и Австрией так называемые Римские протоколы. Но основную надежду хортисты возлагали на возрождавшуюся Германию, особенно после прихода к власти Гитлера.

Гитлеровская Германия в свою очередь поглядывала на Италию и Венгрию как на своих будущих пособников, учитывая, что их идеологические взгляды почти совпадали по духу с германскими. К началу 1938 г. Германии удалось не только договориться с Японией, но фактическим захватом Австрии развалить союз трех государств Римских про-

inslav

токолов, полностью привлечь на свою сторону фашистскую Италию и подчинить ее своей воле.

Постепенно и Венгрия, присоединившись к антикоминтерновскому пакту и выйдя из Лиги наций, оказалась в агрессивном гитлеровском блоке государств. При их поддержке Венгрия начала увеличивать свою территорию, сначала в результате первого Венского арбитража, затем и аннексией Карпатской Украины.

Все венгерские премьер-министры, начиная с Дюлы Гёмбёша, без оглядки следовали в фарватере гитлеровской политики. Один Пал Телеки пытался предъявить право «на суверенитет» Венгрии, но сделать ничего не смог. При нем Венгрия вступила в антикоминтерновский пакт, получила Карпатскую Украину (заплатив выходом из Лиги наций), а позже и северо-восточную часть Трансильвании. Но когда его принудили к совместному с Германией участию в нападении на Югославию, он не выдержал и 3 апреля 1941 г. покончил жизнь самоубийством.

В первый день начала войны с Польшей Риббентроп передал Чаки: от Венгрии Германия не ждет никакой военной помощи. Но уже 4 сентября он вновь напомнил Стояи, что Венгрия ни в коем случае не может напасть на Румынию. Стояи передали тогда пожелание министра иностранных дел Риббентропа в ближайшее время принять у себя министра Чаки.

На следующий день венгерский посланник в Берлине вновь заверил руководство Германии, что без согласования с ним Венгрия не развяжет войну с Румынией.

4 сентября, после объявления Англией и Францией войны Германии, Риббентроп пригласил Чаки в военную ставку в Нойштеттине. Заместитель статс-секретаря германского МИДа Вёрман оповестил об этом посланника Германии в Будапеште Эрдманнсдорфа[1]. 5 сентября Стояи уточнил, что Риббентроп ждет венгерского министра в среду или четверг для обсуждения и обмена мнениями по нескольким вопросам и просит держать визит в тайне. Стояи сообщал, что среди прочего Риббентроп намерен предложить Венгрии провести некоторую коррекцию границ на севере страны. На вопрос Стояи: в сторону Словакии? он ответил: нет, в сторону Польши, назвав Турку и Самбор, и заметил, что заранее сказал об этом, чтобы Чаки мог подумать. Стояи обратил его внимание на то, что этот край населяют украинцы, к тому же Венгрия хотела бы сохранить границу по вершине Карпат[2].

В тот же день в шифрограмме Стояи добавил: «Не исключено, что предложение немцев является первым шагом к требованию пропуска войск» через венгерскую территорию[3].

inslav

6 сентября Чаки передал в Рим сообщение о просьбе немецкого правительства пропустить через венгерскую территорию части вермахта. Чиано в своем дневнике по этому поводу записал, что Виллани от имени Чаки рассказывал ему об опасности этого шага, против которого он выступил бы и с оружием в руках. Чаки принял бы это предложение, если бы немцы согласились на военные действия против Румынии[4]. Муссолини в свою очередь предупреждал Виллани, что «вопрос о пропуске войск ни в коем случае не нужно связывать с общей акцией против Румынии», ибо можно оказаться в состоянии войны с западными странами[5].

7 сентября Чаки имел продолжительную беседу с Риббентропом в германской военной ставке. Сведения о ней очень скупые. Вроде бы переговоры прошли удовлетворительно, как информировали Чаки премьер-министра Телеки, а Риббентроп – Эрдманнсдорфа, и речь там якобы в основном шла о недопущении возникновения войны между Румынией и Венгрией. Риббентроп сообщал, что Чаки в конце даже заявил о готовности подписать с Румынией пакт о ненападении, на что получил ответ: достаточно сохранить все как есть[6]. Как свидетельствует протокол о ходе заседания венгерского правительства, Риббентроп вновь поинтересовался, имеются ли в Венгрии территориальные претензии или аспирации к Польше. Чаки дал отрицательный ответ[7].

Главным, конечно, был вопрос пропуска немецких войск через венгерскую территорию. Но Риббентроп и Чаки решили держать его в строгом секрете. Однако тайна сохранилась недолго. Да и в дипломатической переписке, как видно из вышеизложенного материала, он не сходил с повестки дня. 9 сентября 1939 г. Риббентроп позвонил Чаки (в 16 часов) в Будапешт на квартиру и поинтересовался, какова будет позиция венгерского правительства по поводу пропуска германских войск через территорию Венгрии. От имени германского правительства Риббентроп просил разрешения использовать железнодорожную линию Кошице–Велейте для переброски войск в Польшу в район Восточной Галиции с целью нанесения удара в тыл отступавшей польской армии. Так нацисты рассчитывали быстрее захватить Западную Украину.

В тот же день на совещании у Хорти при участии премьер-министра, министра иностранных дел, военного министра и начальника генштаба после острых дебатов восторжествовала точка зрения П. Телеки[8], что Венгрия должна отказать. На следующий день это решение было подтверждено на заседании кабинета министров. По поручению регента и правительства Чаки ответил Риббентропу по телефону в полдень 10 сен-

inslav

тября, что венгерское правительство, к своему большому сожалению, просит Германию не использовать венгерскую железнодорожную линию для переброски войск, предназначенных для военных действий против Польши, так как это «несовместимо с честью венгерской нации». Характерно, что и на этот раз решение не участвовать в войне против Польши было принято венгерским правительством под влиянием фашистской Италии, что подтверждают переговоры между Будапештом и Римом, проходившие 6–9 сентября по несколько раз в день[9].

Риббентроп принял к сведению позицию венгерского правительства, но затаил недовольство. Когда венгры спохватились и заявили о своей готовности пропустить немецкие военные материалы по железной дороге без сопровождения германских войск, это предложение было отклонено немецкой стороной.

11 сентября Риббентроп в письме Эрдманнсдорфу упрекал венгров в неблагодарности. Венгрия не должна забывать: Германия позаботилась о том, чтобы упоминавшаяся железная дорога досталась Венгрии (в период первого Венского арбитража)[10].

14 сентября Эрдманнсдорф по поручению Риббентропа просил Чаки телефонный разговор 9 сентября рассматривать не как ультиматум, а лишь как дружескую просьбу[11].

11 сентября и Словакия просила пропустить через Кошице по этой же железной дороге словацкие войска против Польши. Эта просьба тоже была отклонена венгерской стороной. В целом же, по расчетам Германии, для нее было бы предпочтительнее, если бы северные склоны Карпат заняли венгры, а не русские[12].

Правительство Телеки в данной ситуации больше интересовала проблема возвращения себе Трансильвании, хотя было совершенно ясно, что земли, приобретавшиеся при помощи стран оси без согласия держав, противостоявших ей, нельзя удерживать долго. Премьер пытался вести дела так, чтобы хотя бы Англия давала добро на следующее «приращение страны». Но несмотря на это он согласился на арбитражное германо-итальянское решение по поводу Трансильвании (1940 г.), промолчал на совещании у Хорти, когда решался вопрос об участии Венгрии в нападении на Югославию.

Его наследники на посту премьер-министра безоговорочно следовали политике стран оси, в июне 1941 г. объявили войну Советскому Союзу, а в декабре – Англии и США, оказавшись впоследствии в состоянии войны с десятками государств антигитлеровской коалиции. Политика хортистов привела к оккупации Венгрии в марте 1944 г. гит-

inslav

леровскими войсками, краху хортистского режима в октябре 1944 г., приходу к власти салашистов. Венгрия оказалась последним сателлитом гитлеровской Германии.

Участие Венгрии в войне против антигитлеровской коалиции стоило ей огромных материальных и людских потерь, привело к неслыханному разорению. По мирному договору, подписанному в Париже (февраль 1947 г.), Венгрия вынуждена была отказаться от всех своих территориальных приобретений. Народные трибуналы сурово наказали виновных в вовлечении Венгрии во вторую мировую войну.

Некоторые историки, политические и государственные деятели последнего десятилетия XX в. считали, что Венгрия в двух мировых войнах прошедшего столетия потерпела поражение только потому, что в первом и втором случае она неудачно выбрала союзников.

Примечания

[1] DIMK. IV. k. 487. old.; W és M. 437. old.
[2] Ibid. 487. old.
[3] Ibid. 488. old.
[4] Ibid. 495. old.
[5] Ibid. 494–495. old.
[6] W és M. 437–438. old.
[7] OL. K–27. 1939. szept. 10. 2–5. l.
[8] Ibidem.
[9] OL. K–64. 1939. 23. 853. 2. l.
[10] W és M. 440. old.
[11] OL. K–64. 1939. 21. 846. 1–2. l.
[12] Ibid. 901. 1. l.

inslav

Указатель имен

Адам Магда 60, 135
Александр I 47, 70
Александровский С.С. 178
Алт Валдемар 16, 17, 21–22, 24, 48, 122, 124
Альтенбург Гюнтер 288, 377, 378
Андорка Режё (Рудольф) 154, 197, 199, 203–204, 234, 241, 243, 247, 307, 385, 436
Андрич Иво 186, 187, 188–189, 371
Антонеску Виктор 22, 50, 51, 55–56, 58, 73–75
Антонов 211
Анфузо Филиппо 287
Апати Иштван 233
Апор Габор 9, 63, 67, 112, 131, 133, 136, 141–142, 151, 156, 187, 234, 236, 282
Аржас 352
Арцишевский Мирослав 203, 205, 282, 390
Аттолико Бернардо 26, 153, 218, 288, 310, 357, 426, 428

Бадальо Пьетро 27
Байчи-Жилински Эндре 86
Байор (Баер) Ференц 232
Бакач-Бешшеньеи Дьёрдь 28, 73, 80, 118, 129–130, 132–133, 185–187, 192, 370–371, 412
Бардошши Ласло 51, 52, 55–58, 65–66, 70, 112–129, 131, 144, 233, 282–283, 328
Барта Карой 234
Берталан 252
Барток Ласло 64, 371
Барту Луи 63
Барца Дьёрдь 11, 155, 163–169, 176, 179, 181, 218, 234–235, 237, 362, 392, 405, 411, 439
Батлер Рихард 393
Бачинский Эдмунд 246, 253, 269, 272, 364
Бек Юзеф 5, 14, 71–82, 109, 141, 156, 172–173, 190–195, 197, 203–207, 216, 220, 239, 251, 262, 265, 277–278, 280, 282, 284, 296, 300, 302–305, 345, 347–350, 356, 358, 362, 373, 377, 383, 387–391, 403, 412, 419, 424, 435–437
Бекзадян А.А. 25, 84, 86–89, 213
Бем Юзеф О. 302
Бенеш Васил 60
Бенеш Эдвард 10, 21, 25, 56, 59–60, 63–64, 69, 144, 147, 150, 177, 207, 236, 253, 350
Беран Рудольф 320, 362–363, 368
Берегфи (Бергер) Карой 232
Бетлен Иштван 4, 65, 71, 194, 232–233, 401
Бломберг Вернер 80, 92
Блюм Леон 20
Бобрик Арно 40, 43, 44, 352
Боденшац Карл 185
Боле Эрнст 104
Бонне Жорж 174, 192, 235, 393
Босси Рауль 50, 66, 71, 113, 119, 122, 130–132, 187, 388–389
Брухич Вальтер 42, 156, 158, 426
Брашайко 364
Бродий Андрей И. 231, 250, 252–254, 264, 274–275, 281, 295, 303, 366–368, 403

inslav

Брюкелмайер Эдуард 172
Бути Джино 44, 143, 182–183, 326

Вайцзеккер Эрнст 31, 103, 105, 151, 153, 158, 161, 179, 230, 268–271, 323, 335, 343, 357, 370–371, 373–375, 383, 416, 422, 426, 434, 437
Валигурский Андрей 354
Ванситтарт Роберт 18, 20, 163, 165, 405
Вайнштейн Г.И. 210
Вег Миклош 28
Велич Ласло 54, 124, 336
Вереш Лайош 43
Веркмайстер Карл 27, 104, 151
Верт Хенрик 232, 234, 378, 384, 386, 425, 426, 429
Веттштейн Янош 12, 16, 53, 55, 62, 67, 113–114, 116, 118, 178–179, 193, 230, 235, 241, 269, 271, 273, 277, 318, 361–362, 374–375, 381
Вёрман Эрнст 143, 180, 288, 305, 321, 426, 444
Вернле Янош 55, 121, 132, 234, 254, 336, 359, 362, 377, 382, 388–389, 393–394, 416, 422
Виест Рудольф 241, 244
Виктор Эммануил III 229
Виллани Фридьеш 9, 13, 14, 17, 21–23, 26, 29–30, 37, 44, 48, 51, 60, 74, 141, 143–145, 182–184, 234, 236, 240, 255, 261, 269–271, 274, 277, 284, 286–289, 297–298, 301, 306, 310, 312, 319, 330, 342, 370, 407–408, 413, 427–429, 437–439, 445
Вильгельм II 265
Вильсон Хорас 218
Вимателъ Ганс 356
Винчи Луиджи 28, 29, 30, 196, 287, 326, 329, 330
Волков В.К. 5, 135
Волошин Августин 253, 264, 275, 288–290, 295, 303, 344, 350–355, 358–359, 361, 364, 367–369, 372, 379–380, 383–386
Вукчевич Александр 32, 47–49, 114

Габор Андор 90
Габсбург Отто 12, 32
Габсбурги 9, 10, 11–12, 85, 162
Гайда Верджинио 11
Гайдиц 364
Галифакс Эдвард 34, 36, 61, 63, 76, 136, 163, 166–169, 217, 234, 237, 266, 392–393, 438
Гаскон А.Д. 136, 359
Гафенку Григоре 373, 389–391
Гаха Эмил 320, 368, 375, 379, 384
Геббельс Йозеф 102
Геблер 354
Геллерт Андор 351
Гендерсон А. 336
Гендерсон Невиль 44, 105, 267, 439
Генлайн (Генлейн) Конрад 141, 156, 161, 165, 168
Георг VI 18
Геровский Алексей Ю. 367, 403
Гесс Рудольф 415
Гёмбёш Дюла 4, 17, 86, 102, 104, 231–233, 420, 444
Гёринг Герман 12, 32, 33, 61, 64, 72, 77, 81–82, 89, 102, 142, 144–145, 152, 161, 165, 168–170, 179, 182, 185, 202, 206, 219, 229–230, 267–268, 300, 333, 335, 350, 373, 415, 419
Глинка Андрей 193, 213, 375
Гиммлер Хайнрих 364
Гитлер Адольф 4, 12, 17, 27, 33–36, 43–44, 46–47, 61, 63–65, 76–77, 80, 82, 85–86, 90–91, 101–105, 108–110, 136, 141–143, 145, 148,

inslav

152, 154–156, 159–161, 165–166, 168–179, 181, 183–185, 191–192, 195–196, 204–206, 215–222, 229–230, 233, 245, 252, 254–260, 262–267, 280–281, 284–285, 293, 299–301, 320, 322, 326–327, 329, 333, 335–336, 347–350, 355–357, 362, 373–374, 376–379, 381, 384, 387, 390, 393–395, 402–404, 406–407, 410, 414–415, 417–419, 427–428, 430–433, 437–439
Гога Огтавиян 65, 66
Годжа Милан 12, 39, 61, 69, 76, 216, 253
Гофман Шандор 179
Гоффман Г. 344, 355, 364, 367, 379
Грабарь Константин Л. 252
Гранатиер Антал 244
Гранди Дино 167
Гранчак И.М. 385
Грац Густав 69, 70
Грошке 103
Губаи Калман 405

Даладье Эдуард 163, 174, 192, 216, 219–220, 438
Данилович Пал 331
Дарани Калман 12, 19, 23, 27–29, 31–33, 35–37, 47, 61, 64–65, 68–69, 71, 73, 76, 78, 89, 91–92, 106, 111, 119, 136, 152, 196, 231–234, 254–260, 263, 266, 271–273, 286, 293, 301, 311, 320, 327, 406, 410–411
Дарре Рихард Вальтер 259
Дафф–Купер Альфред 237
Дебицкий Роман 412
Девис Дж. 209
Дельбос Ивон 36, 54, 63, 77
Демко Михаил 253, 295
Дольфус 106
Дурчанский Фердинанд 241, 245, 249, 269, 272, 374, 381
Дьёркеи Енё 231

Желицки Б.Й. 7
Жидовский Петр И. 244, 249, 253, 364

Завиша А. 326
Задравец 187
Заморски К. 71
Замфиреску А.Д. 149, 389
Зейс-Инкварт Артур 43, 101, 102, 374–376

Иден Антони 18, 20, 46, 54, 75, 237
Иллеш Йожеф 297, 366
Илницкий Александр 368, 369
Имреди Бела 111, 133, 136, 143, 145, 147, 149, 153, 155, 157–161, 170–174, 181–182, 185, 194, 196, 213–215, 217, 229–234, 248, 256, 259–260, 263, 271–272, 280, 283, 292, 299, 305, 312, 319–321, 323, 327, 332, 348, 365–366, 392, 401, 406, 410
Иштван (Стефан) Св. 156, 231, 283, 294, 308, 334, 385, 421

Йодль Альфред 159

Кадоган Александр 165, 166–167, 235, 237, 392–393, 405
Калинеску 127
Каминский Йосиф В. 253, 368
Канарис Вильгельм 344, 350, 380
Каня Калман 4, 9, 11–14, 16, 18–26, 28–41, 44–60, 62, 64, 66–69, 74–76, 78–

inslav

82, 87, 89–92, 100–101, 103–104, 106–109, 111–118, 121–133, 136, 141, 144–150, 152, 154–155, 157–161, 164–167, 170–172, 176–183, 185–195, 197–198, 201, 204, 206–210, 212–215, 218, 229–230, 233–247, 249–251, 253–256, 258, 265, 267–278, 280–289, 292, 296, 298–301, 303–305, 308–312, 319, 322–323, 330, 345–346, 371, 373, 412
Карахан Л.М. 89, 91
Кармасин Франц 351, 376, 405
Каройи Дюла 4, 401
Каройи Михай 7, 300, 369
Кароль II 66, 74, 75, 126, 127, 201, 282, 351, 387
Карский М.М. 89
Каршаи Элек 323
Кейтель (Кайтель) Вильгельм 42, 142, 144–145, 154, 255, 258, 320, 350, 425, 435
Кеннард Говард 196, 266
Кепплер Вильгельм 101
Керестеш-Фишер Лайош 170, 215, 234
Кертес Иштван 222, 394
Кёхер Отто 102
Клайст 356
Климпуш Дмитрий 352, 353, 364
Клочурак Степан 253
Клюге 156
Кобр Милош 52, 53, 62, 67, 114, 382
Кобылянский Тадеуш 74, 77, 79, 190, 194, 197, 200, 204, 207–208, 282, 284, 302, 346, 436
Ковач Эндре 79, 80, 194, 198
Ковриг Бела 89, 90
Козма Миклош 71, 231, 232, 247, 293–295, 305, 309, 369
Койиро Иною 326, 327, 330
Комаринский Владимир 364
Комнен-Петреску Николае 65, 112, 114, 116–120, 123–124, 126–130, 132, 136, 186, 188–189, 201, 204, 283
Коновалец Евгений 275
Кордт Эрих 172, 221, 288, 290
Корлат Эндре 254, 355
Коссей Павел 253, 364
Крестинский Н.Н. 88, 90
Кристье Мирон 66
Криштоффи Йожеф 194, 201, 346
Крно Иван 241, 243, 245, 248, 288–289
Крофта Камил 53, 54–59, 62, 69, 71, 113–114, 116, 119–122, 132, 146, 148, 178–180, 222, 230, 235–236
Круцеску Георге 124
Кул Лайош 241, 329
Кульчицкий Евсей 353
Кун Бела 90
Курницкий П. 354, 355, 364, 367
Куртяк Иван 231
Куэн-Хедервари Шандор 19, 235, 328

Ламмерс Ханс Хайнрих 230
Ласло (Лаучек) Дежё 232
Лачинский 376
Лендьел Бела 192, 197, 251, 301, 304
Липский Юзеф 172, 173, 175, 202, 283
Липский Юлиуш 194
Литвинов М.М. 83, 84, 85–87, 90, 107, 109–111, 178, 208–209, 211–212, 330–333, 337–341
Литтаи (Лихтенекер) Андраш 232
Лукасевич Юлиуш 194
Любеньский Михал 189, 196–197, 202, 279–281, 283–284, 287–288, 304, 350
Любомирский Ст. 356

Мадяр Людвиг (Лайош) 90
Магистрати Массимо 288

inslav

Майснер Отто 35, 415
Маккензен Ганс Георг 50, 142, 148, 357, 426, 434–435
Малкомес Бела 103
Мариашши Золтан 233
Мароши Ференц 135, 163–165, 328–329, 392
Масаржик Г. 221
Масарик Томаш Гарик 57, 59, 253
Мастни Войтех 102, 221
Маширевич Силард 162, 234
Мах Шаньо 375
Мельник Андрей 275
Мечер Андраш 102, 103
Миклас Вильгельм 88
Миронов 91
Михалкович Янош 325, 330, 332–333, 336
Мицельский Казимир 72, 73
Молотов В.М. 438
Мольтке Ганс 80, 81, 345–346
Монтгомери Джон 393–394, 406, 436
Мосьцицкий Игнаций 74, 78, 194, 201, 207, 239, 282
Муссолини Бенито 3, 9, 14–17, 19–20, 27, 30, 34, 39, 41, 45, 65, 72, 91, 101–102, 104, 106–107, 110, 124, 143, 145, 147–150, 153, 162, 170, 174–175, 179, 182–185, 196, 206, 214, 218–221, 229, 240, 255, 261–262, 265–266, 272, 275, 277, 285, 292, 306–308, 310–311, 319, 324, 403, 409–410, 414, 418, 426–430, 433–435

Надь Ласло 50
Наполеон Бонапарт 89
Ноель Леон 190, 355
Нойрат (Нейрат) Констатин 10, 11, 13, 16–18, 21–23, 25, 33–35, 42, 45, 51, 77, 80, 86, 92, 105, 142, 151, 179, 300, 350
Нокс Джефри 117, 165, 177, 267

Олдерман 158
Ольдофреди А. 351, 379
Орловский Леон 5, 36, 74, 78, 82, 191, 195–196, 204, 278, 280–282, 304, 325, 345, 348–349, 363, 388–389, 391, 436
Павел Принц-регент 21, 22, 74, 185
Пайяр Ж. 178
Паир Хуго 105
Папее Казимир 76, 362–363
Папен Франц 9, 10, 42–43, 104
Париани Альберто 42, 68, 153, 240, 429
Паркани Иван 252, 253
Паркер Роберт 386
Патаки Тибор 68, 170, 192, 241, 365–366, 406
Пелени Иван 238, 239, 381, 406
Пелчинский Тадеуш 192, 193, 200
Перт Э. 218, 261, 266, 285
Петравич Дюла 345, 351, 354, 360
Пехи Тибор 241
Пещак Иван 253, 364
Пилсудский Юзеф 78, 322, 435
Плессен Йоган 151
Плотников Виктор 213, 214
Поп И.И. 135
Попп Иван 403
Потемкин В.П. 88, 175, 236, 252, 275–277
Прасолов С.И. 177, 178, 212
Прем 248
Пружинский Микулаш 374
Прхала Лев 356, 361, 372, 379, 384
Пурич Божидар 50, 58
Пушкаш А.И. 3

inslav

Раедер Эрих 154
Райх 354
Ракоши Матяш 88
Рац Енё 155, 254
Рац Калман 309
Рачинский Эдвард 176, 181, 390, 438
Ревай Федор 364
Ревай Юлий И. 253, 275, 351, 364, 367, 372
Редвард Ф.Г. 359
Ренсимен У. 165, 166, 183
Риббентроп Иоахим 33, 42, 43–46, 80, 103, 105, 141–142, 151, 154, 157–161, 172, 179–181, 217–218, 229–230, 233–234, 255, 257–260, 262, 267–274, 277, 283–292, 296, 300, 309–310, 312, 320–322, 329–330, 339, 334–335, 347–348, 350, 352, 356, 372, 373, 379–380, 384, 392, 394, 403, 409–410, 413–415, 417, 419–420, 425–426, 428–431, 433–435, 438–439, 444–446
Рогач Иван 356, 364
Розенберг Альфред 20, 31, 51, 101, 300, 344, 350
Розенберг 90
Романчук Василий 356
Росоха Иван 356
Росоха Степан 353, 356
Россо Августо 85, 342
Рочо Гуидо 28, 29
Руднаи Лайош 9, 15, 21
Рузвельт Франклин 416
Рускаи (Ранценбергер) Енё 232
Ридз-Смигли Эдвард 239, 282

Сабо Дьёрдь 101
Сабо Ласло 68, 153, 170, 182, 185, 240, 300, 306–307, 310–311, 414, 426, 429
Саймон Джон 393
Салата Франческо 14
Салаши Ференц 405
Сантаи-Семан Иштван 369
Сарджент Орм 162, 163, 164, 237, 438, 439
Сент-Ивани Домокош 166, 182, 222, 232, 234, 236, 255, 263, 269, 329, 345, 353, 406, 415, 434
Сечени Дьёрдь 105
Сивак 375
Сигемицу Мамору 212, 264, 265
Сидор Карол 193, 208, 362, 363, 374, 381
Сирови Ян 216, 236, 253, 274, 320, 367
Скоппа Бова 124
Скоропадский Павел 352
Скрдлижевский 363
Сокол Мартин 375
Сола Уго 55, 124
Сосынковский Казимир 72
Сталин И.В. 83, 90, 330
Старка Антон 241
Стахевич Вацлав 199, 203, 304
Стефанив 352
Стойка Александр 369
Стомоняков Б.С. 14, 83, 84
Стоядинович Милан 12, 21, 22–24, 28, 32–33, 47–48, 56, 58–59, 64–65, 73–74, 112, 119–120, 124, 129–130, 133, 136, 144–148, 152–153, 186–190, 200, 369–371
Стояи Дёме 10, 11, 13, 16–17, 22, 26–27, 31, 35, 51, 101–104, 121, 141–144, 146–147, 151–152, 154, 159, 161, 165, 168–169, 175, 179–182, 206, 217–219, 229–230, 232, 234, 260, 267–271, 273, 310–312, 318, 321, 342–343, 357, 372–377, 380, 403, 407, 412, 415, 425, 429, 434, 437, 444

inslav

Странявски 366
Суботич Иван 57, 64
Сувич Фулвио 19
Суриц Я.З. 89

Такач-Толваи Йожеф 297
Татареску Георге 59, 66, 70, 74, 113–114
Телеки Пал 5, 133, 182, 232–233, 241, 243–245, 247, 249, 288–291, 378, 386–387, 401–403, 405–409, 411–412, 415, 417, 419–420, 426–428, 435, 437, 439, 444–446
Тепланский М. 374
Типпельскирх Курт 199
Тисо Йозеф 190, 208, 241, 243, 245–247, 249–250, 255, 269, 272, 288–289, 350, 353, 374–376, 381
Титулеску Николае 73, 279
Того Сигенори 342
Тоуссаинт Рудольф 355
Траверзер Ховард 238
Тука Войтех 375, 381
Тухачевский М.Н. 90

Уйпетери Элемер 429, 431
Уйсаси Иштван 234, 306
Уллайн-Ревицки Антал 394
Унгер 386
Уэллес Самнер 238

Фацендис Доменико 53, 268
Фекетехалми-Цейднер Ференц 232
Фелдеш Юлий 368
Фенцик Степан А. 231, 253, 293, 295, 308, 319, 365–368
Филипп 102
Фирлингер Зденек 175, 212, 338
Фиса Перегрин 241
Франко Франческо 20, 30, 34, 37, 39, 41, 150
Франсуа-Понсэ Андре 44, 105, 218
Фридрих Иштван 86
Фрик Вильгельм 434
Фрич Вернер 42, 82

Хайбург Курт 333, 415
Хайрих 232
Халупчинский Мичислав 348, 363–364
Харди Калман 357, 380
Хассел Ульрих 42
Хвалковский Франтишек 236, 239, 257–258, 260, 266, 268–269, 271–273, 288–290, 292, 320, 360–363, 368, 372–373, 381, 384
Хевел Вальтер 258, 334, 415, 431
Хеерен Виктор 186, 422
Хейяш Иван 248
Хенкке Андреас 379
Хомлок Шандор 231, 305
Хори Андраш 6, 14, 41, 45, 66, 72, 74–75, 77, 80–82, 136, 141, 187, 190–207, 239, 250–251, 254, 262, 278, 283–284, 287–288, 296, 302–305, 322, 340, 346, 348–350, 358, 363, 377, 383, 387–388, 391, 394, 403–404, 411, 435
Хорнбостел Теодор 26, 40, 43
Хорти Миклош 9, 35, 78–79, 81, 88, 105, 111, 122, 133, 144, 147, 151, 154–156, 159–160, 162, 164, 169, 202, 206, 212, 214, 219, 229, 232–234, 250, 254–255, 265–266, 278, 280–281, 293, 301, 305, 312, 320, 322–323, 327, 333–334, 358, 378, 385–386, 401, 411, 427, 436–437, 439, 443, 445–446
Хотта Х. 33

inslav

Цветкович Драгиша 371
Циндрич Эгон 87
Цинцар-Маркович Александр 371, 417
Цисарж 354
Цукерман 91

Чаки Жигмонд 104
Чаки Иштван 4, 60, 180, 186, 219–220, 232–334, 239, 248, 251, 255, 260–263, 269, 277, 299, 303–305, 318, 322–336, 338, 341–343, 348–349, 354, 356–360, 362–363, 370–374, 377–378, 383–384, 386–388, 391–394, 401, 403–404, 406, 408–417, 420, 423–424, 426–437, 439, 444–446
Чарлтон 110
Чемберлен Невиль 39, 63, 110, 162–163, 165–170, 172–174, 176–177, 204–206, 215–220, 237, 266, 327–328, 358, 392–393, 438–439
Чемберлен Остин 162, 266
Чиано Галеаццо 9, 12, 14–17, 19–20, 22, 25–27, 29–31, 33, 36–37, 39–40, 44, 46, 48, 89, 107, 130, 141, 143–150, 153, 155, 179, 182–185, 200, 206, 214, 220, 229, 240, 250, 255, 260–263, 269–272, 275, 277, 283–292, 296–299, 310–311, 319, 321, 323–327, 329–330, 336, 349, 369–370, 373, 380–381, 389, 392, 407–408, 413–414, 417, 425–429, 434–435, 437–438, 445

Шалло Янош 103
Шебештьен Пал 241
Шембек Ян 66, 71–72, 75, 80–81, 201, 203–207, 423
Шемшеи Андор 234
Шмидт Гуидо 15, 18, 36–37, 40, 43, 46
Шмидт Отто Паул 288
Шомкути Йожеф 71
Штейн Б.Е. 83
Штерн Д.Г. 14, 83, 87, 91
Штефан Валер 231
Шуберт 355
Шуйок Дежё 394
Шуленбург Фридрих 342
Шушниг Курт 9, 10, 11–12, 15–16, 24, 31–32, 36–37, 39–40, 43–44, 61, 84, 86–87, 101, 106

Экхардт Тибор 86, 435, 437
Эрдманнсдорф Отто 28, 37, 46, 60, 102–103, 105, 109, 143, 160–161, 185, 255, 258, 260, 265, 269–270, 273, 293, 301, 310, 320–321, 355–378, 401, 415, 417, 422, 431–432, 439, 444–446
Эстерхази Янош 197, 198, 270, 376
Эттвени Оливер 309

Юнгерт-Арноти Михай 5, 14, 36, 83–89, 109–111, 178, 200, 209–212, 236, 252, 264–265, 275–277, 284, 337–342
Юреньев К.К. 89
Юхас Дюла 47, 323

Ярош Андор 366

inslav

Условные сокращения

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
ДВП СССР – Документы внешней политики СССР
ИДА – Историко-дипломатический архив
AA – Auswärtiges Amt, Berlin
AAD – Auswärtiges Amt Deutschland
AAN – Archivum Akt nowych w Warszawie
ADAP – Akten zur deutschen auswärtige Politik
Bd – Band
Beo – BéceelőkeszitőOsztály
BMI – Belügyi Minisztérium irattára
Biz – Bizalmi
D – Dossie
DBFP – Documents on British Foreign Policy
DGFP – Documents on German Foreign Policy
DIMK – Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936–1938. I.k. A Berlin – Róma tengely kialakulása és Ausztria anexiója1936–1938. Bp., 1962. II. k. A müncheni egyezmény létrejötte és Magyarország külpolitikája 1936–1938. Bp., 1965. III. k. Magyarország külpolitikája 1938–1939. Bp., 1970. IV. k. Magyarország külpolitikája a II. világháború kitörésének időszakában 1939–1940. Bp., 1962.
HM – Honvédelmi Minisztérium
El – Elnöki
F – Fond
Főn – Főnöki
FT – Filmtár
HIL – Hadtörténelmi Intézet Levéltára. Budapest.
HMTI – Horthy Miklós titkos iratai. Második kiadás. Bp., 1963.
Jkv – Jegyzőkönyv
K – Kötet
K–27 – OL. ME. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek

inslav

K–58 – KÜM. A minister kabinetjének iratai
K–63 – KÜM. Politikai iratok
K–64 – KÜM Reservált politikai iratok
K–66 – KÜM. Kabinet
K–74 – KÜM. Számjeltáviratok
K–80 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Athén
K–81 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Bécs
K–83 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Berlin
K–84 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Bern
K–89 – A Ruténföld visszacsatolásával kapcsolatos híranyag
K–99 – KÜM. Képviseletek. Magyar követség. Róma
K–100 – KÜM. Képviseletek. Római Magyar követség. Katonai attashé iratai
K–105 – KÜM. Képviseletek. Vatikáni Magyar követség
K–429 – Kozma Miklós iratai
K–513 – Orazággyűlési Levéltár
K–609 – KÜM. Sajtó
KN – Országgyűles Képviselőházának Naplója
Kovása Endre – Magyar-lengyel kapcsolatok a két világháború között. Bp., 1971
KÜM – Külügyminisztérium Levéltára
L – Lap
ME – Miniszterelnökség
MSz – Ministerstwo Spraw zagranicznych
MT – Minisztertanácsi
NSz – Nemzetközi Szerződések 1918–1945
OL – Magyar Országos Levéltár
Old – Oldal
Őe – Őrzet egység
P III – Departament polityczny
PB – Poselstwo RP w Budapesztcie
PIA – Párttörténeti Intézet Irattára
Pol – Politikai
P 24 – Nationaliteten in Ungarn
1550 – Politischo Abteilung. Pol. IV. Politische Beziehungen zwischen Italia und Ungarn
2980 E –Büro des Reichsministers 35. Ungarn
5753 H – Abteilung Gruppe Inland II
5966 E – Politische Abteilung. IV. Politische Beziehungen zwischen Frankreich und Ungarn

inslav

6147E – Politische Abteilung. IV. Ungarn. Pol. 2A
6638 E – Politische Abteilung. IV. P. 2. Politische Beziehungen zwischen Ungarn und Deutschland
7424 – Büro des Staatssekretärs. Pol. IV. 6. Ungarn 5
7427 – Politische Abteilung IV. Politische Beziehungen Ungarns zu Deutschlad
7428; 7796 – Politische Abteilung. IV. Ungarn. Po 29
F I – F 20. Sekretariat des Deutschen Aussenministers
1213 – Politische Abteilung IV. Politische Beziehungen zwischen Jugoslawien und Ungarn
1346 – Politische Abteilung. V. Po. 3 Politische Beziehungen zwischen Polen und Ungarn
1550 – Politische Abteilung. IV. Italien. Politische Beziehungen zwischen Italien und Ungarn. Bd/e 5
1863–1864 – Politische Abteilung. IV. Po. 3 Politische Beziehungen der Tschechoslowakei zu Ungarn
1969 – Politische Abteilung. IV. Politische Beziehungen zwischen der Karpatho-Ukraine und Ungarn
1975 – Politische Abteilung. IV. Politische Beziehungen zwischen Rumänien und Ungarn
3037 – Reichskanzlei. Band 1502. Auswärtiges Amt Ungarn, Band 2
Res – Reservált
S – Seite
Sz – Szám
Vkf – Vezérkari főnök
W – Wydzał wschodni
W és M – A Wilhelmstrasse és Magyarország. Német Diplomáciai iratok Magyarországról. 1933–1944. Bp., 1968
X – 9581. 36119 t. Magyar követség. Moszkva.

inslav

Оглавление

Введение 3

Глава первая. Венгрия в водовороте складывающихся военных блоков в Европе .....

1. Германо-итальянское сближение и процесс распада Римских протоколов 9
2. Переговоры Венгрии со странами Малой Антанты 47
3. Венгеро-польские и венгеро-советские отношения 70

Глава вторая. Аншлюс Австрии и внешняя политика Венгрии .....

1. Аншлюс и его влияние на страныЦентральной Европы 99
2. Продолжение переговоров Венгрии со странами Малой Антанты. Соглашение в Бледе 112

Глава третья. Венгрия накануне и в дни Мюнхена .....

1. Отношения Венгрии со странами оси. Венгеро-германские противоречия 140
2. Чехословацкий кризис и дипломатия Венгрии 162
3. Венгрия и Польша 190
4. Венгрия и Советский Союз 208
5. Мюнхенское соглашение и Венгрия 216

Глава четвертая. Переговоры в Комарно и первый Венский арбитраж .....

1. Последствия Мюнхена для Венгрии. Переговоры в Комарно 229
2. Первый Венский арбитраж 254
3. Венгеро-германские противоречия в карпатоукраинском вопросе 292

inslav

Глава пятая. Политика примирения с Германией. Захват Карпатской Украины .....

1. Обострение венгеро-германских противоречий 318
2. Присоединение Венгрии к антикоминтерновскому пакту 326
3. Венгеро-польские отношения. Захват Карпатской Украины. Выход Венгрии из Лиги наций 343

Глава шестая. Венгрия накануне второй мировой войны .....

1. Визиты Пала Телеки и Иштвана Чаки в Рим и Берлин 401
2. Внешнеполитические устремления Венгрии накануне второй мировой войны. Отношения с соседними странами и Западом 420

Заключение 443

Указатель имен 448

Условные сокращения 456

inslav

Научное издание
Андрей Иванович Пушкаш

Внешняя политика Венгрии.
Февраль 1937 — сентябрь 1939 г.

Монография

Оригинал-макет, обложка — С.А. Карасев
Книга подготовлена к печати в редакционно-издательском отделе Института славяноведения РАН

ИД №01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 8.04.2003 г. Объем 28,75печ.л.
Тираж 200 зкз. Заказ № 69 Цена договорная

Логос. ООО « Ловатера» г. Москва

inslav

inslav